

~~50-1-81~~

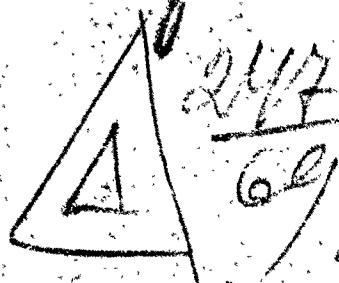
~~113-9-1~~

~~58-2-9~~

333-7-1

9 $\frac{102}{2}$

ТРУДЫ

ЧЕТВЕРТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА ВЪ РОССИИ,

БЫВШАГО ВЪ КАЗАНИ, СЪ 31 ЮЛЯ ПО 18 АВГУСТА 1877 ГОДА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1891.

Я 102
2

ТРУДЫ

ЧЕТВЕРТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА ВЪ РОССІИ,

БЫВШАГО ВЪ КАЗАНИ, СЪ 31 ІЮЛЯ ПО 18 АВГУСТА 1877 ГОДА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КАЗАНЬ.

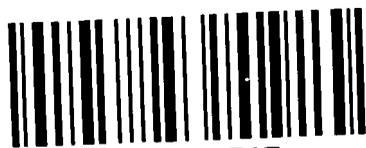
Типографія Императорскаго Университета.
1891.

Печатано по распоряженію Редакціоннаго Комитета по изданію „Трудовъ четвер-
таго Археологическаго Създа.

Предсѣдатель Редакціоннаго Комитета *Н. Буличъ.*

19063-0

2011136717

ПОСВЯЩАЕТСЯ
НЕЗАВВЕННОЙ ПАМЯТИ

ГРАФА

АЛЕКСѢЯ СЕРГѢЕВИЧА

УВАРОВА,

иниціатора, основателя и перваго организатора Русскихъ
Археологическихъ Създовъ.

Выпуская въ свѣтъ второй томъ Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 году, черезъ семь лѣтъ послѣ перваго тома, вышедшаго въ 1884 году, редакція этого изданія считаетъ своимъ долгомъ выяснить передъ публикой причины столь долгаго промежутка между выходами перваго и втораго тома.

Рефераты, вошедшіе въ составъ втораго тома, были окончены печатаніемъ еще въ 1886 году, несмотря на то, что съ исхода 1884 года редакція „Трудовъ“ находилась въ составѣ лишь двухъ лицъ—заслуж. ордин. проф. Казанскаго университета Н. Н. Булича, занимавшаго до конца 1885 г., кромѣ того, должность ректора того университета и ординарнаго профессора Д. А. Корсакова; третій редакторъ, В. В. Радловъ, 7 ноября 1884 года былъ избранъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ и вскорѣ послѣ того покинулъ Казань. Главное затрудненіе редакція встрѣтила въ изданіи Атласа и въ составленіи указателя личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ обоихъ томахъ „Трудовъ“.

В. В. Радловъ, еще во время печатанія I-го тома „Трудовъ“, желалъ издать Атласъ въ Германіи, съ каковою цѣлю, если не ошибаемся, и входилъ въ личные переговоры съ нѣкоторыми нѣмецкими издателями во время своего пребыванія за границею еще въ 1882 году. Цѣль г. Радлова была, по его словамъ, соединить печатаніе атласа сибирскихъ древностей, составленнаго имъ и бывшаго на выставкѣ съѣзда, съ тѣми рисунками древностей, которые были предъявлены референтами на съѣздѣ. Мысль эта не встрѣтила однако поддержки ни со стороны остальныхъ двухъ редакторовъ „Трудовъ“, ни со стороны покойнаго графа А. С. Уварова, съ которымъ по этому вопросу имѣлъ переписку Д. А. Корсаковъ. И графъ Уваровъ, и Н. Н. Буличъ, и Д. А. Корсаковъ весьма естественно стремились въ тому, чтобы атласъ къ трудамъ *русскаго* Археологическаго съѣзда былъ изданъ въ Россіи, а не въ Германіи, тѣмъ болѣе, что присоединеніе къ атласу съѣзда сибирскихъ древностей г. Радлова потребовало бы издержекъ на изданіе, далеко превосходящихъ сумму, находившуюся въ распоряженіи редакціи. Съ этой цѣлю Н. Н. Буличъ, не бывши членомъ-участникомъ ни въ одномъ археологическомъ съѣздѣ, рѣшился принять предложеніе совѣта Императорскаго Казанскаго Университета, быть однимъ изъ представителей онаго на VI-мъ Археологическомъ Съѣздѣ, засѣдавшемъ въ Одессѣ во второй половинѣ августа 1884 года, безъ всякой денежной ассигновки со стороны совѣта на эту поѣздку. Г. Буличъ надѣялся путемъ личнаго обмѣна мыслей съ графомъ А. С. Уваровымъ и перегово-

Атласъ къ „Трудамъ“ IV Археологическаго Съѣзда оконченъ печатаніемъ въ 1889 г. и состоитъ изъ 18 литографированныхъ листовъ рисунковъ, плановъ и картъ, которые всецѣло относятся къ тексту I тома „Трудовъ“ Съѣзда.

Редакція считаетъ необходимымъ прежде всего пояснить краткое оглавленіе нѣкоторыхъ рисунковъ, находящееся при самомъ Атласѣ.

Рисунки на таблицѣ А., относящіеся къ реферату С. М. Ш п и л е в с к а г о: „Городъ Булгаръ“, (см. т. I „Трудовъ“, отд. II, с. 21—39), изображаютъ развалины зданій Булгарскаго городища въ XVIII стол. и составлены въ этомъ столѣтіи. Они воспроизведены въ атласѣ по рукописному экземпляру ихъ, хранящемуся въ Гл. Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ и обязательно доставленному на IV Археологическій Съѣздъ директоромъ этого Архива, барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ. Эти рисунки были разсматриваемы членами Съѣзда въ первое же засѣданіе его, 31 іюля 1877 г. (см. Протоколы Съѣзда въ I т. „Трудовъ“, стр. XXXIII) и упомянуты С. М. Шпилевскимъ въ вышеуказанномъ его рефератѣ (см. тамъ же, отд. II, стр. 28).

На листѣ подъ литерой Б., относящемся къ тому же реферату С. М. Ш п и л е в с к а г о, палитографирована карта Булгарскаго городища, составленная въ XVIII в. подполковникомъ Савенковымъ и геодезистомъ Крапивинимъ и доставленная на Съѣздъ также директоромъ Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ Ѳ. А. Бюлеромъ. Пояснительный текстъ къ этой картѣ: „опись Булгарскаго городища“, составленный тѣми же лицами, напечатанъ С. М. Шпилевскимъ въ приложеніи къ его книгѣ: „Древніе города и другіе Булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“, Казань 1877 г., изданной къ открытію IV Арх. Съѣзда (см. 4-е приложеніе, стр. 571—582). Эта карта Булгарскаго городища была также разсматриваема членами IV Археологическаго Съѣзда въ первый день его засѣданія. Въ Атласѣ она помѣщена въ значительно уменьшенномъ противъ оригинала размѣрѣ, съ приложеніемъ соотвѣтствующаго этому размѣру масштаба.

Въ примѣчаніи къ реферату Е. Т. С о л о в ь е в а: „Топографія древняго города близь с. Русскихъ Кирменей, Мамадышскаго у., Казанской губ.“, редакція обѣщала помѣстить въ Атласѣ снимки съ надгробныхъ надписей, найденныхъ около с. Русскихъ Кирменей, вмѣстѣ съ планомъ этого селенія (см. II-й томъ „Трудовъ“, стр. 249). Впослѣдствіи редакція сочла себя въ правѣ отступить отъ этого обѣщанія, основываясь на авторитетномъ мнѣніи Н. П. Ильминскаго, что сущность надписей не можетъ быть разобрана, а общій характеръ

ныхъ похожь на извѣстныя уже въ печати болгарскія могильныя надписи (см. I т. „Труды“ Съѣзда, с. LXI—LXII).

Въ заключеніе, согласно заявленію, сдѣланному въ предисловіи къ первому тому „Труды“ четвертаго Археологическаго Съѣзда“ (см. III стр. предисловія), редакція считаетъ своею обязанностію представить отчетъ о расходахъ по изданію.

А) П Р И Х О Д Ъ.

1) 9 февраля 1882 года редакція получила отъ исправляющаго должность казначея университета А. Т. Соловьева деньги, оставшіяся послѣ Съѣзда и предназначенныя для изданія:

а) Въ книжѣ текущего счета Казанскаго общественнаго банка	2900 р.
б) Семь серій съ купонами	350 р.
в) Наличными деньгами	1 р. 15 к.
2) Кромѣ того поступило процентовъ съ 1882 по 1890 годъ включительно на полученную сумму	685 р. 84 к.
И т о г о	3936 р. 99 к.

В) Р А С Х О Д Ъ.

а) По первому тому, изданному въ 1884 году:

1) За бумагу, выписанную изъ Москвы отъ Кувшинова съ провозомъ ея и пересылкою (февраль 1884 г.)	294 р. 58 к.
(документы №№ 1—4).	
2) Выдано члену редакціи (нынѣ академику Имп. Ак. Н.) В. В. Радлову, по его просьбѣ, на расходы при предположеніи его печатать атласъ древностей за границею (май 1882 г.)	200 р. —
(№ 5, росписка г. Радлова).	
3) Уплачено въ типографію университета по счету 28 іюля 1884 года за напечатаніе перваго тома въ 700 экз. и отдѣльныхъ оттисковъ статей изъ него	965 р. 87 к.
(№ 6 счетъ, подписанный начальникомъ типографіи). №№ 7 (росписка его), 8 (счетъ переплетчика Ахметова).	
4) Брошюровка отдѣльныхъ оттисковъ	1 р. 80 к.
(№ 9 счетъ Ахметова).	
5) Переплетъ 9 экз. въ коленкоръ англійскій	9 р. —
(№№ 10 и 11 два счета переплетчика Иванова).	

6) Холста для упаковки экземпляровъ, отправленныхъ по почтѣ	6 р. —
(холстъ покупался на рынкѣ, по мелочамъ, счетовъ нѣтъ).	
7) Клеенки для почтовой отправки	1 р. 35 к.
(Счетъ Гребеньщикова, № 12).	
8) Мелкіе расходы члена редакціи Д. А. Корсакова по перепискѣ по дѣламъ изданія (1882—1884 гг.)	9 р. 31 к.
(счетъ имъ подписанный, № 13).	
9) Сторожу университета Бакланову за разноску корректуръ	10 р. —
(росписка его № 14).	
б) По сторону тому „Трудовъ Съѣзда“ и „Атласу“ къ нему:	
10) Лицу составлявшему „Указатель“ личныхъ и географическихъ именъ	100 р. —
(росписка его, № 15, 7 мая 1888 г.).	
11) Уплачено членомъ редакціи Д. А. Корсаковымъ за перерисовку плановъ для „Атласа“	36 р. 30 к.
(росписка его 22 апр. 1885 г., № 16).	
12) Въ типографію и литографію Ключникова въ Казани за напечатаніе „Атласа“ 710 экз. на бумагѣ литографіи	1123 р. 75 к.
(Счеты №№ 17, 18, 19 и 20).	
13) За печатныя обложки и брошюровку „Атласа“ въ типографіи университета	98 р. —
14) За напечатаніе 700 экз. II-го тома „Трудовъ четвертаго Съѣзда“ съ бумагою	1002 р. 9 к.
(Счеты типографіи №№ 21 и 22).	
в) По вкладамъ въ банкъ капитала марожъ на	2 р. 20 к.
Итого расходу	3860 р. 25 к.

Остатокъ въ 76 р. 74 коп. переданъ г. начальнику типографіи Императорскаго Казанскаго Университета на расходы по переплету нѣсколькихъ экземпляровъ и на упаковку для разсылки иногороднимъ членамъ. Ему же переданы на храненіе, для желающихъ по-вѣрки, и всѣ перечисленные въ настоящемъ счетѣ оправдательные документы.

15 Марта
1891 г.
Казань.

Члены редакціи: } Н. Буличъ.
} Д. Корсаковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В Т О Р А Г О Т О М А.

УЧЕНЫЯ СООБЩЕНІЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЯ НА СЪѢЗДЪ И ЧИТАНЫЯ НА ПЕМЪ.

По отд. IV и V.

Быть домашній, общественный и религіозный.

	Страницы.
<i>К. Н. Бестужева-Рюмина.</i> —О характерѣ власти варяжскихъ князей.	3—9.
<i>И. А. Сребницкаго.</i> —Слѣды церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи	10—26.
<i>И. Я. Христофорова.</i> —О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Карамзинской библиотекѣ	27—42.
<i>А. И. Маркевича.</i> —Къ исторіи войнъ Московскаго государства съ Казанью	43—55.
<i>В. Н. Витевскаго.</i> —Преданіе о Пугачевѣ среди Уральскихъ казаковъ.	56—63.
<i>И. Я. Аристова.</i> —О народныхъ праздникахъ въ Пензенской губерніи.	64—67.
<i>И. М. Софійскаго.</i> —О киреметахъ крещеныхъ Татаръ, изъ деревни Тавель, Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи	68—79.
<i>Б. Г. Гаврилова.</i> —Повѣрья, обряды и обычаи Вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урась-Учинскаго прихода	80—156.

По отд. VI.

Памятники языка и письма.

<i>Л. Н. Майкова.</i> —О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ былинъ и пѣсенъ. Докладъ о поступившихъ на Съѣздъ отвѣтахъ на 57-й запросъ программы	159—163.
<i>А. Ѳ. Быкова.</i> —Свѣдѣнія о рукописяхъ Императорской Публичной библиотеки, содержащихъ въ себѣ между прочимъ народныя пѣсни	164—192.

II

	Страницы.
<i>И. М. Добротворскаго.</i> —Объ „обличеніи на Соловецкую челобитную“ Юрія Крижанича	193—194.
<i>И. С. Некрасова.</i> —О раскольничьей рукописи конца XVII в.	194—195.
<i>Н. И. Петрова.</i> —„Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳопѣ“	196—205.
<i>Стеф. Верковича.</i> —О Родопскомъ открытіи. (Рѣчь его въ переводѣ на русскій языкъ проф. <i>М. П. Петровскаго</i> и текстъ пѣсней въ оригиналѣ)	206—227.
Рѣчь его въ подлинникѣ на Болгарскомъ языкѣ.	228—235.

* <i>И. Я. Порфирьева.</i> —О Соловецкой библиотекѣ, находящейся нынѣ въ Казанской духовной академіи.	1—20.
* <i>Ею же.</i> —Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библиотеки	1—24.
* <i>Архимандрита Амфилохія.</i> —Справедливъ-ли упрекъ монаха Нила Курлятевыхъ въ томъ, что митрополитъ Кипріанъ по гречески гораздо не разумѣлъ, и нашего языка довольно не зналъ же при исправленіи Псалтиря?	1—6.
* <i>П. Д. Шестакова.</i> —Гдѣ книги, писанныя зырянскою или пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Великопермскимъ?	1—18.
* <i>Ею же.</i> —Замѣтка о вліяніи русскаго языка на языки инородческіе.	1—4.

VII.

Восточныя древности.

<i>А. Я. Гаркави.</i> —Крымскій полуостровъ до Монгольскаго нашествія въ Арабской литературѣ	239—248.
<i>Е. Т. Сольева.</i> —Топографія древняго города около с. Русскихъ Кирменей (Мамадышскаго у., Каз. губ.)	248—251.
<i>Н. И. Золотницкаго.</i> —О старой чувашской вѣрѣ	252—256.
<i>В. Н. Витевскаго.</i> —Сказы, загадки и пѣсни Нагайбазовъ Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи	257—280.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Археологическіе и историческіе матеріалы и библиографія.

<i>И. О. Токмакова.</i> —Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его библиотекѣ	281—300.
Указатель личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ I и II томахъ Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда	1—73.

ОТДѢЛЕНИЕ IV и V.

БЫТЬ ДОМАШНИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ.

I.

О ХАРАКТЕРѢ ВЛАСТИ ВАРЯЖСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

К. Н. Бестужева-Рюмина.

(Читано въ засѣданіи 10 августа.—См. Протоколы, стр. LXXVI—LXXVIII).

Сто пятьдесятъ лѣтъ спорятъ русскіе ученые о томъ, откуда пришли варяжскіе князья на Русь; въ послѣднее время вопросъ этотъ получилъ новый отвѣтъ: варяжскіе князья искони были и оставались Русскими. Немного позднѣе поднятъ былъ другой: о характерѣ власти варяжскихъ князей. Въ началѣ вопросъ этотъ былъ поставленъ въ формѣ вопроса о призваніи и завоеваніи. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ въ ту или другую сторону рѣшался и характеръ дальнѣйшаго движенія русской исторіи. Затѣмъ вопросу этому придано было болѣе общее значеніе: поднятъ былъ споръ о гражданскомъ, частномъ характерѣ первоначальныхъ учреждений русскихъ. Поставленъ, стало быть, вопросъ о томъ, съ какихъ собственно поръ слѣдуетъ начинать исторію государства русскаго. Таковы въ общихъ чертахъ главнѣйшіе виды, въ которыхъ появлялся въ нашей наукѣ вопросъ о началѣ Руси. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ важности первой (этнографической) стороны вопроса, съ которой онъ наиболѣе представляется изслѣдователямъ и съ которой онъ пользуется наибольшею популярностью; но нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что рѣшеніе его обставлено съ этой стороны наибольшими трудностями: филологія, позднѣйшій руководитель въ этомъ темномъ вопросѣ, кладетъ veto на послѣднія рѣшенія, но оставляетъ много и много недоумѣній: какія имена принадлежатъ исключительно той или другой народности—до сихъ поръ еще не опредѣлено; въ данномъ вопросѣ есть еще темная сторона, которая даже принимая за правильный—отвѣтъ, обыкновенно даваемый филологіей, все таки остается темной: когда возникли такъ называемыя *русскія* названія пороговъ въ сказаніяхъ

Константина Багрянороднаго. Конечно, быть можетъ, когда-нибудь филологія найдетъ путь къ несомнѣнному рѣшенію этого вопроса: опредѣлитъ какимъ *искаженіямъ* подвергались звуки того или другаго языка при ихъ греческой транскрипціи; къ какой эпохѣ того или другаго языка *несомнѣнно* должны были принадлежать эти названія. Тогда вопросъ, рѣшенный филологически, станетъ на твердую почву; быть можетъ и обширныя раскопки, произведенныя въ центрахъ государственной жизни древней Руси, а также и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Русь торговала, покажутъ намъ, была ли въ Русской землѣ IX—X в.в. довольно сильная иноземная стихія. Раскопки, сдѣланныя до сихъ поръ (включая и блистательныя находки Д. Я. Самоквасова), не могутъ служить опорой ни тому, ни другому мнѣнію. Сравнительная этнологія, до сихъ поръ пользующаяся правомъ дѣлить народы древніе на конныхъ и пѣшихъ, морскихъ и сухопутныхъ, едва-ли можетъ быть принята въ счетъ при серьезномъ рѣшеніи вопроса. И такъ позволяю себѣ думать, что этнографическая сторона вопроса, которая до сихъ разрабатывалась съ такимъ запасомъ знаній, съ такимъ остроуміемъ и глубокомысліемъ все еще далека отъ окончательнаго разъясненія. Вотъ почему я смѣю думать, что вопросъ ближе подвинется къ рѣшенію, если оставя на время ту сторону, которою преимущественно занимались, обратимся къ другой сторонѣ—къ уясненію характера учреждений, господствовавшихъ на основаніи несомнѣнныхъ памятниковъ въ первую пору государственной жизни Русскаго народа. Нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ, которыми рѣшаюсь занять вниманіе Ваше, м.м. г.г. и м.м. г—ни, думаю, не выходятъ изъ предѣловъ задачъ Археологическаго Съѣзда. Изученіе учреждений первоначальныхъ временъ—оборотная сторона изученія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, составлявшихъ такъ долго единственный предметъ занятій археологіи. Тѣсная связь матеріальнаго быта страны, съ ея правомъ и учрежденіями, побуждаетъ вносить въ ту группу знаній, которая извѣстна подъ именемъ археологіи и древности политическія и древности юридическія. Древности бытовья должны соединяться съ древностями вещественными въ одну группу знаній не только какъ средства для взаимнаго изученія, но изучающіе ихъ должны работать болѣе или менѣе по одному плану. Какъ работаетъ археологія первоначальная? найдя вещь, археологъ сличаетъ ее съ другими подобными же вещами и выводитъ изъ массы сходныхъ вещей общую характеристику извѣстной степени матеріальной цивилизаціи. Точно также изучающій учрежденія долженъ сличить найденное имъ въ памятникахъ учрежденіе съ другими подобными и вывести отсюда общій характеръ того или другаго строя учреждений. Сравнительный методъ, такъ много послужившій наукамъ естественнымъ, перешелъ уже въ науки филологическія и общественныя: онъ господствуетъ въ статистикѣ и начинаетъ при-

лагаться и къ изученію права и учреждений. Блистательные труды англійскихъ ученыхъ Мэна и Фримана (говорю о новѣйшихъ явленіяхъ) во многомъ служатъ образцами примѣненія этого метода, дополненіемъ того, что сдѣлано Лебокомъ и въ особенности Тэйлоромъ для изученія матеріальныхъ условій первоначальной цивилизаціи. Подводя явленія подъ извѣстный типъ, мы достигаемъ уясненія характера и сущности явленія, облегчаемъ себѣ возможность точнѣе опредѣлить разности и тѣмъ изъяснить народныя черты, само собою разумѣется, отлагая предварительно то, что коренится въ условіяхъ частныхъ и мѣстныхъ. Конечно сравненіе двухъ, на удачу взятыхъ явленій, можетъ повести только къ сближеніямъ болѣе или менѣе остроумнымъ и рѣдко вѣрнымъ; только сравненіе цѣлаго строя можетъ дать прочную основу, ибо тогда окажется на одной или на разныхъ степеняхъ цивилизаціи стоятъ сравниваемые народы. Поле сравненій можетъ быть выбрано болѣе или менѣе обширное; но для сравненія учреждений едва ли не благоразумнѣе ограничиваться народами родственными, имѣющими общій запасъ словъ, вѣрованій, обычаевъ и т. д.; послѣ поле можетъ быть расширено; но начинать, кажется, лучше на болѣе ограниченномъ полѣ. До сихъ поръ люди, занимавшіеся сравнительнымъ изслѣдованіемъ учреждений, мало знали наше племя и не вносили его въ свои труды, касаясь лишь классическихъ народовъ и Германцевъ. Намъ предстоитъ ввести въ область этихъ изслѣдованій и наши учрежденія. Очень хорошіе опыты сдѣланы уже на этомъ пути въ области права, какъ вамъ извѣстно и въ здѣшнемъ университетѣ; но за этимъ исключеніемъ, подобные опыты исходили изъ теорій, а не изъ сравнительнаго изученія фактовъ. Не предпринимая дерзкой попытки представить въ краткомъ изложеніи всѣ вопросы первоначальнаго устройства государства, я ограничиваюсь только однимъ явленіемъ—характеромъ княжеской власти въ періодъ дохристіанскій; съ тѣмъ вмѣстѣ я не принимаю на себя отвѣтственности за полное изслѣдованіе вопроса, а хочу только указать на его возможное рѣшеніе. Думаю, что не только для ученыхъ спеціалистовъ, но и для людей образованныхъ, предполагаемое рѣшеніе не будетъ новостью; мнѣ только кажется необходимымъ указать тотъ путь, которымъ можетъ быть достигнуто вѣрное и точное рѣшеніе, указать ту связь, которая по моему мнѣнію существуетъ между этимъ вопросомъ и знаменитымъ варяжскимъ. Можетъ быть я и ошибаюсь и въ томъ и въ другомъ случаѣ; но и ошибаясь могу быть виноватъ я, т. е. могутъ быть неполны мои знанія, невѣрны мои выводы, неправильны приложенія; но методъ вѣренъ; а еще вѣрнѣе то, что пора къ этому вопросу приложить какой нибудь методъ.

Въ концѣ X в., когда кievскій каганъ Володиміръ принимаетъ въ Херсонѣ православіе, Русская земля отъ Ильмена до приднѣпровскихъ степей, гдѣ шель

знаменитый валъ, описанный Бруномъ, отъ Сожи до Сейма съ прибавкомъ земли Тмутараканской, географическая связь которой съ Русью неясна, находилась въ управленіи одного княжескаго рода, счастливо представляемаго въ то время отцемъ съ дѣтьми. Въ кровавой распрѣ погибли два брата Володиміра; одного изъ послѣднихъ владѣтелей отдѣльныхъ земель Полоцкаго князя Рогволода побѣдиль и убилъ Володиміръ и въ землѣ его посадилъ своего сына, а его внука по дочери—Изяслава, какъ бы законнаго наслѣдника; такъ въ послѣдствіи великій князь Иванъ Васильевичъ сына своего, отъ Маріи Тверской, Ивана назначилъ великимъ княземъ Тверскимъ, наслѣдникомъ бѣжавшаго Михаила Борисовича. Такъ было въ концѣ X в., но не такъ было раньше: земля, которою владѣлъ Володиміръ, была постепенно занята его предшественниками въ продолженіе съ небольшимъ ста лѣтъ (начиная съ 882 г. „перваго лѣта Олгови понемъ же сѣде въ Кыевѣ“); еще при отцѣ Володиміра сказали Новгородцы: „аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя себѣ“; на дѣда Володимірова Древляне смотрѣли какъ на волка, который расхититъ все стадо, если не убить его; а послѣ до XIII в. былъ только одинъ примѣръ князя не изъ владѣющей династіи; да и на тотъ смотрѣли съ негодованіемъ. Что же произошло въ эти сто лѣтъ, что скрѣпило связь каждаго уголка тогдашней Русской земли съ владѣющей династіей, если не съ каждымъ представителемъ ея, ибо по понятіямъ того времени уважалась династія, а представителю можно было „показать путь“, что способствовало образованію Русскаго государства?

Государство Володиміра Святаго есть уже государство, ибо опредѣленная территория признаетъ надъ собою опредѣленную власть и населеніе ея несетъ опредѣленныя обязанности и сознаетъ до извѣстной степени свое единство относительно окружающихъ народовъ; правда, что границы его еще нетверды, украины еще носятъ значительную печать отдѣльности, мѣстами даже замѣчается нѣкоторая какъ бы черезполосность: низовье Оки почти до конца находится въ рукахъ русскихъ князей; а середина, которая ближе къ Кіеву, еще на сто лѣтъ почти сохраняетъ своего особаго князя (въ Муромѣ Глѣбъ, сынъ Св. Володиміра, а въ землѣ Вятичей при Мономахѣ свой князь Ходота, по всей вѣроятности язычникъ, ибо апостоль Вятичей Кукша относится къ XII в.). Во главѣ этого государства стоитъ княжескій родъ, каждый членъ котораго считаетъ себя княземъ и требуетъ большаго или меньшаго владѣнія: такъ каждый изъ Мервинговъ и Каролинговъ считалъ себя призваннымъ владычествовать надъ частью территоріи, принадлежавшей отцу, такъ совершенно подобная нашей удѣльная система образовалась у другихъ славянскихъ племенъ. Понятіе о недробимости верховной власти—понятіе новое, выработанное легистами изъ римскихъ преда-

ній. Государства средневѣковыя, образуясь изъ раздѣльныхъ племенъ, еще недавно имѣвшихъ во главѣ своей своихъ особыхъ князей, очень трудно возвышаются до полного національнаго сознанія. Первоначальныя средневѣковыя государства имѣютъ корнемъ своимъ племя; соединеніе этихъ племенъ въ народъ въ началѣ механическое. Этимъ они противопоставляются государству классическому, основою которому служитъ городъ: владычество Рима есть владычество города и расширеніе правъ римскаго гражданства на всю территорію—лучшая опора власти цезаря. Этою своею особенностью—первоначальною разрозненностію племенъ сходятся и германскія и славянскія государства. Борьба между отдѣльными племенами германскими продолжается и на территоріи, на которой они поселились позднѣе: такъ въ Британіи Германцы являются отдѣльными группами, образуютъ множество мелкихъ владѣній, которыя сливаются въ нѣсколько большихъ (геатархія названіе не совсѣмъ точное) и борьба между Франками разныхъ племенъ оканчивается въ Галліи побѣдою Хлодвига надъ другими князьями Франковъ; смѣна королей герцогами у Лонгобардовъ объясняется борьбою между племенами. То же видимъ и на земляхъ славянскихъ: побѣда Полянъ гнѣзненскихъ надъ остальными племенами Польши повела за собою образованіе Польскаго государства; но борьба шла упорная и преданіе, записанное позднѣйшимъ лѣтописцемъ звасть смѣну королевской власти 12-ю воеводами, въ которыхъ польскій историкъ не безъ основанія видитъ представителей отдѣльныхъ племенъ; отдѣльными племенами селились Сербы въ Иллиріи и Славяне Мизійскіе (основа царства Болгарскаго) въ Мизіи. Распаденіе Балтійскихъ Славянъ на мелкія постоянно враждующія между собою племена—одна изъ важнѣйшихъ причинъ того, что на ихъ развалинахъ возникло чисто-нѣмецкое государство. Они слишкомъ долго не выходили изъ племенной розни и платились за это. То, что было гибелью тогда для племенъ мелкихъ, можетъ быть въ эпоху сложенія еще болѣе громаднѣхъ государствъ гибельно для болѣе крупнѣхъ народныхъ соединеній. Отдѣльныя племена знаетъ нашъ лѣтописецъ на русской почвѣ и у каждаго изъ такихъ племенъ знаетъ своего отдѣльнаго князя: „и по сихъ братьи (Кій, Щекъ и Хоривъ) родъ ихъ держати начаша княженъе въ Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полоти, иже Полочане; отъ нихъ же Кривичи“. Двухъ изъ такихъ князей исторія знаетъ по имени: древлянскаго князя Мала, современника Игоря, князя Вятичей Ходоту, современника Мономаха. Племена эти вели между собою войны: „быша обидимы Поляне Древланы и инѣми околними“ и взаимно чуждаясь изображали другъ друга въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: рассказы лѣтописца о „звѣринскихъ“ обычаяхъ иныхъ племенъ кромѣ Полянъ—слѣды этой междуплеменной вражды. Попытки къ объеди-

ненію племенъ пошли изъ тѣхъ земель, которыя по своему положенію, наиболѣе богатѣли: изъ Новгорода и Кіева. Если даже отвергать призваніе князей (чего мы намѣренно не касаемся) все же ясно, что Новгородъ рано далеко простиралъ свое вліяніе: въ XI в. находимъ войска новгородскія у Желѣзныхъ Воротъ (которыя ищутъ въ Двинской землѣ) и новгородскихъ торговцевъ у Каменнаго Пояса. Въ Кіевѣ лѣтопись знаетъ двѣ попытки образовать государство, одна смѣнная другой, исходящія по преданію изъ одного источника, но здѣсь преданіе можетъ быть заподозрѣно въ нѣкоторой преднамѣренности (Аскольдъ и Олегъ). Несомнѣнно только то, что изъ Кіева еще раньше Олега ходила рать въ Византію. Какъ образовалось это государство, откуда взялась его рать, въ какомъ отношеніи стояло оно къ другимъ племенамъ русскимъ мы не знаемъ; но скоро оно было завоевано съ сѣвера. Какъ начинается дѣйствовать новая династія мы знаемъ подробнѣе: въ 882 г. Олегъ завоевалъ Кіевъ, занявъ по дорогѣ Смоленскъ, въ 883 г. „прилучивъ“ Древлянъ взялъ съ нихъ дань, въ 884 г. положилъ дань на Сѣверянъ, въ 885 г. на Радимичей и воевалъ съ Угличами и Тиверцами; въ 914 г. Игорь побѣдилъ Древлянъ и „прилучилъ“ Угличей; въ 964 г. Святославъ покорилъ Вятчей; въ 981 г. Володиміръ взялъ города черкасскіе; въ 982 г. побѣдилъ Вятчей; въ 984 г. шелъ на Радимичей. Такимъ образомъ очевидно, что племена, сосѣднія съ Кіевомъ, были покорены силою и обложены данью болѣе или менѣе легкою, смотря по тому какъ велико было ихъ сопротивленіе, и на походы свои внѣ предѣловъ земли Русской: на Грековъ, Хазаръ князья требовали отъ этихъ покоренныхъ племенъ участія въ составленіи войска; „вой“ изъ племенъ отличаются отъ княжеской дружины. Обложенныя данью племена обязаны были доставлять ее въ опредѣленное мѣсто („повозъ вести“). Свои доходы съ побѣжденныхъ племенъ: дань и пошлыны судебныя князь отдавалъ своимъ боярамъ (Свѣнелду отдалъ Игорь дань съ Угличей и Древлянъ). Эта отдача управленія извѣстнымъ лицамъ, если бы соединялась съ надѣленіемъ землею, могла бы повести къ феодализму, но у насъ феодализма не образовалось; частная, поземельная собственность устроена у насъ была позднѣе и получила исключительный помѣстный характеръ; но это уже явленіе Московскаго государства, поставленнаго въ иныя отношенія, исходящаго изъ иныхъ возрѣній. На западѣ задача управленій и должностей, соединяясь съ извѣстнымъ надѣломъ земли, повела къ образованію феодализма; но тамъ совершилась экспроприація уже воздѣланныхъ и имѣвшихъ свою цѣну земель. У насъ ничего подобнаго не было, и едва-ли частное землевладѣніе существовало какъ общее явленіе до нашествія Татаръ: при нашемъ способѣ воздѣлыванія земли, при которомъ какъ поле истощится, ищутъ другаго, не могла быть земля привлекательна, не могла составить

основу аристократіи. Война, а можетъ быть даже и торговля (тогда соединенная съ военнымъ ремесломъ, ибо кто велъ ее долженъ былъ ѣхать въ дальній путь вооруженнымъ для защиты своей, а стало быть временами и самъ мотъ грабить) служили средствомъ обогащенія. Лица, посаженные въ городахъ князьями, получившія право сбора дани и судебныхъ пошлинъ, были вѣроятно „свѣтлыми боярами, сущими подъ рукою Олега“, „всего княженія“ Игоря. Послы отъ нихъ участвовали въ заключеніи договоровъ и на города, т. е. на оставшіяся въ нихъ дружины назначали часть полученія отъ враговъ дани (укладъ на города). Когда князь лично посѣщалъ то или другое племя, то и онъ и весь дворъ его содержался на счетъ этого племени („полюдье“); такъ было и въ имперіи средневѣковой и въ Польшѣ, и въ другихъ странахъ. Обѣзжая земли, князь творилъ судъ и правду. Были ли изъяты изъ такихъ поѣздокъ земли, порученныя „свѣтлымъ боярамъ“, мы не знаемъ, но достоверно, что существованіе племеннаго князя въ родѣ Мала не служило поводомъ къ изъятію. Вспомнимъ послѣдній походъ Игоря. Таковъ характеръ управленія князей русскихъ: оно во многомъ сходно съ управленіемъ другихъ народовъ, поставленныхъ въ подобное же положеніе. Сходство это обуславливается переходомъ цѣлою массою изъ племеннаго быта въ государственный, отъ раздѣльности къ соединенію; способъ перехода долженъ былъ быть одинаковъ: личная дѣятельность князя, временная передача имъ полной своей власти другому лицу, что соединяется съ замѣною племенныхъ князей служилыми людьми и т. п. Слѣдственно нѣтъ нужды признавать въ этой творящей дѣятельности государства какое-нибудь чужое вліяніе; но едва-ли нужно непремѣнное признаніе туземнаго происхожденія самой династіи. Въ этомъ случаѣ останавливаетъ, крохъ соображеній филологическихъ, еще одно важное обстоятельство: отсутствіе легенды не только о божественномъ происхожденіи, но даже и объ особенномъ божественномъ освященіи этой династіи, въ родѣ посѣщенія странникомъ Пяста. Не помѣшало же христіанское благочестіе записать нашему лѣтописцу легенду о смерти Олега; отчего же, при его благоговѣннн къ династіи, онъ не внесъ въ свои замѣтки чего либо и о божественномъ происхожденіи?

II.

СЛѢДЫ ЦЕРКОВНЫХЪ БРАТСТВЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ МАЛОРОССІИ.

И. А. Сребницкаго.

(Читано въ засѣданіи 4 августа. — См. Протоколы, стр. LIII—LIV).

Если въ сферѣ изученія минувшей жизни извѣстнаго народа немалый интересъ представляютъ вещественные памятники, знакомящіе насъ съ обстановкою частнаго, домашняго быта человѣка въ эпоху болѣе или менѣе отдаленную и дающіе историку лишнія данныя для уразумѣнія народнаго характера вообще, — то еще большую важность имѣетъ изученіе остатковъ и памятниковъ общественнаго быта народовъ. Въ формахъ общественнаго, юридическаго, и, наконецъ, политическаго быта извѣстнаго народа вполне отражается народный характеръ, его міросозерцаніе, — а выясненіе всего этого и есть одна изъ главнѣйшихъ задачъ исторіи. Наконецъ, знакомство съ памятниками и остатками старинныхъ учрежденій прошлаго времени можетъ служить и для чисто практическихъ цѣлей настоящаго: хотя условія времени измѣняются, но характеръ и главныя основы жизни народа остаются одни и тѣ же, а потому всякія новыя учрежденія должны создаваться на исторической основѣ и только въ такомъ случаѣ они и могутъ вполне привиться къ почвѣ народной жизни.

Въ числѣ общественныхъ учрежденій, зародившихся и получившихъ развитіе среди юго-западной половины Русскаго народа, безспорно первое мѣсто принадлежитъ такъ называемымъ церковнымъ братствамъ, по той важной роли, которую они играли въ общественной и политической жизни южно-русскаго народа въ эпоху, наиболѣе для него тяжелую. Историческая роль и заслуги братства хорошо извѣстны, и въ цѣль настоящаго очерка не входитъ ихъ изслѣдованіе. Но исполнивши свою историческую роль, которая и вызвала самое возникновеніе

братствъ, братства не умерли; они продолжаютъ сохраняться въ народѣ, иногда подвергшись измѣненію подѣ вліяніемъ новыхъ политическихъ и соціальныхъ условій, но въ большинствѣ случаевъ представляя своего рода археологическую окаменѣлость. Новыя политическія и общественныя условія, въ которыя поставленъ южно-русскій народъ, коснулись братствъ только, можно сказать, стороною, мимоходомъ, какимъ нибудь намѣреннымъ, сознательнымъ измѣненіямъ и переѣлкамъ братства не подвергались и представляютъ поэтому въ настоящее время чисто народное учрежденіе внѣ всякой политически-административной санкціи. Изображеніе главныхъ чертъ современнаго положенія этого учрежденія, существующаго исключительно въ народѣ, для народа и независимо отъ новѣйшихъ формъ политической и общественной жизни и составляетъ предметъ настоящаго очерка (*).

Свѣдѣнія о братствахъ, приводимыя здѣсь, собраны путемъ личныхъ наблюденій на мѣстѣ и относятся исключительно къ восточной Малороссіи, лежащей на лѣвомъ берегу Днѣпра, т. е. главнымъ образомъ губ. Полтавской и частью Черниговской, какъ потому, что на правый берегъ Днѣпра не простирался районъ нашихъ наблюденій, такъ и потому, что для этой послѣдней мѣстности мы имѣемъ не мало свѣдѣній, какъ по исторіи братствъ, такъ и о состояніи ихъ въ настоящее время. Но, насколько намъ извѣстно, никто еще въ литературѣ не касался остатковъ братствъ, встрѣчаемыхъ нынѣ въ лѣвобережной Малороссіи. Между тѣмъ остатковъ этихъ сохранилось здѣсь не мало, и они нерѣдко представляютъ черты, могущія пролить свѣтъ и на исторію южно-русскихъ братствъ вообще.

(*) Появленіе этого очерка вызвано однимъ изъ вопросовъ въ программѣ III Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. Въ этой программѣ, въ числѣ вопросовъ, по которымъ къ Съѣзду желательно было имѣть свѣдѣнія, стоялъ вопросъ: «Собрать свѣдѣнія, въ какомъ видѣ сохранились въ настоящее время остатки древнихъ православныхъ церковныхъ братствъ». Изъ формы постановки вопроса нельзя ясно усмотрѣть, что именно имѣлось здѣсь въ виду программю Съѣзда: въ какомъ видѣ существуютъ теперь заведомо древнія братства, игравшія некогда важную историческую роль, какъ напр. братства: Виленское, Луцкое, Кіевское?—или же въ какомъ видѣ сохранился въ настоящее время самый, такъ сказать, институтъ братствъ, независимо отъ того, въ древнѣйшую ли, или въ болѣе новую эпоху образовались существующія нынѣ братства? Вопросъ въ первой формѣ имѣетъ по преимуществу характеръ историко-археологическій; постановка же вопроса во второй формѣ, представляя въ значительной мѣрѣ интересъ чисто бытовой или этнографическій, не лишена и значенія археологическаго, какъ изображеніе одного, по крайней мѣрѣ, момента въ исторіи развитія этого чисто народнаго учрежденія. Здѣсь разсматривается вопросъ во второй его формѣ.

Авторъ интересныхъ статей о братствахъ, Ѳ. Г. Лебединцевъ, въ одной изъ своихъ статей, описавши существующее нынѣ братство въ с. Дыбинцахъ, Каневского уѣзда, Кіевской губерніи, говоритъ: „Мы не знаемъ, есть ли теперь (кромѣ Дыбинскаго братства) въ какомъ либо мѣстѣ постоянное общество подъ названіемъ братства. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя мы знаемъ, такихъ обществъ нѣтъ; самое названіе братства почти забыто, такъ какъ и приложить его не къ чему; но остались названія „братерскій“ и „братчина“. Последнее принадлежитъ распорядителямъ, устроителямъ общественныхъ обѣдовъ“. А далѣе: „Такъ какъ нѣтъ общества, братства, то нѣтъ и общихъ приношеній въ церковь; жертва для храма Божія—дѣло частное“ (*). Но остатки братствъ не такъ незначительны, какъ предполагалъ авторъ названныхъ статей. Не говоря о другихъ братствахъ, существующихъ навѣрно въ такой или иной формѣ во многихъ мѣстностяхъ юго-западнаго края, довольно указать на то, что въ той же Кіевской губерніи сохранилось братство, представляющее, подобно Дыбинскому, во многомъ такія же черты, какія характеризовали братства въ періодъ наибольшаго ихъ процвѣтанія; это—братство мѣстечка Чернобыль (**). Наконецъ, авторъ совершенно не имѣлъ въ виду братствъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

І.

Мѣстомъ происхожденія братствъ и главной ареной ихъ исторической дѣятельности является правый берегъ Днѣпра; въ мѣстностяхъ лѣвобережныхъ никогда не было такихъ жизненныхъ причинъ къ возникновенію братствъ, какъ въ западной части Малороссіи. Происхожденіе религіозныхъ братствъ въ юго-западной Россіи и доселѣ не выяснено вполнѣ нашею историческою наукой. Повидимому оно находится въ связи съ существовавшими въ здѣшнихъ городахъ промышленными цехами, возникшими влѣдствіе устройства городовъ по нѣмецкому образцу, въ силу такъ называемаго магдебургскаго права. Цехи, которыми такъ изобилувала средневѣковая, особенно германская Европа, были продуктомъ той смутной эпохи, когда, при господствѣ грубой матеріальной силы, при необеспеченности безопасности личности въ обществѣ, каждый отдѣльный членъ этого послѣдняго могъ чувствовать себя въ безопасности только тогда, когда сознавалъ, что за нимъ стоитъ болѣе или менѣе значительное количество личностей, связанныхъ съ нимъ общими интересами и готовыхъ въ случаѣ надобности, поддержи-

(*) Кіевскія Епарх. вѣд. 1862 г., № IX, стр. 321.

(**) Кіевскія Епарх. вѣд. 1862 г., № XXIV.

вать его общими силами. Отсюда—всеобщее стремление въ средніе вѣка къ образованію различнаго рода коллективныхъ единицъ: цеховъ, братствъ въ обширномъ смыслѣ этого слова.

И въ Германіи, гдѣ впервые возникли ремесленные цехи, и въ Польско-Литовскомъ государствѣ, куда они перешли вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ, они являются какъ ассоціаціи, въ которыхъ связью для сочленовъ, кромѣ общности занятія, въ значительной мѣрѣ служили элементы національный и религіозный: цехи были союзомъ земляковъ, занимающихся однимъ ремесломъ и живущихъ около одной цеховой церкви. Въ промышленномъ отношеніи цехи, опиравшіеся на указанныя три начала, основывались на спеціализаціи и монополіи ремесленнаго труда, вслѣдствіе чего въ Польшѣ цехи, при своемъ появленіи, должны были выдержать упорную борьбу со шляхетскимъ сословіемъ, которому принадлежало не только политическое, но и экономическое господство въ государствѣ, въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и главныхъ производителей сырыхъ продуктовъ хозяйственной дѣятельности.

Что касается до втораго начала, лежавшаго въ основаніи цеховъ—начала національнаго, то въ городахъ юго-западной Россіи слѣды его въ цеховомъ устройствѣ неясны: въ городахъ, въ которыхъ было нѣсколько почти равносильныхъ національностей, имѣвшихъ свои особые магистраты, цеховое устройство было общимъ для всѣхъ національностей; попытки какой либо національности устроить отдѣльно цехи встрѣчали противодѣйствіе національности господствующей, т. е. польской. Напримѣръ, Русскіе въ одномъ изъ важнѣйшихъ городовъ юго-западной Россіи, Каменцѣ, не имѣли своихъ цеховъ никогда, даже и въ то время, когда имѣли свою отдѣльную юрисдикцію. Но наиболѣе значенія для русскаго населенія юго-западныхъ городовъ представлялъ принципъ религіозный. Русскіе, входившіе въ составъ цеховъ, къ которымъ принадлежали члены изъ различныхъ національностей, должны были нести двоякаго рода обязанности: обязанности собственно цеховыя и обязанности религіозныя. Здѣсь-то въ небольшомъ кругу, въ сферѣ мелкой политической единицы, какою были цехи, впервые столкнулись два вѣроисповѣданія—православное и католическое. Въ основу цеховъ естественно легла господствующая католическая религія. Каждый цехъ имѣлъ свой цеховой костелъ, въ пользу котораго шли разные цеховые поборы и штрафы (обыкновенно воскомъ); въ этомъ костелѣ всѣ члены цеха должны были по праздникамъ присутствовать при богослуженіи, а также участвовать въ различнаго рода церемоніяхъ по католическому обряду. Хотя законъ пытался иногда соблюсти равноправность въ цехахъ двухъ вѣроисповѣданій постановленіями напр. въ родѣ того, чтобы цеховая администрація состояла на половину изъ членовъ

католической и православной вѣры, но исполненіе католическихъ обрядовъ все-таки оставалось равно обязательнымъ для всѣхъ членовъ цеха, а это, естественно, было тягостно для православныхъ; совѣсть ихъ должна была испытывать насиліе при каждой католической церемоніи и процессіи, въ которой они обязаны были участвовать. Естественно, что въ силу этого обстоятельства, а также при стремленіи вообще въ городахъ къ корпоративной обособленности, у православныхъ Русскихъ должно было явиться стремленіе устроить свои собственные корпораціи, свои цехи или братства, усвоившіе себѣ именно это послѣднее названіе. По формѣ своей братства походили на цехи: организація ихъ была та же цеховая; но внутреннее ихъ содержаніе стало развиваться въ совершенно иномъ направленіи. Въ православно-русскихъ братствахъ естественно должны были быть исключены промышленныя цѣли въ силу постояннаго противодѣйствія польской юрисдикціи образованію національныхъ ремесленныхъ цеховъ (*). Вслѣдствіе этого обстоятельства измѣняется какъ составъ русскихъ братствъ, такъ и ихъ цѣли. Въ новыя братства вошли, конечно, далеко не всѣ горожане, принадлежавшіе къ русской народности; значительная часть ихъ предпочитала пользоваться цеховыми правами въ смѣшанныхъ цехахъ цѣною уступки религіозной неприкосновенности. За то, вслѣдствіе устраненія всѣхъ промышленныхъ цѣлей, братства открыли къ себѣ доступъ лицамъ разныхъ не городскихъ сословій, особенно лицамъ духовнаго сословія, а также и дворянства. Въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ памятникахъ по исторіи братствъ, какъ напр. памятники Луцкаго братства 1617 и 1619 г.г., мы встрѣчаемъ уже въ числѣ членовъ братства значительный контингентъ духовныхъ и дворянъ (**). Это обстоятельство можетъ указывать на возможность возникновенія православныхъ братствъ независимо отъ промышленныхъ цеховъ, которые могли послужить только образцомъ для организаціи братствъ, а не поводомъ къ ихъ возникновенію. Сообразно съ этимъ измѣненіемъ состава измѣняются и самыя задачи православныхъ братствъ: задачи эти расширяются и облагораживаются. На первыхъ порахъ впрочемъ цѣли братства были довольно неопредѣленны: заботы о благолѣшіи братской церкви, устройство благотворительныхъ учреждений, собственное нравственное усовершенствованіе членовъ братства—составляютъ все содержаніе дѣятельности братствъ. Въ уставахъ братствъ, игравшихъ впослѣдствіи наиболѣе видную роль—Львовскаго (1586), Луцкаго (1617), братства эти называются братствами любви и милосердія, и съ

(*) См. М. Ф. Владимірскаго-Буданова—Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, глава о цехахъ.

(**) Памятники, изданные Кіевскою временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. I, стр. 1 и 9.

такими цѣлями они остаются до тѣхъ поръ, пока политическія и соціальныя условія, въ которыя былъ поставленъ Русскій народъ подъ владычествомъ Польши, дали братствамъ инныя цѣли и задачи для дѣятельности. Когда появилась церковная унія и усилились религіозныя и политическія притѣсненія со стороны Поляковъ, братства являются однимъ изъ видныхъ факторовъ въ религіозной и политически-соціальной борьбѣ Русскаго народа съ Польшею. Въ этой борьбѣ, естественно, братства дѣйствовали главнымъ образомъ средствами нематеріальными: они представляли нравственно-интеллектуальную силу, подобно тому какъ козачество представляло силу матеріальную, военную. Дѣятельность въ этомъ отношеніи важнѣйшихъ западно-русскихъ братствъ достаточно извѣстна; довольно указать хоть на ту роль, какую играли братства въ исторіи просвѣщенія въ юго-западной Россіи устройствомъ училищъ, типографій и т. п. Затѣмъ братства имѣли важное вліяніе на общество, на городское населеніе, духовенство—своимъ нравственнымъ контролемъ, который простирался не только на членовъ братства, но и на лицъ не входившихъ въ составъ ихъ. Наконецъ братства находились въ тѣсной связи и съ непосредственными бойцами за русскую народность и православіе—козачествомъ. Важнѣйшіе дѣятели козачества были членами различныхъ братствъ, получали образованіе въ братскихъ школахъ, молились, отправляясь на борьбу, въ братскихъ церквахъ, получали здѣсь благословеніе и нравственное подкрѣпленіе и, по окончаніи своей военной и политической дѣятельности, нерѣдко постригались въ братскихъ монастыряхъ въ монахи.

Такимъ образомъ главною мѣстностью, гдѣ разыгрывались событія, въ которыхъ играли такую видную роль братства, былъ правый берегъ Днѣпра. Здѣсь то встрѣчаемся мы съ дѣятельностью такихъ братствъ, какъ Львовское (Успенское), Луцкое (Крестовоздвиженское), Кіевское (Богоявленское), Виленское (Троицкое); здѣсь, наконецъ, и въ настоящее время институтъ братствъ сохранился съ чертами болѣе приближающими ихъ къ древнимъ братствамъ. Не то видимъ мы въ восточной, лѣвобережной Малороссіи. Магдебургское право съ цеховымъ устройствомъ, на почвѣ котораго зародились братства, находимъ мы здѣсь сравнительно въ ничтожномъ числѣ городскихъ населеній, и большинство ихъ получило его уже вслѣдствіе административныхъ реформъ русскаго правительства въ XVIII в. Религіозныхъ причинъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы видимъ въ юго-западной Россіи, здѣсь тоже не было: унія почти не проникала на восточный берегъ Днѣпра и католицизмъ довольно мирно уживался здѣсь съ православіемъ. Поэтому и братства не получили здѣсь такой организаціи или, лучше сказать, такого развитія, какъ въ западной Руси; они по всей вѣроятности, появились здѣсь уже позднѣе и служили нѣсколько инымъ цѣлямъ. Они образовались здѣсь просто

какъ подражаніе западно-русскимъ братствамъ съ цѣлью заботы о лучшемъ устройствѣ и украшеніи церквей и обеспеченіи матеріальнаго благосостоянія церковныхъ причтовъ, а иногда съ цѣлями благотворительности. Такимъ образомъ нынѣ существующія братства напоминаютъ собою древне-русскія братства въ ихъ первоначальный періодъ до выступленія ихъ дѣятелями въ борьбѣ за православіе и русскую національность съ Поляками. Тѣмъ не менѣе, сложившись по образцу западно-русскихъ церковныхъ братствъ, нынѣшнія братства въ лѣвобережной Украинѣ заимствовали отъ нихъ многое и въ своемъ устройствѣ и во внутреннемъ ихъ, такъ сказать, духѣ. Что касается до мѣстностей, въ которыхъ сохранились въ настоящее время остатки церковныхъ братствъ, то, какъ и естественно такую мѣстностью долженъ оказаться районъ, непосредственно прилегающій къ Кіеву или, лучше сказать, къ Днѣпру, и потому постоянно тяготѣвшій къ Кіеву, какъ историческому и культурному центру. Край этотъ изъ лѣвобережныхъ мѣстностей особенно служилъ сценою южно-русской исторіи; многія событія этой послѣдней, начавшись и разыгравшись на западной сторонѣ Днѣпра, захватывали на лѣвой только небольшое пространство, центромъ котораго былъ Переяславъ, котораго исторія была издревле такъ тѣсно связана съ исторіею Кіева. Здѣсь, при постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Кіевомъ и вообще западною Русью, быстро усвоивались всякіе тамошніе порядки и обычаи. Сюда прежде всего перешли и братства. И дѣйствительно, насколько намъ извѣстно, по крайней мѣрѣ относительно Полтавской губерніи, братства сохранились въ настоящее время исключительно въ Приднѣпровьѣ, т. е. въ уѣздахъ Переяславскомъ и Золотоношскомъ, въ которомъ братства находятся въ значительномъ количествѣ во многихъ селахъ и мѣстечкахъ. Въ прежнее время впрочемъ предѣлы распространенія братствъ были гораздо шире: такъ еще и теперь, кажется, братства встрѣчаются, правда, какъ очень рѣдкіе случаи, въ Роменскомъ уѣздѣ. Намъ документально извѣстно существованіе въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія братствъ въ Гадячскомъ уѣздѣ, какъ это видно изъ отмѣтки въ приходо-расходной книгѣ одной изъ церквей этого уѣзда полученія 120 рублей отъ церковно-приходскаго братства. Можно даже видѣть слѣды существованія нѣкогда братствъ и на крайнемъ юго-востокѣ Малороссіи, на самой границѣ съ Новороссійскимъ краемъ. Слѣды эти видны въ сохранившихся нѣкоторыхъ церковныхъ обычаяхъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ братствъ. Къ числу такихъ обычаевъ принадлежитъ между прочимъ стояніе нѣсколькихъ чловѣкъ (обыкновенно 4-хъ) съ большими свѣчами (такъ называемыми ставниками) въ извѣстный промежутокъ литургіи (между малымъ и большимъ входомъ). Въ тѣхъ мѣстностяхъ и при тѣхъ церквахъ, гдѣ существуютъ братства, свѣчи эти дѣлаются изъ брат-

скаго воску и держать ихъ старшіе братчики, а за отсутствіемъ ихъ, другіе члены братства. Этотъ же обычай нерѣдко встрѣчается въ церквахъ Кобелякскаго уѣзда, гдѣ въ настоящее время народъ и не знаетъ о существованіи братствъ и даже старожилы не помнятъ, чтобы они когда либо и были. Ставники здѣсь дѣлаются просто на церковный счетъ или жертвуются кѣмъ нибудь и держатся во время обѣдни обыкновенно старѣйшими и почетнѣйшими изъ прихожанъ простолюдиновъ. Указываетъ ли это на существованіе въ этихъ мѣстностяхъ нѣкогда братствъ, или же это просто обычай, занесенный какъ-нибудь изъ странъ прикарпатскихъ—рѣшить не беремся; замѣтимъ только, что обычай этотъ существуетъ только въ церквахъ старыхъ, устроенныхъ по большей части не позднѣе прошлаго столѣтія. Въ Черниговской губерніи братства сохранились въ гораздо меньшемъ количествѣ, и опять таки въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Днѣпру, главнымъ образомъ въ Остерскомъ уѣздѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что братства быстро исчезаютъ: такъ намъ приходилось слышать, что въ теченіе какихъ-нибудь 12 или 15 лѣтъ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, братства уничтожились при 20 слишкомъ церквахъ.

III.

Существующія въ настоящее время въ Малороссіи братства представляются въ двойной формѣ. Во 1-хъ, собственно церковныя братства, нашедшія себѣ мѣсто преимущественно въ селахъ, деревняхъ и т. п. видахъ сельскихъ поселеній. Эти-то братства, по крайней мѣрѣ по формѣ, представляютъ собою подобіе древнихъ православныхъ церковныхъ братствъ. Во 2-хъ, въ городахъ, а также другихъ городскихъ населеніяхъ, напр. мѣстечкахъ, существуютъ такъ называемыя церковныя братства, сложившіяся по образцу старинныхъ ремесленныхъ цеховъ, существовавшихъ въ западно-русскихъ городахъ. Эти цехи не могутъ быть отнесены къ братствамъ въ собственномъ смыслѣ; но вслѣдствіе тѣсной связи цеховъ съ братствами въ первый періодъ ихъ развитія, а также по причинѣ того, что въ настоящемъ своемъ видѣ эти цехи не имѣютъ никакого значенія юридическаго, а только бытовое, они по многимъ своимъ чертамъ походятъ на братства церковныя и имѣютъ съ ними много точекъ соприкосновенія.

Братства перваго рода—собственно церковныя въ указанномъ выше районѣ встрѣчаются во многихъ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ, при чемъ въ каждой данной мѣстности можетъ быть одно, два или нѣсколько братствъ, смотря по степени населенности пункта и количеству церковныхъ приходовъ. Прежде всего братства—учрежденіе чисто народное. Въ составѣ и дѣятельности ихъ принима-

ютъ участіе исключительно нисшіе классы общества—крестьяне, козаки, мѣщане; изъ высшихъ классовъ въ соприкосновеніи съ братствами находится только, въ силу своихъ обязанностей, духовенство. Цѣль братствъ въ настоящее время состоитъ главнымъ образомъ въ заботахъ о церкви, къ которой, такъ сказать, приписывается братство. Въ нѣкоторыхъ братствахъ правило это соблюдается весьма строго, и братскія суммы и доходы употребляются исключительно на нужды братской церкви, въ другихъ же—цѣли братства бываютъ и шире: братства оказываютъ, напр. поддержку своими средствами при устройствѣ мѣстной школы и т. п. Условія вступленія въ члены братства—денежный взносъ, единовременный и постоянный. Естественно, что взносы эти, сообразно со средствами простолюдина, бываютъ невелики: первый отъ 50 коп. до 2 руб., второй—отъ 15 до 50 коп.; кромѣ того, въ извѣстныхъ случаяхъ, дѣлаются взносы натурою, напримѣръ воскомъ. И внѣшняя организація, и внутренній бытъ этихъ братствъ представляютъ нерѣдко точное подобіе древнихъ братствъ, насколько намъ извѣстны уставы и бытъ этихъ послѣднихъ. Конечно въ большинствѣ случаевъ тѣ черты, которыя въ древнихъ братствахъ имѣли жизненное значеніе, господствовали въ практикѣ, въ современныхъ намъ братствахъ являются только воспоминаніемъ, обычаемъ старины, своего рода археологическою окаменѣлостью. Есть впрочемъ и нѣкоторыя отличія. Взглянемъ, напр., на братскія собранія. Въ древнихъ братствахъ собранія эти, выражаясь современнымъ языкомъ, бывали очередныя или постоянныя, экстренныя и годичныя—торжественныя. Такъ по уставу Львовскаго и Луцкаго братствъ, братья должны были сходиться разъ въ 4 недѣли, или когда укажетъ надобность, для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ братства, по призыву старшаго братчика; затѣмъ бывали годичныя собранія, въ которыхъ происходило избраніе членовъ братской администраціи. Въ настоящее время, когда сфера дѣятельности братствъ сдѣлалась несравненно уже, нѣтъ уже надобности въ постоянныхъ собраніяхъ братства. Братчики созываются только въ рѣдкихъ, особенно важныхъ случаяхъ, когда напр., нужно безотлагательно рѣшить вопросъ объ употребленіи братскихъ денегъ или замѣнить выбывшаго раньше срока старшаго братчика. Такимъ образомъ остаются собственно только годичныя собранія или, лучше сказать, собранія два раза въ годъ.—На одномъ изъ этихъ собраній происходитъ обыкновенно выборъ членовъ братской администраціи или старшихъ братчиковъ. Число этихъ послѣднихъ, какъ и въ древнихъ братствахъ, — два или четыре. Одинъ изъ нихъ носитъ названіе старшаго, другой младшаго или молодшаго. Старшій братъ является главнымъ представителемъ и администраторомъ братства. Если кружка или сундукъ съ братскими деньгами хранится у старшаго братчика, то ключъ отъ нея, сообразно древнему

обычаю, находится у младшаго. Впрочемъ по большей части братская казна хранится въ церкви, и тогда ключъ отъ нея находится у старшаго брата. При братствахъ имѣются книги, въ которыхъ записывается приходъ и расходъ братскихъ суммъ. Въ нѣкоторыхъ братствахъ намъ приходилось просматривать эти книги лѣтъ за 30 и болѣе. Къ сожалѣнію, онѣ не даютъ почти никакихъ данныхъ для исторіи братствъ: въ нихъ отмѣчаются только имена старшихъ братчиковъ на извѣстный годъ или трехлѣтіе, общая сумма доходовъ, поступившихъ въ братскую кассу за время управленія старшаго братчика, и употребленіе, сдѣланное братствомъ изъ своихъ денежныхъ средствъ. Старшины братскіе выбираются на одинъ годъ или на три. Въ первомъ случаѣ, каждый годъ, въ годичномъ собраніи, они даютъ отчетъ о состояніи братскихъ суммъ, ихъ приходъ и расходъ, и здѣсь же рѣшается вопросъ о томъ, какое назначеніе дать братскимъ деньгамъ. Во второмъ случаѣ этотъ отчетъ дается чрезъ три года, по окончаніи старшими братчиками срока ихъ службы. Впрочемъ повѣрка суммъ во всякомъ случаѣ происходитъ ежегодно. Эти годичныя собранія совершаются согласно правилу древнихъ братствъ, по которому ежегодно должны были совершаться двѣ литургіи за все братство: заздравная и заупокойная, при чемъ устраивались братскіе обѣды и раздавалась милостыня бѣднымъ. Теперь эти годичныя собранія являются, пожалуй, единственными актами, въ которыхъ проявляются жизнь и дѣятельность современныхъ братствъ. Днями этихъ собраній бывають или дни храмовыхъ праздниковъ братской церкви, или какой нибудь большой праздникъ, можетъ быть сохранившійся по воспоминанію день основанія братства. Послѣ литургіи въ братской церкви, братчики, собравшись всѣ вмѣстѣ обыкновенно въ домъ старшаго брата, приглашаютъ духовенство и затѣмъ совершается или панихида по умершимъ членамъ братства, или молебенъ за живыхъ. Имена умершихъ родственниковъ всѣхъ членовъ братства, кромѣ того, записаны въ общую поминальную книжку, которая и читается священникомъ въ церкви въ дни, назначенные по церковному уставу для общаго поминовенія умершихъ. Послѣ окончанія богослуженія происходитъ совѣщаніе о дѣлахъ братскихъ, повѣрка суммъ, выборъ старшинъ и т. п., а затѣмъ устраивается братскій обѣдъ. Необходимые для этого обѣда продукты доставляются въ натурѣ членами братства въ видѣ муки, сала, капусты и др. припасовъ. На обѣды члены братства имѣють право являться со своими гостями: они приводятъ своихъ родственниковъ, знакомыхъ, гостей. Остатки отъ обѣда идутъ на угощеніе нищей братіи, которая обыкновенно въ большомъ количествѣ стекается на такіе братскіе обѣды. Въ большинствѣ случаевъ братскіе обѣды сопровождаются медовареніемъ и медопитіемъ. На братскія средства закушается извѣстное количество меду, изъ котораго и пригото-

ется медь для питья. Медь этотъ готовится безъ хмѣля и есть просто „сыта“, т. е. медь, разведенный водою. Сыта эта продается членами братства, какъ присутствующимъ на обѣдѣ, такъ и приходящимъ постороннимъ лицамъ и вырученныя за нее деньги составляютъ одну изъ важнѣйшихъ статей въ доходахъ братствъ. Медь для приготовленія сыты покупается въ сотахъ, и остающійся воскъ употребляется на выдѣлку свѣчъ для церкви, а также тѣхъ ставниковъ, съ которыми братчики стоятъ въ церкви во время обѣдни. Кромѣ того, многіе братчики имѣютъ свои отдѣльныя свѣчи, которыя и зажигаютъ сами въ церкви предъ тѣмъ или другимъ образомъ. Только что описанною стороною своего строя, именно общими обѣдами, южнорусскія братства напоминаютъ существованіе въ древности на Руси и существующіе и нынѣ въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества общественныя пиры или такъ называемыя братчины, описанныя въ извѣстной статьѣ Попова: „Пиръ и братчина“ (*). Но, при видимомъ сходствѣ, есть и существенныя отличія, не позволяющія отождествлять южнорусскія братства съ братчинами или производить первыя отъ послѣднихъ. Если даже въ древнихъ братчинахъ, на которыя существуютъ указанія въ актахъ XIV и XV в., можно подмѣтить нѣкоторыя, очень неясныя слѣды какого-то постояннаго учрежденія, то уже нынѣшніе пиры и братчины никакимъ образомъ не имѣютъ такого характера, а къ нимъ дѣйствительно могутъ быть отнесены приведенныя выше слова Лебединцева, что названіе братчинъ принадлежитъ устроителямъ общественныхъ обѣдовъ. Общественныя обѣды не есть здѣсь собраніе членовъ какого-нибудь постояннаго общества, а случайное соединеніе людей, собравшихся попить въ складчину. Самые пиры эти не имѣютъ другой цѣли, кромѣ увеличенія торжественности какого-нибудь праздника, обыкновенно храмоваго. Если при этомъ фигурируетъ иногда еще такъ называемая братская свѣча, то и она является дѣломъ совершенно частнымъ и случайнымъ. Между тѣмъ братства представляются учрежденіемъ постояннымъ, существующимъ непрерывно, въ теченіе ужъ навѣрно десятковъ, если не сотенъ лѣтъ, съ своей опредѣленной организаціей. Общественныя связи въ братствахъ выражаются въ обязанности членовъ присутствовать при погребеніи умершаго братчика. Впрочемъ этотъ обычай соблюдается далеко не во всѣхъ братствахъ. Такимъ образомъ сохранившіеся до нашего времени остатки братствъ при православныхъ церквяхъ въ восточной Малороссіи представляютъ по своей внѣшней организаціи нерѣдко вполне сколокъ съ древнихъ братствъ, игравшихъ такую видную историческую роль. Но это сходство въ большинствѣ случаевъ оказывается только внѣшнимъ. Братства, въ своемъ ны-

(*) «Архивъ» Калачова, кн. 2, 1854 г., стр. 19—41.

нѣшнемъ видѣ, утратили свой прежній внутренній смыслъ, и роль ихъ въ настоящее время совершенно иная. Главное значеніе древнихъ братствъ заключалось въ томъ нравственномъ вліяніи, которое они имѣли на современное общество. Нравственное самоусовершенствованіе, развитіе въ себѣ чувства любви и справедливости относительно своихъ ближнихъ, взаимная помощь и содѣйствіе къ нравственному развитію фигурируютъ въ уставахъ древнихъ братствъ, какъ главная обязанность членовъ и основа братскаго союза. Отсюда строгій контроль братства надъ нравственнымъ поведеніемъ каждаго изъ его членовъ и братскій судъ, подвергавшій различнаго рода взысканіямъ, то матеріальнымъ, то нравственнымъ, членовъ братства за всякій предосудительный поступокъ, не только относительно кого либо изъ своихъ сочленовъ, но и относительно лицъ, не принадлежавшихъ къ составу братствъ. По уставамъ и привиллегіямъ важнѣйшихъ братствъ, напр. Львовскаго, имъ давалась обширная юрисдикція, простиравшаяся даже на высшихъ духовныхъ лицъ, епископовъ. По этимъ уставамъ, тотъ, кто презреть братскимъ судомъ, судится какъ ослушникъ церкви, и въ случаѣ нераскаянія, какъ явный грѣшникъ, отлучается отъ церкви; даже сообщающійся съ такимъ отлученнымъ вмѣстѣ съ нимъ отлучается; даже епископъ не могъ снять отлученія, налагаемаго братствомъ. Если и епископъ велъ себя незаконно, то всѣ должны были сопротивляться ему, какъ врагу истины. Всякое братство въ своемъ городѣ и въ околныхъ мѣстахъ и селахъ обязано было знать поведеніе духовныхъ и мірскихъ людей и обо всякомъ беззаконіи доносить епископу. Извѣстно столкновеніе, въ силу этихъ привиллегій, Львовскаго братства съ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, при чемъ братство одержало верхъ.

Въ эпоху религіозныхъ притѣсненій эти братскіе суды, этотъ постоянный надзоръ цѣлаго общества за нравственнымъ и религіознымъ поведеніемъ отдѣльныхъ лицъ, имѣли особенно важное значеніе. Этотъ надзоръ постоянно являлся на помощь Русскимъ, колеблющимся въ вѣрѣ, и удерживалъ многихъ изъ нихъ отъ отпаденія отъ православія и перехода въ католицизмъ или унію.

Въ настоящее время, при измѣнившихся политическихъ и соціальныхъ условіяхъ жизни Русскаго народа, братства естественно не могутъ уже представлять такихъ корпорацій, такихъ самобытныхъ общественныхъ единицъ, какими они были въ оно время. При томъ такой осязательной цѣли для борьбы у нынѣшнихъ братствъ конечно нѣтъ; наконецъ, при уменьшеніи съ каждымъ днемъ патріархальности въ бытѣ народа, старинные обычаи, долго и упорно державшіеся въ народной жизни, постоянно замѣняются новыми, искусственными формами быта. Поэтому и нравственное вліяніе братства на общество крайне ничтожно или, пожалуй, его и совсѣмъ незамѣтно. О какомъ либо вліяніи братства на

окружающую среду, конечно, и говорить нечего. Но и внутри самих братств нравственный контроль их над своими членами, если и существует кое-гдѣ, то является такимъ случайнымъ, такимъ неуловимымъ, что его можно считать равняющимся нулю. Никакихъ братскихъ судовъ, никакихъ взысканій въ настоящее время не существуетъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что такой упадокъ нравственной, такъ сказать, юрисдикціи братствъ произошелъ, быть можетъ, не такъ давно.—Отъ старожиловъ въ различныхъ мѣстахъ приходилось слышать, что прежде, десятка три, четыре лѣтъ тому назадъ, угроза потянуть къ братскому суду представляла извѣстное значеніе между членами братствъ. Наказанія состояли въ штрафахъ въ пользу братской казны. Даже, въ одномъ только правдѣ мѣстѣ, сохранился, какъ отдаленное воспоминаніе, рассказъ о классическомъ сажаніи на колокольню. Изъ рассказа впрочемъ нельзя было понять, говорилось ли объ этомъ наказаніи, какъ общемъ для всѣхъ братствъ и практиковавшемся въ другихъ мѣстахъ, или же оно приурочивалось именно къ данной мѣстности

III.

Мнѣ кажется, что я не выйду изъ предѣловъ настоящей моей задачи, если останюсь здѣсь нѣсколько на второмъ изъ указанныхъ выше видовъ братствъ, сохранившихся въ настоящее время въ восточной Малороссіи, именно на такъ называемыхъ цеховыхъ братствахъ. Эти цехи ни по происхожденію своему, ни по характеру, ни по организаціи не имѣютъ никакого отношенія къ позднѣйшему цеховому устройству въ городахъ ремесленного сословія, явившемуся въ силу нынѣ дѣйствующаго общерусскаго законодательства. Напротивъ, рассматриваемые нами цехи сохранились, кромѣ нѣкоторыхъ городовъ, въ большинствѣ случаевъ, въ такихъ поселеніяхъ, преимущественно мѣстечкахъ, въ которыхъ никогда, ни въ періодъ соединенія Малороссіи съ Польшею, ни по воссоединеніи ея съ Россіею, юридически не существовало ни городскаго устройства, ни раздѣленія ремесленного класса на цехи. Мѣстечки эти рассматривались законодательствомъ, какъ населенія сельскія, и такими въ большинствѣ случаевъ были они и по природѣ своей. Встрѣчающіеся нынѣ въ такихъ мѣстечкахъ цехи существуютъ независимо отъ какого бы то ни было законодательства, какъ учрежденіе чисто народное по организаціи и всей обстановкой своей примыкающее не къ позднѣйшему цеховому устройству въ городахъ, а къ цехамъ городовъ юго-западной Россіи, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ. Такимъ образомъ цехи эти являются простонароднымъ, такъ сказать, обычаемъ, воспроизводящимъ по воспоминанію то, что существовало нѣкогда, въ силу положительнаго права, какъ юри-

дическая форма общественнаго быта. Въ цехахъ мы видимъ смѣшеніе формъ и обрядовъ, то собственно цеховыхъ, то принадлежавшихъ древнимъ братствамъ, почему въ народѣ они и называются то цехами, то братствами. Во многихъ мѣстечкахъ часть населенія, занимающаяся однимъ какимъ либо ремесломъ или промысломъ, издавна соединилась въ общества, которыя и называются цехами или братствами. Такихъ цеховыхъ братствъ въ каждой данной мѣстности бываетъ одно или нѣсколько, смотря по тому, гдѣ какіе существуютъ промыслы и занятія жителей. Такъ существуютъ братства: цеху рѣзницкаго (изъ мясниковъ), ковальскаго (изъ кузнецовъ), шевскаго (изъ сапожниковъ), кравецкаго (изъ портныхъ), гончарскаго и т. п.—Время происхожденія этихъ братствъ нигдѣ нельзя опредѣлить точно; документальныхъ данныхъ никакихъ не имѣется, изустныхъ свѣдѣній также не удалось собрать, такъ какъ самые древніе старожилы нигдѣ не упомянуть времени основанія братствъ. Въ прежнее время непремѣннымъ условіемъ вступленія въ члены цеховыхъ братствъ было, кажется, занятіе соотвѣтственнымъ ремесломъ или промысломъ; теперь же можно быть членомъ братства и не занимаясь никакимъ опредѣленнымъ промысломъ, или занимаясь ремесломъ другимъ чѣмъ господствующее въ цехѣ. Кромѣ того въ каждомъ цеховомъ братствѣ есть члены незанимающіеся даннымъ промысломъ вслѣдствіе прекращенія этого занятія ими самими или ихъ предками, такъ какъ званіе членовъ братства наследственно. Наконецъ бываютъ случаи, что одно и то же лицо состоитъ членомъ двухъ или даже болѣе братствъ. Въ настоящее время единственное условіе вступленія въ братство есть денежный взносъ, размѣръ котораго не зависитъ отъ того, вступаетъ ли данное лицо только въ братство, или же, по занятію своему, оно подходитъ и подъ остальные условія цеха. Размѣръ денежнаго взноса отъ 10—25 руб., смотря по мѣстности и по состоянію вступающаго въ братство; размѣръ взноса всегда опредѣляется самимъ братствомъ. Если вступленіе въ цехъ происходитъ вслѣдствіе вступленія въ семью какого либо члена цеха, т. е. напр. вслѣдствіе женитьбы на дочери цеховаго братчика, то вновь вступающій подвергается только половинному взносу. Эти взносы и составляютъ основной, такъ сказать, капиталъ братства. Кромѣ того, средства братства пополняются еще постоянными взносами членовъ. Для тѣхъ членовъ цеха, которые занимаются цеховымъ ремесломъ или промысломъ, эти взносы опредѣляются въ видѣ постояннаго процента съ извѣстной единицы ихъ производства. Такъ напр. члены братства рѣзницкаго цеха собираются три раза въ годъ предъ главными постами, когда торговля ихъ на время прекращается, т. е. на Троицынъ день (заговѣнье передъ Петровскимъ постомъ), на заговѣнье передъ Филипповскимъ постомъ и на масляной, и здѣсь каждый мясникъ долженъ объявить *по совѣсти* сколько онъ въ теченіе истекшаго мясоѣда зарѣ-

заль и продалъ штукъ скота, послѣ чего съ каждой штуки они платятъ въ кассу братства по одной коп.—Подобнымъ же образомъ сапожники вносятъ копѣйку съ каждой пары сшитыхъ ими сапогъ и т. п.—Для членовъ братства, не занимающихся соответствующимъ ремесломъ, взносъ опредѣляется самимъ братствомъ отъ 1 до 2 руб. Накопецъ немаловажную статью въ доходахъ братствъ составляетъ плата, получаемая ими за погребеніе умершихъ, не принадлежащихъ къ составу братствъ. Братства имѣютъ свои погребальныя принадлежности: *мары*—носилки для гроба, такъ называемый *поклитъ*, родъ катафалка или балдахина, покрывало для маръ и поклита и цеховыя значки или просто хоругви. Братство, за извѣстное вознагражденіе, принимаетъ на себя всѣ заботы по погребенію частныхъ лицъ: братья устраиваютъ могилу, доставляютъ мары, хоругви и поклитъ и несутъ покойника на кладбище.—Вознагражденіе, получаемое за это и поступаетъ въ братскую кассу. Что же касается до членовъ братства, то они, равно какъ и всѣ члены ихъ семействъ, погребаются братствомъ бесплатно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, т. е. происходитъ ли погребеніе члена братства, или частного лица съ участіемъ братства, для всѣхъ членовъ этого послѣдняго обязательно присутствіе при погребеніи и провожаніи умершаго на кладбище. Съ неявившихся взыскивается въ пользу братства штрафъ.—Денежныя суммы, принадлежащія братству, могутъ быть отдаваемы на проценты, но только членамъ братства и при томъ въ однѣ руки не болѣе опредѣленной суммы, напр. 25 руб. Кромѣ того, бываетъ, что братства оказываютъ своимъ членамъ пособіе въ видѣ безвозвратной выдачи извѣстной суммы въ случаѣ напр., пожара, внезапнаго разоренія и т. п. Затѣмъ доходы братства идутъ главнымъ образомъ въ пользу церкви, такъ какъ и самыя братства обыкновенно, такъ сказать, приписываются къ какой нибудь церкви. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что братства не находятся въ какомъ нибудь юридическомъ подчиненіи или даже связи относительно своихъ церквей; связи—исключительно духовныя. Братства не даютъ церквямъ отчета въ своихъ суммахъ и могутъ употреблять ихъ по своему усмотрѣнію помимо нужды церкви, что они иногда и дѣлаютъ. Взносы братствъ въ пользу церкви имѣютъ характеръ пожертвованій, при томъ и пожертвованія эти рѣдко дѣлаются деньгами, а по большей части вещами: устройствомъ ризъ на иконы, облачений, крестовъ, книгъ и т. п.

Организація управленія въ братствахъ заключается въ выборныхъ должностныхъ лицахъ, избираемыхъ въ братскихъ собраніяхъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ на три года. Такія выборныя должностныя лица суть: 1) цехмистръ, главный представитель братства во всѣхъ постороннихъ сношеніяхъ, председатель въ братскихъ собраніяхъ; онъ ведетъ переговоры и заключаетъ условія о воз-

награжденіи братству за погребеніе частныхъ лицъ; у него хранятся погребальныя принадлежности—мары и поклить (хоругви хранятся въ церкви); вообще это высшая администрація братства. 2) Ключникъ—братскій казначей; у него хранится сундукъ съ братскою казною, хотя ключъ отъ этого послѣдняго находится у цехмистра, такъ что каждый изъ нихъ самъ по себѣ не можетъ распоряжаться братскою казною безъ вѣдома и участія другаго. 3) Молодшій—родъ бирюча въ древнемъ Новгородѣ, исполнитель распоряженій цехмистра и полицейская власть въ братствѣ. Молодшій, напримѣръ, оповѣщаетъ членовъ братства о времени и мѣстѣ ихъ собраній и созываетъ братчиковъ на погребеніе. Подобно тому какъ въ древнихъ братствахъ такіе созывы производились посредствомъ отсылки братскаго знамени или иконы патрона братства, и въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ братствахъ, молодшій имѣетъ атрибутъ своей должности, служащій при сношеніяхъ его съ членами братства удостовѣреніемъ того, что онъ является какъ должностное лицо, находится при отправленіи обязанности. Такъ напримѣръ, въ одномъ шевскомъ братствѣ молодшій, созывая братчиковъ на сходки и погребеніе, приходитъ къ нимъ съ *ктыломъ* (сапожною колодкою), и уже въ такомъ случаѣ никто, подъ угрозою штрафа, не можетъ ослушаться его распоряженій. Въ ковальскомъ братствѣ, напримѣръ, атрибутомъ молодшаго служитъ желѣзная челоуѣкоподобная фигурка, которая и находится постоянно у молодшаго.

Избраніе этихъ должностныхъ лицъ производится, какъ уже было сказано, черезъ три года въ братскихъ собраніяхъ, бывающихъ ежегодно обыкновенно въ храмовой праздникъ братской церкви.

На этихъ собраніяхъ цехмистръ съ ключникомъ даютъ отчетъ о состояніи братской суммы и опредѣляется назначеніе, какое братство желаетъ дать своимъ денежнымъ средствамъ. Независимо отъ этихъ собраній, ежегодно въ опредѣленный день, происходятъ особенныя собранія братчиковъ, въ которыхъ совершаются заупокойныя моленья за всѣхъ умершихъ членовъ братства и заздравныя за живыхъ. За тѣмъ происходитъ братскій обѣдъ, необходимые для котораго припасы доставляются членами натурою, а водка и другіе напитки покупаются на счетъ братской суммы. Члены не являющіеся въ братскія собранія, какъ обыкновенныя такъ и чрезвычайныя, послѣ повторившихся неявокъ, подвергаются исключенію изъ братства.

Наконецъ, въ цеховыхъ братствахъ встрѣчаемъ мы и остатки братскихъ судовъ, какихъ не видимъ въ описанныхъ выше собственно церковныхъ братствахъ. Этотъ судъ естественно вытекаетъ изъ необходимости разрѣшать имущественныя споры, нерѣдко возникающіе между членами братства, какъ людьми по большей части промышленными. Для рѣшенія такихъ споровъ между собою члены брат-

ства и обращаются нерѣдко къ братскому суду, не смотря на полную юридическую некомпетентность этого послѣдняго. За нечестные поступки братчика относительно членовъ ли братства или постороннихъ лицъ, если только обиженная сторона прибѣгаетъ къ братской юрисдикціи, заносъ свою жалобу цехмистру, братство подвергаетъ виновнаго различнаго рода взысканіямъ. Вопреки обычаямъ древнихъ братствъ, въ новѣйшихъ цеховыхъ братствахъ мы встрѣчаемъ существованіе тѣлесныхъ наказаній. Такъ наприм. въ рѣзницкомъ братствѣ еще очень недавно существовало наказаніе, состоявшее въ томъ, что виновнаго ставили на колѣни на инструментъ, употребляемый для растягиванія свѣже содранныхъ овечьихъ шкуръ, и въ такомъ положеніи начинали трясти его за плечи; трясли иногда до того, что у наказуемаго показывалась кровь изъ носа и ушей; существовало также забиваніе виновныхъ въ колодки. Но все таки главнымъ, и въ настоящее время единственнымъ видомъ наказаній въ братствѣ, является наказаніе денежное, то въ видѣ денежныхъ штрафовъ, то, въ случаѣ несостоятельности оштрафованнаго, въ видѣ отбыванія натурою какихъ либо работъ въ пользу братства, наприм. копаніе могилъ для погребенія умершихъ братчиковъ или тѣхъ лицъ, заботы о погребеніи которыхъ принимаетъ на себя братство, доставленіе подводъ для потребностей братства и т. п.

Само собою разумѣется, что количество случаевъ примѣненія братскаго суда съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уменьшается.

Такова въ общихъ чертахъ форма, въ какой сохранились въ настоящее время остатки этого учрежденія, въ которомъ такимъ виднымъ образомъ выразилась общественная самодѣятельность юго-западной половины русскаго народа въ тяжелую пору его исторической жизни. Оттого-то это учрежденіе и живетъ такъ долго въ народѣ, представляя собою нѣсколько болѣе чѣмъ простой обычай или воспоминаніе старины. Но естественно, что подъ вліяніемъ новыхъ формъ общественной жизни, учрежденіе это все болѣе и болѣе вымираетъ, и недалеко то время, когда оно всецѣло перейдетъ въ область бытовой археологіи.

III.

О СТАРИННЫХЪ РУКОПИСЯХЪ ВЪ СИМБИРСКОЙ КАРАМЗИНСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ.

И. Я. Христофорова.

(Читано въ засѣданіи 4 августа.—См. Протоколы, стр. LII).

По обзорѣнію старинныхъ грамотъ, хранящихся въ Симбирской Карамзинской библиотекѣ, на мою долю выпалъ не легкій трудъ. Все что я нашель въ Карамзинской библиотекѣ стариннаго по части письменности попало туда случайно отъ разныхъ лицъ, лежало въ одной смѣшанной грудѣ, которую мнѣ же пришлось разбирать, приводить въ порядокъ и составлять для всѣхъ рукописей каталогъ (*). Кто читалъ въ подлинникахъ рукописи XVI, XVII и XVIII ст., тотъ знаетъ, что это не легкій трудъ, который увеличивался еще тѣмъ, что среди массы разнородныхъ старинныхъ свитковъ приходилось не мало разбирать и читать такихъ, которые лишены всякаго научно-историческаго интереса.

Всѣ старинныя рукописи, которыя я нашель и прочиталъ въ Карамзинской библиотекѣ, можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы:

1) Р у к о п и с н ы е с б о р н и к и разнаго содержанія. Свѣдѣнія объ этихъ сборникахъ, вмѣстѣ съ ихъ каталогомъ, я уже имѣлъ честь представить предварительному комитету IV-го Археологическаго Съѣзда, на имя его предсѣдателя, П. Д. Шестакова. Изъ числа этихъ сборниковъ два хронографа привезены мною на нынѣшній съѣздъ.

(*) Въ этомъ каталогѣ, кромѣ записныхъ книгъ симбирскихъ воеводъ, означенныхъ въ настоящемъ рефератѣ на слѣд. страницѣ подъ № 2, находятся слѣдующія рукописи:

1) С б о р н и к ъ о т к а з н ы х ъ з а п и с е й на владѣніе землями въ Симбирскомъ, Курмышскомъ и Казанскомъ уѣздахъ, данныхъ въ Симбирской приказной избѣ Ивану Федорову Кроткову и Ивану Алексѣеву Кроткову (1682—95 г.). Начало утрачено. Всѣхъ записей тринадцать, на 89 страницахъ, 4°.

2) Книги записныя всякимъ крѣпостямъ при симбирскихъ воеводахъ Степанѣ Аѳонасьевичѣ Собакинѣ и Алексѣѣ Матвѣевичѣ Кравковѣ, обнимающія время съ 1689 г. по 1701 г. Это единственные документы, уцѣлѣвшіе послѣ извѣстнаго симбирскаго пожара, изъ воеводской приказной избы или палаты въ Симбирскѣ. Всѣхъ крѣпостныхъ актовъ въ этихъ книгахъ сохранилось 49. Большая

2) Сборникъ разныхъ статей. Начало и конецъ утрачены. Въ немъ помѣщены: 1) краткія біографіи російскихъ государей со Святополка Изяславича до Іоанна VI, 2) исторія разоренія града Іерусалима Титомъ, 3) исторія взятія Константинополя Турками, списанная съ печатнаго изданія 176 года, 4) выписка изъ Степенной книги о посольствѣ Іоанна III къ кесарю Римскому Максимиліану, 5) хронологическая таблица съ обозначеніемъ событій изъ русской исторіи съ 1673 до 1725 г., 6) извѣстіе объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, 7) географія европейскихъ государствъ, списанная съ печатнаго изданія 1761 г., 8) выписки изъ газетъ за 1737 годъ.

3) Соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича 7157 (1649) года. Съ *виньетками*; хорошо писано; въ кожаномъ переплетѣ, 252 стр., fol.

4) Сборникъ указовъ и законовъ, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайловича и кончая указами императрицы Анны Іоанновны. Начало утрачено; переплета нѣтъ; 465 страницъ, fol.

5) Сборникъ узаконеній, начиная съ царя Михаила Феодоровича и кончая Петромъ Великимъ, относительно положенія крѣпостныхъ и бѣглыхъ крестьянъ въ Россіи. Въ кожаномъ переплетѣ, 157 стр., 4°.

6) Сборникъ печатныхъ и рукописныхъ указовъ императрицы Екатерины II. Въ кожаномъ переплетѣ; 1 томъ, 467 стр., fol.

7) Хронографъ премудраго Манасія и Сивирія, епископа Гавальскаго, относится къ XVII ст. и обнимаетъ историческія событія, начиная отъ сотворенія міра и кончая царствованіемъ Михаила Феодоровича. Замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ исторія славянскихъ государствъ излагается синхронистически съ исторіей Византіи и западно-европейскихъ государствъ. Въ кожаномъ переплетѣ; писанъ разными почерками; 321 стр., fol.

8) Оправдательная челобитная и письма къ разнымъ лицамъ боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева изъ Пустозерскаго острога, гдѣ онъ находился въ ссылкѣ съ 7184 (1676) по 7190 (1682) годъ. Въ кожаномъ переплетѣ; хорошо списанъ; 128 стр., fol.

9) Исторія Россійская (Шафировъ?) въ 7 книгахъ. Оканчивается царствованіемъ Петра Великаго. 1 томъ, 200 стр., 4°, въ пергам. переплетѣ.

10) Сборникъ, заключающій въ себѣ: а) лѣтописца Польскаго Александра Гвагнина (Гваньини) книги 7-й часть 4-ю, объ обычаяхъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича Московскаго и всея Россіи (стр. 102—150) и б) книгу о житіи и дѣяніяхъ того же государя, написанную Андреемъ Курбскимъ, княземъ Ярославскимъ, съ приложеніемъ писемъ Курбскаго къ Іоанну Грозному и другимъ лицамъ (съ 151 стр.). Въ корешковомъ переплетѣ, 4°, 1 томъ.

11) Сборникъ, заключающій въ себѣ: а) исторію о разореніи св. града Іерусалима и б) исторію плѣненія славнаго Царяграда, иже Константинополь и новый Римъ нарицается. Въ пергаменномъ переплетѣ 107 стр., 4°.

часть этихъ документовъ имѣеть только мѣстный историческій интересъ. Изъ нихъ между прочимъ видно, что первыми помѣщиками Симбирской губерніи были припельцы изъ разныхъ городовъ: изъ Костромы, изъ Верхне-Ломова, изъ Тулы, изъ Цывильска, изъ Казани.

3) Дѣловыя бумаги частныхъ лицъ, писанныя на свиткахъ ббльшей или меньшей длины и переданныя въ Карамзинскую библиотечку разными лицами. Число этихъ свитковъ достигаетъ до 500; изъ нихъ 205 я успѣлъ прочитать и составить къ настоящему сѣзду ихъ каталогъ; остальные же остаются не разобранными. По времени всѣ эти свитки относятся къ XVII ст. и только небольшая часть къ первымъ годамъ XVIII ст. По содержанію же всѣ они самисобою распадаются на слѣдующія группы:

а) *челобитныя* государямъ разныхъ служилыхъ людей о пожалованіи землею или за службу, или по случаю смерти ихъ родственниковъ на прожитокъ и кормленіе, или потому, что земли лежали порожними; б) *грамоты государей*

12) Книга, нарицаемая *Космографія*, сирѣчь всемирное описаніе земель. По содержанію своему имѣеть характеръ не столько описательный, сколько полемическій и обличительный. Въ началѣ этой книги помѣщены: а) краткое извлеченіе изъ какого-то хронографа о происхожденіи морей и рѣкъ съ краткимъ перечнемъ разныхъ земель и государствъ, б) краткое извѣстіе о Христовщинѣ (*Хлыстовской ереси*) и с) пѣснь на измѣнника проклятаго Мазепу, написанная силлабическими виршами. Писано изящно и съ виньетками; 1 томъ въ кожаномъ переплетѣ, 187 стр., fol.

13) *Земноводнаго круга краткое описаніе*. Изъ старыя и новыя географіи, по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Ягана Гибнера собранное и на нѣмецкомъ діалектѣ въ Лейпцигѣ напечатанное, а нынѣ повелѣніемъ Вел. Гос. Царя и Вел. Кн. Петра Перваго, Всероссийскаго Императора, на российскомъ подлинная напечатана въ Москвѣ 1719 года. А списывалъ оную лейб-гвардіи Преображенскаго полку солдатъ Мих. Ѳед. сынъ Назаревъ въ С.-Петербуртѣ съ печатной географіи своею рукою, декабря 22 дня 1735 года. 1 томъ, 245 стр., 4°. При этой книгѣ находится карта Палестины, черченая отъ руки, и изображеніе Европы въ видѣ царственной жены.

14) Политическія и нравоучительныя фабулы *Пильпая*, философа *Индійскаго*, или поведеніе знатныхъ и малыхъ людей. Переведены въ 1741 г. шляхетскаго кадетскаго корпуса сержантомъ Степаномъ Решетовымъ. 1 томъ въ 2-хъ част., 100 стр., 4°.

15) Собраніе арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь». Томъ 6-й (съ 211 ночи по 234). Рукопись XVIII ст. Въ бумажномъ, обложенномъ пергаменомъ, переплетѣ, 4°.

Въ письмѣ къ П. Д. Шестакову отъ 24 декабря 1876 г. И. Я. Христорофовъ обращаетъ особое вниманіе предварительнаго комитета на хронографъ и космографію, помѣщенные въ вышеприведенномъ каталогѣ подъ №№ 7 и 12. Полнѣе и лучше рукописей такого содержанія г. Христорофовъ не видѣлъ и въ Соловецкой библиотекѣ, хранящейся въ Казанской духовной академіи и извѣстной богатою коллекціею старинныхъ славяно-русскихъ рукописей. Эти двѣ рукописи были предстартены И. Я. Христорофовымъ на разсмотрѣніе IV Археологическаго Сѣзда.—*Ред.*

къ воеводамъ по этимъ челобитнымъ съ наказами изслѣдовать эти земли и описать на Москву, чтобы удовлетворить просителя; с) *выписи* изъ писцовыхъ, обыскныхъ и обѣльныхъ книгъ, изъ приправочныхъ, строемныхъ и переписныхъ книгъ на владѣніе землями и крестьянами, въ случаѣ утраты прежнихъ актовъ; д) *сказки* въ приказныхъ избахъ предъ воеводами и дьяками при изслѣдованіи тяжёбныхъ дѣлъ; е) *записи*: поступныя, закладныя, рядныя, мѣновыя, оброчныя и кабалныя и наконецъ ф) *купчія* крѣпости, *памяти*, *отписи* и другіе мелкіе сдѣлочныя акты между частными лицами (*).

(*) Нѣкоторыя изъ «дѣловыхъ бумиговъ» [подробнѣе чѣмъ въ текстѣ реферата перечислены И. Я. Христофоровымъ въ сообщеніи предварительному комитету IV Археологическаго Съѣзда, отъ 24 декабря 1876 г. Поэтому редакція считаетъ полезнымъ привести это перечисленіе:

1) Памятная отпись Михаила Кашкадамова Ѳедору Зеленому въ полученіи приданого (7205—1697 г.).

2) Сказка Толстова о межеваніи земли между властями Чудова монастыря и княземъ Волконскимъ.

3) Сдѣлочная запись на отысканіе и полученіе бѣглыхъ крестьянъ (7204—1696 г.). На этомъ же свиткѣ поступная запись въ бѣглыхъ принятыхъ крестьянахъ и замѣнѣ ихъ своими.

4) Челобитная великому господину, святѣйшему Іоакиму, патриарху Московскому и всея Россіи, о бѣглыхъ крестьянахъ, уступленныхъ его стряпчимъ, Матвѣемъ Кувшинниковымъ, Михайлу Олексину (7190—1682 г.).

5) Мѣновая запись, данная новокрещеномъ Алексѣемъ Ивановымъ сыномъ Мустофинымъ стольнику Ивану Андрееву сыну Толстому, на земли, доставшіяся первому послѣ дяди его Арзамаса Досмамета Мурзы Невѣрова сына Мустофина, въ Алатырскомъ уѣздѣ.

6) Запись Казанца Ѳедора Зеленова (7196—1688 г.), данная имъ на Москвѣ ясащнымъ Татарамъ деревни Сюдюковой, Свияжскаго уѣзда, на уступку *дикаго* поля, которое онъ отнялъ у нихъ прежде съ причиненіемъ имъ *боя*, *уничья*, *раззоренья* и *грабежа*, за которые Татары обязывались не искать съ него.

7) Запись (7189—1681 г.) казанскихъ князей Степана да Якима Асановыхъ, данная Ѳедору Зеленому на владѣніе на лѣвомъ берегу Волги, между Краснымъ яромъ и Маинскимъ устьемъ, сѣнными покосами, рыбными ловлями, *бобровыми* *юнами* и бортными ухояями. Эти земли отняты были у Асановыхъ двоюроднымъ ихъ братомъ, княземъ Петромъ Асановымъ, который, зазвавъ ихъ къ себѣ на дворъ, напоилъ пьяными и велѣлъ подписать запись, составленную, *мимо площадныхъ подъячихъ*, казанскихъ конныхъ стрѣльцовъ сотеннымъ подъячимъ; а теперь они продали эти земли Ѳ. Зеленому съ обязательствомъ заплатить 500 рублей въ случаѣ неустойки. Оба князя Асановы были безграмотны, и, по ихъ просьбѣ, руки приложены за нихъ другими.

8) Выпись съ отказныхъ и со владѣльныхъ книгъ, данная по указу царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны (7197—1689 г.) Ѳедору Зеленому на возвращеніе бѣглыхъ крестьянъ, поселившихся въ селѣ Ундорахъ, Воскресенское тожъ.

Кромѣ рукописей Карамзинской библіотеки, мнѣ удалось еще прочесть слѣдующіе документы изъ архива г. управляющаго Симбирскою удѣльною конторою, Ар. Ѳ. Бѣлокрысенко:

1) Книгу поземельныхъ актовъ Алаторской приказной избы, въ 296 страницъ, fol. Для исторіи Мордвы, жившей въ XVII ст. въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи, книга эта заключаетъ въ себѣ много весьма важныхъ указаній,

2) Окладную опись ясакомъ пришлыхъ русскихъ людей на покинутыя мордовскія земли, въ 177 страницъ fol., и наконецъ—

3) 22 свитка, касающіеся также поземельныхъ владѣній Мордвы. (Кромѣ этихъ у г. Бѣлкрысенко находятся еще до 200 свитковъ).

Всѣ эти историческіе документы касаются большею частію Симбирской губерніи въ нынѣшнемъ ея составѣ и только немногіе изъ нихъ указываютъ на сопредѣльные съ Симбирской губерніей уѣзды Казанской, Нижегородской и Пензенской губерній. Послѣ чтенія всего этого разнообразнаго историческаго матеріала получаютъ для исторіи этого края слѣдующіе общіе результаты:

1) Колонизація Русскими центральныхъ уѣздовъ Симбирской губерніи по Свіягѣ и Сурѣ началась не ранѣе XVII ст. и кончилась не ранѣе первой четверти XVIII ст. Это видно изъ того, что первыя писцовыя книги Алатырскаго уѣзда, составленныя Дмитріемъ Юрьевичемъ Пушечниковымъ и подъячимъ Леонасіемъ Костяковымъ, явились только при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1628 г. Ранѣе этого времени встрѣчаются лишь приправочныя книги Гнѣваша Норова, 7192 (1614) года, на которыя въ разныхъ документахъ попадаются лишь ссылки. Самый Симбирскъ основанъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1648 г. и тогда появились *строеныя книги* по городу Симбирску и его уѣзду перваго симбирскаго воеводы, Ивана Камынина. Бѣгство Мордвы съ старинныхъ своихъ земель и наплывъ русскихъ бѣглыхъ людей на покинутыя мордовскія земли и уголья тянутся, какъ видно изъ грамотъ, чрезъ все XVII ст. и не прекращаются даже во все царствованіе Петра Великаго.

2) Изъ всѣхъ грамотъ, которыя касаются поземельныхъ владѣній этого края, видно, что пространство между Волгой и Свіягой съ одной стороны и Свіягой и Сурой съ другой—въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи, было покрыто густыми липовыми и дубовыми рощами и хвойными лѣсами или, какъ вы-

Кромѣ того, въ Карамзинской библіотекѣ хранится пять печатныхъ жалованныхъ грамотъ царевны Софіи Алексѣевны, данныхъ разнымъ лицамъ на владѣніе землями и помѣстьями. Грамоты эти весьма хорошо сохранились: печати на нихъ всѣ цѣлы.

ражаются грамоты, *бревеннымъ* лѣсомъ, среди которыхъ въ разныхъ мѣстахъ встрѣчались луговья пространства большей или меньшей величины, называвшіяся по этому *полянми* и *полянками*. Изъ этихъ полянъ, каждая имѣла свое названіе, какъ напр. поляна—*Азартердя*, полянка—*Рокшазонда*, *Ява* и т. п. Все это пространство, кромѣ главныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ, сохранившихъ и доселѣ свое названіе, было изрѣзано множествомъ побочныхъ рѣчекъ и ручьевъ, которые также имѣли свои названія, какъ напр. рѣчки: *Ичикса*, *Печкорма*, *Колмалея*, *Бердѣй*, *Римлѣй*, *Нуя*, *Куря* и т. д. Многіе изъ этихъ рѣчекъ и ручьевъ или утратили свое старинное названіе, или съ уничтоженіемъ лѣсовъ и совѣмъ исчезли и превратились въ сухіе овраги. Среди этой лѣсистоя и хорошо орошаемой мѣстности было множество пчельниковъ, которые въ грамотахъ называются *бортные ухожеи*. Каждый изъ этихъ бортныхъ ухожаевъ носилъ свое названіе, какъ напр. *Кимжеманской*, *Велдямесинской*, *Бошацкой*, *Миренской*, *Каргашинской* и т. п. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой знакъ или знамя, какъ напр. *дугу*, на верху которой изображались заячьи уши, *кругъ*, въ срединѣ котораго вырѣзывались четыре или пять глазъ и т. п. Какіе здѣсь водились звѣри и птицы—это очень наглядно представлено въ одной челобитной, которую въ 1658 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, подали въ Алатырѣ воеводѣ и князю Ив. Ив. Щетинину крестьяне села Иванкова, принадлежавшаго въ то время князю Григорью Даниловичу Долгорукому. Въ этой челобитной между прочимъ говорится: „Се язъ служилой мордовской мурза Сайгановъ Башатовъ, Саранскаго уѣзду, деревни Иванковы, продалъ (означеннымъ крестьянамъ) вотчину свою *Ветжибуланской* засурской бортной ухожей, а взялъ я за ту свою вотчину полтора рубли пять алтынъ денегъ. А та моя Сайганова вотчина прежь сего была Кемая Мурзы Сычеева; а въ той вотчинѣ моей Сайганова знамя четыре глаза •• а въ другой знамя пять глазовъ ••••. А продалъ я, Сайгановъ, тое свою вотчину со всякими угоды, съ дѣльнымъ и не съ дѣльнымъ деревьемъ, со пнемъ и лежачею колодою, и съ звѣремъ: съ лосемъ, и съ волкомъ, и съ медвѣдемъ, и съ куницею, и со птицею, и съ лисицею, и съ лосинымъ и съ козинымъ станами, и со всякимъ звѣремъ и со птицею: съ совою, съ сычемъ, съ орловымъ и съ ястребовымъ гнездомъ и со всякими птицы“ (*). Въ другихъ грамотахъ часто встрѣчаются указанія на рыбныя ловли и *бобровыя гоны* какъ по Волгѣ, такъ и по Сурѣ съ ихъ притоками и источными озерами. Такъ въ записяхъ и купчихъ, данныхъ казанскими князьями Асановыми разнымъ лицамъ, не рѣдко повторяется: „Въ прошлыхъ годѣхъ дана вотчина прадѣду, и дѣду, и отцу нашему въ Казанскомъ уѣздѣ, за

(*) Книга Алатыр. приказной избы. № 5.

Камою рѣкою бортные ужожи, и бобровые гоны и рыбные ловли по Волгѣ рѣкѣ, на Нагайской сторонѣ, по Самарской дорогѣ, *Алтыбаевской* лугъ по рѣкѣ по Уренѣ... а по Волгѣ рѣкѣ на низъ отъ Маинскаго устья нижняя межа по Красной Ярѣ, повыше Симбирскаго городища, а верхняя межа ниже Самарскіе дороги по Маинское устье“ (1). Это было писано въ 1697 году, а въ настоящее время и представить нельзя, чтобы въ этихъ мѣстахъ когда-нибудь водились бобры.

3. Первобытными жителями лѣсистой равнины, по которой протекаютъ Свѣга и Сура, по актамъ XVII ст. были Буртасы, Мордва и Чуваши. Татары и Русскіе являются здѣсь позднѣйшими пришельцами.

Къ сожалѣнію, какъ въ актахъ Алатырской приказной избы, такъ и въ отдѣльныхъ грамотахъ мнѣ встрѣтились только косвенныя, отрывочныя указанія на Буртасовъ. Изъ этихъ указаній можно признать несомнѣннымъ только то, что въ нынѣшнихъ уѣздахъ Симбирской губерніи, Алатырскомъ и Ардатовскомъ, въ XVII ст. жили еще по рѣкѣ Сурѣ и ея притокамъ, среди Татаръ и Мордвы, Буртасы, которыхъ въ началѣ этого столѣтія было здѣсь больше, а къ концу столѣтія уже вовсе не встрѣчается. Такъ въ деревнѣ Нагаевѣ, по приправочнымъ книгамъ Гнѣваша Норова, въ 1614 г. было 42 двора буртасскихъ, а черезъ 10 лѣтъ, по писповымъ книгамъ Дмитрія Пушечникова 1624 г., ихъ осталось только 17 дворовъ; а въ концѣ столѣтія ихъ вовсе уже не было (2). Здѣсь же упоминаются вотчины буртасскія, говорится о буртасской дорогѣ, которая позднѣе называется Нагайскою. Земли Буртасовъ ясно отличаются отъ мордовскихъ. Такъ въ описаніи одной межи говорится: „Отъ лѣсу суходоломъ до рѣчки до Кселмы правая сторона буртасовская деревни Нагаевы, а лѣвая сторона земля мордовская деревни *Поводиловой*“. Сами Буртасы въ этихъ актахъ называются то просто *Буртасами*, то *буртасскими посотными* (?) *Татарами* (3). Но что это былъ за народъ, къ какому племени принадлежалъ и куда потомъ дѣлся?—прочитанные мною документы не указываютъ, а потому я и предоставляю рѣшеніе этихъ вопросовъ будущему времени, а самъ перехожу къ Мордвѣ.

Мордва, какъ видно изъ грамотъ, занимала луговья пространства, находившіяся между дубовыми и липовыми рощами и промышляла преимущественно пчеловодствомъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ. Чуваши жили въ болѣе глухихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ и занимались болѣе скотоводствомъ и звѣроловствомъ.

(1) Грам. Карамзин. библиот., № 29.

(2) Книга Алат. прик. избы, № 11 и 77.

(3) Грамоты Бѣлокрасенко, №№ 6, 11, 13 и 20.

Мордва жила общинами въ селахъ и деревняхъ, по которымъ и носила свое названіе. Такъ Мордва, жившая въ деревнѣ *Кулласовъ*, называлась *Кулласовская*, въ *Кечушевъ*—*Кечушевская*, въ Момадышахъ—*Момадышевская*, въ Отяшевѣ—*Отяшевская*, въ Кирзяти *Кирзлякая* и т. д. У этихъ общинъ были свои князья, которымъ они платили дань или ясакъ, перешедшій съ покореніемъ страны къ русскимъ государямъ. Такъ напр. Мордва деревни *Дубьнокъ*, вмѣстѣ съ другими податями царю Михаилу Ѳеодоровичу, должна была платить и князь-Колунзинской ясакъ, т. е. ясакъ, платившійся прежде князю *Колунзю*.

Земли и разныя угодья находились у нихъ въ общинномъ владѣніи и границы ихъ отъ притязаній сосѣда обыкновенно защищались цѣлою общиною, хотя при этомъ отдѣльныя лица изъ общины имѣли и свои частныя вотчинныя участки. Высшую областную единицу мордовскихъ общинъ, жившихъ въ селахъ и деревняхъ, составляли по актамъ XVII ст. такъ называемыя „*блляки*“, въ составъ которыхъ входило нѣсколько сосѣднихъ селъ и деревень. Поэтому въ справкахъ изъ писцовыхъ книгъ мордовскія деревни обыкновенно опредѣляются такъ: „деревня *Налетева*, а *Малая Морга*, тожь на рѣкѣ на *Чеберчинкѣ*, *Алышевскаго блляка*“, или „деревня *Нагаева*, *Чултаново* тожь, на рѣчкѣ на *Чучермѣ*, *Кылдюшевскаго блляка*“⁽¹⁾. Такихъ *блляковъ* въ книгѣ Алатырской приказной избы встрѣчается много, какъ напр. *Дебердеевской бллякъ*, *Кержацкой бллякъ* и т. д. Такимъ образомъ отсюда, кажется, ясно видно, что подъ именемъ *блляковъ* нужно разумѣть не племя какое-нибудь, какъ ошибочно представлялъ Кеппенъ (См. 37-й вопросъ изъ предложен. къ обсужд. на Съѣздѣ), а мѣстное областное названіе нѣсколькихъ мордовскихъ или, вообще инородческихъ селъ и деревень, въ родѣ теперешнихъ волостей.

О поземельныхъ владѣніяхъ Чувашъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи, мнѣ встрѣтилось не много грамотъ. Замѣчательно, что въ цѣломъ сборникѣ актовъ Алатырской приказной избы, касающихся почти во всемъ своемъ составѣ поземельныхъ владѣній Мордвы, нѣтъ ни одного акта, который бы относился къ поземельнымъ владѣніямъ Чувашъ. Многіе акты этого сборника ясно говорятъ о юридической, а иногда и о рукопашной борьбѣ Мордвы за свои старинныя земли, между тѣмъ какъ о Чувашихъ упоминаютъ только вскользь, какъ напр. о сосѣдяхъ по межамъ и то рѣдко. О положеніи Чувашъ въ XVII ст. мнѣ встрѣтилось слѣдующее извѣстіе въ челобитной симбирскихъ помѣщиковъ, братьевъ Кроткихъ или Кротковыхъ, поданной на имя царя Ѳеодора Алексѣевича въ 1681 году. Въ этой челобитной между прочимъ говорится, что по обѣ сторо-

⁽¹⁾ Книга Алатыр. приказ. избы, № 77.

ны рѣчки *Тукшума*, въ Симбирскомъ уѣздѣ, поселились безъ указа великаго государя и безъ отводу *служилые Чуваша*, отборнаго полку солдаты Янтуганка Атузановъ да Сабайко Москаевъ съ товарищи, всего 20 человекъ. Когда съ этой земли, которую просили себѣ Кротковы, служилымъ Чувашамъ велѣно были сойдти, они стали просить отвести имъ земли противъ ихъ братіи служилыхъ солдатъ изъ порожней земли по рѣкѣ *Теренгулу*, по обѣ стороны до устья, но и въ этой землѣ получили отказъ, такъ какъ ее также просили себѣ Кротковы, которымъ она и была отдана⁽¹⁾.

Татары являются здѣсь уже позднѣйшими пришельцами, и въ актахъ XVII ст. поселенія ихъ нерѣдко упоминаются въ сосѣдствѣ мордовскихъ и чувашскихъ деревень. Есть также указанія на набѣги *нагайскихъ* Татаръ на мордовскія деревни изъ-за Волги. Такъ въ 1620 году Мордвины Алаторскаго уѣзда, Караалко Учунзинъ да *Тинялко* Андосевъ съ товарищи, подали челобитную царю Михаилу Ѳеодоровичу о выдачѣ имъ новой выписи на владѣніе землею, въ которой написано: „Прежде сего жили мы въ *Алаторскомъ* уѣздѣ на *Алтышевъ* полянѣ и съ *Алтышевы* поляны перешли-было жить въ *Алаторской* же уѣздѣ въ деревню *Алову* и въ прошломъ 120 (1612) году, какъ приходили въ *Алаторской* уѣздѣ воинскіе Нагайскіе люди и у насъ въ той деревнѣ *Аловѣ* жены и дѣти и животы поймали, и мы, бояся впредь отъ Нагайскихъ людей разоренья, сошли жить на ту *Алтышеву* поляну и нынѣ намъ этою поляною владѣть не по чему, потому что выпись въ приходъ Нагайскихъ людей утерялась и государь пожаловалъ бы насъ, велѣлъ намъ дать на тое поляну выпись“⁽²⁾.

4. Первыми русскими колонизаторами нынѣшней Симбирской губерніи были казаки и бѣлые крестьяне, а за ними уже, для введенія московскихъ государственныхъ порядковъ, являются *разные служилые люди*: воеводы съ товарищами, дьяки, подъячіе, писцы и переписчики. Что порядокъ колонизаціи былъ дѣйствительно такой, на это есть указанія во многихъ изъ прочитанныхъ мною актовъ. Изъ этихъ актовъ видно, что всѣ ближайшія къ Симбирску русскія села и деревни были въ XVII ст. *казачьими слободами*. О поселеніи казаковъ въ другихъ уѣздахъ есть также не мало указаній. Такъ въ 1637 году Мордвины деревни *Пичевели*; Алатрыскаго уѣзда, Нушталко Копасовъ съ товарищи въ челобитной царю Михаилу Ѳеодоровичу писали, что „они Мордва изстари жили въ тяглѣ той деревни *Пичевели*, а пашни-де было за ними въ дачахъ три выти и *какъ-де* *почали* *быть* *близко* *ихъ* (казацкіе) *застычны* *голови* и всякіе государевы слу-

¹⁾ Грам. Карамз. библ.

²⁾ Книга Алатор. приказ. избы, № 103.

жилые люди тому осмой годъ и та де ихъ деревня заустѣла отъ обидъ и нало- ги, и дана была имъ отъ обидъ ратныхъ людей земля на *Ушть* на *Лукutti* и тутъ-де на засѣкѣ почали жить безпрестанно засѣчные головы и имъ Мордвѣ чинятъ налогъ и обиду великую и та де ихъ деревня *Пичевель* на *Ушть* на *Лукуtti* заустѣла, а они-де Мордва отъ ихъ насильства и отъ обиды разбрелись врознь и живутъ по разнымъ деревнямъ“ (1). Въ 1640 году Мордвины Алаторскаго уѣзда, *выставки* изъ деревни *Тетинеевской Кашимурскаго бѣляка*, Алтышко Апковъ съ товарищи, также били челомъ, что ихъ Мордву въ папнѣ и сѣнныхъ покосахъ обидятъ *Барышскіе станишныя казаки* и просили имъ выдать выписъ на землю, которою они владѣли изстари (2).

Отъ притѣсненій и обидъ казацкихъ Мордва оставляла свои жилища и земли не только отдѣльными семьями, но и цѣлыми деревнями и бѣжала въ разныя стороны. Оставленныя мордовскія земли и жилища занимаютъ *бѣглые русскіе люди*, а потомъ помѣщичьи крестьяне. Такъ изъ тяжёбнаго дѣла Мордвы деревень: *Вельмисева* починка, *Кирзяти*, *Морги* и *Сазнины* съ стольниками Михаиломъ да Ѳедоромъ Плещеевыми въ 1668 г. видно, что прадѣды, и дѣды, и отцы ихъ владѣли въ означенныхъ деревняхъ, по писцовымъ книгамъ Дмитрія Пущечникова 1626 г., лѣсами и рыбными ловлями, и бобровыми гонами и сѣнными покосами; а Плещеевы въ 1668 г. завладѣли насильствомъ своимъ ихъ верховымъ оброчнымъ лѣсомъ *вземъ помроі* (?) и прочимъ угодемъ и завели въ тѣхъ ихъ дачахъ *будныя* (?) два стана и на тѣхъ будныхъ станахъ дѣльныя 'со пчелами и недѣльныя деревья вырубил и сѣнными многими покосы, и озерами, и *глушницами* (?) завладѣли; а крестьяне Плещеевыхъ мордовскіе пчельники выжгли и стали тутъ драть лыко и жечь золу. Для изслѣдованія этой тяжбы посланъ былъ въ 1669 г. изъ Приказа тайныхъ дѣлъ Артемій Ивановичъ Агибаловъ да подъячій Алексѣй Ерофеевъ, которые, пріѣхавъ на *Алаторь* и взявъ у воеводы Хрущева подъячихъ и посадскихъ людей, и стрѣльцовъ, и казаковъ, и пушкарей, и затынниковъ, старожиловъ и уѣздныхъ людей: поповъ, и старостъ, и цѣловальниковъ, и крестьянъ, и Мордву, многихъ стороннихъ людей,—поѣхали въ тѣ мордовскія деревни и нашли въ нихъ много дворовъ пустыхъ, такъ что въ одной деревнѣ *Кирзяти* въ 1628 г. было 25 мордовскихъ дворовъ, а въ 1649 г. 19 дворовъ изъ нихъ уже выбѣжали и записались по новымъ городамъ: по *Атемару*, по *Корсуну* и по *Синбирску*; на мѣсто же выбывшихъ прибыло 9 дворовъ бѣглыхъ русскихъ людей въ 1669 г. Изслѣдовавъ дѣло, Агибаловъ, чтобы дать

(1) Книга Алатор. прик. избы, № 20.

(2) Ibid. ,

Мордвѣ оборону, велѣлъ четверыхъ плещеевскихъ крестьянъ бить при многихъ людяхъ на козлѣ кнутомъ за то ихъ воровство и заплатить Мордвѣ 60 руб. денегъ, а Мордвѣ вотчинными полянками владѣть по прежнему (¹).

Какъ великъ былъ въ XVII ст. наплывъ бѣглыхъ русскихъ людей на мордовскія земли, показываетъ ясно „Окладная книга ясакомъ пришлыхъ русскихъ людей на покидныхъ мордовскихъ земляхъ“, составленная въ 1705 году. Въ этой книгѣ записаны по порядку 24 мордовскихъ деревни, оставленныя жителями только въ двухъ уѣздахъ Симбирской губерніи: въ *Алаторскомъ* и *Ардатовскомъ*. Въ этихъ деревняхъ было насчитано 1485 дворовъ, въ которые набралось къ началу XVIII ст. бѣглыхъ русскихъ людей мужеска и женска полу 3,479 человекъ, которые всѣ, не исключая и женщинъ, обложены были ясакомъ, по полтинѣ съ души. Въ деревнѣ *Сыресево*, по окладной книгѣ ясакомъ было 90 дворовъ занятыхъ Русскими. Изъ нихъ, по переписнымъ книгамъ князя Василья Путятина, въ 1688 оставалось только четыре двора мордовскихъ, но въ слѣдующихъ годахъ и изъ этихъ дворовъ *Мордва отъ скудости бѣжали всѣ безъ остатку*, такъ что въ 1698 г. Петръ Великій послалъ указъ земскимъ бурмистрамъ дворцовыхъ алаторскихъ сель, въ которомъ повелѣвалъ *бѣглую Мордву сыскивать* въ разныхъ понизовыхъ городахъ, высылать въ *Алаторскій* уѣздъ, отдавать прикащикамъ, которымъ велѣно ихъ принимать и селить на прежніе ихъ тяглые жеребьи. Но четыре двора Сыресево Мордвы, услышавъ государевъ указъ, сами пришли на старыя мѣста (²).

5. Велѣдъ за казаками и бѣглыми крестьянами устремляются къ захвату земель въ Симбирской губерніи разные *служилые* или *приказные* русскіе люди и начинаютъ здѣсь юридическую борьбу въ московскихъ приказахъ и мѣстныхъ воеводскихъ избахъ, съ одной стороны съ инородцами, съ другой—съ казаками за владѣніе землею, которую они въ своихъ челобитныхъ обыкновенно объявляютъ *пустопорожнею*. Чтобы видѣть, какъ происходила эта борьба, я считаю умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ прочитанныхъ мною актовъ. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ завязалось тяжёлое дѣло о помѣстной землѣ Алаторца Кузьмы Гречина съ Мордвинами деревни *Коласево*—Туушкой Лопасевымъ съ товарищи. Та и другая сторона подали челобитныя и представили записи на владѣніе одною и тою же землею. Разслѣдовать дѣло поручено было алаторскому воеводѣ Венедикту Сухотину (1643 г.), „пославъ на спорную землю кто пригожь и кого бы на такое дѣло стало“. По изслѣдованію оказалось, что Кузьма

(¹) Книга Алат. прик. избы, № 9.

(²) Ibid., № 100.

Гречинъ неправильно завладѣлъ мордовскою землею, *ложно объявивъ ее порозжею* и поэтому его крестьянъ велѣно было сослать съ этой земли. Но Гречинъ и его крестьяне не захотѣли идти съ земли и подали новую челобитную. Тогда предписано было алаторскому воеводѣ Алексѣю Тереньтьевичу Чубарову произвести новое изслѣдованіе и Мордвѣ велѣть по прежнему указу владѣть землею, а алаторскаго помѣщика Кузьму Гречина и его крестьянъ съ той земли сослать, „а *буде онъ Кузьма, или люди его и крестьяне по прежнему учиняща сильны и царскаго указу не послушаютъ, и съ земли не очистятъ, и тѣхъ Кузьминыхъ людей и крестьянъ сослать въ неволю, а за ослушаніе велѣть ихъ прислать на Алаторь и посадить ихъ на время въ тюрьму насколько пригоже, чтобъ впредь въ той землѣ у нихъ съ Мордвою никакого спору не было*“ (¹).

При царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ Казанецъ Θεдоръ Зеленой выпросилъ себѣ *на оброкъ* луга, которыми прежде пользовались ясашные Чуваши деревни *Сюлдюковы*, Свѣяжскаго уѣзда, объявивъ ихъ *порозжими*. Чуваши этой деревни, Арсланко Сюлдюковъ да Юрка Семибратовъ съ товарищи начали чинить Зеленому многія обиды: коровъ и всякую скотину красть и свиней на своей землѣ бить до смерти, а въ 1680 г. они жъ Арсланка да Юрка съ товарищи *прѣхали на его оброшную землю съ лугами* и землю попахали и посѣяли десятинь съ двадцать, а къ суду въ Казань не ѣдутъ. Поэтому Ѳ. Зеленой подалъ челобитную, въ которой просилъ великаго государя его пожаловать велѣть на тое Чувашу въ обидахъ и въ налогахъ и въ ихъ воровствѣ дать судъ въ Казани; вслѣдствіе этого суда Зеленому и дана была грамота на владѣніе тѣми лугами, за помѣтою дьяка Василья Посникова и за справою подъячаго Ивана Козлянинова (²).

Въ 1682 году симбирской помѣщикъ Иванъ Кротковъ просилъ отдать ему сѣнные покосы, принадлежавшіе казакамъ *Карлинской* слободы, называвшейся прежде *Кураловымъ городкомъ*, объявивъ эти покосы порозжими и въ помѣстьѣ, и въ вотчину, и на оброкъ никому не отданными. Хотя по справкѣ въ приказѣ Казанскаго Дворца въ симбирскихъ строемныхъ книгахъ 157 и 158 г. (1649 и 1650 г.) стольника и воеводы Ивана Камынина и значилось: „въ Симбирскомъ уѣздѣ отмѣряно на пашню земли Куралова городка карлинскимъ переведеннымъ коннымъ казакамъ сту человекать: дву-петидесятникомъ, осмидесятникомъ, девяносто рядовымъ, двѣ тысячи сто двадесать четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, да имъ же дано сѣнныхъ покосовъ по Свѣягѣ рѣкѣ противу ихъ братій *Лебязей* слободы конныхъ казаковъ“,—однакожъ, по указу царя Θεодора Алексѣевича и

(¹) Книга Алатор. прик. избы, № 60.

(²) Грам. Карамз. библ., № 22.

по наказной памяти стольника и симбирскаго воеводы князя Якова Федоровича Долгорукова у кураловскихъ казаковъ ихъ старыя сѣнные покосы велѣно отобрать и отдать Ивану Кроткову по старымъ межамъ и гранямъ, а имъ отвести новые (¹).

Изъ тяжбнаго дѣла Преображенскаго полка бомбардира Артемья Разстригина съ Мордвинами Алаторскаго уѣзда, села *Дмитровскаго, Собаченки* тожь, о помѣстной землѣ видно, что инородцы, заручившись документами на владѣніе землею, не всегда спокойно подчинялись новымъ воеводскимъ распоряженіямъ и силою отстаивали свои права. Такъ, когда изъ Саранска посланы были дворянинъ и подьячей повѣрить ихъ межи на спорной землѣ. то ясапная Мордва деревни Собаченокъ, „собрався многочисленствомъ съ рогатины и съ саадаки и съ дубьемъ, ихъ не пустили и изъ луковъ по нимъ стрѣляли и крестьянъ Артемья Разстригина дубьемъ били и трехъ человекъ изъ луковъ подстрѣлили, а четвертаго отвезли къ себѣ въ деревню, и той земли по урочищамъ досматривать, и описывать и чертежу чинить не дали“... А послѣ того тѣ же ясапные крестьяне въ 1700 г. мостъ въ Саранскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ *Оторленки* изрубили и землю крестьянъ Разстригина завладѣли и сѣно воровски свозили, а у допросу въ Саранскѣ отговаривались, что они владѣютъ тою землею по памяти, данной имъ отъ Ивана Сухова (*).

Какъ воеводы дѣйствовали иногда при размежеваніи земель между Мордвою и казаками съ одной стороны и русскими помѣщиками съ другой, видно изъ тяжбнаго дѣла, возникшаго въ 1703 году у вдовы Григорья Петрова сына Годунова, Марыи Годуновой, и у Мордвинъ Алатырскаго уѣзда, дворцовой волости, деревень *Низовки* и *Кученяевки*, Паксеванки Кечаева и Планки Бочарова съ алаторскимъ же помѣщикомъ Степаномъ Зимницкимъ. По челобитнымъ тяжущихся прислана была на Алаторь великаго государя грамота къ стольнику и воеводѣ Осипу Кафтыреву и велѣно было ему „на спорную землю ѣхать самому или послать отъ себя изъ дворянъ кто пригожь, и о межеваніи ихъ земли учинить по указу великаго государя и по писцовому наказу и о томъ велѣно писать и межевыя книги прислать, а вмѣстѣ съ этимъ Степанову дачу въ селѣ Зимницахъ отъ казачьихъ и отъ стрѣleckихъ дачъ отмежевать“. Мордва деревень *Низовки* и *Кученяевки* провѣдала, что Степанъ Зимницкій съ товарищи закупилъ и уговорилъ воеводу Осипа Кафтырева отдать ему ихъ мордовскую старую дачу, тяглую землю. И вотъ, когда сдѣлалось извѣстно, что воевода выѣхалъ изъ го-

(¹) Книга Симбир. приказн. избы, № 3.

(*) Книга Алатырскаго приказн. избы, № 56.

рода, то Мордва означенныхъ деревень вышла на свое мордовское поле, чтобы защищать его силою. Когда воевода Осипъ Кафтыревъ узналъ объ этомъ, „то собрався великимъ собраніемъ и многолюдствомъ, со многими служилыми людьми, и съ понятыми, съ ружьемъ и съ пушки, а Степанъ Зимницкій съ товарищи и многолюдствомъ же, съ людьми своими и со крестьяны съ ружьемъ, и съ коньми, и съ бердыши, и съ рогатины, и съ пищали, и съ луки, пріѣхали въ ихъ мордовскую волость на тѣ земли деревни Низовки да деревни Кученяевки и воевода велѣлъ по нимъ Мордвѣ изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ стрѣлять и трехъ человекъ изъ деревни Кученяевки изъ пушекъ побилъ до смерти, а именно: Оску Базарина, Ивашку Болдина и Тезянку Савтакова, и тѣ мертвые тѣла пропали безъ вѣсти. А Степанъ Зимницкій съ товарищи и съ людьми и со крестьяны гнали за ними Мордвою до вышеписанныхъ ихъ мордовскихъ деревень и многихъ коньми и рогатины кололи, и бердыши рубили, и изъ ружья стрѣляли, и нынѣ они, Мордва, отъ тѣхъ ранъ лежатъ при смерти. Да онъ же Степанъ Зимницкій, пріѣхавъ въ тое ихъ деревню Кученяеву, въ домахъ у нихъ деньги и платя и у женъ ихъ и у дѣтей вѣнцы и серги пограбилъ и многихъ лошадей и скотину побралъ. При этомъ воевода Осипъ Кафтыревъ многую ихъ мордовскую землю съ посѣяннымъ аржанымъ хлѣбомъ и покошеннымъ сѣномъ отмежевалъ къ селу *Зимницалъ* и поставилъ грань среди той ихъ деревни Кученяевы и 23 человекъ Мордвы велѣлъ побрать въ городъ *Алатырь* и пыталъ ихъ безвинно многими разными пытками до взятокъ своихъ, и огнемъ жегъ, и запыталъ до смерти трехъ человекъ, и тѣло Китанки Котякова велѣлъ бросить за городъ, за Суру рѣку, а тѣло Оедьки Жданова изъ приказной избы отдалъ на выкупъ, а за тѣло Тебанки Дмитріева просилъ у нихъ многихъ взятокъ, а остальныхъ Мордвовъ пыталъ также изъ-за взятокъ“. Такъ описывала свое поражение сама Кученяевская Мордва, прося въ своей челобитной великаго государя пожаловать ихъ—велѣтъ въ томъ ихъ мордовскомъ разореньи и увѣчи розыскать и землю ихъ размежевать. Въ то же время вдова Марѳа Леонасьевна Годунова въ своей челобитной писала, что „воевода Осипъ Кафтыревъ, пріѣхавъ межевать казачьи земли и Степана Зимницкаго и друга Зимницкимъ помѣщикомъ, не мѣривъ ихъ казацкихъ земель и вымысломъ своимъ, знамо для взятокъ, не освидѣтельствовавъ ихъ дачъ, захватилъ многую ея *посошную* (посошную?) и пашенную крѣпостную землю изъ стариннаго владѣнья алаторской ея вотчины села *Тургенева*, гдѣ изъ Зимницкихъ помѣщиковъ владѣнья никогда не бывало; а пріѣхавъ на ея землю, онъ спорную челобитную не принялъ, разводу по урочищамъ не далъ и, друга Зимницкимъ помѣщикомъ, крестьянъ ея билъ и увѣчилъ, насильствомъ своимъ побралъ многихъ лошадей, и поймавъ шесть человекъ ея крестьянъ, пыталъ, бивъ кнотомъ

и держа въ тюрьмѣ, а крѣпость ея на земли, которую ему представилъ человѣкъ ея, не возвратилъ“ (¹). Въ 1704 году для разбора всѣхъ этихъ межевыхъ споровъ былъ посланъ стольникъ Яковъ Григорьевичъ Левашовъ, который и удовлетворилъ всѣхъ челобитчиковъ. Между тѣмъ много Мордвы, какъ видно изъ этого же дѣла, разбѣжалось.

Захватъ мордовскихъ и вообще инородческихъ земель, производимый въ XVII ст. разными чиновъ русскими людьми, извѣстенъ былъ и великимъ государямъ, которые противъ этого издавали законы и посылали указы. Такъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (гл. 16, ст. 46) запрещено подъ страхомъ опалы пріобрѣтать у инородцевъ какимъ-бы то ни было образомъ земли. Въ наказѣ изъ канцеляріи ясашнаго сбора, за рукою дьяка Степана Вараксина, данномъ переписчику Ивану Сухову, посланному въ 1704 году для переписи инородческихъ земель, захваченныхъ Русскими, написано: „Вѣдомо Великому Государю учинилось, что Арзамасскаго и Алаторскаго уѣздовъ и всѣхъ низовыхъ городовъ у ясашныхъ людей, и у Татаръ, и у Чувашъ, и у Мордвы, и у иныхъ иноязычныхъ дѣнниковъ и новокрещенъ *разныхъ чиновъ люди* изъ стариннаго ихъ владѣнья многія ихъ земли, и лѣса, и иныя всякія угоды завладѣли и *населились насильствомъ своимъ*, а индѣ, побравъ ихъ иновѣрцевъ и новокрещенъ земли и всякія угоды покупками, закладами, и сдачами и иными крѣпостями, заселили ихъ своими крестьянами, *назвавъ эти земли порозжими и дикими полями*, и отъ такого утѣсненія иновѣрцы разошлись въ разныя мѣста и нынѣ также бредутъ врознь“. Чтобы прекратить эти злоупотребленія Петръ В. повелѣлъ „тѣхъ низовыхъ городовъ ясашныхъ людей во всякомъ управленіи и зборами вѣдать въ Семеновской канцеляріи ясашнагобору“ (²).

Наконецъ большая часть грамотъ Карамзинской библіотеки, поступившихъ въ нее отъ частныхъ лицъ, живо очерчиваетъ частную жизнь и общественную дѣятельность русскихъ дворянъ и помѣщиковъ въ XVII столѣтіи. Изъ этихъ грамотъ ясно видно, какъ дворяне, или вѣрнѣе сказать, *служилые русскіе люди* пріобрѣтали свои имѣнія и помѣстья службой государямъ, покупкой, мѣной, наслѣдствомъ и заключеніемъ брачныхъ записей съ полученіемъ приданого; видно, какъ они заселяли эти земли, переводя крестьянъ изъ другихъ губерній, принимая бѣглыхъ, сманивая ихъ другъ у друга и наконецъ закабалая *свободныхъ государевыхъ людей*, доведенныхъ бѣдностью до безвыходнаго положенія; видно, какъ помѣщики дѣлали наѣзды на имѣнія другъ друга, производили здѣсь боевыя свал-

(¹) Книга Алатор. приказной избы, № 24.

(²) Ibid, № 26.

ки, увѣче крестьянамъ, убійства и грабежи, потомъ судились и мирились въ воеводскихъ и приказныхъ избахъ. До 100 такихъ грамотъ въ Карамзинской библіотекѣ относятся къ жизни и дѣятельности одного казанца, **Т е д о р а А л е к с ѣ в и ч а З е л е н а г о**, бывшаго сначала стрѣлецкимъ головой, потомъ полковникомъ и стольникомъ, бравшаго на откупъ рыбныя ловли и разные денежные сборы и скопившаго такимъ образомъ себѣ большія имѣнія въ Казанской и Сибирской губерніяхъ, такъ что по этимъ грамотамъ можно бы составить цѣлую его біографію, которая не лишена интереса для знакомства съ русскими провинціальными дѣятелями XVII столѣтія.

Вотъ вкратцѣ то общее содержаніе, которое я вынесъ изъ прочитанныхъ мною старинныхъ документовъ. При этомъ чтеніи у меня не разъ возникала мысль, что немаловажнымъ вкладомъ въ русскую исторію могли бы послужить эти акты, если бы нашлись люди для приведенія ихъ въ систематическій порядокъ и средства для изданія ихъ.

IV.

КЪ ИСТОРИИ ВОЙНЪ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА СЪ КАЗАНЬЮ (').

А. И. Маркевича.

Разсматривая сохранившіеся въ разрядныхъ книгахъ мѣстническіе случаи, легко замѣтить, что чѣмъ обычнѣе былъ какойнибудь разрядъ, тѣмъ чаще встрѣчается въ немъ мѣстничество; главныя массы, напримѣръ, мѣстническихъ случаевъ падаютъ на береговой разрядъ, на разрядъ походовъ въ Ливонію, Литву, противъ Шведовъ и т. д. Такъ какъ столѣтняя борьба съ Казанью несомнѣнно должна была вызывать частые походы, то весьма вѣроятно, что во время ихъ должно было происходить и мѣстничество. Къ сожалѣнію главные источники для знакомства съ случаями мѣстничества въ XVI вѣкѣ, какъ то разрядная въ Древн. Росс. Вивліофікѣ, т. XIII и XIV, и разрядная въ Симбирскомъ Сборникѣ—начинаются позже взятія Казани, разрядныя же съ половины XV до половины XVI вѣка еще не напечатаны (см. Дворцов. Разряды I, XXXI и сл. и Опис. рукопис. Румянц. Музея, №№ СССXXXVII—СССXL), и я не могъ ими пользо-

(') Сообщение это не было доложено Съѣзду, но помѣщается въ его «Трудахъ», какъ матеріалъ, нелишенный интереса для исторіи Казанскаго края.—Хотя многія данныя, въ немъ заключающіяся, и вошли въ составъ изданнаго уже А. И. Маркевичемъ изслѣдованія о мѣстничествѣ (ч. I, Русская исторіографія въ отношеніи къ мѣстничеству, Кіевъ 1879 г.—См. напр. стр. 49—51—53—58; 260 и слѣд., 426—427 и мног. др.), тѣмъ не менѣе редакція «Трудовъ IV-го Археолог. Съѣзда» печатаетъ настоящее сообщеніе въ виду того обстоятельства, что группировка данныхъ въ сообщеніи г. Маркевича совершенно другая, чѣмъ въ его же изслѣдованіи, вслѣдствіе различія задачъ того и другаго. Сообщеніе посвящено специальному вопросу о случаяхъ мѣстничества въ походахъ подъ Казань, изслѣдованіе же представляетъ обзоръ источниковъ и монографій по мѣстничеству вообще. Поэтому, если бы читатель изслѣдованія пожелалъ остановиться на вопросѣ, которому посвящено сообщеніе, ему пришлось бы дѣлать выборку, представляющуюся въ сообщеніи уже готовою.—*Редакція.*

ваться. Однако изъ иныхъ, имѣющихся у меня подъ руками источниковъ, можно вывести кое-какіе факты и соображенія относительно мѣстничества во время казанскихъ походовъ.

Въ походахъ на Казань XV вѣка, при Иванѣ III, отыскать мѣстничество невозможно, такъ какъ раньше другихъ занесенный въ разрядныя случаи—нежеланіе Юрія Захарьича быть въ сторожевомъ полку (Карамзинъ, изд. Эйнерл., т. VI, стр. 185, примѣч. 489) былъ въ 1500 году. Поэтому мы совѣмъ опускаемъ походы 1467—1469, 1478 и 1487 (*ibid.*, стр. 8—16, примѣч. 27, стр. 114 и слѣд.). Далѣе, относительно защиты Казани въ 7008 (1500) г. офиціальныи разрядъ не сохранился, а въ частной на него ссылкѣ о мѣстничествѣ не упоминается (Истор. Сборникъ, изд. Погодинымъ т. V, стр. 247). Относительно похода 1505 г. тоже подобныхъ свѣдѣній нѣтъ (Кар. VI, 209). Возможно, что были и еще походы на Казань, но въ настоящее время, за границую, я почти не имѣю подъ руками способа пополнить Исторію Карамзина.

При великомъ князѣ Василѣ Ивановичѣ состоялся походъ 7114 (1506) г., и въ немъ мѣстничество не обозначено (Истор. Сборн. V, 256; Кар. VI, стр. 7—10, прим. 8 и 13) тоже и въ походъ 7028 (1520) года ('). Въ 1521 году, когда была война съ Крымскимъ и Казанскимъ ханами и князь Дмитрій Бѣльскій проигралъ битву на Окѣ, а Магметъ-Аминъ дошелъ до Москвы, надъ воеводами назначенъ былъ судъ. Князь Дм. Бѣльскій остался ненаказаннымъ, а наказали князя Ив. Воротынского. Не было ли здѣсь мѣстничества? (Кар. VII, стр. 69, пр. 229; Собр. Госуд. Грам. и Дог. I, 425), но положительно сказать этого нельзя. Въ 7031 (1523) году былъ походъ на Суру для постройки города Василь-Сурска; въ частныхъ разрядахъ этого похода мѣстничество не указано, офиціального же разряда похода нѣтъ (Ист. Сб. V, 243, 270).

Слѣдующій походъ противъ Казани состоялся въ 7032 (1524) г., и въ немъ мѣстничества нѣтъ, хотя князь Ив. Бѣльскій за походъ былъ наказанъ (Кар. VII, стр. 79—81, примѣч. 265, 271, по Казанск. Лѣтоп. гл. 18.—Ист. Сб. V, 271.—Собр. Гос. Гр. и Дог. I, 423).

Новый походъ былъ въ 7038 (1530) году (Ист. Сб. V, 246—разрядъ судовой рати; Карамз. VII, примѣч. 302; по Каз. Лѣт. гл. 19 небольшая разниа: въ большомъ полку есть еще князь Михайлъ Иванов. Кубенскій. Здѣсь же раз-

(') Сохранился еще разрядъ 7024, 7025 г. (1516 и 1517 г.г.) на Вошани, въ защиту отъ наваденія Казанцевъ, но безъ мѣстничества же (Ист. Сб. V, стр. 280, 246). Съ Вошани разряды были иногда и не противъ Казани, а напр. оттуда шли къ Туль (ibid. 257, въ 7023 (?) г.), защищали Рязань (ibid II, стр. 23).

рядъ конной рати). Въ судовой, т. е. пѣшей, рати, въ большомъ полку первымъ воеводой былъ князь Ив. Ѳед. Вѣльскій, въ конной рати—князь Мих. Льв. Глинскій. Они чуть не взяли города, такъ какъ онъ былъ брошенъ жителями безъ защиты „И не взяли города потому, что воеводы межъ себя, Вѣльскій съ Глинскимъ, споръ учинили о мѣстѣхъ, которому ѣхати въ городъ напередъ“; а въ это время полилъ сильный дождь, подмочившій русскій нарядъ. Извѣстiе очень любопытное и весьма возможное, хотя оно сохранилось лишь во II-й Софійской Лѣтописи (П. С. Р. Л., VI, стр. 265). Эти воеводы явно были въ разныхъ разрядахъ, но произошелъ непредвидѣнный (?) случай, когда оба они оказались при одномъ дѣлѣ—тогда и возникло мѣстничество. Любопытно, какъ быстро князь Глинскій усвоилъ себѣ московскiе обычаи. У Карамзина (т. VII, примѣч. 302 изъ Синодальной Лѣтописи) говорится только, что „промежъ большими воеводами пошла брань“; князь Вѣльскій былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ сидѣлъ нѣсколько лѣтъ (*ibid.*, стр. 305. Срав. стр. 93, также Никон. Лѣт., т. V, стр. 234, 257.—Татищ., V, стр. 128), но конечно не за мѣстничество, а за неудачныя дѣйствiя противъ Казани, можетъ быть за подкупъ.

Въ этомъ же разрядѣ было и еще мѣстничество: Писалъ къ великому князю бояринъ, князь Мих. Ѳед. Карамышъ-Курбскій (дѣдъ князя Андр. Мих. Курбскаго), что велѣно быть боярину, князю Ѳедору Лопатѣ-Оболенскому въ передовомъ полку въ первыхъ, а въ лѣвой рукѣ велѣно быть въ первыхъ Ивану Бутурлину, а ему съ ними въ правой рукѣ въ другихъ быть невозможно, и государь бы милость показалъ, велѣлъ счетъ дать. Великiй князь писалъ къ боярину, князю Мих. Ѳед. Курбскому, чтобы былъ на службѣ по росписи, „а ся ему служба для боярина Ѳедора Лопаты и Ивана Бутурлина безъ мѣста, а какъ служба минется, и великiй князь счетъ тогда дастъ“ (Устряловъ, Сказ. кн. Курбскаго, изд. 1868, стр. 353). Въ приведенной официальной разрядной справкѣ князь Курбскiй (нѣсколько разъ) названъ княземъ Ѳедоромъ Михайловичемъ, а въ случаяхъ, поданныхъ окольными Михаиломъ Михайловичемъ и Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковыми противъ боярина, князя Ив. Вас. Сицкаго, въ ихъ мѣстническомъ дѣлѣ (Ист. Сб., V, 210 и слѣд.)—княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, и въ случай ставится именно его меньшинство передъ Ив. Никол. Бутурлинымъ; справка же о мѣстничествѣ не упоминаетъ. Возможно, что въ частныхъ разрядныхъ (и въ Устряловской) онъ ошибочно былъ названъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и для спорившихъ выгодно было утянуть старшинствомъ надъ ними Ивана Бутурлина; официальная же справка и показала ошибочность расчета, почему мѣстнический случай и не понадобился. Наконецъ, отсутствiе указанiя на мѣстничество въ

официальной разрядной далеко не исключает возможности мѣстничества на самомъ дѣлѣ.

Въ правленіе Елены, въ 7045 (1537) г. (¹) былъ во Владимірѣ разрядъ на 5 полковъ, вѣроятно, противъ Казани. Здѣсь возникло мѣстничество: князь Юрій Голицынъ (первый въ сторожевомъ полку) билъ челомъ на князя Василя Микулинскаго (первый въ большомъ полку) и, по словамъ сына его, князя Василя, получилъ невмѣстную грамоту, которая-де потомъ и сгорѣла. Соперникъ его по мѣстничеству бояринъ, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, отрицалъ это и въ разрядахъ это не сыскано (Ист. Сб., II, 25, 26), однако, въ видѣнной мною частной разрядной, проф. Григоровича, все это есть, хотя отнесено къ 7048 (1540) году и иные полки; то же и въ имѣющемся у меня официальномъ дѣлѣ князя Трубецкаго съ княземъ Куракинымъ въ официальной справкѣ. Вѣроятно князь Василій Голицынъ забылъ, что мѣстничество въ этотъ разъ ничѣмъ не кончилось, а лишь три года спусти.

Въ 7046 (1538) году состоялся разрядъ похода на Казань, хотя похода не было, такъ какъ Сафа Гирей просилъ мира. Разрядъ сохранился (Ист. Сб., V, 255), но мѣстничества въ немъ нѣтъ, да, кажется, походы были безъ мѣстъ (Ист. Сб. II, 55), если это не ошибка вмѣсто 7058 (1550) года, такъ какъ въ разрядѣ 7046 (1538) г. князя Александра Борисовича Горбатаго нѣтъ, а въ 7058 (1550) году онъ и князь Юрій Голицынъ размѣщены такъ, и объ этомъ выше шла рѣчь. Впрочемъ, кажется, въ этомъ же году была посылаема судовая рать (Ист. Сб. II, 229).

Начиная съ 7044 (1536) и по 7059 (1551) годъ центромъ для защиты Россіи отъ нападенія Казанцевъ, повидимому, былъ городъ Муромъ. Въ Истор. Сборникѣ (V, 24—26) сохранились списки Муромскихъ воеводъ, изъ которыхъ видно, что воеводами въ Муромѣ назначались лица весьма важныя, напр. князь Иванъ Дмитриевичъ Бѣльскій, князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, князь Юрій Васильевичъ Глинскій, князь Ѳедоръ Ивановичъ Шуйскій и др. Иногда въ Муромѣ сходились столько войскъ, что устанавливался разрядъ на 5 полковъ, напр. при нападеніи Сафа-Гирея на Муромъ въ 7048 (1540) г. (Тогда были еще передвиженія войскъ, Кар. VIII, стр. 38.—Часть Владимірск. разрядовъ, Ист. Сб. II, 38 и 47 и V, 26). Можетъ быть въ это время происходило мѣстничество князя Владиміра Ѳедоровича Охлябинина (первый въ передовомъ полку) съ Ѳедоромъ Семеновичемъ Воронцовымъ (первый въ правой рукѣ). Это мѣстничество подъ 7047 (1540) годомъ попало мнѣ въ Григоровичевской разрядной

(¹) Были еще маловажные походы въ 1535 г. (Карамз. VIII, 22).

Изъ Мурома часто ходили на казанскія мѣста. Съ 7060 (1552) г. конечно Муромъ это значеніе потерялъ по взятіи Казани, почему и разрядовъ нѣтъ.

Въ 7053 (1547) г. былъ походъ противъ Казани изъ Нижняго-Новгорода полою водою (обрывки разряда въ Ист. Сб. II, 292). До сихъ поръ ни въ одной официальной разрядной мѣстничестве не встрѣчалось, хотя въ тѣхъ же годахъ въ иныхъ (не казанскихъ) разрядахъ оно встрѣчается постоянно. (См. наприм. мѣстничество въ 1545 г. при нападеніи Аминь-Гирея, Царств. кн. стр. 116). Въ Муромѣ въ томъ же году собирались войска и, можетъ быть, было мѣстничество: воеводѣ передоваго полка Аеонасію Юрьевичу Сабурову 20 іюля дана была невмѣстная грамота на Ѳедора Семеновича Воронцова (первый въ большомъ полку) (Ист. Сб. II, 219, неофициальный разрядъ).

Съ 7055 (1547) года начинается непрерывный рядъ походовъ, кончившійся паденіемъ Казани. Такъ въ февралѣ 7055 года, по случаю подданства горной Черемисы былъ походъ изъ Мурома черезъ Нижній-Новгородъ къ Казани Волгою въ судахъ. Войска дошли до Сухой Ельни и воротились. Въ этомъ разрядѣ возникло мѣстничество. Князь Иванъ Васильевичъ Пѣнковъ (правой руки) писалъ великому князю, что ему въ правой рукѣ у боярина князя Александра Борисовича Горбатаго (большой полкъ) быть не пригоже. Великій князь велѣлъ отписать, что эта служба ему не въ мѣста (разрядъ офиц., Ист. Сб. V, 201, II, 229). Тогда же ходили и муромскіе воеводы (*ibid* V, 26).

Въ концѣ 7056 (1548) года государь самъ предпринялъ походъ на Казань; прошелъ Владиміръ и Нижній Новгородъ, но воротился съ Работокъ, а далѣе, уже въ 7057 (1549) году отправилъ Шигъ-Алея и Едигера, изъ бояръ князя Дмитрія Ѳедоровича Бѣльскаго и иныхъ (разрядъ этотъ, офиц. въ Ист. Сб. II, 10, 30, 45. Отдѣльные отрывки разр.). Второй воевода лѣвой руки нигдѣ не указанъ, а въ извѣстномъ дѣлѣ князя Дмитрія Мих. Пожарскаго съ княземъ Бор. Мих. Лыковымъ, вторымъ воеводой передоваго полка названъ князь Иванъ Вас. Горенскій. Сперва по ошибкѣ князь Пожарскій написалъ его княземъ Семеномъ Ивановичемъ (ср. стр. 305 и 318), тогда какъ на стр. 10-й вторымъ воеводой передоваго полка означенъ князь Дав. Ѳед. Палецкій. Кн. Пожарскій могъ и ошибиться, или же одного изъ нихъ замѣнили другимъ. Въ данномъ случаѣ это невозможно. Въ этомъ походѣ возникло мѣстничество: князь Вас. Сем. Серебряный-Оболенскій, второй воевода правой руки, не хотѣлъ быть меньше князя Дмитр. Ѳед. Палецкаго, втораго воеводы большаго полка. Имъ служба сказана не въ мѣста и обѣщанъ послѣ службы счетъ (*ibid.* офф.). Въ мѣстническихъ дѣлахъ бояръ, князя Василія Юрьев. и князя Андр. Ив. Голицыныхъ съ боярами княземъ Ив. Петр. и княземъ Александр. Ив. Шуйскимъ. (Ист. Сб. II, № 1 и

2) Голицыны нѣсколько разъ настаиваютъ, что въ этомъ же разрядѣ первый воевода лѣвой руки князь Ив. Вас. Шемяка-Пронскій билъ челомъ на перваго воеводу правой руки боярина, князя Александра Борис. Горбатаго и получилъ невѣстную грамоту. Князья Шуйскіе это отрицаютъ (ibid. 8, 45). Бояре этого въ расчетъ не приняли (ibid. 30). Тогда же состоялся и разрядъ на пять полковъ въ Муромѣ (ibid. V, 26). Изъ Мурома въ 7057 (1549) году часть войскъ собиралась выступить на Казань, но не пошла. Походъ не достигъ цѣли, почему въ томъ же году зимою состоялся новый походъ, причемъ государь снова отправился самъ (разрядъ въ Ист. Сб. II, 9. Въ Муромѣ разрядъ на 5 полковъ, ibid. V, 27). Въ разрядахъ „Историческаго Сборника“, даже въ официальномъ, нѣтъ ни слова о томъ, что здѣсь было мѣстничество, но мы имѣемъ свѣдѣнія изъ иныхъ источниковъ, почему можно полагать, что и иные перечисленные нами походы не обходились безъ мѣстничества. Вотъ что было на самомъ дѣлѣ.

Еще до осени (до 24 ноября) царь Иванъ Васильевичъ передъ походомъ на Казань собралъ совѣтъ (въ Успенскомъ Соборѣ?), на которомъ, насколько можно судить, положено было, чтобы въ послѣдующей войнѣ быть безъ мѣстъ. Такіе приговоры бывали постоянно и позднѣе. Подробности этого приговора изложены ниже. Не смотря на приговоръ, уже по дорогѣ къ Владиміру (выступили 24 ноября) воеводы замѣстничались. Прибывъ во Владиміръ (3 декабря), царь послалъ за митрополитомъ Макаріемъ окольничаго Андр. Александр. Квашнина. Митрополитъ Макарій, да владыка Крутицкій Савва, со всемъ соборомъ пріѣхали во Владиміръ. Тамъ приговоръ былъ повторенъ и митрополитъ сказалъ войскамъ (т. е. воеводамъ) извѣстное поученіе. Вотъ тѣ выраженія его, которыя касаются мѣстничества: „А государь васъ за службу хочетъ жаловати, а за отечество беречи; и вы бы служили, сколько вамъ Богъ поможетъ, а розни бы и мѣстъ никакожь межъ вами не было, но свяжитесь любовью не липемѣрною. А будетъ кому съ кѣмъ не пригоже быти отечества ради на брани противу враговъ, и вы-бъ то въ забвеніе положили, а государево-бъ дѣло (и) земское дѣлали, не яростною мыслию другъ на друга взирали, но любовью. А какъ съ государева дѣла (и) земскаго придете, и кто захочетъ кому съ кѣмъ счестись о отечествѣ, и государь счетъ дастъ“. (Царств. кн., 156 съ картинкою; Ник. VII, стр. 68; Татищ. V, 257,—этотъ походъ отнесенъ къ 7058 (1550) году, но слѣдуетъ дать предпочтеніе официальной разрядной справкѣ. Походъ кончился въ этомъ году). Отпустивши отъ себя 20 декабря царскій полкъ подъ начальствомъ боярина Юрьева въ Нижній, царь оставался до 7-го января, когда и самъ выѣхалъ въ Нижній-Новгородъ. Въ дальнѣйшемъ походѣ опять, вѣроятно, обнаружались мѣстничества, потому что сочли нужнымъ повторить приговоръ въ Нижнемъ-Новго-

родѣ, гдѣ царь пребылъ съ 18-го по 23 января. Наконецъ у самой Казани, куда подошли 14 февраля, бояре мѣстничались постоянно (осада продолжалась до 25 февраля), что, вѣроятно, не мало помѣшало успѣху осады, хотя лѣтописи, послѣ поученія митрополита Макарія, о мѣстничествѣ не говорятъ ничего и не успѣхъ казанской осады приписываютъ климатическимъ причинамъ; впрочемъ видѣли и главнаго воеводу, боярина, князя Дм. Оед. Бѣльскаго (Кар. VIII, стр. 78). По возвращеніи государя въ Москву (23 марта) и состоялся, въ іюлѣ 7058 (1550) года, извѣстный приговоръ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси съ митрополитомъ Макаріемъ, княземъ Юріемъ Васильевичемъ и княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, и со всѣми боярами о быггii князьямъ, дворянамъ большимъ и дѣтямъ боярскимъ съ воеводами въ полкахъ безъ мѣсть, а также о томъ, въ какомъ порядкѣ на государевой службѣ воеводамъ по полкамъ считаться въ старшинствѣ. Мы не приводимъ его здѣсь по его общеизвѣстности. Напечатанъ онъ былъ впервые въ изданіи Судебника, Спб. 1768 г., С. Вашиловымъ безъ важныхъ примѣчаній Татишева, которыя напечатаны въ изданіи Судебника въ томъ же году, въ Москвѣ, Миллеромъ. Потомъ приговоръ напечатанъ былъ много разъ (см. Акты Истор. т. I, стр. VI и Владимірскаго-Буданова, Христоматія по Истор. русск. права, вып. 2-ой, изд. 1-ое, стр. 182). Важнѣе другихъ редакція въ Собр. Гос. Гр. и Дог. (т. II, № 38, стр. 465), взятая изъ особаго списка. Здѣсь во первыхъ подробнѣе напечатанъ титуль, изъ котораго мы и узнаемъ, что въ приговорѣ принимали участіе и вышепоименованные князья, а во вторыхъ, самый приговоръ гораздо подробнѣе, т. е. это-то именно и есть приговоръ, а въ остальныхъ изданіяхъ напечатанъ только краткій изъ него экстрактъ, хотя вполнѣ официальнаго характера. Части приговора здѣсь переставлены. Въ разрядныхъ этотъ приговоръ попадаетъ и даже съ различными вариантами, по видимому его разъясняющими (Валуевъ, изслѣдов. о мѣстничествѣ, стр. 23, 83—85.—Опис. рук. Рум. Музея, № СССХХХVII и т. п.). Наконецъ этотъ приговоръ помѣщенъ еще и въ Никоновск. лѣтописи и въ аналогичныхъ ей редакціяхъ, составляя отдѣльную статью; онъ вставленъ среди 1556 года. Въ связи съ приговоромъ идетъ еще нѣсколько распоряженій относительно военной службы (Никон. лѣт. т. VII, стр. 258—262) и оканчивается разсужденіемъ: „и все то государь строяше, какъ бы строеніе воинству и служба бы государству безъ лжи и безъ грѣха вправду, и подлинныя тому разряды у государскихъ чиновачальниковъ и приказныхъ людей“. Изъ этого приговора видно, какія бывали приблизительно мѣстничества въ походѣ 7057 (1549) года. Мѣстничались, значитъ, первые воеводы передоваго полка съ первыми воеводами правой руки, и воевода лѣвой руки съ воеводой сторожеваго полка; затѣмъ въ этихъ полкахъ вторые

воеводы мѣстничались съ старшими воеводами своего и иныхъ полковъ, и, наконецъ, молодые князья и дѣти боярскія, назначенныя куда либо въ полкъ, мѣстничались съ своими воеводами. Но подтверждающихъ случаевъ мы не имѣемъ, а можемъ отнести лишь случай, на который указываетъ въ актахъ Археограф. экспедиц. (№ 289, опись царскаго архива, ящикъ 217), дѣло кн. Мих. Воротынскаго, при походѣ изъ Ярославля къ Казани, съ кн. Петр. Шуйскимъ (лѣвая рука и передов. полкъ). Въ этотъ походъ оба эти лица были именно въ такихъ полкахъ и лѣвая рука собиралась въ Ярославль (Карамз. VIII стр. 74, пр. 220). Г. Ждановъ („Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г., июль стр. 55), говоритъ сперва о приговорѣ 7058 (1550) года, а потомъ о мѣстничествахъ во время похода, будто бы вызвавшихъ вопросъ царя на Стоглавомъ соборѣ, о которомъ ниже. Но едва ли это такъ. Изъ вопроса видимъ, что во время казанскаго похода просто объявлено было обычное въ такихъ случаяхъ безмѣстіе и ничего болѣе. И по хронологическимъ датамъ видно, что приговоръ состоялся послѣ похода и былъ очевиднымъ его результатомъ. Безмѣстіе продолжалось и въ 7058 (1550 г.), когда воеводы отошли отъ Казани и стояли въ одномъ разрядѣ по разнымъ городамъ (Ист. Сб. II, стр. 10 и 11 оф-фиц.). Мѣстничество князя Мих. Ив. Воротынскаго съ княземъ Петр. Ив. Шуйскимъ могло быть и въ этомъ году, такъ какъ воеводы въ разрядѣ остались по прежнему, хотя, понятно, это менѣе вѣроятно. Во время спора съ княземъ Александр. Ив. Шуйскимъ князь Андр. Ив. Голицынъ говорилъ, что князь Юр. Мих. Голицынъ (первый въ сторож. полку) тогда билъ челомъ на князя Александра Бор. Горбатаго (первый въ правой рукѣ), „почему-де всѣмъ воеводамъ государь велѣлъ быть безъ мѣстъ“. Справка въ разрядахъ подтвердила, что было общее безмѣстіе, но въ частности это мѣстничество записано не было и, можетъ быть, и не существовало (ibid). Въ 7058 (1550) же году особые воеводы были въ Муромѣ для защиты отъ Казани: кн. Ив. Ив. Пронскій, кн. Юрій Ив. Капинъ и кн. Григор. Фед. Мещерскій. Между тѣмъ въ Акт. Арх. эксп. (№ 289, ящ. 145) мы имѣемъ указаніе на мѣстничество князей Капиныхъ и князя Мещерскаго, имена коихъ не обозначены. Понятно, что это указаніе легко можетъ быть отнесено къ данному случаю.

Въ 7059 (1551) году тоже былъ походъ на Казань, извѣстный мнѣ по Григоровической разрядной, въ которомъ возникло мѣстничество: князь Влад. Ив. Воротынскій, второй воевода большаго полка, замѣстничался разомъ съ тремя воеводами: съ княземъ Петр. Мих. Щенятевымъ (первымъ воеводой прав. руки), съ княземъ Ив. Ив. Турунтаемъ-Пронскимъ (первымъ воеводой передоваго полка) и съ княземъ Фед. Ив. Скопиннымъ-Шуйскимъ (первымъ воеводой сторожеваго

полка). Князю Воротынскому было отвѣчено, что между нимъ и вышеуказанными воеводами нѣтъ случая. Затѣмъ въ 7059 (1551) же году сильное войско отправлено было ставить городъ Свіяжскъ (Ист. Сб. V, 220). Когда городъ былъ выстроенъ, то съ запасами туда были посланы Ив. Дм. Кнутъ-Шестуновъ, да Мих. и Ник. Вас. Борисовы. Послѣдніе били челомъ на Шестунова, и имъ обѣщанъ счетъ, но по окончаніи службы они челомъ не били, что и записано въ разрядной (Григоровической). Наконецъ, тогда же стояли войска и въ Муромѣ (Ист. Сб. V, 27). Съ Казанью нѣсколько времени было перемиріе, хотя въ дѣйствительности были постоянныя стычки, которыя и продолжались до самаго знаменитаго похода 7060 (1552) года, рѣшившаго участь Казани. Передъ походомъ, на Стоглавомъ соборѣ (8 февраля 7059 (1551) года), когда царь хотѣлъ по примѣру своихъ предковъ дать законы, то онъ прежде всего обратился къ собору съ такимъ вопросомъ: „Отецъ мой, Макарій митрополитъ, и архіепископы, и епископы, и князи, и бояре! Наряжался есми къ Казани со всѣмъ христіанскимъ воинствомъ и положилъ есми совѣтъ своими бояры въ пречистой и соборной (церкви) передъ тобою, отцемъ своимъ, о мѣстѣхъ въ воеводахъ и во всякихъ посылкахъ, въ всякомъ разрядѣ не мѣстничатися, кого съ кѣмъ куды ни пошлютъ, чтобы воинскому дѣлу въ томъ порухи не было (ниже видно, что рѣчь идетъ о приговорѣ передъ походомъ 7057 (1549) года); и всѣмъ боярамъ тотъ былъ приговоръ любъ. И въ Володимерѣ передъ митрополитомъ съ бояры тотъ же приговоръ былъ, и въ Нижнемъ-Новгородѣ такожь. И какъ пріѣхали къ Казани, и съ кѣмъ кого ни пошлютъ на которое дѣло, ино всякой размѣстничается на всякой посылкѣ и на всякомъ дѣлѣ, и въ томъ у насъ вездѣ бываетъ дѣло не крѣпко; и отселѣ куды кого съ кѣмъ посылаю безъ мѣстъ по тому приговору, никако безъ кручины и безъ вражды промежь себя некоторое дѣло не минетъ, и въ тѣхъ мѣстѣхъ всякому дѣлу помѣшка бываетъ. О семъ посовѣтуйте всѣ вкупѣ и уложите, какъ впередъ тому дѣлу быть безъ вражды и безъ кручины и полюбовно, чтобы (въ) воинскомъ дѣлѣ въ томъ ни которые споны не было, а мнѣ бы о томъ кручины не было“ (Ждановъ, *op. cit.* стр. 54—55, по рукописи Стоглава, находящ. въ Импер. Публ. библ. Q, XVII, 50; туда она поступила изъ собр. рукоп. гр. Толстого, которому была доставлена изъ Волоколамской бібліотеки, *ibid.*, 51 и слѣд.). Отвѣта на этотъ царскій вопросъ въ рукописи нѣтъ, и что было постановлено—неизвѣстно, но разумѣется, отвѣтъ и постановленіе были. Не былъ-ли отвѣтомъ именно приговоръ, относимый къ 7058 (1550) году? Онъ былъ-бы самымъ подходящимъ отвѣтомъ. Лица тѣ же, что были и на соборѣ. Этому противорѣчитъ хронологія, такъ какъ приговоръ былъ въ предыдущемъ году. Но нѣтъ ли здѣсь въ датѣ ошибки? Вообще хронологія этого времени далеко еще не ясна. Разница

же всего на 7 мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ я не берусь рѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Меня смущаетъ еще и слѣдующее обстоятельство: неужели, если бы приговоръ 7058 (1550) года былъ раньше царскаго вопроса, царь обошелъ бы его молчаніемъ, хотя говорилъ о менѣ важныхъ постановленіяхъ 7057 (1549) года? Я оставляю этотъ вопросъ открытымъ.

Нельзя думать, чему даетъ поводъ нѣкоторая неопредѣленность царскаго вопроса, что могла идти рѣчь объ уничтоженіи мѣстничества. Правительство видимо признавало его законность, но хотѣло устроить дѣло какъ можно лучше, что-бы не было ни ссоръ, ни вражды, ничего подобнаго. „Да и трудно, говорить Ждановъ, было ожидать отмены мѣстничества въ такое время, когда мѣстничество жило въ нравахъ, когда мѣстничались, не исключая лучшихъ передовыхъ людей“. Въ примѣръ онъ приводитъ мѣстничество князя А. М. Курбскаго. Затѣмъ, едва ли можно приписывать приговоръ и вопросъ лично царю Ивану: онъ былъ чѣмъ нибудь интерпретаторомъ. Онъ самъ говоритъ, что его подъ Казань везли насильно и что въ государственныхъ дѣлахъ въ то время онъ былъ не самостоятеленъ (Сказ. кн. Курбск., стр. 165). Это можетъ относиться лишь къ походамъ или 7057 (1549), или 7060 (1552) годовъ. До 7057 (1549) г. „государя наши не бывали подъ стѣнами Казани“ (Карамз. VIII, стр. 74). Къ этому же времени можетъ быть приуроченъ и другой, къ сожалѣнію неясный, намекъ Грознаго, изъ котораго видно, что вліянія на мѣстническія отношенія онъ въ то время не имѣлъ: „По семъ же съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ (кн. Дм. Курлятевымъ) отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша, еже вамъ бояромъ нашимъ по нашему жалованію честію предсѣданія почтеннымъ быти, сія убо вся во своей власти и въ вашей положиша, якоже вамъ годѣ и якоже кто како восхоцетъ“ (ibid. 164) ('). Послѣ этого вообще трудно говорить объ ограниченіи мѣстничества въ это время. Указы, подобные приговору 7058 (1550) г., только упрощали мѣстническіе расчеты. Рѣшительному походу на Казань еще предшествовалъ совѣтъ. „И призываетъ къ себѣ (государь) въ палату златую брата своего, благовѣрнаго князя Юрія Владимірскаго (очевидно, переписчикъ слилъ въ одно имена двухъ князей), и князи мѣстныя, и вся великія воеводы и благородныя своя вельможи и посади ихъ по мѣстамъ, и нача благъ и мудръ совѣтъ съ ними совѣтовати, etc.“ (Подробная лѣтопись отъ начала Руси до Полтавской баталии, изд. Львовымъ 1798 г., ч. II, стр. 155). По лѣтописямъ, войска выступили изъ Москвы 16 іюня (1553) года, но въ официальной справкѣ взя-

(') Обратимъ вниманіе и на то, что въ 7059 (1551) г. старшимъ воеводою въ Муромѣ, мѣсто, какъ мы видѣли, очень важное въ то время—былъ бояринъ кн. Конст. Ив. Курлятевъ (Ист. Сб. V, 27).

тіе Казани отнесено къ 7160 (1552) году (Ист. Сб. V, 27) и это разумѣется, вѣрнѣе. 19-го Іюня 1552 г. войско было въ Коломнѣ. 3-го или 4-го іюля оттуда вышло и 8-го было во Владимірѣ, откуда вышло 10-го и 13-го дошло до Мурома, а оттуда 20-го двинулось на Оку ⁽¹⁾. Велѣдъ за тѣмъ „повелѣ государь у себя быть выборнымъ головамъ: Семену Васильеву сыну Яковлевича, Николаю да Ивану Васильевымъ дѣтямъ Шереметева, кн. Ивану Капину-Сухому, Петровымъ дѣтямъ Головина, Василію Петрову (тутъ какая то путаница въ именахъ) да Мих. Михайлову сыну Воронова; а съ ними велѣ итти князьямъ и дѣтемъ боярскимъ *безмѣстно*“ (Подробн. лѣт. II, стр. 173. Въ Никоновск. лѣт., VII, стр. 142, говорится только объ устроеніи царскаго полка, при чемъ сотнѣ дѣтей боярскихъ данъ былъ голова изъ великихъ отцевъ дѣтей, но безмѣстіе не обозначено). Ни въ посланіяхъ митрополита, ни въ рѣчахъ подъ Казанью мѣстничество не упоминается. Разрядъ похода извѣстенъ у Карамзина, VIII, стр. 8, 9 и слѣд., по Царств. книгѣ и во всѣхъ описывающихъ это время лѣтописяхъ; только въ Никон. лѣтописи. VII, стр. 302 и сл., въ передовомъ полку ошибочно обозначенъ вмѣсто князя Ив. Ив. Пронскаго да князя Дм. Ив. Хилкова, князь Ив. Ив. Хилковъ. Въ Подробной лѣтописи, изд. Львовымъ, вторымъ воеводой въ сторожевомъ полку названъ князь Д. Ѡ. Палецкій, а Шереметевъ уже третьимъ; здѣсь же есть и ертоуль, въ которомъ былъ князь Юр. Ив. Шемяка-Пронскій и князь Ѡед. Ив. Троекуровъ.

Извѣстно, что изъ подъ Казани бывали посланки цѣлыми разрядами, наприм. походъ на горныхъ людей по три полка (Карамз., *ibid.*). Нигдѣ о мѣстничествѣ нѣтъ и рѣчи, но есть основаніе думать, что и въ этомъ походѣ оно происходило. Въ Акт. Арх. эксп. (№ 289., ящ. 217), упоминаются дѣла кн. Андр. Курбскаго о мѣстахъ съ Дм. Плещеевымъ и кн. Мих. Воротынскаго съ кн. Петр. Щенятевымъ. Первое дѣло легко приурочить къ этому казанскому походу, когда князь А. М. Курбскій былъ вторымъ воеводою въ прав. рукѣ, а Дм. Плещеевъ вторымъ же въ лѣвой рукѣ. Такъ полагаетъ и Ждановъ (Ор. cit., стр. 56 въ примѣч.). Этотъ случай любопытенъ по личности князя А. М. Курбскаго, которому одинъ изъ новѣйшихъ его біографовъ ставитъ именно въ заслугу, что съ его именемъ не связано ни одного мѣстническаго дѣла (Г. Опоковъ, „Кн. А. М. Курбскій“, стр. 6); впрочемъ, если дѣло было въ казанскомъ походѣ 1552 года, то на кн. А. М. Курбскаго били челомъ, а не онъ самъ. Дру-

⁽¹⁾ По лѣтописямъ можно прослѣдить даже по днямъ этотъ походъ: 1-го авг. войско было на Алатырѣ, 13-го въ Свіяжскѣ, гдѣ воеводамъ велѣно было ставить свои полки гдѣ угодно, такъ какъ отъ множества войскъ тѣсно было стоять близь города (Подробн. лѣт. II, 176). 18 авг. войско перешло Волгу и 20-го подошло къ Казани.

гіе историки, напр. Соловьевъ, какъ извѣстно, скорѣе склонны обвинять кн. Курбскаго въ крайнемъ аристократизмѣ, что, по моему мнѣнію, не имѣетъ должнаго основанія, такъ какъ князь А. М. Курбскій былъ далеко не изъ перво-класснаго по знатности рода. Доказывать это въ настоящее время я не намѣренъ, потому что это слишкомъ бы отклонило меня отъ прямой цѣли. Второе дѣло тоже могло случиться въ этомъ походѣ, гдѣ князь Мих. Воротынский былъ вторымъ воеводой большого полка, а князь Петръ Щенятевъ первымъ правой руки. Въ мѣстническомъ дѣлѣ боярина, князя Вас. Юр. Голицына съ бояриномъ, кн. Ив. Петр. Шуйскимъ говорится, въ одной изъ памятей князя Голицына, что у кн. Петра Мих. Щенятева было дѣло съ кн. Мих. Ив. Воротынскимъ, и кн. Щенятевъ получилъ правую грамоту. Кн. Ив. Петр. Шуйскій не отрицалъ этого факта, но дѣло осталось не выясненнымъ (Ист. Сб. II, 20); вѣроятно это такъ и было послѣ похода. Мы видѣли, что годъ назадъ съ кн. Щенятевымъ мѣстничался старшій братъ кн. Мих. Воротынскаго и получилъ отказъ по отсутствію случая; вѣроятно меньшей братъ хотѣлъ добиться того, что не удалось старшему. Наконецъ, можетъ быть тогда было и мѣстничество кн. Юр. Голицына и кн. Ив. Фед. Мстиславскаго (А. А. Э. № 289, ящ. 145). Разряда, гдѣ они были вмѣстѣ я не припомню, но оба они были подъ Казанью. Такъ какъ подъ Казанью были многія важныя лица, не вошедшія въ разрядъ, но бывавшія въ посылкахъ, то возможно, что и еще нѣсколько споровъ, изъ вошедшихъ въ Ак. Арх. эксп. № 289 и которые пока нельзя приурочить, случились тогда же.

Разумѣется взятіемъ Казани прекратились походы собственно на Казань, но они продолжались на окрестности Казани. Такъ напр. въ 7062 (1554) году изъ Казани былъ походъ на Арскія мѣста (Ист. Сб. V, 295 офф.), интересный тѣмъ, что въ сторожевомъ полку были кн. А. М. Курбскій и Дм. Мих. Плещеевъ, ему подчиненный. Безмѣстіе не обозначено, поэтому, если ихъ мѣстничество было не въ 7060 (1552) году, то должно было случиться въ 7062 (1554) г. Въ слѣдующемъ 7063 (1555) году былъ тоже походъ на казанскія окрестности (ibid II, 234). Даже въ 7080 (1572) году нужно было оберегать Нижній-Новгородъ отъ казанскихъ луговыхъ людей (ibid 81). Въ 7091 (1583) году посланы были воеводы воевать подъ Казанью горную Черемису (ibid 261). Въ 7092 (1584) и 93 (1585) годахъ былъ походъ подъ Казань, въ которомъ замѣстничались кн. Ив. Барятинскій (сторожеваго полка) съ кн. Дм. Елецкимъ (большаго полка). Результатъ не извѣстенъ, да и случай сомнительный (въ одномъ имѣющемся у меня мѣстническомъ дѣлѣ). Наконецъ въ 7099 (1591) году мы встрѣчаемъ зимній походъ въ Казань, вѣроятно, тоже противъ окрестныхъ инородцевъ (Ист. Сб. II,

96 и 94). Конечно, бывало много походовъ и кромѣ этихъ, но я привожу эти лишь къ примѣру.

Въ самой Казани были мѣстничества: такъ въ 7062 (1554) году Мих. Дм. Ласкиревъ, посланный туда городничимъ, билъ челомъ, что ему занимать эту должность невмѣстно. Въ разрядѣ не найдено этого, но вѣроятно потому, что Ласкиревъ въ сущности ни на кого не билъ челомъ (ibid. 65). Можетъ быть тогда же было мѣстничество между кн. Фед. Кашинымъ и кн. Дм. Хилковымъ, третьимъ и вторымъ воеводами въ Казани (ibid. и Акт. Арх. эксп. № 289, ящ. 217), такъ какъ иного разряда съ ихъ именами я найти не могъ. Въ 7087 (1579) году мѣстничались воеводы: Богданъ Сабуровъ съ княземъ Григор. Андр. Куракинымъ (Сивб. Сборн., разряд. стр. 78). Вѣроятно и еще найдутся случаи, но дальше мы ихъ не слѣдили.

Görbersdorf in Schlesien.

20 июля 1877 г.
1 августа

V.

ПРЕДАНИЕ О ПУГАЧЕВѢ СРЕДИ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ (*).

В. Н. Витевскаго.

Помѣщаемое преданіе о Пугачевѣ найдено нами въ черновыхъ бумагахъ покойнаго І. И. Желѣзнова, автора книги „Уральцы, очерки быта Уральскихъ казаковъ“, Москва 1858 г., 2 тома. Покойный І. И. Желѣзновъ⁽¹⁾ записалъ это преданіе въ пятидесятыхъ годахъ со словъ инокини Августы, которая въ міру называлась Анисьей Васильевой и была въ замужествѣ за казакомъ Махоринымъ, прозывавшимся также и Перстняковымъ. Анисья Махорина, урожденная Невзо-

(*) Это интересное преданіе было доставлено Съезду преподавателемъ Казанской учительской семинаріи В. Н. Витевскимъ въ виду 4-го вопроса программы Съезда: *«Какіе вопросы должны входить въ программу для собранія преданій о мѣстностяхъ, лицахъ и событіяхъ по Казанской губерніи?»* Хотя сообщеніе г. Витевскаго доложено на Съездѣ не было, но стало извѣстнымъ въ печати, благодаря г. Альфреду Рамбо, французскому ученому, бывшему на Съездѣ делегатомъ отъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія. Г. Рамбо, весьма усердно изучающій исторію и литературу Россіи, живо заинтересовался преданіемъ о Пугачевѣ и сдѣлалъ изъ него извлеченіе. Это извлеченіе, въ переводѣ на французскій языкъ, помѣщено г. Рамбо въ „Revue historique“ 1878 года (Mai-Août), подъ заглавіемъ: *«Traditions populaires dans la Russie orientale sur l'insurrection de Pougatschef; un récit inédit sur le faux Pierre III.»* Изъ статьи г. Рамбо появилась выдержка въ газетѣ „Голосъ“ 1878 г., откуда была перепечатана П. А. Гилътебрантомъ въ „Древней и Новой Россіи“ (1878 г., т. II, замѣтки и новости, стр. 253—254). Въ настоящее время сообщеніе В. Н. Витевскаго помѣщается вполнѣ, въ томъ именно изложеніи, въ какомъ оно было доставлено предварительному комитету IV Археологическаго Съезда. Редакція „Трудовъ“ сочла нужнымъ выпустить лишь введеніе къ статьѣ г. Витевскаго, гдѣ авторъ передаетъ разсужденія бывшія въ засѣданіи предварительнаго комитета 8 ноября 1876 г., о матеріалахъ по исторіи Пугачевскаго бунта, находящихся въ Перми и Бугульмѣ, разсужденія, которыя дали г. Витевскому поводъ доставить на Съездъ уральское преданіе о Пугачевѣ. (См. Извлеченія изъ протоколовъ предвар. комит. IV Археол. Съезда, Казань, 1877 г., с. 28—29).—*Ред.*

(¹) І. И. Желѣзновъ † въ Нижне-Уральскѣ, 11 июля 1863 г.—*Прим. Ред.*

рова, происходила изъ калмыцкаго рода и, овдовѣвши, поступила въ женскій монастырь, или скорѣе скитъ, находившійся въ склонахъ Общаго Сырта, близъ Гниловскаго умета, а теперь форпоста; въ настоящее время скитъ этотъ уничтоженъ. Во время Пугачевскаго бунта инокиня Августа была десяти лѣтъ и, по ея заявленію, хорошо помнила Пугачева и толки о немъ, ходившіе въ то время среди казаковъ.

Извѣстно, что императрица Екатерина II не пользовалась расположеніемъ своего мужа, императора Петра III, который былъ болѣе занятъ княгиней Куракиной и особенно фрейлиной Елизаветой Романовной Воронцовой; охлажденіе между супругами возрасло, наконецъ, до того, что Петръ III не считалъ уже нужнымъ скрывать свое нерасположеніе къ Екатеринѣ, какъ супругѣ: онъ очень рѣдко видѣлся съ ней и не приглашалъ ее даже къ столу, во время обѣда; Екатерина была небезопасна,—ей угрожалъ монастырь: Петръ гласно сталъ говорить о своемъ намѣреніи жениться на Воронцовой⁽¹⁾. Такой семейный разладъ между супругами раздѣлилъ придворныхъ на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая, стремясь къ славѣ и матеріальнымъ выгодамъ, думала основать на этомъ супружескомъ антагонизмѣ свое значеніе и свое вліяніе на дѣла внутренняго управленія государствомъ со смертію императрицы Елизаветы Петровны. Начались придворныя интриги; образовалось два лагеря, каждый старался примкнуть къ тому или другому, смотря по обстоятельствамъ и личнымъ расчетамъ. Вотъ объ этомъ-то семейномъ разладѣ, объ этихъ интригахъ, какъ оказывается изъ преданія о Пугачевѣ, знали и тогдашніе Яицкіе казаки, имѣвшіе постоянныя сношенія съ Петербургомъ. Во время самаго переворота, возведшаго Екатерину II на престоль, въ Петербургѣ находилось нѣсколько войсковыхъ старшинъ отъ Яицкаго войска, участвовавшихъ въ петергофскомъ походѣ и награжденных за то золотыми медалями; слѣдовательно, на Яикѣ могли знать лучше и подробнѣе исторію вступленія на престоль Екатерины, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ отдаленномъ уголкѣ Россіи. Яицкіе казаки и старшины, бывавшіе и иногда подолгу жившіе въ Петербургѣ, безъ сомнѣнія, не пропускали мимо ушей и тѣхъ толковъ и слуховъ, которые ходили въ столицѣ о Петрѣ и Екатеринѣ. Въ этомъ-то обстоятельстве, по нашему мнѣнію, и заключается причина того, что и на Яикѣ знали о семейномъ разладѣ Петра III съ его супругой.

⁽¹⁾ Записки воспитателя Петра III, Штелина, въ Чт. Моск. Общ. Истор. и Древн. Росс., 1866 г., кн. III, стр. 104.—Осьмнадцатый вѣкъ, сборникъ, изданный П. И. Баргеновымъ, кн. II, стр. 577—579 и 633.

Преданіе сообщаетъ, что сторону Екатерины приняли графы Орловы и Чернышевъ, а за Петра вступился турецкій султанъ, который, изъ сожалѣнія къ Петру Ѳедоровичу, скитавшемуся уже десять лѣтъ, посовѣтовалъ ему обратиться къ Яицкимъ казакамъ и обѣщать имъ въ награду за помощь крестъ и бороду ⁽¹⁾, изъ-за которыхъ казаки готовы на все; Петръ послушался султана, и казаки возстали, чтобы возвратить престоль низверженному государю. Признавая въ Пугачевѣ истиннаго Петра Ѳедоровича и выражая по мѣстамъ къ нему сожалѣніе и сочувствіе, преданіе всетаки отдастъ предпочтеніе Екатеринѣ, называя ее мудрой-красавицей: „Вѣдь она (говорится въ преданіи) даромъ что была женщина, а куда какъ была разумна, да и воевать горазда,—супротивъ нея ни одинъ царь не стоялъ. На что ужъ прусскій царь, Фридрихъ, воинъ былъ; говорятъ, отъ всего свѣта всѣхъ царей побивалъ, а она, наша матушка, и его побила. Сколько она земель отбила отъ супротивниковъ, сколько городовъ перебрала—и не перечесть! Турскаго султана, говорятъ, вѣдоль добила; цѣлую Крымскую орду отъ него къ себѣ присообщила; Очаковъ взяла и много, много земель завоевала. Вотъ она какова была, наша красавица!“ Въ преданіи также говорится о бракѣ Пугачева съ казачкой Устиньей Кузнецовой, объ ея представленіи Екатеринѣ, о рожденіи ею сына, воспитаннаго будто Екатериной, а также и о загадочной смерти Мартемьяна Михайловича Бородина, войсковаго старшины, энергичнаго противника Пугачева.

Указавъ на существенныя черты преданія, послушаемъ самоѣ инокиню Августу, со словъ которой оно записано покойнымъ І. И. Желѣзновымъ.

На вопросъ, обращенный къ Августѣ, помнитъ-ли она Пугачева? — разсказница отвѣчала:

— „Какъ-же не помнитъ! кое-что осталось въ памяти. Какъ теперь смотрю на него голубчика: такой былъ мужественный, величавый, — настоящій царь, Петръ Ѳедорычъ! Моего свекра отецъ былъ близкимъ человѣкомъ къ Петру Ѳедоровичу, да и дядюшку моего роднаго съ сыномъ, моимъ двоюроднымъ братцемъ,—прозывались Кораблевы,—убили на приступѣ къ крѣпости. Вотъ отъ нихъ-то я и слышала.

„У него, у Петра-то Ѳедоровича, между нами будь сказано, вышло несугласье съ супружницей его, матушкой царицей, Катериной Алексѣвной. Господь ихъ вѣдаетъ, изъ-за чего у нихъ тамъ стало, не наши дѣла, суди ихъ Царь Небесный, а намъ не подобаетъ разузнавать да доискиваться, что и какъ было. Поговаривали только, что батюшка нашъ, Петръ Ѳедорычъ, былъ ревнивый, ревнивый такой, а она, матушка наша, супротивъ его

⁽¹⁾ Въ это время въ Москвѣ, по инициативѣ Потемкина, сформировался особый казачій легіонъ, въ который требовалось болѣе 300 человекъ и отъ Яицкаго войска. Легіонеры должны были брить бороды и носить особую форму. Яицкіе казаки протестовали и были уволены отъ легіонной службы.

непокорлива такая; ну, и пробѣжала, зная, между ними кошка, либо сѣрый волкъ. Супротивники ему были эти Чернышевы, Орловы и прочіе всѣ генералы, что въ Питерѣ, при дворцѣ находились. Онъ видитъ, что ему одному супротивъ всѣхъ не совладать,—взялъ да и скрылся тайно изъ дворца, какъ св. Алексѣй, Божій человекъ, изъ покоевъ своего отца-царя. Какъ все это случилось, Богъ вѣсть! Однако между себя поговаривали люди-то, когда я уже выросла, что все это шло такимъ манеромъ: онъ, Петръ Федорычъ, хотя родомъ нашего царскаго корня, но родился-то въ иной землѣ, тамъ, вишь, и выросъ,—значить, у него тамъ были и сродники, и знакомые. Въ ту пору, какъ вышло у него съ матушкой-то, Катериной Алексѣвной, несугласье, къ нимъ изъ иной-то земли и приѣхала на корабляхъ со свитой какая-то иностранная принцесса; онъ и пошелъ къ ней на корабль въ гости да и загулялся: трое, говорятъ, сутокъ изъ ея банкета не выходилъ. Матушкѣ-то, Катеринѣ Алексѣвнѣ, и показалось это за досаду. Вотъ она и шлетъ къ нему посланца, чтобы онъ оставилъ банкетъ да шелъ въ свою царскую семью. Онъ не послушался. Она—другаго посланца, онъ и другаго не слушаетъ. Она—третьяго, онъ и третьяго не слушаетъ. Напоследокъ сама матушка ѣдетъ къ нему, но не показалась ему на глаза, а посмотрѣла только на него сквозь стеклышко двери, какъ онъ тамъ прохлаждался. Покачала матушка головкой и примолвила: „не исправилъ!“—да и удалилась во дворецъ. Близкіе къ Петру Федорычу генералы говорятъ ему: „Пора-де до дому Ваше царское Величество, а то долго-ли до бѣды! Сама царица здѣсь была и ушла больно недовольная“.

— „Пустьяви! говоритъ царь,—она не посмѣетъ ничего супротивъ меня сдѣлать.“

— „Анъ посмѣла! замѣтила разскащица. Черезъ сколько-то времени,—продолжала Августа,—ночною порой царь идетъ ко дворцу, а ворота-то—на запоръ. Человекъ, что у воротъ-то стоялъ, окликаетъ: „Кто идетъ?“—Царь! говоритъ Петръ Федорычъ. „Нѣтъ у насъ царя, у насъ есть царица; Катерина Алексѣвна“, говоритъ часовой.—Ничего не подѣлаешь! замѣтила Августа и продолжала: онъ, батюшка, и покатишь назадъ, а она, матушка, открыла окно сверху, смѣется да и кричитъ ему въ задъ-то: „что взялъ?! Ступай, говоритъ, теперича къ своей-то заморской прелестницѣ, а я, говоритъ, и безъ тебя проживу“. Остановился онъ, поглядѣлъ на нее, погрозилъ ей пальцемъ: „ну добро же, голубушка, будетъ и на моей улицѣ праздникъ!“—сказалъ онъ и удалился.

„Такимъ-то побытомъ онъ и сталъ странствовать изъ царства въ царство: то къ тому придетъ къ царю, то къ другому. Всѣ его тайкомъ принимали; у всѣхъ онъ просилъ помощи и всѣ ему отказали. Одинъ говоритъ: „не могу въ чужія дѣла входить“; другой—„свой дерись, бранись, а чужой не приставай“. Съ ихъ стороны это былъ отводъ одинъ, а на самомъ дѣлѣ они крѣпко побаивались матушки Катерины Алексѣвны. Вѣдь она даромъ что была женщина, а куда какъ разумна да и воевать горазда,—супротивъ нея ни одинъ царь не стоялъ. На что ужъ прусскій царь, Фридрихъ, воинъ былъ; говорятъ, онъ всего свѣта всѣхъ царей побивалъ, а она, наша матушка, и его побилла. Вотъ она какая была, наша красавица! Сколько она земель отбила отъ супротивниковъ, сколько городовъ перебрала—и не перечесть. Турскаго султана, говорятъ, вдостоль добила; цѣ-

люю Крымскую орду отъ него къ себѣ присообщила; Очаковъ взяла и много, много земель завоевала. Вотъ она какова была, наша красавица!!!

— „Ну, кто-жь супротивъ нея смѣлъ идти!? Одинъ только турецкій султанъ и тотъ изъ досады, чай, одной, что она его дошибла, въ корень разорила. ¶Онъ, говорятъ, и шепнулъ Петру Федоровичу: „ты, говоритъ, что по чужимъ-то огородамъ шатаешься; у тебя, говоритъ, свой садъ зеленый стоитъ: толкнись-ка, говоритъ, къ Яицкимъ соколамъ, казакамъ брадатаимъ; присугласи, говоритъ, ихъ къ себѣ и ужъ черезъ нихъ-то, говоритъ, получишь или нѣтъ, что слѣдуетъ тебѣ; они, говоритъ, постоятъ за отечество. И впрямь, мой соколикъ,—замѣтила разскащица,—лихіе войны были старые казаки, любо было посмотреть на нихъ, а теперь что?!—тарань, тарань!“⁽¹⁾ Потомъ Августа продолжала: „И говоритъ салтанъ Петру Федоричу: „иди къ Яицкимъ казакамъ и объяви имъ себя царскимъ именемъ, и обѣщай пожаловать ихъ крестомъ да бородой,—они, говоритъ, это любятъ, постоятъ за тебя и не дадутъ никому въ обиду; я, говоритъ, знаю ихъ; они и ко мнѣ не прочь перейти, есть (если) когда ихъ въ отечествѣ будутъ обижать на счетъ креста да бороды. Это я тебѣ, говоритъ, только по жалости говорю, а то что мнѣ за охота отбивать у себя хлѣбъ-соль! Не нынѣ, завтра—всѣ казаки будутъ въ моемъ царствѣ. Ступай, куда велю, а то ни за что-ни-про-что пропало десять лѣтъ“.

— „Вотъ онъ и пришелъ на Яикъ, нашъ батюшка.

„Кто батюшка, Пугачевъ-то?“—спросилъ разскащицу собесѣдникъ.

— „Какой Пугачъ, родимый! Не Пугачъ, а Петръ Федоричъ, отвѣтила старуха такимъ тономъ простоты и увѣренности, что, казалось бы, и возражать не слѣдовало; но собесѣдникъ всетаки замѣтилъ: „Ахъ, бабушка, бабушка, какъ же онъ и обманулъ васъ,—вѣдь то былъ простой донской казакъ, Емелька Пугачевъ!“

— „Нѣтъ, нѣтъ, дитятко! Это выдумали супротивники его; они и Пугачемъ-то назвали,—вишь онъ *воинъ* больно былъ, такъ и прозвали его *Пугачъ, да Пугачъ*, а онъ былъ настоящей Петръ Федоричъ! Есть (если) когда-бы это былъ не Петръ Федоричъ, то бы не то и было; тогда и духу нашего не осталось-бы на Яикѣ, даромъ-что Яикъ-то нашъ родной, кровный,—вѣдь знаешь, дитятко, Марина Кайдановна⁽²⁾ завоевала его отъ Чулака-воина.

— „Я тебѣ вотъ что скажу, дитятко! Какъ только случилась въ ту пору завороха, то недѣли черезъ три и прискакалъ отъ матушки царицы гонецъ, чтобъ покончить, затушить эдакое дѣло, а наши казаки возьми да и *приспокой*⁽³⁾ этого гонца-то,—видно, такъ надо было. Вотъ въ Питерѣ-то бояре-то, всѣ эти Чернышovy, Орловы, и взѣлись

⁽¹⁾ Мѣстное выраженіе, равносильное выраженію: «дрянь-дряню!»

⁽²⁾ Марина Кайдановна, по преданію Уральцевъ, была предводительницей рыцарей или морскихъ разбойниковъ и, вмѣстѣ съ ними, грабила царскіе корабли. При помощи донскаго казака Рыжечка, она побѣдила Чулака-воина и завоевала р. Яикъ; она (будто) построила Гурьевъ-городокъ, при чемъ ей помогалъ уже и самъ Чулакъ съ своими воинами.

⁽³⁾ *Приспокойтъ*—убить.

на нашихъ да и даютъ матушкѣ царицѣ такой совѣтъ, чтобы всѣхъ казаковъ *пошабашить* ⁽¹⁾; чтобы и духу ихняго не пахло; чтобы и городъ-то ихній скрыть; чтобы камня на камнѣ не оставить. Но мудрая Катерина Алексѣвна такого злаго совѣта не послушалась: „никогда, говоритъ, этого не будетъ, — вѣдь они, говоритъ, казаки-то сирѣчь, не за мужика какого стоятъ, а стоятъ они за царское имя“. Вотъ и значить, что то не Пугачъ каковой былъ, а всетаки онъ самъ, сирѣчь Петръ Ѳедорычъ! Опять вотъ что, дитятко, скажу тебѣ, какъ онъ впервые-то явился, въ ту пору немногіе изъ нашихъ-то признавали его. Мой родной свекоръ (тогда еще онъ былъ мнѣ чужой, а послѣ сдѣлался свекромъ-то) ѣхалъ изъ города въ Талинскіе хутора, а на встрѣчу-то ему и показалась партія казаковъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ въ парчевой одеждѣ мужчина такой мужественный, величавый. Свекоръ скинулъ шапку и поклонился. „Чей ты?“ — спросилъ онъ. — Перстняковъ, отвѣтилъ свекоръ и опять поклонился. „Какъ твоего отца зовутъ?“ — Иваномъ, говоритъ свекоръ. — „Помню, помню, говоритъ; ступай къ отцу и скажи ему, чтобы сію же минуту явился ко мнѣ и представилъ бы жалованный ковшъ, который я ему далъ въ Питерѣ“. И поскакалъ свекоръ мой, сломя голову, въ Уральскъ; на ту пору отецъ-то свекра былъ въ лихоманнѣ ⁽²⁾, одначе свекру-то моему велѣлъ запречь лошадь; досталъ изъ сундука жалованный Петромъ Ѳедорычемъ ковшъ и поѣхалъ на *Гьрки* ⁽³⁾ къ Талинскимъ хуторамъ, а на Горкахъ-то сдѣланы были рели, словно для качалокъ, а на реляхъ качались удавленники, человекъ съ семь, — это были казаки, которые не признавали Петра Ѳедорыча. Отецъ свекра-то какъ взглянулъ на Петра Ѳедорыча, такъ и призналъ его, нашего батюшку, и многіе казаки, бывавшіе въ Питерѣ съ презентомъ ⁽⁴⁾, признали его. И вотъ съ этого-то самаго времени и пошелъ трусъ и мятежъ по всему войску. Чего, чего, кормилицъ, не было: и топили, и давили, и рѣзали, и разстрѣливали. Ночью, бывало, не ходи; безперечь окликають: кто идетъ? Скажешь: „казакъ“. — Чьей стороны? Ну, и не знаешь, какъ отвѣчать; не знаешь, съ какой стороны спрашиваютъ. Одно было спасенье, сказать: „калмыкъ“, и лучше, — ихъ что-то не трогали. Мы жили въ куреняхъ, почитай, у самой крѣпости, такъ я и наслышалась вдоволь страстей, ужастей. Безперечь на приступъ ходили, подкопы дѣлали; изъ пушекъ, изъ пицалей безъ умолку палили, а съ крѣпостной стѣны варомъ обливали: моего дядю роднаго съ сыномъ, Кораблевы прозывались, на приступѣ убили...“

„А знала ты, матушка, Устинью жену Пугачева?“ спросилъ собесѣдникъ.

— „Какъ не знать-то мнѣ: шаброво дѣло, только черезъ два дома жили! Когда я подросла, то слышала, что говорили на-двое: одни говорили, что Петръ Ѳедорычъ самъ женился на ней, а другіе, — что графы и сенаторы ему присовѣтовали.“

(1) *Пошабашить* — тоже убить, или перебить, уничтожить.

(2) Лихорадка.

(3) *Горками* называется мѣсто за р. Чаганомъ, протекающею съ западной стороны Уральска.

(4) Съ рыбой и икрой, ежегодно отправляемой ко двору и въ настоящее время.

— „Какіе графы и сенаторы?“

Августа улыбнулась. „Да все наши же воины, казаки; вѣдь у него была цѣлая свита набрана: кто звался Чернышевымъ, кто—Орловымъ ⁽¹⁾, кто—другимъ какимъ нина-есть ипераломъ, что въ Питерѣ при Катеринѣ Алексѣвнѣ были, все съ лентами черезъ плечо; ну, и у него все тѣ же были, съ лентами все черезъ плечо щеголяли, прости Господи“.

Инокія опять улыбнулась и продолжала:

„Сидитъ это онъ разъ подъ окномъ и смотритъ на улицу, а Устинья въ ту пору бѣжитъ черезъ улицу въ одной только рубахѣ, рукава засучены; руки по-локоть въ красной краскѣ,—она видишь, шреть красила да кушаки изъ нея ткала. Увидаль ее Петръ Ѳедорычъ,—а она была красавица,—увидаль да и говоритъ своимъ сенаторамъ: „чья это такая дѣвушка?“ — Дочь казака Кузнецова, говорятъ ему. „Сію же минуту“, говоритъ онъ, „ведите меня въ домъ къ ней“. И пошли въ домъ къ Устинѣ. Тамъ посмотрѣлъ онъ на нее пристально и она полюбилась ему, — вишь больно красива была. „Хочу, говоритъ, на ней жениться“, а сенаторы-то будто и говорятъ ему: „нельзя дѣлу этому статься?“—„Какъ такъ?“ спрашиваетъ Петръ Ѳедорычъ.—„Отъ живой жены жениться законъ воспрещаетъ!“—А я вамъ говорю—не воспрещаетъ. „Какъ такъ?“ „А вотъ какъ, говоритъ онъ: съ своей женой я разошелся больше десяти лѣтъ, а законъ позволяетъ жениться черезъ семь лѣтъ“. Этими словами и урезонилъ ихъ. Другіе же говорятъ иначе. Будто они, сенаторы-то, сами присовѣтовали ему жениться. Петру Ѳедорычу, вишь, хотѣлось имѣть ее,—Господи! прости за слово,—полюбовницей, а сенаторы-то возстали противъ этого да и говорятъ ему: „безчестно отецкой дочери наложницей быть; не подобаетъ царской особѣ въ грѣхѣ жить, а есть когда угодно твоей царской милости, чтобы отецкая дочь была твоею, то соединишь съ ней законнымъ бракомъ“. Онъ имъ и говоритъ: „Не можетъ это дѣло статься—знаете, у меня жена жива“.—Какая у тебя жена, та что ли, что въ Питерѣ-то живетъ?, что она тебѣ за жена! не жена это, а супротивница. Что тутъ много толковать! Женись да и баста, а на ту нечего смотрѣть,—немного она нацарить; ты только положишь на насъ: грудью за тебя постоимъ; всю имперію (имперію) съ тобой пройдемъ; Москву, Питеръ возьмемъ и ее плѣнимъ“. Такимъ-то побытомъ они его и соблазнили, на грѣхъ-то и навели. Женитьбой-то своей онъ все дѣло и испортилъ: когда узнали про его женитьбу на Устинѣ, такъ народъ-то и отшатнулся отъ него, а то бы, глядишь, не то было. Узнала объ этомъ государыня и гнѣвомъ воскипѣла.—„Есть, (если) говоритъ, когда ты такъ поступаешь, то я поступлю съ тобой по своему. Поѣзжай, говоритъ она князю Голицыну, поѣзжай на Яикъ и непременно разбей его, непотребцаго, живаго или мертваго, говоритъ, представь его во мнѣ“.

Далѣе Августа сообщила, что Петра Ѳедорыча не удалось имъ поймать, а поймали другаго, какого-то колодника, котораго и казнили въ Москвѣ.

⁽¹⁾ Чернышевымъ былъ у Пугачева Чика, Орловымъ—Чумаковъ, Воронцовымъ—Шигаевъ, Панинымъ—Овчинниковъ, и т. п.

Извѣстно, что Пугачевъ былъ пойманъ на Яикѣ и отправленъ чрезъ Сибирскъ въ столицу, подъ прикрытіемъ отряда изъ Лицкихъ же казаковъ, согласной стороны; главный надзоръ за ними былъ порученъ войсковому старшинѣ М. М. Бородину, который, по прїѣздѣ въ столицу, умеръ скоростижно. Вотъ что, между прочимъ, рассказала объ этой смерти ивокиня Августа.

— „Ѣдетъ изъ Питера М. М. Бородинъ съ своимъ деньщикомъ и говорить ему по-киргизски, чтобы ямщикъ ихъ не понялъ: „и какое, братецъ мой, я чудо видѣлъ, еслибъ ты только зналъ. Стою я это у матушки царицы въ опочивальнѣ и рассказываю ей, какъ мы сражались супротивъ Пугачева-то, а онъ, Пугачевъ-то, вдругъ изъ-за ширмы съ сжатыми кулаками какъ кинется на меня, иида (такъ-что) я не зналъ, куда дѣться отъ него. Тутъ подоспѣлъ царевичъ и заступился за меня. Но ты помолчи объ этомъ!“ Лишь только онъ объ этомъ сказалъ, какъ нагоняетъ его курьеръ и велитъ ѣхать назадъ въ Питеръ,—матушкѣ царицѣ что-то спонадобился. Сѣлъ онъ съ курьеромъ въ бричку и поскакалъ въ Питеръ, а деньщикъ его вернулся особо послѣ. Прїѣхалъ деньщикъ въ Питеръ, а М. М. Бородинъ уже Богу душу отдалъ.

— „Вотъ она какая притча-то!“ заключила Августа въ недоумѣніи

„А что случилось съ Устиньей-то?“—спросилъ собесѣдникъ.

— „Устинья и двѣ сестры Толкачевы, ея фрельны (фрейлины), были взяты въ Питеръ. Царица осматривала ихъ костюмъ и похвалила, только Устиньѣ замѣтила, что нехорошо она дѣлаеть, что украшаетъ свои башмаги золотомъ, что золото прилично только употреблять на украшеніе св. иконъ. Фрельны Толкачевы возвратились въ Уральскъ, а Устинья осталась въ Питерѣ и тамъ кончила свою жизнь. Царица пристроила ее въ какомъ-то монастырѣ, гдѣ Устинья и жила до своей смерти во всякомъ удовольствіи. А сына-то, сына-то ея, какъ матушка царица осчастливила! Устинья осталась послѣ Петра Федорыча беременной и, живши въ Питерѣ, родила мальчика, который былъ воспитанъ царицей, какъ подобаетъ, и отданъ какому-то королю“.

На этомъ и былъ поконченъ рассказъ Августы о Пугачевѣ.

О простота, простота! замѣчаетъ по поводу этого преданія І. И. Желѣзновъ, бесѣдовавшій съ ивокиней Августой. Тутъ невольно,—говоритъ онъ,—припоминается секретное предписаніе Оренбургскаго губернатора князя Волконскаго генералу Окулову, въ 1805 г.,—предписаніе, въ которомъ князь Волконскій говоритъ о тайныхъ французскихъ агентахъ, бывшихъ въ Уральскѣ въ 1770 году. Волконскій, какъ современникъ Пугачева, какъ высшее административное лице въ краѣ, могъ знать много такого, чего мы теперь пока не знаемъ.

VI.

О НАРОДНЫХЪ ПРАЗДНИКАХЪ ВЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (¹).

Н. Я. Аристовъ.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ приходскими священниками Пензенской духовной консисторіи и препровожденныхъ въ предварительный комитетъ IV Археологическаго Съѣзда, оказывается, что самыми популярными праздниками въ той мѣстности являются у крестьянъ дни, въ которые совершается память въ честь святыхъ, служащихъ покровителями скотоводства, хлѣбопашества и вообще матеріальнаго достатка человѣка. Праздники въ эти дни отличаются особымъ торжествомъ. Такъ напр. въ Пензенской губерніи и въ другихъ сосѣднихъ съ нею особеннымъ чествованіемъ пользуется день свв. муч. *Флора и Лавра* (18 августа), которые считаются у народа за покровителей лошадей. Въ день, посвященный

(¹) Предварительный комитетъ IV-го Археологическаго Съѣзда, озабочиваясь собраніемъ свѣдѣній по 42-му запросу программы Съѣзда о мѣстныхъ святыхъ и праздникахъ, чествуемыхъ въ опредѣленные дни года съ особымъ торжествомъ, обратился къ содѣйствію преосвященныхъ Казанской и сосѣднихъ съ нею епархій относительно доставленія свѣдѣній по означенному запросу, а статистическіе комитеты тѣхъ же губерній просилъ доставить самыя свѣдѣнія. (См. Протоколы предв. комит., Казань 1876 г., стр. 17). Вслѣдствіе этого были доставлены свѣдѣнія: а) отъ преосвященныхъ и духовныхъ консисторій слѣдующихъ Волжско-Камскихъ епархій: Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Астраханской, Уфимской, Оренбургской, Пермской и Вятской б) отъ статистическихъ комитетовъ: Казанскаго, Саратовскаго и Томскаго.—Доставленный матеріалъ очень обширенъ, и для доклада съѣзду, должно было быть составлено изъ него извлеченіе. Этотъ трудъ принялъ на себя бывший на съѣздѣ профессоръ русской исторіи въ Нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородки, П. Я. Аристовъ († 26 августа 1882 года), но работы окончить не успѣлъ: онъ сдѣлалъ извлеченіе лишь изъ свѣдѣній, доставленныхъ преосвященнымъ Пензенскимъ Григоріемъ, которое здѣсь и помѣщается.—*Ред.*

ихъ памяти, служится молебствіе, послѣ котораго окропляются св. водою лошади, собираемыя со всего села къ церкви. Полевыхъ работъ въ этотъ день не бываетъ; всѣ лошади стоятъ дома, и ихъ не гоняютъ въ табуны; употреблять лошадей въ работу въ этотъ день считается грѣхомъ. Иногда пригоняютъ къ церкви не однѣхъ лошадей, но и рогатый скотъ и всѣ стада.

Какъ Флоръ и Лавръ представляются покровителями лошадей, такъ св. *Власій*—коровъ, св. *Георгій*—овець, и каждый изъ нихъ спасаетъ ихъ отъ волковъ и проч. Въ Пензенской губерніи память священномученика *Власія* празднуется не въ день его памяти, а во вторникъ передъ праздникомъ Преполовенія. Въ этотъ день въ церкви не бываетъ мужчинъ, а однѣ только женщины, которыя приходятъ въ церковь съ пирогами особой формы, называемые *кочытцами*. При этомъ служится молебенъ св. Власію о благополучіи скота. У крестьянъ этотъ день называется бабынъ праздникомъ.

Въ день празднованія св. *Георгія Побѣдоносца* совершается также моленіе святому о благополучіи скота, причемъ просятъ св. Георгія сохранить скотъ отъ звѣрей и отъ падежа. Въ этотъ день также во многихъ мѣстахъ скотъ впервые выгоняется въ поля на пастбище.

Пророкъ *Илія* считается покровителемъ земледѣлія; онъ посылаетъ урожай и жатву; онъ же спасаетъ поля отъ града и домъ отъ пожара. Въ этомъ смыслѣ и совершаются молебствія въ Ильинъ день во многихъ мѣстахъ Пензенской губерніи. Кромѣ того, пророкъ Илія считается какъ бы специально завѣдывающимъ явленіемъ грозы и въ Саратовской губерніи даже называется *Громобоемъ*. Ему молятся объ избавленіи отъ грозы, а также вообще отъ внезапной смерти.

1-го августа въ Пензенскомъ уѣздѣ, послѣ водосвятія, окропляютъ св. водою лошадей и весь скотъ, который въ нѣкоторыхъ селахъ перегоняютъ черезъ рѣку. Въ этотъ же день пчеловоды служатъ молебенъ и угощаютъ духовенство и постороннихъ посѣтителей молодымъ медомъ. Когда же выставляютъ весной ульи на пчельникъ изъ мшеника, то молятся *Зосимъ* и *Савватію*, прося ихъ о сохраненіи и приплодѣ пчелинаго царства.

Іюня 2-го церковь воспоминаетъ великомуч. Іоанна, пострадавшаго въ Бѣлградѣ; крестьяне называютъ его *Іоаннъ Градобойный* и убѣждены, что онъ можетъ отвратить въ другую сторону градовую тучу, или уничтожить градъ и сдѣлать его безвреднымъ при самомъ паденіи. Вслѣдствіе этого они служатъ молебны Іоанну Градобойному о ниспосланіи дождя и спасеніи отъ града и бури.

Покровительницей женскаго труда считается св. *Пятница*; хотя память ея совершается церковь 28 октября, но народъ празднуетъ въ честь этой мученицы Параскевы 9-ю и 10-ю пятницу послѣ Пасхи. Въ этотъ праздникъ непременно бы-

ваетъ крестный ходъ на рѣку, озеро или родникъ; тамъ совершается водосвятіе, и по нѣкоторымъ селамъ окропляется пригоняемый скотъ. Вездѣ во время 9-й и 10-й пятницы происходятъ торги, а по мѣстамъ и ярмарки. Крестьяне о празднованіи въ честь св. Пятницы сообщаютъ много разказовъ: говорятъ, что за непочитаніе этой мученицы цѣлое село было поражено слѣпотою, а въ другомъ селѣ убило бабу громомъ, которая стала работать. Мужчины, впрочемъ, мало почитаютъ св. Пятницу и называютъ этотъ праздникъ бабьимъ, а женщины считаютъ за большой грѣхъ взять въ руки веретено или гребень, иначе, по ихъ понятію, св. Пятница отсушитъ руки и наплетъ какую-либо страшную болѣзнь. При непочтеніи св. Пятницы она сама является женщинамъ вся исколотая иглками, съ глазами засоренными кастрикой отъ безвременнаго шитья и прядева женщинъ, жалуется на такое невниманіе къ ней и мститъ за это. Въ Пензенское село *Ушенки*, гдѣ бываетъ крестный ходъ на рѣку, приходятъ на богомолье женщины не только изъ окрестныхъ селъ, но даже изъ Тамбовской губерніи, чтобы причастить въ тамошней церкви своихъ грудныхъ дѣтей. Особеннымъ почтеніемъ пользуется св. Пятница въ дер. *Новой Резеповкѣ* и уважается болѣе престольнаго праздника Михаила архангела; ее считаютъ покровительницей всей деревни, и нѣтъ почти ни одного дома, гдѣ бы не было ея иконы. Св. Пятницу зовутъ „матушкой-мученицей“, иногда даже смѣшиваютъ ее съ Богородицею; 9-ю пятницу отличаютъ отъ *временной*, которая празднуется 28 октября. Въ с. *Колонахъ* пятницу передъ днемъ святителя Николая называютъ матерью, или отцомъ чудотворца. Въ рѣдкомъ селѣ Пензенской губерніи нѣтъ часовни, въ которую совершается крестный ходъ послѣ Троицы; о такихъ часовняхъ крестьяне говорятъ, что тамъ прежде была чудотворная икона св. Пятницы и исчезла, но объ этихъ иконахъ въ большинствѣ случаевъ никто ничего не знаетъ, и по замѣчанію мѣстныхъ священниковъ, ихъ тамъ никогда и не было. Празднованіе св. Пятницы непременно соединяется съ хожденіемъ къ водѣ. Не имѣетъ ли связи почитаніе это съ старымъ языческимъ представленіемъ о приплывтіи русалокъ?

Кромѣ празднованія въ честь покровителей труда и экономического благосостоянія народа, крестьяне съ особеннымъ уваженіемъ встрѣчаютъ дни святыхъ, которымъ приписываютъ силу создавать довольство человѣка, исцѣлять болѣзни и устроить семейное счастіе и благополучіе.

Во главѣ этихъ святыхъ стоятъ ковачи брачной жизни—*Кузьма и Демьянъ*. Празднованіе дня свв. *Козьмы и Даміана* сопровождается особенными обрядами. Такъ въ с. *Богословскомъ*, Пензенской губерніи въ этотъ день въ церковь собираются только дѣвицы, которыя служатъ молебень и потомъ, по освященіи воды, всѣ подходятъ ко кресту и окропляются св. водою. Послѣ обѣдни дѣвицы соби-

раются вмѣстѣ ѣсть и пить брагу, а потомъ проводятъ время въ игрѣ и пѣсняхъ. Этотъ праздникъ, называемый „Кузьминки“, считается праздникомъ дѣвиць. Въ Мокшанскомъ уѣздѣ дѣвушкѣ собираются на вечеринку и если день скоромный, угощаютъ подругъ курятиной; для этого угощенія рѣжутъ непременно молодого пѣтуха; затѣмъ подаютъ пирогъ съ кашей, называемый *курникъ* ⁽¹⁾. Такимъ образомъ крестьяне считаютъ Кузьму и Демьяна покровителями дѣвиць и устроителями счастливой супружеской жизни.

Спеціально женскимъ праздникомъ считается праздникъ св. *женъ мироносицъ*, когда замужнія женщины служатъ молебенъ; этотъ день такъ и называется женскимъ праздникомъ. День св. муч. *Екатерины* (24 ноября) исключительно празднуется молодыми женщинами-матерями, по обѣщанію служащими молебны, по случаю трудныхъ родовъ. Эту святую считаютъ покровительницею беременныхъ женщинъ.

Есть въ народѣ праздникъ и въ честь, такъ сказать, повивальнаго искусства: третій день по Рождествѣ Христовѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пензенской губерніи, напр. въ с. *Колонахъ*, посвященъ бабушкѣ *Саваооъ* (Соломея?) которая будто повивала Спасителя въ вертепѣ (въ апокрифахъ и русскихъ заговорахъ встрѣчается бабушка *Соломія*, что Христа повивала). Въ этотъ день устраивается угощеніе всѣмъ повитухамъ въ селѣ и катанье ихъ на тройкахъ съ колокольцами. Въ случаѣ болѣзни дѣтей женщины служатъ молебны *Симеону Богопріимцу*, а въ д. Собакинѣ (Городищенскаго уѣзда), въ четвергъ Троицкой недѣли женщины собираются въ церковь и молятся о здравіи дѣтей своихъ. Наконецъ, свв. муч. *Гурій, Самонъ и Авивъ* считаются народомъ за ходатаевъ предъ Богомъ о сохраненіи согласія и любви между супругами. Если мужъ перестаетъ любить жену, то послѣдняя служитъ молебны этимъ покровителямъ семейнаго счастья и брачной жизни.

(1) Во всѣхъ обрядахъ и увеселеніяхъ, сопровождающихъ празднованіе этого дня, не участвуютъ ни замужнія женщины, ни мужчины; рѣдко лишь приглашаются на пирушку молодые парни.

VII.

О КИРЕМЕТЯХЪ КРЕЩЕННЫХЪ ТАТАРЪ, ИЗЪ ДЕРЕВНИ ТАВЕЛЬ, ЧИСТОПОЛЬСКАГО УЪЗДА, КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Объяснительная записка

И. М. Софійскаго (*).

Въ этнографическомъ отдѣленіи выставки, устроенной при IV Археологическомъ Създѣ, между различными предметами, касающимися такъ или иначе той или другой стороны быта казанскихъ инородцевъ, находятся жертвенныя приношенія крещеныхъ Татаръ, извѣстныя у послѣднихъ подъ именемъ *киреметей*. Извѣстно, что слово *киреметь*, чаще всего слышимое у крещеныхъ Татаръ въ формѣ *кирмять*,—есть арабское и въ переводѣ на русскій языкъ значить „достойное почтенія, достойное уваженія“. Этимъ именемъ крещеные Татары обозначаютъ во 1-хъ, духовъ или геніевъ, почитаемыхъ ими наравнѣ съ Чувашиами и

(*) Редакціонный Комитетъ передалъ какъ настоящую статью, такъ и слѣдующую за нею на разсмотрѣніе извѣстнаго ориенталиста и знатока быта поволжскихъ инородцевъ Н. П. Ильминскаго, который, разсмотрѣвъ ихъ, снабдилъ записку г. Софійскаго слѣдующимъ примѣчаніемъ: Авторъ записки Илья Михайловичъ Софійскій, въ 1877 году студентъ Казанской духовной академіи по миссіонерскому отдѣленію, ученикъ Н. П. Остроумова. По его совѣту г. Софійскій занимался этнографіей и особенно религіозными повѣртіями старо-крещеныхъ Татаръ, у которыхъ много сохранилось шаманской старины. Г. Софійскій доставилъ на выставку Създа описываемыя имъ въ этой статьѣ киремети и самъ объяснялъ ихъ посѣтителямъ выставки. Въ «Извѣстіяхъ по Казанской епархіи» на 1877 годъ, стр. 674—689, напечатана статья его «о киреметяхъ крещеныхъ Татаръ Казанскаго края», (лекція въ казанскомъ миссіонерскомъ приютѣ), составляющая общій обзоръ вѣрованій Татаръ въ киреметь и служащая какъ бы выводомъ изъ печатаемыхъ свѣдѣній. Г. Софійскій, по окончаніи академическаго курса, поступилъ учителемъ киргизскаго училища въ Перовскѣ; потомъ былъ преподавателемъ русскаго языка въ Туркестанской учительской семинаріи; нынѣ перешелъ на мѣсто инспектора киргизскихъ школъ и народныхъ училищъ Уральской области и Орскаго уѣзда.

Черемисами, во 2-хъ, мѣсто, гдѣ, по представленію крещеныхъ Татаръ, обитають таковыя духи, и въ 3-хъ, жертвы, приносимыя ими въ честь и умилоствленіе почитаемыхъ ими духовъ. На выставку къ IV Археологическому Съѣзду доставлены собственно жертвенныя приношенія крещеныхъ Татаръ, носящія названія киреметей. Всѣхъ, доставленныхъ сюда, киреметей крещеныхъ Татаръ 10 видовъ; расположены они въ 3-хъ группахъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ они были расположены и хранились у самихъ крещеныхъ Татаръ.

Первая группа киреметей, извѣстная у крещеныхъ Татаръ подъ именемъ „Оло киряматляръ“ или „Оло келляляръ“, т. е. великія киремети или великія моленія, заключаетъ въ себѣ 6 видовъ киреметей. Они помѣщены въ четырехугольномъ лубочномъ ящикѣ, имѣющемъ въ верхней своей части 10 $\frac{1}{2}$ », а въ нижней 11 $\frac{1}{2}$ » вершковъ длины, и 5 $\frac{1}{2}$ » вершковъ ширины; вышина ящика 4 $\frac{1}{2}$ » вершка. Внутри ящикъ раздѣленъ поперегъ на 2 равныя половины лубочною, въ настоящее время уже значительно покривившеюся, перегородкою. Сверху ящикъ закрывается лубочною же крышкой, вращающеюся на двухъ петляхъ изъ мочальной бичевки. Крышка запирается особымъ лубочнымъ поперечникомъ шириною въ 1 и длиною въ 7 $\frac{1}{2}$ » вершковъ; поперечникъ наглухо прикрѣпленъ мочальною бичевкою съ той стороны ящика, съ которой находятся петли крышки; съ противоположной стороны ящика поперечникъ замыкается мочальною же бичевкой. Въ первомъ отдѣленіи ящика находятся полотняный мѣшечекъ съ мѣдными монетами и двѣ группы небольшихъ отрѣзковъ грубаго полотна; а во второмъ— три группы такихъ же отрѣзковъ полотна съ маленькими кусочками воска въ срединѣ каждого изъ нихъ. Всѣхъ монетъ въ мѣшечкѣ 60; въ числѣ ихъ находится три старинныхъ *двухкопѣчника (гроша)*,—одинъ 1821 года и два—1831 г.; кромѣ того 37 старинныхъ *копѣекъ*: одна—1759 г., 1—1796, 5—98, 2—1800, 5—1801, 2—11, 1—16, 1—18, 4—19, 1—20, 3—21, 1—24, 1—27, 3—28, 2—32, 1—36, 1—37; одна $\frac{1}{2}$ *копѣйки* 1840 г.; 6 денегъ: 1—1737 г., 1—38 г., 1—48, 2—1825, 1 годъ стертъ; 5 *денежекъ*: 1—1853 г., 1—56, 1—57, 1—58, 1—62; четыре $\frac{1}{4}$ *копѣйки*: 2—1842 г., 2—45 г., 4 *полушки*: 1—1851 г., 3—53 года. Сюда же присоединены добытыя изъ другаго мѣста, но имѣющія одинаковое съ первыми назначеніе, 36 серебряныхъ монетъ XVII и начала XVIII столѣтій. Одна группа отрѣзковъ полотна состоитъ изъ 56 кусковъ; длина каждого куска равняется ширинѣ обыкновеннаго полуаршиннаго полотна, ширина же ихъ колеблется между $\frac{1}{2}$ —2 вершками. Во второй группѣ находится 63 отрѣзка полотна таковыхъ же размѣровъ. Во второмъ отдѣленіи ящика въ первой группѣ 56, во второй 66 и въ третьей 58 такихъ же по величинѣ и внѣшней формѣ отрѣзковъ полотна, какіе находятся въ первомъ отдѣленіи ящика, съ тѣмъ толь-

ко небольшимъ отличіемъ, что въ средину každого клочка полотна 2-й половины лщика завернуты маленькіе кусочки воска.

Вторая группа киреметей, извѣстныхъ у крещеныхъ Татаръ подь именемъ „*Кыръ кирямте*“—полевая киреметь, заключаетъ въ себѣ 2 вида киреметей и помѣщается въ берестяномъ буракѣ съ деревяннымъ дномъ. Вышина бурака съ наружной его стороны $4\frac{1}{2}$, а со внутренней $3\frac{1}{2}$ вершка; въ діаметрѣ онъ имѣетъ 3 вершка. Буракъ привѣшивается на конопляной въ 10 вершковъ длины бичевкѣ и покрытъ тремя грубыми крашениновыми, другъ на друга положенными, тряпками съ бѣлою подкладкою изъ грубаго же полотна; длина верхней крашениновой тряпки 10, и ширина $7\frac{1}{2}$ вершковъ. Въ буракѣ находится 116 мѣдныхъ монетъ, въ числѣ которыхъ 46 грошей: 4—1810 года, 2—11, 3—12, 2—13, 1—14, 4—15, 3—16, 2—17, 1—20, 5—21, 2—22, 2—24, 3—25, 1—26, 2—28, 3—29, 2—32, 3—38, 1—39; 4 копейки серебромъ: 1—1851 г., 1—56, 1—59, 1—64; 45 копеекъ: 1—1758 г., 2—60, 1—74 (сибирская), 1—98, 6—99, 9—1800, 8—1801, 1—18, 4—19, 1—21, 1—23, 1—24, 2—28, 1—29, 1—30, 6—32, 5—35, 1—37; восемь $\frac{1}{2}$ копеекъ серебромъ: 3—1840, 1—41, 4—42 г.; 6 денегъ: 1—1731 г., 1—39, 1—41, 1—48, 1—57, 1—1825; 5 денежекъ: 1—1851 г., 1—53, 1—54, 2—56; одна $\frac{1}{4}$ копейки серебромъ 1841 г., одна полушка 1853 года.

Третья группа киреметей заключаетъ въ себѣ также 2 вида киреметей и называется у крещеныхъ Татаръ общимъ именемъ: „*Тянгре* (или *тярелляръ*) *белянь кужаларъ кирямте*“, т. е. киреметь Бога неба (или иконъ) и ходжей. Эта группа киреметей представляетъ собою свертокъ изъ отрѣзковъ полотна, число которыхъ простирается до 103; отрѣзки полотна намотаны на четырехгранной липовой палкѣ длиною въ $\frac{1}{4}$ аршина.

Кромѣ общихъ названій представленныхъ на выставку Съѣзда киреметей,—названій, раздѣляющихъ киремети на 3 группы, каждый отдѣльный видъ киремети характеризуется своимъ собственнымъ названіемъ. Изъ первой группы киреметей деньги въ полотняномъ мѣшечкѣ въ первомъ отдѣленіи четырехугольной лубочной коробки носятъ названіе „*Жылкы корманынынъ алдыннанъ жѳрѳй торганъ акъ тьяксе*“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ (рѣжется) прежде жертвоприношенія лошади, или „*Оло бауыръ корманынынъ алдыннанъ жѳрѳй торганъ тьяксе*“, т. е. баранъ, который ходитъ (рѣжется) предъ жертвоприношеніемъ великой печени, или наконецъ полнѣе „*Оло бауыръ, жылкы корманынынъ алдыннанъ жѳрѳй торганъ акъ тьяксе*“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ (рѣжется) предъ жертвоприношеніемъ лошади или великой печени. Слѣдующая за этой киреметью коллекція изъ 56 отрѣзковъ полотна называется „*Оло бауыръ корманы*“; т. е. жертвоприношеніе великой печени, или „*Оло бауыръ корманынынъ ѳгезе*“,

т. е. быкъ (вмѣсто) жертвоприношенія великой печени, или „*Жылкы корманынынъ ѳгезе*“, т. е. быкъ (вмѣсто) жертвоприношенія лошади, или наконецъ полнѣе: „*Оло бауырз, жылкы корманынынъ ѳгезе*“, т. е. быкъ (вмѣсто) жертвоприношенія лошади, или великой печени. О происхожденіи этихъ двухъ видовъ киреметей извѣстно слѣдующее преданіе въ потомствѣ тѣхъ крещеныхъ Татаръ, у которыхъ взяты (¹) доставленныя на выставку Съѣзда киремети. Рассказываютъ, что когда-то очень давно нѣсколько молодыхъ людей (*жигеть*) рубили въ лѣсу дрова. Во время своей работы они, въ подражаніе оставшимся дома старшимъ членамъ своихъ семействъ, вздумали совершить жертвоприношеніе невидимому духу въ надеждѣ, что въ такомъ случаѣ работа ихъ пойдетъ успѣшнѣе. Не имѣя подъ руками никакихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ лошадей, они болѣе всего обратили свое вниманіе на двухгодовалого жеребенка (*кырыммынъ тай*), который былъ съ ними, и рѣшили принести его въ жертву, какъ самый подходящій предметъ для жертвы въ данныхъ обстоятельствахъ. Жеребенка зарѣзали; шкуру его повѣсили на дрова, а мясо сварили въ котлѣ. Сваривши мясо, они помолились, какъ могли и съумѣли; а мясо потомъ поѣли. Кромѣ совершившихъ жертвоприношеніе двухгодовалого жеребенка, никто не зналъ объ этой жертвѣ. Молодые люди, принесшіе означенную жертву, потомъ выросли, поженились, у нѣкоторыхъ изъ нихъ появились даже свои дѣти; но хозяйство ихъ какъ-то все разстраивалось, здоровье ихъ самихъ ухудшалось и дѣлалось годъ отъ году слабѣе. Наконецъ, по обыкновенію крещеныхъ Татаръ, они обратились къ ворожеѣ съ вопросами о своемъ несчастіи. Ворожея напомнила имъ о принесенной ими когда-то въ лѣсу жертвѣ и рекомендовала имъ возстановить ее ежегоднымъ повтореніемъ ея. Послушные голосу ворожеи, крещеные Татары возстановили жертвоприношеніе двухгодовалого жеребенка, — стали ежегодно въ урочный день рѣзать молодую лошадку. Съ того времени хозяйство ихъ улучшилось, они значительно разбогатѣли, здоровье ихъ самихъ поправилось, они почувствовали себя бодрыми и крѣпкими. Возстановивши киреметь, они назвали ее „*жылкы корманы*“ — жертвоприношеніе лошади; а когда приносить въ жертву лошадей было запрещено закономъ (²), то они вмѣсто цѣлой лошади стали приносить только печень лошади, которую доставали будто тайкомъ у Татаръ-мухаммеданъ, поэтому самое жертвоприношеніе стали называть „*оло бауырз корманы*“ или „*оло бауырз келле*“, т. е. жертвоприношеніе великой печени. Наконецъ вмѣсто лошади, а также и вмѣсто

(¹) Доставленныя на выставку Съѣзда киремети добыты въ дер. Тавель Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи, изъ рода крещеныхъ Татаръ Апаковыхъ

печени лошади они стали приносить быка (кыуа үгезь), и на этомъ основаніи самому жертвоприношенію дали слѣдующее полное названіе: „оло бауырз, жылкы корманнынъ үгезе“, т. е. быкъ (вмѣсто) жертвоприношенія лошади или великой печени. Съ теченіемъ времени, когда богатство ихъ увеличилось въ значительной степени, они нашли возможнымъ въ благодарность за оказанное имъ благодѣяніе увеличить свою жертву невидимому духу;—кромѣ быка, они стали рѣзать еще ежегодно бѣлаго барана, который всегда приготовлялся прежде быка, и служилъ такъ сказать открытіемъ торжества жертвоприношенія лошади или, вмѣсто ея, быка; отсюда образовалось названіе первой киремети: „оло бауырз, жылкы корманнынъ алдыманъ жѳрѳй торганъ акъ тлкъсе“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ (рѣжется) предъ жертвоприношеніемъ лошади или великой печени.—Вторая коллекція отрѣзковъ полотна, находящихся въ первомъ отдѣленіи четырехугольнаго ящика, и простирающихся числомъ до 63 отрѣзковъ, называется „Тюръ үгезе“, т. е. древній или первоначальный быкъ. О происхожденіи этой киремети можно прочесть въ 11 № „Извѣстій по Казанской епархіи“ за 1876 годъ, въ статьѣ старо-крещенаго Татарина Михаила Апакова: „Разказы крещеныхъ Татаръ.... о происхожденіи киреметей“. Первая коллекція отрѣзковъ полотна съ воскомъ въ срединѣ каждаго куска полотна, находящаяся во второмъ отдѣленіи четырехугольнаго ящика и заключающая въ себѣ 56 клочковъ полотна, называется „кай бяране“ или „кайгы бяране“ — ягненокъ печали. Въ честь этой киремети должно зарѣзать ягненка синяго (?) цвѣта (кюкъ бяранъ): умилостивленное такую жертвою божество избавляетъ людей отъ града и мора, отъ грозы и пожара, отъ смертоноснаго вѣтра и другихъ физическихъ несчастій. Вторая коллекція отрѣзковъ полотна во второмъ отдѣленіи ящика носитъ названіе „оло жаратканъ Ана“—мать сотворительница великая, а третья коллекція называется „кече жаратканъ Ана“—мать сотворительница малая. О происхожденіи послѣдней киремети разсказывается слѣдующее преданіе. Однажды, въ очень отдаленное отъ насъ время, старшіе члены изъ семейства крещеныхъ Татаръ уѣхали въ чужую деревню на праздникъ. Оставшіяся дома дѣти ихъ, подобно выше-сказаннымъ дроворубамъ, вздумали приносить жертву. Они зарѣзали бѣлаго гуся и совершили обрядъ жертвоприношенія, т. е. сварили мясо гуся въ котлѣ и съѣли его съ молитвеннымъ призываніемъ божества. Дальше въ преданіи повторяется то же самое, что было сказано о дроворубахъ. Въ заключеніе разсказа прибавляется, что возстановленная возмужавшими дѣтьми крещеныхъ Татаръ киреметь получила названіе „Кече жаратканъ Ана“—мать сотворительница малая—въ отличіе отъ „Оло жаратканъ Ана“—матери сотворительницы великой, въ подражаніе которой была первоначально совершена жертва маленькими дѣтьми.—

Во второй группѣ киреметей, находящихся въ буракѣ, и состоящихъ изъ 116 мѣдныхъ монетъ, одна часть денегъ носитъ названіе „*кыръ кирамятенень алдыннанъ жѣрдѣй торганъ акъ тьяксе*“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ (рѣжется) предъ жертвоприношеніемъ полевой киремети, или полнѣе: „*кыръ кирамятенень кызылъ танасынынъ алдыннанъ жѣрдѣй торганъ акъ тьяксе*“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ предъ жертвоприношеніемъ красной телки полевой киремети. Другая часть денегъ въ буракѣ называется: „*кыръ кирамятенень кызылъ танасы*“, т. е. красная телка полевой киремети. Обѣ же части денегъ вмѣстѣ называются общимъ именемъ „*кыръ кирамяте*“, т. е. полевая киреметь. О происхожденіи этого рода киреметей передается слѣдующее преданіе. Одна старушка изъ потомства Апаковыхъ въ д. Тавель Чистопольскаго уѣзда нашла въ полѣ одинъ разъ буракъ съ небольшимъ числомъ монетъ. Полагая, что эта находка есть знакъ особой къ ней милости Бога, она, изъ почтенія и уваженія къ Нему, вздумала принести Ему посильную жертву. Сначала она сварила кашу (бутка), а потомъ общала зарѣзать двухлѣтнюю красную телку. Собравшись съ силами, она исполнила свое обѣщаніе,—зарѣзала красную телку и съ тѣхъ поръ стала приносить такую же жертву. Явилась такимъ образомъ киреметь „*кыръ кирамятенень кызылъ танасы*“—красная телка полевой (найденной въ полѣ) киремети. Впослѣдствіи, когда въ домѣ названной старушки богатство замѣтно увеличилось, родственники ея—потомки положили, въ благодарность Богу, увеличить жертвоприношеніе, къ телкѣ прибавили бѣлаго барана, котораго рѣзали прежде телки; образовалась новая киреметь „*кыръ кирамятенень алдыннанъ жѣрдѣй торганъ акъ тьяксе*“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ (рѣжется) прежде красной телки. Киреметь полевая существуетъ только въ одномъ потомствѣ Апаковыхъ; въ другія потомства ея не распространяли изъ опасенія, какъ бы вмѣстѣ съ киреметью не перешло совѣмъ въ другой родъ и богатство.

Послѣдняя группа киреметей, свертокъ клочковъ полотна на липовой палочкѣ, какъ сказано выше, содержитъ въ себѣ два вида киреметей, изъ которыхъ первая носитъ названіе „*Тянгре* (или *тярелляръ*) *келяуе*“—моленіе Бога неба (или иконъ), а вторая „*кужаларъ келяуе*“, т. е. моленіе ходжей. Обѣ же вмѣстѣ называются общимъ именемъ; „*Тянгре* (или *тярелляръ*) *беллянь кужаларъ кляуе* (или *кирямяте*)“, т. е. киреметь Бога неба и ходжей. Въ объясненіе „*кужаларъ келяуе*“ у крещеныхъ Татаръ существуетъ слѣдующій рассказъ.

Вскорѣ послѣ потопа, еще во дни „праведнаго Ноя“, въ нынѣшнемъ Чистопольскомъ уѣздѣ жила дѣвушка-царица (кызы-патша); столицей ея царства былъ городъ, стоявшій въ свое время на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся деревни Нижняя и Верхняя Никиткины. Небольшой холмъ между этими деревнями, вер-

стахъ въ 1¹/₂, отъ большаго оренбургскаго тракта къ югу, и до сего времени слыветь въ народѣ подь именемъ „*мызъ патшалынъ каласы*“, т. е. городъ дѣвицы-царицы; на скатѣ холма стоитъ камень—памятникъ, обнесенный деревянною оградой; на камнѣ едва замѣтно виднѣются буквы арабскаго алфавита; арабская или татарская въ нихъ заключается письменность—разобрать трудно. По сказанію мѣстныхъ жителей, подь камнемъ симъ покоится прахъ дѣвицы-царицы. У этой царицы, продолжаетъ преданіе, было многочисленное войско, которое однако было взято въ плѣнъ русскимъ царемъ и окрещено въ „русскую“ вѣру. Главнымъ начальникомъ войскъ царицы былъ Татаринъ-мухаммеданинъ, по имени Насръ-эдинъ, извѣстный въ народѣ больше подь именемъ ходжи, — „*кужа Насрэддинъ*“. Ученикъ какого-то знаменитаго хальфы, онъ однако самъ имѣлъ у себя шакирдовъ (учениковъ), которыхъ и наставлялъ въ правилахъ мухаммеданской религіи (¹). Въ душѣ своей онъ всегда держалъ Бога и былъ величайшимъ праведникомъ; онъ обладалъ даромъ предвѣденія и другими довольно чудесными качествами. Однако людямъ онъ казался смѣшнымъ и сѣумасшедшимъ: онъ скакалъ и плясалъ по улицамъ, безобразничалъ въ публичныхъ мѣстахъ; будучи мясникомъ одно время, разбрасывалъ мясо собакамъ, говоря, что даетъ имъ въ долгъ и под. Вообще о жизни Кужа-Насръ-эдина у крещеныхъ и некрещеныхъ Татаръ передается весьма много подробностей. По преданію, онъ умеръ въ глубокой старости и былъ похороненъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ недалеко отъ села Билярска, на возвышенномъ мѣстѣ. Съ того времени, говорятъ, эта возвышенность стала называться „*кужаларъ тауы*“, т. е. гора ходжей. При подошвѣ этой горы протекаетъ святой ключъ, въ которомъ въ древности найдена была какая-то чудотворная икона. Эта икона будто и до нынѣшняго времени хранится въ церкви с. Билярска. Когда бываетъ крестный ходъ на священный ключъ, то сюда стекается много народа изъ окрестностей; сюда собираются: Русскіе, Татары крещеные, Татары-мухаммедане, Чуваши, Мордва и пр. Одни изъ приходящихъ сюда являются съ цѣлію поклониться христіанской святынѣ, а другіе, и такихъ большинство, являются на поклоненіе праху Насръ-эд-дина, въ честь котораго и приносятъ здѣсь различныя жертвы. Татары-мухаммедане сами приготавливаютъ жертвы изъ приведенныхъ съ собою домашнихъ животныхъ,—рѣжутъ ихъ, варятъ и ѣдятъ; а крещеные Татары и Чуваши передаютъ свои жертвы въ руки мухаммеданскихъ муллъ, которые и распоряжаются по своему усмотрѣнію по-

(¹) По ученію мухаммеданъ исламъ проповѣдуется со времени появленія первыхъ людей на земли.—первымъ проповѣдникомъ ислама былъ еще Адамъ; затѣмъ исламъ же проповѣдывали и другіе ветхозавѣтные и новозавѣтные пророки;

жертвованными животными. Жертвы, приносимыя крещеными Татарами въ честь „Кужа Насръ-эддина“, называются ими: „*кужа келяуэ*“ или „*кужа кирямте*“.

Изъ перечисленныхъ отдѣльныхъ названій каждой изъ представленныхъ на выставку Съѣзда киреметей видно, что жертвы, приносимыя крещеными Татарами въ честь и умилоствленіе киреметей, должны быть непременно кровавыя, — нужно рѣзать коровъ, лошадей, овецъ и пр. Естественно при этомъ рождается вопросъ: откуда же взялись и что значать представленные на выставку Съѣзда жалкія кополки съ грошами и тряпьемъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ должно сказать, что представленные на выставку Съѣзда мѣдныя и серебряныя монеты вмѣстѣ съ отрѣзками полотна, нося тоже названіе киреметей, представляютъ собою результатъ сдѣлки практическаго расчета съ религіозною совѣстью крещеныхъ Татаръ. Дѣло въ томъ, что весьма часто случается, что у одного и того же домохозяина — крещенина бываетъ нѣсколько экземпляровъ киреметей, иногда больше 10 штукъ; въ честь каждой киремети ежегодно нужно совершить то или другое жертвоприношеніе; въ противномъ случаѣ крещенинъ ожидаетъ себѣ несчастія или наказанія отъ мстительныхъ, разсерженныхъ невниманіемъ къ нимъ, киреметей; слѣдовательно одинъ и тотъ же домохозяинъ долженъ ежегодно извести болѣе 10 штукъ крупнаго и мелкаго скота на одно чествованіе предметовъ своего религіознаго поклоненія. Но не всѣ крещеные Татары живутъ настолько состоятельно, чтобы могли ежегодно дѣлать такія, сравнительно очень значительныя, особенно для поселянина, затраты. Между тѣмъ непринесеніе жертвы тяжелымъ гнетомъ лежитъ на религіозной совѣсти крещенина.... Въ такой борьбѣ между различными мотивами изворотливый умъ крещенина придумалъ слѣдующую, успокоительную для его религіозной совѣсти, сдѣлку. Вмѣсто кровавой жертвы въ урочное для жертвоприношеній въ честь киреметей время года крещеный Татаринъ варитъ изъ какой либо крупы кашу, кладетъ ее въ чашку и ставитъ на столъ въ своей избѣ предъ образами. Въ кашѣ въ срединѣ чашки хозяйка дома дѣлаетъ углубленіе и наполняетъ его какимъ либо жирнымъ или маслянистымъ веществомъ, преимущественно растопленнымъ коровьимъ масломъ; по краямъ чашки на кашу кладутся двѣ пустыхъ ложки. Затѣмъ на одну изъ ложекъ хозяинъ или хозяйка кладетъ или монету преимущественно стараго чекана (мѣдную или серебряную — все равно), или небольшой отрѣзокъ полотна съ воскомъ въ срединѣ, или таковой же отрѣзокъ полотна безъ воска; разница эта зависитъ отъ киремети, въ честь какой совершается жертвоприношеніе, и обуславливается первоначальнымъ опытомъ приносившихъ жертву таковую въ первый разъ. Затѣмъ приносящій жертву крещенинъ обращается съ молитвою къ чествуемому божеству, проситъ его о своихъ нуждахъ и извиняется предъ нимъ, говоря: „будь

довольно (божество) этою скромною и малою жертвою, какую я тебѣ приношу; въ слѣдующій разъ, когда я буду состоятельнаѣе, я принесу тебѣ настоящую жертву (лошадь, корову и пр.)“. Потомъ другою пустою ложкой онъ беретъ немного каши изъ чашки и ѣстъ ее; жертву же свою, т. е. монету или отрѣзокъ полотна, онъ снимаетъ съ ложки и кладетъ въ особый сосудъ, нарочно для того приготовленный. Съ того момента, какъ жертвенное приношеніе, такъ и сосуды, вмѣщающіе въ себѣ жертвенныя приношенія, считаются священными и ихъ не должно касаться до новаго жертвоприношенія, когда къ нимъ подкладываются новыя приношенія. По окончаніи жертвоприношенія сосуды съ жертвенными приношеніями относятся въ какое либо темное, мало доступное, мѣсто; всего чаще ихъ вѣшаютъ, втыкаютъ и кладутъ подъ крыши жилыхъ строеній, на потолкахъ избъ, или относятъ въ овины, риги и тому подобныя помѣщенія. Такъ какъ эти приношенія назначаются взамѣнъ кровавыхъ жертвъ, вмѣсто лошадей, коровъ, овецъ и пр., то они со времени ихъ помѣщенія въ коробкахъ и буракахъ, т. е. со времени, такъ сказать, освященія ихъ жертвоприношеніемъ получаютъ особыя названія; деньги получаютъ названіе „*битъ*“—лице, а клочки полотна—„*мангай*“—лобъ; каждая монета, принесенная въ жертву вмѣсто животнаго, называется *битъ*, каждый клочекъ полотна—*мангай*. Цѣлая же группа или коллекція такихъ *битъ* или *мангай*, т. е. собранныя за нѣсколько лѣтъ приношенія въ честь одной киремети, называются *тѣбъ*—основаніе. На выставку Съѣзда доставлены приношенія отъ 10 видовъ киреметей; слѣдовательно здѣсь 10 *тѣбъ*—основаній; изъ нихъ 7 *мангай*—лобовъ и 3 *битъ*—лица. Въ тотъ годъ, когда въ честь какой либо киремети приносится кровавая жертва, собранныя въ честь этой киремети приношенія въ предъидущіе годы вынимаются изъ своихъ помѣщеній и раздѣляются между членами семейства. Изъ кусочковъ воска, вкладываемаго въ нѣкоторыя приношенія, во время жертвоприношенія животныхъ дѣлаются двѣ восковыя свѣчки, которыя зажигаются и прилѣпляются къ божницѣ предъ иконами. Молитва предъ иконами съ зажженными предъ ними свѣчами, слѣданными изъ приношеній въ честь киреметей, на языкѣ крещеныхъ Татаръ получила названіе „*ашлямъ астында тороу*“, т. е. стояніе подъ свѣчей.

Киремети различныхъ видовъ существуютъ у всѣхъ крещеныхъ Татаръ Казанской губерніи, но гораздо болѣе они почитаются и въ большемъ количествѣ существуютъ у тѣхъ крещеныхъ, у которыхъ въ полной силѣ еще господствуютъ языческія вѣрованія и языческія представленія. Лицамъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ имѣвшимъ случай входить въ близкія отношенія къ крещенымъ Татарамъ, извѣстно, что сами крещеные Татары, по степени своей обрусѣлости и религіознымъ симпатіямъ, дѣлятъ себя на три вида: 1) *таза кряшень, чиста кря-*

шень, чей кряшень (чистый крещенинъ, неваренный, сырой, т. е. настоящій крещенинъ), 2) *кара кряшень* или *урыссымакъ* (черный крещенинъ, крещенинъ, похожій на русскаго, обрусѣлый) и 3) *акъ кряшень* или *татарсымакъ* (бѣлый крещенинъ, крещенинъ, похожій на татарина, обтатарившійся). Первые (чиста кряшень, чей кряшень) характеризуются сравнительно большею преданностію язычеству. Самое названіе ихъ „таза, чиста кряшень“ (чистый крещенинъ) или „чей кряшень“ (не варенный, сырой крещенинъ) показываетъ, что они меньше другихъ своихъ единоплеменниковъ подверглись измѣненію въ религіозно-нравственномъ состояніи, болѣе другихъ сохранили у себя *чистыхъ* языческихъ вѣрованій, не переварились, не передѣлались въ другой какой либо новой для нихъ религіи. Въ понятіи Татаръ съ названіемъ „чиста кряшень“, или „чей кряшень“—всегда является крещенинъ-язычникъ, такъ сказать непосредственный крещенинъ, оставшійся и послѣ купели крещенія при первыхъ проповѣдникахъ христіанства язычникомъ. Это—Татаринъ крещенный, но не просвѣщенный, не наученный вполне истинамъ новой религіи, не забывшій прежней религіи, не оставившій языческихъ обрядовъ и суевѣрій. Крещеные Татары втораго рода (кара кряшень или урыссымакъ) характеризуются сравнительно большею преданностію христіанской вѣрѣ, православно-русскимъ обычаямъ. Названіе „кара кряшень“ показываетъ, что крещенинъ, по представленію Татаръ, потерялъ прежнюю *чистую* вѣру, воспринялъ новую *черную* ⁽¹⁾ вѣру, предался русскимъ обычаямъ „русской“ вѣрѣ (урыссымакъ). Названіе крещеныхъ Татаръ казанскаго края 3-го рода—*акъ кряшень* и *татарсымакъ*—показываетъ, что крещенинъ, обозначаемый этими именами, болѣе всего преданъ мухаммеданству, вполне проникнутъ татарско-мухаммеданскимъ духомъ, держится мухаммеданскихъ обрядовъ и суевѣрій, постоянно совершаетъ омовенія, слѣдитъ

(1) Когда Татары замѣчаютъ, что кто-либо изъ ихъ единоплеменниковъ въ своихъ религіозныхъ симпатіяхъ начинаетъ склоняться къ христіанской вѣрѣ, усваиваетъ православно-русскіе обычаи и воззрѣнія, то обыкновенно смѣются надъ таковымъ и говорятъ съ презрѣніемъ объ немъ; *кара-ла башлаганъ* (чернѣть началъ).—Примѣчаніе автора.

Это, нужно полагать, взглядъ позднѣйшій, а въ старину, т. е. около времени взятія Казани, было совсѣмъ не такъ. Древнѣйшія выраженія, общія у Татаръ съ Чувашиами и Черемисами: *дени кереу, тине кирес, тенеш пураш*, войти въ вѣру—принять крещеніе; *оло кѡн, мун кун, куну кечи*, великій день—Пасха; а позднѣйшія выраженія: *бозоман* испорченъ—крестился; *кызыл жоморка* красное яйко—Пасха. Это значитъ, что въ старину Татары смотрѣли на православную вѣру, какъ на вѣру по преимуществу и чтили русскіе праздники. У нихъ осталось русское названіе *Покровъ*—*пыкрау*. Впослѣдствіи, уже съ развитіемъ въ Казани мухаммеданской культуры, Татары стали фанатичнѣе. Отсюда и пренебрежительное отношеніе къ обрусѣлымъ инородцамъ.—Примѣчаніе Н. И. Ильминскаго.

за чистотою тѣла, носить чистую одежду (акъ кряшень—бѣлый крещенинъ).— Киремети, какъ сказано выше, существуя у всѣхъ крещеныхъ Татаръ казанскаго края, въ ббльшемъ почтеніи и въ большемъ количествѣ находятся у крещеныхъ Татаръ перваго рода, т. е. у крещеныхъ Татаръ-язычниковъ. Впрочемъ, во многихъ уже мѣстностяхъ, населенныхъ крещеными Татарами, киремети стали отходить въ область археологіи. Съ распространеніемъ христіанскаго просвѣщенія среди татарскаго населенія,—просвѣщенія, получившаго новое, до прошлаго десятилѣтія нынѣшняго столѣтія не практиковавшееся въ здѣшнемъ краѣ, направленіе,—вѣра въ киреметей стала уступать мѣсто здравымъ христіанскимъ воззрѣніямъ. Мододое поколѣніе крещеныхъ Татаръ, воспитывающееся въ новыхъ началахъ, уже безбоязненно употребляетъ старинныя жертвенныя приношенія въ честь киреметей (серебряныя деньги) на свои нужды и прихоти. Но поколѣніе ихъ отцовъ и дѣдовъ и до сего времени страшится еще гнѣва грозныхъ киреметей, до сего времени опасается не почитать ихъ жертвоприношеніемъ, хотя и сильно стѣсняется ихъ существованіемъ и присутвіемъ у себя въ домахъ. Эти чудачи весьма рады бывають, когда киремети ихъ какъ нибудь безъ вѣдома хозяевъ уничтожаются,—похищаются, сгорають въ пожарѣ и пр. Случается даже, что крещенинъ, желающій избавиться отъ излишнихъ и тягостныхъ для него киреметей, предлагаетъ какому нибудь чужому для него человѣку, изъ другаго племени, всего чаще русскому,—украсть свои киремети. Крещеные Татары вѣрятъ, что русскихъ людей киремети не трогаютъ, поэтому они и предлагаютъ Русскимъ купить или даже украсть у нихъ киремети; но при этомъ хозяева-Татары предупреждаютъ, чтобы киремети взяты были у нихъ безъ ихъ вѣдома, такъ сказать безъ ихъ непосредственнаго участія. Представленные на выставку IV Археологическаго Съѣзда киремети крещеныхъ Татаръ добыты именно такимъ путемъ. Бывшіе хозяева представленныхъ на выставку Съѣзда киреметей въ разговорѣ съ лицами, не вѣрующими въ силу киреметей, предложили этимъ невѣрующимъ украсть свои жертвенныя приношенія въ честь киреметей; при этомъ хозяева указали мѣсто, гдѣ хранились у нихъ киремети, предложили лѣстницу для удобства восхожденія къ жертвеннымъ приношеніямъ (они хранились на потолкахъ, или по мѣстному нарѣчію, на подлавкахъ двухъ, другъ противъ друга стоящихъ, избъ) и назначили время для похищенія, обѣщаясь сами къ этому времени заснуть, или по крайней мѣрѣ не присутствовать въ домѣ. Въ ночь съ 7-го на 8-е іюля 1877 года два человѣка—одинъ Русскій и другой старокрещеный Татаринъ, утратившій вѣру въ киреметей,—пришли въ означенное мѣсто и взяли оттуда коробку и буракъ (свертка клочковъ полотна на первый разъ не нашли). При этомъ, во время прохода по снѣгамъ дома, имъ пришлось наткнуться на спя-

щихъ хозяевъ; нѣкоторые изъ спящихъ, или вѣрнѣе якобы спящихъ, поспѣшили плотнѣе закутаться своими одѣялами, а другіе начали сильнѣе дышать и сопѣть. На другой день (8 іюля), увидавши помянутаго выше старокрещеннаго Татарина, утратившаго вѣру въ киреметей, хозяева похищенныхъ коробки и бурака съ ужасомъ рассказывали ему, что у нихъ остался еще свертокъ клочковъ полотна, заключающій въ себѣ два вида киреметей, и просили его докончить начатое дѣло, т. е. взять и оставшійся свертокъ. Не имѣя времени придти за сверткомъ ночью, какъ просили было опять хозяева, помянутаго старокрещенаго Татарина, послѣдній пришелъ къ нимъ вечеромъ; въ домѣ была одна только женщина съ своею маленькою дочерью; увидавши пришедшаго, она растворила для него двери, а сама съ дочерью поспѣшила убѣжать къ сосѣдямъ, гдѣ и пробыла во все время, пока онъ доставалъ свертокъ изъ подъ крыши избы. Спустя нѣсколько дней послѣ похищенія киреметей, бывшіе хозяева послѣднихъ приходили къ помянутому выше старокрещенному Татарину (Русскій въ это время уже уѣхалъ изъ деревни), благодарили его за избавленіе ихъ отъ киреметей, обѣщались вѣровать въ одного только Бога, ходить въ христіанскую церковь, ставить свѣчи предъ иконами святыхъ и пр., только при этомъ просили его купить для нихъ поминовеніе и вписать въ него имена своихъ живыхъ и умершихъ родственниковъ для поминовенія ихъ предъ жертвенникомъ на проскомидіи во время литургіи.

IX.

ПОВѢРЬЯ, ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ВОТЯКОВЪ МАМАДЫШСКАГО УѢЗДА, УРЯСЬ-УЧИНСКАГО ПРИХОДА.

Записаны Б. Г. Гавриловымъ (¹).

Гостепріимство Вотяковъ.

Въ 1876 году лѣтомъ, проживая на своей родинѣ, я получилъ приглашеніе отъ Вотяковъ деревни Верхнихъ Шунь пріѣхать къ нимъ въ гости въ день праздника Казанской иконы Божіей Матери. Въ 1873 году я жилъ въ этой деревнѣ, по порученію начальства, изучая языкъ Вотяковъ, и до того сошелся съ ними, что они принимали меня какъ родственника. Рѣдкій недѣльный день проходилъ безъ того, что меня не приглашали въ гости въ три-четыре дома. Скрытность Вотяковъ извѣстна; но несмотря на это я не пропускалъ ни одного жертвопри-

(¹) Борисъ Гавриловичъ Гавриловъ изъ старо-крещеныхъ Татаръ Мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи, деревни Никифоровой. Обучался въ Казанской крещено-татарской школѣ и кромѣ того своимъ образованіемъ много обязанъ извѣстному ревнителю миссіонерства, дворянину Евстафію Николаевичу Воронцу. Борисъ Гавриловъ въ 1873 и 1874 годахъ былъ командированъ въ вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерніи для изученія вотяцкаго языка. Плодомъ этого изученія было переложеніе имъ нѣсколькихъ христіанскихъ книгъ съ крещено-татарскаго языка на вотяцкій, которыя тогда же были напечатаны, и не мало собрано Гавриловымъ матеріаловъ по языку, преданіямъ, повѣрьямъ и обрядамъ Вотяковъ. Эти матеріалы частію въ вотяцкихъ текстахъ съ переводомъ на русскій языкъ, частію въ русскомъ изложеніи, напечатаны были въ 1880 году на счетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, подъ заглавіемъ «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья Вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время командировки его въ вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній».—Настоящая статья представляетъ систематическій сводъ вотяцкихъ повѣрій и обрядовъ. Нынѣ Борисъ Гавриловъ служитъ священникомъ, настоятелемъ Умякскаго прихода въ Елабужскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи.—*Примѣчаніе Н. И. Ильминскаго.*

ношенія или другихъ семейныхъ обрядовъ, не побывавши на нихъ, или, лучше сказать, мнѣ не давали пропускать подобныхъ обрядовъ, а всегда приглашали и, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, дѣлали все, что требовали обычаи стариковъ.

Юля 8 дня Вотяки прислали за мной пару лошадей, а разстояніе отъ моей родины до ихъ деревни около 30 верстъ. Я поѣхалъ, согласно приглашенію Вотяковъ, съ женой. Какъ проводили мы праздникъ, я не стану описывать, скажу только, что мы прогостили восемь дней и побывали за это время въ 22 домахъ *шyd дорын* т. е. за угощеніемъ. Многіе звали по два и по три раза. Обрядовую сторону праздника мы видѣли тоже какъ нельзя лучше. Наконецъ, на девятый день, мы попросили, чтобы насъ проводили домой. Пока закладывали лошадей, намъ принесли изъ четырехъ домовъ гостинцы: кто лепешекъ, кто огурцовъ, кто яицъ и т. п. Деревня, въ которой мы пировали, будетъ длиною около версты. Поблагодаривши всѣхъ, мы выѣхали на улицу, но къ удивленію нашему, были остановлены, не проѣхавши и двухъ дворовъ: на встрѣчу намъ вынесли изъ одного дома чашку пива, графинъ кумышки (вотяцкая водка домашняго приготовленія) и нѣсколько кусковъ хлѣба. Мы принуждены были ласково принять это въ руки и, отвѣдавъ, благодарить сдѣлавшихъ намъ такую честь. Едва мы тронулись съ мѣста, какъ изъ слѣдующаго дома вышли съ такими же угощеніями. Между тѣмъ народу собиралось все больше и больше. Встрѣчи изъ разныхъ домовъ задержали насъ до того, что мы выѣхали изъ деревни спустя около 3-хъ часовъ по выѣздѣ изъ квартиры. За околицей деревни насъ остановили и опять принялись угощать припасами вынесенными изъ деревни. Нѣкоторыя дѣвушки, подружившіяся съ моей женой въ бытность ея на праздникѣ, провожали насъ версты за три отъ деревни, при чемъ захватили съ собой кумышку, пиво, кислый медъ и закуску, состоящую изъ говядины, хлѣба и огурцовъ. При прощаніи всѣ провожавшія плакали такъ, что мы сами невольно прослезились, смотря на этихъ добрыхъ людей принявшихъ насъ какъ родныхъ.

Все это пишу я для того, чтобы показать, что при умѣннн обходиться съ Вотяками, скрытность и скупость ихъ пропадаетъ и они готовы пожертвовать для пріятнаго имъ человѣка всѣмъ, что имѣютъ сами. Заслужить же довѣріе Вотяковъ очень не трудно. Въ первое время проживанія въ вотяцкой деревнѣ слѣдуетъ вести себя скромно, ласково обращаться съ ними, не слѣдуетъ пить водку и, при удобныхъ случаяхъ, бесѣдовать съ ними о ихъ житьѣ-бытьѣ, не касаясь впрочемъ обрядовой стороны ихъ жизни. Вотякъ при первой же встрѣчѣ, видя, что человѣкъ ведетъ себя съ нимъ какъ свой братъ, дѣлаетъ ему предложеніе: *ойдолэ ми дорэ но нукумы*, т. е. пойдѣте и къ намъ посидѣть. Скрытность Вотяковъ въ отношеніи къ Русскимъ происходитъ отъ того, что русскіе

чиновники въ прежніе годы обращались съ Вотьяками весьма нехорошо. Они искали только предлога, чтобы испугать Вотьяковъ и взять съ нихъ деньги. Даже осповививатели, пріѣзжая къ Вотьякамъ и заставъ ихъ иногда на молитвѣ на дворѣ, старались пугать ихъ для вымогательства денегъ. Въ настоящее время нѣкоторые чиновники и священники, пріѣзжая къ Вотьякамъ, съ перваго же раза стараются заговорить объ обрядахъ и обычаяхъ Вотьяковъ; смѣются надъ ихъ повѣрьями и укоряютъ ихъ за языческіе обряды. При подобныхъ случаяхъ Вотьяки наружно показываютъ равнодушіе къ насмѣшкамъ, но внутренно ненавидятъ такихъ лицъ. Для того, чтобы узнать образъ жизни Вотьяковъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть, нужно сначала заслужить довѣріе Вотьяковъ, а потомъ постепенно можно узнать все. Такимъ путемъ я узналъ много обрядовъ и повѣрій, которыя записывалъ по возможности подробнѣе. Между прочимъ мнѣ удалось узнать представленіе Вотьяковъ о Богѣ и о злыхъ духахъ, при чемъ я пользовался толкованіями одного знакомаго мпѣ *туночи* (гадатель).

Божества Вотьяковъ.

Быдзым иѣмар—великій богъ.

Аляк иѣмар—богъ клеветникъ.

Осто или осто иѣмар—богъ хранитель.

Кылдиѣ вордиѣ иѣмар — богъ творецъ и содержитель; его же называютъ кылдиѣиѣ.

Иѣмар анай—мать бога.

Кун эксей—отецъ царей.

Шунды мумы—мать солнца.

Каба иѣмар—богъ каба (непонятное слово).

Вож-шуд (Вор-шуд)—начальникъ счастія.

Чукна утиѣ вордиѣ—хранящій утромя.

Жыт утиѣ вордиѣ—хранящій вечеромъ.

Гиј кылчиѣ—ангелъ двора.

Гѣдѣри анай—мать грома.

Чашшиѣ—убивающій громомъ.

Му кылчиѣ—ангелъ земли.

Ју кылчиѣ—ангелъ посѣянныхъ хлѣбовъ.

Быдзым иѣмар царствуетъ на небѣ и самъ ничего не дѣлаетъ. Молитвы людей не доходятъ непосредственно до него, злыхъ дѣлъ людей онъ самъ не видитъ. Онъ имѣетъ власть творить добро и зло и распоряжаться другими богами.

Аляк иңмар путешествуетъ между небомъ и землею. Видитъ дѣла людей, слушаетъ ихъ молитвы и обо всемъ доводитъ до свѣдѣнія великаго бога. Онъ, какъ и быдзым иңмар, не требуетъ жертвъ и довольствуется одними молитвами людей.

Осто иңмар живетъ на небѣ и охраняетъ человѣка отъ злыхъ духовъ. Вотяки поминаютъ его при началѣ каждаго дѣла, отходя ко сну и передъ ѣдой словами: „осто козма“. Значенія этихъ словъ Вотяки и сами не понимаютъ, но вѣрятъ, что они не допускаютъ до человѣка никакого зла.

Кылдыс вордыс или *Кылдысиң иңмар* живетъ на небѣ. Онъ даруетъ людямъ жизнь и необходимыя въ жизни вещи; охраняетъ ихъ отъ козней злыхъ духовъ и отъ опасностей. При путешествіи людей онъ сопутствуетъ имъ съ правой стороны человѣка, тогда какъ съ лѣвой стороны его идетъ *пери* и старается склонить человѣка къ злымъ дѣламъ. Чтобы избавиться отъ соблазновъ *пери*, человѣку стоитъ только помянуть *Кылдысиң*-а и онъ отразитъ злыя козни *Пери*.

Мать бога (боговъ?), такъ же какъ и великій богъ, ничего не дѣлаетъ.

Кунъ аксей охраняетъ царя, слушаетъ его молитвы, даетъ ему знать, когда и съ кѣмъ слѣдуетъ воевать.

Мать солнца наблюдаетъ за солнцемъ, чтобы оно свѣтило какъ слѣдуетъ, чтобы знало время когда всходить и когда заходить.

Каба иңмар можетъ сдѣлать людей счастливыми и несчастливыми, смотря потому, поминаютъ ли его люди или нѣтъ. Нѣкоторые Вотяки называютъ его: *Кабыл бастис* т. е. принимающій и говорятъ, что онъ принимаетъ молитвы людей, а *Аляк иңмар* только смотритъ за дѣлами людей и доводитъ до свѣдѣнія бога лишь о благополучномъ и злополучномъ состояніи людей.

Вож-шуд или *Вор-шуд* есть родоначальникъ счастья. Каждое семейство имѣетъ своего *Вор-шуда*, который счастливить и покровительствуетъ ему. *Вож-шуд* есть ближайшій богъ; онъ, такъ сказать, свой человѣкъ: не слишкомъ сердитъ и долго терпитъ; довольствуется малыми жертвами. Когда кто нибудь заболитъ отъ неисправнаго приношенія жертвъ *Вож-шуду*, то обыкновенно берутъ маленькій кусокъ холста и, положивши на него щепотку крупъ, завязываютъ узелкомъ. Туночи, конечно, указываетъ какой *вож-шуд* недоволенъ и если *вож-шуд* этотъ находится вблизи, въ своей или чужой недалней деревнѣ, у родственниковъ больного, то больной отправляется въ куалу этого *вор-шуда* и несетъ туда утку и вышеупомянутый узелокъ крупъ. Тамъ утку рѣжутъ надъ горномъ куалы и, выпустивъ кровь на огонь, бросаютъ туда-же щепотку перьевъ утки, послѣ чего, вычистивъ ее, тутъ же варятъ. Крупу же, принесенную въ узелочкѣ, мѣшаютъ съ большимъ количествомъ крупы и, сваривъ изъ нея кашу, помолясь, съѣдаютъ.

Если же вож-шуд дальній, и хозяйственныя занятія или другая какая нибудь причина не позволяютъ больному отправиться туда для удовлетворенія вож-шуда, то больной беретъ узелочекъ съ крупю и идетъ въ такое мѣсто, гдѣ растутъ какія нибудь мелкія деревья. Тамъ, развязавши узелокъ, пригнетъ къ себѣ какое нибудь деревцо и положивъ на него узелокъ крупъ, пускаетъ деревцо. Дерево разогнувшись, рассыпаетъ крупу и роняетъ съ себя кусочекъ холста. Больной, въ полной увѣренности что удовлетворилъ вожшуда, отправляется домой. Этотъ обрядъ равносильнъ принесенію жертвы вож-шуду.

Чукна утиѣ вордисъ, или хранящій утромъ, охраняетъ человѣка съ утра до полудня отъ всякихъ опасностей, если только человѣкъ не забываетъ его помянуть. Жертвоприношеній онъ не требуетъ, только во время молитвъ, совершаемыхъ при другихъ жертвоприношеніяхъ, слѣдуетъ помянуть и его.

Хранящій вечеромъ—охраняетъ человѣка послѣ полудня до полуночи и, какъ хранящій утромъ, довольствуется одними поминовеніями при жертвахъ.

Гиж кылчиъ живетъ на дворѣ въ сараихъ и охраняетъ домашнихъ животныхъ отъ волковъ и падежа скота. Если люди забудутъ принести ему жертву, то онъ напоминаетъ о себѣ посредствомъ допущенія волковъ или падежа къ животнымъ. Жертвуютъ ему птицъ, гуся или утку, и ѣдятъ одни семейные,—постороннимъ не даютъ.

Мать грома управляетъ громомъ и жертвъ не требуетъ.

Чашшиѣ требуетъ поминовенія себя въ молитвахъ; не поминающихъ убиваетъ громомъ, и если не людей, то скотину ихъ. Разсердившись на извѣстную деревню, бьетъ громомъ во что нибудь на полѣ этой деревни, чѣмъ и напоминаетъ о себѣ. Сердясь на человѣка, поражаетъ какую нибудь часть его тѣла во время пребыванія его въ своемъ дворѣ.

Му кылчиъ живетъ на небѣ и смотритъ за всѣми произрастеніями земли и за обрабатывающими землю. Жертвъ не требуетъ, только при началѣ посѣва яроваго зарываютъ въ землю горбушку хлѣба и одно яйцо въ жертву ему для того, чтобы онъ хранилъ хлѣбъ вмѣстѣ съ ангеломъ посѣянныхъ хлѣбовъ отъ всѣхъ могущихъ случиться несчастій, наприм. отъ града, отъ червей, отъ засухи и отъ гніенія.

Лу кылчиъ обитаетъ на небѣ и довольствуется одними поминовеніями. Обязанность его состоитъ въ храненіи посѣянныхъ хлѣбовъ вмѣстѣ съ ангеломъ земли.

З л ы е д у х и.

Шайтан—дьяволъ.

Пери—бѣсъ, помощникъ дьявола.

Албасты.

Луд кужо, или луд пери—хозяинъ поля или полевой бѣсъ.

Нюлэе кужо—хозяинъ лѣса, лѣшій.

Шуръ вожо
Пор вожо } водяные духи
Ву мург }

Ой вотлис мынис—ходящій ночью.

Сисѣ јуисѣ—ѣдящій и пьющій.

Ибыр—вѣдьма.

Чѹк пересѣнос—умершіе старики.

Шайтан живетъ въ аду (тамок) и все дѣлаетъ черезъ своихъ помощниковъ пери, которые гуляютъ вездѣ и могутъ причинять только вредъ, добра не дѣлаютъ. Пери, кажется, по вѣрованію Вотяковъ, дѣти шайтана, потому что говорятъ, что „отецъ сидитъ на мѣстѣ, а дѣти ходятъ вездѣ и ищутъ кого бы взять (изъ людей) въ адъ“. Потомъ, когда у человѣка рождается ребенокъ съ большой головой, и если этотъ ребенокъ будетъ полуумный, то говорятъ, что онъ перемѣненъ дьяволомъ, т. е. ребенокъ человѣка взятъ дьяволомъ, а ребенокъ дьявола оставленъ на его мѣсто. Есть-ли у шайтана и у пери жены—неизвѣстно.

Албасты—злой духъ ходящій ночью и имѣющій видъ огромной черной копны; онъ давитъ людей, легшихъ спать, не поминая бога, на гумнѣ, или гдѣнибудь на дворѣ.

Луд кужо, или *луд пери* обитаетъ въ священнѣхъ рощахъ и требуетъ ежегодныхъ жертвъ. Сердясь на всю деревню, наказываетъ неурожаемъ хлѣба, на одного человѣка—болѣзнию. Жертвы принимаетъ всякія. Когда ктонибудь заболѣетъ отъ непоминовенія хозяина луда, т. е. непринесенія жертвъ духу обитающему въ лудѣ (священная роща), то сейчасъ же обѣщаютъ принести въ жертву гуся, утку или какоенибудь животное. Иногда, за неимѣніемъ мелкихъ лишнихъ животныхъ, завязываютъ въ узелокъ деньги, обѣщаясь отдать ихъ на расходы луда. Въ день праздника луда эти деньги несутъ къ смотрителю луда (луд-утиѣ) и вмѣстѣ съ ними несутъ пять маленькихъ караваевъ хлѣба. Луд-утиѣ, вымывши руки, принимаетъ деньги и вымывъ ихъ, втыкаетъ въ одинъ коровай хлѣба; потомъ беретъ этотъ коровай въ руки и, ставъ лицомъ къ образамъ или къ югу, молится Богу. Послѣ обычнаго поминовенія Бога, онъ говоритъ луду: „вотъ такой-то принесъ тебѣ то, что обѣщаль, ты же разрѣши его отъ болѣзни и впередъ не трогай его“. Послѣ этого смотритель луда четыре коровай и деньги оставляетъ себѣ, а пятый коровай возвращаетъ принесшему. Деньги, принесенныя луду, называются *люггж*, и ихъ можно тратить только на расходы луда: на покупку

чашекъ, ложекъ и т. п. вещей нужныхъ для жертвоприношенія въ лудѣ. Кромѣ того, смотритель луда имѣетъ право расходовать эти деньги на свою семью, кромѣ дочерей; если же израсходуетъ на нужды дочерей, то дочери должны хворать и даже умереть.

Нюлэс кужо ни жертвъ ни поминовенія не требуетъ, зла людямъ не приноситъ, только для потѣхи себѣ водить людей по лѣсу и посвистываетъ.

Шур вожо, пор вожо и вумурт—водяные духи; живутъ въ водѣ. Жертвы приносятся только шур вожо и пор вожо, которые, кажется, имѣютъ власть надъ вумуртомъ, потому что во время жертвъ Вотяки не поминаютъ вумурта, тогда какъ сами говорятъ, что вумуртъ главнѣйшимъ образомъ наноситъ человѣку вредъ посредствомъ уничтоженія гусей и утокъ. Въ мѣстахъ, гдѣ есть глубокія рѣчки и озера, вумуртъ беретъ животныхъ и человѣка. Шур вожо и пор вожо наносятъ вредъ людямъ, причиняя имъ болѣзни отъ питья воды. Жертвы водянымъ духамъ бываютъ двухъ родовъ: или только рѣжутъ жертвенную птицу у рѣчки, поминая водяныхъ, а готовятъ и ѣдятъ дома; или же рѣжутъ ее у рѣчки и, разложивъ тамъ огонь, варятъ кашу и жертвенную птицу. Когда все бываетъ готово, то зовутъ туда же своихъ родныхъ и при нихъ молятся, взявъ въ руки чашки съ кашей и мясомъ и обратившись лицомъ на югъ. Потомъ тутъ же садятся и съѣдаютъ. Жертвы эти бываютъ умиловительныя и благодарственныя. Умиловительную приносятъ, прося водяныхъ духовъ не причинять людямъ болѣзней и хранить гусей и утокъ отъ всякой напасти, а благодарственную—благодаря за храненіе тѣхъ же птицъ и за недѣланіе зла людямъ. Г. Островскій смѣшиваетъ шайтана съ вумуртомъ⁽¹⁾, тогда какъ это, по вѣрованію Вотяковъ, два существа совершенно различныя, такъ что, въ кругъ дѣйствій шайтана не входятъ обязанности вумурта и наоборотъ.

Шур вожо и пор вожо въ рѣчкахъ своей деревни не наносятъ людямъ много вреда, въ рѣчкахъ же чужихъ они упускаютъ рѣдкаго человѣка пившаго воду прямо изъ рѣчки или ключа. Поэтому, когда въ чужой деревнѣ Вотяки пьютъ воду, то обыкновенно берутъ въ щепотку траву и, пуская ее въ воду, говорятъ: „монэ эн куты, жѹс кышноез, пор кышноез куты“, т. е. меня не трогай, а русскую и черемискую жепщину трогай. Если же не пустить травы и не сказать такъ, то тотчасъ по питьѣ или не въ продолжительномъ времени появляется боль въ животѣ, въ ногахъ, или въ какой нибудь другой части тѣла. Тогда слѣдуетъ обѣщать пустить въ ту воду, изъ которой пилъ заболѣвшій, крупу. Когда обѣщан-

(¹) Труды Общ. Естествоисп. при Импер. Казан. Унив., т. IV, № 1. Вотяки Казанской губ. *Островскаго*; стран. 35.

ную щепотку крупы идутъ пускать въ воду, то кто бы ни встрѣтился и ни заговорилъ, ничего въ отвѣтъ не говорятъ,—какъ до воды, такъ и оттуда домой, идутъ молча и не оглядываясь назадъ. Если съ кѣмъ нибудь говорить или оглядываться назадъ, то пущенная въ воду крупа пропадаетъ такъ безъ пользы. Пришедши къ ключу или рѣчкѣ, бросаютъ принесенную крупу со словами: „тон кутид кэ лэж“, т. е. если ты поймалъ, пусти. Подобное же повѣріе есть и у крещеныхъ Татаръ, съ тою только разницею, что у послѣднихъ при питьѣ воды выдергиваютъ изъ одежды нитку и, пуская въ воду, говорятъ: „сина жаулыкъ, мина саулыкъ“, т. е. тебѣ платокъ, а мнѣ здоровье. Впослѣдствіи, если человѣкъ захвораетъ отъ питья воды, пускаютъ вмѣстѣ съ крупною и соль, при чемъ ничего не говорятъ. Кому предназначается у крещеныхъ Татаръ пущенная крупа съ солью,—неизвѣстно.

Ходящій ночью—есть злой духъ, который ходитъ ночью и сосетъ иногда кровь людей при чемъ раны не дѣлаютъ, а оставляетъ только синее пятно. Опасенъ для пьяныхъ. Жертвъ ему не приносятъ; только по рожденіи ребенка обѣщаютъ ему принести въ жертву утку, иначе ребенокъ будетъ боленъ падучею болѣзнию. Отъ неисполненія обѣщанія бываетъ тоже. Утку, принесенную въ жертву ходящему ночью, постороннимъ ѣсть нельзя; ѣдятъ только одни семейные ребенка.

Сіиѣ јуиѣ ночные злые духи, которые напускаютъ на человѣка болѣзни. Жертвъ и поминовенія не требуютъ. Если напустить болѣзнь, то Вотяки дѣлаютъ въ маленькой чашкѣ болтушку изъ муки и воды и, сдѣлавъ маленькія ложечки изъ дерева, ставятъ болтушку на столбъ уличнаго забора говоря: „сіиѣ јуиѣюе, тани сіэлэ но јуэлэ, милемыз эн детэ, кошкэлэ“, т. е. ѣдящіе и пьющіе, вотъ (вамъ), ѣшьте и пейте, насъ не трогайте и уходите. Болтушка эта стоитъ нѣсколько дней и даже недѣль, а потомъ выбрасывается. Это же дѣлается и тогда, когда бываетъ падежъ скота, или холера.

Ибыр летаетъ иногда въ видѣ коромысла огненнаго и отнимаетъ ребятъ у беременныхъ женщинъ въ первые мѣсяцы беременности; такая женщина не говоритъ объ этомъ никому, потому что люди стали бы думать, что она въ дружбѣ съ ибыромъ. Иногда онъ проглатываетъ солнце и луну, но ожегшись, выбрасываетъ ихъ изо рта (затменія). Жертвъ и поминовенія не требуетъ.

Чѣк пересѣнос могутъ отнять у своихъ наслѣдниковъ оставленное ими богатство. Ихъ боятся наравнѣ съ злыми духами и приносятъ жертвы, при чемъ жертвенное животное закалываютъ, обращая голову на сѣверъ, тогда какъ при другихъ жертвахъ голова животнаго обращается на югъ. Когда у Вотяка пропадетъ или захвораетъ какое нибудь животное, то онъ идетъ къ туночи, который иногда говоритъ, что скотина пропала или нездорова отъ того, что *чѣк пересѣнос* не-

довольны хозиномъ ея. Тогда хозяйка дома идетъ въ свою клѣтъ и беретъ въ горсть муку и жметъ ее въ горсти, чтобы на мукѣ получились отпечатки пальцевъ; потомъ завертываетъ ее въ холстъ и кладетъ куда нибудь. Когда скотину найдутъ, или она выздоровѣетъ, эту муку мѣшаютъ съ большимъ количествомъ обыкновенной муки и испекши изъ этой смѣси блины поминаютъ умершихъ стариковъ. Если же скотина не найдется или невыздоровѣетъ, то мука остается въ холстѣ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь нечаянно ее не рассыпетъ.

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ злыхъ духовъ есть еще *Мунчо пери*, т. е. банный бѣсъ, охраняющій баню и любящій подшучивать надъ людьми, когда они ходятъ въ баню безъ товарища. Есть еще *Корка кужо* — хозяинъ дома, о принесеніи жертвы которому будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Вотяки ни одного животнаго и ни одну птицу не рѣжутъ безъ поминаенія кому онѣ приносятся. Если всѣ жертвы уже принесены, а Вотяку необходимо нужно мясо, онъ закалываетъ какое нибудь животное великому богу, только это не считается жертвой и не сопровождается никакими молитвами.

Мудор куала.

Куала есть деревянное четырехугольное строеніе, неимѣющее ни пола ни потолка. Въ срединѣ ея сдѣланъ горнъ, на которомъ утверждён котелъ; у нѣкоторыхъ же котелъ повѣшенъ надъ горномъ. Куала нѣкоторымъ образомъ есть священное мѣсто для Вотяковъ: она служитъ мѣстомъ жертвоприношеній вожшуду (вор-шуд); въ ней обитаетъ вор-шуд — родоначальникъ счастья. Зимой въ куалѣ варятъ пиво и кумышку, а лѣтомъ она служитъ кухнею. Внутри куалы нѣтъ ничего, кромѣ стѣнъ и лавокъ для сидѣнія, лишь въ переднемъ углу помѣщается полка, на которой въ обыкновенное время ничего не становится. Моленія въ куалѣ бывають три раза въ годъ: на Пасхѣ, въ лѣтнюю и осеннюю Казанскую (8—20 іюля и 22—31 октября). На Пасхѣ молится каждое семейство въ своей куалѣ съ разными купаньями, и послѣ молитвы на полку въ переднемъ углу кладутъ коровай хлѣба и ставятъ чашку съ медомъ, которые остаются тутъ на одну ночь, у нѣкоторыхъ же цѣлую недѣлю, т. е. до конца праздника. Хлѣбъ этотъ и медъ послѣ ѣдятъ только одни семейные мужчины, женщинамъ и постороннимъ мужчинамъ ѣсть его нельзя. Въ Казанскую утромъ топятъ въ куалѣ подъ котелъ и, принося туда утку, рѣжутъ надъ горномъ такъ, чтобы кровь вся вытекла на огонь; потомъ берутъ въ щепотку перья утки и тоже бросаютъ въ огонь. Затѣмъ, вычистивъ утку, варятъ ее и послѣ нея кашу. Когда все готово, молятся и съѣдаютъ. Въ осеннюю Казанскую бываетъ тоже, съ тою только разницею, что

въ лѣтнюю Казанскую на полку куалы кладутъ зеленныя вѣтки деревь и дозволяется приносить утку, заранѣ зарѣзанную.

Куалою и порядкомъ въ ней завѣдуетъ отецъ семейства и передаетъ по старости старшему сыну, тотъ же въ свою очередь—тоже своему наслѣднику. Жена управляющаго куалою должна одинъ разъ въ годъ мыть стѣны куалы внутри и къ каждому празднику убирать оттуда посуду и другія вещи, которыя въ простое время валяются въ куалѣ. Мыть куалу слѣдуетъ непременно до Семика, а послѣ этого времени мыть нельзя. Полка въ куалѣ называется *мудор* или *вож-шуд* (въ Малмыжскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ *воршуд*). Кромѣ частной семейной куалы, есть еще одна общественная въ каждой деревнѣ, называемая *быдзым куала*—великій шалашъ, въ которой молится управляющій куалою на пасхѣ, для чего изъ cadaго дома дѣвушки несутъ разныя кушанья, хлѣбъ и кумышку. Управляющій куалою принимаетъ кушанья, молится держа ихъ въ рукахъ, часть отъ cadaго кушанья бросаетъ въ огонь, разведенный среди куалы и, отвѣдавъ самъ, возвращаетъ принесшимъ. Устройство куалы общественной такое же какъ и частной, съ тою только разницею, что она перегорожена на двѣ половины.

Иногда по случаю какой нибудь важной болѣзни обѣщаютъ воршуду и быка. Это бываетъ такъ. Утромъ варятъ дома кашу, которую несутъ въ куалу на молитву; при молитвѣ обѣщаютъ быка. Черезъ годъ, или два, года точно такимъ же образомъ возобновляютъ обѣщаніе. Черезъ полгода послѣ возобновленія приносятъ жертву. Въ назначенный день всѣ семейные моются въ банѣ и надѣваютъ чистое бѣлье; все это происходитъ утромъ пораньше. Послѣ бани идутъ въ хлѣвъ и выводятъ обѣщаннаго быка, при чемъ одного мальчика изъ своего семейства заставляютъ поймать быка за хвостъ и гонять его ногойкой (урис) въ куалу. Загнавши быка въ куалу, кладутъ на столъ куалы коровай хлѣба и молятся, чтобы жертва обѣщанная была пріятна воршуду. Потомъ льютъ на быка воду до тѣхъ поръ, пока онъ не обтряхнется. Послѣ этого опять молятся о принятіи жертвы, послѣ чего сваливаютъ быка на срединѣ куалы и закаляютъ; при этомъ у закалающаго непременно должно быть на рукѣ серебряное кольцо. Мясо быка варить непременно мужчина, послѣ мяса варить и кашу. Когда все готово, зовутъ сосѣдей и молится въ куалѣ, а ѣдятъ дома.

Въ прежніе годы приносили въ жертву только телку, а быка не позволяли и жертва эта приносилась за женщинъ. За каждую женщину приносили жертву въ продолженіи всей ея жизни пять разъ: три раза въ своей куалѣ и два раза въ быдзым куалѣ. Телку вель мужъ той женщины, за которую приносилась жертва, а жена его гнала ее сзади, при чемъ на рукѣ должна была имѣть серебряное кольцо, а въ ушахъ серебряныя серьги. Все это въ настоящее время измѣнено

по наставленію одного туночи (гадателя), который, вѣроятно, въ продолженіе своей жизни успѣетъ еще многое измѣнить.

Разказы и предсказанія туночи.

Туночи, разказы котораго я хочу привести здѣсь, въ молодости былъ однимъ изъ самыхъ развратныхъ молодыхъ людей; онъ вовсе не соблюдалъ обычаевъ стариковъ, не приносилъ никакихъ жертвъ. Разъ онъ поѣхалъ въ другую деревню звать къ празднику гостей. На обратномъ пути ночью онъ заблудился около одной керемети и блуждалъ цѣлую ночь. По пріѣздѣ домой у него явились признаки сумасшествія,—такъ говорили о немъ Вотяки той деревни, въ которой онъ жилъ,—самъ же онъ говорилъ, что въ это время ходилъ къ нему каждый день при закатѣ солнца великій богъ. Вотъ его разказъ впоследствии, когда припадки сумасшествія съ нимъ прошли.—„Повадился ко мнѣ каждый день ходить Быдзым иңмар и учить меня, какъ, когда и гдѣ слѣдуетъ молиться и приносить жертвы. Сначала я все смотрѣлъ какъ онъ входитъ, не отворяя двери, но никакъ не могъ замѣтить. Разъ, въ то время какъ ему придти ко мнѣ, я ушелъ въ другую избу, въ которой не было печки, а на мѣстѣ трубы было только отверстіе въ потолокъ. Сижу и гляжу. Вдругъ Быдзым иңмар входитъ въ это отверстіе. Я испугался и, выскочивъ въ окно, побѣжалъ въ баню. Быдзым иңмар за мной же пришелъ въ баню и влѣзъ подъ полокъ, я сѣлъ на полокъ. Хотя и сильно я боялся бога, но все-таки рѣшился разсмотрѣть его лицо. Тутъ только я увидалъ, что у бога глазъ только одинъ, въ серединѣ лба. Оглянувшись по сторонамъ, я увидалъ въ щеляхъ бревенъ много пророковъ и ангеловъ, которые слушали нашу бесѣду съ богомъ. Тутъ богъ опять училъ меня, какъ и гдѣ приносить жертвы и какъ молиться. Въ это время въ нашей деревнѣ былъ одинъ больной человекъ. Быдзым иңмар велѣлъ мнѣ идти и сказать этому человекъ, чтобы онъ принесъ въ жертву жеребенка въ оврагѣ Ак-таш (съ татарск. бѣлый камень). Я сказалъ богу, что не пойду. Богъ разсердился и хотѣлъ меня убить. Я согласился идти. Тогда богъ сказалъ мнѣ: „иди и скажи ему: вотъ тебѣ четыре дня срока, если ты въ продолженіи этого времени не обѣщаешь принести въ жертву же ребенка въ оврагѣ, находящемся въ нашемъ полѣ и называемомъ Ак-таш,—я сейчасъ убью тебя; такъ говоритъ Быдзым иңмар“. Я вышелъ изъ бани и пошелъ къ больному, Быдзым иңмар тоже пришелъ за мной къ нему. Я сѣлъ на нары, а богъ вошелъ въ промежутокъ между печью и стѣною. Я началъ разговаривать съ больнымъ о его болѣзни, а Быдзым иңмар все торопитъ меня: „скажи ему скорѣе мои слова“. Я сказалъ. Но больной не послушался меня. Тогда я ушелъ домой, а Быдзым

иңмар ушелъ на небо. На другой день я опять ходилъ къ больному и уговаривалъ его послушаться моихъ словъ. Больной и слышать не хотѣлъ. Тогда я пересталъ къ нему ходить. Нѣсколько дней спустя послѣ этого опять пришелъ ко мнѣ Быдзым иңмар и спрашиваетъ: „не пойдешь ли ты опять къ больному и не повторишь ли ему опять мои слова?“ Я отвѣчалъ, что не пойду. Тогда Быдзым иңмар сказалъ, что онъ сейчасъ возьметъ душу больнаго, и когда богъ ушелъ отъ меня, больной дѣйствительно умеръ. Люди считали меня тогда сумасшедшимъ, а я все бесѣдовалъ съ богомъ и учился дѣлать все такъ, какъ угодно ему. Быдзым иңмар не оставилъ ничего тайнаго для меня и все открылъ мнѣ, только онъ многое не велитъ говорить людямъ. Я знаю много, а говорю мало—такова воля божія“.

Въ настоящее время туночи этотъ извѣстенъ не только казанскимъ Вотьякамъ, но и вятскимъ; къ нему ѣздятъ нерѣдко Вотяки Малмыжскаго и Елабужскаго уѣздовъ, живущіе за 40—60 верстъ отъ мѣста жительства его. Я познакомился съ нимъ въ 1873 году, когда онъ былъ сельскимъ старостой. Часто бывая у меня, онъ до того привыкъ ко мнѣ, что ничего не скрывалъ, а говорилъ съ полной увѣренностью, что онъ не ошибается въ своихъ понятіяхъ о богѣ и объ обрядахъ угодныхъ богу. Въ послѣднее время мы съ нимъ разошлись, потому что я началъ доказывать ему, что онъ грѣшитъ противъ истины, распространяя въ народѣ представленія своего воображенія.

Разъ этого туночи призвали къ только что заболѣвшему старику. Онъ сталъ молиться о томъ, чтобы Быдзым иңмар самъ пришелъ къ больному. Черезъ нѣсколько времени сказавъ, что Быдзым иңмар пришелъ и сидитъ въ промежуткѣ между печью и стѣною, подвелъ больнаго къ этому мѣсту и заставилъ его кланяться до того, что послѣдній ослабъ, и его принуждены были поднять и положить на постель. Пролежавъ недѣли три, старикъ этотъ выздоровѣлъ, что приписали, конечно, дѣйствию поклоновъ.

По рассказамъ этого туночи пѣніе пѣтуховъ происходитъ отъ одного бѣлаго голубя, который живетъ на небѣ у бога. Какъ только придетъ время пѣть пѣтухамъ, то этотъ голубь кричитъ такъ же какъ пѣтухъ, и если его съ перваго раза не услышать, то кричитъ нѣсколько разъ. Послѣ него начинаютъ пѣть пѣтухи. Изображеніе этого голубя бываетъ и въ церкви и на образахъ.

Верстахъ въ десяти отъ мѣста жительства этого туночи, есть въ одной деревнѣ семейство Вотьяковъ. Молодой человекъ, сынъ отца этого семейства, учился въ Казани въ Крещено-татарской школѣ у о. В. Тимоеева. Познавъ истинную Христову вѣру, онъ уговорилъ своего отца бросить всѣ языческіе обряды Вотьяковъ. Послѣ многихъ увѣщаній сына, отецъ дѣйствительно бросилъ все и сталъ

жить жизнью Христианина, чѣмъ заслужилъ ненависть своихъ однодеревенцевъ. Много разъ собирались его бить, оскорбляли словами, не принимали въ сходку мірскую и т. п., много онъ терпѣлъ за свою жизнь, но несмотря на все это, жилъ все-таки, какъ подобаешь жить Христианину. У сына этого человѣка умеръ ребенокъ, смерть котораго приписали тому, что мать ребенка бросила носить *ашъли* (головной уборъ вотяцкихъ женщинъ) и стала повязываться платкомъ такъ, какъ повязываются русскія женщины. Разъ, во время общественнаго жертвоприношенія, хотѣли собраться міромъ, идти къ дому этого семейства и требовать, чтобы они всѣ поѣли жертвенную кашу, но неизвѣстно по какому случаю, количество каши оказалось недостаточнымъ даже на присутствующихъ, и ревнители старинныхъ обрядовъ даже и сами не наѣлись. Когда такими и подобными мѣрами они не могли склонить это семейство къ совершенію языческихъ обрядовъ, то всѣмъ обществомъ обратились къ туночи, (моему знакомцу), чтобы онъ уговорилъ ихъ. Однажды туночи, увидѣвъ отца этого семейства, уговаривалъ его такъ: „вы живете по русски, поэтому и хлѣбъ у васъ родится плохо, и разбогатѣть вы не можете. Когда вы молитесь Богу по русски (по христіански), то Богъ стоитъ къ вамъ задомъ и не слушаетъ вашихъ молитвъ; если же вы обратитесь и будете соблюдать обряды отцевъ и молиться такъ, какъ молились старики, тогда Богъ обернется къ вамъ лицомъ и будетъ милостиво принимать ваши молитвы. Обратитесь, не то строго будете наказаны!“

По предсказанію туночи, при окончаніи міра останутся на землѣ только шесть народовъ, а именно: Вотяки, Русскіе, крещеные Татары, Черемисы, Чуваши и Мордва, а Татары мухаммедане будутъ уничтожены разными случайностями. И голодомъ, и войною, и каменнымъ градомъ, и всѣми подобными бѣдствіями будутъ истреблены мухаммедане, и по уничтоженіи ихъ, вышеупомянутые шесть народовъ будутъ взяты Богомъ въ рай за то, что они милостивы къ нищимъ, смиренны и главное за то, что они держатъ русскую вѣру. Туночи этотъ говоритъ, что тотъ, кого русскіе называютъ Иисусомъ Христомъ, есть старшій сынъ бога, втораго сына его Русскіе называютъ „Михаиль архангелъ“, третьяго „Іоаннъ (Иванъ) Креститель“. Старшій сынъ бога ниспосылаетъ вѣтеръ посредствомъ рога, который держитъ онъ въ рукахъ. Если онъ толькодохнетъ въ рогъ, то дѣлается маленькій вѣтеръ, а если дунетъ, то происходитъ страшная буря. Все это толкуетъ только одинъ туночи, другіе же Вотяки ничего подобнаго не знаютъ.

Въ другое время этотъ же туночи уговаривалъ дѣтей учиться: „старайтесь, дѣти, учиться, и главное понимать то, что читаете. Если вы будете учиться и соблюдать все, что сказано въ книгахъ—мѣсто ваше будетъ въ раю; если же будете учиться и не соблюдать, то на томъ свѣтѣ сдѣлаетесь огненными столбами“.

Туночи этотъ соблюдаетъ нѣчто въ родѣ поста въ отношеніи пищи. Напримерь: онъ не пьетъ пиво и кумышку, сваренныя изъ рѣчной воды, не ѣстъ ничего, во что бы вмѣшалась рѣчная вода. Пьетъ чай фамильный (другіе Вотяки пьютъ почти всеъ чай кирпичный) и то только съ медомъ. Рѣчная вода, будучи оскверняема гусями, утками и другими водяными птицами, по его мнѣнію, не годна для употребленія въ питье, потому что Богъ велѣлъ-де ѣсть и пить чистую только воду, для чего и сотворилъ родники и ключи. Нерѣдко рассказываетъ этотъ туночи разныя и другія правила при употребленіи пищи.

Туночи этотъ знаетъ въ какой части неба живетъ какой богъ и поэтому кланяется при молитвѣ на двѣнадцать сторонъ, двѣнадцати верховнымъ существамъ. Онъ знаетъ какого цвѣта волосы боговъ и т. п. Быдзым иңмар, по его рассказамъ, весь сѣдой, бодрый старикъ, а старшій сынъ его среднихъ лѣтъ, волосы и борода у него рыжіе.

Лѣтній праздникъ Казанской иконы Божіей Матери.

Къ этому празднику Вотяки варятъ около десяти ведеръ кумышки и столько же, или еще больше, пива. Къ назначенному дню праздника зовутъ гостей, а нѣкоторые въ числѣ ихъ и молодушекъ.

Въ назначенный день вечеромъ пріѣзжаютъ гости. Ихъ сажаютъ за столъ, на столъ ставятъ разныя кушанья. Когда кашу поставятъ на столъ, въ серединѣ каши дѣлаютъ ямочку и кладутъ въ нее масло, на кашу кладутъ одну ложку. Потомъ кладутъ на тарелкахъ хлѣбъ, масло и другія кушанья, наливаютъ въ стаканы пиво и кумышку. Послѣ этого всеъ приготовленныя кушанья и напитки берутъ пятеро и выходятъ на дворъ; тамъ становятся рядомъ лицомъ къ югу и начинаютъ молиться. Трое говорятъ: „Казански понна бурэ ваиском Иңмарэ“, т. е. Боже, поминаемъ (тебя) ради Казанской, а двое говорятъ: „Аляк иңмарез бурэ ваиско“, т. е. поминаю бога клеветника. Послѣ этого говорятъ: „Осто Иңмарэ, быдзым Иңмарэ, жеҕкын потыса, жеҕкын ужатысалыдкэ, т. е. Боже осто“, великій Боже, дай намъ возможность добромъ выйти (на работу) и добромъ работать. По окончаніи молитвы идутъ въ избу и начинаютъ пировать. Черезъ два дня гости уѣзжаютъ, но праздникъ еще не кончается,—по отъѣздѣ гостей Вотяки ходятъ другъ къ другу и пируютъ еще 2—3 дня; послѣ этого начинаютъ приниматься за ту работу, о которой молились въ началѣ праздника, т. е. начинаютъ косить сѣно.

Въ первый день этого праздника молятся въ куалѣ и приносятъ въ жертву утку. Обрядъ этотъ описанъ выше, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „мудор куала“.

Бадзым акашка (пасха).

На страстной недѣлѣ у Вотяковъ бываютъ приготовленія къ празднику, состоящія обыкновенно изъ варенія кумышки и пива и изъ приготовленія бискили—маленькихъ круглыхъ хлѣбовъ изъ полбенной или ячменной муки. Въ самый день свѣтлаго праздника утромъ, съ хлѣбомъ молятся на дворѣ. Послѣ этого кладутъ въ котель варить гуся и говядину. Когда гусь и говядина поспѣютъ, около полудня зовутъ своихъ родственниковъ, живущихъ въ своей деревнѣ, изъ семи или восьми дворовъ. Званные приходятъ обыкновенно мужъ съ женой. Войдя въ домъ, они здороваются; послѣ чего садятъ ихъ за столъ. Если къ этому времени поспѣетъ каша, то ставятъ на столъ три бискили въ чашкѣ, масло въ тарелкѣ, полуштофъ кумышки и пиво въ кувшинѣ; потомъ семеро берутъ все приготовленное въ руки и идутъ на дворъ молиться Богу. Одинъ беретъ кашу, другой гуся, третій три бискили въ чашкѣ и тарелку съ масломъ, четвертый пиво, пятый кумышку, шестой одинъ коровай хлѣба и седьмой одинъ круглый небольшой хлѣбъ, помазанный сверху сметаной, яйцами или творогомъ. На дворѣ они всѣ становятся рядомъ, лицомъ на югъ, въ томъ порядкѣ, какъ перечислено здѣсь, т. е. первый къ востоку стоитъ съ кашей и т. д., и начинаютъ молиться такъ: держащій въ рукахъ гуся, кашу и три бискили съ тарелкою масла—всѣ трое говорятъ: „бдзым ныналг понна бдзым иѣмарез бурэ ваиѣско“, т. е. ради великаго дня поминаю великаго бога; а остальные кто поминаетъ бога клеветника, кто кылдиѣ вордиѣ иѣмар, кто мать бога,—однимъ словомъ поминаютъ всѣхъ добрыхъ и злыхъ существъ за исключеніемъ шайтана, пери и албасты. Въ другомъ дворѣ, если придется комунибудь разъ молившемуся опять молиться, то онъ не поминаетъ уже разъ помянутыхъ существъ, а поминаетъ непомянутыхъ. Три человека, поминающіе великаго бога, поминаютъ его и въ другихъ дворахъ. Послѣ поминовенія боговъ просятъ ихъ чтобы дали возможность хорошо проводить праздникъ. По окончаніи молитвы всѣ входятъ въ избу и ставятъ кушанья и напитки на столъ, сами садятся кругомъ стола и пачинаютъ пировать. Послѣ угощенія гости благодарятъ за него хозяевъ и идутъ къ комунибудь изъ бывшихъ тутъ. Такимъ образомъ ходятъ ко всѣмъ гостямъ; помолвившись и попировавши у всѣхъ, каждый возвращается въ свой домъ.

Послѣ этого всякое семейство молится въ своей куалѣ, вспоминая вож-шуда. Для этого несутъ въ куалу подушку, скатерть, стаканы и другіе сосуды нужные для молитвы. Подушка кладется въ переднемъ углу за столомъ, скатерть стелютъ на столъ. Тогда несутъ туда въ чашкѣ три бискили, тарелку масла и пиво съ кумышкой въ стаканахъ; кромѣ того готовятъ вѣтку какогонибудь хвой-

наго дерева и, поставивши все это на столъ, старшій въ семьѣ молится, вспоминая ради великаго дня вож-шуда. Послѣ молитвы на полку вож-шуда кладутъ хлѣбъ, чашку съ медомъ и вѣтку хвойнаго дерева,—это называется *вылэ мичэм*, т. е. возношеніе. Послѣ молитвы отвѣдываютъ бискили молитвенныя съ масломъ и пьютъ пиво и кумышку.

По окончаніи обряда молитвы въ своемъ шалашѣ, изъ каждаго дома дѣвушки несутъ кушанья въ общую куалу, гдѣ смотритель куалы, помолясь и отвѣдавъ кушаній, отпускаетъ ихъ домой.

На другой день, въ понедѣльникъ утромъ, топятъ печку и пекутъ блины. Когда испекутъ около осьми блиновъ, хозяйка дома беретъ тарелку и, помазавши около пяти блиновъ (нужно непременно нечетное число), ставитъ ихъ въ тарелкѣ на столъ. Одинъ изъ семейныхъ мужчинъ беретъ со стола тарелку съ блинами и, выйдя на дворъ, молится Богу: „Осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, та јуонэ жефкын орчытысалыдкэ, Иѣмаре, акашка понна бурэ ваиско“, т. е. боже Осто, великій боже, дай возможность хорошо провести этотъ праздникъ, боже ради акашки (свѣтлый праздникъ) поминаю (тебя). Послѣ молитвы идетъ въ избу и, поставивъ блины на столъ, идетъ въ куалу и приноситъ оттуда оставленные съ вечера коровой хлѣба и медъ. Потомъ садятся всѣ семейные за столъ и пьютъ чай съ блинами, мужчины ѣдятъ и хлѣбъ принесенный изъ куалы. Послѣ этого молодые парни изъ каждаго двора выѣзжаютъ верхами и ѣдутъ на одинъ конецъ деревни. Пріѣхавшіе раньше дожидаются своихъ товарищей у околицы деревни; у всѣхъ парней бываютъ въ рукахъ липовыя палки. Когда всѣ соберутся, то выѣзжаютъ въ поле (въ дер. Верхнихъ Шунь) и ѣдутъ къ одному дубу, растущему недалеко отъ деревни. Обѣхавъ этотъ дубъ, ѣдутъ назадъ въ деревню и начинаютъ ѣздить по каждому двору до другаго конца деревни. На другомъ концѣ деревни ѣдутъ опять въ поле въ какойнибудь оврагъ гдѣ есть рѣчка, тамъ всѣ слѣзаютъ съ лошадей и, привязавши ихъ, бросаютъ липовыя палки, а сами умываются. Этотъ обрядъ ѣзды по дворамъ называется *сбрэм шуккон*, т. е. битье по порядку. Вѣроятно въ прежніе годы липовыми палками били обо чтонибудь, отчего и произошло названіе. Теперь же Вотяки ѣздить только для того, чтобы готовы были всѣ принять ихъ, когда они поѣдутъ съ другаго конца деревни.

Когда всѣ вымоются, тутъ же выбираютъ изъ среды своей молодыхъ парней, одного попомъ, другаго дьякономъ, третьяго дьячкомъ и четвертаго пономаремъ, послѣ чего опять садятся верхами на своихъ лошадей и ѣдутъ по деревнѣ изъ двора въ дворъ. Въ каждомъ дворѣ готовятъ для нихъ столъ, на столѣ въ большой деревянной чашкѣ три бискили, четыре крашенныхъ яйца, пиво и кумышку. Вѣхавши во дворъ, попъ беретъ хлѣбы, дьяконъ пиво, дьячекъ

яйца и пономарь кумышку и начинают молиться, при чемъ всѣ сидятъ верхомъ на лошадахъ, а хлѣбы и прочіе подаютъ имъ въ руки сами хозяева. На молитвѣ они поминаютъ кто великаго бога, кто бога клеветника, кто мать солнца, кто мать бога и прочихъ добрыхъ и злыхъ существъ. Послѣ молитвы пьютъ пиво и кумышку, тоже сидя на лошадахъ, потомъ берутъ всѣ четыре яйца и съ пѣснями ѣдутъ въ другой дворъ. Такимъ образомъ они набираютъ очень много яицъ, которыя раздаютъ каждому выѣхавшему верхомъ парню, по два яйца, а остальные дѣлятъ между собой попъ, дьяконъ, дьячекъ и пономарь поровну. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ послѣ молитвы хозяева подносятъ всѣмъ по стакану пива и кумышки, послѣ чего попъ наливаетъ кумышку и подноситъ хозяину, при чемъ всѣ парни кричатъ: тау! т. е. благодаримъ. Когда изѣздить всю деревню, то собираются опять на одинъ дворъ называемый *сэбэт*—закуска. Сэбэтъ бываетъ поочередно, въ одинъ годъ у одного, на слѣдующій годъ у другаго человѣка и т. д. На этомъ дворѣ тоже молятся на лошадахъ, поминая бога ради сэбэта. Послѣ этого ихъ тутъ угощаютъ и они разѣзжаются по домамъ. Такимъ образомъ проходитъ понедѣльникъ. Старики въ этотъ день пируютъ, ходя изъ дома въ домъ.

Во вторникъ утромъ живущіе на одномъ концѣ деревни варятъ гуся и говядину и приглашаютъ всѣхъ живущихъ среди деревни и на другомъ концѣ ея. Сначала конечно распредѣляютъ кому изъ сколькихъ дворовъ звать и кого именно звать; послѣ уже всякъ зоветъ доставшихся на его долю гостей. Въ среду живущіе на срединѣ деревни дѣлаютъ тоже, а въ четвергъ живущіе на противоположномъ концѣ. Въ четвергъ же утромъ молодые люди собираютъ по деревнѣ крупу, говядину, соль, яйца и масло. Изъ собранныхъ яицъ стряпаютъ яичницы, а изъ прочаго три дѣвушки варятъ гдѣнибудь на лугу кашу. Когда каша на лугу будетъ готова, то молодые парни садятся на лошадей и ѣздить по деревнѣ съ одного конца до другаго крича: „гуждор жук ѳины мынэлэ“—идите ѣсть кашу (сваренную въ честь восходящей травы). Когда объѣдутъ всю деревню, то идутъ въ одинъ дворъ (тоже по очереди ежегодной), гдѣ имъ готовятъ столъ съ кушаньями, они, сидя на лошадахъ, молятся съ этими кушаньями и потомъ хозяинъ угощаетъ ихъ пивомъ и кумышкой, послѣ этого молодые люди сажаютъ самого хозяина за столъ на подушку и подносятъ ему кумышку. Потомъ хозяинъ встаетъ и идетъ за парнями, ему предстоитъ честь быть гостемъ за жертвенной кашей. Парни ѣдутъ въ другой домъ, кому предстоитъ очередь, и сажаютъ за столъ хозяйку дома, которая вмѣстѣ съ мужчиной посаженнымъ за столъ должна быть гостьей за жертвенной кашей; какъ мужчину такъ и женщину эту называютъ *аргыш*. Послѣ этого молодые парни съ аргышами и

другіе желающіе идти ѣсть кашу люди, собираются на дворъ сэбэта. Тамъ опять на лошадахъ съ хлѣбомъ молятся богу и ѣдутъ на луга, гдѣ варится каша. Спереди идутъ аргыши пѣшкомъ, мужчина по правую сторону, а женщина по лѣвую. Прочія женщины, каждая съ чашкой и ложками, идутъ пѣшкомъ за ними, а мужчины всѣ верхомъ на лошадахъ. Когда дойдутъ до мѣста, то кладутъ двѣ подушки и сажаютъ на нихъ аргышовъ. Передъ ними разстилаютъ скатерть, на которой ставятъ пиво, кумышку и кладутъ личницу снятую со сковороды; потомъ одну молодушку заставляютъ класть въ чашку кашу и поставить передъ аргышами, за что молодушка эта даетъ деньги дѣвушкамъ варившимъ кашу. Послѣ этого трое изъ стариковъ наливаютъ въ стаканы пиво и кумышку и молятся, поминая бога ради жертвы, принесенной въ честь выходящей травы. Послѣ молитвы угощаютъ аргышовъ пивомъ и кумышкой и потомъ всѣ ѣдятъ кашу и говядину. Пока угощаютъ аргышовъ, молодые люди играютъ между собой, а дѣвушки тоже не подалеку отъ нихъ играютъ въ какія нибудь игры. Оставшуюся кашу женщины несутъ домой. По окончаніи ѣды всѣ мужчины становятся лицами на югъ и дѣлаютъ три земныхъ поклона. Послѣ этого аргыши идутъ прямо въ домъ сэбэта, а остальные, за исключеніемъ трехъ дѣвушекъ варившихъ кашу, расходятся по домамъ; тѣ три дѣвушки приносятъ въ домъ сэбэта кашу въ чашкѣ и говядину, оставленная нарочно для этого. Въ домъ сэбэта аргыши и дѣвушки опять ѣдятъ кашу, а хозяинъ сэбэта угощаетъ ихъ пивомъ и кумышкой. Дѣвушки, варившія кашу, подносятъ каждому человѣку пришедшему туда стаканъ пива и сами, стоя передъ нимъ, поютъ каждому по одной пѣснѣ. По окончаніи этого обряда всѣ расходятся по домамъ. На другой день, въ пятницу утромъ, аргыши варятъ гуся и говядину и зовутъ къ себѣ въ гости всю деревню. Въ субботу и воскресеніе никакихъ обрядовъ не бываетъ, пируютъ ходя изъ дома въ домъ. Въ пятницу на этой же недѣлѣ молодые парни дѣлаютъ гдѣ нибудь на возвышенномъ мѣстѣ качели, и когда качели готовы, ходятъ во всѣ дома, гдѣ есть дѣвушки, которыя угощаютъ кумышкой. До семи недѣль послѣ пасхи молодые парни и дѣвушки каждый четвергъ и пятницу играютъ поъ качелями. Во время качанія на качеляхъ поютъ пѣсни. Проводя подъ качелями цѣлыя ночи, парни и дѣвушки расходятся только къ утру попарно. Это не мало способствуетъ развитію разврата между молодежью Вотяковъ.

Начало посѣва яроваго.

Вотяки начинаютъ сѣять яровой хлѣбъ обыкновенно въ четвергъ или понедѣльникъ, при чемъ дѣлаютъ довольно большой праздникъ. Къ назначенному дню

приготавливают около 10 ведеръ кумышки и пива и пекутъ бискили. Гостей къ этому празднику не зовутъ, но большею частью родственники ѣздятъ другъ къ другу безъ зова.

Въ назначенный день утромъ молятся на дворѣ съ хлѣбомъ, послѣ чего ѣдятъ масло и пьютъ чай. Потомъ запрягаютъ лошадь, кладутъ въ телѣгу овса въ мѣшкѣ, соху и ѣдутъ въ поле. Когда доѣдутъ до ближайшей полосы, отпрягаютъ лошадь отъ телѣги и, запрягнувши ее въ соху, начинаютъ пахать. Къ этому времени приходятъ на полосу всѣ семейныя женщины, дѣти и дѣвушки, которыя приносятъ кашу, говядины, кумышку и пиво и все это ставятъ на полосу. Такъ выходятъ въ поле изъ каждаго дома, каждый на свою полосу. Вспахавши всю полосу, или часть ея, кладутъ въ лукошко немного овса и нѣсколько яицъ и, перемѣшавши съ овсомъ, начинаютъ сѣять, выкидывая вмѣстѣ съ овсомъ и яйца. Семейныя всѣ собираютъ эти яйца. Послѣ этого беретъ старшій мужчина въ руки хлѣбъ, другіе — кто кашу, кто пиво, кто кумышку и человѣкъ пять или семь становятся рядомъ лицомъ на югъ и начинаютъ молиться: „Осто иңмарэ, быдзым иңмарэ, жеҕкын потыса жеҕкын ужатысалыдкэ, кижэм јуэз далгытысалыдкэ иңмарэ“, т. е. боже осто, великій боже, дай возможность хорошо начать и работать, уроди посѣянный нами хлѣбъ, боже. Послѣ молитвы садятся кругомъ на полосу, оставляя въ серединѣ чашки съ кушаньями, потомъ начинаютъ ѣсть кашу и говядину и пить пиво и кумышку. Потомъ приглашаютъ другъ друга изъ сосѣднихъ полосъ и гуляютъ такъ по тремъ или четыремъ полосамъ. Во время обѣда отрѣзываютъ горбушку хлѣба и зарываютъ ее вмѣстѣ съ однимъ яйцомъ въ землю, жертвуя хранителю земли (му кылчиң). Послѣ этого молодые люди садятся верхомъ на лошадей и ѣздятъ по дорогѣ до тѣхъ поръ, пока соберутся всѣ; тогда начинаютъ собирать яйца и платки или полотенца отъ каждой молодухи, при этомъ и нѣкоторыя дѣвушки даютъ тоже платки. Послѣ этого молодые люди ѣдутъ до полевой межи и оттуда скачутъ назадъ до деревни. Кто прискачетъ первый, тому даютъ платокъ, а остальнымъ двоимъ прискакавшимъ за нимъ яйца, самымъ послѣднимъ ничего не даютъ. Если платковъ было собрано нѣсколько, то вторично скачутъ отъ той же межи, а если платковъ не много, то заставляютъ молодыхъ людей бѣгать въ перегонки или бороться. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока не разберутъ всѣ собранные платки и яйца. По окончаніи этой потѣхи идутъ домой. По приѣздѣ въ деревню, ѣздятъ верхомъ изъ двора въ дворъ и молятся въ каждомъ дворѣ, сидя на лошадахъ точно также, какъ это бываетъ на пасхѣ. Послѣ молитвы ихъ угощаютъ пивомъ и кумышкой. Два дня послѣ этого пируютъ, а на третій день начинаютъ работать. Этотъ праздникъ называется *кидыс поттон*, т. е. вывозъ сѣмянъ.

У крещеныхъ Татаръ начало посѣва яроваго происходитъ почти точно такъ же, какъ и у Вотяковъ. Только крещенные Татары не молятся какъ Вотяки, а довольствуются сѣяніемъ яицъ, обѣдомъ на полосѣ и зарываніемъ на межѣ одного яйца и горбушки хлѣба; у Вотяковъ эти яства приносятся въ жертву ангелу земли, у крещеныхъ же Татаръ зарываніе ихъ осталось только какъ одинъ пустой, ничего незначащій обычай. Посѣянные яйца означаютъ желаніе такого полного и круглаго зерна хлѣбу, какое бываетъ яйцо. Крашеніе этихъ яицъ въ желтую краску означаетъ желаніе спѣлости зерну. Тоже означаютъ яйца и краска ихъ и у Вотяковъ. При собираніи посѣянныхъ яицъ, если дѣти будутъ толкать другъ друга и падать,—то это какъ у Вотяковъ, такъ и у крещеныхъ Татаръ предвѣщаетъ урожаи хлѣба до того, что онъ подъ тяжестью колоса будетъ наклоняться къ землѣ.

Собираніе платковъ и скачка или бѣгъ для полученія ихъ бываетъ и у крещеныхъ Татаръ, только у послѣднихъ платки не носятъ въ поле, а собираютъ въ деревнѣ.

Покчи акашка.

Передъ паровою пашнею празднуютъ Вотяки въ деревнѣ Верхнихъ Шунь, называя свой праздникъ *покчи акашка*—малая акашка, въ отличіе отъ большой акашки—свѣтлаго праздника Воскресенія Христова. Къ этому празднику варятъ около 20 ведеръ кумышки и пива и зовутъ всѣхъ своихъ родственниковъ въ гости. По пріѣздѣ гостей начинаютъ пировать. Угостивши немного гостей, изъ каждаго дома дѣвушки несутъ въ чашкахъ бискили въ очередной дѣмъ, называемый *сэбэт*. Туда же собираются и молодые парни. Двое изъ молодыхъ людей распредѣляютъ кому кого поминать на молитвѣ и потомъ, взявъ изъ рукъ дѣвушекъ чашки съ хлѣбами, всѣ парни становятся рядомъ, съ чашками въ рукахъ, и каждый молится, поминая того духа, котораго велѣли ему помянуть распредѣляющіе. Послѣ молитвы отрѣзываютъ отъ каждаго хлѣба по куску и кладутъ эти куски въ одну большую чашку, чашку же ставятъ среди двора на рогожѣ. Когда отрѣжутъ отъ всѣхъ хлѣбовъ по куску, то хлѣбы возвращаютъ принесшимъ, а сами всѣ отвѣдываютъ отъ отрѣзанныхъ кусковъ. Оставшіеся куски крошатъ опять въ одну чашку и несутъ къ рѣчкѣ; перейдя черезъ рѣчку, опять молятся и сѣдаютъ весь хлѣбъ. Идя обратно черезъ рѣчку, зачерпываютъ въ чашку воду и обливаютъ дѣвушекъ. Послѣ этого начинается у молодыхъ *јумшан*, о которомъ подробно будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ, а старики входятъ въ домъ сэбэта и тамъ, съ пѣснями, пируютъ. Въ слѣдующіе два дня угощаютъ гостей и пируютъ сами, при чемъ никакихъ интересныхъ обрядовъ не бываетъ.

Черезъ два дня по отъздѣ гостей Вотяки идутъ со всѣмъ семействомъ на луга, гдѣ приносятъ жертву называемую *ју корбон* — жертва за посѣянный хлѣба. Въ жертву приносятся двѣ коровы. Пока готовится жертвенное мясо и каша, молодые парни играютъ мячиками въ родѣ русской игры въ лапту, а дѣвушки играютъ большею частью въ горѣлки, оттого тамъ бываетъ весело и шумно. Когда мясо сварится, старики дѣлятъ его на равныя части и кладутъ въ принесенныя чашки. Послѣ говядины въ тѣхъ же котлахъ варятъ кашу. Когда сварится каша, старики кладутъ ее въ чашки и, взявъ въ руки по одной чашкѣ говядины и каши, старшіе между ними человѣкъ около шести молятся безъ шапокъ, стоя лицомъ на югъ. Послѣ молитвы старики дѣлятъ кашу и говядину между собой по жеребью. Каждый человѣкъ кладетъ жеребій съ своей тамгой въ шляпу и одинъ человѣкъ, держа шляпу надъ головой, трясетъ ее для того, чтобы жеребьи перемѣшались, причемъ говоритъ разныя пожеланія тѣмъ, чей жеребій вынется. Другой же, стоя рядомъ съ нимъ, вынимаетъ жеребьи и подаетъ тому, чей будетъ вынутый жеребій. Пожеланія или прибаутки, сказываемыя во время выниманія жеребья, состоятъ изъ слѣдующаго: Кто разбогатѣетъ посредствомъ хлѣбопашества?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ состоитъ въ вынутомъ жеребѣ, т. е. разбогатѣетъ тотъ, чей жеребій вынутъ послѣ сего вопроса.—Кто разбогатѣетъ посредствомъ воровства? Кто разбогатѣетъ на боку лежа? Кто покроетъ крышу своего дома желѣзомъ? У кого уродится овесъ, ячмень, рожь и т. п. Кто разбогатѣетъ посредствомъ извозничества? Кто разбогатѣетъ, выдавши замужъ свою дочь? Кто разбогатѣетъ, женивши сына? Кто разбогатѣетъ посредствомъ торговли? и т. п., и т. п.

Изъ раздѣленныхъ такимъ образомъ каши и говядины съѣдаетъ каждый свою долю, при чемъ на днѣ чашки оставляютъ немного каши для тѣхъ, кто не могъ по какойнибудь причинѣ придти самъ. Послѣ съѣденія каши и говядины, мужчины всѣ обращаются лицомъ къ югу и дѣлаютъ одинъ земной поклонъ, а женщины и дѣвушки стоятъ вдаль, собравшись въ одно мѣсто. Послѣ этого съ шумомъ и играми отправляются домой.

У крещеныхъ Татаръ тоже бываетъ эта жертва и называется *сабан корманы* — жертва за яровыя хлѣба. При этомъ рѣжутъ одну или двѣ овцы и тоже варятъ кашу. Когда все готово, старики берутъ въ руки чашки съ кашей и молятся, смотря на югъ, большею частью въ шапкахъ, о томъ, чтобы Богъ далъ урожай яровымъ хлѣбамъ и хранилъ ихъ отъ всякой напасти. Послѣ этого старики по своему усмотрѣнію дѣлятъ кашу между присутствующими и ѣдятъ. Немного каши и кусочекъ мяса несетъ каждый въ свой домъ для не бывшихъ на жертвоприношеніи своихъ семейныхъ.

Пучы шуккон.

Въ Лазареву субботу у Вотяковъ въ каждомъ домѣ варятъ по два яйца (до этого времени никто не ѣстъ новыхъ яицъ) и даютъ ихъ ребятамъ. Послѣ этого ребята, ѣвшіе яйца, отправляются въ лѣсъ за вербой (пучы). Принесши домой вербу, ребята, каждый для себя, вяютъ изъ нея толстые бичи. Вечеромъ всѣ парни собираются въ одной банѣ, куда несутъ съ собой свои бичи и кусочки бумаги, туда же собираются и дѣвушки. Тамъ парни выбираютъ изъ болѣе взрослыхъ—одного волостнымъ писаремъ, другаго старшиной, третьяго старостой, четвертаго сборщикомъ податей и нѣсколько парней десятниками. Начинается сборъ податей. Нѣкоторые мальчики даютъ трехъугольные и запачканные кусочки бумаги; тогда старшина и писарь заявляютъ, что это фальшивыя деньги, послѣ чего виновнаго бьютъ слегка вербовыми бичами и сажаютъ подъ полокъ—въ тюрьму. У кого нѣтъ кусочковъ бумаги, тому даютъ срокъ, а если онъ и къ сроку не приготовить, то бьютъ вербой и тоже сажаютъ въ тюрьму. По окончаніи сбора податей, мальчиковъ берутъ въ солдаты, при чемъ смотрятъ имъ зубы и пачкаютъ какъ зубы, такъ и лицо сажей. Послѣ этого новобранцевъ начинаютъ учить. Ученіе состоитъ въ томъ, что ихъ заставляютъ кричать такъ, какъ кричатъ звѣри и птицы. Въ такихъ и подобныхъ играхъ проходитъ время до полуночи и болѣе; послѣ полуночи всѣ выходятъ изъ бани и бьютъ ее своими вербовыми бичами. Потомъ всѣ парни идутъ на верхній конецъ деревни и по порядку начинаютъ бить вербой всѣ дома и ворота, при чемъ сами кричатъ: „вэрвакистыр!“ Значенія этого слова Вотяки не могутъ объяснить и кричатъ лишь по заведенному изстари обычаю. Это битіе воротъ и домовъ называется *пучы шуккон*—битіе вербой. Когда дойдутъ парни до нижняго конца деревни, то выходятъ въ поле и, бросивъ свои шапки на землю, бьютъ ихъ вербой, потомъ бросаютъ тутъ же свои вербы и, надѣвъ шапки, съ пѣснями возвращаются домой. Такимъ образомъ они, по своему мнѣнію, выгоняютъ изъ своей деревни шайтана и пери.

Пардуган.

Такъ называются у Вотяковъ Мамадышскаго уѣзда святочные игры, бывающія въ началѣ рождественскаго поста. Игры эти въ продолженіи второй половины мѣсяца ноября должны быть три раза, или пять разъ, рѣдко семь разъ; требуется, чтобы количество игръ было непременно нечетное.

Если ктонибудь возилъ бревна для постройки своего дома, при безвозмездной помощи своихъ одножителей и если онъ успѣлъ уже отдѣлать свой домъ, то со-

бираются молодые люди и отправляются къ тому человѣку просить у него избу для игры *нардуган*. Если онъ обѣщаетъ дать, то посылаютъ мальчиковъ собирать по деревнѣ лучину. Если же не обѣщается, то идутъ къ другому подобному человѣку и просятъ у него. Въ случаѣ если никто не будетъ давать избы, то дѣлаютъ нардуганъ въ караулкѣ. Мальчики, ходя изъ дома въ домъ, собираютъ лучины, послѣ чего ходятъ по деревнѣ крича: „нардуганэ мынэлэ!“ т. е. идите въ нардуганъ. Собравшись вечеромъ по закатѣ солнца въ избу, сданную подъ квартиру нардугана, оборачиваютъ нары другою стороною, для того чтобы не загрязнить ихъ и сами собравшіеся, особенно дѣвушки, стоятъ на нарахъ. Когда соберется много народа, то охотники наряжаются идутъ въ какую нибудь баню и, нарядившись въ самыя безобразныя одежды, входятъ въ нардуганъ. Нѣкоторые одѣваются чертомъ, другіе медвѣдемъ, а иные черемиской. Черемиска есть непремѣнная принадлежность нардугана, — безъ нея эти игры немыслимы. Входя въ нардуганъ, черемиска беретъ съ собой веретено и клокъ кудели, привязанный къ палкѣ. При входѣ всѣ наряженные пляшутъ, послѣ чего черемиска садится и начинаетъ прядь, при чемъ мальчики, держащіе огонь, поджигаютъ ея кудель; увидѣвъ это, она начинаетъ безобразно кричать и размахивать горячей куделью надъ головами присутствующихъ. У многихъ при этомъ загораются платки, рубашки и т. п. Послѣ этого черемиска пляшетъ и уходитъ. Послѣ черемиски входятъ разные другіе ряженые и представляютъ разныя комическія сцены. Самыя употребительныя сцены слѣдующія: Одинъ человѣкъ входитъ, одѣвшись въ солдатскую одежду и вводитъ съ собой другаго одѣтаго лошадью. Нѣкоторые присутствующіе начинаютъ торговать лошадью и, сладившись въ цѣнѣ, платятъ за нее щепками, при чемъ договариваются и о могоарычѣ. Купившій лошадью сажаетъ на нее маленькаго мальчика, который ѣздитъ на ней верхомъ по комнатѣ, при чемъ лошадь бьетъ головой присутствующихъ тутъ людей, и послѣ того уходитъ. Хозяинъ лошади, оставшись въ избѣ, ходитъ отъ одного человѣка къ другому, спрашивая, гдѣ кабакъ. Одинъ показываетъ на одного, другой на другаго, — такимъ образомъ толкаютъ его одинъ къ другому, послѣ чего хозяинъ лошади уходитъ.

Послѣ этого входятъ два колодника совершенно голые съ повязанными спереди фартуками и съ пестерями (пещуръ) за спиной; они отнимаютъ у людей шапки и кладутъ въ свои пестери. Когда наберутъ полныя пестери, входитъ чиновникъ, одѣтый въ солдатскій мундиръ; при входѣ его колодники прячутся въ уголь. Чиновника сажаютъ на нары, при чемъ одну доску снимаютъ и онъ, садясь на пустое мѣсто, проваливается подъ нары. Послѣ этого онъ требуетъ самоваръ; ему подносятъ разбитое колесо телѣги, вмѣсто чайныхъ чашекъ подають черепицы и

щепки, а вмѣсто меду человѣческой калъ. Чиновникъ дѣлаетъ видъ, что пьетъ чай и послѣ чаю требуетъ закусить; ему подаютъ дохлую курицу, или кошку. Дѣлая видъ, что онъ наѣлся, чиновникъ требуетъ, чтобы къ нему привели колодниковъ. Дѣлая обыскъ ихъ вещамъ, чиновникъ находитъ у нихъ много шапокъ и спрашиваетъ, чьи онѣ и зачѣмъ собраны? Колодники, вынимая по одиночкѣ шапки, говорятъ, что съ хозяиномъ той или другой шапки они дѣлали то-то и то-то. Чиновникъ призываетъ хозяина шапки и спрашиваетъ, справедливо ли показаніе колодниковъ? Нѣкоторые сознаются, что справедливо, и чиновникъ присуждаетъ ихъ къ ссылкѣ вмѣстѣ съ колодниками въ Сибирь, а не сознавшихся тутъ же наказываетъ ударами кутака. Послѣ этого какъ тѣмъ, такъ и другимъ возвращаетъ ихъ шапки, и когда разберутъ всѣ шапки, колодниковъ выгоняютъ, а чиновника сажаютъ въ салазки и вывозятъ въ сѣни, а иногда вмѣстѣ съ салазками сталкиваютъ съ лѣстницы.

Самое послѣднее изъ представлений бываетъ *сырон носон* т. е. выжиманіе воды изъ кожи (обдѣланной). При этомъ ловятъ дѣвушекъ и катаютъ ихъ на нарахъ. Когда всѣхъ перекачаютъ, то маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ выгоняютъ, чѣмъ и кончаются всѣ драматическія сцены. Рассказывать содержаніе всѣхъ ихъ нѣтъ возможности тѣмъ болѣе, что въ разныхъ деревняхъ буютъ разные представленія.

По окончаніи представленій, одного парня и одну дѣвушку посылаютъ за водой, а остальные запираютъ за ними дверь, гасятъ огонь и остаются, сидя за столомъ, при чемъ всѣ молчатъ. Отправившіеся за водой садятся и слушаютъ въ трехъ мѣстахъ, не услышатъ ли чегонибудь. Потомъ зачерпываютъ въ ведро воду и, положивъ въ нее серебряное кольцо, или такую же монету, возвращаются въ квартиру нардугана. Неся воду, парень и дѣвушка—оба держатся за ведро и такимъ образомъ входятъ въ избу нардугана. Въ избѣ воду ставятъ на нары въ переднемъ углу, а парень и дѣвушка, принесшіе воду, садятся одинъ по правую сторону ведра, а другая по лѣвую. Тогда зажигаютъ огонь, и каждый парень выбираетъ себѣ въ жены какуюнибудь дѣвушку. По выборѣ жены, они попарно подходятъ къ сидящей около ведра парѣ, при чемъ парень сидящій у ведра черпаетъ воду ковшомъ и подаетъ подошедшему парню, а дѣвушка точно такъ же подаетъ дѣвушкѣ. Послѣ этого дѣвушки отходятъ въ одну сторону, а парни въ другую и попеременно поютъ разные пѣсни. Попѣвши около получаса, нѣсколько человѣкъ идутъ къ хозяину дома и просятъ у него коровой хлѣба. Принесшіе этотъ хлѣбъ кладутъ на столъ и всѣ садятся за столъ. Посидѣвши немного, человѣкъ семь (4 парня и 3 дѣвушки) или пять (3 парня и 2 дѣвушки) отправляются въ озимое поле слушать, а осталь-

ные крѣпко запирають за ними дверь и кладуть у дверей доску, на которую сыплют золу. Послѣ этого гасятъ огонь и молча, не шевелясь, сидятъ до тѣхъ поръ, пока не вернутся ушедшіе въ поле. Тѣ же, которые ушли въ поле, садятся тамъ на одномъ мѣстѣ и, обведя ножичкомъ вокругъ себя черту, покрываются занавѣской. Такимъ образомъ сидятъ съ четверть часа и болѣе и слушаютъ. Такъ они садятся въ пяти мѣстахъ, въ полѣ и въ деревнѣ. При этомъ говорятъ, что, садясь и сидя на мѣстѣ, нельзя поминать Бога, въ противномъ случаѣ ничего не услышишь. Въ полѣ, если въ будущемъ году долженъ быть урожай хлѣба, говорятъ, слышится скрипъ телѣгъ какъ будто отъ тяжелаго воза, а если будетъ неурожай,—то слышится звукъ пустой телѣги. Если на улицѣ со стороны чьего нибудь двора слышится звукъ ударовъ топора, то говорятъ, что въ томъ домѣ будетъ покойникъ. Если услышится звукъ плача, то говорятъ, что въ томъ домѣ будетъ какое нибудь горе и будутъ плакать. Если слышится звукъ пѣсней, то говорятъ, что будетъ свадьба. По такимъ и другимъ подобнымъ звукамъ дѣлають заключенія о будущемъ. На золѣ, оставленной у дверей дома нардугана, остается, говорятъ, отпечатокъ ноги какого нибудь животнаго; по этимъ слѣдамъ тоже предугадываютъ объ урожаѣ или неурожаѣ хлѣбовъ: если слѣдъ животнаго или человека, оставленный на золѣ, будетъ гладкій, то говорятъ, что хлѣба не уродаются, если же слѣдъ будетъ мохнатый, то будетъ урожай.

По окончаніи подслушванія, въ нѣкоторыхъ деревняхъ нардуганъ расходится, а въ нѣкоторыхъ, по приходѣ посланныхъ для слушанія въ полѣ, собирають отъ дѣвицъ кольца и перстни и кладуть въ ведро воды, принесенной парнемъ и дѣвушкой, которая все еще стоитъ на своемъ мѣстѣ. Туда же кладуть свои кольца и парни. Послѣ этого одинъ парень мѣшаетъ кольца и, доставая ихъ по одному, подаетъ тому, чье кольцо вынется. При этомъ говорятъ разныя прибаутки въ родѣ слѣдующихъ: Кто разбогатѣетъ, выйдя замужъ? Кто выйдетъ замужъ за пьяницу? Кто пойдетъ на подловку (чердакъ) для того, чтобы открыть трубу и, упавши съ лѣстницы, умереть? Кто умретъ родами? Кто, выйдя замужъ, будетъ жить съ мужемъ недружно? Кто умретъ до замужества? Кто женится на развратной? Чья жена отравитъ мужа? и т. п. Отвѣты на эти вопросы состоятъ въ вынутомъ кольцѣ, или перстнѣ. Когда вынуть все кольца и перстни, тогда воду выносятъ на дворъ и выливають; при этомъ смотрятъ въ какую сторону потечетъ больше воды, на сѣверъ или на югъ; если на югъ, то хорошо, а если на сѣверъ, то будетъ тяжелый годъ.

Зимою дѣвушки Вотячки иногда гадають посредствомъ курицы. Ночью, собравшись въ одномъ домѣ, онѣ выходятъ въ курятникъ и желающая гадать ловить

курицу. Если попадется курица старая, то говорятъ, что мужъ той дѣвушки будетъ вдовецъ. Поймавши курицу, несутъ въ избу и пускаютъ на полъ; на полу разсыпаютъ овесъ и въ какой нибудь чашечкѣ ставятъ воду. Если курица будетъ много ѣсть, то говорятъ, что мужъ гадающей дѣвушки будетъ безсовѣстный обжора; если она будетъ все пить, то говорятъ, что мужъ гадающей будетъ пьяница; если курица будетъ ходить на полу и будетъ пѣть, какъ обыкновенно поютъ курицы, то мужъ гадающей будетъ мастеръ пѣть пѣсни. Послѣ этого курицу выносятъ назадъ въ курятникъ и другая дѣвушка, желающая погадать, ловитъ курицу.

У крещеныхъ Татаръ, въ сороковыхъ годахъ и даже позже, были такія же святочные игры съ подобными же безобразіями и назывались также нардуган. Игры эти бывали съ 25 декабря по 1 января. Въ эти годы изъ всѣхъ такихъ игръ сохранилась только одна *жѳзѳк салму*, т. е. положеніе перстней въ ведро воды, какъ это дѣлается у Вотяковъ. Въ назначенный для этой игры день, молодые люди ищутъ квартиру и, нашедши, договариваются о цѣнѣ, которая никогда не бываетъ выше 2—3 коп. сер. съ парня, съ дѣвушекъ же денегъ не берутъ. Условившись о цѣнѣ, посылаютъ мальчиковъ собирать лучины, а если какой нибудь парень не поскупится купить свѣчку, то посылаютъ мальчиковъ звать дѣвушекъ на игры. Входя въ каждый домъ, гдѣ есть дѣвушка, мальчики говорятъ: „без сяматкя ѳндяуче“, т. е. мы приглашатели на *сяумат*, — такъ иначе называются эти игры. Когда стемнѣетъ, собираются парни и дѣвушки въ извѣстный домъ. Послѣ этого двухъ парней и двухъ дѣвушекъ посылаютъ за водой, изъ которыхъ одна пара, т. е. парень съ дѣвушкой остаются на полудорогѣ, а другая пара идетъ черпать воду на рѣчку. Зачерпнувши воду, кладутъ въ нее серебряное кольцо или перстень и взявшись за ведро оба, несутъ до оставшейся на полудорогѣ пары, послѣ чего передаютъ воду этой парѣ, которая и доноситъ до квартиры нардугана. Вода ставится такъ же, какъ и у Вотяковъ, на нары, послѣ чего дѣвушки, загадывая что нибудь мысленно, кладутъ въ нее кольца и перстни. Взболтавши перстни, одна дѣвушка вынимаетъ ихъ поодиночкѣ изъ ведра и подаетъ той, чей перстень вынется, парни въ это время говорятъ пѣсни; дѣвушка, получивъ перстень, въ сказанной пѣснѣ получаетъ и отвѣтъ на загаданный вопросъ, и если пѣсня ей нравится, то она беретъ перстень въ ротъ, если же нѣтъ, то бросаетъ его опять въ ведро. Когда разберутъ всѣ перстни, расходятся по домамъ.

Кромѣ того у крещеныхъ Татаръ былъ обычай гаданія посредствомъ курицы, при чемъ значеніе дѣйствій курицы были тѣ же что и у Вотяковъ; въ послѣдніе годы этотъ обычай также вывелся.

На святкахъ крещеные Татары наряжаются и ходятъ изъ дома въ домъ, но слишкомъ безобразно не одѣваются.

Ж у м ш а н.

Самая обыкновенная и самая употребительная забава молодежи у Вотяковъ есть *жумшан*. Лѣтомъ и зимою, въ праздники, молодые люди только этимъ и забавляются. Въ праздничный день вечеромъ собираются нѣсколько Вотячекъ, зовутъ съ собой свою подругу, мастерицу играть на гусяхъ, и заставляютъ ее играть въ чьемъ нибудь домѣ. По предварительному условію въ тотъ же домъ собираются всѣ желающіе позабавиться молодые люди обоего пола. Когда соберется человѣкъ 15, то нѣкоторыхъ молодцовъ заставляютъ плясать. Въ это время почти всѣ присутствующіе хлопаютъ руками подъ тактъ музыки до того, что музыки совсѣмъ не слышать. Послѣ молодцовъ заставляютъ плясать и дѣвушекъ, которыя сначала пляшутъ по одиночкѣ, потомъ вдвоемъ и втроемъ; въ избахъ болѣе просторныхъ иногда пляшутъ по пяти и по шести дѣвушекъ въ разъ. Вся забава состоитъ только въ этомъ и въ ходѣбѣ изъ дома въ домъ; въ каждомъ домѣ повторяется то же самое. Въ нѣкоторыхъ домахъ парней угощаютъ кумышкой. Когда обойдутъ домовъ около десятка или болѣе, и молодцы немного подопьютъ, то начинаютъ подъ тактъ музыки и хлопанья рукъ пѣть пѣсни такъ называемыя *такмак*. Содержаніе этихъ пѣсенъ болѣе чѣмъ неприлично, что впрочемъ нисколько не стѣсняетъ привычный къ подобнымъ пѣснямъ слухъ дѣвушекъ-Вотячекъ. Во время хожденія изъ дома въ домъ, Вотяки-молодцы имѣютъ привычку отрывать у дѣвушекъ пришитыя серебряныя монеты, за что послѣ просятъ выкупъ. Выкупъ состоитъ, смотря по требованію молодца, изъ кошелька для денегъ, изъ пояса, изъ полупштофа хорошей кумышки и т. п. Не всегда возвращаютъ молодцы отнятыя монеты, болшею частью они берутъ и выкупъ, да и монету оставляютъ у себя. Дѣвушки бываютъ, конечно, недовольны этимъ и посредствомъ подарковъ подговариваютъ двухъ-трехъ молодцовъ поколотить отнявшаго у нихъ серебро. Если бы не было у дѣвушекъ этого средства, то въ одну недѣлю молодцы обобрали бы всѣхъ дѣвушекъ своей деревни.

Такимъ образомъ гуляютъ до полуночи и болѣе, послѣ полуночи начинаютъ понемногу расходиться, при чемъ нерѣдко расходятся попарно и идутъ куда хотятъ.

Жумшан болѣе всего способствуетъ развитію разврата между молодыми людьми. Гуляя до полуночи и болѣе, дѣвушка нисколько не стѣсняется явиться домой

даже передъ разсвѣтомъ, потому что хорошо знаетъ, что кромѣ беременности ничто не навлечетъ на нее гнѣва родителей, которые въ свою очередь, смотрятъ на шалости своихъ дѣтей сквозь пальцы. Одна беременность или рожденіе дѣтей считается предосудительнымъ для дѣвушки, а гулянье нисколько. Ночь въ вотяцкой деревнѣ, особенно лѣтомъ, скрываетъ не мало преступленій отъ людей. Если бы ктонибудь вздумалъ лѣтомъ ночью походить по вотяцкой деревнѣ,—разнообразныя картины разврата поразили бы его. Если бы дѣвушки Вотячки, обзаведясь любовникомъ, были бы ему вѣрны,—это бы было еще немного сносно, а то онѣ мѣняютъ любовниковъ чуть не каждую недѣлю; отъ этого не мало достается побоевъ самой дѣвушкѣ и вновь заведенному любовнику. Драка между молодцами ночью есть самое обыкновенное явленіе въ вотяцкой деревнѣ. Иногда случается, что молодецъ, подкарауливъ вновь заведеннаго любовника своей любовницы, даетъ ему пробраться въ клѣтъ, гдѣ спитъ дѣвушка, и закладываетъ дверь клѣтки чѣмънибудь тяжелымъ такъ, что парочку оставшуюся въ клѣтѣ освобождаютъ на другой день родители дѣвушки. Для избѣжанія подобной непріятности Вотячки дѣвушки берутъ съ собой спать свою маленькую сестренку или племянницу, для того чтобы спустить ее въ окно и призвать когонибудь на помощь раньше разсвѣта. Примѣръ старшей сестры или тетки находить, конечно, подражательницу и въ младшей, видѣвшей какъ и когда слѣдуетъ ухитриться, чтобы избѣжать непріятностей.

Несмотря на все это, Вотяки при женитьбѣ выбираютъ по возможности дѣвушку хорошаго поведенія, какихъ, впрочемъ, найти между Вотячками довольно трудно. Нѣкоторые знакомые съ бытомъ Вотяковъ писатели увѣряютъ, что Вотяки беременную дѣвушку или даже рождавшую дѣтей предпочитаютъ дѣвушкѣ хорошаго поведенія⁽¹⁾. Но это мнѣніе ни на чемъ не основано. Вотяки при женитьбѣ за дѣвушку не замѣченную въ развратѣ даютъ калыма до 75 руб. сер., а за дѣвушку беременную, если найдутся женихи, даютъ никакъ не болѣе 3 руб. При мнѣ бывало нѣсколько случаевъ женитьбы на беременной дѣвушкѣ, при чемъ одинъ женихъ заплатилъ калыма 15 коп., а другой 9 коп. Предпочитая беременную дѣвушку дѣвушкѣ хорошаго поведенія, они, по моему мнѣнію, должны бы и калыма за нее давать больше. Нерѣдко бываетъ такъ, что дѣвушка беременная, не находя жениха, приглашаетъ къ себѣ почевать какогонибудь парня, при чемъ подговариваетъ когонибудь поймать парня на мѣстѣ преступленія. Не мало побоевъ принимаетъ она за свой грѣхъ и считаетъ себя счастли-

(1) Труды Общ. Естествоисп. при Импер. Казан. унив., т. IV. № 1. Вотяки Казанской губ. Островскаго; стран. 27.

вой если хоть какъ нибудь удастся выйти замужъ. Нечего говорить о супружеской жизни подобныхъ женщинъ: онѣ какъ безсловесныя животныя должны подчиняться всѣмъ капризамъ семейныхъ мужа. Всѣ члены семейства, не исключая и дѣтей 10—15 лѣтъ поступаютъ съ такою женщиной какъ хотятъ: ругаютъ и надѣясь на свою силу, на каждомъ шагу кормятъ ее колотушками. Склонень думать, что подобныя отношенія не доказываютъ того, что Вотяки беременную дѣвушку предпочитаютъ дѣвушкѣ хорошаго поведенія. Нерѣдко случается, что мужъ подобной женщины, видя порокъ своей жены, начинаетъ и самъ развратничать, а если нѣтъ, т. е. если онъ черезъ-чуръ смирнаго характера, то (хотя рѣдко) бывають случаи, что таковой бракъ разрывается черезъ самоубійство мужа.

П я т н и ц а л ѣ т о м ъ .

Вотяки повсемѣстно почти празднуютъ пятницу вмѣсто воскресенья и называютъ ее *арня пынал*—недѣльный день, тогда какъ воскресенье они называютъ *жѹс арня пынал*—русскій недѣльный день. Въ пѣсняхъ пятницу Вотяки называютъ *вбсащон пынал*, т. е. день молитвы, потому что въ этотъ день они молятся съ блинами.

Наканунѣ пятницы, въ четвергъ вечеромъ, Вотяки моются въ банѣ и, поужинавъ, ложатся спать. Молодые люди лѣтомъ въ этотъ день вечеромъ играютъ гдѣ нибудь на лугахъ или подъ качелями. Вотъ какъ описываетъ пятницу одинъ ученикъ начальной школы изъ Вотяковъ.—„Тамъ (т. е. подъ качелями) было очень весело, много молодыхъ парней и дѣвушекъ качались на качеляхъ, пѣли пѣсни и играли въ разныя игры. Такъ мы тамъ пробыли всю ночь. Потомъ я пришелъ домой и легъ спать. Чуть только я уснулъ, всѣ семейные встали. Мамаша истопила печку, батюшка поставилъ самоваръ, а я все еще спалъ. Когда поспѣлъ самоваръ, батюшка меня разбудилъ; я умылся и, помолившись Богу, сѣлъ за столъ. Мы съ батюшкой и съ братьями сѣли чай пить, а мамаша пекла въ это время блины. Когда напились досыта, самоваръ убрали. Мамаша взяла тарелку, помазала семь блиновъ (нужно нечетное число), положила на эту тарелку и поставила на столъ. Батюшка надѣлъ зипунъ и, взявъ эту тарелку, вышелъ на дворъ молиться Богу ради пятницы. Онъ всталъ посреди двора лицомъ на югъ и сталъ молиться такъ: „осто иңмарэ, быдзым иңмарэ, арня пыкал понна бурэ ваицко“ и т. д. Послѣ этой молитвы онъ вошелъ въ избу и мы начали ѣсть блины. Въ этотъ день мы ничего не работали. Когда насталъ вечеръ, всѣ молодые

люди вышли на улицу, мы, мальчики, стали играть въ лапти, а большіе парни и дѣвушки пошли подъ качели. Игра въ лапти состоитъ въ слѣдующемъ. Вбиваютъ въ землю деревянный колъ и привязываютъ къ нему веревку длиною около двухъ аршинъ. Къ этому колу собираютъ около 50 старыхъ брошенныхъ лаптей. Одинъ изъ ребятъ держитъ веревку и караулитъ эти лапти, всѣ другіе стараются отнимать ихъ у него. Онъ долженъ стараться поймать когонибудь не выпуская изъ руки веревки. Когда когонибудь поймаетъ, пойманный остается вмѣсто него караулить лапти. Если же отнимутъ всѣ лапти и онъ никого не успѣетъ поймать, то собираютъ отнятые лапти и гонятъ его, кидая лапти ему въ спину. Нерѣдко такимъ образомъ доводятъ его до слезъ, или же выгоняютъ за околицу деревни“.

Начало и окончаніе жатвы.

Когда поспѣетъ рожь, въ одинъ четвергъ Вотяки дѣлаютъ зажинъ ржи. Для этого изъ cadaго дома идутъ на свою ближайшую полосу по одному человеку съ серпомъ. Пришедши на полосу, помолясь Богу, начинаютъ жать. Молятся о томъ, чтобы Богъ далъ силы и добраго здоровья всему ихъ семейству до конца жатвы. Обыкновенно жнутъ снопа три во имя трехъ добрыхъ существъ (бадымъ иѣмар—великій богъ, иѣмар анай—мать бога и осто иѣмар—богъ хранитель отъ злыхъ духовъ), и въ этотъ день большее не жнутъ. На слѣдующій день, т. е. въ пятницу, по причинѣ недѣльнаго дня, не работаютъ. Совсѣмъ принимаются жать въ субботу утромъ и съ того времени начинаютъ жать безъ остановки, по возможности каждый день.

Когда кончаютъ жатву, всѣ жнецы, жавшіе на одной полосѣ, кладутъ по одному снопу на землю вязанымъ концомъ на югъ; на эти снопы садятся сами лицомъ на югъ и жнутъ оставшееся послѣ жатъя жниво, котораго нажавши полную горсть, кидаютъ назадъ черезъ правое плечо. Послѣ этого благодарятъ Бога за благополучное окончаніе жатвы. Нѣкоторые при окончаніи жатвы нарочно несутъ въ поле цѣлый коровай хлѣба и, разостлавши скатерть, кладутъ его передъ собой въ то время, когда сами садятся на снопы. Когда перекинутъ черезъ правое плечо сжатое жниво, старшій между присутствующими беретъ хлѣбъ въ руки и молится на югъ; это называется *кужым курон*, т. е. прошеніе силы. Послѣ этого садятся въ кружокъ и ѣдятъ хлѣбъ.

Когда все снопы яроваго и ржаного хлѣба соберутъ въ гумны, пекутъ бискили, блины и маленькія круглыя лепешки, помазанныя сверху свареннымъ сокомъ коноплянаго сѣмени. Все это мажутъ коноплянымъ масломъ и раздаютъ своимъ сосѣдямъ и родственникамъ, живущимъ въ той же деревнѣ. Обрядъ этотъ называется *аран быттэт*, т. е. окончаніе жатвы.

Начало жатвы у крещеныхъ Татаръ бываетъ точно такъ же большею частью въ четвергъ. Нѣкоторые несутъ въ поле съ собой хлѣбъ, а другіе какое нибудь кушанье. Пришедши на полосу, не обращаясь особенно ни въ какую сторону, такъ сказать на ходу, крещеный Татаринъ, внутренно прося Божіей помощи, начинаетъ жать. Нѣкоторые жнутъ два-три снопа, а нѣкоторые дѣлаютъ повязку снопа и, нажавши съ полснопа, оставляютъ такъ незавязаннымъ и садятся закутить, конечно, если что нибудь принесли; закусивши отправляются домой. А если ничего не принесли, то садятся на снопъ и вставъ уходятъ домой.

При окончаніи жатвы у крещеныхъ Татаръ никакихъ обрядовъ нѣтъ.

Ага дерагэ ыж вандон.

Осенью передъ Покровомъ Вотяки приносятъ въ жертву за посѣянную рожь овцу. Каждое семейство, желающее принести жертву, ведетъ на свою ближайшую полосу овцу или барана; одинъ изъ семейныхъ держитъ овцу, а другой обливаетъ ее водой, овца отряхивается; если же нѣтъ, то обливаютъ до трехъ разъ, если и тогда не отряхнется, рѣшаютъ ее зарѣзать. Передъ тѣмъ какъ зарѣзать овцу ставятъ впереди и сами, взявъ въ руки коровай хлѣба, молятся Богу. Послѣ этого подводятъ овцу къ межѣ полосы и, поваливъ, рѣжутъ. Тутъ же раскладываютъ огонь и варятъ мясо; каши при этомъ не бываетъ.—бываетъ только одинъ супъ. Когда поспѣютъ супъ и баранина, на полосу разстилаютъ скатерть и, вынувъ мясо изъ котла, ставятъ въ чашкѣ на скатерть; потомъ берутъ эту чашку съ мясомъ въ руки и начинаютъ молиться обратившись лицомъ на югъ: „осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ. ага дерагэ ыж вайско“, т. е. боже осто, великій боже, приношу овцу на межѣ полосы. Послѣ этихъ словъ говорятъ, чтобы богъ хранилъ посѣянную рожь отъ всякихъ напастей и т. п. По молитвѣ, садятся на полосу и ѣдятъ мясо и супъ. Вставши послѣ ѣды, становятся все лицами на югъ и дѣлаютъ одинъ земной поклонъ, потомъ отправляются домой.

Жертвоприношеніе пѣтуха на озими.

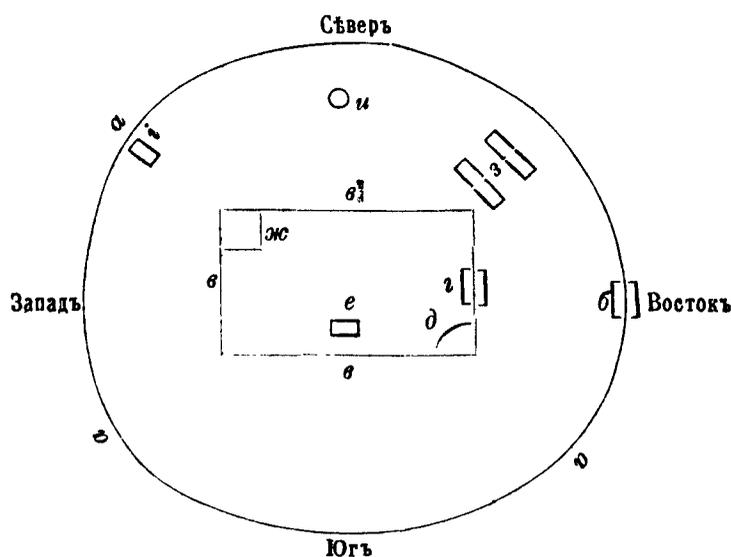
Осенью передъ Покровомъ Вотяки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Мамадышскаго уѣзда рѣжутъ на озими пѣтуха. Прежде чѣмъ рѣзать не молятся, а только говорятъ: „важкала јулалэз бурэ ваиско“, т. е. поминаю обычай древнихъ. Послѣ этого пѣтуха рѣжутъ и, отрѣзавъ ему голову и ноги, зарываютъ въ землю для того, чтобы онъ клевалъ червяковъ, которые будутъ ѣсть озимь (*номыр бичаны*—собирать червяковъ). Потомъ несутъ пѣтуха домой и, очистивъ, варятъ изъ него супъ. Ъдятъ какъ самого пѣтуха, такъ и супъ безъ предварительной молитвы, тогда какъ при другихъ жертвоприношеніяхъ молятся.

У крещеныхъ Татаръ на озими большею частью рѣжутъ курицу и почти всѣ варятъ вмѣстѣ съ ней кашу. Только они не знаютъ съ какою цѣлью рѣжутъ курицу, а дѣлаютъ это по заведенному древними обычаю.

Лудэ пырон.

Керемети Вотяковъ извѣстны болѣе или менѣе всѣмъ, кому приходилось быть хоть разъ въ странѣ, обитаемой Вотяками. Это ни болѣе ни менѣе какъ группа деревьевъ старыхъ или молодыхъ, смотря потому, древняя кереметь или нѣтъ. Всѣ подобныя рощи бываютъ загорожены пряслами для того, чтобы не топтала ихъ скотина. Въ подобныхъ рощикахъ обыкновенно ничего нѣтъ кромѣ деревьевъ, только въ нѣкоторыхъ бываетъ молитвенный шалашъ—куала. Кереметь—слово не вотяцкое и есть общее названіе всѣхъ добрыхъ и злыхъ духовъ, которымъ приносятся жертвы. На татарскомъ языкѣ это слово не имѣетъ особаго значенія и крещеные Татары называютъ такъ всѣ свои домашнія жертвоприношенія. Праздники бывающіе въ кереметяхъ почти повсемѣстно одинаковы за исключеніемъ маленькой разницы въ обрядахъ. Рощи эти называются Вотяками *луд*, т. е. поле. Когда въ одной деревнѣ бываетъ нѣсколько лудовъ, то одинъ изъ нихъ называется *быдзым луд*, т. е. большой лудъ.

Въ деревнѣ Новой Учѣ (Виль гурт—новая деревня) Мамадышскаго уѣзда есть четыре луда, изъ которыхъ *быдзым лудъ* называется Эшембай луд (лудъ Эшембая, некрещенаго Вотяка, основавшаго, вѣроятно, поклоненіе въ этомъ лудѣ), второй—Онися луд (Анисья), третій—Олексѣй луд (Алексѣя) и четвертый—Пор луд (Черемисина). Эшембай лудъ загороженъ пряслами и въ срединѣ его есть куала. Входъ какъ въ лудъ, такъ и въ куалу съ восточной стороны. Въ куалѣ кромѣ стола, шкапа и полки ничего нѣтъ. Весь лудъ съ принадлежностями имѣетъ слѣдующую форму:

а. окружность луда.

б. ворота.

в. куала.

г. дверь куалы.

д. полка „мудор“.

е. столъ.

ж. шкапъ.

з. скамейка для сидѣнія.

и. мѣсто костра.

й. мѣсто закалыванія жертвъ.

Праздникъ Эшембай луда бываетъ одинъ разъ въ году, осенью, 8 ноября. Смотритель луда въ этотъ день утромъ топить баню и зоветъ къ себѣ всѣхъ, кто пойдетъ въ лудъ, париться въ банѣ. Выпарившись, всѣ надѣваютъ чистое бѣлье, а смотритель луда надѣваетъ бѣлую холщевую рубаху и такіе же штаны. Послѣ этого всѣ, кто хочетъ идти въ лудъ (одни только мужчины; женщины въ лудъ не ходятъ), несутъ къ смотрителю луда пять короваевъ хлѣба и въ бутылкѣ водку. Къ керемети этой принадлежатъ около десяти дворовъ въ означенной деревнѣ, вѣроятно имѣющіе одного родоначальника Эшембая. Когда всѣ соберутся, хозяинъ луда готовитъ обѣдъ, а когда обѣдъ готовъ, то кушанья наливаютъ въ чашки и ставятъ на столъ. Тогда смотритель луда беретъ въ руки коровай хлѣба и спрашиваетъ у присутствующихъ: „не имѣете ли, братья, обѣщаній луду, если имѣете, то дайте“. Обѣщавшіе что нибудь, берутъ свои обѣщанныя деньги и, вымывъ ихъ, кладутъ на коровай смотрителя луда. Иногда обѣщавшіе деньги обѣщаютъ вмѣстѣ съ ними и какую нибудь домашнюю птицу, а иногда обѣщаютъ только деньги. Не имѣющіе обѣщанія тоже даютъ деньги. Обѣщавшій деньги, вручая ихъ смотрителю луда говоритъ: „вотъ я за неимѣніемъ домашнихъ птицъ обѣщаль деньги и принесъ ихъ“. По собраніи денегъ, смотритель луда оставляетъ ихъ покуда на столъ и начинаетъ принимать птицъ. Обѣщавшій, отдавая птицу ему въ руки, говоритъ: „вотъ я обѣщаль и принесъ гуся,

утку и подобн. Принесенныхъ птицъ смотритель принимаетъ изъ рукъ въ руки и, вымывъ имъ ноги, пускаетъ на полъ. Если птица будетъ обтряхиваться, то говорятъ, что лудъ кужо ждетъ жертву, а если нѣтъ, то говорятъ, что птица была обѣщана давно и что хозяева вѣроятно вспомнили прежнее обѣщаніе. Послѣ этого смотритель луда втыкаетъ въ коровай хлѣба всѣ собранныя деньги и, взявъ его въ руки, становится лицомъ на югъ; пришедшіе съ хлѣбами берутъ въ руки свои хлѣбы и становятся сзади его; смотритель луда начинаетъ молиться: „осто иѣмарэ, тани ми шьдэн-няѣэн Эшембай лудэз бурэ ваиском“, т. е. боже осто, вотъ мы хлѣбомъ-солью поминаемъ лудъ Эшембая и т. д. Послѣ молитвы садятся за столъ и ѣдятъ. Деньги собранныя при этомъ называются *люгеж* или *ммяля* и тратятся на нужды луда и смотрителя, только нельзя тратить ихъ на нужды дочерей послѣдняго—въ противномъ случаѣ онѣ будутъ больны глазами.

Послѣ обѣда запрягаютъ лошадей и ѣдутъ въ самый лудъ. Туда везутъ пивной котель, хлѣбъ, медъ, крупу, воду въ пивной бочкѣ и обѣщанныхъ птицъ. Каждый ѣдущій въ лудъ беретъ съ собой полштофъ хорошей кумышки или кабаккой водки. Когда пріѣдутъ въ лудъ, хозяинъ луда отворяетъ ворота и входитъ туда первый, за нимъ входятъ и прочіе люди; при входѣ въ ворота шапки снимаютъ, а вошедши въ лудъ опять надѣваютъ ихъ. Смотритель луда беретъ въ руки коровай хлѣба, чашку меда (большею частью сотоваго) и входитъ въ куалу; войдя туда, ставитъ ихъ въ шкашъ. Тогда изъ чистаго вощенаго холста дѣлаетъ факелы и зажегши ихъ, прилѣпляетъ къ южному краю стола. Послѣ этого беретъ изъ шкаца хлѣбъ съ медомъ, ставитъ ихъ на столъ, потомъ опять беретъ ихъ со стола и начинаетъ молиться такъ: „осто иѣмарэ, тани мон кужоед вапкала јулолэз бурэ ваиса кіям нянен му кутыса тонэ бурэ ваиско; нянен му кижы ческыт лѣу, ми калыкйоетэ ко ческыт аджыса ул; бурчиѣ кайк небыт кылын-ымыш тон иѣмарэ бурэ ваиллялмы кэ!“ т. е. боже осто, вотъ я, *твой хозяинъ*, поминаю обычай древнихъ, взявши въ руки хлѣбъ съ медомъ, поминаю тебя; какъ сладки хлѣбъ съ медомъ, такъ и насъ дѣлай для себя сладкими (пріятными), чтобы мы мягкими какъ шелкъ устами-языкомъ поминали тебя, Бога. Въ этой молитвѣ странно то, что смотритель сначала призываетъ имя бога, защитника отъ злыхъ духовъ, а потомъ говорить ему: „я твой хозяинъ“—тогда какъ онъ хорошо знаетъ, что умилостивляетъ не бога, а луда Пери—полеваго бѣса и что онъ хозяинъ жилища этого бѣса. Вообще Вотяки, принося жертвы злымъ духамъ, обращаются съ молитвою къ Богу: этимъ они хотятъ избавиться гнѣва обѣихъ сторонъ. Принося жертву злему духу, умилостивляютъ его; но вполне предать себя его волѣ и молиться ему боятся, потому что тогда сталъ бы гнѣваться Богъ; а предаться вполне волѣ божіей и не приносить злымъ

духамъ жертвъ—тоже боятся, и ч. послѣдніе наказываютъ скорѣе чѣмъ Богъ. Поэтому, чтобы не разгнѣвать обѣихъ сторонъ, болѣе страшному приносятъ жертвы, а болѣе милостиваго поминаютъ въ молитвахъ.

Послѣ молитвы смотритель луда выноситъ изъ куалы хлѣбъ съ медомъ и дѣлитъ между присутствующими, которые тутъ же и съѣдаютъ его.

Послѣ этого обряда приступаютъ къ принесенію жертвъ. Смотритель луда рѣжетъ сначала только одну птицу, а остальные рѣжутся своими хозяевами. Свободные въ это время люди занимаются разведеніемъ огня и приготовленіемъ котла для варенія жертвенныхъ птицъ и каши. Вычистивши птицъ, варятъ ихъ въ приготовленномъ котлѣ, а перья и пухъ отдаютъ смотрителю луда, который ихъ продаетъ; полученные при этомъ деньги называются тоже *люгеж* и расходуются какъ всѣ люгежи. Послѣ сваренія птицъ варятъ кашу, и когда все готово, то кашу и птицъ кладутъ въ чашки и, взявъ ихъ въ руки, всѣ молятся Богу. Потомъ смотритель луда беретъ кусокъ мяса, ложку каши и рюмку водки и бросаетъ все это въ огонь, послѣ чего всѣ присутствующіе начинаютъ ѣсть, пить и веселиться. Повеселившись вдоволь, съ пѣснями отправляются домой и везутъ съ собой остатки жертвенныхъ кушаній. По приѣздѣ въ деревню ѣздятъ по улицѣ и кричатъ: „луд шьд сѣины мыналэ“, т. е. идите поѣсть кушанья луда. Нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ другимъ лудамъ идутъ къ хозяину Эшембай-луда и отвѣдываютъ жертвенныя кушанья. Это не обязательно для всѣхъ: не желающіе могутъ и не ходить. Кушанья по приѣздѣ изъ луда могутъ ѣсть и женщины.

Праздники прочихъ лудовъ деревни Новой Учи совершаются почти также и въ тотъ же день, за исключеніемъ Пор-луда. У Пор-луда нѣтъ смотрителя, и праздникъ ему совершаютъ одни молодые парни весной, когда земля совершенно высохнетъ. Большею частью въ этотъ праздникъ варятъ только кашу, для чего крупу, соль и масло собираютъ въ деревнѣ изъ каждаго дома. Если жители не поспусятъ дать понемногу мяса, то варятъ его тоже передъ кашей, какъ и на другихъ жертвоприношеніяхъ. Передъ тѣмъ, какъ ѣсть жертвенныя кушанья, молятся также всѣ, какъ и въ Эшембай-лудѣ. Привезенныя изъ Пор-луда кушанья парни носятъ по деревнѣ изъ дома въ домъ для того, чтобы дать всѣмъ попробовать.

Луды въ прочихъ деревняхъ почти всѣ имѣютъ смотрителей, и праздники въ нихъ бываютъ почти такъ же, какъ и въ Эшембай-лудѣ, за исключеніемъ лудовъ общихъ для нѣсколькихъ деревень. Въ такихъ лудахъ въ жертву приносятся животныя крупныя, коровы или лошади, и порядокъ обрядовъ бываетъ иной.

Благодареніе за угощеніе.

Въ праздники Вотяки, пріѣхавшіе въ гости къ одному хозяину, обыкновенно по окончаніи угощенія, передъ своимъ отъѣздомъ, благодарятъ хозяина и его домашнихъ за угощеніе слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ гостей говоритъ: „не пора ли благодарить хозяина?“ Остальные соглашаются. Одинъ изъ гостей подноситъ старшему въ домѣ стаканъ водки, а другой гость въ это время держитъ въ рукахъ такой же стаканъ. Хозяинъ, принявъ изъ рукъ гостя стаканъ, садится на мѣсто, а гости становятся передъ нимъ на колѣни, или просто присѣдаютъ и поютъ вотяцкую или татарскую пѣсню. По окончаніи пѣсни хозяинъ выпиваетъ и, доливши стаканъ, возвращаетъ тому гостю, который ему подалъ. Гость же, державшій во время пѣнія пѣсни въ рукахъ стаканъ, подноситъ его хозяйкѣ; хозяйка садится, а гости опять становятся на колѣни и поютъ пѣсню. Если пожелаютъ гости и если у хозяина есть женатый сынъ, то его и его жену благодарятъ точно также, съ тою только разницею, что хозяйскій сынъ и его жена не садятся, а стоятъ передъ гостями, ставшими на колѣни. Пѣсни, которыя поются въ знакъ благодарности, бываютъ обыкновенно въ родѣ слѣдующихъ:

Азыѣ но зундэс ѳотислы
Зарніямъ зундэс ѳотысалмы;
Милемыз туган шѳислы
Лулійоемэс шори карысалмы.

Т. е. дающему намъ серебряный перстень мы дали бы перстень вызолоченный; называющему насъ роднымъ, мы (дали бы) раздѣливъ (собственно сдѣлавъ) душу свою пополамъ.

Гуреж но бордад ѳѳрэсэд
Чик пыд волчонтэм лѳѳсалкэ;
Та дыроѳ. туган, валчэ улим
Чик люкиѳконтэм лѳѳсалкэ.

Т. е. дорога (проложенная) по отлогости горы пусть была бы не скользкою; до сихъ поръ, родной, жили вмѣстѣ (въ дружбѣ), пусть бы были мы неразлучными.

(Татарская): Ак иделлярга аулар кордом
Ак балыкка тѳгѳл ѳрдяккя;
Ашадык, эчтек, хурмят кюрдек,
Алла риза булсын хурмяткя.

Т. е. на бѣлой рѣкѣ (Камѣ) я поставилъ сѣти не для бѣлуги, а для утки; ѣли, пили, видѣли угощеніе (угостились); Богъ да благословитъ за угощеніе.

По окончаніи благодарности пѣснями, гости благодарятъ хозяевъ и словами и затѣмъ уходятъ.

При угощеніи гостей Вотяки имѣютъ привычку давать каждому гостю по куску варенаго мяса, обыкновенно съ костью. Когда гость обглодаетъ кость, то люди болѣе придерживающіеся обычаевъ стариковъ, берутъ ее и кладутъ на правую руку пониже локтя, такъ чтобы кость лежала на рукавѣ, и подносятъ хозяину или хозяйкѣ, при чемъ говорятъ: „пусть размножатся у васъ овцы, коровы, бараны, гуси (и т. п., смотря потому, какого животнаго или птицы кость), и пусть суждено будетъ намъ жить, угощая другъ друга“. Хозяинъ подставляетъ правую же руку и говоритъ: „дай Богъ, чтобы такъ было!“ Гость перекладываетъ кость на руку хозяина, не дотрогиваясь до нея голой рукой, прямо съ рукава на рукавъ. Гостю послѣ этого подаютъ водку. Этимъ обрядомъ гость выражаетъ хозяину дома свою благодарность и искреннее желаніе размноженія его скотины.

Б е р е к е т .

Когда на праздникъ Вотяки приносятъ на столъ, за которымъ сидятъ гости, какое нибудь кушанье въ чашкѣ, или водку въ бутылкѣ, то одинъ изъ гостей говоритъ: „берекет!“ т. е. благодать, и подаетъ принесшей кушанье или водку женщины кусокъ хлѣба или стаканъ водки, смотря потому, что есть передъ нимъ. Хозяйка принимаетъ кусокъ хлѣба и, поцѣловавъ, кладетъ его передъ гостемъ, а принимая водку, отвѣдываетъ ее и, доливши, снова подноситъ гостю. Гость принимаетъ стаканъ и ставитъ передъ собой, а когда придетъ охота—выпиваетъ.

Примѣты при выѣздѣ въ дорогу.

Когда Вотяки ѣдутъ въ дорогу, то по выѣздѣ изъ двора, наблюдаютъ затѣмъ, кто встрѣтится первый или кто перейдетъ или переѣдетъ черезъ дорогу и смотря по этому, дѣлаютъ заключенія, посчастливится имъ въ дорогѣ или нѣтъ. Если встрѣтится человѣкъ злой и если ничего не будетъ онъ нести, то говорятъ, что несчастливится. Если же встрѣтится человѣкъ добродушный или несущій что нибудь, или если встрѣтится кто нибудь съ возомъ, то говорятъ: „шат сурэс

далтоз“, т. е. должно быть посчастливиться въ дорогѣ (будетъ исполненіе того, зачѣмъ ѣдутъ). Когда встрѣтится человѣкъ съ пустою посудой и если этотъ человѣкъ долженъ перейти черезъ дорогу, то нѣкоторые останавливаютъ такого человека и просятъ переждать пока они проѣдутъ. Если передъ выѣздомъ изъ двора лошадь испражняется, то это знакъ добрый, если же лошадь будетъ мочиться, то это не нравится Вотьякамъ и они пускаются въ дорогу съ сомнѣніемъ. У крещеныхъ Татаръ существуетъ точно такое же повѣрье о встрѣчахъ при выѣздѣ въ дорогу. Кромѣ того у Вотьяковъ на свадьбѣ, когда встрѣчаются два свадебные поѣзда, то дружки того и другаго поѣзда (казакъ) мѣняются другъ съ другомъ мѣдною копѣечною монетою. Когда встрѣчаются поѣзжане двухъ свадебъ въ одномъ домѣ или въ одной деревнѣ на улицѣ, то дружки тоже мѣняются копѣечными монетами. Передъ выходомъ изъ дома ѣдущій въ дорогу непременно садится на мѣсто, при чемъ кладетъ подъ себя подушку; потомъ встаетъ и помолившись, выходитъ изъ дома.

П р и с я г а .

Официальная присяга некрещеныхъ Вотьяковъ и домашняя присяга крещеныхъ Вотьяковъ производится слѣдующимъ образомъ. На столѣ кладутъ кусочки хлѣба величиною не больше кубического полувершка; со стороны лица, хотящаго принять присягу, кладутъ липовую палку, съ которой предварительно содрана кора на лыки. Присягающій беретъ въ руку ножъ и концомъ его достаетъ черезъ липовую палку кусочекъ хлѣба и съѣдаетъ. Липовая палка означаетъ, что присягающій долженъ сказать правду, если не желаетъ остаться такимъ же голымъ, какъ голая липовая палка; ножъ означаетъ, что хлѣбъ, который во время присяги ѣстъ присягающій, подѣйствуетъ на его сердце какъ острый ножъ, если онъ присягнетъ ложно.

Если ложно присягнувшій человѣкъ возвратится прямо домой, то Богъ наказываетъ его смертью одного изъ его семейныхъ; если же, идя домой съ мѣста присяги, зайдетъ къ комунибудь, то за принятіе такого человѣка наказывается одинъ изъ семейныхъ того дома, въ который вошелъ ложно присягнувшій; самъ же онъ или его семейные не наказываются. Чтобы отвратить божіе наказаніе люди ложно присягнувшіе нарочно заходятъ къ какомунибудь незнакомому или злему человѣку, чѣмъ наводятъ на тотъ домъ это наказаніе.

Наравнѣ съ рассказанною выше формою присяги считается слѣдующій обрядъ: Вотьякъ беретъ концомъ ножа кусочки хлѣба черезъ лошадь, при чемъ съ другой стороны лошади эти кусочки подносятъ ему на дощечкѣ.

П о х о р о н ы .

По вѣрованію Вотяковъ, смерть (*лул баѣтис*—тотъ, который беретъ душу) рѣжетъ человѣка, при чемъ брызги крови отлетаютъ далеко и даже могутъ попасть въ посуду, покрытую какою нибудь тканью. Такъ на примѣръ, если при смерти кого нибудь въ домѣ въ квашнѣ есть замѣшанное тѣсто, и на ней не была положена сверхъ тряпки какая нибудь стальная или желѣзная со сталью вещь, каковы ножикъ, ножницы и т. п., то тѣсто это должно непременно вылить, потому что брызги крови могутъ-де попасть въ тѣсто и осквернить его. Если же на квашнѣ положены ножъ или ножницы, то можно ѣсть, потому что кровь, брызнувшая изъ подъ руки смерти, какъ имѣющая уже тѣ же свойства какъ и самая нечистая сила, не можетъ подойти близко къ стали, слѣдовательно не можетъ попасть въ квашню и осквернить тѣсто.

По смерти человѣка собираются къ нему родственники и родственницы, изъ которыхъ нѣсколько мужчинъ отправляются копать могилу, нѣкоторые дѣлаютъ гробъ, а женщины занимаются приготовленіемъ платья покойнику. Мужчину умершаго обмываютъ мужчины, а женщину женщины. Обмывши покойника, одѣваютъ его въ праздничныя одежды и кладутъ въ гробъ. Подъ голову покойнику кладутъ изрубленный вѣникъ и сверхъ него подушку. Уложивши покойника въ гробъ, ставятъ его на лавку или скамейку головою къ двери и прилѣпляютъ къ гробу зажженную восковую свѣчу; возлѣ гроба ставятъ маленькое корытцо. Женщины въ это время готовятъ супъ и три маленькихъ прѣсныхъ лепешки безъ соли. Супъ и лепешки приносятъ на столъ; каждый беретъ по маленькому кусочку лепешки и по ложкѣ супа и бросаетъ въ корытцо поставленное возлѣ гроба съ словами: „чѣк переѣюе эн кыжтылэ (кыжмыж эн карэ)“, т. е. старики не трогайте насъ! Послѣ этого запрягаютъ пару лошадей и везутъ покойника въ церковь, съ собой берутъ и куски лепешекъ, оставшіеся послѣ поминовенія. Когда отнюютъ покойника, то везутъ его на кладбище хоронить. Передъ опущеніемъ покойника въ могилу бросаютъ мелкую серебряную монету въ знакъ уплаты за мѣсто занимаемое покойникомъ. Помянувъ привезенными лепешками покойника и бросивъ кусочки на могилу, остатки съѣдаютъ сами хоронившіе и копавшіе могилу.

Когда хоронившіе вернутся домой, передъ входомъ въ избу ихъ осыпаютъ золою, послѣ чего ихъ вводятъ въ избу и сажаютъ за столъ. Къ этому времени бываетъ готова баня, которую топятъ кто нибудь изъ сосѣдей. Всѣ бывшіе у покойника парятся въ банѣ, а въ это время приглашаютъ какую нибудь женщину печь блины и какого нибудь мужчину, чтобы зарѣзать курицу. Когда ку-

рица и супъ будутъ готовы, то, по обычномъ поминовеніи, ѣдятъ ихъ, при чемъ конечно, бываетъ и кумышка. Послѣ ѣды благодарятъ хозяина и отправляются домой.

Нѣкоторые Вотяки кладутъ въ гробъ покойника разныя вещи какъ-то палку, кудочикъ, (?) ножикъ, трубку съ кисетомъ табаку и т. п. и при выносѣ покойника изъ избы снимаютъ двери съ петель.

По прошествіи семи дней послѣ смерти, поминаютъ покойника блинами; это называется *сизжымэти ўйез*—седьмая ночь.

По прошествіи сорока дней (*шоңъ дас ўй*—четыре десятка ночей) рѣжутъ опять курицу и пекутъ блины и тоже поминаютъ обычнымъ образомъ. При всѣхъ поминовеніяхъ покойника до истеченія года послѣ смерти и послѣ, во время *жыр-пыд куштона*, сами хозяева не глосають костей, а всегда даютъ постороннимъ.

Поминая покойника великимъ постомъ непремѣнно до великаго четверга, рѣжутъ овцу или гуся и поминаютъ обычнымъ поминовеніемъ; поминовеніе это называется *ар орчытон*, т. е. исполненіе года, хотя иногда и не проходитъ года послѣ смерти покойника. Если „ар орчытон“ не будетъ исполнено передъ великимъ четвергомъ, то его оставляютъ до слѣдующаго великаго поста.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ перья курицы, зарѣзанной въ день похоронъ, выбрасываютъ за ворота на улицу, при чемъ бросающій обращается лицомъ на сѣверъ.

Жыр-пыд куштон.

Спустя 1—5 лѣтъ послѣ смерти какого нибудь члена семейства старше трехъ лѣтъ Вотяки даютъ ему скотину въ видѣ приданаго. Умершему мужчинѣ даютъ лошадь, большею частью кобылу, а женщинѣ корову. Къ назначенному дню приготавливаютъ около 15 ведеръ пива и кумышки. Обыкновенно для этого праздника назначаютъ четвергъ; въ этотъ день утромъ зовутъ своихъ родственниковъ помогать готовить угощенія. Корову или лошадь рѣжутъ посторонніе, при чемъ животное обращаютъ головой на сѣверъ и при зарѣзаніи говорятъ: „чўк персејослы—старикамъ“. Въ этотъ день варятъ голову, четыре ноги и всю лѣвую сторону животнаго. Все это приготавливаютъ къ вечеру; вечеромъ зовутъ всѣхъ своихъ родственниковъ. Когда сварится мясо, то заставляютъ одного человѣка крошить его въ большое корыто; этого человѣка называютъ *парчаскис*, т. е. крошущій. Когда парчаскисъ искрошитъ всю говядину, то даетъ кости глосать дѣтямъ, которыя собираются къ этому празднику въ большомъ количествѣ и стоятъ у дверей. Обглоданныя кости кладутъ въ лукошко или плетенку. Послѣ мяса

варят кашу. Когда сварится каша, тогда все присутствующіе поминают умерших стариковъ, бросая кашу, кусочки мяса, пиво и кумышку въ приготовленное корытцо. Кругомъ корытца прилѣпляютъ много зажженныхъ восковыхъ свѣтъ, принесенныхъ гостями. Послѣ этого начинается пиръ. Собранныя мальчики, стоя у дверей, поютъ пѣсни свадебнымъ нагѣвомъ, потому что этотъ обрядъ называется нѣкоторыми *суан*—свадьба. Попировавши вдоволь, запрягаютъ въ сани лошадей, привязываютъ къ дугѣ колокольчики и, взявъ лукошко наполненное костями, съ пѣснями везутъ его въ одно мѣсто, гдѣ обыкновенно принято его въ данномъ случаѣ бросать. Если парней много, то запрягаютъ двое саней; нѣкоторые везутъ съ собой и кумышку. Въ лукошко съ костями кладутъ кусочки холста и деньги. По прїѣздѣ на мѣсто зажигаютъ соломѣ и дѣлаютъ поминовение покойныхъ бросаніемъ на землю кусочковъ блиновъ, пива и кумышки, при чемъ къ краю лукошка прилѣпляютъ зажженную восковую свѣчу и также поютъ и пляшутъ, какъ въ домѣ. Выпивши все пиво и всю кумышку и бросивши остатки блиновъ въ лукошко, достаютъ изъ лукошка куски холста и деньги; потомъ бросаютъ также одинъ маленькій кусокъ холста и конфечную монету, а остальной холстъ и деньги дѣлятъ между собой. Кости съ лукошкомъ оставляютъ тамъ, а сами возвращаются съ пѣснями домой. Когда они прїѣдутъ къ хозяину праздника, то ихъ не пускаютъ идти выше материцы, а осыпаютъ прежде золою. Послѣ этого все показываютъ свои куски холста другимъ и говорятъ: „вотъ какіе подарки получили мы на свадьбѣ!“ Тотъ, кому показываютъ это, беретъ кусокъ холста и вытеревъ имъ свое лицо, возвращаетъ показывающему и говоритъ: „хорошо, хорошо!“ Затѣмъ все отправляются домой. На другой день утромъ гости опять приходятъ къ хозяину сдѣланному празднику, для того чтобы дать возможность умершимъ старикамъ опохмѣлиться; для этого поминаютъ ихъ водкой и льютъ въ корытцо, послѣ чего опохмѣляются сами. Въ этотъ день до вечера опять пируютъ, не поминая уже больше покойниковъ.

Праздникъ этотъ называется какъ сказано свадьбой. Кромѣ того его называютъ *жыр-ныо кунтон*—бросаніе головы и ногъ, и *уллаѣ сотон*—даваніе въ противную (собств. внизъ) сторону; это названіе происходитъ отъ зарѣзанія животного, обращеннаго головою на сѣверъ.

К и с т о н .

Такъ называются у Вотяковъ праздники въ честь покойниковъ, бывающіе два раза въ годъ: осенью, въ четвергъ и пятницу передъ праздникомъ Казанской

иконы Вожіей Матери и весною въ четвергъ и пятницу на страстной недѣлѣ. Къ этому празднику готовятъ немного пива и около 3 ведеръ кумышки. Гостей изъ чужихъ деревень не зовутъ, а празднуютъ только живущіе въ одной деревнѣ.

Въ четвергъ, послѣ полудня, начинаютъ топить печки и пекутъ блины; блины пекутъ непременно старухи, тогда какъ въ другое время пекутъ ихъ дѣвочки или молодыя женщины. Когда испекутъ блиновъ восемь, старухи берутъ тарелку и, помазавши два блина, ставятъ ихъ въ тарелкѣ на столъ. Послѣ этого старики и старухи берутъ эти блины и, отламывая маленькіе кусочки, бросаютъ въ маленькое корытцо, которое бываетъ у печки на приступкѣ, поминая умершихъ стариковъ словами: „чѹк переѣѹс кыж мыж эн карэ“. Точно также льютъ въ корытцо пиво и кумышку, поминая тѣми же словами; потомъ начинаютъ ѣсть и пить. Когда наѣдятся, еще бросаютъ такіе же кусочки въ то же корытцо, послѣ чего кусочки эти отдаютъ собакамъ. Молодые люди въ этотъ день не работаютъ, вечеромъ устраиваютъ јумпан. Старики вечеромъ берутъ хлѣбъ и блины и бросаютъ также какъ и утромъ въ корытцо, на край корыта прилѣпляютъ зажженные восковыя свѣчи. Потомъ собираются вмѣстѣ съ родными, живущими отдѣльно въ той же деревнѣ и, ходя изъ дома въ домъ, въ каждомъ домѣ пьютъ пиво и кумышку, такимъ образомъ гуляютъ почти до полуночи. На другой день поутру рѣжутъ двѣ курицы, вычистивъ ихъ кладутъ въ котель и варятъ. Когда сварятся курицы и супъ, зовутъ изъ пяти и болѣе домовъ своихъ родныхъ, которыхъ тотчасъ по приходѣ не сажаютъ за столъ, а заставляютъ нѣсколько стоять; въ это время ставятъ на столъ супъ. Старики и старухи берутъ въ руки ложки и начинаютъ наливать въ корытцо супъ,—наливаетъ каждый ложки двѣ-три. Въ корытцо льютъ также нѣсколько капель пива и кумышки, поминая тѣми же словами какъ и наканунѣ. Поминовеніе собственно производится въ четвергъ, а въ пятницу даютъ умершимъ старикамъ пиво и кумышку только для того, чтобы они опохмѣлились (макмыр вескатон). Послѣ поминовенія садятся за столъ и ѣдятъ супъ, потомъ еще бросаютъ остатки. Въ другихъ домахъ дѣлаютъ тоже самое. Такъ проходитъ весь этотъ день—пятница. Въ субботу пируютъ только сами, не поминая стариковъ. Весною пируютъ только два дня—четвергъ и пятницу.

К у л ѣ ш ѹ ѣ.

Въ великую среду вечеромъ, по вѣрованію Вотяковъ, души умершихъ людей приходятъ на сей свѣтъ погулять. Кромѣ того въ этотъ день дается воля всѣмъ живымъ и мертвымъ вѣдунамъ, которые пользуются этой волей для на-

пусканія порчи на людей. Чтобы охранить себя от порчи вѣдуновъ, Вотяки въ этотъ день съ вечера проводятъ черту топоромъ или ножомъ вокругъ всей своей усадьбы съ призываніемъ имени бога Осто; вѣдуны и вообще всякая нечистая сила, по вѣрованію Вотяковъ, не могутъ перейти черезъ черту, освященную призываніемъ имени бога—хранителя отъ злыхъ духовъ. Кромѣ того на каждой двери и на всѣхъ окнахъ кладутъ стальные или желѣзные со сталью вещи, какъ-то: ножикъ, шило, топоръ и тому под. Внутренность избы окуриваютъ ладономъ или можжевельникомъ и ложатся спать. По вѣрованію Вотяковъ, въ эту ночь, когда вѣдунъ ложится спать, душа его выходитъ изъ него и въ видѣ какого нибудь животнаго или птицы ходитъ по деревнѣ, портя людей. Подойдя къ животнымъ, онъ выдергиваетъ нѣсколько шерстинокъ животнаго, которое послѣ этого хвораетъ и нерѣдко издыхаетъ. Вѣдуны бываютъ извѣстны въ своей деревнѣ, поэтому въ среду вечеромъ нѣкоторые идутъ къ такимъ людямъ и кругомъ ихъ усадьбы проводятъ сталью черту; или идутъ туда, гдѣ вѣдунъ складываетъ свои дрова, еще ненарубленные на мелкія полѣнья и взявъ одно дерево, которое подлинитѣ и посуше, перевертываютъ тонкимъ концемъ внизъ и ставятъ, прислонивъ его къ чему нибудь. Послѣ этого сила вѣдуна обращается, говорятъ, на его же домашнихъ и скотину.

Мытое бѣлье и всякую одежду непременно убираютъ въ избу; если оставить на дворѣ, то вѣдунъ портитъ одежду, посредствомъ дѣланія на ней подрѣзокъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ на воротахъ, на дверяхъ и на окнахъ дѣлаютъ дегтемъ крестъ, или кладутъ терновникъ (кый боды=палка змѣи). Если не предпринимать подобныхъ предосторожностей, то живой или мертвый вѣдунъ можетъ испортить цѣлое семейство. Порчу, напущенную вѣдуномъ, узнаетъ туноча, но поправить дѣла онъ не можетъ. Если догадаются кто именно испортилъ, и если этотъ вѣдунъ еще живъ, то идутъ къ нему самому и, страшая его, требуютъ, чтобы онъ снялъ порчу и онъ, конечно, можетъ снять. Случается, что вѣдунъ изъ зависти портитъ вѣдуна, послѣ чего они стараются помириться и снять другъ съ друга порчу. Кромѣ самого вѣдуна, порчу могутъ поправить такъ называемые *пелляски*, люди занимающіеся излѣченіемъ всякихъ болѣзней посредствомъ нашеныванія какихъ-то словъ и дуновенія на воду или на какое нибудь кушанье, которое даютъ больному ѣсть. Но порча, разъ напущенная на человѣка, ни чѣмъ не излѣчивается до того, чтобы не осталось и слѣда ея. Даже сами вѣдуны не могутъ снять напущенную ими же порчу, не оставивъ легкой боли въ испорченномъ членѣ тѣла. Люди выдавшіе рѣдку, думаю, знаютъ, что сердцевина ея бьется съ маленькой чернотой. По вѣрованію Вотяковъ, это слѣдъ порчи, напущенной однимъ вѣдуномъ и снятой другимъ. Вѣдунъ испортившій рѣдку былъ

сердить на всѣхъ людей за то, что они узнавали его порчу и заставляли поправлять; вотъ онъ вздумалъ испортить рѣдку, чтобы никто не могъ узнать, что онъ чтонибудь испортилъ. Рѣдка въ это время еще только росла, и поэтому никто не могъ подозрѣвать, что она испорчена. Къ счастью людей, въ этотъ годъ первый вздумалъ ѣсть рѣдку одинъ вѣдунъ, который въ тоже время былъ и туночи. Узнавъ, что рѣдка испорчена, онъ снялъ съ нея порчу и тѣмъ избавилъ людей отъ болѣзни, а можетъ быть и отъ смерти. Если ктонибудь изъ теперешнихъ вѣдуновъ напуститъ на рѣдку еще порчу, то вѣшніе ее должны будутъ умереть, потому что отъ первой порчи можно избавиться, а отъ второй ужъ нѣтъ.

Въ одной деревнѣ на свадьбѣ встрѣтились два вѣдуна и изъ зависти испортили другъ друга. Когда встали изъ-за стола, одинъ вѣдунъ упалъ на нары, какъ будто совсѣмъ мертвый, а другой вышелъ въ сѣни и тоже упалъ полумертвымъ. Упавшій на нары былъ сильнѣе, а потому когда онъ упалъ, душа его вышла изъ него и, обратившись въ кошку, вышла въ сѣни и начала кружиться возлѣ лежащаго тамъ вѣдуна, вѣроятно, съ цѣлью совсѣмъ убить его. Отъ шерсти этой кошки сыпались по сторонамъ искры. Одна пьяная женщина, увидѣвъ это, показала другимъ и сказала, что одолѣетъ вѣдуна обратившагося въ кошку; какъ только она вышла въ сѣни, кошка прыгнула на нее и она упала тоже полумертвою, а кошка пропала. Черезъ нѣсколько времени всѣ они опаматовались и встали, но всѣ съ того времени заболѣли и пролежали больными три мѣсяца. Послѣ этого оба вѣдуна помирились между собой и сняли порчу другъ съ друга и съ испорченной женщины.

Одинъ знаменитый вѣдунъ, пріѣхавъ въ какую-то деревню, заѣхалъ къ своему знакомому покормить лошадь, не зная, что тотъ тоже вѣдунъ. Знакомый его угостилъ и, между прочимъ, поднесъ стаканъ испорченной водки. Тотъ выпилъ, и сейчасъ же у него заболѣло сердце. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ посидѣлъ еще немного для того, чтобы хозяинъ поднесъ еще водки. Когда хозяинъ поднесъ, онъ возвратилъ ему стаканъ, говоря, что хозяину слѣдуетъ тоже выпить. Когда хозяинъ выпилъ, гость поблагодарилъ его и хотѣлъ уйдти. Хозяинъ тутъ же ослѣпъ и началъ умолять своего гостя, чтобы тотъ снялъ съ него порчу. Гость возвратился опять въ избу и стаканомъ вина снялъ порчу; точно также и хозяинъ поправилъ гостя.

Вѣдуны могутъ тоже летать огненнымъ коромысломъ, какъ и ибырь и катиться огненнымъ шаромъ величиною иногда съ копну. Много Вотяковъ увѣряютъ, что они видѣли сами, какъ летаетъ вѣдунъ. Во всѣхъ вотяцкихъ дерев-

нихъ есть вѣдуны. Если имъ не удастся поргить людей, то они портятъ траву, деревья, отчего послѣднія сохнутъ.

Для того чтобы избѣжать порчи извѣстнаго вѣдуна, слѣдуетъ его поймать, бить до того, чтобы изъ носу, или изъ какогонибудь другаго члена потекла кровь и выпить нѣсколько капель этой крови. Послѣ такой расправы этотъ вѣдунъ никакъ ужъ не можетъ испортить того человѣка. Если кто будетъ иначе бить вѣдуна, то онъ непременно напуститъ на этого человѣка такую порчу, отъ которой никто не можетъ его избавить; если первая порча будетъ кѣмънибудь снята, то напуститъ вторую, отъ которой человѣкъ умретъ.

Для того, чтобы вѣдунъ не испортилъ лошадь, слѣдуетъ сдѣлать оглобли рябиновыя, или привязать между гривой кусокъ рябиноваго дерева. Вѣдуны не терпятъ присутствія рябины и можжевельника и не могутъ ѣсть изъ рябиновой посуды, хотя рябину (ягоды) они и ѣдятъ.

Когда вѣдунъ летитъ огненнымъ коромысломъ и пролетаетъ надъ головой человѣка, то послѣдній, для того чтобы остановить его, долженъ оборвать шнурокъ, которымъ связываютъ вѣротъ рубанки вмѣсто пуговицы. Послѣ этого сила вѣдуна на нѣсколько времени уничтожается, и онъ сходитъ на землю въ собственномъ своемъ видѣ, т. е. въ видѣ человѣка, и говоритъ тому, кто оборвалъ повязку ворота: „я не къ тебѣ летѣлъ, зачѣмъ ты остановилъ меня и испортилъ мою дорогу?“ Послѣ этихъ словъ поднимается на воздухъ и въ видѣ огня улетаеъ къ себѣ домой, а туда, куда онъ летѣлъ раньше остановки, уже летѣть не можетъ.

Вѣдуны бываютъ не одни мужчины, но и женщины, и онѣ имѣютъ точно такую же силу, какъ и мужчины.

Послѣ всего сказаннаго не странно, что Вотяки боятся вѣдуновъ больше всего, тѣмъ болѣе, что вышеприведенные рассказы передаются съ именами самихъ вѣдуновъ, и нерѣдко подтверждаются очевидцами, людьми любящими похвастать своей храбростью. Но хотя бы ходили рассказы о еще болѣе невозможныхъ дѣлахъ вѣдуновъ, Вотяки и тогда не стали бы сомнѣваться въ ихъ справедливости. Все-му этому причиной мнительность Вотяковъ. Вещь, на которую Русскій не сталъ бы обращать вниманія, въ Вотякахъ порождаетъ мысль—не испорчена ли она. Найдеть Вотякъ маленькую мѣдную монету въ домѣ, можетъ быть уроненную имъ же самимъ,—онъ думаетъ, что она подкинута вѣдуномъ и съ этого времени начинаетъ примѣчать, не захвораетъ ли ктонибудь изъ семейныхъ или изъ скотины. Стоить только захворать комунибудь, и Вотякъ вполне убѣждается въ справедливости своей мысли. Мнѣ самому случалось видѣть, какъ Вотяки смотрѣли со страхомъ на обыкновенное явленіе природы—на падающія звѣзды, называя ихъ вѣдуномъ.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ великій четвергъ утромъ раскладываютъ на дворѣ огонь (обыкновенно жгутъ солому, можжевельникъ и терновникъ) и три раза перескакиваютъ черезъ огонь, въ противномъ случаѣ лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, одолеваетъ сонъ. Въ этотъ день у всѣхъ Вотяковъ Мамадышскаго уѣзда бываетъ кистонъ.

С в а д ъ б а.

Желая женить своего сына, Вотякъ подыскиваетъ ему невѣсту по своему выбору, не обращая вниманія на то, понравится сыну невѣста или нѣтъ. Онъ спрашиваетъ у своихъ родныхъ и знакомыхъ, нѣтъ ли гдѣ нибудь подходящей невѣсты. Поиски и распросы, конечно, не остаются безплодными—родные указываютъ на чью нибудь дочь, какъ на подходящую невѣсту; послѣ чего ищущій невѣсту отправляется къ своему родственнику или знакомому, указавшему ему невѣсту и проситъ его сватать. Послѣдній тотчасъ идетъ къ тому, у кого есть дочь, а отецъ жениха остается въ его домѣ, ожидая отвѣта родителей невѣсты. Пришедши въ домъ невѣсты, сватунъ (аж вѣтлицъ = ходящій впередъ, проводникъ) говоритъ: „я пришелъ по важному дѣлу, положите подъ меня подушку, я гость (достойный) подушки“. Послѣ этого хозяева кладутъ за столъ подушку и сватунъ садится на нее. На столъ передъ гостемъ ставятъ масло въ чашкѣ, рѣжутъ хлѣбъ, выносятъ кумышку и начинаютъ его угощать. Онъ говоритъ по какому дѣлу пришелъ и за кого именно сватаетъ ихъ дочь. Хозяева соглашаются, не сразу и сватунъ начинаетъ выхвалять жениха, выставляя на видъ его достоинства: богатство, здоровье, умъ, характеръ и т. п. Послѣ долгаго уговариванія, родители невѣсты говорятъ, что они согласны и что нужно спросить невѣсту. При несогласіи они прямо отказываютъ, говоря, что не отдадутъ. Если невѣста согласна, то она заявляетъ объ этомъ словами и въ знакъ согласія даетъ какую нибудь вещь, большею частью платокъ или полотенце. Сватунъ отправляется домой и передаетъ вещь невѣсты отцу жениха, который, поблагодаривъ его, отправляется къ себѣ домой и говоритъ своимъ семейнымъ, что „слава Богу, дѣвушка дала уже свою вещь“. Нѣкоторые Вотяки, посылая сватуну сватать невѣсту, даютъ ему листового и нюхательнаго табаку, которыми сватунъ угощаетъ семейныхъ невѣсты, отчего и знаютъ, что онъ сватунъ. Табакъ, какъ курительный, такъ и нюхательный, есть непремѣнная принадлежность каждаго сговора и каждой свадьбы; его покупаетъ отецъ жениха и угощаетъ всѣхъ, кто приглашенъ на сговоръ или свадьбу.

Передъ Петровымъ днемъ (въ маѣ—іюнѣ) бываетъ сговоръ. У жениха готовятъ обѣдъ, состоящій изъ каши и мяса; когда обѣдъ готовъ, то съ кашей, мясомъ и кумышкой молятся Богу на дворѣ, потомъ обѣдаютъ и пьютъ кумышку. Послѣ этого двое, обыкновенно отецъ жениха и ктонибудь изъ родственниковъ его, на одной телѣгѣ ѣдутъ къ сватуну. Сватунъ угощаетъ ихъ масломъ, пивомъ и кумышкой. Послѣ этого сватунъ везетъ ихъ къ невѣстѣ на той же лошади, на которой пріѣхали. Пріѣхавши во дворъ къ родителямъ невѣсты, лошадь отпрягаютъ, а сами входятъ въ избу, гдѣ ихъ сажаютъ за столъ. Тутъ опять угощаютъ ихъ масломъ, пивомъ и кумышкой. Въ продолженіи этого времени бываетъ готовъ и обѣдъ. Когда кашу поставятъ на столъ, начинаютъ уговариваться о калымѣ. Договариваются обыкновенно отецъ невѣсты со сватуномъ. Калымъ бываетъ до 75 и 80 рублей. Уговорившись, отецъ жениха выкладываетъ деньги на столъ и всѣ, вставъ изъ-за стола, и съ кашей въ рукахъ, молятся Богу. Послѣ этого ѣдятъ кашу, говядину и начинаютъ пировать. Попировавши вдоволь, возвращаютъ невѣстѣ данный ею сватуну подарокъ, а она вмѣсто него даетъ большое полотенце. Послѣ того благодарятъ хозяевъ пѣнями и начинаютъ собираться домой. Отецъ невѣсты даетъ свату гостинцы, состоящія изъ полбренныхъ хлѣбовъ (бискили), мяса и кумышки, и гости уѣзжаютъ. По пріѣздѣ домой, отецъ жениха зоветъ къ себѣ своихъ родственниковъ и сосѣдей, которыхъ угощаетъ гостинцами привезенными отъ свата. Этимъ и заканчивается сговоръ.

Самая свадьба дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ первая половина бываетъ отъ Петрова дня до лѣтняго праздника Казанской иконы Божіей Матери, а вторая половина—на масленицѣ.

Въ назначенный день отецъ жениха готовитъ обѣдъ—кашу и мясо. Пока готовится обѣдъ, онъ самъ идетъ звать къ себѣ родственниковъ, которые должны ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на свадьбу, и приготовляетъ телѣги. Обыкновенно ѣдутъ въ одномъ тарантасѣ и въ одной повозкѣ. Когда придутъ званые и обѣдъ будетъ готовъ, то молятся на дворѣ ктонибудь изъ семейныхъ жениха, держа въ рукахъ посудину съ кашей: „Осто иѣмарэ, быдым иѣмарэ, жеѣкын мыныса жеѣкын бертытысалыдкэ иѣмарэ, баѣтопо нылмы шудо луысалкэ иѣмарэ“, т. е. боже Осто, великій боже, пусть бы далъ ты намъ ѣхать и возвратиться по добру, боже; дѣвушка, которую мы намѣрены взять, была бы счастливая, боже. Послѣ молитвы идутъ въ избу, повернувшись по солнцу, т. е. съ юга на западъ; потомъ ѣдятъ кашу съ говядиной и пьютъ кумышку. Изъ этому времени запрягаютъ лошадей—въ повозку пару, а въ тарантасъ одну. Ѣдущіе на свадьбу берутъ со стола нѣсколько кусковъ хлѣба и, поминая покойниковъ, бросаютъ эти кусочки въ корытцо поставленное у печки; точно также поминаютъ и кумышкой говоря: „чѣкъ переѣйос, эн кыатгылэ, жеѣ мыныса

жеѣ бертытылэ“, т. е. старики. не трогайте, дайте возможность хорошо ѣхать (туда) и хорошо возвратиться. Послѣ этого все садятся на подушки, посидѣвъ немного встаютъ и помолившись (крестятся), смотря на образа, выходятъ изъ дома. Ѣдутъ четверо: отецъ жениха съ какимъ нибудь мужчиной родственникомъ, холостой братъ его или родственникъ съ дѣвушкой родственницей. Въ повозку садятся паренъ съ дѣвушкой, а въ тарантасѣ отецъ жениха съ родственникомъ, самъ же женихъ остается дома. Сначала прямо ѣдутъ къ сватуну и не отпрягая лошадей, входятъ въ его избу, гдѣ ихъ угощаютъ масломъ и кумышкой. По прїѣздѣ ихъ, сватунъ готовитъ обѣдъ. Когда обѣдъ готовъ, то все молятся, держа опять въ рукахъ посудину съ кашей, слѣдующими словами: „Осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, пыд аажмэ сайкыг карысалыдкэ, иѣмарэ“, т. е. боже Осто, великій боже, сдѣлай передъ ногъ моихъ яснымъ, т. е. направи ноги мои на путь ясный. Послѣ молитвы все садятся за столъ и обѣдаютъ. Къ этому времени приходитъ отецъ невесты, приноситъ съ собой пиво и угощаетъ имъ гостей; сначала подаетъ сватуну, потомъ отцу жениха, при чемъ говорить: „если вкусъ нашего пива понравится вамъ, то пойдете и къ намъ“. Послѣ этого онъ отправляется домой, куда вскорѣ послѣ него ѣдутъ и поѣзжане. Прїѣхавши къ нему во дворъ, гости отпрягаютъ лошадей и идутъ въ избу; тамъ ихъ сажаютъ за столъ. На столъ ставятъ въ чашкѣ масло. Одинъ изъ присутствующихъ, большею частью сватунъ, беретъ ломти хлѣба и, положивъ на нихъ по куску масла, подаетъ всеъмъ присутствующимъ говоря: „пусть будетъ (невеста) какъ масло ласкова и привѣтлива“. Послѣ этого все ѣдятъ масло и пьютъ кумышку. Между тѣмъ готовятъ кашу и подаютъ ее на столъ. Сватъ, отецъ жениха, кладетъ на нее деньги 1 или 3 руб., а иногда 5 или 7 рублей, смотря по своимъ средствамъ, только нужно, чтобы число рублей было нечетное. Послѣ этого все встаютъ и молятся Богу, держа въ рукахъ посудину съ кашей и смотря на образа. Все это бываетъ вечеромъ. Послѣ молитвы садятся за столъ и начинаютъ ѣсть кашу и мясо. Къ этому времени, конечно, не мало бываетъ выпито и кумышки, поэтому гости развеселяются и поютъ пѣсни. Поѣвши и попивши еще немного, гости ходятъ изъ дома въ домъ по сосѣдямъ и также пируютъ, а къ обѣду начинаютъ собираться домой. Тогда у отца невесты готовятъ обѣдъ, одѣваютъ невесту и готовятъ подарки. Когда поѣзжане соберутся опять къ отцу невесты, то на столъ ставятъ кашу и выводятъ невесту, покрытую шалью до того, что лица ея бываетъ вовсе невидно: она раздаетъ подарки поѣзжанамъ: отцу жениха рубашку, другимъ мужчинамъ штаны, а дѣвушкѣ фартукъ. Подарки эти раздаются не самою невестою, а ея замужнею сестрою или женою ея брата (кэнак). Послѣ этого отводятъ невесту въ женскую половину избы и сажаютъ на нары; гости между тѣмъ обѣдаютъ и пьютъ кумышку. Старшій или младшій братъ не-

вѣсты становится передъ ней на колѣни и въ знакъ благодарности поетъ пѣсню, при чемъ всѣ семейные даютъ ей деньги, она же начинаетъ плакать и плачетъ до тѣхъ поръ, пока не выѣдетъ изъ двора родительскаго и даже изъ своей деревни. Попировавши довольно, гости благодарятъ хозяевъ пѣснями, а молодежь въ это время запрягаетъ ихъ лошадей. По окончаніи благодарности пѣснями и словами, поѣзжане выходятъ изъ избы, за ними одна женщина (вицъ кэн кэнак) выводитъ невѣсту. Выведши ее на дворъ, сначала вводятъ въ куалу, оттуда въ хлѣвъ, а потомъ въ сарай и подводятъ къ запряженнымъ уже лошадямъ поѣзжанъ, обводятъ ее три раза кругомъ телѣгъ съ лошадьми, сажаютъ верхомъ на осѣдланную лошадь и везутъ до выѣзда изъ деревни или, если женихъ и невѣста изъ одной деревни, то до двора жениха. Когда проѣдутъ около ста сажень, то позади свадебнаго поѣзда проводятъ ножичкомъ черту такъ, чтобы провожающіе остались по одну, а свадебный поѣздъ по другую сторону черты. потомъ сажаютъ невѣсту въ повозку и везутъ въ домъ жениха.

По приѣздѣ въ домъ жениха, останавливаются у воротъ и высаживаютъ невѣсту изъ повозки, при чемъ кладутъ ей подъ ноги кусокъ холста. Изъ дома выносятъ хлѣбъ и масло и всѣ поѣзжане молятся, стоя лицомъ на югъ: „осто иѣмарэ, бызым иѣмарэ, жес карысалыдкэ; валчэ валчэ улыны кылдытысалыдкэ, иѣмарэ“, т. е. боже Осто, великій боже, сдѣлай хорошо; суди намъ жить вмѣстѣ, боже. Послѣ молитвы всѣ отвѣдываютъ хлѣба съ масломъ и идутъ въ избу. Когда невѣста сойдетъ съ холста и ее поведетъ одна женщина родственница жениха, въ избу, то будущая свекровь ея беретъ холстъ, выковыриваетъ ножичкомъ три раза землю, на которой стояла невѣста, и положивъ эту землю на холстъ, несетъ въ избу. Впослѣдствіи земля эта бросается въ такое мѣсто, откуда не могутъ достать или увидеть ея люди, напр.: на подволоку (чердакъ), въ подполье и т. п. Нѣкоторые вовсе не выковыриваютъ землю, а оставляютъ ее на мѣстѣ, сдѣлавши на пей черточку ножичкомъ въ видѣ креста. Это все дѣлается для того, чтобы вѣдунъ не могъ взять землю, на которую ступила молодушка, и напустить посредствомъ этой земли порчу на семейныхъ невѣсты или на нее самое. Невѣсту сначала вводятъ въ хлѣвъ, а потомъ въ избу. Нѣкоторые вводятъ невѣсту изъ хлѣва прямо въ клѣтъ и надѣваютъ на нее полушубокъ и ашъянъ, покрытый тремя платками (сулык), иначе, если покрыть ашъянъ однимъ платкомъ, то говорятъ, что житье ея будетъ плохое; потомъ вводятъ въ избу. Нѣкоторые же совершаютъ этотъ обрядъ, выведя невѣсту изъ избы въ клѣтъ. Когда ее одѣнутъ, то одна женщина наряжается молодушкой и, входя три раза въ избу, пляшетъ, причемъ присутствующіе спрашиваютъ ее: „чья это свадьба?“ Она называетъ жениха. Послѣ этого невѣсту вводятъ въ избу и когда она идетъ въ избу, то одинъ па-

рень кладетъ у порога съ наружной стороны вѣтку хвойнаго дерева, а на нее кусокъ холста. Невѣста, ступая на этотъ холстъ, роняетъ на него мелкую мѣдную монету; парень положившій холстъ поднимаетъ вмѣстѣ съ нимъ и монету, а еловую вѣтку бросаютъ на крышу куалы. Введя въ избу невѣсту сажаютъ на нары, кладя подъ нее подушку, которую впоследствии она беретъ себѣ. Послѣ этого зовутъ родственниковъ на свадьбу и готовятъ обѣдъ. Парни запрягаютъ лошадь и ѣздятъ по деревнѣ крича: „суан јуны мыкэлэ!“ т. е. идемте праздновать (собств. пить) свадьбу.

Тогда же зовутъ крестныхъ отца и мать (восприемниковъ) жениха, которыхъ сажаютъ въ передній уголъ и заставляютъ распорядиться пиромъ. Послѣ этого ставятъ на столъ приготовленные кушанья и гостинцы, привезенныя отъ свата, и начинаютъ молиться Богу, причемъ какъ кушанья, такъ и гостинцы берутъ со стола въ руки; молитва состоитъ изъ слѣдующаго: „осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, ваемъ каѣмэе жеѣ карысалыдкэ, валчэ-валчэ улыны кылдытысалыдкэ“, т. е. боже Осто, великій боже, сдѣлай хорошимъ (благослови) привезенный нами хлѣбъ и суди намъ жить вмѣстѣ. Послѣ молитвы крестный отецъ жениха, котораго называютъ *тѣр нукиѣ*—сидящій въ переднемъ углу, наливаетъ въ стаканъ привезенную отъ свата водку и подноситъ жениху. Тутъ только впервые женихъ начинаетъ принимать участіе въ своей свадьбѣ, и то не всѣ женихи успѣваютъ явиться домой съ работы раньше вечера. При мнѣ была одна свадьба, на которую женихъ пріѣхалъ съ мельницы только къ тому времени, когда слѣдовало уложить молодыхъ спать, слѣдовательно, онъ безъ зазрѣнія совѣсти могъ бы сказать „безъ меня меня женили,—я на мельницѣ былъ“.

Послѣ жениха сидящій въ переднемъ углу угощаетъ этой водкой всѣхъ присутствующихъ. Въ это время женщина, введившая невѣсту въ избу, беретъ въ руку хлѣбъ, испеченный изъ полбенной или ячменной муки (бискили), а невѣста беретъ стаканъ пива и подноситъ отцу жениха; отецъ жениха, стоя или сидя, выпиваетъ стаканъ и, положивъ въ него деньги, возвращаетъ невѣстѣ. Поднося стаканъ, невѣста и женщина держащая хлѣбъ становятся на колѣни. Такимъ образомъ онѣ подносятъ всѣмъ присутствующимъ; собранныя же деньги невѣста оставляетъ себѣ. Послѣ этого начинаютъ ѣсть кашу и пировать.

По окончаніи пированія, жениха съ невѣстой ведутъ въ клѣтъ (кэнае), куда несутъ масло въ чашкѣ и хлѣбъ. Постлавши на нары скатерть, хлѣбъ и масло ставятъ на нее, а жениха съ невѣстой сажаютъ по обѣ стороны скатерти; при этомъ одинъ парень стелетъ постель. По приготовленіи постели, присутствующіе парни берутъ въ руки хлѣбъ и масло и отъ имени жениха начинаютъ молиться. Молитва ихъ состоитъ изъ перемѣшиванія имени Божія съ самыми неблагопри-

стойными пожеланіями. Послѣ такого кощунства жениха съ невѣстой сажаютъ на прежнія мѣста на подушки; одинъ парень, отрѣзавъ ломтикъ хлѣба, накладываетъ на него довольно толстый слой масла и подаетъ жениху, тотъ, откусивъ, подаетъ невѣстѣ; такимъ образомъ они откусываютъ каждый три раза. Послѣ этого выносятъ изъ избы кашу, пиво и кумышку, которыя ѣдятъ и пьютъ также какъ и масло съ хлѣбомъ, отвѣдывая каждое по три раза. Остатки кушаній и напитковъ никому не даютъ, а на другой день съѣдаютъ и выпиваютъ сами молодые. Когда такимъ образомъ молодые поѣдятъ и попьютъ, женихъ ложится на постель, а невѣста прячется въ одинъ уголь клѣтки; одинъ изъ присутствующихъ молодыхъ парней ловитъ невѣсту и, обхвативъ ее станъ обѣими руками, поднимаетъ ее и кладетъ на постель рядомъ съ женихомъ. Немало бываетъ при этомъ смѣха, разныхъ безнравственныхъ пожеланій и пѣсенъ, послѣ чего парни покрываютъ молодыхъ шубой и уходятъ. Женихъ, вставъ съ постели, запираетъ изнутри дверь клѣтки и опять ложится. На другой, или на третій послѣ этого день (а иногда черезъ нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ) молодыхъ везутъ въ церковь вѣнчаться. Вслѣдъ затѣмъ тоже пируютъ, при чемъ никакихъ особенныхъ обрядовъ не бываетъ.

Какъ сказано было выше, на невѣсту, тотчасъ по приѣздѣ въ домъ жениха надѣваютъ ашьянъ — женскій головной уборъ. Ашьянъ и платокъ на ашьянѣ (сулык) молодухи бываетъ больше ашьяна (по малмыжскому нарѣчію айшон) женщины прожившей больше года замужемъ. Бахрома, которой обшивается сулыкъ, закрываетъ у молодухекъ почти все лицо, тогда какъ у женщинъ, прожившихъ замужемъ больше года, она спускается только до глазъ. При сниманіи съ молодухи ея молодухина ашьяна и при надѣваніи обыкновеннаго женскаго ашьяна бываютъ особые обряды, называемые *сулыкъ коскон* — сниманіе платка. Сниманіе ашьяна бываетъ спустя 1—6 мѣсяцевъ послѣ совершенія первой половины свадьбы и состоитъ изъ слѣдующаго.

Въ назначенный день въ домъ молодухи зовутъ музыканта, играющаго на скрипкѣ, гармоникѣ, или гусяхъ и парня, имѣющаго принять участіе въ будущей половинѣ свадьбы въ качествѣ младшаго дружка жениха (покчи казак). Молодушка готовитъ обѣдъ, состоящій изъ лапши и мелкихъ пельменей, начинкой которыхъ бываетъ мука, соль, крупа, конопляное сѣмя, перецъ, горохъ, тѣсто и т. п. При рѣзаніи лапши изъ-подъ ножа молодухи будущій младшій дружка отнимаетъ отрѣзанную лапшу, при чемъ молодуха ударяетъ тупой стороной ножа ему по пальцамъ, (нѣкоторыя молодухи ударяютъ лезвиемъ и причиняютъ иногда довольно значительныя раны). Когда обѣдъ готовъ, то зовутъ род-

ственниковъ и крестныхъ отца и мать жениха, изъ которыхъ первый садится въ переднемъ углу въ мужской половинѣ избы, а вторая въ женской половинѣ. Послѣ изготавленія кушаній, ихъ ставятъ на столъ. Молодушка къ этому времени одѣвается въ свою лучшую одежду и надѣваетъ свой ашьянъ, а другой, предназначенный для ношенія на будущее время, приготавляетъ и кладетъ въ женской половинѣ избы; потомъ беретъ приготавленный ашьянъ и входитъ въ промежутокъ между печью и стѣною и стоитъ тамъ. Музыканта заставляють играть. Будущій дружка идетъ къ молодушкѣ, снимаетъ съ нея ашьянъ и, надѣвъ на себя, пляшетъ; послѣ пляски въ томъ же интересномъ нарядѣ подходитъ къ сидящему въ переднемъ углу, который подаетъ ему стаканъ водки. Потомъ дружка опять пляшетъ и подходитъ къ женѣ сидящаго въ переднемъ углу, которая тоже даетъ ему стаканъ водки, поплясавши еще разъ, дружка идетъ къ молодушкѣ и снявъ съ себя ашьянъ надѣваетъ на нее, а самъ беретъ ашьянъ, приготавленный для ношенія послѣ сего обряда и, подпоясавшись имъ, начинаетъ опять плясать, послѣ чего садится за столъ, и всѣ пируютъ. По окончаніи пира дружка уноситъ съ собой ашьянъ на поясѣ, а на другой день рано утромъ приноситъ его опять къ молодушкѣ; при этомъ его угощаютъ кумышкой и онъ возвращаетъ ашьянъ молодушкѣ, которая даритъ его кошелькомъ для денегъ или кисетомъ для табаку.

По прошествіи осенняго праздника Казанской иконы Божіей Матери, въ назначенный день у молодушки готовятъ обѣдъ, состоящій изъ лапши и говядины. Къ обѣду зовутъ гостей и крестныхъ отца и мать жениха. Обѣдъ готовитъ молодушка. Когда придутъ гости, молодушка угощаетъ ихъ пивомъ и кумышкой, послѣ чего ставятъ на столъ лапшу и мясо. Молодушка съ одною родственницей подносятъ каждому присутствующему лапшу уполовникомъ (дѣры), а сами становятся передъ нимъ на колѣни. Первому подноситъ молодушка своему свекору, а потомъ, по старшинству лѣтъ, всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого всѣ присутствующіе, выливая по ложкѣ лапши въ корытцо, поставленное у печки, поминають покойныхъ. Потомъ запрягаютъ лошадь, и свекоръ со свекровью везутъ молодушку къ родителямъ ея гостить. Тамъ ночуютъ одну ночь. Родители ея даютъ въ приданое за ней гуся и утку, которыхъ увозятъ свекоръ со свекровью, а молодушка остается у родителей до зимней половины свадьбы. Она по приѣздѣ къ родителямъ бросаетъ носить ашьянъ и носить только платокъ, повязывая его подѣвичьи, а надѣвать уже *такю*—дѣвичій головной уборъ, ей нельзя.

Оставаясь у родителей около 3—4 мѣсяцевъ, молодушка начинаетъ жить вполне дѣвичьей жизнью: ходитъ на вечерки, на нардуганъ и т. п. сборища

молодыхъ людей. Она вполнѣ пользуется свободой и еще больше прежняго начнетъ развратничать, не боясь уже беременности, потому что имѣетъ въ оправданіе мужа. Мужъ же ея съ своей стороны тоже не упускаетъ случая насладиться прелестями вольной холостой жизни. Такова вѣрность молодыхъ супруговъ!

Передъ масляницей готовятъ по 15 ведеръ кумышки и пива и приготавливаютъ разныя кушанья. Въ первый день масляницы у жениха готовятъ обѣдъ и зовутъ на него родныхъ, которые должны принимать участіе въ свадьбѣ. Родные пріѣзжаютъ къ нимъ на саняхъ, совершенно готовыми ѣхать на свадьбу. По пріѣздѣ лошадей не отпрягаютъ. Хозяинъ угощаетъ родственниковъ водкой, пивомъ, кумышкой и разными кушаньями. Когда каша будетъ готова, хозяинъ выходитъ съ ней на дворъ и молится, стоя лицомъ на югъ: просить Бога, чтобы онъ далъ возможность хорошо съѣздить къ свату, чтобы онъ хранилъ ихъ самихъ и лошадей ихъ отъ всякаго зла. Послѣ молитвы всѣ начинаютъ ѣсть и пить. Потомъ всѣ встаютъ изъ-за стола и подъ музыку начинаютъ плясать; пляшутъ двое мужчинъ и одна женщина до трехъ разъ. Къ этому времени приготавливаютъ лошадей, и собирающіеся ѣхать всѣ встаютъ и, помолясь (крестятся) передъ образами, выходятъ на дворъ. Впереди ѣдетъ старшій дружка (*быдзым казакъ*) съ одною дѣвушкой, а за ними всѣ поѣзжане безъ разбора; поѣздъ заключаетъ собой отецъ жениха. Ёдутъ прямо къ сватуну и не отпрягая лошадей входятъ въ избу, гдѣ немного пируютъ. Сватунъ готовитъ обѣдъ и когда обѣдъ будетъ готовъ, то приходитъ отецъ невесты съ пивомъ, которымъ угощаетъ гостей говоря: „если вкусъ нашего пива понравится вамъ, то пойдете и къ намъ“. Послѣ обѣда всѣ пляшутъ и потомъ всѣ садятся въ свои сани и отправляются въ домъ невесты. Когда въѣдутъ во дворъ, то отпрягаютъ лошадей и старшій дружка ѣдетъ къ сосѣдямъ за огнемъ, гдѣ даетъ за огонь денегъ— одну копѣйку. Принесши огня, поѣзжане раскладываютъ среди двора одинъ или нѣсколько костровъ и стоятъ, грѣясь до тѣхъ поръ, пока не вынесутъ изъ избы масла и хлѣба. По вынесеніи ихъ, всѣ становятся лицами на югъ и молятся; послѣ молитвы всѣ гости отвѣдываютъ масла и хлѣба и хозяева приглашаютъ ихъ войти. Вошедши въ избу, они не идутъ дальше матицы. Тутъ бываетъ старшая сестра или тетка молодухи съ мужемъ, которыхъ называютъ „*алдыр удъ-лѣ*“, т. е. подносящіе (напитки) раньше всѣхъ. Мужъ подноситъ гостямъ водку, а жена пиво. Старшему дружкѣ и дѣвушкѣ, пріѣхавшей съ нимъ, подаютъ первымъ, и послѣ всѣхъ сажаютъ за столъ. Прежде всего ставятъ на столъ масло, водку и пиво и начинаютъ готовить обѣдъ. Когда обѣдъ будетъ готовъ, его приносятъ и ставятъ на столъ въ чашкахъ; хозяинъ дома беретъ въ руки кашу и, выйдя на дворъ, молится: „Осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, кѣдойнсыз жескын

аыктыса жеҥкын бертытысалыдкэ“, т. е. боже Осто, великій боже, сваты хорошо пріѣхали, дай имъ (возможность) хорошо возвратиться. Послѣ молитвы вноситъ кашу въ избу, ставитъ на столъ и самъ отвѣдываетъ ее первый, послѣ чего приглашаетъ гостей ѣсть. Гости принимаются за ѣду, между прочимъ и попиваютъ немного. Послѣ каши ставятъ на столъ говядину. Потомъ сватунъ встаетъ съ мѣста и начинаетъ пѣть: „чалэ люкаҥкыса пыржалом, айгай, жягжэг пи тайос мед муозы, айгай; ты куйосмы кэдымозкэ, айгай, ог туган тайос мед шуозы, айгай“, т. е. давайте собравшись пѣть, айгай; пусть скажутъ: это гусята (шумятъ), айгай; если эти напѣвы наши будутъ согласны, айгай, пусть скажутъ: это родные (собств. родившіеся отъ однихъ родителей), айгай. Послѣ пѣсенъ гостей пріѣхавшихъ со стороны жениха приглашаютъ гости, пришедшіе со стороны невесты къ себѣ ночевать. Каждый родственникъ молодухи, живущій въ одной деревнѣ съ ея родителями, зоветъ къ себѣ одного родственника жениха и въ знакъ того, что позванный поидетъ, беретъ у него кольцо или перстень. Молодушка въ это время бываетъ у когонибудь изъ сосѣдей. Старшій дружка съ нѣкоторыми другими поѣзжанами берутъ въ руки хлѣбъ съ масломъ и съ пѣснями отправляются къ сосѣду, чтобы привести молодуху домой. Пришедши туда, хлѣбъ съ масломъ ставятъ на столъ, потомъ опять берутъ въ руки и молятся Богу. По молитвѣ, рѣжутъ ломоть хлѣба и, намазавъ на него толстый слой масла, несутъ къ молодухѣ, которая въ это время находится между печью и стѣною въ промежуткѣ, и, подавая ей ломоть, поютъ: „Кузон но сурэс тати-а! айгай! Милям саскамы татын-а! айгай! Милям саскамы татын-а! айгай! Саска охсана јам ѓвѓл, айгай!“ т. е. Здѣсь ли дорога въ Казань? Здѣсь ли нашъ цвѣтокъ? Здѣсь ли цвѣтокъ нашъ? Безъ цвѣтка нѣтъ веселья (собств. јам—красота). При этомъ старшій дружка даетъ молодухѣ одну копѣечную монету, послѣ чего она отправляется вмѣстѣ съ пришедшими въ домъ своего отца. Пришедши домой, она наливаетъ въ стаканъ пиво и поднося свекору, сама становится передъ нимъ на колѣна, вмѣстѣ съ ней становятся и всѣ поѣзжане. Такъ она подноситъ всѣмъ присутствующимъ и передъ всѣми становится на колѣна. Послѣ этого всѣ гости идутъ ночевать къ тѣмъ, кто ихъ звалъ, у отца молодухи остается только ея свекоръ. Молодушка передъ уходомъ гостей спрашиваетъ у всѣхъ, кто у кого будетъ ночевать.

На другой день рано утромъ молодуха беретъ кувшинъ пива и, ходя по квартирамъ поѣзжанъ, угощаетъ всѣхъ пивомъ. Напивши всѣхъ гостей, идетъ домой и подноситъ свекору стаканъ пива, сама же становится передъ нимъ на колѣна. Къ обѣду всѣ поѣзжане возвращаются въ домъ отца невесты, гдѣ под-

неся свату стаканъ водки, становятся передъ нимъ на колѣни и поютъ: „кўскад но кэртэм бурчинь путоед, айгай, укоен кюртэм интыез ваң, айгай; пыремэ тыриҫ уҫкыҫко, айгай, кузон купеслэн тўсэз ваң, айгай!“ т. е. на шелковомъ кушакѣ, которымъ ты подпоясанъ, есть мѣста отдѣланныя позументомъ; смотрю на тебя, съ тѣхъ поръ, какъ вошелъ, — (въ тебѣ) есть подобіе (тўс—черты лица, образъ) казанскаго купца. При этомъ поется не исключительно одна эта пѣсня, а можетъ быть замѣнена какою нибудь другою, подходящей, по мнѣнію поѣзжанъ, къ настоящему случаю. Въ другихъ вышеупомянутыхъ случаяхъ, пѣсни поются исключительно тѣ, какія приведены здѣсь. Послѣ пѣсни гости садятся пить чай. Послѣ чаю начинаютъ пировать съ пѣснями, такъ пируютъ до вечера. Ходятъ по сосѣдямъ изъ дома въ домъ и тоже пируютъ. Вечеромъ возвращаются опять къ свату, гдѣ молодушка раздаетъ всѣмъ подарки: свекору даетъ рубашку, другимъ мужчинамъ штаны, а женщинамъ и дѣвушкамъ фартуки, дружкамъ, старшему и младшему, — коротенькія полотенца. Подарки раздаетъ она вмѣстѣ съ своей замужней сестрой или теткой, или же съ женою своего брата (кэнак), которая беретъ въ руки коровой хлѣба, на него кладетъ подарокъ (кужым) и, поднося кому слѣдуетъ, вмѣстѣ съ молодушкой становится на колѣна. Послѣ раздачи подарковъ всѣ поѣзжане вмѣстѣ поютъ разныя пѣсни. Потомъ всѣ берутъ въ руки по пустому стакану и идутъ въ другую избу или въ подполье, гдѣ хранится водка въ бочкахъ; тамъ алдыр удъяс (т. е. подносящій раньше всѣхъ), всѣмъ наливаетъ изъ бочекъ по стакану кумышки и по стакану кабацкой водки; обрядъ этотъ называется *выж-улэ мырон*, т. е. входженіе въ подполье. Послѣ этого начинаютъ пѣть пѣсни и всѣ идутъ къ сосѣдямъ, звавшимъ ихъ, почевать. На другой день утромъ возвращаются къ свату, гдѣ пьютъ чай, обѣдаютъ и опять принимаются за пѣсни. Послѣ обѣда ходятъ, пируя, изъ дома въ домъ; при этомъ меньшей дружка беретъ въ руку среднюю часть вотяцкой прялки (*кубо модос*), къ которой въ каждомъ домѣ дѣвушки или хозяева привязываютъ ленточки. Такъ ходятъ цѣлый день. Вечеромъ возвращаются къ свату и затѣмъ всѣ ночуютъ у него. Ночью всѣ строятъ другъ надъ другомъ разныя штуки, напримѣръ: привязываютъ къ ногамъ спящихъ старые лапти, пришиваютъ рубашку спящаго къ подушкѣ или спящихъ рядомъ пришиваютъ за рубашки одного къ другому. Вся ночь проходитъ въ такихъ и подобныхъ шуткахъ. На другой день рано утромъ поѣзжанъ уводятъ къ себѣ сосѣди, у которыхъ они остаются почти до полудня. Около полудня всѣ возвращаются съ пѣснями къ свату, у котораго къ этому времени бываетъ готовъ обѣдъ. Когда обѣдъ поставятъ на столъ, поѣзжане идутъ на дворъ и разсыпаютъ тамъ около пудовки овса, потомъ всѣ выводятъ своихъ лошадей на дворъ и съ пѣснями

стоять, смотря какъ ѣдятъ лошади. Когда лошади съѣдятъ овесъ, поѣзжане идутъ въ избу и тоже обѣдаютъ. Когда съѣдятъ кашу, то все поѣзжане выходятъ изъ-за стола прямо на нары, гдѣ стоятъ до тѣхъ поръ, пока алдырь удьясь принесетъ два полуштофа водки и раздастъ имъ. Выпивши два полуштофа водки и поѣвши говядины, поданной сватуномъ тоже на нары, поѣзжане слѣзаютъ съ наръ и одѣвшись идутъ на дворъ запрягать лошадей. Потомъ опять идутъ въ избу и совѣмъ собравшись выходятъ на дворъ и стоятъ тамъ съ пѣснями до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ нихъ вынесутъ вещи и выведутъ молодушку. Старшій казакъ (дружка) и сватунъ идутъ въ избу за периной молодушки; выпивъ тамъ по стакану водки они выходятъ ни съ чѣмъ. Такъ входятъ они два раза и въ третій разъ выносятъ перину; при этомъ перину охраняетъ кто нибудь изъ молодыхъ родственниковъ молодушки, которому старшій дружка даетъ мелкую мѣдную монету. Въ это время меньшаго дружку привязываютъ къ столбу, гдѣ онъ поетъ, прося водки: „вайелэ мыным анданзэ, айгай, анданзэ јуэмэ потэдыр, агай“, т. е. давай-те мнѣ сталь, я хочу пить сталь. Ему подносятъ кумышку, но онъ не пьетъ ея и опять повторяетъ свою пѣсню. Здѣсь младшій дружка, прося сталь, сравниваетъ водку кабацкую и кумышку со сталью и желѣзомъ, такъ какъ водка кабацкая крѣпче кумышки также, какъ сталь крѣпче желѣза. Ему подносятъ въ небольшой чашкѣ водку кабацкую, которую онъ выпиваетъ и кладетъ чашку за пазуху; такъ онъ увозитъ ее съ собой домой и даетъ впоследствии молодушкѣ. Затѣмъ происходитъ слѣдующее: дружку отвязываютъ и онъ даетъ копѣчную монету отвязавшему его; сватунъ и меньшей дружка идутъ въ избу за сундукомъ молодушки, за которымъ тоже входятъ три раза, какъ и за периной, а охраняющему сундукъ тоже даютъ копѣжку, и выводятъ молодушку, за которой тоже входятъ три раза. Выведя ее, обводятъ три раза кругомъ саней, на которыхъ ее повезутъ, потомъ сажаютъ ее въ сани; поѣзжане тоже все сажаются въ свои сани и выѣзжаютъ. Отѣхавши немного по выѣздѣ изъ двора, старшій дружка проводитъ черту ножичкомъ поперегъ дороги между свадебнымъ поѣздомъ и провожающими. При всѣхъ выѣздахъ свадебнаго поѣзда изъ двора наблюдаютъ, чтобы между санями не прошелъ кто нибудь поперегъ дороги. По возвращеніи въ домъ жениха, все поѣзжане отправляются на своихъ лошадяхъ по домамъ; если поѣзжане изъ другой деревни, то ночуютъ у жениха, а если изъ своей деревни, то отпрягнувъ лошадей, идутъ пѣшкомъ опять къ жениху. На лошади отца жениха, молодые парни ѣзжаютъ по деревнѣ крича „суан јуыны мынылэ!“ т. е. идите праздновать (собственно пить) свадьбу!

Собравшись вторично въ домъ жениха, поѣзжане подносятъ матери его стаканъ пива, а сами, становясь на колѣна передъ ней, поютъ пѣсню. Также под-

носить и самому жениху. Къ этому времени готовятъ кашу, и когда ее поставятъ въ чашкѣ на столъ, то молодушка даетъ жениху и его матери подарки: жениху рубашку, штаны и поясъ (кѣс картон), матери его тоже рубашку (дэрэм), которыя какъ тотъ, такъ и другая, тотчасъ надѣваютъ на себя. При раздачѣ молодушка вынимаетъ подарки изъ сундука и подаетъ одной женщинѣ, которая передаетъ ихъ кому слѣдуетъ. Послѣ этого всѣ садятся за столъ, ѣдятъ кашу и, попировавъ, расходятся по домамъ. Потомъ молодые люди, парни и дѣвушки, укладываютъ молодыхъ спать въ клѣти, какъ это дѣлаютъ и въ лѣтнюю половину свадьбы. На другой день прежде всего молодушка идетъ за водой, потомъ работаетъ кое-какую домашнюю работу, а около полудня присоединяется къ поѣзжанамъ и пируя, ходитъ съ ними изъ дома въ домъ. Поѣзжане же утромъ въ этотъ день собираются къ свату, потомъ идутъ къ сватуну (если онъ живетъ въ одной деревнѣ съ женихомъ) и отъ него ко всѣмъ, кто былъ на свадьбѣ въ качествѣ поѣзжанъ; это называется *нергэ вэтлон*, т. е. хожденіе по порядку. Когда обойдутъ всѣхъ, кто былъ на свадьбѣ, то опять собираются къ жениху, гдѣ благодарятъ всѣхъ пѣснями и расходятся по домамъ. Этимъ и оканчивается свадьба.

Молодушка въ первое время не говоритъ со старшимъ братомъ мужа, съ его отцемъ и при нихъ не говоритъ вслухъ ни съ кѣмъ. Для того чтобы заставить ее говорить готовятъ обѣдъ, зовутъ родственниковъ и сосѣдей, и при нихъ молодушка даетъ тому, съ кѣмъ не говоритъ рубашку или штаны, при чемъ произноситъ: „мэ агайзы“ или „мэатайзы“, смотря по тому, кому даетъ, т. е. если даетъ брату, то говоритъ: мэ агайзы—на, братъ, а если свекору—мэ, атайзы, т. е. на, отецъ. Подарокъ она перекладываетъ съ руки на руку. Большею частью молодушка подаетъ подарокъ молча. Послѣ этого бываетъ, конечно, небольшой пиръ, и гости расходятся по домамъ, а молодушка начинаетъ съ того времени говорить съ тѣмъ, кому дала подарокъ.

Въ приданое за молодушкой назначаютъ родители разную скотину, которую даютъ не тотчасъ по выходѣ замужъ, а тогда, когда захотятъ, или когда будетъ возможность. При полученіи обѣщанной скотины, молодые ѣдутъ къ родителямъ молодой и везутъ съ собой гостинцы, состоящія изъ лепешекъ, говядины и кумышки. При этомъ если бы обстоятельства требовали отвоза такихъ же гостинцевъ другимъ роднымъ,—не везутъ, иначе взятое въ приданое животное не будетъ распложаться. По привозѣ гостинца, помолясь, сѣдаютъ его. Послѣ этого тестъ устраиваетъ обѣдъ, и по окончаніи его идутъ въ хлѣвъ, откуда выводятъ обѣщанную скотину. Жена зятя, т. е. дочь хозяина дома, привозитъ съ собой около 1½ аршина холста, который разстилаютъ на спинѣ животного и на который зять кла-

деть мелкую серебряную монету. Послѣ этого одинъ изъ семейныхъ тестя полою своей одежды беретъ животное за веревку, привязанную къ его шеѣ и передаетъ зятю, который беретъ за веревку тоже полою. Послѣ этого животное оставляютъ въ саняхъ, или привязавши къ санямъ, а сами идутъ обѣдать. Послѣ обѣда уѣзжаютъ и увозятъ съ собой животное. При отвозѣ животнаго, даннаго въ приданое, соблюдаютъ обычай никого не сажать въ сани изъ постороннихъ лицъ,—иначе скотина не будетъ распложаться.

Съ такими же обрядами даютъ молодымъ скотину, большею частью овцу; всѣ поѣзжане бывшіе на свадьбѣ и получившіе въ подарокъ рубашку или штаны.

Корка суан.

При закладкѣ новаго дома, положивши въ основаніе бревенъ шесть, приносятъ рябиновую палку и втыкаютъ въ средину основаннаго дома. Рябиновая палка, по вѣрованію Вотяковъ, охраняетъ отъ порчи вѣдуновъ. Послѣ этого варятъ кашу. Когда каша будетъ готова, то одинъ мужчина беретъ коровой хлѣба, другой чашку каши и молятся Богу тоже внутри основаннаго дома, потомъ садятся тутъ же и съѣдаютъ кашу. Въ это время сосѣди приносятъ каждый по немного муки, изъ которой хозяева впослѣдствіи пекутъ хлѣбы и ѣдятъ только одни семейные.

Когда домъ совсѣмъ готовъ, и печка уже сложена, то дѣлаютъ такъ называемую свадьбу дома (корка суан). При этомъ зовутъ къ себѣ сосѣдей, одного изъ которыхъ сажаютъ въ переднемъ углу и называютъ тѣр пукис—сидящій въ переднемъ углу. Всѣ сосѣди приносятъ съ собой хлѣбы и кумышку. Къ этому дню хозяева готовятъ въ 2—3-хъ ведерной бочкѣ кумышку, и перевязавъ ее новымъ поясомъ, вручаютъ въ руки сидящему въ переднемъ углу; поясъ этотъ называется эгес=обручъ. Мужчина принявшій боченокъ, развязавъ поясъ, подпоясывается имъ и угощаетъ кумышкой всѣхъ присутствующихъ, поясъ же оставляетъ себѣ. Въ это время хозяева варятъ гуся и кашу, и когда кушанье готово и принесено на столъ, то гости кладутъ на коровой хлѣба деньги, поздравляя новый домъ словами: „винь корка шудо-буро медло“, т. е. новый домъ да будетъ счастливъ. Нѣкоторые вбиваютъ мѣдныя монеты въ матицу дома, говоря тѣ же слова. Деньги эти называются *могежъ* и тратятся на семейные расходы за исключеніемъ расходовъ дочерей; если же онѣ будутъ истрачены на дочерей, то у послѣднихъ должны болѣть глаза. Попировавши вдоволь, гости расходятся по домамъ.

По построеніи новаго дома, при первой возможности приносятъ въ жертву хозяину дома (корка кужо) чернаго барана или какую нибудь домашнюю птицу, за исключеніемъ курицы и пѣтуха. Жертва приносится въ подпольѣ. Послѣ молитвы, части каши и мяса зарываютъ въ серединѣ подполья въ землю, при чемъ говорятъ: „тани си но јѹ, милемыз эн дѣты“, т. е. вотъ ѣшь и пей, а насъ не трогай.

По построеніи дома Вотяки, по возможности, скорѣе стараются отдѣлать новый домъ, къ чему ихъ побуждаютъ, можетъ быть, нѣкоторыя необходимости, но иногда и суевѣріе. Когда въ новой избѣ поставятъ печку, то Вотяки какъ можно скорѣе стараются окрасить ее въ бѣлый цвѣтъ известкой. Если печку оставить не окрашенною, то люди, у которыхъ потѣютъ руки, приходятъ въ новый домъ и дотронувшись рукой до печки говорятъ: „пустъ потѣніе моихъ рукъ перейдетъ къ новой печи“. Тогда, по вѣрованію Вотяковъ, у того человѣка руки перестаютъ потѣть, а въ новомъ домѣ бываетъ всегда сырость. Кромѣ того, когда новый домъ совѣзмъ готовъ, то Вотяки стараются, чтобы кто нибудь изъ семейныхъ ночевалъ въ новомъ домѣ, а если домашніе уѣдутъ куда нибудь и ночевать въ новомъ домѣ некому, то приглашаютъ сосѣдей. Если послѣ сложенія печки не ночевать въ новомъ домѣ, то, по мнѣнію Вотяковъ, въ такомъ домѣ помѣщается *пери*, котораго послѣ трудно бываетъ изгнать. Узнать присутствіе пери въ домѣ можно изъ того, что такой домъ зимою сильно трещитъ, и трескъ этотъ походитъ иногда на ружейный выстрѣлъ. Кромѣ того, присутствіе пери можно узнать изъ того, что люди спящіе въ этомъ домѣ видятъ дурные сны.

Обряды, относящіеся къ рожденію ребенка.

Передъ временемъ рожденія беременная женщина обыкновенно приготовляетъ кумышку, пиво и коровье масло. До рожденія ребенка все это хранится въ цѣлости, т. е. нисколько не пьютъ напитковъ и не ѣдятъ масла. По рожденіи ребенка готовятъ въ избѣ пиво, кумышку и масло и зовутъ сосѣдей, предупреждая ихъ, что зовутъ въ гости къ новорожденному ѣсть масло. Званные приносятъ съ собой деньги. Когда придутъ гости, то съ пивомъ, кумышкой и масломъ молятся Богу, послѣ чего повивальная бабка объявляетъ имя новорожденнаго, которое дается самой бабкой и называется вотяцкимъ (утморт ним) или баннымъ (мунчо ним) именемъ. Имена эти бываютъ или мухаммеданскія, или православныя, или же просто вотяцко-языческія. Изъ именъ вотяцкихъ болѣе употребительныя слѣдующія: мужскія Туктар—отъ татарскаго слова *туктамик* = остановиться; это имя дается большею частью тогда, когда дѣти не живутъ или

когда родильницѣ не хочется больше рождать; Сабанчи—дается родившемуся во время сѣянiя ярового и по-татарски значитъ: сѣющій яровое; Перей—дается родившемуся во время пашни и происходитъ отъ вотяцкаго слова *геры*—соха, пашня; Уракай—дается родившемуся во время жатвы, отъ татарскаго слова *урак*—серпъ, жатва. Женскiя имена тоже похожи на мужскiя: Туктастон—дается по однимъ причинамъ съ мужскимъ именемъ Туктар и происходитъ отъ одного съ нимъ слова; Фаскабей—отъ вотяцкаго слова *фаска*—цвѣтокъ.

По объявленiи имени новорожденнаго, бабушка беретъ въ ротъ кусокъ масла и чернаго хлѣба и разжевавъ, даетъ новорожденному. Гости, начиная ѣсть масло, кладутъ на него деньги, желая новорожденному здоровья, богатства и т. п. Мать ребенка беретъ эти деньги и хранитъ ихъ до совершеннолѣтiя его; тогда, если ребенокъ женскаго пола, мѣняетъ эти деньги на серебро и даетъ пришить къ *камали*, (нитка серебряныхъ монетъ, надѣваемая женщинами и дѣвучками Вотячками) или *тань* (шапочка очень похожая на мухаммеданскую тибетейку, украшенная бусами, оловянными кружечками, серебряными монетами и разными лоскутками ситца, и носимая дѣвучками-Вотячками). Если ребенокъ мужскаго пола, то мать его хранитъ эти деньги до его свадьбы и потомъ вручаетъ ихъ его женѣ. Дня черезъ три послѣ рожденiя ребенка крестятъ, послѣ чего начинаютъ звать его православнымъ именемъ: впрочемъ это зависитъ отъ желанiя родителей,—иногда случается такъ, что человекъ до самой его смерти называютъ баннымъ именемъ.

Около мѣсяца послѣ рожденiя ребенка обѣщаютъ принести въ жертву его ангелу (*нуны кылчиң*—ангелъ ребенка) бѣлаго барана. Обѣщанiе это происходитъ слѣдующимъ образомъ. Въ назначенный день утромъ варятъ кашу и говядину и зовутъ сосѣдей ѣсть *нуны шыд*—угощенiе ребенка. При этомъ непременно бываетъ кумышка и пиво. Гости и на этотъ разъ несутъ съ собой деньги, чтобы при пожеланiи ребенку всякихъ благъ, положить ихъ на хлѣбъ. Когда каша готова, то одинъ изъ мужчинъ—семейныхъ ребенка молится съ ней на дворѣ: „Осто иңмарэ, тани мон та нуныелэн јырыскыз тынды, тонэ бурэ вайса, тѣји така сижыско“, т. е. боже Осто, вотъ я поминаю тебя, отъ имени этого ребенка обѣщаю тебѣ бѣлаго барана. Послѣ молитвы ѣдятъ кашу и говядину и пируютъ. При обѣщанiи не назначаютъ времени его исполненiя, какое наступаетъ обыкновенно спустя 1—2 года при чемъ никакихъ обрядовъ не бываетъ; кромѣ того, что барана закалываютъ со словами: „нуны кылчиңлы“, т. е. ангелу ребенка.

Черезъ нѣсколько времени послѣ рожденiя, молясь съ хлѣбомъ, обѣщаютъ ходящему ночью одну утку, для того, чтобы ребенокъ не былъ плакса. Хлѣбъ

этотъ ѣдятъ одни домашніе. При принесеніи утки. ее, помолясь, ѣдятъ тоже одни семейные. Если не принести въ жертву ходящему ночью утку, то ребенокъ въ малолѣтствѣ очень плачетъ, а впоследствии бываетъ боленъ падучей болѣзною.

М у д о р ь у а н .

Воршуд, или *мудор* у Вотяковъ размножается вмѣстѣ съ размноженіемъ семейства самого хозяина куалы. Если хозяинъ куалы отдѣляетъ своего сына, то нужно, конечно, дать ему и *вож-шуда*, у котораго тоже къ этому времени сынъ бываетъ совершеннолѣтній и готовый къ раздѣлу. Какъ размножаются воршуды— неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что женъ у нихъ, по вѣрованію Вотяковъ, нѣтъ. Отдѣлившійся Вотякъ беретъ къ себѣ *вож-шуда* не тотчасъ по раздѣлѣ, а спустя нѣсколько лѣтъ.

На другой день лѣтняго праздника, большею частью на другой день 8 іюля, желающій взять къ себѣ воршуда зоветъ къ себѣ гостей, говоря, что онъ дѣлаетъ свадьбу воршуда. Гости бываетъ четверо—двое мужчинъ и двѣ женщины, кромѣ того зовутъ мастерицу играть на гусяхъ. Сами желающіе взять воршуда, мужъ съ женой ведутъ своихъ гостей къ хозяину воршуда, при чемъ несутъ съ собой нѣсколько хлѣбовъ и около одного ведра водки. Придя туда, молятся съ хлѣбомъ и пируютъ; хозяинъ куалы зоветъ къ себѣ одного человѣка съ женой, которые угощаютъ гостей и называются *тѳр нукиѳ*—сидящіе въ переднемъ углу; мужъ угощаетъ мужчинъ, а жена женщинъ. Попировавши довольно, *тѳр нукиѳ* съ женой встаютъ и начинаютъ пѣть пѣсни свадебнымъ напѣвомъ и съ припѣвомъ „айгай“. Послѣ нихъ поютъ и прочіе гости. Потомъ гости ходятъ, пирую по сосѣдямъ и возвращаются къ хозяину только вечеромъ. Когда вернутся гости, хозяинъ куалы варитъ кашу, тогда хотящій взять воршуда идетъ въ куалу и, взявъ оттуда изъ подъ котла горсть золы, завертываетъ въ бѣлую чистую холстину, при чемъ говоритъ: „покчизэ баѳтыѳкомъ, быдзымзэ кѣѳтыѳкомъ“, т. е. меньшаго беремъ, а большаго оставляемъ. Потомъ кладетъ эту золу на полку „мудор“ и самъ вмѣстѣ съ прочими гостями садится ѣсть кашу. Вставши изъ-за стола, онъ опять идетъ въ куалу и взявъ золу съ полки, отправляется съ своими гостями домой. Домой они идутъ съ музыкой и пѣснями, при чемъ жена взявшаго воршудъ беретъ въ ротъ мѣдную монету и до своего двора не вынимаетъ ея изо рта. Вышедши изъ воротъ хозяина воршуда, она пляшетъ подъ звуки гуслей, то же дѣлаетъ среди улицы и у своихъ воротъ. Хозяину куалы взявшій воршуда даетъ бѣлую рубаху, женѣ его фартукъ, другимъ женщинамъ бывшимъ тутъ нагрудники, мужчинамъ штаны и играющей на гусяхъ женщинѣ

или дѣвушкѣ даетъ тоже фаргукъ. По возвращеніи домой, золу, принесенную съ такимъ торжествомъ, вносятъ въ свою куалу и кладутъ на полку „мудор“, при чемъ говорятъ: „тани мон кужоед тоне кадѣрласа вай, ини вождэ эн потты, ми оло тодыса вѣсақысыком оло тодытэк, тон кабыл бақты“, т. е. вотъ я твой хозяивъ съ честью принесъ тебя, теперь не сердись, мы молимся можетъ быть зная, можетъ быть незная, ты принимай (наши молитвы). Послѣ этого гости, бывшіе на свадьбѣ мудора, ходятъ, пируя, другъ къ другу и называютъ это, *пергэ вэтлон* — хожденіе по порядку. Пришедши опять къ взявшему воршуда, пируютъ почти до полуночи. Хозяйка дома варитъ кашу; послѣ ѣды каши гости благодарятъ хозяевъ на колѣняхъ, при чемъ поютъ пѣсни обыкновеннымъ напѣвомъ, а не свадебнымъ. Потомъ гости отправляются домой. На другой день золу, оставленную на полкѣ мудора, кладутъ въ приготовленное подъ котломъ мѣсто и съ того времени начинаютъ приносить жертвы въ куалѣ, какъ и прочіе люди. Этотъ обрядъ перенесенія воршуда или мудора называется, *мудор-суан*, т. е. свадьба мудора.

Если при раздѣлѣ между отцемъ и сыномъ произойдетъ ссора и непріятности, то отецъ не даетъ сыну воршуда, и послѣдній принужденъ бываетъ украсть его. Нерѣдко случается, что сынъ, при кражѣ воршуда на зло отцу говоритъ: „локчизэ кедтысыко, быдымызэ бақтысыко“, т. е. маленькаго оставляю, а большаго беру. Такимъ образомъ онъ, по толкованію туночи, беретъ себѣ старшаго воршуда. чѣмъ въ религіозномъ отношеніи становится выше своего отца. Если бы послѣ того у того человѣка отдѣлился другой сынъ, то послѣдній долженъ брать воршуда не у отца, а у брата, взявшаго себѣ старшаго воршуда.

Б э р в ѳ с.

У нѣкоторыхъ Вотяковъ есть обрядъ принесенія въ жертву краденой черной курицы. Кому приносится эта жертва, мнѣ не удалось узнать, тѣмъ болѣе, что Вотяки неохотно говорятъ объ этомъ жертвоприношеніи. Эта жертва, какъ видно изъ самаго ея названія (*бэр вѳс*— послѣдняя, крайняя молитва), есть самая страшная, приносимая только въ крайности. Вотяки и названія ея не проносятъ безъ поминаенія имени Божія.

Задумавшій принести эту жертву, въ глухую полночь идетъ украсть у когонибудь черную курицу; если же ему это не удастся, то старается днемъ заманить черную курицу сосѣдей къ себѣ на дворъ и поймавъ ее, прячетъ. Въ слѣдующую ночь мужъ съ женой отправляются въ какоенибудь глухое мѣсто, при чемъ надѣваютъ одежду наизнанку, а жена надѣваетъ свой апшьянь задомъ на

передъ. Зарѣзавши курицу, тамъ же варятъ ее и помолясь ѣдятъ. Если на обратномъ пути кто нибудь встрѣтится, то долженъ непременно отвѣдать жертвенное кушанье, которое жертвовавшіе несутъ домой. Если же не отвѣдаетъ, то самъ долженъ принести такую же жертву; если жертвовавшіе не дадутъ отвѣдать, то слѣдуетъ отнять у нихъ насильно. По возвращеніи съ жертвоприношенія слѣдуетъ сначала зайти къ чужому человѣку, потому что къ кому зайдетъ жертвовавшій, тотъ совершенно раззорится; если онъ придетъ прямо домой, то долженъ раззориться самъ. Когда жертвовавшій зайдетъ къ кому нибудь, и тотъ человѣкъ какъ нибудь узнаетъ, что онъ идетъ съ мѣста жертвоприношенія черной курицы, то выгоняетъ его помеломъ, чѣмъ и отвращаетъ раззореніе.

Жертва банному бѣсу.

По построеніи новой бани, нѣкоторые Вотяки приносятъ въ жертву банному бѣсу (*мунчо пери*) утку. Жертва эта закалается въ банѣ подъ полкомъ; потомъ, вычистивъ утку, варятъ ее и послѣ нея кашу, съ которой идутъ въ баню. Послѣ молитвы утку и кашу ѣдятъ дома. Если не принести этой жертвы, то банный бѣсъ будетъ стараться при каждомъ удобномъ случаѣ вредить хозяину бани. Впрочемъ жертва эта приносится не всѣми Вотяками и не вездѣ.

О р о м.

Когда Вотяку хочется сойтись съ другимъ Вотякомъ поближе, то онъ старается уговорить его сдѣлаться съ нимъ *бромомъ*. Желаящій приобрести себѣ брома дожидается пока у него родится ребенокъ и тогда зоветъ того человѣка, съ кѣмъ хочетъ породниться, къ себѣ въ гости. Когда тотъ придетъ, то отецъ ребенка кладетъ въ переднемъ углу подушку, на подушку разстилаетъ холстъ и кладетъ на него ребенка, возлѣ него кладетъ ножницы. Гость садится возлѣ ребенка; въ это время начинаютъ готовить обѣдъ, состоящій изъ каши и говядины. Когда каша поспѣетъ, то ставятъ ее въ чашкѣ на столъ, наливаютъ въ стаканы пиво и кумышку; тогда гость беретъ въ руки ножницы, отрѣзываетъ ими три раза волосы ребенка и говоритъ: „дай Богъ, чтобы онъ (ребенокъ) былъ живъ и здоровъ и дай Богъ намъ жить въ мирѣ и согласіи до самой нашей смерти“. Послѣ этого берутъ въ руки приготовленную кашу и напитки и молятся Богу, глядя на образа. Молитва состоитъ тоже изъ пожеланія здоровья ребенку и мирнаго житія молящимся.

Послѣ молитвы ребенка уносятъ, а сами садятся за столъ и пируютъ. Съ этого времени отецъ ребенка и гость считаются родными, гуляютъ на праздникахъ вмѣстѣ и называютъ другъ друга *бромз*; такъ же называютъ и ихъ семейные другъ друга.

Д у с ы м.

Когда двѣ дѣвушки подружатся между собой и любятъ одна другую, то онѣ обыкновенно дѣлаются *дусымъ*. Одна изъ нихъ приготовляетъ угощеніе и зоветъ подругу, которой послѣ угощенія даритъ нагрудникъ (мурэжкэт или мурэж-кышэт). Подруга въ свою очередь зоветъ къ себѣ ее и даритъ фартукъ (аж кышэт). Съ этого времени онѣ называютъ другъ друга дусым, что по татарски значитъ: другъ.

Повѣрье о пятницѣ.

Вотяки вмѣсто воскресенія празднуютъ пятницу, совершая въ этотъ день моленія, какъ уже было сказано выше. Причиною этому была вѣроятно въ древности близость Татаръ мухаммеданъ, а въ настоящее время причиною служитъ повѣрье Вотяковъ, что умершіе старики сами праздновали пятницу и дѣтямъ своимъ велѣли праздновать этотъ день, и что если праздновать воскресенье, то непременно ниспосылается Богомъ какое нибудь наказаніе по просьбѣ умершихъ стариковъ. Такъ напр. въ дер. Верхнихъ Шунь (Шын јыле) по настоянію одного священника въ прежніе годы два года праздновали воскресенье и въ оба года градомъ побило хлѣба. Туночи сказали, что умершіе старики требуютъ празднованія пятницы, и что за нарушеніе древняго порядка народъ наказанъ уничтоженіемъ хлѣбовъ. Нечего говорить о томъ, что въ первую пятницу послѣ этого прорипанія былъ совершенъ торжественный праздникъ и послѣ этого снова восстановлено празднованіе пятницы по обычаю умершихъ стариковъ. Въ Казанской губерніи всѣ Вотяки празднуютъ пятницу, за исключеніемъ Вотяковъ деревни Пойкина, Кляушевскаго прихода, Мамадышскаго уѣзда, которые празднуютъ воскресенье.

Повѣрье объ училищѣ.

Между Вотяками существуетъ повѣрье, что нельзя домъ сдавать подъ квартиру училища, потому что въ училищѣ непременно заводится *пери*, т. е. бѣсъ, который всячески старается вредить хозяевамъ дома. Кроме того, если учитель молодой, холостой человѣкъ будетъ давать волю своимъ страстямъ, будетъ пьянствовать, заводить любовницъ, то грѣхъ его падаетъ на хозяевъ квартиры. Чтобы заслужить передъ Богомъ прощеніе учителю, одинъ изъ семейныхъ квартирнаго хозяина, обыкновенно ребенокъ, долженъ умереть. Такое тяжкое наказаніе ниспосылается Богомъ за то, что учитель, сознавая вполнѣ тяжесть грѣха, все таки не удерживается отъ совершенія его. Все это сочинено конечно туночниками, которые хорошо понимаютъ, что съ увеличеніемъ числа учащихся постепенно уничтожается и довѣрье простаго народа къ разнымъ туночамъ и пелляскицамъ, а съ уничтоженіемъ довѣрія къ нимъ, уменьшается и доходъ ихъ.

Повѣрья касательно разныхъ случаевъ въ жизни.

При приготовленіи кумышки, если она черезъ-чуръ хорошо удастся, то говорятъ, что это бываетъ передъ какимъ нибудь горемъ. Когда доски, которыми покрывается котель при приготовленіи кумышки, или опрокинутое на котель ведро, упадутъ печально въ котель, то говорятъ, что это напоминаютъ о себѣ умершіе старики, чтобы ихъ помянули кумышкой. Послеъ этого, какъ только приготовятъ немного кумышки, наливаютъ ее въ стаканъ и, помянувъ умершихъ, выливаютъ немного на землю, остатки выпиваютъ сами.

Въ то время, когда цвѣтетъ розь (сурэр поттэ), по вѣрованію Вотяковъ, нельзя ловить рыбу. Если кто нибудь нарушитъ это повелѣніе древнихъ, то хлѣба будутъ побиты градомъ. При этомъ говорятъ, что не слѣдуетъ именно ловить бреднемъ (калтон), а о другихъ родахъ ловли ничего не говорятъ.

Когда идетъ градъ, то Вотяки, какъ и всѣ другіе землевладѣльцы, обыкновенно съ тревогою смотрятъ на эту небесную кару. а когда пройдетъ градъ, то собираютъ сходку и отправляютъ на поле нѣсколькихъ стариковъ, чтобы узнать дѣйствіе града. Если же до стариковъ успѣетъ сходить въ поле какая нибудь

женщина, то ее бранять, потому что это-де нехорошее предзнаменованіе для будущаго года.

Всякій Вотякъ долженъ въ продолженіи своей жизни украсть у кого нибудь одну курицу и съѣсть ее, для того, чтобы было кому собирать отрѣзанные ногти на томъ свѣтѣ. По вѣрованію Вотяковъ, ногти каждаго человѣка будутъ требовать на томъ свѣтѣ отъ него самого; но такъ какъ человѣкъ не можетъ въ продолженіи всей своей жизни уберечь и взять съ собой на тотъ свѣтъ все отрѣзанные ногти, то поэтому онъ долженъ украсть курицу и съѣсть ее, чтобы было кому собрать ногти (гизы бичаны—собирать ногти). На томъ свѣтѣ каждаго человѣка будутъ спрашивать: сѣрлаң чабьясэз лшкаса сід-а? т. е. укравши ѣль ли назадъ выкидывающаго (разрываемую кучу)? Почему именно нужно курицу украсть, а не съѣсть своей,—Вотяки не могутъ объяснить.

Если кто будетъ стричь ногти въ день своего рожденія, у того будутъ задираться ногти и болѣть. Если напимѣрь кто нибудь родился въ субботу, то ему нельзя стричь ногти во все субботы года.

Когда стригутъ ногти, то слѣдуетъ наблюдать, чтобы не было въ квашнѣ замѣшаннаго тѣста, въ противномъ случаѣ пери унесетъ кусочекъ отрѣзаннаго ногтя и положить въ тѣсто, чѣмъ можетъ причинить болѣзнь тому, кто съѣстъ этотъ кусочекъ ногтя. При стрижкѣ ногтей слѣдуетъ тщательно собрать все кусочки ногтей и бросить ихъ между дверями въ то мѣсто, гдѣ онѣ растворяются; оттуда пери не можетъ вынуть ихъ и слѣдовательно не можетъ и испортить людей. Кроме того, бросая ногти все въ одно мѣсто, ихъ легче будетъ собрать, когда они потребуются на томъ свѣтѣ.

Если два человѣка будутъ ѣсть хлѣбъ, отламывая отъ одного куска, то они когда нибудь подерутся.))

Если кто ѣсть супъ и капаетъ на столъ, то у него жена будетъ пьяница, если это дѣвушка или женщина, то мужъ будетъ пьяница. Подобныя же повѣрія есть и у крещеныхъ Татаръ, только у послѣднихъ говорятъ, что если мужъ и жена будутъ ѣсть отъ одного куска, то это означаетъ, что они будутъ жить въ совѣтѣ и въ дружбѣ.

Если беременная женщина украдетъ что нибудь, то ребенокъ родившійся отъ нея бываетъ калѣка или имѣетъ какой нибудь недостатокъ въ членахъ тѣла, напимѣрь: бываетъ сухорукій, безногій, съ двойною губой и тому подобн.

По вѣрованію Вотяковъ, мужу беременной женщины не слѣдуетъ идти въ воспріемники чьего нибудь ребенка, въ противномъ случаѣ жена его будетъ мучиться трудными родами.

Если какая нибудь женщина мучится трудными родами, то между другими средствами употребляется и слѣдующее. Беременную женщину укладываютъ на полу и заставляютъ ее мужа три раза перешагнуть черезъ нее, тогда, по вѣрованію Вотяковъ, она разрѣшается отъ бремени рожденіемъ живаго ребенка.

По вѣрованію Вотяковъ у человѣка, который во время сна храпитъ, бываетъ много сыновей.

Когда человѣкъ увидитъ во снѣ что нибудь дурное, то на другой день утромъ никому ничего не говоря слѣдуетъ выйти въ отхожее мѣсто и, плюнувши на человѣческой калѣ, рассказать шепотомъ свой сонъ; если не сдѣлать этого, то дурной сонъ, видѣнный человѣкомъ, по мнѣнію Вотяковъ, непременно исполняется.

Если разостлать постель и оставить ее ничѣмъ не покрытою, то на нее ложится пери, и если кто нибудь ляжетъ послѣ того на ту постель тотъ долженъ непременно захворать, а иногда даже умереть. Кромѣ того, когда Вотяки стелятъ постель, то наблюдаютъ, чтобы шовъ наволоки перины, находящейся только на одномъ концѣ перины, пришелся всегда въ головы, если же шовъ придется въ ногахъ, и легшій на эту постель человѣкъ по какому нибудь случаю захвораетъ, то непременно долженъ умереть. Последнее повѣріе есть и у нѣкоторыхъ крещеныхъ Татаръ.

Если кто нибудь сидя или стоя въ избѣ отъ нечего дѣлать барабанить пальцами по столу, по стеклу или по какой нибудь другой вещи, то къ нему подходитъ пери и рѣдко оставляетъ его одного, особенно если тотъ человѣкъ имѣетъ привычку часто стучать такимъ образомъ.

Когда нѣсколько разговаривающихъ лицъ вдругъ замолчатъ и молчаніе продлится около минуты и болѣе, то Вотяки обыкновенно говорятъ, что число сказанныхъ разговаривающими людьми словъ дошло до тысячи. У крещеныхъ Татаръ есть повѣріе, что если во время шумнаго разговора всѣ вдругъ замолчатъ и настанетъ тишина, что въ эту минуту родился на свѣтъ самый отчаянный разбойникъ.

Когда человекъ идя по ровному мѣсту нечаянно оступится и у него заболитъ нога, то, по вѣрованію Вотяковъ, сейчасъ же слѣдуетъ обернуться назадъ и плюнуть на то мѣсто, на которомъ оступился, въ противномъ случаѣ человекъ тотъ останется хромымъ на всю жизнь.

По вѣрованію Вотяковъ, у глазъ человѣческихъ есть караульщикъ или прясло, которое не допускаетъ до глазъ такой вещи, которая могла бы сдѣлать большой вредъ глазамъ. Такое же повѣріе существуетъ и между крещеными Татарами.

Если садясь за столъ зайдешь съ одной стороны, а выйдешь изъ-за стола съ другой стороны, то не будутъ распложаться овцы. Крещеные Татары тоже не велятъ заходить за столъ съ одной, а выходить оттуда съ другой стороны, но почему именно нельзя этого дѣлать,—не объясняютъ.

Если у Вотяка спросить, сколько у него кряжей пчель, то онъ никогда не скажетъ, потому что если сказать число, то, по вѣрованію Вотяковъ, пчелы не будутъ роиться, и годъ отъ году число кряжей будетъ уменьшаться.

Если не съѣсть начатаго куска хлѣба, то жена разведется, а если это сдѣлаетъ женщина, то ее оставитъ мужъ.

Если кто нибудь будетъ ѣсть изъ глинянаго горшка, то не будетъ знать счета.

Если кто будетъ точить ножъ или топоръ и будетъ при этомъ плевать на брусокъ, то во время разговора у того человекъ будетъ какъ-бы связываться языкъ, т. е. онъ не можетъ скоро говорить и чисто выговаривать слова.

Если маленькому ребенку, когда еще онъ не говоритъ, показать его изображеніе въ зеркалѣ, то онъ остается пѣмымъ на всю жизнь.

Если кто посмотрится въ зеркало и отойдетъ не плюнувъ на него, то послѣ этого будетъ постепенно худѣть.

Если сова или филинъ будетъ кричать во дворѣ, то въ томъ домѣ будетъ покойникъ или какое нибудь горе.

Если воронъ кричитъ на крышѣ, то предвѣщаетъ пожаръ или какое нибудь другое несчастіе.

Если къ окошку снаружи прилетитъ синица, то пріѣдутъ гости.

Если кошка будетъ чистить лапой морду, какъ бы мыть, то бываютъ гости. При этомъ гости пріѣдутъ съ той стороны въ какую смотритъ кошка. Подобное же повѣріе есть и у крещеныхъ Татаръ.

Если воронъ пролетитъ крича надъ головой на сѣверъ, то это не къ добру, если же на югъ или востокъ, то къ добру. Вотъки ему кричатъ въ отвѣтъ: жесъ вѣра папае! т. е. говори хорошее, птица! У крещеныхъ Татаръ есть и это повѣріе, только они ничего не говорятъ въ отвѣтъ ворону.

Если пиво не будетъ киснуть послѣ того какъ въ него положить хмѣль, то это бываетъ не передъ добромъ.

Если хлѣбъ трескается въ печкѣ вдоль печи, то это не къ добру, если же поперегъ печи,—къ дорогѣ, если пищитъ во время печенія, тоже не къ добру. Тресканіе хлѣба въ печи у крещеныхъ татаръ предвѣщаетъ тоже дорогу.

Когда во время жатвы пухнутъ руки или жнецы нечаянно порѣжутъ серпомъ руку, то говорятъ, что первый началъ жать въ это лѣто нехорошій, злой человѣкъ.

Если между несвязаннымъ снопомъ и человѣкомъ пройдетъ кто нибудь, то тотъ человѣкъ, которому принадлежитъ снопъ, обрѣжетъ руку серпомъ.

Если серпы двухъ жнущихъ ударятся нечаянно одинъ объ другой, то у кого нибудь изъ нихъ обрѣжется рука серпомъ. Для отвращенія этого одной изъ

нихъ слѣдуетъ дотронуться серпомъ объ серпъ другой такъ, чтобы та не могла предупредить удара.

Когда молодушка, начавъ носить апъянь, перестанетъ носить его и начнетъ по-вязываться платкомъ, то людямъ живущимъ въ одной съ ней деревнѣ бываетъ трудно, т. е. на нихъ ниспосылается какое нибудь несчастье. Тоже бываетъ и тогда, когда молодушка въ первое лѣто замужества начинаетъ носить бѣлые чулки вмѣсто черныхъ.

Когда кто нибудь женится, то наблюдаютъ, чтобы ни у жениха, ни у невесты не было готоваго для стройки сруба, въ противномъ случаѣ молодушка должна по выходѣ замужъ скоро умереть. Кромѣ того въ первый годъ замужества молодушки въ домѣ ея мужа не слѣдуетъ дѣлать перестройки, нельзя работать земляную работу, напр. сажать столбы, копать землю, рыть колодцы или погреба, складывать печи и т. п. Если дѣлать перестройку или работать земляную работу, то молодушка бываетъ несчастна или скоро умираетъ.

Когда везутъ невесту изъ родительскаго дома и во время пути случится какая нибудь неисправность въ упряжи, если выпадетъ колесо изъ оси, оборвется тяжъ и т. п., то житье молодушки будетъ плохое; если же сломается ось, то молодушка скоро умретъ.

Когда поставленный самоваръ воеетъ, то говорятъ что будетъ какой нибудь убытокъ или горе, для предотвращенія чего слѣдуетъ самоваръ побить немного кушакомъ и сказать: не намъ предвѣщай несчастье, а себѣ.

При шитьѣ рубашки, когда вынимаютъ воротъ, вынутый лоскутокъ слѣдуетъ прибрать въ такое мѣсто, гдѣ никто не можетъ его увидать. въ противномъ случаѣ, если вѣдунъ найдетъ этотъ лоскутокъ, то испортитъ его, отъ чего можетъ захворать тотъ человекъ, который носить рубашку, отъ которой взять этотъ лоскутъ. Для отвращенія порчи вынутый лоскутъ слѣдуетъ пришить къ нижней части ворота.

Если кто нибудь, входя въ избу и затворяя двери прищемить ноги, то въ тотъ домъ должны пріѣхать гости.

Если въ великую среду вечеромъ (кулѣш ѱй) кто нибудь будетъ чесать волосы, то на слѣдующее лѣто у того человѣка въ огородѣ будутъ рыться курицы и не дадутъ расти овощамъ.

Когда покойнику дѣлаютъ гробъ и гробъ окажется длиннѣе его роста, то изъ того же дома будетъ вскорѣ другой покойникъ. То же бываетъ и тогда, когда покойникъ при смерти не закроетъ глазъ. Обыкновенно Вотяки закрываютъ послѣ смерти глаза покойнику, но если вслѣдъ за нимъ долженъ быть другой покойникъ, то глаза его, несмотря на всѣ старанія закрыть ихъ, остаются открытыми. Подобное же повѣріе есть и у крещеныхъ Татаръ⁽¹⁾.

Когда умираетъ вѣдунъ, то вслѣдъ за собой умерщвляетъ много людей. Если послѣ чьей нибудь смерти въ деревнѣ будетъ умирать много людей, то такого человѣка откапываютъ снова и, положивъ внизъ лицомъ, вбиваютъ ему въ спину деревянный, большею частью, рябиновый клинъ.

При горѣніи лучины угли ея падаютъ на полъ; если кто нибудь будетъ топтать эти угли, то у того человѣка яровые хлѣбы будутъ со ржавчиной.

Во ржи иногда бываютъ на одномъ стеблѣ двойные колосья. Если кто найдетъ такой колось, то слѣдуетъ взять палку и обвернувъ ее бѣлой чистой холстиной, положить колось такъ, чтобы раздвоившіеся концы его припались по сторонамъ палки, т. е. дать колосу видъ сидящаго верхомъ на лошади человѣка и такимъ образомъ вдвоемъ съ кѣмъ нибудь принести его домой, дѣлая видъ, что несутъ что нибудь тяжелое, и положить въ новомъ пустомъ амбарѣ въ сусѣку. Только нужно чтобы никто не видалъ и не встрѣчался дорогою несущимъ. Кто сдѣлаетъ такъ, тотъ постепенно будетъ богатѣть.

⁽¹⁾ Извѣст. по Казанск. спарх. 1874 г. № 9, Погребальные обычаи и повѣрья старо-крещеныхъ Татаръ дер. Никифоровой Казан. губ. Мамадышскаго уѣзда. Бориса Гаврилова.

Крестъ, данный ребенку женскаго пола во время крещенія, Вотяки имѣютъ привычку пришивать къ своимъ украшеніямъ какъ-то: къ камали, ашъяну и под. Если какая нибудь женщина или дѣвушка пришьетъ свой крестъ выше своихъ глазъ, т. е. къ ашъяну или такъѣ, то у той глаза будутъ плохи или она будетъ не долголѣтняя.

Когда ребенку стригутъ въ первый разъ волосы, то ихъ не слѣдуетъ бросать, а нужно завернуть въ чистую бѣлую холстину и положить въ сундукъ. Если волосы бросить куда нибудь, то ребенокъ бываетъ глуповатъ.

Пупокъ, отрѣзанный во время рожденія отъ ребенка мужскаго пола, слѣдуетъ бросать въ сарай, отъ чего ребенокъ впоследствии дѣлается хорошимъ хозяиномъ лошадямъ. Пупокъ же отрѣзанный отъ ребенка женскаго пола, слѣдуетъ завернуть во что нибудь и положить въ сундукъ; если пупокъ дѣвочки бросить въ сарай, то она бываетъ охотница работать мужскую работу.

Вотяки послѣ мытья и высушки бѣлья колотятъ его колотушкой, что имѣетъ на бѣлье одинаковое дѣйствіе съ русскимъ катаніемъ, т. е. размягчаетъ бѣлье. Если бѣлье ребенка послѣ мытья колотить колотушкой, то ребенокъ скоро умираетъ; поэтому рубашки маленькихъ дѣтей Вотячки мнутъ руками. Бѣлье же взрослыхъ людей послѣ высушки не слѣдуетъ колотить чѣмъ нибудь желѣзнымъ, въ противномъ случаѣ не уродится ленъ и конопля.

Когда Вотяки молятся съ чѣмъ нибудь въ избѣ, то лѣтомъ открываютъ окно, чтобы молитва удобнѣе могла дойти до Бога, зимою же дотрогиваются до окна, только дѣлая видъ, что открываютъ окно. Кушанье, съ которымъ молятся, отвѣдываютъ стоя, а потомъ уже садятся.

Нѣкоторые люди во время печенія хлѣба имѣютъ привычку мазать хлѣбъ сверху водою. По вѣрованію Вотяковъ, если мазать водою разъ, то слѣдуетъ постоянно дѣлать это, въ противномъ случаѣ хлѣбъ обижается на людей, вслѣдствіе чего бываетъ неурожай.

Когда хлѣбъ испечется плохо, то Вотяки не называютъ его плохимъ, а говорятъ, что хлѣбъ очень хорошъ, только люди пекущіе его плохи. Если хлѣбъ назвать плохимъ, то послѣ того бываетъ неурожай.

Когда даютъ другъ другу займы цѣлый коровай хлѣба, то непременно слѣдуетъ отрѣзать маленькій кусокъ хлѣба и оставить себѣ; если кто даетъ не сдѣлавши этого, то будетъ постепенно бѣднѣть.

Когда Вотяки даютъ нищему муку, то непременно даютъ уполовникомъ (дѣры), если дать маленькой лопаткой или чѣмънибудь плоскимъ, то говорятъ, что на томъ свѣтѣ нищій поднесетъ кушанье тоже лопаткой, на которой жидкое кушанье удержаться не можетъ.

Если женщина будетъ ходить съ непокрытой головой, то ангелъ хранителься (кылчиѣ) будетъ бояться подойти къ ней, слѣдовательно оставитъ ее въ волѣ пери.

Когда гремитъ громъ, всѣмъ слѣдуетъ выходить на дворъ съ покрытой головой, если нечѣмъ покрыть голову, то слѣдуетъ покрыть ее покрайней мѣрѣ рукавомъ; если не сдѣлать этого, то убивающій громомъ или убьетъ того человѣка или сильно испугаетъ его.

Во время грозы не слѣдуетъ идти подъ дерево, чтобы укрыться отъ дождя, а если ктонибудь пойдетъ, то слѣдуетъ дерево „ранить“, т. е. ударить по нему топоромъ или ножомъ и прорубить кору, въ противномъ случаѣ убиваетъ громомъ.

Когда жениха съ невѣстой оставляютъ въ первую ночь однихъ, то женихъ кладетъ невѣстѣ за пазуху серебряную монету такъ, чтобы она не знала этого; если невѣста почувствуетъ какъ положилъ женихъ монету, то говорятъ, что она будетъ бойкая, если же не почувствуетъ,—глуповатая. Монета эта называется *nie куштон укѣо*, т. е. деньги бросаема за пазуху, и ее нельзя пришивать выше глазъ, а слѣдуетъ пришить къ камали. Если же женихъ не положитъ невѣстѣ за пазуху, то впослѣдствіи даетъ ей эти деньги, завернувъ въ холстъ и говоря, что это „*nie куштон нергэ*“, т. е. вмѣсто бросанія за пазуху.

Чтобы узнать въ какую сторону пойдетъ дѣвушка замужъ, она гадаетъ посредствомъ овода (большая муха), называемаго по вотяцки *луж*. Поймавъ овода, она привязываетъ къ нему свой волосъ и пускаетъ; въ какую сторону полетитъ оводъ, въ ту сторону должна идти замужъ гадающая дѣвушка. Молодые парни привязываютъ къ оводу волосъ изъ лошадинаго хвоста и, пустивъ его, тоже наблюдаютъ въ какую сторону онъ полетитъ.

Когда у когонибудь отелится корова и къ этому человѣку придетъ ктонибудь изъ сосѣдей, чтобы занять чтонибудь, то, если это мужчина, оставляютъ его кушакъ и даютъ ему то, что онъ проситъ, а если придетъ женщина, то оставляютъ ея платокъ. Въ противномъ случаѣ не будутъ расплаться коровы или онѣ будутъ уничтожены моромъ.

Если у двухъ женщинъ въ одно время рождаются дѣти, то онѣ не ходятъ другъ къ другу до одного мѣсяца. Если же одной изъ нихъ непременно нужно идти къ другой, то пришедшая вызываетъ ту, и онѣ, взявшись за руку одна другой мизинцами, переступаютъ черезъ порогъ обѣ въ разъ правыми ногами. Если не дѣлать этого, то хозяйкѣ дома бываетъ трудно, т. е. она постоянно бываетъ нездорова.

Если ктонибудь придетъ къ сосѣду, и въ это время станутъ доить въ избѣ корову, то гостя не выпускаютъ до тѣхъ поръ, пока не кончатъ доить; если же гость уйдетъ раньше, т. е. во время доенія, то молоко у коровы портится.

Если сговоренная дѣвушка пойдетъ къ другой тоже сговоренной, то слѣдуетъ вызвать послѣднюю и перешагнуть вмѣстѣ съ нею черезъ порогъ избы правыми ногами, взявшись съ ней за руку мизинцами (чуляскон); въ противномъ случаѣ пришедшая отнимаетъ счастье у хозяйки дома. Нѣкоторыя сговоренныя дѣвушки нарочно ходятъ къ другимъ тоже сговореннымъ дѣвушкамъ и входятъ къ нимъ просто, не вызывая ихъ, для того, чтобы отнять у нихъ счастье и быть самимъ счастливыми послѣ замужества.

Разъ отдѣлившемуся человѣку нельзя вторично войти жить въ тотъ домъ, изъ котораго онъ вышелъ, отдѣлившись; если же онъ войдетъ и станетъ жить снова въ томъ домѣ, то бываетъ трудно хозяину дома.

При началѣ кошенія сѣна, взмахнувши три раза косою, слѣдуетъ взять скошенную траву и, привязавъ къ поясницѣ, сказать: „та гужемэз висытэк, сѳлыкэн мед ужаломъ“, т. е. чтобы я работалъ это лѣто, не хвораю и будучи здоровымъ. Послѣ этого во время косьбы сѣна и во время жатвы у того человѣка не будетъ болѣть спина; только при привязываніи сѣна слѣдуетъ наблюдать, чтобы никто не видалъ, въ противномъ случаѣ пользы не будетъ.

Если кто любитъ сидѣть положивъ какуюнибудь руку за пазуху, то будетъ всегда несчастливъ.

Если кто привыкъ часто вздыхать, то тому человѣку предстоитъ горе и онъ будетъ всегда печальный.

(Человѣкъ, родившійся въ субботу, или скоро умираетъ, или бываетъ очень счастливъ.

| Человѣкъ, родившійся въ среду, бываетъ очень бойкій, умный и на все ловкій.

Если у какойнибудь женщины по рожденіи ребенка не бываетъ молока въ грудяхъ, то это предвѣщаетъ смерть ребенка.

Если у ребенка очень скоро появятся зубы, то онъ бываетъ или черезъ-чуръ бойкій и ловкій, или скоро умираетъ.

Если кто первый увидитъ только что появившійся зубокъ ребенка, то долженъ подарить ему рубашку, или другую какуюнибудь нужную ребенку вещь.

Если почемунибудь узнаютъ, что вещь испорчена вѣдуномъ, ее вовсе не берутъ въ руки, а если испорчена одежда, посредствомъ дѣланія на ней надрѣзовъ, то испорченную часть одежды отрѣзываютъ и бросаютъ, или же сожигаютъ, если не цѣлую вещь, то, по крайней мѣрѣ, испорченную часть ея. Если вѣдунъ, испортивъ, поднесетъ какойнибудь напитокъ, то, узнавъ порчу, слѣдуетъ засгавить его самого отвѣдать, или вылить на помело, которымъ метутъ печь, или же плеснуть на самого вѣдуна.

Если дѣвушка выйдетъ замужъ и на нее надѣнутъ апшянъ въ день ея рожденія, то у ней будетъ постоянно болѣть голова.

Если ктонибудь будетъ ѣсть черезъ ножъ, т. е. если между нимъ и чашкой съ кушаньемъ будетъ лежать на столѣ ножъ, то тотъ человѣкъ будетъ мучиться колотьемъ въ животѣ; тоже бываетъ и тогда, когда человѣкъ ѣсть чтонибудь, доставая концемъ ножа.

Если ктонибудь будетъ смотрѣть на молодаго жеребенка сквозь щель забора, то сглазить жеребенка, и онъ долженъ издохнуть. Чтобы отвлечь взоры людей отъ самого жеребенка, на шею ему надѣваютъ ожерелье изъ доскутковъ ситца.

Если обьягнится овца или отелится корова и если ктонибудь, внося въ избу ягненка или теленка будетъ говорить съ кѣмънибудь, то ягненокъ или теленокъ будутъ постоянно кричать. Внеся въ избу, Вотяки подносятъ ихъ къ печкѣ для того, чтобы они выросли большіе и толстые какъ печь. Послѣ этого зажигаютъ тряпку и подносятъ къ ягненку и теленку, чтобы они чихнули, при чемъ желаютъ имъ здоровья.

Если ктонибудь возвратится домой, заболѣвъ гдѣнибудь въ чужой сторонѣ, и если это узнаютъ сосѣди, то проводятъ кругомъ его двора черту какуюнибудь стальною вещью, для того чтобы пришлая болѣзнь не могла выйти изъ того двора. По вѣрованію Вотяковъ, пришлая болѣзнь равносильна эпидеміи и отъ нея могутъ заразиться всѣ; когда же проведутъ черту вокругъ двора, то она довольствуется умерщвленіемъ одного члена семейства заболѣвшаго.

Если ктонибудь во время ѣды или питья поперхнетя, то говорятъ, что тому человѣку въ тотъ день привезутъ гостинцы, состоящiе изъ чегонибудь съѣдобнаго.

ОТДѢЛЪ VI.

ПАМЯТНИКИ ЯЗЫКА И ПИСЬМА.

I.

О СТАРИННЫХЪ РУКОПИСНЫХЪ СБОРНИКАХЪ НАРОДНЫХЪ БЫЛИНЪ И ПѢСЕНЪ.

Докладъ о поступившихъ на Съездъ отвѣтахъ на 57-й запросъ программы

Л. Н. Майкова.

(Читанъ въ засѣданіи 16 августа. См. Протоколы, стр. СХХI).

Запросъ, отвѣтомъ на который должно служить настоящее мое сообщеніе, состоитъ въ слѣдующемъ: „Какія могутъ быть сдѣланы указанія о рукописяхъ, писанныхъ не позже конца XVIII в. и содержащихъ въ себѣ (въ числѣ другихъ статей или исключительно) народныя былины, народныя пѣсни и собранія народныхъ пословицъ? Желательно имѣть обстоятельное библиографическое описаніе таковыхъ рукописей, съ означеніемъ всѣхъ помѣщенныхъ въ нихъ статей, или по крайней мѣрѣ, точное извѣстіе о мѣстѣ нахождения рукописей и ихъ владѣльцевъ“.

При постановкѣ этого запроса имѣлось въ виду привести въ извѣстность рукописный матеріалъ, который указывалъ бы, насколько наши старинные грамотные и письменные люди интересовались памятниками русской народной словесности; далѣе, можно было бы ожидать, что вмѣстѣ съ приведеніемъ въ извѣстность рукописей, содержащихъ въ себѣ подобные памятники, откроются новые варианты къ былинамъ и пѣснямъ, записаннымъ изъ устъ народа въ наше время, или даже цѣлыя былины и пѣсни, до сихъ поръ вовсе неизвѣстныя по изустнымъ записямъ; наконецъ сборники, къ которымъ относится запросъ, могли представить свѣдѣнія о самыхъ составителяхъ ихъ, и еще болѣе — о способѣ и цѣли ихъ труда.

Поступившіе на Съездъ отвѣты на предложенный запросъ только отчасти удовлетворяютъ предположенной цѣли. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію,

что запросъ былъ встрѣченъ съ сочувствіемъ всѣми, къ кому предварительный комитетъ Съѣзда отнесся съ просьбой о сообщеніи свѣдѣній, и одно изъ этихъ лицъ, профессоръ Н. С. Тихонравовъ, выразился по этому случаю въ слѣдующихъ словахъ: „Попытка Предварительнаго Комитета привести, по мѣрѣ возможности, въ извѣстность рукописные сборники памятниковъ народной поэзіи вызоветъ самую искреннюю и глубокую признательность во всѣхъ образованныхъ людяхъ, неравнодушныхъ къ историческимъ судьбамъ своей народности. Грѣшно было бы не откликнуться на такой призывъ“.

Въ нижеслѣдующемъ сообщеніи я позволю себѣ сгруппировать поступившія на Съѣздъ свѣдѣнія и привести ихъ въ связь съ другими данными, какія имѣются по разсматриваемому запросу.

Вообще должно сказать, что памятники устной народной словесности попадаютъ въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ весьма рѣдко, и притомъ случаи такого записыванія восходятъ въ старину не далѣе XVII вѣка. Обстоятельство это не слѣдуетъ, впрочемъ, объяснять однимъ пренебреженіемъ старинныхъ книжниковъ къ памятникамъ народной поэзіи. Рукописные сборники произведеній народного творчества могли быть и гораздо многочисленнѣе, чѣмъ сколько ихъ извѣстно нынѣ, но они истребились съ теченіемъ времени, точно также какъ позднѣе, въ XVIII вѣкѣ, быстро сдѣлались библиографическою рѣдкостью даже печатные пѣсенники Чулковскій и Новиковскій.

Изъ извѣстныхъ теперь собраній русскихъ народныхъ пѣсенъ самое старое принадлежитъ, впрочемъ, не русскому книжнику, а Англичанину, бакалавру Р. Джемсу. Онъ былъ въ Россіи въ 1619 году, и въ это время для него были записаны шесть народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ три относятся къ происшествіямъ Смутаго времени и, стало быть, записаны, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ событій, вслѣдъ за тѣмъ, какъ были сложены.

Затѣмъ, къ XVII вѣку принадлежатъ еще три рукописи, въ коихъ содержатся народныя пѣсни:

1) Рукопись, принадлежащая Императорской Публичной Библиотекѣ и содержащая въ себѣ „Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи“,

2) рукопись профессора Ѳ. И. Буслаева, въ которой помѣщено „Сказаніе о семи богатыряхъ“, и

3) принадлежащій П. А. Безсонову отдѣльный листъ съ былинною о Гришкѣ Отрепьевѣ.

Всѣ эти памятники давно извѣстны въ печати и оцѣнены по достоинству знатоками дѣла.

Къ XVIII вѣку можетъ быть отнесено значительно большее число рукописныхъ сборниковъ пѣсень. Нѣкоторые изъ нихъ сохранились, а другіе пропали. Въ числѣ исчезнувшихъ должно упомянуть о сборникахъ богатырскихъ былинъ, которые имѣлись у В. Н. Татищева и М. Д. Чулкова, о чемъ эти писатели и упоминаютъ—первый въ своей „Россійской Исторіи“, а второй — въ предисловіи къ „Русскимъ Сказкамъ“. Въ особенности же достойно сожалѣнія то, что не сохранился сборникъ, составленный для П. А. Демидова, и составителемъ котораго считаютъ сибирскаго казака Киршу Данилова. Къ счастью, существуетъ прекрасное изданіе почти всѣхъ былинъ и пѣсень, которыя были помѣщены въ этомъ сборникѣ, сдѣланное К. Ѳ. Калайдовичемъ. Долгое время изданіе это служило почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній о русскомъ богатырскомъ эпосѣ, пока наконецъ не началось, съ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія, обнародованіе пересказовъ былинъ, записанныхъ прямо изъ устъ народа.

Въ новѣйшей печатной литературѣ встрѣчаются свѣдѣнія и о другихъ рукописныхъ сборникахъ XVIII вѣка, содержащихъ въ себѣ былины и пѣсни; такъ, одинъ такой сборникъ, писанный около 1752 года, найденъ былъ въ Московской губерніи покойнымъ академикомъ Пекарскимъ и подробно описанъ А. Н. Пыпинымъ [въ Отечественныхъ Запискахъ 1860 года]; другой найденъ былъ покойнымъ В. А. Варенцовымъ и имъ же описанъ [Библиографическія Записки 1859 года]. Но гдѣ нынѣ находятся оба эти сборника—остается неизвѣстнымъ.

Запросъ, предложенный программой настоящаго Съѣзда, вызвалъ однако указанія и на такіе сборники, которые понынѣ сохраняются въ нашихъ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ. Такъ, Н. С. Тихонравовъ въ письмѣ своемъ, о которомъ я упомянулъ выше, извѣщаетъ, что, намѣреваясь прибыть на Съѣздъ лично, онъ привезетъ съ собою имѣющіяся у него рукописи этого рода; къ сожалѣнію, неприбытіе г. Тихонравова лишаетъ насъ возможности познакомиться съ принадлежащими ему сборниками.

Другой высокоуважаемый ученый и собиратель И. Е. Забѣлинъ въ письмѣ на имя г. предсѣдателя предварительнаго комитета сообщаетъ, что въ его собраніи имѣется тетрадь въ 4-ку, почерка Екатерининскаго времени, входившая въ составъ большаго сборника и содержащая въ себѣ между прочимъ слѣдующія статьи:

1) Былину объ Ильѣ Муромцѣ, записанную прозаическимъ пересказомъ, мѣстами съ сохраненіемъ стихотворнаго размѣра. Перемѣта листовъ церковными цифрами. Начала до 9-ой четвертки не достаесть. Конецъ на 29-мъ листѣ.

2) „Сказаніе о трехъ богатыряхъ: Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ“. Передъ этимъ заглавіемъ стоитъ церковная цифра: 33,

показывающая, что въ ряду сборника эта статья была 33-я. Вверху заглавія помѣчено церковными цифрами количество писанныхъ четвертокъ: 18 листовъ, между тѣмъ по четверткамъ перемѣта сдѣлана арабскими цифрами. Конецъ на 18-мъ листѣ. Записана былина тоже безъ соблюденія стихотворнаго склада. Первые три слова заглавія, а также начальныя буквы нѣкоторыхъ остальныхъ словъ, равно и нѣкоторыя рѣчи въ срединѣ *Сказанія* [какъ и въ предыдущей статьѣ объ Ильѣ Муромцѣ] писаны красными чернилами“.

Третье письменное сообщеніе, доставленное настоящему Съѣзду въ отвѣтъ на 57-й запросъ его программы, принадлежитъ академику А. Ѳ. Бычкову. Въ немъ изложены свѣдѣнія о нѣсколькихъ рукописяхъ, принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ и содержащихъ въ себѣ между прочимъ народныя пѣсни. Всѣ эти рукописи писаны въ прошломъ столѣтіи, и въ двухъ изъ нихъ, болѣе обширныхъ и замѣчательныхъ, принадлежавшихъ прежде извѣстному библіофилу С. А. Соболевскому, народныя пѣсни помѣщены на ряду съ романами и пѣснями, сочиненными представителями такъ называемой искусственной литературы. По отзыву г. Бычкова, изъ народныхъ пѣсенъ въ этихъ сборникахъ замѣчательны историческія, солдатскія и эротическія (¹).

Наконецъ, считаю долгомъ упомянуть и еще объ одномъ рукописномъ сборникѣ пѣсенъ, который принадлежитъ В. П. Мордвинову и сообщенъ имъ мнѣ для пользованія. Сборникъ этотъ составленъ въ концѣ XVIII вѣка и, подобно описаннымъ выше рукописямъ Соболевскаго, содержитъ въ себѣ народныя пѣсни вмѣстѣ съ произведеніями искусственной литературы. Не смотря на то, что составитель сборника, не былъ вполнѣ грамотнымъ человѣкомъ, текстъ помѣщенныхъ здѣсь народныхъ пѣсенъ отличается большою свѣжестью народной рѣчи.

Таковы тѣ немногочисленныя свѣдѣнія, которыя было возможно получить къ настоящему Съѣзду въ отвѣтъ на 57-й запросъ программы. Прибавлю еще къ этому, что предварительному комитету были доставлены и нѣкоторые отвѣты отрицательные. Такъ, г. начальникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Ѳ. А. Буллеръ увѣдомилъ, что въ библіотекѣ Архива не имѣется ни одного сборника въ родѣ тѣхъ, о коихъ предложенъ запросъ; такой же отвѣтъ имѣется и отъ г. хранителя рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея А. Е. Викторова. Есть однако полное вѣроятіе, что запросъ программы не дошелъ до многихъ лицъ, которыя могли бы отозваться на него любопытными сообщеніями. Въ интересахъ науки нельзя не

(¹) Сообщеніе А. Ѳ. Бычкова печатается вслѣдъ за докладомъ Л. Н. Майкова. См. стр. 164.

выразить желанія, чтобы такія сообщенія явились хотя бы и послѣ окончанія настоящаго Създа. При тщательныхъ поискахъ, быть можетъ, отыщется и тотъ драгоцѣнный сборникъ, составленіе котораго сдѣлало столь извѣстнымъ имя казака Кирши Данилова, и вообще могутъ найтись памятники нашего народнаго творчества доселѣ неизвѣстные, и притомъ въ пересказахъ не испорченныхъ вліяніемъ позднѣйшихъ культурныхъ условій.

II.

СВѢДѢНІЯ О РУКОПИСЯХЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ, СОДЕРЖАЩИХЪ ВЪ СЕБѢ МЕЖДУ ПРОЧИМЪ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Доставлены академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

Въ Императорской Публичной Библиотекѣ находится три сборника стихотвореній, принадлежавшіе извѣстному библіофилу С. А. Соболевскому и купленные ею у Лейпцигскаго книгопродавца Франка, который приобрѣлъ отъ наследниковъ его библиотечку, заключавшую въ себѣ много рѣдкихъ и единственныхъ экземпляровъ путешествій.

Объ этихъ сборникахъ, какъ о весьма замѣчательныхъ, упоминаетъ П. А. Безсоновъ въ одномъ изъ выпусковъ Русскихъ народныхъ пѣсень и горько сътуетъ на то, что русскія ученыя учрежденія дозволили имъ изъ Москвы перенестись за границу.

Въ двухъ изъ этихъ сборниковъ (№№ 1 и 3) между романсами и пѣснями, которые пѣли лица образованнаго общества и семинаристы, помѣщено нѣсколько народныхъ пѣсень и духовныхъ стиховъ. Изъ народныхъ пѣсень замѣчательны историческія и эротическаго содержанія; солдатскія пѣсни, которыхъ впрочемъ весьма немного, также заслуживаютъ вниманія. Къ сожалѣнію всѣ три сборника бывшаго собранія Соболевскаго переписаны крайне небрежно, неправильно, а иногда и безъ смысла, что значительно уменьшаетъ ихъ достоинство.

Въ рукописи подъ № 4 находится три духовные стиха, изъ которыхъ стихъ о князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ представляетъ нѣсколько любопытныхъ вариантовъ сравнительно съ напечатаннымъ.

Въ библиотекѣ имѣются еще двѣ рукописи, бѣлорусскаго письма, содержащія положенные на ноты стихи, которыя поютъ въ западной Россіи слѣпцы и нищіе. Значеніе ихъ можетъ опредѣлиться чрезъ ближайшее сличеніе ихъ съ такъ называемыми кантичками.

Прилагаю при семъ описаніе четырехъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки, заключающихъ въ себѣ болѣе 450 стихотвореній. Изъ cadaго стихотворенія приведено по два и болѣе стиховъ для сличенія съ другими сборниками.

№ 1. Рукопись въ продолговатую 8 д. листа (Ф. XIV. № 11) изъ собраній С. А. Соболевскаго. Содержитъ простонародныя пѣсни, романсы, солдатскія пѣсни, эротическія стихотворенія и проч. Принадлежала прежде Николаю Рубелеву. Имѣется оглавленіе. 227 листовъ текста и 14 листовъ оглавленія. Скорописью разныхъ почерковъ XVIII и XIX в.

- № 1. Хвалу всевышнему Владыкѣ подщима духъ мой возсылать
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ о Немъ пока могу дыхать.
- № 2. Полно ли духъ мой возмущать, надѣ жалость, ахъ, имѣть
Ежели толко лишь прелцати запрети мнѣ себя зрѣть.
- № 3. Всѣ прошли мои забавы, вижу я тебѣ не миль
Тщетно счастиемъ ласкался, тщетно имъ себя плѣнилъ.
- № 4. Чувствуя въ скорби люты самыя той минуты
Какъ я сталъ знать тебя, вольность на вѣкъ губя.
- № 5. При потокахъ на берегу плакала пастушка,
Припадала къ берегамъ, говорить не шутка.
- № 6. Прокляты Купида на что прострѣлилъ, || Стрѣлою глубокой мнѣ сердце пронзиль.
- № 7. Возгреме горце плачевная муза || Терзаетъ сердце свирѣпа Медуза.
- № 8. Ахъ! вельми тяжко, сердце уязвлено || Любовію намъ сіе воспаленно.
- № 9. Здѣсь побудь моя отрада, || Я пойду, млада, до стада.
- № 10. Ахъ какъ трудно жити безъ друга на свѣтѣ
Кого вѣрно люблю не возможно зрѣти.
- № 11. Ругайся злая мною || Подвластенъ сталъ тебѣ
Коль сильною рукою || Взяла мя въ плѣнъ къ себѣ
- № 12. Свѣтло время, || Сложше бремя, || Пойже лица и музицы 2.
- № 13. Прощай мой свѣтъ въ послѣдни разъ || И вспомни какъ любилъ я васъ 2.
- № 14. Приходи несносно время, время горести моей,
Протевайте вы минуты, о минуты лютыхъ дней.

- № 51. Доколѣ имамъ сердце сокрушати || Доколѣ очи въ слезахъ погружати 2.
- № 16. Чисты источникъ ты цвѣтовъ краснѣйши, а мнѣ пріятне всѣхъ луговъ
Ты изъ кусточковъ и меня щастливѣ, горъ и долинъ всѣхъ лѣсовъ.
- № 17. Было время тое, а нынѣ иное, ахъ зло терпѣти
Когда веселилась, нынѣ сокрушилась, чтожъ жити.
- № 18. Молчите струйки чисты и дайте мнѣ вздыхать
Вы птички голосисты престаньте воспѣвать.
- № 19. Не смущай меня драгая, не кажись глазамъ моимъ—
Воля знать судьбы такая, чтобъ тебѣ владѣть инымъ.
- № 20. Ты ужъ стала дорогая, плачучи, безъ глазъ,
Мучишься презѣльно, страдаешь всякой часъ.
- № 21. Въ день несносныя печали часъ источникъ нашихъ слезъ,
Вы какъ тучи набѣжали, помрачили свѣтъ очесъ.
- № 22. Общество наше запрещаетъ чтобъ не жениться никому.
- № 23. Лишь только занялась заря, какъ солнце взошло сверхъ гора.
- № 24. Всѣ забавы мнѣ не милы || Не могу спокоенъ быть.
- № 25. Вамъ прекрасныя долины, гдѣ я съ малыхъ лѣтъ жила
Гдѣ не знала и печали, дни веселые вела || Вамъ тоску свою вручаю.
- № 26. Ахъ! какъ скучно здѣсь одной, гдѣ дѣвался мой покой.
- № 27. Прощай Москва, пришла тоска, жить въ скукѣ, быть въ мукѣ,
Слыть втунѣ съ другими вольности нѣтъ 2.
- № 28. При долинѣ за ручьемъ пастушка гуляла || Глядя туда и сюда нѣчто примѣчала.
- № 29. Ахъ сколько я цвѣла въ лѣтѣхъ молодыхъ, печали не знала въ случаяхъ худыхъ.
Всегда былъ въ той надеждѣ не владѣть мною невѣждѣ слышать не хотѣла 2.
- № 30. Голубонка бѣлетшая || Въ любви теплетшая.
- № 31. Во далече далечѣ да въ чистомъ полѣ 2. || Во хорошемъ во широкомъ во раздолѣ 2.
Еще по край пути широкія дорожки 2. || Стояла стонка бѣленькая береза 2.
- № 32. Пришло время роставаться || И слезами обливаться.

- № 33. Ахъ пьянъ я иду моя голубонка, || Ахъ пьянъ я иду моя и сердонка.
Ахъ не тѣмъ то я пьянъ, что я такъ упился, || Ахъ тѣмъ то я пьянъ, что я повалился.
- № 34. Скажите мысли про мое несчастіе,
Доколь мнѣ жити на семь свѣтѣ въ напасти.
- № 35. Ахъ таланъ ли мой таланъ таковъ 2.
Али участь моя горкая 2 || Ты звѣзда моя злочастная 2.
- № 36. Видишь свѣтъ ты сама, сколько я тебя люблю,
Сколь вздыхаю, сколь крушусь, самъ любя тебя терплю.
- № 37. Что пониже было города Саратова 2 || Что повыше было города Царицына 2,
Протекала пролегала мать Коломенка рѣка 2.
- № 38. Ахъ свѣтъ мой горки въ моей молодости 2,
Печальное сердце не имѣю радости 2.
- № 39. Сердце ноетъ, унываетъ, любезной другъ вспоминаетъ,
Не знаю какъ быть безъ милого быть.
- № 40. Во полѣ цвѣты, цвѣты аленькіе. || Нельзя цвѣтику сорвать, нельзя аленького 2.
Красна дѣвица душа уродилась хороша 2.
- № 41. Фадей, ходя въ долину, узрѣлъ въ кустѣ ежа,
Случилось Надинѣ бѣжать къ нему, дрожа.
- № 42. Я въ печали во великой всегда пребываю,
По тебѣ же моя радость тяжело вздыхаю.
- № 43. Ахъ младья моя лѣта 2 || Дражайшая вся цвѣта 2
Въ несчастіе ушываетъ 2 || Вѣдно сердце въ прахъ сѣдаетъ 2.
- № 44. Отправляюся въ дорогу, не бояся мелкихъ водъ,
Шель берегомъ по лугу нанять судно въ походъ.
- № 45. Разлейтея по рощамъ потоки чистыхъ водъ,
Мнѣ лучше пасти овцы здѣсь будемъ межъ болодъ.
- № 46. Ахъ на нынѣшней недѣли, || Мы въ компаніи сидѣли, || Самъ я знаю гдѣ 2.
- № 47. Ахъ жилъ я молодецъ во своей деревнѣ 2,
Не нашель я молодецъ никакого веселья 2.
Заросла моя деревня горами и долами 2,
Горами и долами тѣмными лѣсами 2.

- № 48. Радость веселая моя не вижу печальну никогда 2,
Я тебя сударушка люблю такъ что всѣ ночи мало сплю 2.
- № 49. Я сама-то красная дѣвица здивовалась 2,
Что куды-то моя молодость дѣвалась 2.
- № 50. Сердцу безъ печали не возможно быть 2,
Кого я люблю вѣрно нельзя что не тужить 2.
- № 51. Иди любезная, есть бо полезная, || Разыграй мя, разгуляй мя, въ любви безмѣрная 2.
- № 52. Еще шла я молода въ вечеру поздно одна, боялась того, что нѣтъ никого 2.
- № 53. Счастлива жизнь тому, кто любви не знаетъ,
Духъ спокоенъ завсегда и не воздыхаетъ.
- № 54. Если вспомнишь обо мнѣ, живучи въ разлугѣ,
Знай, что въ здѣшней сторонѣ я въ несносной скукѣ.
- № 55. Вечеръ млада младешенка я пьяна была,
Не помню млада младешенка какъ домой пришла.
- № 56. Ахъ ты, Дунюша, душечка измучила меня,
Изсушила, сокрушила, не вдалъ давно тебя.
- № 57. Шли скоморохи изъ Новгорода || Ссели ребиночку подъ самой корешекъ 2,
Тесали дощечки тонко на тонко 2.
- № 58. Ахъ, мать Гришу бранила, Терентьевна журила,
Журила и бранила уговаривала 2.
- № 59. Еще кто бы накутилъ, намутилъ 2 || Еще кто бы поскакалъ поплясалъ 2,
Еще кто бы про Неву рѣку сказалъ 2.
- № 60. Во саду ли было во садочкѣ 2 || Во зеленомъ было виноградѣ 2,
Потерялся младъ соловейю 2.
- № 61. Полно, свѣтъ мой, не сердись || Ты въ любовь ко мнѣ склонись.
- № 62. Въ темномъ лѣсѣ 4 || За печью 2 || Засѣку-ль я 4 || Засѣку 2 || Въ чистомъ полѣ 4.
- № 63. Позабудьте меня несчастіе хошь на малое время 2,
Ужъ я и такъ терпѣль довольно печальное время 2.
- № 64. Пойду ли я молода сквозь трои ворота, к. м. м. м.
Сквозь Аничковы, Морскія, Новотроицы, Тверскія, к. м. м. м.

- № 65. Вѣтеръ вѣетъ, лѣсы клонить. | Для меня у воротъ стоитъ дѣвица не одна 2,
Не одна стоитъ, съ удалымъ молодцомъ.
- № 66. Вечерь Дуню мать журила бранила 2, | Журила, бранила за пульное дѣло 2,
За пульное дѣло, за лень, за куделю 2.
- № 67. Вы лазуревы цвѣты разцвѣтайте во саду, | Ужь я ли молода со надеждою иду 2,
Тишкомъ, лужкомъ со милымъ своимъ дружкоймъ 2.
- № 68. Я по жертки шла, я по тоненькой, | Я по тоненькой по еловенькой 2.
- № 69. На улочки хмѣлинушка и стелется вьется
Тебѣ, моя сударушка, вѣра не имѣтся
Стояла я съ милымъ другомъ единой часочий.
- № 70. Что изъ славного города изъ Санктъ Питера
Пролегала путь широкая дорожечка 2, | Что по той пути широкія дорожечки 2,
Туда шло прошло удалыхъ 30 молодцовъ 2.
- № 71. Чтоль то на тихія было на заводѣ 2 | Тутъ плаваетъ сѣрая утица 2,
Не одна плаваетъ съ сизымъ селезнемъ.
- № 72. Либъ ты нашъ Яикъ ли сударь Горыновичъ Яиеъ 2,
Быстрая ты Яиеъ ли сударь секретюшекъ течешь 2.
- № 73. О яблонь ты садовая моя, | Садовая, медовая, наливчатая,
Я сама садокъ садила, сама тѣшила себя.
- № 74. Я по саду хожу хожу, | На цвѣтокъ гляжу гляжу,
Поджавъ рученки ношу ношу, | Я по миленькомъ тужу тужу.
- № 75. У воротъ дѣвка стояла, рукавомъ дѣвка махала,
Рукавомъ дѣвка махала, къ себѣ друга ожидала | Охо, охо, охте.
- № 76. Грустное сердечко тужить ноетъ завсегда,
Я имѣю въ себѣ болѣзнь нестерпимую весьма.
- № 77. Моя радость, твоя сладость во мнѣ пребываетъ
Еще купно неотступно сердцу чаешь жити нынѣ.
- № 78. Подлѣ рѣченку младешенка ходила, | Подлѣ быструю красна дѣвица гуляла 2,
Самоцвѣтные камешки збирала 2.
- № 79. Ехѣ если на моемъ сердцѣ 2, | За мою за грудью бѣлою 2,
Три вручинушки есть три великія у меня 2.
- № 80. Злоѣ несчастіе что мя оскорбляешь 2,
Вся кости во мнѣ мелко раздробляешь 2.

- № 81. Изъ бору бору, бору молодого, | Изъ саду саду, саду зеленого,
Протекала рѣчка сама невеличка, | Омывала рѣчка крутые бережки.
- № 82. Ахъ житье мое да житье бѣдное,
Изжилъ я свою молодость за бѣдну жалость 2.
- № 83. Ахъ ты матушка, мой милой, государыня, милой,
Животу душа, мой милой, моя матушка, мой милой.
- № 84. Вечеръ млада младешенка я пьяна была,
Не помню млада младешенка, какъ домой пришла.
- № 85. Ахъ рѣченки рѣченки, холодныя водонки 2,
Пособите плакати, мила друга кликати 2.
- № 86. Что у нашей было матушки Государыни 2, | Собиралась наша армія во собраньице 2,
Во собраньице собиралась, въ землю Прусскую 2.
- № 87. Еще тысяча семьсотъ было въ пятьдесятъ седмомъ году,
Что у нашей было матушкѣ Государыни 2,
Соѣзжались генералы къ графу Фермору 2.
- № 88. Ахъ одной то тебѣ травонки въ полѣ тошно 2,
Еще намъ братцы солдатамъ жить несносно 2.
- № 89. Ахъ ты дорожечка да дорожечка 2, | Путь широкая да Московская 2,
Потаковшица ворами да разбойникамъ.
- № 90. Изъ за лѣсу да лѣсу темного, | Изъ за горъ горъ да крутыхъ высокихъ 2,
Выкатался младъ свѣтелъ мѣсець 2, | Со луною братцы со свѣтлою 2.
- № 91. Что гулялъ молодець по украинны, | Загулялъ молодець королю въ Литву 2,
Онъ служилъ королю вѣрой правдою 2, | Онъ въ очью за очью неизмѣнною 2.
- № 92. Ахъ вы сродцы мои сродцы да хлѣбосолцы 2,
Вы которую корысть себѣ получили 2,
Добра молодца съ красной дѣвицей разлучили 2.
- № 93. Молодець моя радость молодой, | Моему сердцу на свѣтѣ дорогой 2,
Сокрушаешь молодешенку меня 2, | При печаляхъ не узнала другъ тебя 2.
- № 94. На рѣки, рѣки, на тихомъ Дунаѣ 2, | Мыла Марюсенька бѣлыя ножки 2.
- № 95. Сердце лапушка сударушка моя 2, | Полно радость сокрушать, сердце, меня 2.
- № 96. Хорошая пригожая красная дѣвица 2.

- Черноброва, черноглаза бѣло круглолица 2,
Въ бѣломъ лицѣ алой колеръ завсегда играетъ 2.
- № 97. Сверху внизъ то было по матушки до Камышъ рѣки 2,
Супротивъ того славного устьяца до Самары рѣки 2.
- № 98. Въ огородѣ хмѣль высоко растеть, || Изъ того хмѣлю пиво варено 2,
Пиво варено наканунѣ рождества 2.
- № 99. Вечеръ то мнѣ матушка малымъ мало спалось 2,
Малымъ мало спалось много видялось 2.
- № 100. Ахъ какъ пью теперь за здравье вамъ скажу какое 2,
Здравствуй радость дорогая обще веселая 2.
- № 101. Изъ подъ камешка огонь горить 2, || Изъ подъ втораго ключи кипятъ 2,
Изъ подъ третьяго искры сыплются 2.
- № 102. Ахъ любишь ли, мой свѣтъ, хоша мало или нѣтъ 2,
Буде любишь—ты скажи, а не любишь—откажи 2.
- № 103. Ты кропива, ты кропива, зла жгучая 2, || Одолѣла ты кропива поле чистое 2.
- № 104. Буря море подымаетъ, || Вѣтромъ волны раздымаетъ 2,
Вѣтру стала перемѣна 2, || Вездѣ въ морѣ кипить пѣна 2.
- № 105. Ахъ ты камень ли ты мой камешекъ, || Дорогой ли камень лазоревой 2.
- № 106. Свѣтъ милая хорошая моя, || Есть ли лапушка любовь твоя ко мнѣ 2.
- № 107. Что по травкѣ по муравкѣ, по лазоревымъ цвѣтамъ 2,
По Московской по дорожкѣ 2, || По калиновому мосточку 2,
Тутъ стояла нова квартира.
- № 108. Ахъ во городѣ посадѣ, въ Устюгѣ Великомъ 2,
Были жили двѣ дѣвицы родные сестрицы 2.
- № 109. Ахъ на праздничной недѣлѣ мы за блядью прогледѣли
Ея чудеса ровно два часа.
- № 110. Ужъ какъ на лугахъ лужечикахъ на зеленыхъ 2,
На зеленыхъ лужечкахъ на царевыхъ 2.
- № 111. Посѣю я лебеду да лебеду 2, || Сама пойду съ другомъ по воду 2,
Нѣту нѣту ни драгуна ни воды 2, || Выгорала лебеда вся безъ воды 2.

- № 112. При вечерней при зорѣ во Петровской слободѣ
Страмила мать дочь: отстань отъ тѣхъ прочь.
- № 113. Какъ во далече во чистомъ полѣ, что подъ яблонью подъ кудрявою 2,
Что подъ грушею подъ зеленою 2, || Молодецъ дѣвицу журиль браниль 2.
- № 114. Зловредней мой нынѣ случай, || Престань больше мнѣ не скучай 2,
И такъ сердце зло уныло 2, || Любви нѣту мнѣ не мило 2.
- № 115. Ахъ какъ по морю, морю да морю синему 2,
Что по синему морю да по Веряйскому 2.
- № 116. Ты не пой, ты не пой, ретивое мое сердечко 2,
Ты не плачь, ты не плачь, душа ли красна дѣвица 2.
- № 117. Что никто-то про то не знаетъ, братцы, не вѣдаетъ 2,
Что любовь ли держитъ дѣвица съ добрымъ молодцомъ 2.
- № 118. Что со вечера доброй молодецъ женился 2,
Со полуночи во солдаты да записался 2.
- № 119. Лучилосе мнѣ доброму молодцу мимо зеленой садъ ѣхати 2,
Хорошо добре въ саду слышалось 2, || Не бѣлая лебедь воскикала 2.
- № 120. Ты прекрасная Марына роца 2, || Ты къ чему рано зашумѣла 2.
- № 121. Вострепешетца соколъ на дубу сидячи 2,
Что расплачитца дѣвица въ терему сидячи 2.
- № 122. Когда жъ мои очи знать васъ начали 2,
Всѣ стали притчины моей злой печали 2.
- № 123. Нынѣ ужъ не знаю какъ свѣтъ жить 2, || Недоумѣваю что больше творить 2.
- № 124. Подъ дубомъ, подъ дубомъ, подъ дубиною 2,
Подъ вязомъ, подъ вязомъ, подъ вязиною 2.
- № 125. Когда жила въ воли была весела, || Едино противно и все не мило 2.
- № 126. Язва, язва любовь твоя, бѣдна, бѣдна зла моя,
Идутъ ночи, плачутъ очи, спать не даютъ.
- № 127. Добра панна, красна Діанна, здравствуй на лѣта 2.
- № 128. Ахъ я палась, перепалась, давно съ другомъ не видалась 2,
Увидялась радовалась, совѣсть, любовь помѣшалась 2.

- № 129. Что по край моря синего 2, || По середки поля чистого 2,
Туть стояла темна темница 2, || Зло злодѣйка заключена тюрма 2.
- № 130. Ахъ злое время мучительное 2, || Тяжко, прескорбно, крушительное 2,
Ахъ меня любовь побѣдила 2, || Изъ сердца вонъ меня сокрушила 2.
- № 131. Ужъ я думала, подумала 2, || Чюжева разума послушала 2.
- № 132. Кровать моя кроваточка, кровать тисовая, срублена
Кроваточка изъ безчестна древа поставлена тисовая.
- № 133. Служилъ я пану первое лѣто, даль же мнѣ панъ курочку.
- № 134. Ахъ какъ по мосту мосточку, по калинову мосточку 2,
Туть и шли красны дѣвицы, двѣ названья сестрицы 2.
- № 135. Колесовы тѣ дѣвицы 2, || Охочи гуляти 2,
Пару коней запрягали 2 || Во писаны сани 2.
- № 136. Ахъ ты дубъ мой дубъ 2, || Я бѣла береза 2,
Ахъ ты другъ мой другъ 2, || Я твоя надежа 2.
- № 137. Не отъ вѣтра синее море сколебалось 2,
Не отъ вихоря темные лѣса приклонялись 2,
Не отъ искры, братцы, сырой дубъ загорался 2.
- № 138. Что во Кіевѣ въ монастырѣ 2, || Отче владыче архимандриче челоуѣколюбче.
- № 139. За рѣкою бѣлъ яръ хмѣль 2 || По кусточкамъ вѣтся 2,
Перевеса бѣлъ яръ хмѣль 2 || На нашу сторонку 2.
- № 140. Въ колѣняхъ у Венеры сынокъ ея игралъ.
- № 141. Ахъ мое сердце дай себѣ покой, || По своей любезной печально не ной.
- № 142. Полно, свѣтъ мой, не гордись красотою ты своей 2,
Коль плѣнила, веселись, я во власти ужъ твоей 2.
- № 143. Долго ль быть мнѣ въ семъ смущеньи.
Долголь содержать тебѣ въ призрачїи.
- № 144. Будь вѣрна такъ драгая, какъ ты слово мнѣ дала,
Ты лишила мя свободы, сердце въ плѣнь себѣ взяла.
- № 145. Для того ли твой, драгая, нѣжной жаръ меня плѣнилъ.
- № 146. Возыграйте пастушки || Со веселїемъ въ рожки.

- № 147. Я посѣю бѣлой ленъ 2, || Во чистое поле 2,
Уродился бѣлой ленъ 2, || Онъ тонокъ и дологъ 2.
- № 148. Взойди скоряе солнце, ночь темна проходи.
- № 149. Ты не вѣришь, что мила мнѣ, долголь не вѣрить,
Вѣдь не всякой, какъ ты чаешь, тшится лицемѣрить.
- № 150. Не крушися, дорогая, въ отдаленной сторонѣ,
Не тревожь мой духъ страдая, не терзайся обо мнѣ.
- № 151. Ахъ пещера дорогая, я растался ужъ съ тобой.
- № 152. Нѣтъ надежды, какъ не лщуся, мнѣ свободу получить.
- № 153. Лишь лучи солнцу свѣтъ дали || Пастушки овецъ погнали.
- № 154. Не великъ хотя удѣлъ, да живу съ покоемъ:
Скатерть, столникъ, пища есть, въ мысляхъ своихъ воленъ.
- № 155. О любовь, любовь несчастна, въ коей я зарождена.
- № 156. Знать судьба опредѣлила, || Чтобъ тобой мнѣ плѣнну быть.
- № 157. Не старайтесь лестны мысли вы надеждою питать,
Знать и тѣни мнѣ весельевъ ужъ на свѣтъ не видать.
- № 158. То теряю, что люблю, || Ахъ какой ударъ терплю.
- № 159. Нѣту отрады въ сей моей печали, || Множить всегда мою напасть.
- № 160. Весь духъ воспламенился, || Отъ нечаянна огня,
Весь мой нравъ премѣнился, || Какъ плѣнила ты меня.
- № 161. Полно, полно, ахъ несчастье, обладать мною губя.
- № 162. Негдѣ въ маленькомъ лѣску, при потокахъ рѣчки,
Бѣжалъ пастухъ по песку, стеречи овечки.
- № 163. Подлѣ рѣченьки младешенка хожу, мураву траву притаптываю 2,
Загоняючи гусей, лебедей, перелетныхъ сбрыхъ уточекъ 2.
- № 164. Я не вижу дорогова ни въ пещерахъ, ни въ поляхъ,
Только тѣнь его любезна завсегда въ моихъ глазахъ.
- № 165. Сколько милъ ты мнѣ, любезной, столько бѣдствія терплю,
Я люблю тебя смертельно, но въ несчастію люблю.

- № 166. Знать напрасно воздыхая, | И къ тебѣ питаю страсть.
- № 167. Для того ль я въ страсть любовну, для того ль я отдалась.
- № 168. Прекратилися случаи часто видѣться съ тобой,
И исчезните минуты, какъ была ты страстной мной.
- № 169. Все, что мысли предвѣщали, все свершилося со мной.
- № 170. Встань з, страхнись солдатъ, | Становись скоро въ парадъ.
- № 171. Что я кому виновать, за что погибаю,
Нигдѣ отъ злыхъ человѣкъ покою не имѣю.
- № 172. Сидитъ баба на валу, обѣдъ сулитъ тремъ тремъ поецы давать 2.
- № 173. Заюшка гдѣ ты былъ, да побывалъ, | Бѣленькой, гдѣ ты спалъ да почевалъ.
- № 174. Стукнуло брякнуло въ лѣсѣ 2, | Комаръ съ дубу свалился 2.
- № 175. Гдѣ жъ моя дзѣвонюшка ходила, гдѣ жъ моя названушка гуляла?
Между стоги, между логи, моя мацы панья, моя добродзейка.
- № 176. Велѣла жъ мнѣ мати зеленъ ячень жати:
Жни 2, моя Дуненко, жни 2, моя серденко.
- № 177. Поди сюда, драгая, поди пастушка съ горъ,
Или престань, о злая, на меня метать свой взоръ.
- № 178. Куда манишь-то знаю, далеко не иду.
- № 179. Что злая можетъ быть мученья, | Какъ въ неволѣ вѣкъ изжить.
- № 180. Горы, долины, всѣ лѣса густые, | И вся прекрасная страна.
- № 181. Въ ту минуту какъ стараюсь, | Навсегда тебя забыть.
- № 182. Въ первой разъ тебѣ, драгая, | Открываю страсть мою.
- № 183. Хотя пастушекъ слыву, | Въ вольныхъ мысляхъ вѣкъ живу.
- № 184. Для того ль я въ дни разлуки | Здѣсь страдала безъ тебя.
- № 185. Гдѣ въ печали сей мнѣ скрыться, | Грустно мнѣ во всѣхъ мѣстахъ.
- № 186. Почто открылась я | Невѣрному столь ясно.
- № 187. Для того ль я такъ терзалась, | О жестокой, отъ тебя.
- № 188. Ты сердце распалила | И кровь во мнѣ зажгла.

- № 189. Ты не думай дорогая || Кто милые тебя былъ,
И не думай, что иную || Я столь много бы любить.
190. На что, плѣнясь твоей красою, || Я сталъ тебя мой свѣтъ любить.
- № 191. Хоша путь мнѣ къ щастію затворенъ, || Хоть нѣтъ надежды милымъ быть.
- № 192. Обопчатыя мученьи люты, || Несносная тоска пройдетъ.
- № 193. Долго ль мнѣ тобой смущенну, || Безъ отрады вздыхать.
- № 194. Сколько грусти и мученья || Намъ бесплодну страсть сулить.
- № 195. Что могъ я часть оплакать люту || И пламенну покоить кровь.
- № 196. Теки скоряе время злое, || Промчи печаль мою съ собой.
- № 197. Не кидай притворныхъ взоровъ || И не тщись меня смущать.
- № 198. Гдѣ тѣ клятвы дѣлись нынѣ || Чтобы вѣчно меня любить.
- № 199. Что въ тебя мой свѣтъ влюбился, || Невозможно то мнѣ скрыть.
- № 200. Не притворствуй предо мною, || Откровенно мнѣ скажи,
Что плѣнился ты иною, || Лестны мысли отложи.
- № 201. Проходить время дорогое, || Проходятъ радостны часы.
- № 202. Размученъ страстію презлою || И вверженъ будучи въ напасть.
- № 203. Оставь плачевное стонанье, || Плѣнясь мною испускать.
- № 204. Я больше сердцемъ не владѣю, || Коль ты ево владѣть могла.
- № 205. Кручинушка, кручинушка красной дѣвицы 2,
Что любилъ меня милъ сердешной другъ, да онъ покинулъ 2.
- № 206. Милешенка, милешенка своя сторона 2,
Еще тово милые да красна дѣвица 2.
- № 207. Ахъ ты душечка дородней доброй молодець 2,
Ты зачѣмъ въ гости не ходишь, другъ, не жалуешь 2.
- № 208. Толь награда за мою вѣрность прямую ревность искренность.
- № 209. Гдѣ ни гуляю, ни хожу, || Грусть превеликую терплю 2.
- № 210. Будь вѣрна такъ драгая, какъ ты слово мнѣ дала.

- № 211. Вспомнишь ли меня, мой свѣтъ, въ дальпой сторонѣ:
Или ты не думаешь вовсе обо мнѣ.
- № 212. Что со вечера было у насъ 2, || Грозная туча сходилась 2,
Со полуночи было у насъ 2, || Крупень дождь побрызнулъ 2.
- № 213. Ты злодѣйка, да злокоманка, змея лютая 2,
Изъ норы ты, змея, ползешь, сама озираешься 2.
- № 214. Сиротинушка да дѣтинка 3, || Безпріютная твоя голова 2,
Вдоль по улицѣ радость гуляетъ 2, || Ево грусть тоска разнимаетъ 2.
- № 215. Чертъ проклятой дѣло намъ затѣялъ,
Мысль картежну въ сердца въ наши всѣялъ.
- № 216. На морѣ синичка не пышна была 2, || Не пышна была пиво варила 2.
- № 217. Возыграйте пастушки || Со веселиемъ въ рожки, въ рожки.
- № 218. Радуйся пастушка драгая || Вспомнишь ли ты какъ ты есть едная.
- № 219. Ей, ей мимо моего садау 2, || Мимо моего зеленого 2,
Ей, ей мимо моего зеленого 2, || Пролежала дорожечка 2.
- № 220. Въ первый разъ тебя увидѣлъ, || Я свободу потерялъ.
- № 221. Знать конца моей напасти || Никогда мнѣ не видать.
- № 222. Ты источникъ злыхъ напастей || И причина всѣхъ забавъ.
- № 223. Плачьте вы, смущенны очи, || Бѣдно сердце унывай.
- № 224. Житье въ школѣ не по насъ, || Во единъ день бьютъ сто разъ.
- № 225. Ахъ ты лѣто, да лѣто теплое, ты да весна да красная,
Что да не ты то меня да сушишь крушишь.
- № 226. Какъ проходитъ дорогая мимо келью 2,
Мимо келью, гдѣ чернецъ бѣдной горюетъ 2.
- № 227. Туши мой жаръ любовной ты стыдливость.
- № 228. *Псалма.* Коль наше на семь свѣтъ житіе плачевно.
- № 229. Зрю, что жаръ твой угасаетъ, || Коимъ ты ко мнѣ пылалъ.
- № 230. Въ дѣвахъ я была прекрасна, || Веселилась всякой часъ.

- № 231. Полно мысли отягченны || Представлять себѣ тово
- № 232. Знать судьба мнѣ такъ судила, || Чтобъ въ страданье вѣкъ изжить.
- № 233. Забывай меня любезной, || Ты навѣки забывай.
- № 234. Взоръ прекрасный обожая || Жертвой вѣчно буду я.
- № 235. Повѣрь, радость, по тебѣ || Какъ я воздыхаю.
- № 236. Повѣрь, мой свѣтъ, безъ лести мнѣ, || Что я вамъ объявлю.
- № 237. Я въ морозъ мою скотинку || На рѣку поить гнала.
- № 238. Разлучилася съ любезнымъ || Я розсталася съ душой.
- № 239. Въ свѣтѣ любовь я презираю, || Вѣкъ свой хочу спокойна быть.
- № 240. Прекрасная тобою я мучуся теперь, || Мнѣ нѣтъ тебя милые—тому мой свѣтъ повѣрь.
- № 241. Прости жизнь холостая, || Тебя я измѣнилъ.
- № 242. Одно ружье отъ батюшки || Въ наслѣдство получилъ.
- № 243. Одну въ наслѣдство муфточку || Имѣла у себя.
- № 244. Не бушуйте вы вѣтры буйные 2, || Вы буйные вѣтры осенніе 2,
Успокойтесь вы моря синія 2, || Не волнуй море Средиземное.
- № 245. При потогахъ на берегу || Плакала пастушка.
- № 246. Тиранка дорогая, || Позволь себѣ сказать.
- № 247. Доколѣ имамъ сердце сокрушати, || Доколѣ очи въ слезахъ погружати.
- № 248. Поди прочь, не докучай мнѣ молодець, || Мнѣ и такъ скучно пасти одной овецъ.
- № 249. Полно, свѣтъ мой не гордись, || Красотою ты своей.
- № 250. Теперь ужъ ты знаешь || Какъ люблю такъ скажешь.
- № 251. На берегу подъ тѣнью дровъ || Пастушка сидѣла.
- № 252. Ахъ какъ трудно человѣку || Жить въ несчастьи въ младомъ вѣку.
- № 253. Возгремѣ горце плачевная Муза, || Терзаетъ сердце свирѣпа Медуза.
- № 254. Не смущайся мысль доброжеланна, || Ты есть славна ты и добронравна.
- № 255. Искоренѣ славъ сердце || Процвѣтаетъ мила.

- № 256. Пороки попираю || Въ храмъ чести кто идетъ.
- № 257. Хоть не хочется женится, || Да не смѣю провинитца.
- № 258. Помнилъ ли меня, мой свѣтъ, || Въ дальней сторонѣ.
- № 259. Какъ ударилъ мя рокъ злой || И рогался я съ тобой.
- № 260. Ты смѣйся надо мною, || Любовница моя.
- № 261. Ахъ какъ нынѣшна весна, || Разцвѣла весна красна,
Очень хороша, || Какъ прежде была.
- № 262. Уже ты поле, ты поле чистое 2, || Ты раздольеце мое широкое,
Уже всѣмъ ты поле изукрашено || Ты ли да ꙗкалиною и малиною или черною
ягодою смородиною.
- № 263. Не сердись радость Клариза, || Что съ тобой я такъ пошутить.
- № 264. Разъ мнѣ вздумалось гулять || По прекрасной улицѣ.
- № 265. Нѣкто въ городѣ живетъ, || Что зовутъ судьбою.
- № 266. Что мнѣ нужды въ свѣтѣ семь страсти разбирати,
Если кто худо живетъ—мнѣ не отвѣчати.
- № 267. Пороки попирая, въ храмъ чести идетъ.
- № 268. Съ тѣмъ ли насъ хозяинъ звалъ, || Чтобы мы молчали.
- № 269. Если честность кто знаетъ, || Всегда правду наблюдаетъ.
- № 270. Вдругъ съ полночи у насъ зашумѣло, || Громовая музыка гремѣла.
- № 271. Клаоръ искать сталъ мѣста, || Гдѣ бъ посвататься ему.
- № 272. Плюнемъ мы на грусти, скуки, || Возьмемъ въ руки.
- № 273. Какъ капуцинское ты платье надѣвала,
Не платье тебя, но ты платьемъ украшала.
- № 274. У нашего широкова двора || Собирались красны дѣвушки въ вружебъ.
- № 275. Петиметры говорятъ 2, || Что я живу скупю;
А скупые то бранятъ, || Что я живу глупо.

№ 276. Я твой стонъ внимаю || И теперь то знаю,
Что ты любишь, что ты вѣренъ.

№ 277. Не гордитесь красны дѣвки, || Ваши взоры какъ издѣвки || Не бѣда.

~~~~~
№ 2. Рукопись въ продолговатую 8 д. л. (0. XIV № 12) изъ собранія С. А. Соболевскаго. Снабжена оглавленіемъ. 114 листовъ, скорописью XVIII и начала XIX вѣка, разныхъ почерковъ.

№ 1. Приятныя очи зрель бы васъ всечасно
Алыя уста целоваль бы славно.

№ 2. Едину тебе вижу друга возлюбленна
В макайеѣ камене паче драгоценна.

№ 3. Серце страдаетъ || Любви желаетъ всегда || Друга зрети.

№ 4. Ныне умираю, светъ моі Катенка, || На тя уповаю, другъ мои, сладенко.

№ 5. Или все такъ хочешь жить, || Чтобы вовсе не любить.

№ 6. Се не омурно, но очень дурно можетъ назваться,
Что надо мною спѣсью такую изволишь ламаться.

№ 7. Из очей слезы катятца тяжко въздыхаю,
Проклятны жалю родятца покою не знаю.

№ 8. Могу ль то зрети и получитьи, || Чего ищу всегда прилежно.

№ 9. Есть красота цветуща паче розъ и алей,
Много добротъ имуща, а все природно ей.

№ 10. Острыя взоры твои мя прелцають, || Минны умільны мя удивляють.

№ 11. Ныне получаю, что давно желалъ, || Любезную склонность въ сердцѣ воспріалъ.

№ 12. Ахъ бедное серце, что такъ нещесливо,
Не всегда ль такъ будешь мучить поколь живо.

№ 13. Толь награда за мою верность || Прямою ревность і искринисси.

№ 14. Распалися моя радость по тебѣ любимая
К тебе якъ огонь всегда нестерпимая.

- № 15. Едина моя благая радость || Верна надежда сердечная сладость.
- № 16. Теперь прости радость, оставайся здесь,
Ахъ с печали у ней погибаю весь.
- № 17. Язву язву в любви страдати || И сердцу на всякъ часъ умираю.
- № 18. Красныи цвѣтокъ роса благовонна || для чего такъ || къ любви моей не склонна
- № 19. Сѣи сѣчи сѣчи приятныя стрѣлы!
В сѣти ловити сердца многихъ смѣлы.
- № 20. Вы дали язву ясъ первоі раз видел,
Коль неисцеліма краіняя мнѣ гибель 2.
- № 21. Ахъ, свете красный, что такъ учиняешь,
Покинувши правду лукавство вылюбляешь.
- № 22. Приди ко мне любезная: дай мне свою руку,
Слезы моя проливаю: ты зри мою муку.
- № 23. Игра в карты беспокоина, а я ігрокъ бедный,
Проигрался, проматался, продержался едны.
- № 24. Соколь презелный—серце во мнѣ таетъ,
Кого я люблю, той не взираетъ.
- № 25. Ахъ, друже мѣй прекраснейшій, над всеми избранны,
Любовь моя горитъ к тебе всегда непреставно.
- № 26. Летитъ ахъ младость все въ несчастіи,
Ей не имѣю 2, | ей не имѣю 2, || ни въ чемъ радости.
- № 27. Самъ я ахъ не знаю какъ на свете жити,
Что печали я великоі не могу избыти 2.
- № 28. Ахъ, светъ мой горкій моеи молодости,
Печаль мне терпеть не имею радости.
- № 29. Буре море воздымаетъ, ветеръ волны подымаетъ,
Сверху небо почернело, кругомъ море потемнело.

- № 30. Сѣхъ трудно есть жити безъ друга на свете
Кого верпо люблю не возможно зрети.
- № 31. Едина в мире притчина бываетъ,
Внегда во любви с кемъ кто пребываетъ.
- № 32. Спеши мысль зрело мне разсуждати
Какъ мне напасти избежати.
- № 33. Аще бы постоянство пребывало во свете
Любовь тверда неприменна, еже есть никогда отмѣнна.
- № 34. Мерски в сѣмъ стали і совсемъ пропали
Худыми поступки себя обругали.
- № 35. Посмотри в печали другъ любви сердечной
Еликия текутъ мысли к любви бесконечно.
- № 36. А что мне за утеха что не помогаетъ
Когда щастіе любви всякой лишаетъ.
- № 37. Спасибо драгая, что не покидаешь
Когдажъ не примолвлю не оставяешь.
- № 38. Если на смотръ можно Парису приставити нашу Элису.
- № 39. Береа вновъ расцветаетъ, какъ цветъ красотою,
Вся доброта всего света съ единымъ съ тобою.
- № 40. Якъ крутые береженни воду замутили,
Такъ меня злые напасти въ житіи сокрушили.
- № 41. Зелѣ тому болезненное сердце мечемъ изранено
Кто любить друга сердечно.
- № 42. Дружеская благость і щедрая милость
Спрословлема бываетъ всемі человекѣи.
- № 43. Вы скажите мысли про мое бещастіе
Долголь еще жити на свете в напасти.
- № 44. Скажи мне соловейка правду, | Где я свою міленькую знайду.
- № 45. Феба разыгралась совсемъ разметалась, | Се радость моя.
- № 46. *Выръзанъ.*

- № 47. Когда мои очи знати васъ пачали
Вы стали причина всей моей печали.
- № 48. Добро тому жити, кто весель живеть
Щесливъ лежитъ слыши векъ сладкии пльветъ,
- № 49. Когда жила в воли—была весела,
Нещастье напалѡ і беда пришла.
- № 50. Житье море беспокоино, а я челнокъ малыи;
Посреди волнъ безнадежны бьютъ отвсюду волны.
- № 51. Хорошо жь того кохати, толко потомъ не вздохати,
Бо в коханю всегда беда, любившиися не дастъ вида.
- № 52. Чемъ я тебе досадилъ моя дорогая,
Вижу, что есть у тебя забава другая.
- № 53. Чимъ я жь тебе виновать: ты жь моя девонька,
За что жь меня не возлюбила: где твоя правдонька.
- № 54. Люблю тя друже мои паче себя, || Не вижу тебя—трачу себя.
- № 55. Давай давай рученку любезная мнѣ
Примі мое сердце: дарую тебе.
- № 56. Ахъ сколько цвела в летехъ молодыхъ,
Не знала печали в случаяхъ худыхъ.
- № 57. Съткуду бѣда внезапно пришла || Многи печали с собой принесла
Вселпла в сердце терзанае мое.
- № 58. Аленкій цветочикъ, какъ ты процветаешь
Ненаглядна радость где нынѣ гуляешь.
- № 59. Печаль неволя і злая доля прочь прочь отвалитесь,
Злые горести бездѣльныя лести отъ мя отщтитесь.
- № 60. Когда мои очи знати васъ пачали
Вы стали притчина всей моей печали.
- № 61. Ахъ туча злости незапно явился || Лютое време ко мне приближися.
- № 62. Лутче бѣ мне тебя не знати || Нежели любивъ перестати
Терплю беду я у васъ неволю || Плачуся я на нещастную долю.

- № 63. Ахъ есть трудно челоуѣку ! Жить въ несчастномъ младомъ вѣку.
- № 64. Гей гей что девчине стало: || Ходить смутна и личикомъ спала.
- № 65. Приди друже ко мне посмотри что зло мне
Радость вся пропала і сердце упало.
- № 66. Долголь вамъ напасти безотступными быти,
Или хотите бѣдна меня сокрушити.
- № 67. Прочь вольность моя, прочь веселыи правъ,
Слышу я въ моемъ новъ въ сердцѣ уставъ.
- № 68. Кая притчина, что мя безвинно скорымъ отказомъ отлучаешь.
- № 69. Отсюду я вижу, какъ люди лукавы,
Нѣтъ совести в свете, злы стали правы.
- № 70. Отправлялся в дорогу не боіся водъ,
Шель берегамъ пологу нанять судно в походъ.
- № 71. Добро нужу женку любить: || Кто можетъ любви секретъ хранити
Мысли сѣхотны.... || Кохатъ свободны.
- № 72. Куды уменъ, другъ мой, что столь догадался,
Пріискавъ себѣ другую—миѣ отмѣненъ стался.
- № 73. Когда бы я щесливый то не дагодався
Улюбившись въ дѣвоушку, а не покумався.
- № 74. Доколе имамъ сердце сокрушати, || Доколе сѣчи въ слезахъ погружати.
- № 75. На что жъ было зачинать, лишь меня темъ умерщвять, лутче бѣ было не казать
Знакъ, знакъ, знакъ любви твоей ко мнѣ.
- № 76. Когда друга зрѣла тогда не тужила, || В веселіи жила все дні проводила.
- № 77. Ахъ нещесливый тотъ въ свете, кто чего лишенный
Еже дивно во дни и въ ноци сердемъ утружденны.
- № 78. Векъ мой и жизнь свою плачу: молодые лета трачу
Живу в слезахъ непрестаныхъ сѣтъ наветовъ печалннхъ.
- № 79. Хорошо бѣ тебе веселитца,
Чтобъ после некрушитца: в веселье живетъ беда.
- № 80. Сѣ горе горе мне бедному мнѣ, || Живу без мила друга единому мне тошно.

- № 81. Печаль с любовью в сердце сошлись, | Но чуть с собою не подрались.
- № 82. Ахъ какъ в свете злоба умножилась между человѣки;
Обетшала дружба и вѣрное сердце о попишные вѣки.
- № 83. Да вси шъ наши береженки вода понела,
Да вжешъ мою Марусенку смутенка взела.
- № 84. Ахъ крался Аморгъ | До сердечныхъ каморгъ;
Въ сердце вселился, | Тамъ затворился.
- № 85. Любовь в сердце влетела до самаго тела
Все съсмотрела и гнездо содела.
- № 86. Великую теперъ радость маю на примете
Егда любовь тайну скрыту всегда хочу имети.
- № 87. Ахъ, ахъ, ахъ, житье бедно: ѿ коль сердцу вредно
Печали умножаетъ къ тому сообщаютъ напасти.
- № 88. Никто взгадаеть на свете | Яко успе з людмі жити.
- № 89. Я молчу на вѣкъ згораю | Красотою что желаю.
- № 90. Горко, горко претерпевати, | Буду буду время ждати.
- № 91. Любить любить жестока рана | Пуще ѿтъ меча в сердце задана 2.
- № 92. Бьютъ корабль волны,
А я сталь въ горе вѣмъ страхомъ полны | Въ семъ свирѣпомъ морѣ
- № 93. Не могу забыть с кемъ разтоваюсь | Черезъ сей злои случаі я прощаюсь
Лутче бъ я желалъ в горести жити | Нежели драгая тебя ѿтбыти.
- № 94. Не знаю дражайшая, какъ тебя получить,
Хотя бъ мне случилось в нещастіи быти.
- № 95. В нещастіи своемъ весь самъ я рвуся
И в такомъ сердце такъ крушуся.
- № 96. Никогова недостатку я себе не вижу,
Но ахъ в горести безмерной все то ненавижу.
- № 97. Будь верна, светъ мой, люби вечно,
А я люблю тя знаі что сердечно, | Верь, мой светъ, лутче нетъ мне тебя.

- № 98. Веселись сердце видя пристойно || Дало мне щастіе достойно.
- № 99. Знать фартуна мне тобо придетъ умирати,
Коли не хочешь мнѣ и тое жизни ты подати.
- № 100. Сѣй жизнь злая сѣ лютая. || Долго ль скучить и такъ лучить || Тебе милой.
- № 101. Какъ тебе не стыдно, моя госпожа,
Ищишь ты кредита где не положи.
- № 102. Вижу ваши мѣны і всѣ поступки:
Въ городъ только ѣдешь все для покупки.
- № 103. Дамы учитесь: тише любитесь,
Сѣтъ мужей берегитесь, чтобъ не знали; васъ не поимали.
- № 104. Какъ я ноніча былъ у Омѣча, слышелъ новою курьезу,
Что любить да невозможна кренки приказы 2.
- № 105. Мѣи жаль зельный нынѣ пременися въ радость мнѣ,
Ахъ вижду тебя—забавлю себя.
- № 106. Нынѣ приспѣ время мнѣ вамъ объявить:
Вамъ ужъ не учитца по банямъ ходить.
- № 107. Красота преизличная; ясны свѣтъ сѣчен моихъ
Что мя чинишь преобразно || Сладости устенъ моихъ.
- № 108. Нынѣ приспе время мнѣ вамъ доложить:
Вамъ ужъ неучитца, какъ другихъ любить.
- № 109. Почто тужити, || Себя крушити, || В мыслѣхъ всегдашно пребывая.
- № 110. Нынѣ ужъ незнаю, какъ на свете жить;
Недоумѣваю, что болше творить.
- № 111. Нетце мое сердце часто унывало, || Злую печаль знати мнѣ давало.
- № 112. О коль презелно сердце во мне таетъ:
Кого я люблю—того не взираетъ.
- № 113. Долголь мне векъ такъ провождати,
Долголь в печали жизнь такъ изнуряти.
- № 114. Сидела в свѣтлицы красная дѣвпца || Себя забавляла якъ чесна горлица.

- № 115. Ахъ, матушка, жениха жениха, || Сударыня, жениха жениха;
Уже скучно мнѣ в девкахъ жить; || Уже скучно мнѣ девкой слыть.
- № 116. Ахъ мое сердце, дай себѣ покой, || Объ моемъ друге сердечно не ной.
- № 117. Лишь только занялась заря, || Какъ солнце взошло вверхъ горя.
- № 118. Прости драгое стадо, когда не слышу в здешнихъ лесахъ
Гласа чрезъ эхо моей любимой не вижду.
- № 119. Нету забавы плести веночки, || Пасучи стадо на лугахъ.
- № 120. Прости, драгое мои светъ, в последніи разъ и помни, какъ тебя любилъ.
- № 121. Что мя друже оставляешь, || Или уже меня не чаешь.
- № 122. Бедное сердце мое не имать покою,
Палить нещастие мя отъ горесна зною.
- № 123. Бедное сердце коль нещесливо || Не вѣмъ азъ мертво или ты живо.
- № 124. Жалость презелна zelo безмерна || На всякъ часъ сердце сокрушаетъ.
- № 125. Прежде здесь была что радость моя слыла,
А нынѣ то стала что ана отпала.
- № 126. Разные мысли в сердце ощущаю, || Мирские вещи ни во что вмѣняю.
- № 127. Во великой печали всегда пребываю, || По тебе моя радость часто въздыхаю.
- № 128. Просиль зять тещу к себѣ на пива: || Теща моя ласковая будь добра.
- № 129. Присмотри в печали другъ любви сердечной
Кольиные текутъ мысли к любви безконечно 2.
- № 130. Гей доки доки такъ тяжко въздыхати
Часъ по жалобѣ погони сердцу дати.
- № 131. Что в томъ есть забавы честию повреждать,
Пора ету шутку 2, || всемъ перемѣнить.
- № 132. Я в пустыню удаюсь отъ прѣкрасныхъ здешнихъ местъ;
Сколько горестѣй смѣртѣльныхъ я в разлуки должна снести.

№ 3. Сборникъ народныхъ пѣсень, духовныхъ стиховъ, романсовъ и другихъ стихотвореній. Рукопись въ продолговатую 4 д. л. (XIV. Q. № 98), писана скорописью XVIII вѣка на 48 листахъ. На первомъ листѣ: сія книга принадлежитъ адъютанту Ивану Семенову 1767 года. Изъ собранія С. А. Соболевскаго.

- № 1. Грядеть Христось ко Иордану, || Возглаголетъ ко пророку Иоанну,
От таннъ преславныхъ танну несказанну.
- № 2. Апостоли с конца света || Собрашася для совета 2.
- № 3. Златокваную 2 трубу, || Восхвалимъ днесъ свирель пастырскую
И не излосшаго песнь мусикискую.
- № 4. Всіи язицы, всехъ странъ лица, || Восплещите, воскликните всі красно согласно
Слава Богу по премногу.
- № 5. Народился намъ Спаситель, || Всего мира искупитель,
Поите воспойте лики во веки торжествуйте ликуйте 2.
- № 6. Прииде архангелъ въ Назареть ко деве,
Приноситъ радость праматере Евве.
- № 7. Радуйся царице наша заступнице, || Небеснаго пелекана маткою названна 2.
- № 8. В день Христова Рождения, веселимся зде, благо намъ везде,
Хвалу Богу, пети начнемъ, по оной звездѣ. 2.
- № 9. Торжествуи Россіе с воинномъ преславнымъ,
Егда есть вепчанна орломъ двоеглавнымъ.
- № 10. Кто крепко на Бога уповаю, той недвижимъ смотритъ на вся злая;
Ему и в народе мятежь бедны, не страшень мучитель зверовидный.
- № 11. Не плачь Рахили зря чада целы, || Не увѣдають, но процвѣтають 2.
- № 12. Гряди нашъ светъ Елисаветъ,
В градъ самодержавны Петромъ основанны || Великимъ во вѣки.
- № 13. Вивать преславна самодержавна || Благости дверь
Елисавета на многа лета || Петрова дщерь.
- № 14. Днесъ вся Россія распростирай длани. || Егда цареви, дадеса держава.
Вѣнчанна 3 главой 2.
- № 15. Порознь фартуна дары изливала,
Порозть во свете царемъ роздавала.

№ 16. Прочь отступай прочь, ¶ Печальная ночь.

№ 17. Что в томъ есть забавы, честь чью повредить,
Пора эту шутку всею переменить.

№ 1. Где, где, ахъ где укрытся, ¶ О грозной день лютейшей часъ.

№ 2. Прости мой светъ в последни разъ ¶ И помни какъ тебя любилъ.

№ 3. Поверь мой светъ люблю тебя ¶ Лишь толко то сказать стыжусь.

№ 4. Вся во мне вспламенилась кровь ¶ Чувствую любовь.

№ 5. Полноли духъ мой возмущать ¶ Надоль жалость ахъ иметь.

№ 6. Поди поди Надежда прочь ¶ И полно щастье мне сулить.

№ 7. Доколе имамъ сердце сокрушати, ¶ Доколе очи в слезахъ погружати 2.

№ 8. Приди, друже ко мне посмотри что зло мне,
Радость вся пропала и сердце упало 2.

№ 9. Посмотри в печали другъ любви сердечной
Коликие текутъ мысли к любви бесконечной.

№ 10. Толь награда за мою верность прямую ревность искренности
За добродетель платитель такой что можно всяко рассуждати.

№ 11. Ахъ какъ трудно жити без друга на свете,
Ково верно люблю невозможно зрети.

№ 12. Кая притчина что мя безвинно ¶ Скорымъ отказомъ отлучаешь.

№ 13. Сердцу невозможно бес печали жить
Кто любить неложно нелзя не тужить.

№ 14. Ахъ мое сердце дай себе покой ¶ Об моемъ друге печално не пой.

№ 15. И нигде не веселюсь, я везде вздыхаю,
Все смущенно все грущу, отчего не знаю.

№ 16. Красота ль мая преизлична, ясны светъ очей моихъ,
Что мя чинишь преобразна сладостей устенъ твоихъ.

№ 17. Теперь уже ты знаешь, что я люблю ты скажешь
Когда маю рукою ¶ Поди з сюда драгой.

- № 18. Чувствую скорби люты || Самыя тоя минуты, самыя з.
- № 19. Ахъ что есть в свете и в свете по все противное
Не могу жить умрети сердце тоскливое.
- № 20. На далине за ручьемъ пастушка гуляла,
Глядя туды и сюды нечто примечала.
- № 21. При патокахъ на берегу плакала пастушка,
Припадая к пастуху говорить: не шутка
Вонъ купида тамъ летить.
- № 22. Поди прочь, не доучай мне молодець 2,
Я привыкла здесь одна пасти овецъ.
- № 23. Собирались красныя девки за околицу гулять,
Чтобъ когда стадо погонять—овець с поля перенять.
- № 24. Какъ отъ солнца день прекрасной, от воздуха весна ясна
Тамъ реки и потоки очень быстры, и глубоки 2.
- № 25. Отправляясь в дорогу не бояся мелкихъ водъ
Шель берегомъ по логу нанявъ судно в походъ.
- № 26. Житье в море беспокоино, а я челнокъ малы
Посреде волнь безнадеженъ, бьютъ отвсюу волны.
- № 27. Скорпионская злоба меня сокрушаетъ
Левская ярость познастми (sic) терзаетъ.
- № 28. Ой люди, люди, что не разсудливы, || Не разсудливы и не разсуждають.
- № 29. В чемъ я кому виновать, за что погибаю,
Что я от злыхъ человекъ пакою не знаю.
- № 30. Играть в карты беспокойно, а я игрокъ бедны,
Проигрался, промотался, подержался едны.
- № 31. Вдругъ настала перемена: везде в море кипить пена
Сверху неба потемнело: кругомъ моря почернело.
- № 32. Идетъ казакъ из Украины мушкетъ за плечами,
За нимъ идетъ девчиненка с черными очами.
- № 33. Разыгрались красны девки на зеленомъ на лугу,
Гдѣ собравшись хороводомъ и плесали во кругу.

- № 34. Прочь бегу я ѿт чернилъ ! Промысль мнѣ такой не миль.
- № 35. Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына
Протекала пролегала мать Камышенна река.
- № 36. Ахъ! вы выходы, выходы ! Погребѣ Государева.
- № 37. Ахъ талан ли мой талантъ таковъ ! Или участь моя горкая.
- № 38. Не шуми мати зеленая дубровушка,
Не мешай мнѣ доброму молатцу думу думати.
- № 39. На заре то было братцы на утренней,
На восходе краснова солнышка. (о Стенькѣ Разинѣ)
- № 40. Ты воспой, воспой младъ живоронекъ,
Сидючи весной на проталенке.
- № 41. У насъ то было братцы на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону во черкасскомъ городу. (о Разинѣ)
- № 42. Ахъ ты садъ ли ты мой садочикъ ! Садъ да зеленое виноградые.
- № 43. Ахъ ты поле мое, поле чистое ! Ты раздолье мое широкое.
- № 44. Забывай мѣня любезной ! Ты навѣки забывай.
- № 45. Внизъ то было по матушке Камышенкѣ рекѣ
Супративъ то было устьяца Самары рѣки (о кв. Семенѣ Конст. Карамышевѣ)
- № 46. Какъ у нашева широкова двора
Собирались красны дѣвушки въ кружокъ.
- № 47. Во селѣ, селѣ Покровскомъ, среди улицы болшой
Разъ игралась расплясалась красна девица душа.

№ 4, Рукопись въ 4 д. л. (Q. отд. XIV № 9) изъ библиотекы графа О. А. Толстова (отд. V, № 7). Писана полууставомъ поморскаго письма въ концѣ XVIII вѣка, на 9 листахъ.

1. Стихъ святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба обою брату о оубнени брата Сватополка зѣло душеполезна и оумилителна.

Восточная держава Кіева града;
Владимеръ князь имѣлъ оу себя три сыны;
Старѣйшаго Сватополка;
Меншаго Бориса и Глѣба;

2. Стихъ въ пресвятѣй госпоже Богородицѣ и присно Дѣвы Маріи, зѣло оумилныи и душеполезныи.
Чюдная царица Богородице;
Оуслыши молитву рабъ своихъ;
Пріими наши слезы теплыя;
Не лиши насъ царства небеснаго;
Избави насъ муки вѣчныя;
3. Стихъ в недѣлю цвѣтѣную, святаго праведнаго Лазара зѣло душеполѣзна.
Радуиса зѣло дщи Сионе;
Се царь твой вседа на коня;
Софоніа вопиеть Захаріа глаголетъ;
Владыцѣ срѣтши падите и принесите;
Днесъ ваіа финика;

III.

Д В А О Т В Ъ Т А

на 56-й запросъ программы Съѣзда.

Доложены въ засѣданіи 16 августа академикомъ *И. И. Срезневскимъ*.

(См. докладъ въ Протоколахъ Съѣзда, с. СХХI).

1) ОБЪ „ОБЛИЧЕНІИ НА СОЛОВЕЦКУЮ ЧЕЛОБИТНУЮ“ ЮРІЯ КРИЖАНИЧА.

Сообщеніе *И. М. Добротворскаго*.

Въ Казани, сколько мнѣ извѣстно, въ общедоступныхъ библіотекахъ нѣтъ раскольничьихъ рукописей, несомнѣнно относящихся къ XVII вѣку; да и вообще Казань не славится обиліемъ раскольничьихъ рукописей, въ особенности изъ произведеній мѣстныхъ. Но считаю не безынтереснымъ обратить вниманіе Съѣзда на важное для исторіи полемики съ расколомъ сочиненіе, имѣющееся въ моемъ распоряженіи, письма второй половины XVIII в. Это „Обличеніе на Соловецкую Челобитную, сочиненное убо на сербскомъ языкѣ Юріемъ Сербяниномъ, преведено же на славенскій діалектъ московскія типографіи справщикомъ Ѳеодоромъ Поликарповымъ, въ лѣто отъ воплощенія 1704, мѣсяца августа въ день“. Обличеніе на Соловецкую Челобитную Юрія Крижанича замѣчательно: 1) тѣмъ, что писано въ самомъ началѣ отдѣленія раскольниковъ отъ православной церкви (не позже 1675 г.) и представляетъ первое послѣ „Жезла“ Симеона Полоцкаго обстоятельное разсмотрѣніе раскольническихъ возраженій противъ православной церкви; 2) тѣмъ, что писано человекомъ весьма ученымъ, замѣчательнымъ славянскимъ мыслителемъ XVII в., сумѣвшимъ взглянуть на дѣло раскольниковъ несравненно глубже, нежели какъ понимали его сами расколоучители и современныя имъ обличители раскола въ „Увѣтѣ“, „Пращицѣ“ и под.; 3) тѣмъ, что

есть единственное полемическое сочиненіе, писанное противъ русскихъ раскольниковъ католическимъ священникомъ и, за исключеніемъ двухъ-трехъ латинскихъ мнѣній, въ существенномъ съ силою поражающее расколь, и потому пользовавшееся особеннымъ уваженіемъ и употребленіемъ у православныхъ современниковъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, не исключая самого великаго преобразователя Россіи Петра; 4) тѣмъ, что, не смотря на свои достоинства и уваженіе современниковъ, чрезвычайно быстро исчезло изъ употребленія вмѣстѣ съ другими замѣчательными сочиненіями Крижанича, такъ что первыя извѣстія о немъ въ ученой литературѣ появляются только въ половинѣ настоящаго столѣтія и разборъ его сдѣланъ проф. Смирновымъ только въ 1860 году (въ „Твор. свв. отц.“); и наконецъ тѣмъ, 5) что имѣется въ отличномъ переводѣ извѣстнаго въ свое время литературнаго дѣятеля Федора Поликарпова, справщика московской (синодальной) типографіи, въ переводѣ до того рѣдкомъ, что самый послѣдній и самый добросовѣстный и неутомимый изслѣдователь жизни Крижанича и издатель лучшихъ трудовъ его, П. А. Безсоновъ, считаетъ извѣстіе объ этомъ переводѣ Калайдовича, а за нимъ и другихъ ученыхъ, сомнительнымъ и существованіе перевода Поликарпова „призракомъ“ (Юр. Криж., П. Безсон., М. 1870. стр. 34, прим.).

Въ заключеніе къ этому сообщенію считаю нужнымъ присовокупить, что „Обличеніе на Соловецкую Челобитную“ Юрія Крижанича въ переводѣ Поликарпова приготолено мною къ печати и въ непродолжительномъ времени будетъ издано.

---

2) О РАСКОЛЬНИЧЬЕЙ РУКОПИСИ КОНЦА XVII В.

Сообщеніе *И. С. Некрасова.*

Такъ какъ въ программѣ IV-го Археологическаго Съѣзда высказано желаніе — *опредѣлить, какія именно раскольничьи сочиненія XVII вѣка дошли до насъ въ спискахъ несомнѣнно относящихся къ этому вѣку*, то я съ своей стороны имѣю честь сообщить Съѣзду свѣдѣнія объ одной рукописи, принадлежащей мнѣ. Рукопись эта въ 16-ю долю листа въ деревянномъ переплетѣ, обтянутомъ кожею, съ мѣдными застѣжками. Она писана на плотной бумагѣ мелкимъ полууставомъ. Какъ по бумагѣ, такъ и по письму, она принадлежитъ концу XVII вѣка. Между раскольничьими рукописями немного найдется рукописей такого древняго и хорошаго письма. По отчетливости и достоинству письма съ нею наряду могутъ быть поставлены развѣ поздніе списки поморскіе. Для наглядности прилагаю снимокъ съ первой страницы этой рукописи. Въ ней содержится:

1) „Послѣніе блаженнаго страдальца и старца авраамѣа къ великому князю и гдрю царю алексію михайловичю, всѣхъ великихъ и малыхъ и бѣлыхъ росіи самодержца; дабы даль праведныи сѣдѣ, со злымъ сосѣдо^м дѣвольскимъ синономъ патриархомъ и спрочинимъ его темныи властими“.

Грю великому князю алексію михайловичю всѣхъ великихъ и малыхъ и бѣлыхъ росіи самодержца. Бѣеть уело^м бгомолецъ твои грѣшнни уернецъ аврааміи. навластенъ великого московскаго гдрства твоего. онъ власти остриганъ мене бгомолца твоего, исплаи клобокъ иклинналекъ имантію иградскомъ сѣдѣ предади нсо рон го годѣ, февралъ съ ги унсла, идосего времени держимъ зкрѣпкимъ крлоуломъ какъ злодѣн. авнны идсокою инкконъ предъ нимъ властими необрѣтѣю. толко мало изрекъ имъ. правдѣ ѿдогматехъ црковныхъ иннѣ многое блаженіе вкингахъ ихъ правленыхъ обьявилось, и онъ власти сего рѣди нахѣдость мою прогнѣвалъ и молю грѣшникъ изволю гдрь матрпно послати.....

2) На 116 стр. «Послѣніе инока аврааміа страдальца къ нѣкоему бголюбцу».

3) На 125 стр. «Ирѣніе сиренно дѣкона феодора смитрополито^м афонскіемъ икоинскимъ ѿ сложеніи персть въ знаменіи кртномъ. иже бы въ лето 1700».

Послѣ 143 страницы идетъ уже другою рукою XVIII вѣка, „списокъ сучелонтиои соловецкаго митра“,—чѣмъ и оканчивается рукопись.

IV.

„СКАЗАНИЕ О СОЛОВЕЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ И ОБЪ АЕОНѢ“.

Сообщеніе *Н. И. Петрова* (¹).

Подъ этимъ заглавіемъ мы нашли въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVIII в., принадлежащемъ Кіевской Духовной академіи (²), небольшое сочиненіе, заключающее въ себѣ сравненіе Соловецкаго монастыря съ Аѳонскою горою. Сказаніе это интересно по своему тенденціозному взгляду, отдающему предпочтеніе Аѳонской горѣ предъ Соловецкимъ монастыремъ, и въ этомъ отношеніи представляетъ нѣкоторую противоположность Соловецкой Челобитной и соловецкимъ отпискамъ государю. Его можно раздѣлить на три части: предисловіе, изложеніе и заключеніе.

Въ предисловіи указываются нѣкоторые сходные пункты между Аѳономъ и Соловецкимъ монастыремъ. „Соловецкій монастырь,—говорится здѣсь,—во многихъ вещехъ подобится первому монастырю святогорскому лаврѣ: такожде и первенствуетъ на островѣ своемъ, якоже первенствуетъ лавра во св. горѣ, и основаніемъ дологъ, якоже и лавра, подобнѣ такожде и на трое прегражденъ, но градъ большій имать отъ лавры; такожде и на море зреть, якоже лавра. И хотѣхъ быхъ по симъ подобіемъ назвати Соловецкій островъ въ рускомъ государствѣ Аѳонскою горою, но недостатокъ великій сему быти не оставляетъ; недостатокъ бо велій есть въ Соловецкомъ монастырѣ (островѣ) прі Аѳонской горѣ, яко же здѣ въ сей книгѣ по желанію нѣкихъ объявлено будетъ“.

Въ самомъ изложеніи пунктуально доказывается, почему Соловецкій монастырь не можетъ идти въ сравненіе съ Аѳонскою горою. Во первыхъ, Соловецкій островъ меньше Аѳонской горы; во вторыхъ, на немъ одинъ монастырь, а на Аѳонѣ 20; въ третьихъ, верхъ Аѳона несравненно выше, чѣмъ *секрная варака* на Соловецкомъ островѣ; въ четвертыхъ, на Соловецкомъ островѣ случайно нашелся только

(¹) Объ этомъ сообщеніи см. въ докладѣ И. И. Срезневскаго въ засѣданіи 16 августа.—Протоколы Съѣзда, стр. СХХІ.—Читано это сообщеніе на Съѣздѣ не было.—*Примѣч. Редакти.*

(²) См. Описаніе рукоп. Церковно-археол. музея Кіев. академіи, № 294, л. 176.

одинъ пустынножитель, а на Аѳонской горѣ ихъ безчисленное множество и между ними есть великіе подвижники; въ пятыхъ, на Соловецкомъ, или точнѣе, на Апзерскомъ островѣ есть только одинъ скитъ съ каменною церковію и 17-ю келліями, скорѣе похожій на монастырь, а на Аѳонской горѣ, кромѣ монастырей и особыхъ скитскихъ келлій, находятся четыре великіе скита. Пункты, съ 6-го по 9 включительно, касаются различія между Соловецкимъ островомъ и Аѳономъ относительно рыбы, хлѣба, ягодъ, огородныхъ овощей и вообще пищи, а 10-й и 11-й — различія относительно воды и лѣса. Перечисливъ эти различія, авторъ замѣчаетъ: „аще ли бы вѣдалъ сію нужду, еже отвѣщати ми о нихъ здѣ, болѣе бы потщался о всѣхъ увѣдати порядно и написати о нихъ. Но разумному читателю, мню, яко довольно будетъ ко вразумленію и сего краткаго повѣствованія,— и отъ сего мощно познати, чимъ разньствуеть Святая гора отъ Соловецкаго монастыря и острова, и чимъ разньствуютъ монастыри святогорстїи и скиты святогорстїи отъ скитовъ соловецкихъ и пустынники святогорстїи отъ пустынниковъ соловецкихъ“.

Въ заключеніи, повидимому послѣ прибавленномъ, находятся мысли о высококомъ значеніи Аѳонской горы въ православномъ мірѣ и о превосходствѣ ея предъ Соловецкимъ монастыремъ. „Во Аѳонской горѣ,—говоритъ авторъ сказанія,—совершенное есть монашество, корень же і источникъ нашего благочестїа, и аще кому хотѣти о вѣрѣ научиться, тамо обрящеть премногія и праведныя книги писанныя на хартіяхъ древнія... в нихже предлежитъ блгочестивое нашея вѣры законоположеніе цѣло и невредимо, якоже изначала, тако і нынѣ, и жители тамошнїи не страждуть въ вѣрѣ измѣненїа никоего же, якоже изначала содержаху, тако і нынѣ, все по единому чину совершается у нихъ божественное пѣніе, якоже въ перквахъ, тако і в келліяхъ. Житїя и чива, і всего устроенїа монашескаго тамо есть совершенное преданїе и старчество, и невозможно ей уподобитися Соловецкаго острова, не токмо всей святой горѣ, но ниже единому малому скитскому пребыванію святогорскому. И по елику скитское житїе святогорское превосходитъ соловецкого, по толику і обители святогорстїи обитель Соловецкую церковнымъ чиновомъ, и житїемъ монашескимъ. і вѣдѣніемъ, что есть монашество, и красотою мѣста, и благодатїю, отовуду же и нарицается *переволь панигѣй*, сирѣчь садъ Пресвятыя Богородицы“...

„Аще же кто речеть, яко і Аѳонская гора имать неполезное в себѣ, сирѣчь змїи пресмыкающїяся по земли, Соловецкїй же островъ сего не имать, і сіе истинну глаголетъ, яко обрѣтаются во Аѳонской горѣ змїи, но мало и рѣдко, идѣже истина показуется, яко азъ (глаголетъ писатель) жихъ тамо тринадцать мѣсяцовъ, и колико хождахъ по всей горѣ во вся монастыри і во многїа пустыни

по путехъ і не по путехъ, идѣже и заблуждахъ, і во все то время точію трижды видѣхъ не вѣмъ коего роду змія ли или ужъ пресмыкающееся величествомъ пядей пяти. И толико есть вреждающаго во Афонстѣй горѣ, но и то есть по тѣлеси“.

„В Соловецкомъ же островѣ обрѣтается и по души. Есть бо внутри обители Соловецкіе живутъ многое множество птицъ бѣлыхъ, зовомыя чайки, величиною съ гуся. Прилетаютъ же весною и живутъ въ монастырѣ все лѣто и плодятся, и дѣти взводятъ, а гнѣзда свои имѣютъ на земли при путехъ, идѣже ходятъ монахи въ церковь, а птицы неугомонныя вопіютъ непрестанно гласы великими отъ утра даже и до вечера, многожды же и ноцію; к нимже еще въ прибавку и другой родъ птицы же, глаголемыя гогары, подобне кричатъ. І отъ сихъ птицъ велія тщета творится монахомъ: первое, отъ множества гласовъ птицъ сихъ лишаются монахи благоутісія і не могутъ внимательно книги почести, или помолитися и умъ собрати; второе, егда видятъ ихъ біющихся и играющихъ и сходящихся, плѣняются умомъ тїи і сами приходятъ въ страсти; третіе, яко и жены и дѣвицы і монахини часто приѣзжаютъ в Соловецкой монастырь. І сіе по души. Есть же в Соловецкомъ островѣ вреждающее и по тѣлеси, си есть мшицы, комары и слѣпни, отъ нихже великое стуженіе имутъ человѣцы“.

„Во Афонской же горѣ сего соблазна нѣтъ, ниже чайки прилѣтаютъ, ниже жены приходятъ, ни овадовъ никакихъ нѣтъ, точію вмѣсто овадовъ сихъ вреждающихъ даровалъ имъ Богъ полезныя мухи, сіе есть пчелы, отъ нихже изобилуетъ къ церковному служенію воскъ и медъ. Но Афонская гора и в зимное время имать отраду“.

„Соловецкой же островъ имать ожесточеніе и хладъ и мразъ, тартару подобный. В Соловецкомъ островѣ зимою бываетъ ночь глубока і темная и мрачная, яко мнѣти всей зимѣ единой ноци протяженной быти, лѣтомъ же день великъ, а ночь мала, и есть якобы все лѣто единъ день былъ; да и солнце точію свѣтъ творить, плодовъ же не израстаетъ“.

„Во Афонской же горѣ солнце і свѣтъ творить, и теплоту подаетъ, і плоду поспѣшествуетъ; къ сему же во Афонской горѣ высота горы і холмовъ и различіе древесъ і плодовъ и приближеніе презеланнаго края Іерусалима многу радость творить жителемъ“.

„В Соловецкомъ же островѣ низость мѣста, болота непроходимыя и древеся безплодная и суровыя, и удаленіе странъ, и хладъ нестерпимый, и темныя и продолгіе ночи велико уныніе и печаль и страхъ сотворяютъ человѣкомъ и плачевную жизнь содѣваютъ“.

„Сихъ ради всѣхъ вышписанныхъ разньствъ невозможно есть уподобити Соловецкого острова Афонской горѣ небывающему тамо і невидающему избранныя оная мѣста і обители і скиты... Афонская бо гора столица есть іноческая, начало і основаніе, корень и істочникъ монашества, і по вѣшнему і по внутреннему житію, не токмо напихъ мѣсть и обителей отшельніческихъ, но ниже и инде гдѣ обрѣтающихся, якоже повѣствуютъ о горахъ, яже суть въ Сербской земли около Дуная рѣки, ихже называютъ тыя горы второю Афонскою горою; но ниже сія есть мощно уравнии Афонской горѣ, понеже посреди мирскаго житія обрѣтаются и близъ всякаго соблазна“.

„Афонская же гора отъ всякихъ соблазновъ есть чиста, еяже хранитъ и снабдѣваетъ сама Пресвятая Богородица чистотою своею, на ея же чистоту взирающе жители афонстїи творятъ и себе чистыхъ по возможному. Но и самое мѣсто помогаетъ имъ жити въ чистотѣ; не имуть бо, якоже выше писася, никоего же соблазна, ни порушенія о вѣрѣ, но пребываютъ въ преданіяхъ отеческихъ, яко столпи непоколебимїи на ихже постоянство грозящеся грызутъ зубы еретики латинники, яко не покоряются имъ, но и отъ сихъ прещенія избавляетъ ихъ Богъ судебно чрезъ владѣтельство турецкое, якоже пишется во откровенїи *поможетъ земля жемъ*, сїце и турецкое царство препа латинниковъ своеволю, во еже бы нападати и ратовати на сію, *и поможетъ жемъ*, сирѣчь церкви святѣй, парящей в пустыни сей двѣма крылы орла великаго, сирѣчь двѣма языки греческимъ и славенскимъ Бога славящихъ жителей, до времени, дондеже исполнїтся совѣтъ Господень, і времена, яже положи во своей власти, ему же отъ вся твари буди честь и слава во вѣки вѣковъ аминь“.

Спрашивается: когда и кѣмъ составлено это сказаніе, и какое оно имѣетъ значеніе въ русской письменности?

Къ сожалѣнію, это безъимянное сказаніе дошло до насъ въ копїи, и по списку его мы не можемъ судить о времени его составленія. Остается прибѣгнуть къ внутреннимъ признакамъ и сопоставленію ихъ съ историческими обстоятельствами. Въ сказанїи говорится объ Анзерскомъ скитѣ, что въ немъ церковь каменная и 17 келлій братскихъ. Подтвержденіе же построить каменную церковь въ Анзерскомъ скиту послѣдовало въ 1648 году. Около 1650 года было здѣсь 17 иноковъ, на каковое число въ 1655 году и положень былъ полный окладъ ружнаго и денежнаго жалованья⁽¹⁾. Слѣдовательно, сказаніе не могло быть составлено ранѣе 1650 года. Но оно не могло быть писано послѣ явнаго возмущенія,

---

(1) Географическое, историческое и статистическое описаніе ставропегіальнаго первокласснаго Соловецкаго монастыря, архим. Досифей, 2 изд., 1853 г., ч. II, стр. 5—12.

обнаружившагося въ Соловецкомъ монастырѣ съ 1666 года ⁽¹⁾, такъ какъ ни малѣйшаго намека не дѣлаетъ на это возмущеніе, хотя, сообразно съ своею цѣлію, и должно было упомянуть объ этомъ возмущеніи. Есть даже основаніе полагать, что сказаніе составлено не позже 1658—1659 годовъ. Толкованіе словъ откровенія: *и поможѣ землѣ жень*, находящееся въ концѣ сказанія, заимствовано изъ сказанія нѣкоего божественнаго Стефана, „О святѣй горѣ Аѳонскѣй, како бысть въ жрѣбій прѣсвятѣи владычици напей богородици, и како святая гора наречесе и въ периволь (садъ) ее“ ⁽²⁾, и проч. Сказаніе Стефана, извѣстное у насъ еще Максиму-Греку ⁽³⁾, переведено было на русскій языкъ и помѣщено въ книгѣ „Рай мысленный“, изданной при патріархѣ Никонѣ въ 1658—9 г. въ валдайскомъ Иверскомъ монастырѣ ⁽⁴⁾. Но такъ какъ авторъ нашего сказанія не ссылается на это изданіе, то, вѣроятно, писалъ свое сказаніе до 1658—9 г., пользуясь сказаніемъ Стефана въ подлинникѣ.

Итакъ, разсматриваемое нами сказаніе составлено между 1650—1658 годами.

Въ сказаніи о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонской горѣ есть нѣкоторыя указанія и на личность его автора. Онъ часто употребляетъ греческія слова и выраженія и иногда показываетъ ихъ словопроизводство, слѣдовательно хорошо знаетъ греческій языкъ. Въ Аѳонскомъ скитѣ Каресѣ онъ видѣлъ и читалъ, и списалъ для себя уставъ св. Саввы Сербскаго, слѣдовательно понималъ и по сербски, хотя въ его рѣчи и не замѣтно сербизмовъ. Затѣмъ, русская рѣчь его сказанія не вездѣ правильна и чиста. Изъ этого мы заключаемъ, что авторъ нашего сказанія былъ Грекъ, хотя знакомый съ сербскимъ и русскимъ языками, но не вполне владѣвшій ими. По словамъ сказанія, онъ жилъ на Аѳонѣ 13 мѣсяцевъ и ходилъ по всей горѣ и во всѣ монастыри и во многія пустыни „по путехъ и не по путехъ“, знакомъ отчасти съ Кіевомъ и его растительностію, жилъ нѣсколько времени на Соловецкомъ островѣ и писалъ свое сказаніе по возвращеніи оттуда, п. ч. вездѣ говоритъ о своей жизни на Соловецкомъ островѣ въ прошедшемъ времени. Постараемся по этимъ примѣтамъ узнать автора нашего сказанія между извѣстными греческими выходцами въ Россію въ XVII вѣкѣ и особенно въ патріаршество Никона, ко времени котораго относится сказаніе.

Изъ множества Грековъ, пріѣзжавшихъ въ Россію въ XVII вѣкѣ, многіе ссылаемы были въ Соловецкій монастырь. „Мы не замѣтили, — говоритъ Павелъ Алеппскій, посѣщавшій Москву въ 1649 г., чтобы ихъ (Грековъ) любили сколько-

⁽¹⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 150.

⁽²⁾ Аѳонъ, преосвященнаго Порфирія, въ Трудахъ Кіев. д. акад., августъ, 1871 г.

⁽³⁾ Сочин. Максима Грека, казанск. изд., ч. III, стр. 111.

⁽⁴⁾ Указатель старопечатныхъ книгъ, Ундольскаго, стр. 85, № 746.

нибудь казаки, а москвичи вовсе не хотят их пускать къ себѣ, и Богъ знаетъ, сколько ихъ разослали въ Сибирь и въ монастырь на полунощномъ морѣ (т. е. Соловецкій) и отправили назадъ еще изъ Путивля“ (¹). Имена этихъ Грековъ большею частію были забыты нашею исторіею, какъ незначительныя; но она едва ли могла забыть Грековъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ судьбахъ русской церкви и письменности, къ числу которыхъ несомнѣнно принадлежалъ авторъ нашего сказанія. Въ длинномъ же перечнѣ Грековъ, принимавшихъ или желавшихъ принимать участіе въ дѣлахъ русской церкви (²), мы пока знаемъ только двухъ лицъ, къ которымъ могутъ подходить внутреннія примѣты сказанія, это — архимандритъ Діонисій и Арсеній Грекъ, бывшіе у насъ книжными справщиками въ патриаршество Никона. Оба они пришли съ Аѳона, гдѣ былъ и авторъ нашего сказанія. Но указанныя примѣты скорѣе идутъ къ Арсенію Греку, чѣмъ къ архимандриту Діонисію, потому что, во-первыхъ, къ Діонисію, какъ достигшему званія архимандрита Иверскаго на Аѳонѣ монастыря, не могутъ быть отнесены слова сказанія, что авторъ его былъ на Аѳонѣ только 13 мѣсяцевъ и притомъ велъ здѣсь скитальческую жизнь; — во-вторыхъ, нѣтъ извѣстій о томъ, чтобы архимандритъ Діонисій былъ когда-либо въ Соловецкомъ монастырѣ. Напротивъ, все это какъ нельзя болѣе идетъ къ Арсенію Греку и легко укладывается въ его біографію. Арсеній Грекъ былъ родомъ изъ Солуны, человѣкъ ученый, получившій образованіе въ западныхъ училищахъ. Въ 1649 году онъ выѣхалъ съ Аѳона съ іерусалимскимъ патриархомъ Паисіемъ въ Россію и, видя здѣсь недостатокъ въ ученыхъ людяхъ, остался въ Москвѣ, скрывшись отъ патриарха Паисія (³). Раздраженный Паисій написалъ съ Литовскаго рубежа письмо къ царю Алексѣю Михайловичу, отзываясь объ Арсеніѣ Грекѣ, „что многимъ языкамъ книженъ и грамотамъ, а много въ немъ и иныхъ вѣръ обычаевъ, и вамъ бы его разсмотрѣти гораздо, былъ де онъ и въ жидовствѣ“. Вслѣдствіе такого извѣта, русское правительство сослало Арсенія въ Соловки на испытаніе. Соловецкіе отцы нашли у Арсенія Грека, по свидѣтельству одной раскольнической рукописи, здоровое исповѣданіе православныя вѣры, заключавшееся будто бы въ имени Ісусъ, вмѣсто Іисусъ, и въ признаніи двуперстнаго крестосложенія. Неправо обрѣли въ немъ то, что онъ носилъ рубашку бязинную, поясъ шелковый, а креста на немъ Арсенѣ не было; что ему не правилось класть земные покло-

(¹) Изученіе византійской исторіи, Ф. Терновскаго, вып. 2, 1876 г., стр. 47.

(²) См. этотъ перечень въ Православн. Обзор., 1872 г., 2-е полугодіе, стат.: «Очеркъ исторіи просвѣщенія у Грековъ со времени взятія Константинополя Турками», стр. 56—57.

(³) Изученіе визант. исторіи, Ф. Терновскаго, вып. 2, стр. 84 и сл.; см. о поданіи челобитной Саввы Романова.

ны въ церкви и въ келліи, что онъ мало радѣлъ о постѣ и, по его собственному признанію, будучи въ чужихъ государствахъ, нѣсколько разъ перемѣнялъ вѣру ради школьнаго обученія. „А у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ,—говоритъ рукопись,—научился и грамотѣ словенской, и какъ сталъ наши книги русскимъ языкомъ прочитатъ, и онъ похвалялъ: „у васъ де еще истинна есть предъ нашими книгами во всемъ“. Арсеній прожилъ на Соловкахъ около 2-хъ лѣтъ (*). Когда Никонъ, будучи еще новгородскимъ митрополитомъ, былъ въ Соловецкомъ монастырѣ за мощами святителя Филиппа, митрополита московскаго, то Арсеній Грекъ предрекъ ему будто бы патріаршество и за это взятъ былъ Никономъ въ Москву и приближенъ къ нему. Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ взялъ Арсенія Грека къ себѣ въ келлію и потомъ въ казначей (*), и наконецъ поручилъ ему обученіе юношества, переводы съ греческаго и наблюденіе за печатаніемъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Ученый иностранецъ Олеарій съ одобреніемъ отзывается о педагогической дѣятельности Арсенія. Труды Арсенія Грека переведены: а) Иоанна монаха, Наонаила Скрижали духовныя, присланныя Никону Паисіемъ Іерусалимскимъ и напечат. въ Москвѣ 1656 г.; б) Анеологіонъ, напечат. въ Москвѣ 1660 г., и в) Дородея Монеувасійскаго, Книга историчная, сирѣчь Хронографъ, переведенная имъ вмѣстѣ съ святогорцемъ архимандритомъ Діонисіемъ Грекомъ (*). Но главная работа Арсенія состояла въ книжномъ исправленіи, которое поручено было ему совмѣстно съ ученымъ святогорцемъ, архимандритомъ Діонисіемъ Грекомъ, съ Елифаніемъ Словинецкимъ и другими кievскими учеными. „И паки потомъ (Никонъ),—говоритъ Савва Романовъ,—учини его (Арсенія) быти первымъ справщикомъ на печатномъ дворѣ и далъ ему волю въ книгахъ. Онъ же самую первую головную книгу, по которой священнодѣйство совершается, еже есть служебникъ, испревратилъ по своему суетному мудрованію, а не по св. отецъ преданію; потомъ октаи, и минеи, часословы и псалтыри, и апостолы, и евангелія“ (*), и проч. Впослѣдствіи Арсеній Грекъ, во время суда надъ патріархомъ Никономъ, присталъ на сторону враговъ его, между прочимъ сблизился съ Паисіемъ Лигаридомъ, перевелъ на русскій языкъ благодарственное слово его царю Алексѣю Михайловичу, за что получилъ бархатную рясу (*).

(*) Изученіе визант. исторіи, Ф. Терновскаго, вып. 2, стр. 84—85.

(*) О поданіи челобитной, Саввы Романова, рукоп. Кіев. акад. о. 8. 46, л. 28, по Описанію № 251.

(*) Изученіе визант. исторіи, Ф. Терновскаго, вып. 2, стр. 86; см. стр. 71.

(*) О поданіи челобитной, Саввы Романова, рукоп. Кіев. акад. о. 8. 46, л. 28 об., по Описанію № 251.

(*) Обзоръ Русской Духовн. литературы, Филарета, I, № 225.

Очевидно, всѣ внутреннія примѣты Сказанія какъ нельзя лучше идутъ ко всѣмъ частностямъ біографіи Арсенія Грека. Будучи солунскимъ уроженцемъ, онъ могъ знать славянскій языкъ и читать и списывать для себя уставъ св. Саввы Сербскаго, чѣмъ и объясняется приглашеніе его въ свиту Паисія, патриарха іерусалимскаго, можетъ быть, въ качествѣ толмача. Затѣмъ, какъ и авторъ сказанія. Арсеній Грекъ, по свидѣтельству раскольнической рукописи, былъ съ патриархомъ Паисіемъ въ Кіевѣ ⁽¹⁾, жилъ нѣсколько времени въ Соловецкомъ монастырѣ и научился здѣсь грамотѣ словенской, такъ что, по возвращеніи оттуда, могъ переводить книги съ греческаго языка на славянскій. На этомъ основаніи „Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонской горѣ“ мы приписываемъ Арсенію Греку, которому можетъ также принадлежать переводъ книги „Рай мысленный“, изданной въ 1658—9 г. въ валдайскомъ Иверскомъ монастырѣ; п. ч. знакомство съ ея подлинникомъ предполагается уже самымъ сказаніемъ. Такъ какъ въ сказаніи рекомендуются на Аѳонѣ „премногія и праведныя книги писанныя на хартіяхъ древнія“, изъ которыхъ можно „о вѣрѣ научиться“; то надо полагать, что сказаніе писано предъ отправленіемъ Арсенія Суханова на Аѳонъ за книгами и рукописями въ 1654 году и имѣло рѣшительное вліяніе на эту командировку. Въ такомъ случаѣ оно писано между 1652 и 1654 годами.

Ближайшимъ побужденіемъ къ составленію Сказанія о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонской горѣ было „желаніе нѣкихъ“, можетъ быть самого патриарха Никона, который съ усердіемъ занимался изученіемъ церкви восточной и сравнивалъ съ нею состояніе церкви русской. Въ этомъ отношеніи наше сказаніе имѣетъ своихъ предшественниковъ въ древне-русской литературѣ. Еще Максимъ Грекъ рассказываетъ старцу Вассіану, вѣроятно по его просьбѣ, о святогорскомъ иночествѣ ⁽²⁾. Приходившіе въ 1560 году съ Аѳона за милостынею игумены и старцы написали, по просьбѣ митрополита Макарія, сказаніе „о святыхъ тамошнихъ монастырехъ и церковныхъ чинѣхъ“. Подобное сказаніе объ Аѳонѣ и, вѣроятно, по просьбѣ Русскихъ же, написалъ въ 1579 году святогорскій старецъ Исаія ⁽³⁾. Даже по внѣшней формѣ и фактическому содержанію сказаніе Арсенія Грека сходно съ нѣкоторыми изъ предыдущихъ сказаній и особенно со сказаніемъ святогорскихъ иноковъ 1560 года. Но послѣдніе боязливо уклоняются отъ сравненія аѳонскихъ монастырей съ русскими и замѣчаютъ: „И не говоримъ за другая мѣста, токмо отъ Дуная великія рѣки и весь западъ, яко

⁽¹⁾ Изученіе визант. исторіи, Ф. Терновскаго, вып. 2, стр. 85.

⁽²⁾ Соч. Максима Грека, казанск. изд. т. III, стр. 243—245; см. также стр. 111, 118 и др.

⁽³⁾ См. оба эти сказанія въ Чтеніяхъ москов. Общества исторіи и сревностей, 1846 года.

есть святая гора свѣтило и соль“. Между тѣмъ Арсеній Грекъ, такъ смиренно сознавшійся предъ соловецкими отцами въ слабовѣрїи своемъ и всего Востока, выбравшись изъ соловецкой неволи, сравниваетъ въ своемъ сказанїи Соловецкій монастырь съ Аѳонскою горою и отдаетъ рѣшительное предпочтенїе послѣдней передъ первымъ, къ оскорбленїю тогдашняго русскаго самолюбія и даже въ противорѣчіе себѣ. Поэтому мы полагаемъ, что въ его сказанїи въ значительной мѣрѣ проглядываетъ элементъ полемическій. Съ кѣмъ же онъ полемизируетъ?

Мы уже знаемъ, что самого Арсенія Грека обвиняли въ измѣнѣ православію или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отступленїяхъ отъ него. А въ основѣ этого обвиненїя лежала общая мысль о паденїи церкви греческой и отступленїи ея отъ православія. Эта мысль довольно рѣзко высказана въ извѣстномъ „Прѣнїи старца Арсенія (Суханова) съ греки о вѣрѣ“, происходившемъ будто бы въ 1651 году, т. е. приблизительно около времени возвращенїя Арсенія Грека изъ Соловецкаго монастыря въ Москву (¹). Можетъ быть въ дѣйствительности и не было этого пренїя, но мысли его носились уже тогда въ московской атмосферѣ и не могли быть неизвѣстными Арсенїю Греку. Поэтому онъ счелъ долгомъ, опираясь на авторитетъ Никона, защитить передъ Русскими, если не всю Грецію, то по крайней мѣрѣ Аѳонскую гору, откуда онъ прибылъ въ Россїю, а вмѣстѣ съ тѣмъ защитить и себя. Въ пренїи Арсенія Суханова, между прочимъ, говорится: „Не могутъ патріархи ваши со кресты ходить и на главѣ креста носить и на церкви креста имѣти и надъ мертвецомъ у церкви отпѣвать и по граду нести, или въ колокола звонити и на осляти ѣхать“. Арсеній Грекъ въ 3 § своего сказанїя отвѣчаетъ на это такъ: „Во Аѳонской горѣ предстательствомъ Пресв. Богородицы все стоитъ по старому, якоже и прежде, тако и нынѣ: кресты на церквахъ, и звонны попрежнему, и пушки на монастырскихъ стѣнахъ, и на башняхъ, и стрѣлять изъ нихъ не заказано“. Въ пренїи говорится о Грекахъ: „И монастырей у васъ было много, иноковъ, а нынѣ только слѣдъ знать; церкви многія бусорманы завладѣли и починили мечетями, христіане многіе побусорманились“. Арсеній Грекъ на это отвѣчаетъ, что „во Аѳонской горѣ толико много пустынниковъ, яко и исчести ихъ невозможно за множество келейное строенїе, и у всякого пустынника своя церковь, и что Аѳонская гора столица есть иноческая, начало и основанїе, корень и источникъ монашества, и по внѣшнему, и по внутреннему житїю“, и проч.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Арсеній Грекъ въ своемъ сказанїи старается отразить и тѣ обвиненїя, какія въ Соловкахъ направлены были противъ него лично. Здѣсь указывали ему, между прочимъ, на то, что онъ носилъ шелковый поясъ. Арсеній

(¹) Православн. Обзорїе. 1861 г., № 11, и 1867 г., № 9.

Грекъ, объяснивъ въ своемъ сказаніи способъ производства шелку, прибавляетъ: „И сипе бываетъ шелкъ, а не инако, якоже нѣццы нещуютъ разными образы, и тѣмъ прельщаются“. Далѣе, соловецкіе отцы обвиняли Арсенія Грека въ томъ, что онъ не радѣлъ по своему навыченію о постѣ. Арсеній на это отвѣчаетъ въ сказаніи, что соловецкая пища была для него непривычная и тяжелая, что на св. горѣ совсѣмъ другая пища, болѣе легкая и пріятная, и проч.

Къ сожалѣнію, Арсеній Грекъ, извѣстный неустойчивостію своихъ нравственныхъ началъ, но при этомъ любившій, какъ видно, поговорить при случаѣ за себя и за свое православіе и вмѣстѣ съ тѣмъ узинить проявленія русской религіозной жизни, не могъ заслужить довѣрія и уваженія русскихъ людей. Отсюда-то объясняются тѣ злыя нападки раскольниковъ на Арсенія Грека, какія мы отчасти видѣли выше. Въ отместку этому лживому и заносчивому иноземцу, раскольники стараются съ одной стороны подвести его подъ общее понятіе о тогдашнихъ льстивыхъ и слабовѣрныхъ Грекахъ и очернить его лично, а съ другой — защитить отъ него русское православіе и высокое значеніе русскихъ монастырей, особенно Соловецкаго. Нѣтъ почти ни одной раскольнической челобитной XVII вѣка, въ которой бы не говорилось объ Арсеніѣ Грекѣ, какъ объ еретикѣ и врагѣ Божи-емъ, и не защищалась бы противъ него русская религіозная жизнь.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что „Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонской горѣ“ имѣетъ немаловажное значеніе въ старинной русской литературѣ, потому что 1) восполняетъ собою рядъ извѣстныхъ доселѣ сказаній о св. горѣ Аѳонской; 2) уясняетъ судьбу и личный характеръ Арсенія Грека и его дѣятельности на Руси, и 3) проливаетъ свѣтъ на причины появленія раскола и на полемическую раскольническую литературу съ православными.

V.

О РОДОПСКОМЪ ОТКРЫТІИ.

Записка *Стефина Верковича* (¹).

Почтенное собраніе!

Ободренный благосклонностью, которую почтенное собраніе выразило въ послѣдній разъ родопскому открытію, я еще разъ пожелалъ возвратиться къ этому вопросу, такъ какъ въ ту пору, по недостатку времени, я не имѣлъ возможности познакомить ученое собраніе съ любопытнымъ содержаніемъ открытія настолько насколько я желалъ и предполагалъ. Итакъ приступаю къ этому теперь, въ надеждѣ, что ученое собраніе благоволитъ охотно принять мое скромное сообщеніе, потому что эти открытія настолько неожиданны и удивительны, что и во снѣ никому не грезилось будто бы хоть что нибудь подобное изъ старины существовало гдѣ-то подъ спудомъ, и что въ одно прекрасное утро снова оно проявится на свѣтъ Божій.

Эти памятники по происхожденію принадлежатъ той отдаленной древности, когда еще большая часть человѣческаго рода томила въ простотѣ и невѣжествѣ, не зная никакихъ искусствъ и живя отъ однихъ земныхъ плодовъ, насажденныхъ природой: напр. овощей, дубовыхъ и буковыхъ (?) жолудей и т. п. даже часто прямо говорится, что люди питались травой какъ животныя! Въ этихъ памятникахъ прямо и подробно сообщается у какого народа открыты и изобрѣтенны самыя важныя и самыя главныя искусства, какъ напр. происхожденіе плуга и употребленіе пшеницы вмѣсто травы; затѣмъ изобрѣтеніе серпа для жатвы, гумна для молотбы; прирученія воловъ, лошадей и овецъ, леченья, плаванья

(¹) Записка эта не была читана на Създѣ. — Докладъ о ней прочитанъ И. И. Срезневскимъ въ засѣданіи 16 августа. (См. Протоколы Създа, стр. СХХІІІ—СХХV). Многія изъ приведенныхъ въ запискѣ г. Верковича отрывковъ недавно появились въ печати, во 2-мъ томѣ его книги: «Веда Словенахъ. Обрядни песни отъ язическо вѣмъ. Книга друга». Спб. 1881. Переводъ записки на русскій языкъ принадлежитъ М. П. Петровскому. *Прим. Редакци.*

на судахъ, разведенія винограда, изобрѣтенія азбуки и т. д. Каждое изобрѣтеніе было увѣковѣчено на память, установленіемъ особеннаго религіознаго празднованія съ обрядами и молитвенными пѣснопѣніями, въ которыхъ благодарили и прославляли Бога, способствовавшаго облегченію жизни. Такихъ праздниковъ было около двадцати: *Личенъ-денъ Дравинъ-денъ*, установленный въ память изобрѣтенія плуга; *Личенъ-денъ Витинъ-денъ*, установленный въ воспоминаніе изобрѣтенія серпа; *Личенъ-денъ Асинъ-денъ*, установленный въ воспоминаніе изобрѣтенія гумна для молотбы пшеницы; *Личенъ-денъ Сиринъ-денъ*, установленный въ воспоминаніе прирученія овецъ и пользованія молокомъ и сыромъ; *Личенъ-денъ Вла синъ* или *Волосинъ-денъ*, установленный царемъ Имомъ въ воспоминаніе прирученія воловъ и пользованія ими въ домашнихъ работахъ; *Личенъ-денъ Иеринъ-денъ*, установленный въ воспоминаніе изобрѣтенія вина; *Личенъ-денъ Рюинъ-или Гроздинъ (Лозинъ) денъ* установленъ въ воспоминаніе эксплуатаціи винограднаго куста; *Личенъ-денъ Маргинъ-денъ* установленъ въ воспоминаніе изобрѣтенія леченія; *Личенъ-денъ Колчувъ-денъ* установленъ въ воспоминаніе изобрѣтенія судовъ и перваго ихъ плаванія по морю и рѣкамъ; есть и праздникъ, установленный въ воспоминаніе изобрѣтенія Огня, названный *Личенъ-денъ Ачинъ-денъ*. Кромѣ указанныхъ есть и еще праздники, установленные по различнымъ поводамъ, напри мѣръ, три различные праздника были установлены затѣмъ, чтобы сбереглось и не было предано забвенію воспоминаніе о первомъ ихъ отечествѣ: *Личенъ-денъ Ластавиченъ-денъ*, *Личенъ-денъ Пазиръ-денъ* и *Личенъ-денъ Колчувъ-денъ*. Пѣсни этихъ праздниковъ трогательнѣе всѣхъ остальныхъ. Затѣмъ существуютъ праздни ки: *Личенъ-денъ Суровъ-денъ* или *Летовъ-денъ*, установленный для празднованія начала лѣта или новаго года; затѣмъ *Личенъ-денъ Энловъ-денъ*, въ который, какъ думали, звѣзды сходятъ съ неба на землю и заговариваютъ растенія или травы, чтобы сдѣлать ихъ цѣлебными. *Личенъ-денъ Ладинъ-денъ*, опредѣленный въ вос поминаніе установленія брака; *Личенъ-денъ Колинъ* или *Коледовъ-денъ*, установ ленный съ воспоминаніе рожденія Коледа Бога; *Личенъ-денъ Изгрень-денъ* уста новленъ въ честь *Чернаго Бога*, чтобы онъ не дѣлалъ людямъ зла во время на хожденія въ возбужденномъ состояніи.

А равно встрѣчается множество обычаевъ и обрядовъ съ пѣснями, имѣющихъ мѣсто при рожденіи дитяти, во время сватъбы и при погребеніи. Все это крайне любопытно и заслуживаетъ обнаруженія.

Вышеуказанныя искусства были изобрѣтены не въ одно время, а появлялись постепенно, одно за другимъ, послѣ долгихъ промежутковъ. До изобрѣтенія серпа пшеницу рвали руками, какъ теперь руками же берутъ ленъ, молотили ее, до изобрѣтенія гумна, руками на посидѣнкахъ („седенки триенки“), что было и за-

труднительно и утомительно. По важности предмета, я полагаю, не будет неумѣстнымъ и излишнимъ представить здѣсь и въ оригиналѣ самую пѣснь, описывающую приемы первобытной молотѣбы пшеницы, до изобрѣтенія гумна:

„Радю ле юначе ле!
Фаланъ си Радю на земе
На земе на поле.
Богъ да губие Има царе
Училъ на Радю научилъ
Да си уремъ на поле
Да си уремъ да си сеемъ;
Я си на Радю ни училъ
Да си жнеемъ на поле-гу,
Да си лунемъ на лунице
Да си виемъ бела пшенице.
Стара на Кмета събиралъ
На седеки на триенки,
Трили сме бела пшенице
Трили сме Радю на рѣки
Сега малу три месеца
Дуръ ни са рѣки болели
Дуръ ни са рѣки кръвесали,
Та сме Радю плакали
Плакали сме Радю викали.
Та ти сме Радю думилели
Та ти са Радю нажелилу
Нажелилу натъжилу.
Та си утъ небе слезе
Утъ небе Радю на земе
На земе Радю на поле
Та си на Радю учишъ
Учишъ на Радю на лунице.
Грабналъ си златна лунице
Деветъ си спопа фърлилъ
Та си ги Радю лунишъ,
Дигашъ си златна луница
Та си ми виешъ бела пшеница,
Кой си та Радю види
Фальба та Радю фали,

Йоще та Бога пофалилъ
Чи ти са коса позлатила
Бела ти брада никнала
Бела ти брада позлатена.
Жива та Юда виде
Виде та Юда засме се.
Та си на Бога дума
Дума му Юда говори:
Боже ле мили Боже,
Я да си Боже видишъ
Що си ми Радю сторилъ.
Доста ми Радю делиникъ.
Ичъ ми са Радю ни чуди
Грабналъ си златна лунице
Та си ми луни на лунице
Та си ми вие бела пшеница
Та си ми учи малки моми
Малки моми млади юнаци
Учи ги Радю научи ги,
Та му са коса позлатила,
Бела му брада никнала
Бела му брада позлатена.
Бога хи дума говори
Юду ле живу ле
Доста ми Радю делиникъ!
Десна ми рѣка на глава
Та му са коса позлатила
Бела му брада никнала
Да си е фаленъ и чуенъ,
Да си е фаленъ пу земе
Да си е чуенъ на небе.
Боже ле мили Боже
Ка си е Радю делиникъ
Та си е фаленъ и чуенъ
Бива ли Боже ни бива

Да ни е веке на земе
Я да си е на небе
На небе Боже фъ сарае
Да ти изметъ чини
Да ми е Ранева звезда
Утрумъ рану да грее;
Аку си Боже бива,
Да си ида на кладнецъ
Да си точе студна вода
Па да гу служба служи,
Лу да ми вода пие,
Душе му ни умалева
Душе му са присфетнала
Та си на небе фърнува;
Злата гу майка причекала
Съ десна гу рѣка фанала
Светна гу вода служила
Та му е лику сфетналу
Та ми е звезда станалъ
Утрумъ ми рану изгрева
Утрумъ ми рану на ранина
На ранина йоще предъ слънце
Ега ми е личенъ-денъ.
Личенъ-денъ Асинъ-денъ.
Дума му Юда говори
Бога хи изимъ даде:
Хаде гу служба служи.
Има ми царе доста юнакъ
Я ми е Радю доста делиникъ.
Жива ми Юда на кладнецъ
Студна си вода наточи
Та си ми слезе на земе
На земе Юда на поле
На поле Юда на лунице
Де си ми Радю луне
Вне ми Радю утвева
Утвева Радю бела пшеница.
Радю ле юначе ле,
Ду сегà си Радю на земе

На земе Радю на поле
На поле Радю на лунице,
Доста си Радю на жетва
Доста си Радю на лунице
Та си училъ малки моми
Малки моми млади юнаци
Училъ ги си Радю научилъ;
Бога та Радю бендисалъ
Чи ми си доста делиникъ,
Та си ма прати тука долу
Тука долу на лунице
Сегà си Радю млада дефа
Чи си та служи студна вода
Студна вода утъ белъ кладнецъ,
Да си ми вода пиешъ
Душе ти Радю ни умалева
Душе ти Радю присфетнала;
Рече му Юда ни утрече
Златна му чеше подаде,
Пилъ ми е Радю напилъ са
Нapiлъ са Радю студна вода
Та си му душе присфетнала
Златни му криле проникнали
Та си ми фърена на небе.
Злата гу майка причекала
Съ десна гу рѣка фанала
Светна гу вода служила,
Пилъ ми е Радю попилъ
Попилъ ми Радю напилъ са
Та си му лику сфетналу
Та си ми звезда станалъ
Звезда ми станалъ звезда Ранева;
Утрумъ ми рану изгрева
Утрумъ ми рану на ранина
На ранина йоще предъ слънце
Ега ми е личенъ-денъ
Личенъ-денъ Асинъ-денъ.
Какъ си ми грейпа на небе
Има са царе чудумъ чудн

Та си дума говори:
Ду сегà ми звезда нигрела
Утрумъ рану на ранина
Що ми сегà изгрела.
Що ми юнакъ сторилъ
Та ми е звезда станалъ?
Юда му дума говори
Царю ле Има царю
Що да ми юнакъ устори.
Училъ си царю малки моми
Малки моми млади юнаци
Училъ ги си царю научилъ
Да си уратъ на полету
Да си сеетъ бела пшеница,
Я ги си царю ни научилъ
Да си лунетъ на лунице
Да си лунетъ да си виетъ
Да си виетъ бела пшенице,
Та ми са чудумъ чудили
Що да праветъ съсъ снопици,
Та си трили на рѣки-те,
Я хми са веке дуделу;
Научилъ ги Радю юнакъ
Да си лунетъ на лунице
Да си виетъ бела пшенице
Та си гу фальба фалетъ
Та му курбанъ колетъ;
Та си Бога каилъ ни станалъ
Да е Радю на земе-та
Да му душе прималева
Лу ма прати на белъ кладнецъ
Та наточихъ студна вода
Та си гу служба служихъ
Та му душе присфетнала
Та си фъркна на небе-ту;
Злата гу майка причека
Спусна си деспа рѣка
Светна гу вода служи
Та си му лику сфетналу

Та си ми звезда станалъ;
Утрумъ ми рану изгрева
Утрумъ ми рану на ранина
На ранина предъ слънце
Его ми е личенъ-денъ
Личенъ-денъ Асинъ-денъ.
Чуръ ми е Има царе
Та хи дума и говори
Юду ле живе ле
Я имашъ ли студна вода
Да си ма Юду служишъ
Да си флеза фафъ сарае
Да си виде Радю юнакъ
Да му са мольба моле
Да му седе фафъ сарае,
Чи да самъ Юду ни училъ
Да си уратъ малки моми
Да си уратъ да си сеетъ
И той си Юду ни училъ
Да си лунетъ на лунице
Да си лунетъ да си виетъ
Да си виетъ бела пшенице.
Студна ми вода устанала,
Я да си Бога питамъ
Да гу питамъ да гу праше;
Агу си ми изимъ даде
Та та служба служе,
Агу си ми изимъ ни даде
Ни та служба служе,
Чи ми са Бога налютилъ
Налютилъ са разедилъ са
Ни ма праце на белъ кладнецъ.
Жива Юда на небе-ту
Та си Бога пита
Пита гу Юда праша гу:
Боже ле мили Боже,
Мольба ми са моли Има царе
Да гу служе студна вода
Да си флезе фафъ сарае

Де ми е Радю юнакъ
 Да ми грее утрумъ рану
 Утрумъ рану на ранина
 На ранина йоще предъ слънце
 Да ми седне фафъ сарае.
 Бога хи вели ютговори
 Юду ле живе ле,
 Да ни слезаль Има царе
 Да ни слезаль на поле-ту
 Да си учи малки моми
 Малки моми млади юнаци
 Да си уратъ да си сеетъ
 Ни ми жнелъ Радю юнакъ
 Ни ми училъ малки моми
 Малки моми млада юнаци
 Да си лунеть на лунице
 Да си виеть бела пшенице;
 Изметъ ми правилъ Има царе
 Сега малу деветъ години
 Станаль ми млада Дефа:
 Утъ мене си изимъ имашъ
 Да гу служишъ студна вода
 Да ни му душе прималева
 Лу да му душе присфетне,
 Да ми седи фафъ сарае

Де си ми е Радю юнакъ;
 Наеть сторилъ Има царе
 Да ни слезе на земе-та
 Да ни либи малка мома
 Да са ни годи да са ни жени.
 Слезе ми жива Юда
 Подадè му златна чеше
 Та си пие Има царе
 Та му душе присфетнала
 Светна му душе ясна
 На лику му ясну слънце;
 Та си ми флезе фъ сарае
 Двама си ръке спуснали
 Та си ръке цалунали:
 Има му царе фафъ ръка
 Фафъ ръка златну уралу,
 Радю ми юнакъ фафъ ръка
 Фафъ ръка златна лунице.
 Та ми на земе ни слели
 На земе на поле
 Лу ми седели на небе
 На небе при Бога
 Утрумъ ми рану изгревали
 Утрумъ ми рану на ранина
 Утрумъ ми рану предъ слънце.—270.

Касательно нѣкоторыхъ изъ выше указанныхъ праздниковъ встрѣчается нѣ-
 сколько вариантовъ отъ различныхъ пѣвцовъ особенно много ихъ о праздникѣ
 Власинъ-день, но пѣсни всѣхъ ихъ такъ различны въ порывахъ поэзіи что, по
 моему мнѣнію, ни одинъ не долженъ считаться излишнимъ, незаслуживающимъ
 сообщенія; только о праздникѣ, о коемъ говорится въ пѣсни сейчасъ сообщенной,
 нѣтъ вариантовъ, а равно и о праздникѣ „српномъ“ Витиномъ днѣ. Каждый изъ обо-
 ихъ упомянутыхъ праздниковъ описываются въ пяти молитвенныхъ пѣсняхъ, но
 сейчасъ упомянутая пѣсня превосходитъ своимъ значеніемъ не только всѣ осталь-
 ные обрядныя пѣсни Асина и Витина дня но и всѣ остальные; ибо въ ней не
 только сохранилось драгоцѣннѣйшее, самое ясное и прямое воспоминаніе о поло-
 жившемъ начало цивилизаціи по этимъ памятникамъ, Има царѣ, первомъ изобрѣ-
 тателѣ плуга и Радю юнакъ, изобрѣтателѣ гумна для молотбы пшеницы, но пѣсня
 эта отличается такою вѣжностью, согласіемъ и выпренностью поэтической компо-

зиціи, что невольно возбуждаетъ въ слушатель умиленіе. Этотъ Има царь, вѣроятно, та самая личность, о которой сохранилось одно весьма неясное воспоминаніе въ Зендѣ, подъ именемъ Има. Но въ этихъ нашихъ памятникахъ о немъ говорится такъ ясно и живо, что кажется, будто все это совершилось за нѣсколько десятковъ лѣтъ предъ тѣмъ, а не за нѣсколько тысячелѣтій.

Въ этихъ пѣсняхъ разсказывается также о переселеніи или колонизаціи осѣдлаго народа изъ *крайней* земли на *Бѣлый Дунай*; во многихъ изъ нихъ упоминаются и *два бѣлые Дуная*, которые — по объясненію пѣвцовъ — находились въ *Ричной* землѣ, въ которой и кромѣ этихъ дунаевъ было и еще много большихъ рѣкъ — до девяти: „*предъ девять горъ зелени — предъ девять рекъ гулями*“ — упоминается во многихъ свадебныхъ и другихъ эпическихъ пѣсняхъ. И такъ вѣроятно сказанная *Рична земля* должна быть нынѣшнимъ Индійскимъ *пенджакомъ* — или *пенджабомъ*, какъ называется въ пѣсняхъ ообъ Александрѣ Великомъ; *Индъ* въ пѣсняхъ ообъ Александрѣ называется „*гуляма жабарска река*“ — *жабъ*, думаю, происходитъ отъ „*жабы*“. Въ сочиненіи англичанина Dr. Вицента, которое издано въ концѣ прошлаго вѣка, о походѣ Александра Великаго, *потамія*, каковымъ греческимъ словомъ былъ означенъ *пенджакъ*, переводится по нынѣшнему индійскому названію *Ritchna*. Итакъ два бѣлыхъ Дуная въ этихъ пѣсняхъ, по веѣмъ сообщеніямъ, должны быть *Индъ* и *Гангъ*; и когда переселенцы добрались до Европы, то на память назвали этимъ самымъ именемъ большія рѣки. Итакъ большая часть событій сбереженная и описанная въ этихъ пѣсняхъ, совершилась, по моему мнѣнію, не на нашемъ Дунаѣ, но на вышеупомянутыхъ двухъ индійскихъ Дунаяхъ.

Въ родопскихъ находкахъ встрѣчается не мало пѣсень о городѣ Троѣ; нѣкоторыя изъ нихъ очень сходны съ Омировымъ разсказомъ, а нѣкоторыя настолько съ нимъ расходятся, что заставляютъ предполагать, что городъ Троя былъ не на томъ мѣстѣ, которое указываютъ древне-греческіе и другіе писатели. Важно то, что въ пѣсняхъ упоминается рѣка *Simois* Помпонія Мелы: *Сименива*.

Относительно религіи по этимъ памятникамъ замѣчу въ немногихъ словахъ, что она очень сродна съ религіею браминскою и гимновъ веды, ибо какъ въ послѣднихъ, такъ и въ первыхъ встрѣчается троичность, которая называлась „*Трина*“ или „*Тримна Боги*“: *Вишну*, *Коледи* и *Сива*; да кромѣ того многія важныя индійскія божества, напр. *Дурга*, *Бавани*, *Сура*, *Тарана*, *Брахма* и т. п. поименовываются точно также какъ и въ индійской мифологіи, но весьма различны роли и назначенія упомянутыхъ божествъ у индійцевъ и въ нашихъ памятникахъ. Напримѣръ *Дурги* у индійцевъ представляется весьма пожилой женщиной, украшеніемъ которой служатъ людскіе черепа, и все занятіе которой состоитъ въ

умерщвленія возможно большаго числа людей, потому что самый любимый ея напитокъ состоитъ изъ людской крови; словомъ она—полнѣйшее подобіе и изображеніе нынѣшнихъ турецкихъ башибузуковъ и черкесовъ — между тѣмъ какъ наша *Дурга* представляется въ видѣ весьма молодой дѣвушки, сіяющей красотою какъ солнце; въ великодушій же и милосердіи нѣтъ ей равныхъ, слѣдовательно она не дѣлаетъ зла даже букашкѣ, а непрерывно занята помощью тѣмъ, которые прибѣгали къ ней въ какихъ-либо своихъ нуждахъ, и Богъ всегда внималъ ея мольбамъ, потому что она была крайне цѣломудренна, добродѣтельна и милостива; она не была супругою какого-либо божества, а только жрицею одного храма, гдѣ совершались жертвоприношенія, и въ этомъ званіи оставалась всегда. Тѣмъ же была и *Бава* или *Бавани*, а не супругою *Вишну*. — Такимъ образомъ по всѣмъ примѣтамъ цивилизація этихъ памятниковъ не только старше зендской, ведь, греческой, египетской, но вѣроятно была первобытнымъ источникомъ всѣхъ упомянутыхъ цивилизацій. На сколько вѣрно такое мнѣніе—пусть рѣшатъ славянскіе и иноплеменные ученые.

Съ прошлаго года начинаютъ появляться такія пѣсни, въ которыхъ много встрѣчается цитатъ изъ двухъ другихъ языковъ, которые нельзя назвать ни сербскимъ, ни болгарскимъ. Одинъ изъ нихъ сходенъ съ старо-славянскимъ, а также и съ русскимъ, ибо представляетъ такія русскія слова, которыя—по моему мнѣнію—нельзя найти ни въ болгарскомъ, ни въ сербскомъ словарѣ, напр.: *если*, *фура*, *осенъ*, *уарилъ*, *тутъ*, *глаза*, и т. п.; другой же не схожъ ни съ однимъ европейскимъ языкомъ, но вѣроятно долженъ быть санскритскимъ, ибо представляетъ много словъ, которыя произносятся совершенно также, какъ напечатаны въ санскритскомъ словарѣ Бюрнуфа, безъ малѣйшей отмѣны; вышесказанныя цитаты состоятъ изъ пяти-двадцати стиховъ. Такія пѣсни записаны отъ четверыхъ пѣвцовъ—помаковъ. Итакъ посредствомъ этихъ любопытныхъ цитатъ, по моему мнѣнію, легко будетъ добраться не только до того, какому народу принадлежитъ цивилизація родопскихъ памятниковъ, но и до той страны міра, гдѣ первоначально возникла она.

Для ознакомленія съ этимъ я желаю предложить ученому собранію нѣкоторыя изъ этихъ цитатъ.

а.

„...Та на Бога Курбанъ коле
Та му са мольба моли
Мольба са моли песна пее:
— Дийпа ле Вишну дийпа

Хална нине ду симите
Яснумъ гласе у кожа.
Гуру фъ ченте три су града
Я фъ мените триста услама.
Ним' дефици урни
Ним' дефи пасохи

Оиси ми уфъ града
Ни сурили три месеца
Сита е сузе на йоку;
Видишь Вишпу у яра
Дет' дефици ни урни
Дет' ми дефи ни пасохи
Дет' ми крилци ни летеще
Упостъ ми поле устену.
Ай Вишпу ле ай де!
Хвалу тебе о сердцею,
Я те любе о мислею
Все ми вета на тебе!
Я ми вислишь мала Юда
Мала Юда Самовила
Мене Юда продумати
Дет' ми поле устену....
...Дуръ да найдешъ пештере-та
Де си фъркватъ църни пуйки.
Да си фанешъ деветъ пуйки,
Аку ни са пуйки боли
Какъ ги фащашъ да си пеешь:
— Жине ле Белна
Белна си веке зазорнига
Простей си бела рука
Простей рука па тоице
Флез' ми ува на гурице
На гурице уфъ камнице
Метни си тоице уфъ зенилу
Де ми суретъ тои пуйки
На цурку ми лету сурили
Цурни цурни поцърнели,
Нине веке лету белиту
Да са белни на тебе
Какъ ти белна бела алице
Бела алице бела брадице...
Иоще си песна ни испель и т. д. (').

б.

...Та искара златну пожче
Богу си вета коле
Богумъ са мольба моли:
— Громне Громне и Крумине
Я си вета на ерице:
Хуни те симдесе
Симдесе велмижи
Симдесе банити
Берилни са усилна вуйнита
Усилна вуйнита цурни у църнити
Лели лели на политу
Мне ми юнше посечитъ.
Гръмне Громе Крумине
Упóмай ми на поли ту
Истекъ ми урна сулита
Убитъ ми усилна вуйнита
Посечитъ ми симдесе велмижи
Велмижи и банити
Слише ми Илна войвода
Лепу мене пофалилъ
Вета ти е фъ мое име
На летице на вресинъ-денъ
Вета ти е ясна ювице
Ясна ювице ясна кравице
Мата мое се увила
Увила си златна махрице
Стара ти слугне на ветице
Золна й краска на ръчице
— Та ма служба служи.“
Мольба са Богое моли
Я ми летна златну шиле
Летна ми на високу
На високу ду небету
Ду небету дуръ ду Бога

(') Эта цитата находится въ одной пѣснѣ о переселеніи при Краля Вунчѣ или Ванѣ въ землю Банигѣ, у рѣки Огита. Въ ней до 675 стиховъ.

Дуръ ду Бога фафъ сарае
Де ми Бога седи.
Фана гу дефна Юда
Дефна Юда Самувила,
Ни гу коле ни гу сече
Я гу метна фафъ ливаде
Фафъ ливаде на пасище
Да ми пасе да са гуи
Дуръ да дойде Богое войвода
Па гу на Бога курбанъ коле
Та гу Юда сече
Та гу на Бога готви (*)....

в.

...Рече йоще ни утрече
Тресналу ми фафъ гора-та
Тресналу ми гръмналу
Спуснали са облаци-те
Облаци-те и мъгли-те
Заросила дребна роса
Съсъ роса ми деветъ Юди
Деветъ Юди Самувили
Какъ си спие малка мома
Дигнали е на високу
На високу фафъ гората
Де си ми е юдна пештера:
Я ми фъ пештере ни флеватъ,
Чи излезе стара Юда
Стара Юда Самувила
Налютила са разедила
Утмалъ дума продумала:
— Ининъ ми отеца
Суръ би юсна
Юсна телица
Юсна телица ветика

Дуц ми ни ише
Старше ми оца
Дифа ми фъ гура
— Фъ гура ми фъ Камица...
Чули ми деветъ Юди
Деветъ Юди Самувили
Малка си мома тръгнали
Та е фъ камене закарали...

Първе хи либе нажелилу му са
Нажелилу муса натъжилу
Та са на Бога моли:
Боже ле Боже
— Тарана сурице.
Юда ми летице
Посилешъ утъ яра
Плетитъ ми редитъ
Плетитъ ми крилици
Летъ ми на гура
— На гура на кампце
Да си виде малка мома
Що ми прави що ми чини...

Малка мома курбанъ коле
Курбанъ коле златну теле
Златну теле позлатену
Стара е Юда криумъ учи
Деветъ ми Юди хору играетъ
Хору ми играетъ песна пеетъ..
— Уй ми Боже уй ми.
Травица бърдица.
Дифна есте у питица
Весъ ми зело деветъ лета;
Старише у питица
Рувумъ си нанице плете
Дифна са пане

(*) Эта цитата находится въ пѣснѣ, въ которой описывается борьба воеводы Плиса, короля Богда съ семьюдесятью какими-то вельможами. Въ ней 1465 стиховъ.

Ярни си наница утеглетъ
Наница е на яра
На яра уфъ зланица
Унше ти слугна зело
— Зело ти деветъ лета“.
Юди ми хору играли
Юди ми песна пели
Дуръ са на мома нажелилу
Нажелили натъжили и т. д. (*).

г.

Царе му дума говори
Царе му са мольба моли:
— Боже ле сивчу ле
Боже ле църна ле.
Ду летъ ми слини
Фъ хиже ми на полице
Малешей ми ухну ойце
Ни м' си Боже разерепъ
Разеренъ циснатъ
Ним' ти коне убиносенъ
Ним' ти коне усойнице
Усойнице усмойнице
Да ни ми е злийне месецъ,
На поле ми доста ситица
Да самъ живъ ду летица
Ду летица ду хилица
Триста ми сина на тризица
— Да ги виде дома видетъ....
Ду година ти курбанъ вее

Курбанъ вее курбанъ коле
Курбанъ коле деветъ ювна,
Югиче ми курабаше
Та ти праве личенъ-денъ
Личенъ-денъ църна година (*).

д.

Боже ле жийне ле!
Рама ти уйна
Пирмена на дрина
Акрамъ ми нина
— Изъ иже ми уналъ
Стара ми стара звезнице
Ялна ми вола нителна
Нителна йощ' ми амнице
Дум' ми стоити
— Ним' ми летити
Ясна ми песна моми пели
Деветъ ми крови ни фъркать (*).

е.

Хаде ми слънце изгрей
Хаде ми слънце блесни.
Майка си слънце чулу
Та ми си слънце грейналу
Грейналу си блесналу
— *Дурумъ драве уруну*
Пиревина на усица

(*) Эта цитата находится въ пѣснѣ, въ которой разсказывается какъ девять юлъ насильно увели къ себѣ дочь юдинскаго краля въ горы, гдѣ она и служила имъ 9 лѣтъ; въ награду за благоговѣнїе и преданность онѣ выдали ее за юнака Росню изъ города Шина. Въ пѣснѣ 1693 стиховъ.

(*) Эта цитата находится въ одной обрядовой пѣсни праздника чернаго года.

(*) Эта цитата находится въ обрядовыхъ пѣсняхъ Волосина дня.

Карвица ламеница
Дире тифе сунтива
— *Хуте ми арвица* (*).

ж.

Да му пеешь ясна песна
Ясна песна и еснита:
Огне огне ясну слънце.
Раимна униса хруна ти
— Хруна ти материю
Материю и златию
Опиръ ти ковчега
У ковчега золни алини
Уредилъ си белу лику
Белу лику йогнениту
Уредилъ си уприлъ си
Царею си на яра
На яра на блакина
На блакина на маглина
Фига си ясна зора
Ясна зора е съкрита
— Ясну хи лику усърневашъ
Усърневашъ уцърневашъ
Та си огне греешъ
На земе-та на поле-ту (*)...

з.

...Беса са крапа уплашилъ
Та ми са назадъ тръгна

Тръгна са крале да бега;
Де да ми иде што да ми прави:
Златна си книга искара
Златна книга и ясна
Та си ми пее и дума:
— Юне ми юне
Юне ми Янку.
Дахина цурна пуйка
Диветъ ми диветъ
Се ми су цурни
Цурни дахини
Вета су Богу Гръмина.
Помощъ ми Богу управилъ
Дуръ да Ламие убидамъ,
Нин' ми е бела летице
Бели са пуйки дахини
Я си рука махнувашъ
Съсъ рука тоице
Та ми са пуйки цурни
Цурни ми пуйки летатъ
Летатъ ми на Дунавъ“.....
Песна ми крале ни утпелъ (*)...

и.

...Ясна ми зора изгрела
Ясна ми зора зорница
Та й курбанъ коле
Курбанъ коле деветъ крави
Та й са мольба моли
Та й дума говори:

(*) Последніе пять стиховъ — не славянскіе. Они находятся въ концѣ одной молитвенной пѣсни къ солнцу.

(*) Эта цитата находится въ обрядовыхъ пѣсняхъ лѣтняго праздника. Подчеркнутый стихъ — не славянскій

(*) Эта цитата находится въ пѣснѣ, въ которой рассказывается о битвѣ краля Бесы съ однимъ дикимъ крадемъ, жившимъ въ горахъ близъ Дуная. Встрѣчаются не болгарскіе стихи.

— Звезду ле ясна зору.
Веле ми зору *терина*,
Апинъ е йоще *дефина*,
Думне ти *пата*
Аленъ ми *дуина*
— Млада си зору булка
Булка си на небе...

i.

Та си флезе *фафъ* пещере
Де ми е стара Юда
Стара Юда Самувила
Иоще гу Юда учи
Да си дума и говори:
Синте нуси абледита
Думине трее жина
— Щере ти е у земне
Урму стаду и летеце
Дусунъ бена ни летеце
Юне царе на *красице*:
Я ти сире юне жине
Юне жине юне дефе
Юне си жине на *урму* стаду,
Наочию юне царе на *цирине*
На *цирине* на *сирице*
Сечумъ ти *вета* сече
Вета ти *малу* млогу
— *Малу* млогу *диветъ аници*“.
Учила гу стара Юда
Учила гу да си пее
Да си пее да си свири
Учила гу научила...

к.

Я ми орпинъ курбанъ коле
Курбанъ коле деветъ ягне-та
Фъ стаду му се' на отбуръ,
Гора му Юда изметъ чини
Чи си е личень-день
Личень-день Сиринь-день
Сира Бога *фальба* *фали*
Та му песна пее:
— Сире ми юне жине
Если ми жине на яра
На яра на *цветице*
Пасешъ ми *урму* стаду
Мене си *послешъ* фъ *гурице*
Дашъ ми *золна* *водрице*
Золна *водрице* *золна* *цедрице*
Циремъ си *пресну* *млеку*
Ютъ *млеку* *пресну* *сирене*
Слуга ти *самъ* на *тризе*
Хеле си *веке* *уришилъ*:
Дашъ ми *златна* *гуслице*
Ючишъ ма да *гласе*
Да *гласе* да пее
Урму си стаду *цевамъ*
Ни ми е *веке* *летеце*.
Па ми си жине *позилелъ*
Да си *юче* юне царе
Да си *гласи* съсъ *гуслици*
Да си *гласи* да си пее,
— Учила гу *самъ* *научила*;
Днесъ ти е *личень-день*
Личень-день *Сиринь-день*
Та ти *курбанъ* *коле*
Коле ти *деветъ* *ягне-та* (*).

(*) Последнія три цитаты находятся въ пѣснѣ о кралѣ Риндѣ, составляющей вариантъ пѣс-
ни, помѣщенной въ Вѣдѣ славянъ. Въ ней 1945 стиховъ. Подчеркнутыя слова не славянскія, а
остальное не совсѣмъ поболгарски.

л.

...Деветъ Юди Самувили
Бре са тие пременили
Пременили наредили
Седнали ми ду белъ кладнецъ
Юдну думатъ Самувилску:
Млада царе Гологлаве
— Ведетъ зѣло иде ми,
Сидетъ туна на клатице
Срувнатъ ледна іодице
Влюбилъ си милка Юда
Милка Юда Самодива
Учи гу милка си художни,
— Учи гу научила гу.
Върти са царе сѣ на слънце
Какъ са върте тае гора
Ега слезатъ трима Бога
Съ трима Бога жива Юда
Та ги служба служи
Служба ги служи студна вода..
Дума си Юди говорили
Чуе ги силна царе Гологлаве,
Хемъ си знае юдну да говори
Мощне юдну Самувилску (1°)...

м.

...Та ти курбанъ ни коле
Ни ти пее Вета Книга
Вета Книга Вета песна.
Стара е Вета старита
Стара е Вета утъ край земе
Утъ край земе и утъ царе.
Има е царе на небе
Седелъ ми сега малу
Сега малу деветъ години

Та му е Бога даде,
Кой си курбанъ коле
Да си пее Вета книга
Вета книга Вета песна.
Курбанъ му е на небе
На небе при Бога:
Боже ле Боже ле!
Вета е Виле ветише
Хруй ми Сефита
Сефита удита
Вей ми санита
Урумъ ми тата
Тата ми финита
Трай ми далита
Вета е вила ветише“.
Я ти Боже Вета книга
Вета книга Вета песна.

н.

Бана ми книга пее
Бана ми песна пее:
Флане ле слънце ле
Слънце ле огне ле.
Рай ми огне на поле,
Еренъ ми огне рана
Транъ ми огне *хаванъ* ми“.
Бана ми дума продумалъ
Бана ми йоце ни пелъ
Спусна си слънце зари
Спусна си зарица *агне*
Та ми са *агне* позлати...

о.

Мале ле стара мале:
Фура ми мале *татина*

(1°) Эта цитата находится въ пѣснѣ, гдѣ разсказывается какъ царь Гологлава женился на Юдѣ.

*Рунъ ми дефина
Чире ми яра
Яра ми дна
Дна ми яра прена“.
Чула е майке ламие
Чи й лютумъ продумала....*

п.

Стара ми майка фъ сарае
Ясна си книга снала
Та ми на порти седнала
Цела ми майка запела:
*Яра ле дна ле
Яра ле прена ле.
Зерби ти ярнешъ
Дуру ми дуру насита
Насита дуру Коприта,
Усенъ ми Бана назина
Хай ми яра хай ми дна
Хай ми яра хай ми Прена
Дусунъ лама на висе
На висе на звезда“.
Рече ми майка ни утрече
Летна ми сура ламие
Летна ми фъркна ми
Майка ми флезе фъ бахче-ту
Брала ми майка набрала
Набрала ми копра билька....*

р.

...Колчу ми фафъ курабе
Курабе ми колчу кара
Учи ми колчу млади юнаци
Да си ми пливатъ на море
Да си ми праветъ курабе;
Да си ми грейне на Дунавъ

Рибита ми *група* фърле
Та ми руба лови
Колчу си фальба фали
Чи ми слева на поле
На поле на море
Та ми учи юнаци-те
Да си пливатъ на море-ту
Да си праветъ курабе-те.
Бога си *Атле* на небе
Бога си *Атле* светле,
На земе *яра* Бога:
Хай ле ми яре
Хай ле ми *яре* ду лета
Ду лета ду жива
Та ти курбанъ коле
Суру ягне *кушуту*
Па ти праве Личепъ-денъ
Личенъ-денъ Гергювъ-денъ
Гергювъ-денъ Суровъ-денъ,
Суровъ-денъ Летовъ-денъ,
На трапеза млади юнаци
Млади юнаци малки моми
Гозба ги *Атле* госте
Гозба е ясна бѣдница
Ясна бѣдница яна мреница
Малка мома песна пее
Песна пее на трапеза
И я си хору играмъ
Хору играмъ на трапеза
Съсъ хору та фале
Съсъ хору съсъ песна
Какъ та фалилъ бабайку ми
Бабайку ми на край земе,
Чи си ималъ ясна книга,
Фъркналъ си на небе-ту
На небе-ту при тебе
Та му даде ясна книга
Училъ гу си йоще научилъ

Да си пе ясна книга
Да си та фальба фали (11).

с.

...Песна ти юди запели
Млада е дефа думалъ
Думалъ е дефа говорилъ
Чи си носи ясна книга
Ясна книга позлатена
Фафъ книга ясна песна:
Кола ми Коледа!
Коледа ми дефне
Дефне Превита
Превита Арита
Арита Дечита
Дечита Анита
Дере миви на гуру
На гуру на идру
Золина ти дъру
Дъру ти *укиса*
Жива ми дефа
Жива ми Юда
Зорна й краска
Краска й на рука
Служи та тебе *идруту*
Ибруту аросу
Раитъ ти ливу
Лику ти *пирну*
Пирну ти лику жерну;
Узрелъ ми Вишну
Узрелъ ми на земе
На земе на поле
Три су *арни* на Дунавъ

На Дунавъ на *идру*
Три су *арни* три су *афици*
Ела са глума глуметъ
Вишну са *осенъ* уярилъ
Златну му лику жлетналу
Сиву си дума продумалъ,
Сиву ле сиву
Златенъ ти каменъ на рѣка
Златенъ каменъ златна грома
Я си ми каменъ подай
Да гу на земе метна
На земе на Дунавъ (12). —

Вишну ле братѣу
Братѣу ле Славу
Що са си *осенъ* уярилъ?
Златенъ ти каменъ на рѣка
Златенъ ти каменъ златна грома
Да си гу метнетъ на Дунавъ
Три си *арни* да *потренешъ*
Три си *арни* три *афици*;
Я да си каменъ метнешъ
Земе си, Вишну, *потреналъ*,
И язъ каилъ ни ставамъ:
Бива ли Вишну ни бива
Да си слезе на земе
Да си седна фафъ гора
Фафъ гора пудъ дъру,
Я да си слезе злата майка
Да ма роди малку дете
Малку дете млада Бога
Да си расте да порасне (13)...

(11) Последняя цитата находится въ пѣсняхъ обрядовыхъ праздника Сурова или Летова, которыя очень важны.

(12) Въ пѣснѣ 250 стиховъ.

(13) Этотъ отрывокъ находится въ небольшой пѣснѣ, въ которой воспѣвается рожденіе Бога Коледы, втораго лица троицы родопскихъ пѣсенъ. Въ ней Коледа называетъ Вишну братомъ.

т.

— Мати ми мати
Мати ми злата
Двере ми верзи
— Двере ми златне...
Па ми ораю засвири
Песна пее Богу си моли:
Боже ле *дине*
Трана бейни усута
Жимда фиуа апана
Апана ми мати
— Мати ми златню
Сли ми мати сли
Вети янку *усъ* тупузе
Усъ тупузе на дверице
Трей ми тупузе усупи
Дверце ми уверзалъ“.
— Какъ ми пее и ми свири
Сита земе са залюле
Залюле са затресе
Та ми порти искапали
Та са порти расторили
Та ми флезе фъфъ заздана.
Малга ми мома спие.
Побудѣ е оркю разбуди (14)....

у.

...Бене ти зору
Уринъ ти узаре,
Сета ти ясна
Чиве ти еснита
Насе ти пирита (15)...

ф.

...Камна са Юда налютила
Налютила разедила
Юдну ми доста продумала
Юдну ми доста Самувилски:
Прене ми брата
Брате ми змее
Брате ми църне *дине*
Димъ су *ярутна*
Кожна ви дрътналъ
Добринъ ми Самодивенъ...
Халалъ да ти е малка мома
Да ти е жива да ти е здрава ...
— *Руну* ти *умне*
Утпнъ ма *сите*
Ани су стару-се
Стару-се ти Янку
Умъ ти *уснуилъ*
— *Амремъ* у море.
Рече юда ни утрече (16).

х.

...Майка си бильки мае
Та си ми дума говори:
Перенъ ти *дуе*
Уни ми *тане*
Туситъ е *саме*
Саме ми *сира*
Сира ми *пита*
Пита ми *Рама*“.
Рече ми майка ни утрече
Дума ми *сире* продума

(14) Эта цитата находится въ пѣснѣ объ Орчѣѣ, представляющей вариантъ къ изданной въ Москвѣ г. Дашковымъ. Въ пѣснѣ 2235 стиховъ.

(15) Эта весьма важная цитата находится въ пѣснѣ о переселеніи, заключающей въ себѣ 1315 стиховъ.

(16) Находится въ пѣснѣ о юнакѣ Добринѣ, сынѣ краля Думна. Въ ней 1110 стиховъ.

Бане си Божну съсъ бильки
Бане гу майка мие ⁽¹⁷⁾...

ц.

...На рѣка хи златна китапе
На Бога са мольба моли:
Боже ми Боже
Боже ми *Арине*
Арине саине
Саине ажине
Ажине ми дине
Дине ки Увишне
Увишне ми Талине
Санг ми адине!
Юне ми дойне
Дойне ми ф' гура
Ф' гура ми ф' пенице,
Три ми лета седи;
Какакъ ми е личенъ-день,
Личенъ-день циринъ-день
Стара ми вета ветне
Дойне ми млада дефа
Млада ми дефа Самодива
Сиву ми стаду пасе ⁽¹⁸⁾...

ч.

...Я ми Юда кайлъ ни става
Лу си дума продума:
Тарамъ бари умини
Сунма уни самита
Атепина дуру усита
Усита ми мала Сита
Мала Сита мала дева
Растумъ Сита урастала
Нимъ ми Сита у гура
У гура у камице
Летумъ Сита ми летила
Летила ми на яра
На яра на тримице
Слуга служи трима Бога
Вишнумъ Бога *усъ* Коледе
Усъ Коледе и *усъ* Сурве,
Мати ми сама усамита
Ним' ми деве у камица,
Ним' ми деве услушне
Суледица ми у камице
Слуга ми мати служи
Дае хи златна чеше".
Рече юда ни утрече ⁽¹⁹⁾....

Подобныхъ цитатъ весьма достаточно, но я желаю при семъ случаѣ указать почтенному собранію только нѣсколько цитатъ изъ обоихъ языковъ, которыя—по моему мнѣнію—заслуживаютъ особеннаго вниманія; ибо если бы я пожелалъ привести всѣ цитаты и объяснять ихъ, то на это потребовалось бы не мало времени; а равно, если бы ограничился однимъ только чтеніемъ ихъ, то это, по

⁽¹⁷⁾ Находятся въ пѣснѣ о Божнѣ, который служилъ юдамъ въ горахъ 9 лѣтъ.

⁽¹⁸⁾ Эта весьма важная цитата, въ которой представляются атрибуты Вишну, находится въ пѣснѣ, въ которой рассказывается, какъ какой-то юнакъ Дойне служилъ юдамъ въ пещерѣ. Въ ней 1120 стиховъ.

⁽¹⁹⁾ Находится въ пѣснѣ, въ которой рассказывается служеніе Суледины юдамъ. Въ ней 375 стиховъ

моему мнѣнію, было бы и неумѣстно и не цѣлесообразно, потому что было бы непонятно.

Итакъ начну съ тѣхъ, въ которыхъ встрѣчаются цѣлые стихи на этомъ совершенно непонятномъ языкѣ, который, по моему скромному мнѣнію, долженъ бы быть санскритскимъ. Начну съ 1-й цитаты (подъ буквою д, на стр. 216), находящейся въ обрядовыхъ пѣсняхъ Власина дня, праздника установленнаго царемъ Имою въ воспоминаніе прирученія воловъ и начального пользованія ими въ домашнихъ занятіяхъ человѣка. По увѣренію пѣвцовъ онъ праздновался 10-го февраля. Цитата находится въ началѣ второй обрядовой пѣсни; въ ней три стиха на выше-сказанномъ языкѣ: *Рама ти уйна—Пирмена на дрина—Акрамъ ми нина*. Изъ этихъ словъ: *рама* и *акрамъ* находятся въ этой самой формѣ въ словарь Бюрнуфа, словъ же *уйна* и *нина* нѣтъ, и ихъ значеніе можетъ быть объяснено только по догадкѣ или по сходству. Я не мало о нихъ ломалъ голову и вотъ какой смыслъ нашель въ нихъ. *Рама* значитъ *agréable* по Бюрнуфу; *уйна* быть можетъ происходитъ отъ санскритскаго *ujjassana—massacré*, т. е. то, что умерло не своей смертью, а убито или заколото; *Пирмена на дрина*: *пиръ* значитъ огонь отъ санскритскаго *пуръ*, а *дрина*, по толкованію пѣвцовъ, значитъ церковь или моленіе. Часто въ пѣсняхъ упоминается слово *дриде* или *дрииде*, которое, по объясненію пѣвцовъ, значитъ *дубовое* дерево или *дубъ*. Итакъ вѣроятно здѣсь подразумѣваются не церкви послѣднихъ временъ, а первобытныя, т. е. когда въ горахъ, подъ деревомъ, и по всей вѣроятности, дубовымъ приносилась жертва Богу. *Акрамъ* означаетъ разстояніе; но что значитъ *нина*—трудно опредѣлить. Только по смыслу содержанія пѣсни я рѣшаюсь предположить, что можетъ значить: *благовонный дымъ жертвы*, вставивъ между *ни* и *на*—*га*—*нигапа*, по словарю Бюрнуфа, что значитъ *fumée odoriférante de l'offrande*. Т. о. я предполагаю, что смыслъ непонятныхъ стиховъ могъ бы быть слѣдующій: „Господи Боже! благопріятна тебѣ жертва на огненомъ очагѣ — приближается благовонный дымъ приношенія — ибо, вотъ старикъ (или жрецъ) подходитъ съ непорочнымъ воломъ или телицей, и т. д. Разумѣется, что все сейчасъ сказанное—только одна догадка, а вовсе не положительное рѣшеніе, и догадка сдѣланная съ единственною цѣлью обратить вниманіе сего ученаго собранія на это странное явленіе; окончательное же рѣшеніе сего вопроса принадлежитъ другимъ, которые болѣе знаютъ это дѣло, т. е. лингвистамъ, санскритологамъ и ориенталистамъ и славянскимъ и иноплеменнымъ. Упомяну еще что пѣвецъ сказалъ объ этихъ стихахъ: онъ сказалъ только, что это старыя слова, и только относительно слова *дрина* сказалъ, что это значитъ мѣсто гдѣ закалываютъ жертву.

2-я цитата (подъ буквою е, стр. 216—217) находится въ одной пѣснѣ къ солнцу, а именно на концѣ пѣсни; состоитъ изъ пяти стиховъ: *Дурумъ драве уруму—Ширевина на усница—Карвица ламенница—Дире тифе сунтиса—Хуте ми арвица*.—Эти стихи мнѣ нельзя было отгадать или разрѣшить при помощи упомянутого французскаго словаря. Вотъ что сказали о нихъ пѣвецъ: „эти стихи на языкѣ современномъ нашимъ дѣдамъ“.

3-я цитата (подъ б. ж, стр. 217) заключается въ одномъ стихѣ, но, что онъ значить, неизвѣстно; другіе стихи не чисто болгарскіе; тоже должно сказать и о 4-ой (подъ б. з, *ibid.*), которая еще дальше отъ болгарскаго языка. Въ 5-й цитатѣ (подъ б. и, стр. 217—218) стихи подчеркнутые—неболгарскіе, а также и въ 6-й (подъ б. і, стр. 218); и здѣсь стихи, находящіеся между вносными знаками—не вполнѣ болгарскіе, а въ 7-й и 8-й цитатахъ (подъ бб. к, л и м, стр. 218—219) всѣ не подчеркнутые стихи—болгарскіе; а изъ подчеркнутыхъ нѣкоторыя находятся въ санскритскомъ словарѣ, а нѣкоторыхъ не отыскалъ. Въ словарѣ находятся: *Вей, удита, тата, санита, далита, трай*. Въ 9-й и 10-й цитатахъ (подъ бб. н и о, стр. 219) однѣ изъ подчеркнутыхъ словъ я отыскалъ въ словарѣ, а другихъ не нашель: *Рай* значить *richesse*, богатство; другія—незнаю, что значать; тоже должно сказать и объ 11 и объ 12-й цитатахъ (подъ бб. п и р, стр. 220). Въ 13-й цитатѣ (подъ б. с, стр. 221) пѣвецъ такъ объяснялъ нѣкоторыя изъ подчеркнутыхъ словъ: *дефне* значить *чистъ*; *превита*, кто все знаетъ, *omniscius*: въ санскритскомъ *праван* значить *ученъ*; относительно *Арита*, *Денита* и *Анита* сказалъ что это имена бога. *Арита* въ санскритскомъ словарѣ значить *gameug*—гребецъ; *дана* значить *вода*; а *анита* значить *le feu*—огонь. Въ 14-й цитатѣ (подъ б. т, стр. 222) слова подчеркнутыя—не болгарскія; нѣкоторыя совершенно непонятны, напр. *усъ* вмѣсто *съсъ топузе*; думаю, что это долженъ быть какой нибудь новый неизвѣстный видъ славянщины. Въ 18-й цитатѣ (подъ б. ц, стр. 223) пѣвецъ нѣкоторыя слова перевелъ слѣдующимъ образомъ: *Арине*—пречистый, *сайте*—пресвятой; *Ажине*—весьма уменъ; *Дине*—Богъ, *увинне*—сѣдящій высоко; *талине*—небесный, облачный, *Санъ ми адине*—непостижимый умомъ; *юне ми*—молодъ; *гуре*—гора; *пенице*—пещера; *вета ветие*—жертву закалываетъ.

Итакъ вотъ что, на скорую руку, я былъ въ состояніи указать и предложить почтенному собранію относительно родопскихъ памятниковъ. Конечно, ихъ настоящее значеніе и концепція, относительно славянства и науки, могутъ быть схвачены и опредѣлены только послѣ ихъ обнародованія.

Желаю сдѣлать еще одно маленькое замѣчаніе, и затѣмъ кончить.

Не только по свидѣтельству этихъ памятниковъ, но и по единогласному утверженію всѣхъ пѣвцовъ — цивилизація и искусство первоначально появились у какого-то народа, который назывался „*Юдински народъ*“. Онъ-то первоначально и сообщилъ ихъ нашимъ дѣдамъ, а они въ свою очередь распространяли ихъ далѣе, между другими народами: египтянами, персами, вавилонянами, финикійцами и т. д. Главнымъ лицомъ или представителемъ этой неизвѣстной цивилизаціи былъ, какъ уже сказано ранѣе, нѣкій царь Има. И такъ по ихъ свидѣтельству древнимъ славянамъ во всеобщей исторіи принадлежитъ лучшее и болѣе почетное мѣсто, чѣмъ приписываемое имъ ярыми ихъ недоброжелателями, т. е. славяне не были *последнимъ удобреніемъ цивилизаціи*, о чемъ съ нѣкотораго времени все чаще трубить вѣнская Neue freie Presse съ прочими своими и пептскими пріятельницами, но что они, напротивъ того, были ея первымъ и самымъ блестящимъ алмазомъ.

Мой покойный другъ Янко Шафарикъ, въ своихъ письмахъ ко мнѣ, не разъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что его дядѣ славному Павлу Іосифу Шафарику не суждено было увидѣть эти памятники, такъ какъ — по его словамъ — онъ одинъ только былъ бы въ состояніи глубоко проникнуть въ ихъ смыслъ и опредѣлить ихъ значеніе. Но я думаю и твердо увѣренъ, что въ обширномъ славянскомъ мірѣ нашлось бы не мало и другихъ славныхъ усопшихъ славянолюбцевъ, которые, подобно Шафарику, не только были бы рады дожить до такого великаго событія, но навѣрное пожертвовали бы и часть своего имущества, чтобы только получить возможность взглянуть своими потухшими очами на эти драгоценные остатки умственной продуктивности, первобытной міровой цивилизаціи, въ которой, по всѣмъ признакамъ, принимали значительное, *хотя и неисключительное*, участіе и дѣды славянъ. Такими славянолюбцами были изъ руссовъ: Державинъ, Каченовскій, Кеппелъ, митрополитъ Евгений, адмиралъ Шишковъ, графъ Румянцевъ, графъ Сергій Уваровъ, Востоковъ, Шевыревъ, Пушкинъ, Хомяковъ, Константинъ Аксаковъ, Погодинъ, Невоструевъ, Гильфердингъ, Григоровичъ и не мало другихъ, неизвѣстныхъ мнѣ по имени. Изъ не-руссовъ такими были: Юнгманнъ, Копитаръ, Водникъ, Янъ Коларъ, Людевитъ Штуръ, Палацкій, Павелъ Стосъ, Юкичъ, Тома Блажекъ, Гр. Албертъ Ньюджентъ, Гавличекъ, Гай, Бабукичъ, Мицкевичъ, Крижаничъ, и многіе другіе, имъ подобные. Хотя имъ не суждено было увидать этого при жизни, но они, навѣрно, чувствуютъ духомъ все, что теперь происходитъ здѣсь и ихъ духовныя очи бросаютъ съ небесныхъ высотъ нѣжно-грустные взоры на это блестящее собраніе, въ которомъ находится цвѣтъ русской интеллигенціи со всѣхъ концовъ Россіи,—на васъ, дорогие и милые имъ, потому что здѣсь, безъ сомнѣнія, найдутся не только зна-

комые, но и родственники ихъ, — чтобы видѣть какъ отзоветесь вы на то, что совершается сейчасъ на родинѣ славнаго Державина, на милой намъ св. Руси; т. е. окажете ли должное вниманіе и покровительство этому неоцѣнному духовному сокровищу далекой старины, которое своею особенностью и выпренностью затмеваетъ и далеко оставляетъ за собою всѣ извѣстные умственные продукты древности, и которое, вѣроятно, принадлежитъ тѣмъ, чья кровь течетъ въ вашихъ жилахъ; или, быть можетъ, вы допустите его снова уйти туда же, откуда оно пришло—т. е. *въ забвеніе*, отъ котораго я старался спасти это сокровище съ такой преданностью и самоотверженіемъ, что ставилъ ребромъ счастье и благосостояніе не только свое собственное, но и дорогихъ и милыхъ моихъ въ Серезѣ, которымъ въ эту минуту, можетъ быть, угрожаетъ опасность, *вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ*, сдѣлаться жертвами или добычею дикихъ Черкесовъ.

16 Августа, 1877 г.

Славній зборе!

Охрабренъ благоволеніемъ, кое е славній зборъ указао последњи путъ Родопскомъ откритію, за то желію самъ іошъ еданъ путъ повратити се овоме предмету, ербо тада збогъ краткогъ времена ніе ми было могуће да онако упознамъ ученій зборъ съ нѣговимъ любопитнимъ садржаемъ, као што ми е была желя и намѣра; и тако то чинимъ ево сада, надаюћи се да ће онъ благоизволити мое скромно саобштенѣ примити са угоднимъ задовољствомъ и наклоношћу, ербо су то тако необичне и чудне ствари, о коима никадъ ни у сну ніе коме на паметъ долазило да сличногъ шта изъ старине суштествуе негди на свету сакривено те да ће еднога дана ненадно опетъ указати се на яви.

Ови споменицы воде порекло чакъ изъ оне далеке старине, кадъ іошъ већи део рода людскогъ чаміо е у крайной простоти и невѣжеству, непознаваюћи никакви художествій и живећи само одъ плодова земни, кои се сами производе: на примѣръ овоштія, жиръ растовъ и буковъ и т. п. дапаче на више мѣста изрично се споминѣ да су пасли и траву попутъ животинѣ! У нѣма дакле разговетно и обстоятельно прича се одъ кога народа пронађена су и изобретена найважнія и найглавнія художества, као што су на примѣръ орало и употребленѣ пшенице у мѣсто траве; после српъ за жети ю и гумно или вршило за чистити; упитомленѣ воловахъ, коняхъ и оваца: лекарство, бродарство, винова лоза, азбука, четили и т. д. Свако изобретеніе было е овѣковѣчено, спомена ради, установленіемъ особитогъ религіозногъ празника са обредима и молитвенима пѣсмама, съ коима су хвалили и славили Бога што имъ е помогао за улесненѣ и олакошенѣ живленя. Такви празникахъ биће око 20. Ево іи: *Личенъ-денъ Дравинъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія орала; *Личенъ-денъ Витинъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія српа; *Личенъ-денъ Асинъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія гумна или вршила за чишћенѣ пшенице; *Личенъ-денъ Сиринъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ упитомленя оваца и изобретеніе млека и сира; *Личенъ-денъ Власинъ или Волосинъ-денъ*, установлѣнъ отъ Има цара за споменъ упитом-

лења волова и првога имъ употребленя у пословима домаћима човека; *Личенъ-денъ Ивринъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія вина; *Личенъ-денъ Рюинъ или Гроздинъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія винове лозе; *Личенъ-денъ Маргинъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія лекарства; *Личенъ-денъ Колловъ или Колчувъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія корабахъ и првога имъ пловленя по мору и рекама; има такођеръ и празникъ, установлѣнъ за споменъ изобретенія ватре, названъ *Личенъ-денъ Агинъ-денъ*. Осимъ овихъ има јошъ и другихъ празникахъ, кои су были установлѣни по разнима побуђенјима, на примѣръ три разна празника была су установлѣна не за друго но само да се кодъ њихъ сохрани и не заборави споменъ на прво имъ отечество: *Личенъ-денъ Ластавичинъ-денъ*, *Личенъ-денъ Пазиръ-денъ* и *Личенъ-денъ Колчувъ-денъ*. Пѣсме овихъ празникахъ найтрогателније су одъ свију другихъ. После имају празници: *Личенъ-денъ Суровъ-денъ* или *Летовъ-денъ*, определенъ за празновањъ начала лѣта или нове године; после *Личенъ-денъ Енловъ-денъ*, у кои мислили су да звезде силазе съ неба на земљу да баяю билјке или траве да буду лековите; *Личенъ-денъ Ладинъ-денъ*, определенъ за споменъ установленя брака; *Личенъ-денъ Колинъ или Коледовъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ рођеня Коледа Бога: *Личенъ-денъ цркенъ-денъ*, установлѣнъ въ честь *црногъ Бога* за да људима не чини зла за време докле се налази у разяреномъ станю.

Има такођеръ у више примеракахъ и обредахъ са пѣсмама, кои су чинѣни при рођеню дѣтета, у време свадбе и при погребу мртвацахъ. Све е то крайне любопитно и заслужуе да се зна.

Споменута художества ни су сва у едно време била изобретена него постепено, после дугогъ времена, едно за другимъ появљивало се е. До изобрѣтенія српа пшеница е была чупана рукама онако као што се сада ланъ чупа, чишћена е пако била до изобретенія гумна или вршила рукама на ноћнима „*Седенкама—триенкама*“, кои начинъ задавао имъ е великогъ труда и муке. Збогъ важности предмета мислимъ да не ће бити неумѣстно и излишно, ако овде ставимъ саму пѣсму, онако као што се налази у изворнику, односећу се на описаніе начина првобытнога чишћеня пшенице докле јошъ не било измишљено гумно (1):

О њѣкима одъ горе наведени празникахъ има по више варианта одъ разнихъ пѣваца, особито има ја доста о празнику Власинъ-денъ, но свију пѣсме тако су различне буйношћу свое поезіе, да мислимъ ни еданъ не ће бити излишанъ толико да не би заслуживао да се саобшти; само о празнику, о коме е говоръ у пѣсми мало пре саобштеној до сада ни су се јавили варијанти, а тако

(1) Пѣснь приведена выше въ переводѣ М. П. Петровскаго; см. стр. 208—211.

исто и о празнику српномъ Витиномъ дѣну; оба споменута празника састое се сваки изъ по петъ молебни пѣсама, но мало пре споменута пѣсма надминое своіомъ важношћу не само све остале пѣсме обредне Асина и Витина дѣне, но и све друге; ербо у нъой е не само сачуванъ споменъ найдрагоцѣнни, и то на начинъ најясни и најискреніи, о началнику цивилизаціе овихъ споменикахъ Има цару, првомъ изобрететелю орала, и Радю юнаку, изобретателя гумна за чишћенѣ пшенице, већъ и што се отликуе тако чувствительнимъ и тако складнимъ, любимъ и виспренимъ своимъ пѣсничкимъ саставомъ, да човека у крайно умилие доводи. Овай Има царъ биће вѣроятно онай, о коме се е сачувао еданъ сасвимъ таманъ споменъ у зендскимъ књигама подъ именовъ *Има*. Но у овима нашимъ споменицима о нѣму такомъ ясношћу и живаношћу прича се, да се чини да е то било текъ пре неколико десетина година а не пре толико иляда година.

У овима пѣсмама прича се такођеръ и о преселеню или колонизаціи становитогъ народа изъ крайне землѣ на бѣлѣ Дунавъ; у више нѣихъ поминю се и два бели Дунава кои, по обясниваню и казиваню пѣваца, налазили су се у Ричной земљи, у којой осимъ нѣихъ било е јошъ и више велики рекахъ, до 9: „*презъ деветъ горахъ зелени — Презъ деветъ рекахъ гуллами*“ — поминѣ се у више свадбински а и други пѣсма епическихъ. Вѣроятно дакле речена *Рична* земля биће данашњи индійски *пенжакъ*—или *пенѣжабъ*, као што се назива у пѣсмама Александра великогъ; *Индъ* се у пѣсмама Александровима називлѣ „*гуллама Жабарска река*“—*жабъ*—одъ *жабе* мислимъ да произилази. У дѣлу Инглеза д-ра Вицента, кое било печатано концемъ прошлогъ вѣка, о походу Александра Великогъ, *Потамия*, съ коимъ грчкимъ именовъ біо е означенъ Пенжакъ, стои по садашнѣму индійскому називаню преведено „*Ritchna*. Два дакле бели Дунава у овима пѣсмама биће по свой прилици *Индъ и Гангъ*; а кадъ су допрли до Европе спомена ради назвали су веће реке истимъ именовъ. Већи део дакле догађая, налазећи се у овима пѣсмама сохранинъ и описанъ, мислимъ да се ніе догодіо кодъ нашега Дунава но кодъ споменута два индійска Дунава.

У родопскомъ откритію има доста пѣсама и о Троји граду; неке се знатно слажу са омировимъ причанѣмъ, неке пако толико одъ нѣга се удаляваю да би се могло предпоставити да градъ Троя біо е на другомъ мѣсту а не онде где га међу и назначаю стари еллински и други списатели. најважніе е у нѣма то што се споминѣ река *Simois* Помпоніе Меле: *Сименива*.

У смотреню религіе ови споменикахъ само љу у кратко то навести, да е она врло сродна са религиомъ Браминскомъ и ведски химна, ерѣ као кодъ последњи тако и овде налази се тройство, кое се е називало „*трина*“ или „*тримна Бога*“:

Вишну, *Колета* и *Сива*; осимъ тога многа индїйска важнїя божества као: Дурга, Бавани, Сура, Тарана, Брахма и т. п. називаю се онако исто као што стое означена у индїйскомъ баснословїю, само е велика разлика међу ролама и определењемъ, кое споменута Божества имаю кодъ Индїяца и онимъ кое имъ назначую ови наши споменици. На примѣръ *дурга* кодъ индїяца представљена е као врломатора жена, којой за накитъ служи низъ човѣчи лубана, и коя едину своју забаву налази у томе да само умртви што може више людихъ ербо найслађи папатакъ нѣзинъ састояо се е изъ людске крви; сва е дакле слика и прилика садашњи турски башибозука и черкеза — дочимъ наша *дурга* представљена е као врло млада дѣвојка, коя лѣпотомъ сяла е као сунце, а у великодушности и милосрдїю нїе имала себи равна, слѣдовательно никадъ нїе ни мраву на жао учинила, но непрестано се е заузимала да поможе онима кои би їой се утицали у своима буди каквима нуждама, и Богъ їой е увекъ уважїю молбу, ербо е била крайне целомудрена и добродѣтельна и милостива; она дакле нїе била жена никакогъ божества, но просто била е свештеница едногъ храма, гди се е Богу жертва приносила, у коме качеству остала е вазда. Таква иста била е и *Бава* или *Бавани* а не жена *Вишнуа*. — Сви дакле знаци показую да цивилизація овихъ споменикаха не само да е старїя одъ зендске, ведске, грчке, египатске, но вѣроятно била е изворомъ првобитнимъ свїю споменути цивилизація. Колико е ово мненїе умѣстно, то треба да определе учени словенски и иноплеменни.

Лани почму се появљивати такве пѣсме, по којима има пуно цитата изъ два друга езика, кои ни су ни србски ни бугарски. Еданъ налїчи на старо-словенски а такођеръ и на рускїй езикъ, еръ има такви речи руски какви, мислимъ, не би се могло наћи у рѣчнику ни бугарскомъ ни србскомъ, на примѣръ: *если*, *фура*, *осенъ*, *уярїлъ*, *тутъ*, *глаза* и т. п. други пако не налїчи ни на еданъ европейски езикъ, но вѣроятно биће санскритски, еръ има више речи кое се сасвимъ тако изговараю као што се налазе наштампане у санскритскомъ рѣчнику Г. Е. Вирнуфа безъ и найманѣга искривленя; речени цитати имаю одъ петъ до двадесетъ стиха. Оваки пѣсама има 4 рукописа одъ 4 разна пѣвца—Помачка. Средствомъ дакле овихъ любопитни цитата мислимъ да ће се лако моћи проникнути и пронаћи не само коме народу припада цивилизація родопскихъ споменикаха, већъ їошъ и она страна света одакле е потекла првобитно.

Знания дакле ради овде желимъ ученомъ збору представити неколико одъ тихъ цитата (¹).

(¹) Всѣ послѣдуюція за симъ пѣсни приведени въ переводѣ М. П. Петровскаго; см. на стр. 213—223.

Желимъ јошъ само одну малу примѣтбу учинити и онда свршићу.

Не само по сведочанству овихъ споменикахъ већъ и по еднородномъ тврђењу свию пѣвацахъ, првобитно цивилизација и художества появила су се кодъ некога народа, који се е звао „*Јудински народъ*“. Овај најпре саобшти ихъ нашимъ дѣдовима, а они опетъ далъ по свету распростране ихъ међу другима народима: Египћанима, персијанцима, вавилонјанима, феничанима и т. д. Главно лице или представителъ ове непознате цивилизације био е, као што е већъ на другомъ мѣсту казано, неки Има царе. И тако по сведочанству њиховоме старима словенима у свеобштој повѣстници припада мало болъ и частније мѣсто одъ онога кое имъ допитују њихови люти недоброжелатели, т. е. ни су били *последнѣ љубре цивилизације*“, као што то одъ некога времена обичае чешће трубити Вечка *Наше фразе пресси* са прочима своима ондашњима и Цештанскимъ другарицама, већъ напротивъ били су вѣзинъ први и најслијни дјамантъ!

Мой пријатељ покойни Јанко Шафарикъ примѣтио ми е не еданъ путъ у своима писмама да е велика штета што нѣговъ стриць славнѣй Павле Шафарикъ не доживіо да види ове дивне споменике, еръ, вели, онъ едини біо бы у станю најболъ проникнути и схватити имъ смисао и важностъ. Него я тврдо мислимъ и држимъ да у широкомъ словенскомъ свету было е јошъ доста и други славни усопши славенолюбацахъ, кои бы имъ се онако исто као и онъ не само радовали, да су могли доживити ово велико собитіе, него бы јошъ за цѣло и доста одъ свога иманя были даровали само да су могли своима умрлима очима видати ове преважне остатке умногъ производа првобитне светске образованости у којој, као што сви знаци показују, треба да су значително суделовали, *ако башъ све искључително њима не припада*, и дѣдови словенахъ, као што су на примѣръ ови руски славенолюбци: Державинъ, Каченовски, Келпенъ, митрополитъ Евгеній, адмиралъ Шишковъ, гр. Румянцевъ, гр. Сергіе Уваровъ, Востоковъ, Шевыревъ, Пушкинъ, Хомяковъ, Константинъ Аксаковъ, Погодинъ, Невоструевъ, Гильфердингъ, Григоровичъ и јошъ доста њихъ којима имена незнамъ, а одъ не-русски: Јунгманъ, Копитаръ, Водникъ, Јанъ Коларъ, Л. Штуръ, Палацки, Павле Стосъ, Јукичъ, Томо Влажекъ, гр. Албертъ Нугентъ, Хавличекъ, Гай, Бабукићъ, Мицкіевичъ, Крижаничъ и јошъ много њихъ њима слични;—по ако не было суђено да то виде своима умрлима очима, за цѣло знаю духомъ о чему се садъ овде ради, слѣдователно нежно-туробно, своими духовнима очима, овога светчаногъ часа гледаю съ небеснихъ висинахъ овамо доле на ово светло собрание (у коему се налази цвѣтъ руске интеллигенције са свию вѣзини краева), на Васъ свое миле и драге, ербо несумњиво овде ће бити доста њихови не само знакоми већъ и сродникахъ, да виде како ћете се одзвати овоме мигу про-

виденія, кои се чини у родноме мѣсту славногъ Державина нашей милой св. Руссиі преко Васъ нѣзани дични представникахъ — то есть да ли ѣете овоме неопѣвнимомъ умномъ сокровишту далеке старине, кое необичношћу и виспре-ношћу своего садржая потамнява и далеко иза себе оставя све познате умне производе изъ старине, и кое вѣроятно принадлежи онима чія крвь у Вашима жилама тече, поклонити овако вниманіе и покровительство као што заслужую по своіой важности, или може быти оставити ѣете га да опетъ иде онамо одъ куда е дошло—у *Заборавностъ*—на спасаваѣ коєга я самъ настоявао съ такомъ преданошћу и отврженѣмъ да самъ найпосле пренебегао и на коцку ставіо сча-стіе и благоденствіе не само свое него и своіи мили и драги у Серезу, коима овога часа може быти да прети опасностьъ, *збогъ неки препонахъ*, да постану жертвомъ или пленомъ дивльи черкезахъ.

16 Августа
1877.

О Соловецкой библіотекѣ, находящейся нынѣ въ Казанской духовной академіи (*).

И. Я. Порфирьева.

На выставку IV-го Археологическаго Съѣзда представлено 63 №№ рукописей изъ библіотеки Соловецкаго монастыря, находящейся нынѣ въ Казанской духовной академіи. Я намѣренъ предложить нѣсколько свѣдѣній объ этой библіотекѣ, съ цѣлью познакомить съ нею интересующуюся рукописями публику.

Прежде всего не излишнимъ нахожу сказать о томъ, когда и по какому случаю Соловецкая библіотека переведена въ Казанскую академію. Соловецкая библіотека переведена въ Казанскую академію въ 1855 г., по случаю открытія при академіи Миссіонерскаго Отдѣленія противъ раскола, при Казанскомъ архіепископѣ Григоріи, бывшемъ потомъ С.-Петербургскимъ митрополитомъ. Желая указать миссіонерамъ оружіе противъ раскола тамъ, гдѣ расколъ обнаружилъ себя сильнымъ, девять лѣтъ продолжавшимся, мятежемъ, и откуда вышла знаменитая у раскольниковъ „Соловецкая Челобитная о вѣрѣ“, преосв. Григорій въ 1854 г. просилъ Святѣйшій Синодъ о передачѣ въ Казанскую академическую библіотеку „нѣкоторыхъ книгъ изъ Соловецкаго монастыря“, и, пользуясь выпиской изъ описи Соловецкой библіотеки, приложенной при книгѣ Игнатія, архіепископа Воронежскаго: „Истина святой Соловецкой обители противъ неправды Челобитной, называемой Соловецкой, о вѣрѣ СПб. 1844 г.“, выбралъ изъ нея только 406 №№, какъ особенно нужныхъ для Казанской академіи. Но вся Соловецкая библіотека въ это время находилась въ Сійскомъ Антоніевомъ монастырѣ⁽¹⁾, куда она была перевезена, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ Соловецкаго монастыря, для спасенія отъ англичанъ, нападавшихъ на монастырь во время Крымской войны. Въ томъ видѣ, въ какомъ библіотека здѣсь находилась, упакованная въ 16-ти ящикахъ, Св. Синодъ и повелѣлъ отправить ее въ Казанскую академію, и при этомъ поручилъ преосв. Григорію „отдѣлить и оставить въ библіотекѣ академіи все тѣ книги и рукописи, какія признаетъ для академіи

(*) Читано въ засѣданіи 1 августа.

(1) Сійскій монастырь св. Антонія находится въ Холмогорскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи.

дѣла насчитывается 1367.—2) Рукописи свѣтскаго содержанія съ особой нумераціей 54 №№. 3) рукописи Анзерскаго скита 94 №№, 4) старопечатныя книги Анзерскаго скита 55 №№ и 5) старопечатныя книги Соловецкаго монастыря 28 №№.—Когда и къмъ приведены рукописи и книги Соловецкой библіотеки въ такой порядокъ, опредѣленно сказать нельзя; но нельзя не замѣтить, что онѣ съ тѣми же самыми номерами перечисляются и въ выпискѣ изъ описи Соловецкой библіотеки, приложенной при упомянутой выше книгѣ Игнатія архіеп. Воронежскаго, а въ предисловіи къ этой книгѣ Игнатій указываетъ еще на старинную опись монастыря, составленную въ 7184 (1676) г. по которой книгъ значится 1367^а, а потомъ, говоря о своихъ занятіяхъ въ соловецкой библіотекѣ, упоминаетъ объ одномъ монахѣ, о. Кассіанѣ, въ слѣдующихъ словахъ: „огромная тамошняя библіотека съ архивомъ и опись опыхъ трудами сего монаха, подъ распоряженіемъ бывшаго настоятеля о. архимандрита, Досіея, приведена въ отличное состояніе. Онъ и библіотекаръ, іеродиаконъ Памво, удивили меня скорымъ удовлетвореніемъ всѣхъ требованій о книгахъ, при личномъ осмотрѣ библіотеки (¹).“

Соловецкая обитель возникла въ первой половинѣ XV вѣка; къ концу этого же вѣка относится и начало Соловецкой библіотеки. Первые преданія о началѣ книжной письменности въ обители указываютъ на Новгородъ, который въ XV в. на Сѣверѣ былъ главнымъ центромъ книжнаго просвѣщенія, и тѣсно связаны съ именемъ знаменитаго въ исторіи этого просвѣщенія, Новгородскаго архіепископа, Геннадія. Геннадій былъ ученикъ преп. Савватія и, питая уваженіе къ его памяти, убѣдилъ Соловецкаго игумена Досіея написать житіе Савватія и Зосимы. Этотъ Досіей былъ самъ ученикъ преп. Зосимы и третій послѣ него игумень Соловецкій. Вотъ что онъ рассказываетъ въ послѣсловіи къ составленному имъ житію преподобныхъ: „Архіепископъ (Геннадій) вопрошаше мя прилежно о устрои мѣста Соловецкаго острова и о начальникахъ Соловецкаго монастыря. Азъ же, елико видѣхъ, повѣдѣхъ вся подробну. Архіепископъ же рече: напиши ми о житіи начальникъ вашего монастыря и о чудесѣхъ ихъ и еже вся повѣдалъ ми еси. Мнѣ же грубу сушу и недовольну смысломъ на сіе великое дѣло и много отрицающумися, онъ же рече: елико вразумѣши, напиши мнѣ памяти ради, вѣру бо, рече, имамъ къ начальникомъ монастыря вашего, яко Савватіе, егда на Валаамѣ въ монастырѣ былъ, и азъ у него ученикъ, а онъ у ме-

(¹) Истина святой Соловецкой обители. Предисловіе стр. VII; примѣчаніе стр. VIII. Подъ Досіеемъ здѣсь разумѣтся архим. Досіей Пѣмчиновъ, авторъ упомянутаго выше описанія Соловецкаго монастыря, изданнаго въ 1836 г.

не старецъ былъ. Въмъ его старца житіемъ велика и свята. Аже отъ архіепископа примъ благословеніе, Богу поспѣшествовавшу ми молитвъ ради преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія, написахъ памяти ради, елико возмогохъ, и удержа мя архіепископъ у себе не мало лѣтъ“. Это житіе, составленное Досиѣемъ, и было первымъ памятникомъ Соловецкой письменности (*). Находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ Геннадіемъ, Досиѣей усвоилъ отъ него любовь къ книжному дѣлу, началъ собирать книги и положилъ основаніе Соловецкой библиотекѣ. Въ рукописномъ Соловецкомъ уставѣ, написанномъ въ 1494 г. въ Новгородѣ, есть такая замѣтка: „списажесея сія книга повелѣніемъ многорѣшного и недостойнаго и худаго во иноцѣхъ священноинока Досиѣя, а послалъ есмь въ домъ святаго храма боголѣпнаго преображенія три книги: уставъ, да мѣнѣю четью сентябрьскую, да книгу Іоанна Златоуста, а прежь того лѣтомъ послалъ есмь книгу правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, да пророчества, да Маргаритъ, да Сильвестръ, да Пчелу, да Θεодора Студита, да Козму пресвитера, да Іоанна Экзарха, да Ивана Дамаскина, да Палѣю, да Василія Кесарійскаго, да Деонисія Ареопагита, да Анастасія, да Кирилла Іерусалимскаго, да Шестодневецъ Васильевъ, да торжественникъ постный четъей, да Апокалипсисъ Іоанна Богослова, да плащаницу на престолъ, да праздники на налой. Того же лѣта далъ есмь писати книгу Аѳанасія Іерусалимскаго, да Андрея юродиваго, да мѣнѣю октябрьскую четью, да мѣнѣю новымъ чудотворцомъ кануны, да и житія събрано“. Эти книги, списанныя Досиѣемъ въ Новгородѣ, и послужили основаніемъ Соловецкой библиотекы. Почти всѣ онѣ сохранились до нашего времени; всѣ онѣ написаны чрезвычайно тщательно, чистымъ большею частію полууставнымъ почеркомъ, всѣ подписаны рукою Досиѣя, изобразившаго свое имя вязью въ кругѣ, въ формѣ печати. Нѣкоторыя изъ нихъ представлены на выставку Съѣзда (*),—Какія лица послѣ Досиѣя изъ игуменовъ Соловецкихъ или вообще изъ монашествующихъ особенно заботились о собираніи книгъ, неизвѣстно. Единственными указаніями на то, какъ составлялась библиотекы, служатъ записи въ монастырскомъ Соловецкомъ лѣтописцѣ (№ 484) и владной книгѣ Анзер-

(*) Надо замѣтить, впрочемъ, что первая мысль о составленіи житія преп. Зосимы и Савватія принадлежала ихъ сподвижнику, преп. Герману, который, самъ будучи не книженъ, заставилъ Соловецкихъ клириковъ записать всё, что онъ зналъ о подвигахъ преп. Савватія. Эта запись и легла въ основу житія, составленнаго Досиѣемъ, которое потомъ въ 1503 г. было дополнено и передѣлано митр. Спиридономъ.

(*) Таковы: Маргаритъ № 491, Уставъ церковный № 1128, Служебникъ № 1024, Златая цѣпь № 258, Сборникъ № 856, сочиненія Діонисія Ареопагита № 115, поученія Кирилла Іерусалимскаго № 478.

скаго скита (№ 2) и надписи и записи на самихъ рукописяхъ, въ которыхъ иногда упоминаются мѣста, гдѣ списаны книги, и имена писателей, а также имена владѣльцевъ, вкладчиковъ или жертвователей книгъ. Надписи и записи на книгахъ и рукописяхъ имѣютъ весьма важное значеніе. Въ нихъ выражается монастырское преданіе, которое въ древнія времена сохранялось въ монастыряхъ весьма заботливо. Память объ отцахъ подвижникахъ, прославившихся святостію жизни, передавалась отъ одного поколѣнія другому; принадлежавшія имъ вещи и книги были отыскиваемы и тщательно хранились, какъ святыня и драгоценное наслѣдіе; потомъ онѣ записывались въ монастырскіе лѣтописцы и вкладныя книги. Заботливо также хранились вещи и книги, пожертвованныя въ монастырь разными знаменитыми лицами и благотворителями монастырей; имена этихъ лицъ записывались въ монастырскіе синодики для поминовенія ихъ души, а пожертвованныя ими вещи и книги въ лѣтописцы и вкладныя книги. Поэтому въ Соловецкомъ лѣтописцѣ (№ 484) мы встрѣчаемъ указаніе на тѣхъ жертвователей, имена которыхъ выставлены въ надписяхъ на книгахъ, и многія изъ надписей на книгахъ подтверждаются записями въ лѣтописцѣ. Между другими записями лѣтописца, особенно интересна слѣдующая запись, хорошо характеризующая заботливость лучшихъ людей о монастырскихъ древностяхъ, святыняхъ и достопамятностяхъ, и объясняющая намъ, какимъ путемъ дошли до насъ отъ древнѣйшихъ временъ разныя преданія, иконы, книги и рукописи и разныя вещи. „Препедобный игумень Филиппъ, говоритъ Соловецкій Лѣтописецъ, довѣдался образа Пречистыя Богородицы Одигитрія, съ которою Савватій чудотворецъ самъ на островъ пріѣхалъ первое. Онъ же игумень Филиппъ сыскалъ чудотворца Зосимы псалтырь, по которой самъ правилъ и готовился къ службѣ, да вычинилъ ее и дополнилъ и подписалъ на ней, что Зосимы чудотворца самага. Да Филиппъ же чудотворецъ сыскалъ Зосимины ризы, въ коихъ служилъ самъ, и вычинилъ ихъ и подписалъ, въ коихъ на чудотворцовы памяти игумены служатъ, и учинилъ ихъ большими ризами“ (¹).... „А дачи ꙗго игумена Филиппа въ монастырь.... псалтырь со возслѣдованіемъ цена три рубля, ірмологій съ заставицами золотыми цена два рубля“ (²).—Надписи и записи на книгахъ и рукописяхъ имѣютъ разный характеръ. Въ однихъ надписяхъ просто указывается на тѣ лица, которымъ принадлежала книга: такъ напр. на сборникѣ № 802 есть надпись, что онъ принадлежалъ преп. Герману, сподвижнику преп. Савватія; на Лавсаникѣ № 445 записано: „книга чудотворца Зосимы Лаѣаикъ старой“; на псалтирѣ

(¹) Лѣтописецъ № 484 стр. 5.

(²) Тамъ же стр. 8 на обор.

№ 709 замѣчено: „Филипповская чудотворцова“; подобная надпись находится и на евангеліи № 120; на молитвенникѣ XVII в. № 577 есть надпись: „мѣтвы причастные священноинока Никона, соловецкаго мѣтря постриженника. а продалъ я Никонъ сию книгу священноиноку Геронтію во ркѣ году мая въ кѣ д (¹). На псалтирь № 717 есть приписка о томъ, что она принадлежала старцу Авраамію Палицыну, скончавшемуся въ Соловецкомъ монастырѣ въ 7135 (1627) г. (¹). Подобныхъ надписей, указывающихъ, отъ кого осталась или кому принадлежала рукопись, всего больше встрѣчается. Послѣ смерти каждаго монаха все его имущество и вмѣстѣ съ нимъ и книги поступали въ казну, а часто и сами монахи предъ смертію жертвовали ихъ въ монастырь. Въ другихъ надписяхъ указывается, когда и кѣмъ пожертвована рукопись: такъ на евангеліи № 119 (р.кп. въ 4-ю долю, полуустав. XVI в.) есть надпись: „Еѹ сію да кня великыи Ива Васіеви“; на рукописи № 284 (въ 4-ю долю, полууставъ XVI в.), содержащей въ себѣ Лѣтвицу Іоанна Лѣтвичника и слова Аввы Дородея: „Лѣтвицу сію да кня великыи Ива Васіеви“. Такая же надпись и тою же рукою сдѣлана на евангеліи № 129, на исторіи Іосифа Флавія № 325, на канонахъ Богородичныхъ № 333, на Четырехъ минеи № 524, на правилахъ св. апостоль № 683, на служебныхъ минеяхъ (за мѣсяцы мартъ, апрѣль и май) №№ 527, 528 и 529; на трехъ торжественникахъ №№ 1050, 2051 и 1052 другою рукою сдѣлана надпись, что ихъ „далъ царь и великыи князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи“. Евангеліе № 119, исторія Іосифа Флавія № 325 и правила св. апостоль № 683 представлены на выставку. На міротворномъ кругѣ № 479 замѣчено, что рукопись написана въ 1540 г. и дана вкладомъ Новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ (представл. на выставку). На требникѣ 1089 (р.кп. полууставная въ 4-ю долю) надписано: „потребникъ Исидора митрополита дача“; на октябрьской Четьмиинеи № 501 замѣчено, что она дачи князя Димитрія Михайловича Пожарскаго“ (¹); на списокѣ сочиненій Максима Грека № 495 написано: „кнѣга сія Максима грека стогорска гдрни прцы и великыи кнѣги Наталіи Кириловны крестоваго дьяка Якова Шошина подписалъ рлг (1675) году своею рукою Яковъ

(¹) По Соловецкой описи, этотъ молитвенникъ принадлежалъ патриарху Никону; но въ 7126 или 1618 г. Никону, родившемуся въ 1605 г. было только 13 лѣтъ; слѣд. въ указанномъ году есть ошибка.

(²) Кромѣ этой псалтыри отъ Амвросія Палицына осталось еще житіе преп. Сергія Радонежскаго № 225.

(³) Тоже замѣчено и на ноябрьской и февральской Четь-минеяхъ №№ 504 и 508.

Шошинъ“ (представл. на выставку); на катихизисѣ № 469 замѣчено: „катихизисѣ казенной, далъ Корецкой протопопъ Лаврентій Зизаній“ (представл. на выставку). Изъ другихъ жертвователей или вкладчиковъ чаще встрѣчаются имена игумена Іакова, игумена Сергія, Іоасафа Сороцкаго, старца Ефрема Квашнина, Никифора Толочанова, Александра Булатникова, старца Елевверія, священника Гедеона и старца Иринарха Тарбѣва. Игуменъ Іаковъ былъ ученикъ св. Филиппа и послѣ игуменства на Соловкахъ былъ архимандритомъ Костромскаго Ипатьевского монастыря; имъ пожертвовано 6 №№ рукописей, изъ коихъ замѣчательны: Лѣтвица № 281 и апостольскія правила № 885. Игуменъ Сергій также былъ потомъ архимандритомъ Ипатьевского монастыря; имъ пожертвовано 8 рукописей: Поученія Григорія Синаита № 100, Діалектика Іоанна Дамаскина № 106, Небеса Іоанна Дамаскина № 312, Обличеніе на Л тинъ № 604, патерики Печерскій, Іерусалимскій и Синайскій №№ 634, 640 и 642 и творенія Симеона, новаго богослова № 795. Іоасафъ Сороцкій былъ келаремъ Соловецкаго монастыря; отъ него осталось 7 рукописей №№ 96, 127, 603, 607, 752, 797 и 925, изъ коихъ замѣчательны: Евангеліе № 127, обличеніе на латинъ № 603 и обличеніе на лютеранъ № 607. Александръ Булатниковъ Соловецкій постриженникъ изъ богатыхъ и знатныхъ бояръ былъ келаремъ Троицкой лавры (послѣ Авраамія Палицына) въ продолженіе 20 лѣтъ и послѣ того пришелъ въ Соловецкій монастырь на покой; онъ пожертвовалъ 7 рукописей (№ 23 Андриатисъ, №№ 162 и 166 толковыя евангелія №№ 700 и 704 пролога за мѣсяцы мартъ и сентябрь), изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ житіе преп. Зосимы и Савватія, № 175, съ изображеніями преподобныхъ и разныхъ событій изъ ихъ жизни; рукопись обложена цвѣтною шелковою матеріею, съ восьмью серебрянными наугольниками, двумя средниками и двумя серебрянными зацѣпками, на которыхъ вырѣзано имя старца Александра Булатникова. Никифоръ Толочановъ былъ постриженный въ 1680 г. вельможа Никифоръ Матвѣевичъ Толочановъ, который при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1649 г. былъ главою посольства въ Имеретію, при приведеніи Имеретинскаго царства въ подданство Россіи; отъ него осталось 5 рукописей. При нѣкоторыхъ рукописяхъ есть такія записи и вклады, въ которыхъ подробно указывается, гдѣ и когда написана рукопись и кѣмъ и куда она пожертвована. Такъ, на апостолѣ № 24 (ркп. въ листъ, полууст. XV в.) на послѣднемъ 416 листѣ приписано: „Влѣто 1485 (1485 г.) списана быша книга сия при блговѣрномъ великомъ князѣ Иванѣ Василіевичѣ всея Руси и при его снѣ Иванѣ Ивановичѣ и при священномъ митрополитѣ Геронтіи, повелѣніемъ и строеніемъ преосвященнаго“

архіепископа Іосафа ростовскаго и ярославскаго, въ Фараонтіевъ монастырь къ Ржтву престыа Вцы въ домъ. а списана быша сия книга въ Ростовѣ мѣа октя въ а днь на Покровъ стѣа Бца. молю вы Гдѣе мое не похоруйте. понеже с стараго списка списана. а писавши неключимыи рабъ коста“. На первомъ бѣломъ листѣ рукописи позднѣйшею рукою написано: „Апостоль толковый писемной дачи владыки Іосафа Вологодскаго“. На служебной Минеи № 541 (мѣсяць августъ ркп. въ листѣ, полууставъ XV в.) на концѣ приписано: „При великомъ кнзѣ Иванѣ Васильевичѣ съврѣшишася сіа минеи въ стѣмъ градѣ Москвѣ повелѣніемъ кнзя Ивана Ивановича и при гнѣ нашемъ митрополитѣ Симонѣ всея россія. списаже многогрѣшный Іоаннъ зовомыи петля въ лѣто 736 (1497 г.) іюніа въ к“.—На тактиконѣ Никона Черногорца № 594 (ркп. въ листѣ полууставъ XVI в.) на 7-мъ листѣ помѣщена слѣдующая обширная вкладная надпись: „В лѣто 731 (1542) мѣа генваря кѣ день въ хртолюливое царство великаго цря гдря ншего і великаго кнзя Ивана Васильевича всея русіи самодрѣжца вдевятое лѣто господарства его. а отъ рождества его во второнадесять лѣто. и при его wtцы престѣйшемъ Ивасафѣ митрополитѣ всея русіи втретѣе лѣто святительства его. сѣю стую великую книгу оучительную нарицаемую Никонѣ прѣбныи да пятьдесятъ рублевъ московскую денегъ. далъ въ домъ бголѣпнаго превбраженія Гда Бга и Спса ншего Ісу Ха въ честную обители стѣхъ великы чюдотворцвъ прѣбныхъ вѣдъ ншихъ Саватія и Изосимы начальниковъ тое стѣе обители во вѣщии соловецкіи монастырь гднѣ прѣенный Макарей архіепкпъ бгоспасасаемыхъ градовъ великго Новгорода и Пскова на память своей души и по своихъ родителехъ в вѣчный поминокъ в шестоенадесять лѣто святительства своего при духовномъ настоятелѣ тое стѣе обители игуменѣ Алексѣе иже о Христѣ съ братіею восмое лѣто паствы его. брати же бысть тогда въ той честной обители сто и тридесять числомъ, міротворному же кругу идущу четвертомунадесять, солночному же кругу проходящу двадесять второму вруцѣлѣто шестое, лунному же кругу наставпу первому индикта пятыйнадесять“.—На толковой псалтири Брунона, епископа Вюрцбургскаго, переведенной Димитріемъ Толмачемъ, № 1039 (ркп. въ листѣ полууставъ XVI в.) есть такая надпись: „Лѣта 733 го далъ сию стую книгу псалтырь толковую в домъ бголѣпнаго превбражения Га и Бга и Спса ншего Іса Ха и преподобныхъ чюдотворецъ Изосимы и Саватія блговѣщенскій свѣщенникъ Селивестръ да снѣ его Анѣимъ по себѣ и по своихъ родителехъ. а доколѣ они живы ино за нихъ Бга молити“. Такая же надпись находится и на другихъ рукописяхъ, пожертвован-

ныхъ въ Соловецкій монастырь Сильвестромъ: на трехъ Евангеліяхъ №№ 159, 160 и 130, на Златоструѣ № 259 (представленъ на выставку) и на слѣдованной псалтири № 761. Въ началѣ лицевой псалтири № 748 помѣщено предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, сказано: Влѣто зрѣ в бгѡхранимомъ и в преименитомъ и пртвоущемъ градѣ Москвѣ в третіемъ Римѣ блгочестіемъ цвѣтушемъ при державе превысочайшіе царскіе степені скиостра великого російскаго пртвія, Бгомъ дарованнаго, Бгомъ оукрашеннаго, Бгомъ почтеннаго, Бгомъ превознесеннаго, Бгомъ венчаннаго, блговѣрнаго и хртолюбиваго великаго монарха Бжіею млтіею великаго гдря пря и великаго кнзя Февдора Ивановича всея Росія самодержца.... пасушему же тогда російскоую и высокопрестольноую великую церковь первопрестольнику стѣйпему киръ Іевоу патріярху зовомуу московскому и всея великія Росія индикта і-го съ великою вѣрою и съ сердечнымъ желаніемъ и истиннымъ раченіемъ и съ подычаніемъ многогрѣшный къ Богу и члвкомъ груобыи предстатель російскаго солнцоу круга, сирѣчь царьскому величеству и достойно почтенныи царьскаго величества саномъ бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годоуновъ премудрымъ смысломъ и разоумомъ сію стоую книгу псалтырь повелѣ написати и назнаменовати и оукрасити златомъ и серебромъ, и совершивъ и украсивъ чюдне сію стую книгу псалтырь. положилъ въ домъ в превеликую лавру всемилостиваго Спаса и преподобныхъ чюдотворцевъ Зосимы и Саватія на Соловки прі игуменѣ Исидоре конюшени бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годоуновъ по своей доушѣ и по своихъ родителехъ, на память вѣчноую“ и проч. На толковой псалтири, переведенной Максимомъ Грекомъ №№ 1040 и 1041 (ркп. въ листъ полууставъ XVI в.) помѣщена обширная вкладная записъ: „Влѣто зрѣи (1630) мѣа февраля въ христоролюбивое прѣство гдря пря и великаго кнзя Михаила Федоровича всеа Русіи самодержца в восмоенадесять лѣто прѣства и гдрѣства его... се азъ смиренный и грѣшный Іоасафъ архіепкпѣ псковскій і изборскій далъ еси сію стую великую книгу псалтырь толковую въ двоу книгахъ переводъ Максима Грека розныхъ толковниковъ. и тѣ двѣ стые великіе книги псалтырь толковую далъ еси вдомъ бгѡлѣпнаго преображенія Гда Вга и Спса ншего Іса Ха и прчтые Вцы чтнаго и славнаго ея оуспенія и великихъ чюдотворцовъ Зосимы и Савватія въ соловецкой монастырь въ третье лѣто стлѣства и дховные паствы своего смиренія на память своей дши и по своихъ родителехъ в вѣчный поминокъ“, Въ Соловецкомъ лѣтописцѣ, кромѣ этой толковой псалтири, указаны и другія книги и рукописи, пожертвованныя Іоасафомъ. „Въ

лѣто 7121 (1613) преосвященный Іоасафъ архіепископъ Псковскій пожаловалъ 70 рублей да книгу псалтырь толковую цена 30 рублей Максима Грека, да въ Москвѣ далъ старцу Савѣ 50 рублей, да онъ же пожаловалъ двѣ тріоди за 10 рублей“... „Того же году (7043—1635) патріархъ Іоасафъ пожаловалъ...книгу псалтырь со возслѣдованіемъ печатную вдестъ по обрѣзу золочена за четыре рубля“... Тотъ же патріархъ Іоасафъ влѣто 7146 (1638) пожаловалъ евангеліе напре-
 стольное нарядное камнемъ обложено дска сребромъ сканью струбами позолочены и евангелисты чеканные, въ немъ вставлено семь камней яхонтовъ разныхъ цвѣтовъ, два лала, изумрудъ, топасъ, да девять жемчужныхъ зеренъ ценою 216 рублей,.. Да прежней его (патріарха Іоасафа) дачи... книгъ апостоль печатный, новый завѣтъ за 4 рубля, да двѣ книги одна Василія В. вторая Златоустаго обѣ вдестъ писменные за десять рублей⁽¹⁾“. На одной и той же рукописи иногда находится по нѣскольку надписей, такъ что по нимъ можно прослѣдить всю исторію рукописи, гдѣ и когда она написана и кому принадлежала прежде, чѣмъ попала въ монастырскую библиотечку, Такъ напр. на Толковой псалтири св. Аѳанасія Александрійскаго № 1045 (ркл. въ 4-ю долю, полууставъ XVI в.) записано: „списана бысть сия книга гл҃мая псалтырь толковая лѣта 7333. го мѣсяца іюня въ к день на память ст҃го сиѡномч҃ика Меѳеѣя еп҃па патр҃ьскаго повелѣніемъ и бл҃гословеніемъ попа Карпа Івановскаго ѿ пр҃тчи. а писалъ сию книгу племянникъ его Игнатей поповъ сынъ Павловъ Аѳонасьевскаго. брата его болшево сынъ“. Послѣ этого другою рукою написано: „Се лѣтъ Семень Сидоровъ сынъ Ворыхаловъ вологжанинъ продалъ есми сию псалтырь толковую Ѳеодору салтыкову на оустюгѣ а взялъ есми роубль денегъ а писалъ Семень своею рукою лѣтъ 7333 (1569) іюля 1 днь“. А Ѳедоръ Салтыковъ продалъ книгу Исаіи Устюжанину, какъ это видно изъ надписи внизу на листахъ 9—12: „сую книгу псалтырь толковую Федко Салтыковъ продалъ старцу Исаіе Юрьеву сну мелчякову, а взялъ полтора рубли на сей книгѣ. подписалъ своею рукою лѣта 7383 (1583). Отъ этого Исаіи она и поступила въ монастырь. Внизу перваго листа рукописи замѣчено; „псалтырь Исаіа Устюжанена“. По нѣкоторымъ надписямъ видно, что рукописи перешли въ Соловецкій монастырь изъ другихъ монастырей, а иногда и изъ заграницы. Такъ на Просвѣтителѣ преп. Іосифа Волоцкаго № 326 (ркл. въ 4-ю долю, полууставъ XVI в.) написано, что книга эта дана въ Волоколам-

(1) Лѣтописецъ Соловецкій выписанъ вкратцѣ отъ житія преподобныхъ оцѣ Зосимы и Савватія и сподвижника ихъ аввы Германа, како начаша жити на Соловецкомъ островѣ и о преставленіи ихъ и о строеніи мѣтрскомъ и о зданіи каменномъ и деревянномъ и о прочемъ. Разсказъ оканчивается 1782 г. Рукопись № 484 въ 4-ю долю новаго письма на 38 листахъ.

ской монастырь въ 7022 (1514 г.) инокомъ Ниломъ Полевымъ“; а на пергаменномъ служебникѣ № 1015 (ркп. полууставная въ 4-ю долю) означено, что онъ написанъ въ 1532 г. иждивеніемъ Киръ Теофана митрополита града Сучавска и всей Молдаво-влахи въ изуграфскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, доместикомъ Варлаамомъ, при воеводѣ Петрѣ“ (представленъ на выставку). Наконецъ укажемъ еще на двѣ слѣдующія интересныя замѣтки на рукописяхъ. На одномъ спискѣ житія св. Филиппа № 964 замѣчено, что эта книга „находится въ книжной палатѣ и пишутъ съ нея житія въ денежную казну на продажу“. На другомъ спискѣ того же житія № 697 означено: „казенная, пишутъ съ нея книгописцы“. Эти замѣтки показываютъ, что въ Соловецкомъ монастырѣ была книгописная палата и были особенныя книгописцы, конечно, изъ монаховъ, которые занимались списываніемъ книгъ для продажи. Поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія, что многія рукописи Соловецкой библіотеки написаны въ самомъ монастырѣ; нѣкоторыя книги сохранились во множествѣ такихъ списковъ которые, очевидно, списаны съ одной и той же рукописи. Монахи списывали рукописи или по распоряженію настоятелей, или по собственному усердію къ книжному дѣлу, или для спасенія своей души, чтобы списанную книгу пожертвовать въ обитель *напоминъ* своей души и своихъ родителей и родственниковъ. Но при всемъ томъ самая большая и лучшая часть рукописей, какъ показываютъ все приведенныя выше записи и надписи, зашла въ Соловецкій монастырь путемъ спонсированій его съ разными мѣстами, и вообще библіотека составилаь, главнымъ образомъ, чрезъ пожертвованія разныхъ лицъ, питавшихъ къ монастырю особенное расположеніе. Соловецкій монастырь возникъ подъ вліяніемъ Новгорода и находился въ вѣдѣніи Новгородской епархіи до 1682 г. когда онъ причисленъ былъ къ открытой въ этомъ году епархіи Холмогорской и Важеской. Самъ преп. Зосима былъ уроженецъ Новгородской области, села Толвуя; первые игумены Соловецкіе, Павелъ, Θεодосій и Іона были присланы изъ Новгорода. Новгородскіе архіепископы и другія знаменитыя, духовныя и свѣтскія, лица постоянно благодѣтельствовали монастырю, дѣлали пожертвованія въ него деньгами, вещами и книгами. На нѣкоторыхъ рукописяхъ сохранились имена жертвователей новгородцевъ. Между прочимъ, мы указали на двѣ рукописи, пожертвованныя Новгородскимъ архіеп. Макаріемъ и Новгородскимъ митроп. Исидоромъ. О митр. Исидорѣ, кромѣ того, въ Соловецкомъ Лѣтописцѣ еще сказано: „въ лѣто 7117 (1597 г.) онъ же преосвященный пожаловалъ игумену Антонію съ братією 250 рублей, да на Москвѣ дано старцомъ 330 рублей образовъ прѣстѣ Бѣцы въ кіотѣ да складни за 15 рублей, евангеліе на престольное дска сребряная съ камнемъ за 60 рублей, три книги евангеліе, служебникъ, тріодъ цѣна семь руб-

лей, да стыхъ образовъ, книгъ и платья на сто четыре рубля⁽¹⁾“. Когда новгородская область при Іоаннѣ III была покорена московскому государству, Соловецкая обитель вступила въ тѣсныя сношенія съ Москвой и стала пользоваться особеннымъ расположеніемъ московскихъ царей, бояръ, знатныхъ и богатыхъ лицъ, которыя также дѣлали богатые вклады въ нее деньгами, церковными утварями и книгами. Мы указали выше на 12 рукописей, пожертвованныхъ Іоанномъ Грознымъ; но это почти только половина изъ всѣхъ книгъ, пожертвованныхъ этимъ царемъ; по исторіи Досіоея, всѣхъ книгъ, какія онъ пожертвовалъ, было больше 22⁽²⁾. Прославившись подвигами и чудесами своихъ основателей, Соловецкая обитель стала привлекать къ себѣ со всѣхъ сторонъ множество народа и сдѣлалась мѣстомъ воспитанія многихъ подвижниковъ вѣры и благочестія и такихъ лицъ, которыя потомъ занимали высшія іерархическія мѣста. Всѣ эти лица, постоянно питавшія особенное уваженіе къ обители, жертвовали въ нее, вмѣстѣ съ разными вещами, и рукописи. Мы уже указали на книги и рукописи, пожертвованныя митр. Новгород. Исидоромъ и Москов. митр. Филиппомъ, которые были постриженниками и потомъ игуменами Соловецкими, келарями Троицкой Лавры, Авраамомъ Палицынымъ и Александромъ Булатниковымъ, которые также были соловецкими постриженниками, Благовѣщенскимъ священникомъ Сильвестромъ, который жилъ въ Соловецкой обители и здѣсь скончался. Кромѣ того, много было такихъ людей, которые, хотя и не жили въ Соловецкомъ монастырѣ, но, питая къ нему уваженіе, жертвовали въ него рукописи. Кромѣ выше указанныхъ, въ библіотекѣ есть рукописи, пожертвованныя Іосифомъ, архіеп. Суздальскимъ, Филоосемъ архіеп. Рязанскимъ, Троицкимъ архим. Діонисіемъ, архим. Сторожевскаго монастыря, Никаноромъ, архим. Хутынскаго монастыря Діонисіемъ, Вологодскимъ игуменомъ Леонидомъ и друг.

Наконецъ, въ составъ Соловецкой библіотеки, какъ выше замѣчено, вошли рукописи и книги Анзерскаго скита, основаннаго въ 1616 г. схимникомъ Соловецкаго монастыря Елеазаромъ, и имѣвшаго значительную библіотеку. Основателемъ этой библіотеки былъ самъ преп. Елеазаръ, котораго Вкладная книга Анзерскаго скита⁽³⁾ выставляетъ такимъ же любителемъ книжнаго просвѣщенія, какимъ былъ Досіоей, основатель Соловецкой библіотеки. „И братія своей, го-

(1) Лѣтописецъ Солов. № 484 лист. 15.

(2) Смори Част. I. стр. 223.

(3) Вкладная книга (ркп. вл. листъ № 2) заведена, какъ сказано въ предисловіи къ ней, въ 1710 г. «и отъ многихъ старыхъ книгъ и давныхъ лѣтъ разныхъ записокъ потщанію вкупѣ собрана».

ворится о немъ въ этой книгѣ, патерикъ о уставѣ и о благочиніи скитскомъ положи и старчество и инныя книги своею рукою написа и повелѣ хранити пустыннымъ своимъ монахомъ преданныя отъ него заповѣди вѣдѣнною⁽¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Вкладной книги объ Елеазарѣ сказано: „отъ многихъ божественныхъ писаній повѣсти собра и три книги цвѣтники своею рукою написа уставомъ, такожде и чинъ монашескаго келейнаго правила въ писаніи своемъ благо разумно яснѣйши отъ искусу чернеческаго житія добрѣ истолкова и сія своя предивная книги и душеполезное наказаніе положи вкладомъ въ церковную книгохранительницу, яже и донынѣ ту въ сохраненіи не вредимы обрѣтаются и всѣми пустыннаго скита монахи знаеми суть и чтущимъ ихъ пользу подаютъ предивну въ душевное спасеніе⁽²⁾“. До насъ дошло 7 рукописей, принадлежавшихъ преп. Елеазару: 5 сборниковъ №№ 7, 62, 66, 68, 71, уставъ № 90 и поученія Исаака Сирина № 22. Всѣхъ же рукописей изъ Анзерскаго скита, какъ замѣчено выше, сохранилось до настоящаго времени 94 №№ и 55 №№ старопечатныхъ книгъ; но и рукописей и книгъ прежде было гораздо больше. Преп. Елеазаръ покупалъ книги на монастырскія деньги и пріобрѣталъ ихъ въ даръ отъ разныхъ лицъ, расположенныхъ къ нему и къ его скиту. А такихъ лицъ было, надо полагать, очень много. Въ житіи Елеазара говорится, что онъ предсказалъ царю Михаилу Феодоровичу о рожденіи отъ него сына и наследника Алексѣя Михайловича, и потому пользовался особенною любовію того и другаго царя. Изъ духовныхъ лицъ особенно покровительствовали Анзерскому скиту патріархи Филаретъ и Никонъ, который былъ ученикомъ преп. Елеазара и игуменомъ Соловецкимъ. При такихъ покровителяхъ, преп. Елеазаръ, проникнутый любовію къ книжному просвѣщенію, могъ пріобрѣсти много книгъ. Вотъ что говоритъ о разныхъ вкладахъ иконами, книгами и разными вещами, сдѣланныхъ въ Анзерскій скитъ разными лицами, составитель Вкладной книги скита, инокъ Макарій: „Егда прояви Господь міру преп. отца нашего Елеазара, перваго начальника скитскаго, и въ царствующемъ градѣ Москвѣ, отъ великихъ государей, и отъ святѣйшихъ архіереевъ почтенъ бысть: и тогда познаша его и отъ великородныхъ бояръ и князей и отъ ближнихъ государевыхъ именитыхъ велможъ и отъ всего царскаго синклита. И видяху его мужа свята и праведна, и душевнаго ради своего спасенія и вѣчныя пользы, подаху ему во святую церковь разныя утвари и всякія потребности, и заповѣдая ему о себѣ и о сродницѣхъ своихъ предъ Богомъ молитися

(¹) Вкладная книга лист. 7.

(²) Тамъже лист. 31—35.

и выну въ молитвахъ поминати ихъ ко Господу. И аще мнози быша таковыя христілюбивыя податели тогда, и имена ихъ у блаженнаго Елеазара записаны обрѣтахуся и вклады ихъ незабытны у него быша. По успеніи же его, грѣхъ ради нашихъ, не вси намъ отъ таковыхъ свѣдоми учинишася, иніи же и забвенію предашася сицевымъ образомъ. Егда убо у противныхъ въ Соловецкомъ островѣ учинися въ вѣрѣ смущеніе и устроися отъ нихъ монастырю заповное укрѣпленіе (разумѣется мятежъ соловецкихъ раскольниковъ), въ таже времена и Анзерскому скиту отъ начальствующихъ тогда веліе разореніе и конечное ему сотворися запустеніе. Живущіи же ту пустынники до единого со отока разгнаны бѣжаша, и храмы Божіи обраны, токмо стѣны едины въ нихъ ошаша, и всѣмъ церковнымъ утварямъ и записнымъ книгамъ отъ всякихъ людей въ рознь разнесеннымъ сущимъ и растеряннымъ бывшимъ, и по многому времени едва возмогша изъ Соловецкаго монастыря отъ церковныхъ вещей и письменныхъ крѣпостей нѣсколько возвратити и то со многою трудностію. Разстроенное имущество Анзерскаго скита приведено было въ порядокъ и извѣстность трудами строителя его Исуса, о которомъ инокъ Макарій говоритъ: „Тойже благій іеросхимонахъ Исусъ весь сій страха Божія и Духа Святаго исполненъ бысть, и ревностію своею разжеся въ Бозѣ о душахъ приснопоминаемыхъ за святою божественною проскомидією и трудолюбно попечеса изыскати разнесенное и воедино восхотѣ собрати расточенное и богомудренно памяствомъ своимъ возстави издавна забвенное: ово отъ олтарныхъ дискосовъ и священныхъ потирей сребренныхъ, ово отъ воздвизательныхъ и запрестольныхъ крестовъ Христовыхъ, отъ начертанныхъ на нихъ лѣтописей, пачеже отъ святыхъ книгъ церковныхъ потписанія, иже благочестивые великіе государи цари и святѣйшій великій господинъ Никонъ патріархъ Московскій своею рукою потписывая: такожде и иніи рабы Божіи данія имъ святія иконы и всякія книги своими руками закрѣпляху; къ тому же и отъ многолѣтнихъ старецъ, издревле живущихъ ту, онъ богоносный Исусъ правымъ слышаніемъ оувѣрися, что отъ кого и какіе разные вклады отъ нихъ во храмъ святія Троицы поданы. И елико отъ всѣхъ возмогохъ сихъ оувѣдати, и со многимъ тщаніемъ вмѣсто совокупи погибшее, и минувшихъ и настоящихъ тѣхъ боголюбивыхъ вкладчиковъ имена ихъ въ сію книгу написати повелѣ и всегда здравіе ихъ поминати утверди, а отшедшимъ ко Господу усопшимъ душамъ приносимую безкровною Христовою жертвою свободную пользу благоразумно учини ('). Во Вкладной книгѣ указывается, какія пожертвованія сдѣлали тѣ или дру-

(') Смори предисловіе Вкладной книги: «Сказаніе извѣстное вкратцѣ о разореніи Трицкія пустынной церкви и о преславномъ обновленіи ея и о двухъ Анзерскаго скита чудныхъ строителяхъ, и како собрася вкладная сія записная книга».

гія лица. О царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, между прочимъ, записано, что онъ пожертвовалъ „святое Христово евангеліе на престольное, печать московская, евангелисты басемныя сребрянныя, оболочено бархатомъ... святыхъ книгъ дестевыхъ апостоль печать московская старая, псалтирь печать московская, уставъ письменный, два октоиха печатныя, минея общая, часословъ и лавсайкъ письменной вполдестъ“⁽¹⁾. Затѣмъ указываются вклады книгами и вещами отъ княженъ, Маріи Алексѣевны и Теодосіи Алексѣевны. Между прочимъ, упоминая объ одномъ евангеліи, пожертвованномъ Маріей Алексѣевной, составитель вкладной книги прибавляетъ: „и на семь Христовомъ евангеліи, во свое вѣчное воспоминаніе, что отъ нея во святую Божию церковь подано, подписала своею царственною и пречестною дѣвственною рукою“⁽²⁾. Затѣмъ упоминаются книги и рукописи, пожертвованныя патриархами Филаретомъ и Никономъ, Новгород. митр. Іовомъ, Чудовскимъ архим. Геннадіемъ, солов. архим. Оирсомъ, архим. арханг. Михайловскаго монастыря Іовіемъ, архим. Воскресенскаго монастыря Арсеніемъ, келаремъ Троицкой Лавры, Александромъ Булатниковымъ. Изъ другихъ сословій между жертвователями книгъ записаны: Иванъ Борисовичъ Черкасскій, Теодоръ Ивановичъ Шереметевъ, князь Михаилъ Андреевичъ Голицынъ, государевъ стольникъ Иванъ Ивановичъ Колычевъ, стольникъ князь Іосифъ Ивановичъ Щербатовъ, архангельскаго города солдатскій капитанъ Николай Тихоновъ, таможенный подъячій города Архангельска, Теодоръ Васильевичъ Погорельскій, каргопольскій купецъ Иванъ Андреевъ, московскій гость Аверкій Кириловъ, гость Епифаній Сытниковъ, москвитянинъ Иванъ Калашниковъ, гостиной сотни Иванъ Харламповъ, да казанецъ Петръ Шубинъ, подъячій посольскаго приказа Андрей Никитинъ, архангельскій таможенный подъячій Иванъ Богдановъ и др. Особенно много книгъ пожертвовали въ Анзерскій скитъ архангельскій подъячій Теодоръ Васильевъ сынъ Погорельскій и жена его Ксенія. Въ вкладной книгѣ помѣщена слѣдующая интересная записъ, показывающая, какія книги были распространены между грамотными людьми въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.: „ѡи (1718) августа въ ѳ архангельскаго города таможеннаго подъячего Теодора Погорельскаго жена его ѡнія поступилась вкладомъ въ церковь пресвятыя Троицы въ Анзерскій въ вѣчное поминовеніе по душе мужа своего Теодора и протчихъ своихъ родителей книгъ печатныхъ по ниже явленному описанію: дестевыхъ: Миръ съ Богомъ, алфавитъ на виршахъ, Зерцало страстемъ Христовымъ, ѡл-

⁽¹⁾ Вкладная книга лист. 3.

⁽²⁾ Вкладная книга лист. 10.

тирь на виршахъ, патерикъ печерскій; полудестевыхъ: Мессія правдивый, Диоптра, Зерцало Богословіи, Перло многоцѣнное, Руно орошенное, Вертоградъ душевной, о душахъ умершихъ, букварь трезычный, осьмогласникъ, каноны Богородичныя, книга молебная, утѣшеніе въ печаляхъ, канонъ Варвары великомученицы; четвертныхъ: тестаментъ новый завѣтъ, минѣя общая, ѱалтирь со вослѣдованіемъ, о антихристѣ, православное исповѣданіе, Отче нашъ въ толку, Помилуй мя Боже въ толку, канонъ Андрея Критскаго, ѱалтирь моленная, въ томъ числѣ три книги молебная, Новый Завѣтъ, минея общая писаны вкладомъ отъ него Погорельскаго выше сего листа са⁽¹⁾, а ѱалтирь малую взяла къ себѣ жена ево Погорельскаго⁽²⁾. По всѣмъ записямъ вкладной книги видно, что въ Анзерской библиотекѣ рукописей и книгъ было гораздо болѣе, чѣмъ сколько дошло до насъ; утрата ихъ, какъ мы видѣли, въ вкладной книгѣ объясняется раскольническимъ мятежемъ въ соловецкомъ монастырѣ, послѣдствія котораго отразились и на Анзерскомъ скитѣ.

Послѣ всего сказаннаго совершенно понятнымъ становится, какимъ образомъ въ соловецкомъ монастырѣ, основанномъ уже въ половинѣ XV в., на самомъ отдаленномъ и пустынномъ островѣ, могла составиться такая замѣчательная библиотека. Въ ней находятся 5 рукописей пергаменныхъ, изъ коихъ двѣ (служебники №№ 1016 и 1017) принадлежатъ XIII—XIV в. двѣ (миней служебная № 519 и октоихъ № 615) XV в. и одна рукопись XVI в. (служебникъ № 1015).⁽³⁾ Между бумажными рукописями есть также рукописи если не очень древнія, то по крайней мѣрѣ списанныя съ древнихъ. Таковы напр. Апостолъ XV в. № 24 сборникъ полемическихъ сочиненій, начинающійся Бесѣдой Козьмы пресвитера противъ Богомиловъ № 856, хроника Георгія Амартола № 83, тактиконъ Никона Черногорца и друг., но большая часть бумажныхъ рукописей принадлежитъ XVI, XVII и XVIII в. Что касается содержанія рукописей, то въ нихъ мы находимъ почти всѣ самыя важныя сочиненія славянской письменности, какъ переводныя, такъ и оригинальныя, начиная съ первыхъ временъ ея въ Болгаріи и Сербіи, и оканчивая позднѣйшими временами. Изъ памятниковъ древней болгарской и сербской письменности есть сочиненія св. Іоанна Дамаскина (Богословіе,

(¹) На 71-мъ листѣ вкладной книги сказано: «Архангельскаго города таможенный подъячей Феодоръ Васильевъ сынъ Погорельской далъ вкладу въ церковь престыя Трцы три книги: новый завѣтъ, да минея общая. обѣ въ четверть по обрѣзу золочены новоисправной мелкой печати, третія книга молебное возслѣдованіе московской новой печати.

(²) Вкладная книга лист. 74.

(³) Всѣ эти рукописи представлены на выставку.

Грамматика и Діалектика №№ 307—317) въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго, Шестодневъ этого Іоанна экзарха (№№ 318—321), Златоструй Болгарскаго царя, Симеона (№№ 259—260), Бесѣда Болгарскаго пресвитера Козьмы противъ Богомиловъ (въ сборн. № 856), Іхроника Георгія Амартола (№ 83), толковая Палей (№№ 653—654), поученія Климента епископа Болгарскаго (въ сборникахъ №№ 804, 805, 830, 836), житіе Саввы Сербскаго (№№ 201—203, 881, 838). Изъ сочиненій собственно русской письменности есть также почти всѣ лучшія сочиненія, начиная съ поученій Луки Жидяты и преп. Θεодосія Печерскаго (въ сборн. № 803). напр. сочиненія Кирилла Туровскаго (въ сборн. №№ 802, 805, 813, 829, 841, 842, 845, 854, 860, въ требникѣ № 1085) путешествія въ Іерусалимъ игумена Даниїла (№ 1136), Трифона Коробейникова (№№ 1137—1138), Арсенія Суханова (№ 1135), Слово Даниїла Заточника (въ сборн. № 913), сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ (въ сборн. № 880), поученія Фотія митр. Кіевскаго (въ сборн. № 881) и Григорія Самвлака (въ сборн. №№ 811, 830), Провѣтитель Іосифа Волоцкаго (№№ 326—331) Стоглавъ (№№ 932—934), сочиненія Максима Грека (№№ 494—497), Обличеніе ереси Косаго Отенскаго инока Зиновія (№№ 605—606) Зерцало богословія Кирилла Транквилліона (№№ 247—248), Лебедь съ перьемъ Іоанникія Голятовскаго (№ 490), катихизисъ Лаврентія Зизанія (№ 469) и друг. По количеству всего больше рукописей богослужебнаго характера: однихъ канонниковъ 134 (№№ 340—395; 401—468; 29—39 (Анзер.)), молитвенниковъ 14 (№№ 577—590) служебниковъ 115 (№№ 1015—1129), требниковъ 31 (№№ 1085—1115), часослововъ 35 (№№ 1145—1179). Изъ книгъ св. Писанія (полнаго списка книгъ Св. Писанія нѣтъ ни одного и отдѣльныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, кромѣ псалтири, очень немного) всего больше также такихъ книгъ, которыя имѣютъ богослужебное употребленіе: 42 списка псалтири (№№ 708—736), 27 псалтири слѣдованной (№№ 755—781), 47 списковъ Евангелія (№№ 118—154) и 33 списка Апостоловъ (№№ 24—56). Вне церкви и богослуженія книги св. писанія въ древнія времена употреблялись обыкновенно съ толкованіемъ, въ Соловецкой бібліотекѣ есть 11 списковъ толковой псалтири (№№ 751; 1039—1048), 13 списковъ толкованія на Евангеліе (№№ 155—167) и 8 списковъ толковаго Апокалипсиса. После книгъ священныхъ и богослужебныхъ слѣдуютъ книги отеческія и особенно такія сочиненія, которыя имѣютъ аскетическій характеръ; одной Лѣтвицы Іоанна Лѣтвичника 29 списковъ (№№ 278—306), словъ Аввы Дорофея 7 списковъ (№№ 1—7), словъ Исаака Сирина 10 списковъ (№№ 262—269; 22—33 Анзер.), словъ Ефрема Сирина 7 списковъ (№№ 168—179) поученій Григорія Синаита, вмѣстѣ съ его житіемъ, 5 списковъ (№№ 97—101). Въ меньшемъ количествѣ встрѣчаются списки сочиненій другихъ отцевъ

(кроме словъ Григорія Богослова, которыхъ 7 списковъ (№№ 90—96), напр. Діонисія Ареопагита, Кирилла Іерусалимскаго, Василия В., Аѳанасія Александрійскаго и др. Кроме того, есть сборники отеческихъ сочиненій, каковы напр. Андриатисъ (№ 23), Измарагдъ (№№ 270—273), Маргаритъ (№№ 491—493), Златая цѣпь (№ 258) и др. Въ отдѣлѣ рукописей историческаго и географическаго содержанія есть списки степенной книги (№№ 40—41 Анзер.), хронографовъ, (№№ 50—54) географіи (№ 6), космографіи (№№ 9—12), сказанія о началѣ царства Казанскаго (№ 42), сказанія объ основаніи и взятіи Царьграда. (№ 43) и др. Есть также списки Азбуковниковъ или Алфавитовъ иностранныхъ речей (№№ 13—21), списки реторики (№№ 788—790), ариѳметики (№№ 1—4 Анзер.) лечебниковъ (№№ 42; 23—30 Анзер.) и травниковъ (№ 44); изъ литературныхъ сочиненій—„Плачь на кончину царя Алексѣя Михайловича“ Симеона Полоцкаго и „Героическая поэма Петръ В.“ Ломоносова. Но всего больше въ соловецкихъ рукописяхъ житій святыхъ. Кроме миней, прологовъ и разныхъ сборниковъ, житія святыхъ находятся въ отдѣльныхъ спискахъ, и при томъ одни безъ службъ (№№ 175—238), или вмѣстѣ со службами святымъ (№№ 948—976). Иногда одно и то же житіе встрѣчается во множествѣ списковъ: напр. преп. Зосимы и Савватія 8 списковъ безъ службы (№№ 175—181; 15 Анзер.) и 12 списковъ вмѣстѣ со службою (№№ 948—959); житія св. Филиппа вмѣстѣ со службою 12 списковъ (№№ 958; 963—972; 967). Всего болѣе житій русскихъ святыхъ; изъ греческихъ же и славянскихъ чаще другихъ встрѣчаются житія Іоанна Златоустаго, Іоанна Дамаскіма (при его сочиненіяхъ) Саввы Сербскаго, Андрея Юродиваго и Варлаама и Іоасафа Индійскихъ. Кроме того, житія святыхъ постоянно встрѣчаются въ разныхъ сборникахъ. Всѣхъ рукописей, названныхъ въ соловецкой описи именемъ сборниковъ 135 (собственно соловецкихъ №№ 802—926 и анзерскихъ №№ 62—71). Нѣкоторые сборники почти исключительно состоятъ изъ житій святыхъ съ похвальными словами на ихъ память. После житій, преобладающій элементъ въ сборникахъ составляютъ разные отеческія сочиненія, анонимныя и псевдонимныя слова, поученія и посланія (нѣкоторыя изъ нихъ русскаго происхожденія), разные повѣсти и сказанія духовнаго, полудуховнаго и свѣтскаго содержанія. Но особенно много въ соловецкихъ рукописяхъ апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній. Въ XVII томѣ сборника 2-го Отдѣленія Академіи наукъ уже напечатанъ по соловецкимъ рукописямъ сборникъ апокрифовъ о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Въ него вошли сказанія о сотвореніи и паденіи ангеловъ, о раѣ, древѣ жизни, древѣ познанія добра и зла и о рѣкахъ райскихъ, Тигръ и Евфратъ, объ Адамѣ и Евѣ, о древѣ крестномъ, сказанія объ Авраамѣ, Лотѣ и Мелхиседекѣ, Лѣтвица Іакова, Завѣты 12 па-

тріарховъ, сказанія о Моисеѣ, о 12 драгоценныхъ камняхъ на наперникѣ іудейскаго первосвященника, о волхвѣ Валаамѣ, о Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ и слово св. пророка Исаи. Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ и апокрифическихъ сказній въ рукописяхъ соловецкихъ есть: Никодимово Евангеліе (въ сборн. 854), переписка Іисуса Христа съ Авгаремъ (въ сборн. 804, 811, 813), слово на Рождество Іисуса Христа (въ сборн. № 804), слово на Рождество Христово, о пришествіи волхвовъ (въ сборн. № 804), сказаніе Афродитіана Персянина (въ сборн. № 804), сказаніе о приходѣ въ Римъ Марыи и Маріи (въ сборн. № 854), слово на воскресеніе друга Божія, Лазаря (въ сборн. № 848), слово Евсевія Александрійскаго о сошествіи во адъ Іоанна Предтечи (въ сборн. №№ 805, 848, 906), слово Іоанна Богослова на Успеніе Божіей Матери (въ сборн. №№ 803 и 804), вопросы Іоанна Богослова Аврааму и вопросы Іоанна Господу (въ сборн. № 889), бесѣда трехъ святителей (въ алфавитѣ № 17, главникѣ № 86 и въ сборн. №№ 913, 925 и 1138), мученіе священномученика Георгія (въ сборн. № 805) житіе преп. Макарія, жившаго близъ рая (въ сборн. № 805), житіе преп. Изосимы (въ сборн. № 803), слово Меодія Патарскаго (въ сборн. № 889), Луцидаріусъ (въ алфавитѣ № 17, въ Діоптрѣ № 110 и въ толковой псалтири № 1046), видѣніе св. Пахомія о двою ангелу, средѣ и пяткѣ (въ сбор. 889) громникъ, колядникъ и отрывки изъ зелейника (въ сборн. № 889).

Еще одно замѣчаніе о внѣшнемъ видѣ соловецкихъ рукописей. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются особенною чистотою и красотою письма. Таковы прежде всего рукописи, списанныя священноинокомъ Досіеємъ; таковы же большею частію рукописи, пожертвованныя знатными и богатыми лицами, напр. тактиконтъ Никона Черногорца (№ 594), міротворный кругъ (№ 479), лицевая псалтирь (№ 748), толковая псалтирь въ переводѣ Максима Грека (№№ 1040—1041), житіе преп. Зосимы и Савватія. Есть рукописи съ изображеніями, разными заставками и украшеніями. Таковы, напр. пять евангелій, съ изображеніями четырехъ евангелистовъ, помѣщенными предъ каждымъ евангеліемъ (№№ 127, 128, 131, 134 и 143), лицевая псалтирь со множествомъ изображеній, помѣщенныхъ на поляхъ (№ 748), толковая псалтирь, въ переводѣ Димитрія Толмача (№ 1039), съ изображеніемъ царя и пророка Давида, лицевой апокалипсисъ со многими изображеніями (№№ 58, 62 и № 1 Анзер.), слова Ефрема Сирина съ его изображеніемъ (№ 172), Богословіе Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго, съ изображеніями Іоанна Дамаскина, неба и небесныхъ сферъ, круга зодіакальнаго и круга вѣтреннаго (№ 315), житія преп. Зосимы и Савватія съ изображеніями преподобныхъ, соловецкаго монастыря, разныхъ событій изъ ихъ жизни и чудесъ (№№ 175 и 176), сочиненія Максима Грека съ его изображеніемъ (№№ 495 и 497) и др.

Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки.

И. Я. Порфирьева (*).

Извѣстно, что въ старославянской письменности весьма много было распространено ложныхъ апокрифическихъ молитвъ. „Суть же между божественными писаніи, говорится въ извѣстномъ Индексѣ апокрифическихъ книгъ, ложная писанія отъ еретикъ насѣяна на пакость невѣжамъ, попомъ и дьякономъ, толстые соборники сельскіе и худые мананакунцы и по молитвенникомъ у сельскихъ поповъ лживыя молитвы о трясавицехъ и о нежитѣхъ и о недузохъ врачевальныя. еретицы были исказили церковныя преданія и правила апостольская, пишуще ложныя словеса“. Нѣкоторыя изъ этихъ молитвъ уже давно напечатаны въ Очеркахъ г. Буслаева: „молитва противъ Нежита т. I. стр. 115 и молитва противъ лихомадокъ т. 2. стр. 47—50; въ Сборникѣ апокрифовъ г. Пыпина въ Памятникахъ старинной литературы ч. 3. л. 143—168; въ Сборникѣ апокрифовъ ч. 2. стр. 351—360 и въ Лѣтописяхъ русской литературы ч. 4 стр. 72—80 г. Тихонравова, и въ Христ. Чтеніи за мартъ—апрѣль 1877 г. въ статьѣ г. Каратыгина: „Обзоръ нѣкоторыхъ особенностей въ чинопослѣдованіяхъ рукописныхъ требниковъ, принадлежащихъ С.-Петербуржской духовной академіи“. Въ двухъ требникахъ Соловецкой библіотеки №№ 1085 и 1086 и въ Сборникѣ № 848 мы встрѣтили, еще нѣсколько новыхъ апокрифическихъ молитвъ, каковы: „Молитва Іакова брата Господня во всякъ видъ болѣзни; молитва св. Григорія чудотворца—запрещеніе противъ діавола; молитва священномученика Кипріяна противъ волшебства и чародѣйства; молитва Іоанна Златоуста отъ всякаго недуга; молитва сердечная, или сердцемъ болящему; молитва отъ рватвы родичныя, или по другому списку, молитва надъ всякою болѣзнію рвущею; молитва надъ болящимъ главою; молитва надъ болящимъ очима; молитва надъ страждущимъ отъ бессонницы; четыре молитвы противъ Нежита, изъ коихъ одна приписывается св. апостолу Филиппу, и три молитвы противъ *Дни*, особаго малоизвѣстнаго рода болѣзни.

Апокрифическія молитвы принадлежатъ къ той же древней формациі изъ періода двоевѣрія, какъ и апокрифическія писанія вообще, и потому имѣютъ не

(*) Читано въ засѣданіи 9 августа.

одинаковый характер съ этими писаніями. Какъ апокрифы составились въ подражаніе сказаніямъ священной библейской исторіи, такъ и апокрифическія молитвы составлены по образцу церковныхъ молитвъ; въ нихъ тѣже приемы и даже тѣже выраженія, съ воззваніемъ къ Богу и святымъ въ началѣ и славословіемъ въ концѣ, какія издавна усвоены церковными молитвами. Но какъ въ апокрифахъ къ истиннымъ представленіямъ и сказаніямъ священной исторіи постоянно примѣшиваются вымыслы народной фантазіи и древнія мифическія преданія еще языческой старины, такъ и въ апокрифическихъ молитвахъ, посреди воззваній къ Спасителю, Богоматери, ангеламъ и святымъ, постоянно встрѣчаются представленія изъ народныхъ повѣрій и суевѣрій. Начинаясь по образцу церковной молитвы, апокрифическая молитва скоро теряетъ церковный тонъ и переходитъ въ народный заговоръ, или заклятіе, а иногда и прямо начинается заклинаніями, какими обыкновенно начинаются заговоры и заклятія. Составители апокрифическихъ молитвъ были, конечно, люди книжные и воспитывались на церковныхъ книгахъ; но въ то же время, очевидно, далеко не были свободны отъ разныхъ народныхъ вѣрованій и хорошо знали народные языческіе заговоры, въ которыхъ сохранились эти вѣрованія. Народные заговоры, какъ извѣстно, составляютъ остатокъ языческой старины и выродились, вѣроятно, изъ языческихъ молитвенныхъ обращеній къ обоготворявшимся во времена язычества стихіямъ и силамъ природы, къ которымъ обращались за помощью въ случаѣ разныхъ болѣзней и несчастій. По принятіи Христіанства, вмѣсто стихій и силъ природы, съ молитвою въ болѣзняхъ и несчастіяхъ стали обращаться къ Спасителю и Богоматери, къ ангеламъ и святымъ; но прежнія языческія вѣрованія долго не могли уничтожиться и примѣшивались къ христіанскому ученію; отъ того въ апокрифической молитвѣ, вмѣстѣ съ христіанскими понятіями и образами, явились образы языческой старины, какъ въ народныхъ заговорахъ, рядомъ съ краснымъ солнцемъ, свѣтлымъ мѣсяцемъ и матушкой сырой землей, стали употребляться имена Спасителя, Богоматери и святыхъ. Такимъ путемъ составились апокрифическія молитвы, представляющія въ себѣ смѣсь церковныхъ молитвъ и народныхъ заклятій. Нѣкоторыя молитвы, какъ мы замѣтили, и начинаются заклинаніями: „Запрещаю тебѣ, Нежите, Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ“; „Заклинаю тя, Нежите, воскресеніемъ Господнимъ“; „якоже у Адама первозданнаго не болитъ ни глава, ни очи, ни зубы, ни уши и никій же удъ тѣла его, яко (т. е. тако) да растается Нежить, яко пѣна морска“. Въ другихъ молитвахъ мы встрѣчаемъ такія же странныя и темныя фразы, какія встрѣчаются въ народныхъ заговорахъ. Напр. въ молитвѣ сердечной въ самомъ началѣ помѣщены слова: „Елаемъ, селаемъ, варагофа, фарестъ“; а потомъ уже слѣдуетъ молитвенное воззваніе: „Боже великій, вышній“... Въ мо-

литвѣ Кипріана, противъ волшебства и чародѣйства, также встрѣчаются подобныя фразы, состоящія изъ непонятныхъ словъ: „азъ разрѣшихъ и разрѣшаю, прогнахъ и прогоняю. такалоусыпоусъ. (въ друг. спискѣ: такалуса пусъ) мароусалоунъ (въ друг. спискѣ: марусалхъ) милоуре. мирахананъ. прогнахъ и еще прогоняю. имена тахія сисахія елиздоу идаиль отъ раба Божія имркъ и отъ имѣнія его“; въ другомъ мѣстѣ: „на погубленіе и прогнаніе всякому злу и злыхъ сѣтей ловящихъ седукъ иарунъ и афаель (въ друг. спискѣ: нафаель) нарицаемому елефаень и дочерехъ самосовыхъ и всего рода рода ихъ. и самена и всего лика его. и коуніе и всеобладательное ихъ словесѣмъ Господнимъ“..... Какъ апокрифы, для того, чтобы придать имъ больше авторитета, называли именами священныхъ писателей, св. апостоловъ и св. отцевъ, такъ и апокрифическія молитвы также приписываются св. апостоламъ и св. отцамъ. Между молитвами въ Соловецкихъ требникахъ, какъ мы замѣтили, одна молитва приписывается Іакову, брату Господню, другая св. апостолу Филиппу, нѣкоторыя молитвы—Григорію чудотворцу, св. Іоанну Златоусту. Молитва противъ волшебства и чародѣйства приписывается священномученику Кипріану, конечно, на томъ основаніи, что Кипріанъ до обращенія въ христіанство, по сказанію его житія, самъ былъ волхвъ, наученный тайнамъ волшебства и дѣйствовавшій при его помощи. О своемъ обращеніи къ истинной вѣрѣ онъ говорилъ своему учителю: „Схоластикъ етеръ Аглаидасъ, сый отъ Клавдіа, въсхотѣ пояти женѣ; но не послуша его до сего времени; онже, не успѣвъ ей ничтоже, прииде ко мнѣ, да ю прельщу, моля ми ся прельстити ю любезными чарми. Азже надѣяхъся книгахъ волшебныхъ, послахъ на ню дѣмонъ, и иссуші ѿ знаменіемъ; послахъже и другаго. и третіе, сии рѣчь самого князя бѣсомъ, и такоже побѣди тѣмже знаменіемъ крестнымъ. Азже потщася увѣдѣти знаменіа силу, закленъ дѣмона. Дѣмонъ, ужагаемъ ангеломъ Божиимъ, изъглагола ми все; сице же глагола: яко въ сей злѣй вещи пріобрѣтникъ бѣ. Тогда азъ възникнувъ отъ лъсти тоя, книги волшебныя принесохъ къ древнему мене епископу, сожже ѿ предо мною и предъ всѣми гражданы (¹)“. Весьма естественно было представить, что Кипріанъ, служившій до обращенія въ христіанство волшебству, получилъ потомъ особенную силу разрушать всѣ козни волшебства и чародѣйства.

Представляя ниже въ полномъ видѣ всѣ молитвы, мы не находимъ нужнымъ излагать содержаніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе важныхъ и характерныхъ, каковы молит-

(¹) См. «Страсть святаго священномученика Кипріана и Устины и покаяніе Кипріаново» въ Четь-Минеяхъ митр. Макарія подъ 1 октября, лист. 53.

вы противъ Нежита, Дны и волшебства и чародѣйства. Въ Требникѣ № 1086 помѣщены четыре молитвы противъ *Нежита*. „Существительное *Нежить*, говоритъ Аванасьевъ, до нынѣ употребляется въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи, какъ собирательное имя нечистой силы—домовыхъ, водяныхъ, русалокъ и проч.; въ чешскомъ языкѣ *pežit*—название болѣзни. Слово это образовалось отъ слова *жить* съ отрицательною частію *не* и по значенію своему прямо соответствуетъ *моранъ* (смерти) и повальнымъ болѣзнямъ, извѣстнымъ у славянъ подъ общимъ названіемъ *мора* ⁽¹⁾. По словамъ Даля, *Нежить*—то, что не живетъ человекомъ, что живетъ безъ души и безъ плоти, но въ видѣ человека: домовою, полевой, водяной, кикимора и проч. По выраженію крестьянъ, *Нежить не живетъ и не умираетъ*. О знахарѣ говорятъ: *онъ знаетъ съ Нежитью*. Есть повѣрье, что Нежить—сверженное архангеломъ Михаиломъ воинство сатаны. У *Нежита своего обличья нтъ; она ходитъ въ личинахъ*“. Но, хотя слово *Нежить* и повѣрія о немъ существуютъ у насъ издавна, однакоже самыя молитвы о Нежитѣ не русскаго происхожденія. Въ индексахъ ложныхъ книгъ онѣ, вмѣстѣ съ молитвами и заговорами противъ трясавицъ, причисляются къ болгарскимъ баснямъ, о которыхъ тутъ же замѣчается: „то все болгарскій попъ Іеремія излагалъ“. Въ русскихъ рукописяхъ онѣ встрѣчаются рѣдко; изъ четырехъ списковъ врачевальныхъ молитвъ въ Соловецкой библиотекѣ онѣ находятся только въ одномъ спискѣ XV—XVI в., да и въ этотъ списокъ онѣ вошли, вѣроятно, изъ какой нибудь болгарской или сербской рукописи. Первые молитвы или заговоры противъ Нежита были напечатаны по сербской рукописи покойнаго В. И. Григоровича въ Очеркахъ г. Булаева (т. 1 стр. 115). Наши молитвы имѣютъ тѣсную связь съ ними. По сербской редакціи въ молитвахъ Нежить представляется страшнымъ существомъ, которое, нападая на человека, поражаетъ и разрушаетъ весь организмъ его; это, повидимому, олицетвореніе самой смерти. Въ нашихъ молитвахъ основное представленіе о Нежитѣ тоже самое; только онъ уже прямо называется болѣзью, которая хотя также дѣйствуетъ на весь организмъ, но преимущественно поражаетъ голову, *закладываетъ очи и уши*; потому и называется *глухимъ Нежитомъ*. Въ первой молитвѣ противъ Нежита говорится: „Запрещаемъ тебѣ, Нежите, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, бѣжи отъ человека сего, убойся Господа нашего Иисуса Христа. Заклинаю тя. Нежите, воскресеніемъ Господнимъ, имъ же разруши адову лестъ и прогна всяку язю. И ты запрещаетъ тебѣ, Нежите, изыди отъ главы и отъ всѣхъ оудовъ его, не вреди, не прикасай-

(1) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу том. III стр. 97—98.

ся рабѣ Божіи семъ имрѣкѣ"... Вторая молитва приписывается апостолу Филиппу: „Воставъ же святыи апостоль Филиппъ рече: во имя Оца и Сна и стго Дха. азъ глаголю тебѣ, Нежите, бѣду творяще челоуѣку сему, отъиди скоро въ пустаа пре-ходища морскаа. здѣ Христу предстоящу“. Это было въ то время, когда Господь извелъ апостоловъ отъ моря чермнаго: „Идущимъ въ святыи градъ, и видѣша челоуѣка, на пути лежаща, и глаголаша: а се что. глагола имъ Гдѣ Бѣ: то есть болѣзнь Нежить, исходя изъ горы, яко исходитъ иногда роса на браду Арноу. да си болѣзнь есть. да дается (т. е. молитва) носити иереови. да аще ключит-ся кому болѣзнь си или въ ноць или днь или заутра или въ вечерь. будутъ тво-ря молитву сію надъ нимъ“. Въ третьей молитвѣ говорится: „Да растается Нежить, яко пѣна морскаа. яко дымъ отъ вѣтра. и воскъ отъ огня. роса отъ солнца. та-ко растаетъ Нежить отъ раба Божіа имрѣкѣ. да бѣжитъ въ пусты горы и въ лѣ-сы во еленю главу"... Въ четвертой молитвѣ Нежить называется *глухимъ*: „За-прещаетъ ему Богъ глухому Нежиту изыти отъ главы и отъ очию... Къума и Дамьянъ запрѣти Нежиту не возвратитися къ създанію Бжію и сущей главѣ и очію"... Такимъ образомъ Нежить въ молитвахъ представляется олицетвореніемъ страшной болѣзни, сосредоточенной преимущественно въ головѣ, закладывающей глаза и уши. На этомъ основаніи Нежить упоминается и въ молитвѣ надъ боля-щимъ главою: „Гдѣ Бгѣ ншъ истинный, иже возложи честный крестъ и живо-творящій Адама на главу. Адамъ же не болитъ ни Нежитомъ ни очима своима. Тако же сей рабъ Бжіи да не болитъ ни главою, ни Нежитомъ, ни очима свои-ма"... Не русскаго также происхожденія и тѣ три молитвы, которыя помѣщены въ Требникѣ № 1086 предъ молитвами противъ Нежита и озаглавлены: „*О дны*“. По словарю Востокова, *Дна* сущ. жен. имѣетъ двойное значеніе: 1) ломъ въ кос-тяхъ, подагра. Въ сборникахъ XV в. говорится: „дна... акы молніиномъ побствъ побящи скоро имѣетъ и въ все входи и горѣ и долѣ и въ жилы и члѣны и в кости. е же та дна акы вода тонка и злана“. 2) Въ ста-рыхъ лечебникахъ XVII в. дна употребляется въ значеніи матки. Такъ, въ лечебникѣ Соловецкой бібліотеки (№ 23 ркп. въ 4 долю на 576 л.) въ главѣ 122-й „о ядрахъ миндальныхъ“ между прочимъ сказано: „Елей изъ горкихъ, мигдалей пользуетъ немочемъ женскимъ, у коихъ дна движется и къ грудемъ при-ступитъ, акы давити хошетъ, и тѣмъ женамъ помазуемъ пшпъ, и дна движется и станеть в своемъ существѣ и мѣсте“. Учиховъ, Словаковъ, Поляковъ, Кроатовъ, Словинцевъ *дна* употребляется въ значеніи *ломоты*. Въ этомъ же значеніи слово *дна*, кажется, надобно повимать и въ молитвахъ. Въ одной молитвѣ говорится

что *дна* простерта во всѣ уды чловѣка: „Дно, люта бо еси прелюта. простерта еси по вся оуды члкъы. спи яко агня младо аспидово. проклята еси и треклята еси Оцемъ, Сномъ, стымъ Дхомъ“. Въ другой молитвѣ о днѣ сказано: „Заклинаю тя Бгомъ живымъ. червленаа и черная. власы и ногты связана ѿ г англъ. что рыкаеши яко левъ. яко волъ ячиши⁽¹⁾. яко козлище возыграеши...“ послѣднія слова указываютъ, конечно, на симптомы, въ какихъ обнаруживается болѣзнь въ страждущихъ ею. Въ третьей молитвѣ *дна* изображается въ страшномъ видѣ съ 170 ногтями: „Впишия (?) днѣ яже иматъ ноготь р и о. не дей пакости рабу Божию имркъ. ни рукама ни ногама. ни всему тѣлу его. но лязи свившись еленѣ мѣстѣ“. Послѣднія слова „еленѣ мѣстѣ“ указываютъ, повидимому, на одну изъ молитвъ противъ Нежита, въ которой Нежить прогоняется въ пусты горы и въ лѣсы, во еленю главу.—Молитва священномученика Киприана направлена противъ волшебства и чародѣйства, противъ порчи и наговоровъ, вообще противъ всего, что явно или тайно можетъ вредить чловѣку. Ей приписывается такое важное значеніе, что одно держаніе ея въ домѣ можетъ спасти этотъ домъ и живущихъ въ немъ отъ всякой бѣды. Составитель ея обращается не къ одному какому либо святому, но почти ко всѣмъ святымъ. и при этомъ перечисляетъ ихъ, указываетъ на разныя событія священной исторіи и церковные праздники, но въ тоже время онъ до такой степени проникнутъ народными повѣртіями и суевѣртіями, что его молитва имѣетъ характеръ не церковной молитвы, а народнаго заговора, или заклятія. „Сей святыи сщнномчнкъ Киприанъ молящеса Гоу всею дшею гля: Ги Бе сильный и держай вся..., припадаю и прошу пртое имя твое о всякомъ мѣстѣ и о всякомъ домоу и о всѣхъ православныхъ хртіанъ. иже имѣють чародѣйства отъ лоукавыхъ члкъ и льстивыхъ или отъ бѣса. и прочтется сіа молитва на котораго главѣ. или въ домоу его. яко да разрѣшится отъ связанія и отъ оудръжанія и отъ зависти и чародѣйства. отъ ревности и ненависти и злаго усрѣтенія и дѣйственнаго отравленія и языческаго яденія и клѣветанія и клятвы. И кто оубо стаяжалъ боудеть млтвоу сію во своемъ домоу. да будетъ соблюденъ отъ всякаго оухыщренія потвора и отравы лоукавыхъ чловѣкъ. ближнихъ соуздъ. и да бѣжать бѣсове и да отступятъ зліи... И яко же отъ камени Моусемъ сновомъ излвомъ источилъ еси воду. тако Ги Бе силамъ положи роукоу свою дрѣжавную и стоую полную соуцоу блгвенія на домъ имоущаго молитву сію.... И яко оумножилъ еси

(1) Въ словарь Даля: ячать, якнуть южн. зап. стонать, жалобно кликать.

лѣта Іезекію прію. да оумножатся лѣта имоущему молитву сию.... И еще молюся и милъ сѧ дѣю единому непобѣдимому Боу. иже въ три лица воспѣваемому. яко да подасть всѣмъ члкомъ православнымъ спасеніе и рабоу своему імрѣ. и въ домъ тотъ. въ немъ же лежитъ сѧ мѣтва. что лоукавое бысть въ дому, въ немъ же прочтеться сѧ мѣтва. яко да разрѣшено боудеть. аще оубо на нбси или на земли есть связано, да разрѣшится. или въ мори... или на поутѣ или на рас-поутіи. или въ рѣци или во источницѣ. или во кладязи. да разрѣшится. или во кровли, или во дверехъ или въ оконци. или во врѣхнемъ порозѣ или въ нижнемъ..... или въ кожи плотской или въ кожи змѣиной или въ бровѣхъ или во власѣхъ брадныхъ. или въ главѣ. или во главномъ оуброусѣ. или възглавіи или въ постели. или во обрѣзаніи ногтѣхъ ручныхъ и ножныхъ. или въ ножныхъ обувеніихъ..., или въ хартіи и во чернилѣ. или нѣвкоторой вещи. или остуда сотворенная да разрѣшится. ащели есть написано во седмидесятыхъ и двою языкъ да разрѣшено боудеть“.....

При чтеніи этой молитвы совершенно понятнымъ становится, почему древніе церковные учителя налагали запрещеніе на апокрифическія молитвы. Но столько же понятно и то, почему наука настоящаго времени, для которой дорогъ каждый, иногда едва замѣтный, слѣдъ уже давно угасшей жизни, съ чрезвычайною заботливостію собираетъ и хранитъ подобные памятники. Это памятники того, интереснаго въ исторіи религіознаго развитія, періода двоевѣрія, когда истинная вѣра еще не успѣла побѣдить въ чловѣкѣ языческаго суевѣрія, когда увѣровавшій въ истиннаго Бога христіанинъ еще не могъ забыть старыхъ стихійныхъ божествъ, особенно не могъ освободиться отъ вѣры въ волшебство и чародѣйство, враждебное вліяніе которыхъ ему представлялось повсюду—въ пути и на распутіи, въ рѣкахъ и источникахъ, горахъ и пещерахъ, на поляхъ и нивахъ, въ каждомъ углу его дома, и чтобы спастись отъ этого вліянія, онъ обращался съ молитвою ко всѣмъ святымъ и просилъ у нихъ помощи и защиты.

Молитвы врачевальныя.

Изъ Требника Оловецкой бібліотеки № 1086 (¹).

Гѣ всемогы вѣчныи Бѣ. ѿрини недзгъ и болѣзнь ѿ раба Бѣа сего імркъ. ѿ верхъ главы. ѿ мозга. ѿ тѣмени. ѿ влась. ѿ лица. ѿ вчю. ѿ шю. ѿ оустну ѿ носа. ѿ нозрѣи. ѿ вѣкъ. ѿ бровѣ. ѿ чела. ѿ скраньи (²). ѿ горъла. ѿ гортани. ѿ языка. ѿ поязычѣа. ѿ шѣа. ѿ прѣси. ѿ плещь (³). ѿ хрепта. ѿ ребра. ѿ срца. ѿ оутробы. ѿ пѣпа. ѿ селезена ѿ бокъ ѿ тѣкъ (⁴). ѿ входа. ѿ прохода. ѿ спанѣа. ѿ питѣа. ѿ зности. ѿ овоща. ѿ мысли. ѿ ноцныхъ. ѿ днѣвныхъ. ѿ гла (⁵). и ѿ ноци. и ѿ грѣха отна и мѣрна. ѿ своего съблажненѣа. ѿ ладвей. и ѿ бедръ ѿ дымеи (⁶). ѿ ногъ. и ѿ стегнъ. ѿ колѣнъ. ѿ лыстовъ. ѿ глезноу. ѿ плещь. ѿ пятъ. ѿ прѣстовъ. ѿ цѣфновъ. ѿ пальцевъ. ѿ ноготъ. ѿ жилъ. ѿ жилиць. ѿ рѣкъ. ѿ мышцю. ѿ пазъхъ. ѿ длани. ѿ плоти. ѿ кости и ѿ всѣхъ оудовъ его. внѣ оудъ и внѣтрьоудъ. преложи его немощь в мощь. и болѣзнь его во исцѣленѣе. ты бо еси преложивши плачь мирносицамъ в радость. иже приде на иверданъ къ Іваннъ крѣтитися, хотя ѿ него исплнѣнѣи всякъ правдъ. тыже приде въ вифаню вскрѣти лазара изъ мртвыхъ. ты нынѣ оукрѣпи раба твоего сего імркъ. исцѣли ѿ всякоа болѣзни дшевныа и тѣлесныа, блгтью Хѣа твоего. и животъ твоємъ оугоженію и блгть въздающе оцю и снѣу.

(¹) Рукопись въ малый листь, написана полууставомъ XV—XVI в. на 334 листахъ. Въ концѣ рукописи на 301—334 лист. помѣщены «молитвы врачевальныя надъ больнымъ». Кромѣ молитвъ собственно врачевальныхъ, противъ разныхъ болѣзней, сюда вошли и молитвы «на благословеніе дому и храму, молитва надъ вербою, молитва на путь идущимъ, молитва хотящему съйти, молитва на жатву, молитва надъ кутьею, молитва храму, въ немъ же дѣтя родится, молитва на собираніе винограда и всякаго овоща, надъ сыромъ, надъ артосомъ и проч. Папечатанныя ниже молитвы находятся на листъ 304—310.

(²) *Κράταφος*, високъ.

(³) отъ плечу.

(⁴) Въ другомъ спискѣ: «отъ тоугоу», отъ туги.

(⁵) Въ др. спискѣ: «отъ глаголанія».

(⁶) Въ друг. спискѣ: «отъ дымы».

Мѡ на болѣщимъ ѡчима.

О всеѣ восхотѣвыи Гїи. исцѣливыи слѣпаго роженана ищрева мѣре своей и млрдїемъ ты ннѣ Влко призри на моленїе грѣшныхъ рабѣ. исцѣли раба своего імрѣкъ ѡ всякоа напасти. и ѡчи его здравѣ створи. да вѣдивъ ты свѣта истиннаго прославить оца и сѣна и стго Духа.

Мѡ на болѣщимъ главою (*).

Приклони(выи) главѣ свою на распатїе Хѣ Бѣ нашѣ. приклонилъ еси собѣ всяческоа единочады Снѣ Бїи и повелѣнїемъ Оца твоего. истиннаго Ба ншѣго. рачи (*) ннѣ призри на раба своего імрѣкъ. падшаго грѣхы пораженана болѣзнію и раною неотвѣтною. молимъ ты Гїи послѣ слово твое. ѡдающе грѣхы на земли. ѡдай же ему всѣ грѣхы его иже родителю его. и сложи ранѣ сію неѡвѣтънаю и телеси его наплѣни здравїа. одежи веселїемъ воплощенїа твоего, распатїа и погребенїа твоего ради. и воскрнїа. и въшествїа твоего ради на нбса. и сѣденїа одесную оца.. яко ты еси живы съ оцемъ на нхѣ присно еси на земли. со всѣми молящимися тобѣ бѣди съ нами цѣлбѣ даж сдму твоємъ братѣ нашему імрѣкъ. воздвигни ѡ ложа немощнаго. яко блвїся и прославїся.

Мѡ срчнаа.

Елаемъ. селаемъ. варагофа. фаресъ. таже сїце глїи. Бѣ великыи. вышнїи. еже разрѣшилъ еси по своемъ воскрнїю. еже сѣтъ были въ гробѣхъ ѡ всѣхъ лѣтъ. разрѣши Гїи раба своего імрѣкъ ѡ болѣзни срчнаа. яко ты еси болѣзнемъ исцѣлитель Хѣ Бѣ ннѣ. Тебѣ слава всылаеть оцю.

Мо ѡ всякого недѣга (*).

Блвнѣ Бѣ блгїи врачъ дшамъ и тѣломъ нашимъ. иже недугы безъ болѣзнѣ поса. еже(иже) (его же) раною вси исцѣлихомъ еже(иже) смрть оумртвївѣ. и гробнымъ жи-

(*) Подобная молитва напечатана въ Христ. Чтенїи за мартъ—апрѣль 1877 г. стр. 442, по рукописи Кирилловской библіотеки.

(*) благоволи.

(*) Эта молитва помѣщена еще въ Соловецкомъ сборникѣ XVI—XVII в. № 848.

вогъ даровавъ. еже (иже) лазаря четверодневнога изъ мртвѣхъ въскрѣсивъ. помилѣй раба твоего сего ѿмркъ. иже посѣтивъ тѣщъ Петровъ аѿла своего. единымъ словомъ ѿими огнь ѿ нея. иже двѣма длѣжникама долгъ ѿтдавъ. грѣшници жени (1) ѿпшѣнїе даровавъ. ты многомѣрде, долготерпеливе. премѣтве Гѣ. каѿ о злобахъ члѣкыхъ. призри на ны и на раба своего ѿмркъ. ѿ жени ѿ него главнѣю болѣзнѣ. завѣсть (2) тяготе варь. избави ѿ оужасти ѿ зимы и огня ѿ дни люта часа. ѿ очю злыхъ члѣкъ. и бѣса ползденнаго. ѿ всякого недуга. и болѣзнѣ оукроти. ѿими огнь и ѿ жени недѣгъ. да и се поманѣвъ пррчество Дво глѣце. помилѣй мя Бѣ по величїи мѣти твоеи. по многимъ щедротомъ твоимъ. очисти ѿ него всяко безаконїе всякъ лѣпность. всякъ грѣхъ. всякъ недѣгъ. ты бо еси истинни врачъ дшїи и тѣломъ ншїи Хѣ Бѣ нашъ. тебѣ славою всылаемъ оцю и снѣ.

Мо ѿ дни (3).

Во имя Оца и Сна и стго Дха. Заклинаю та Бгомъ живымъ червленаа и чернал. власы и ногты свазана ѿ г. аглѣ. что рыкаеши ѿко левъ. ѿко волъ ѿдиши (4). ѿко козлище возыграеши. такоже и ты въ двтви твориши. нѣ великыи Бѣ архистратизи Вїи еже о тебѣ ходатъ двѣствъ твоемъ важи пѣть. дай же исцѣленїе рабу Бїю ѿмркъ. ѿко твоя дрѣжава и твое пртво. слава оцю.

Мо томъ же.

Во имя Оца и Сна и стго Дха. дно люта бо еси прелюта. простерта еси по вса оуды члѣкы. спи ѿко агна младо аспидово. проклата еси. и треклата еси Оцемъ Сномъ стымъ Дхомъ.

Мо томъ ж.

Во имя Оца и Сна и стго Дха. вниписа (?) днѣ ѿже иматъ ноготь р и о. не деи пакости рабъ Бїю ѿмркъ. ни рѣкама ни ногама. ни всемъ тѣлѣ еѣ. но лази свивши еленѣ мѣетъ. пртаа Бже Бца. помогаи рабъ своемъ всегда и ннѣ прѣо.

(1) женѣ.

(2) зависть.

(3) Можетъ бытъ ѿ дни.

(4) ревешѣ.

Мо^ж томъ.

Запрещаемъ тебѣ нежите Г̃мь нашимъ Ис̃ж Х̃мь. бѣжи ѿ чл̃ка сего. оубой Г̃а
н̃шего Ис̃ж Х̃а. заклинаю тя нежите воскриѣмъ Г̃нимъ. имъ же разрѣши адовъ
лесть и прогна всякъ язю, и тѣ запрещаетъ тебѣ нежите. изыди ѿ главы и ѿ
всѣхъ оудовъ его. не вреди. ни прикасай рабѣ Б̃їи семь. їмркъ. и ннѣ прно.

Мо^ж на болащимъ нежитомъ.

Г̃и Б̃е ннѣ изведи аплы своа ѿ мора чермнаго. идѣщимъ въ ст̃ы градъ. и ви-
диша чл̃ка на пѣти лежаща. и гл̃па: а се что. гла има Г̃ь Б̃ь: то есть болѣзнь
нежитъ исхода изъ горы. яко исходитъ иногда роса на брадъ Ароню. да си бо-
лѣзнь есть. да дается посити иереови. да аще ключится комъ болѣзнь си. или в
нощъ. или день. или заутра. или въ вечеръ. буджтъ творя молитвы с̃ю надъ нимъ.
вставъ же ст̃ы аплъ Филипъ рече. во има оца и сна и ст̃го д̃ха. азъ гл̃ю те-
бѣ нежите. бѣду твораще чл̃ку семъ. ѿиди скоро въ пустаа преходища морьскаа.
здѣ Х̃ж предстоащю. како смѣлъ еси прикоснѣти тварѣ Б̃їи. или оуподобилса еси
Кайнъ ревнивомъ оставлешюса вса своа. воздвигше ревеніе (¹) на брата своего
Авела. или яко пронырливы видѣвъ тварь Б̃жю страшныа агглы стрегоуцаа
праведнаа врата. яке о Адамѣ и Евзѣ. ѿиди (въ) прѣ реннаа мѣста. да никогда
же пришедши сила ст̃го Д̃ха скрштитъ твое любленіе. яко того есть пртвѣе
Оца и Сна.

Мл̃тва г.

Во има Оца и Сна и ст̃го Д̃ха. може (у) Адама первозданнаго не болить
ни глава ни вчи, ни збы ни оуши. и никже оудъ тѣла его. яко да растаетса
нежитъ. яко пѣна морьскаа. яко дымъ ѿ вѣтра. и воскъ ѿ огна. роса ѿ слнца.
такъ растаетъ нежитъ ѿ раба Б̃їа їмркъ. да бѣжитъ в пусты горы и в лѣсы во
еленю главъ. тамо та посылаетъ Г̃ь Б̃ь Ис̃ Х̃с Оцъ всеи твари. емже слава съ
оцемъ и ст̃ымъ.

(¹) ревеніе, ἐζλος ревность.

Мѡ̄ д̄.

Запрѣщеніе нежитъ изыти. Г̄и Б̄е н̄ш̄ь, запрѣти ему ст̄ымъ Д̄хомъ лежащаа аггла разорьшаго и положьшаго вся созданія его. призирающа на раба своего імр̄к̄ь, одержащаго болѣзнію лютою сею нечистою, запрѣщаетъ емъ Б̄г̄ь, глухомъ нежитоу изыти ѿ главы и ѿ очию, и повелѣ Г̄ь разоритися одръ болѣзномъ повелѣніемъ имъ же повелѣ Ксзма и Домьанъ, запрѣти нежитъ не възвратити къ създа- нію Б̄ж̄ію и къ сщени главѣ и вчю, оутверди главъ повелѣніемъ ст̄ію врачу, те- бѣ слава вси(лаемъ).

Мо Іакова бра Г̄ня въ вса̄ ви болѣзни.

Вл̄ко вседержителю врачу д̄шамъ и тѣломъ, смирамъ и возносъ, наказаа и па- ки исцѣлмъ, брата нашего болашего посѣти м̄лтыю своею, и простри мышцю не- видимъ полнъ исцѣленія здравія, исцѣли въставлаа его ѿ ложа немощнаго, запрѣти д̄хъ недъжномъ, ѿими отъ него всякую извъ, всакъ ст̄ръ⁽¹⁾ всакъ ранъ, всякъ огнь или зимъ, еже есть въ немъ прегрѣшеніе или безаконіе, ослаби ѿпссти прости тво- его ради чл̄колюбія, ей Г̄и пощади созданія своего, о Х̄ѣ Іс̄ѣ Г̄д̄ѣ н̄шемъ, с̄ ними же бл̄венъ еси съ пр̄тымъ бл̄гымъ.

Мѡ̄ на главою болящимъ.

Г̄и помози главѣ и по главою, на равнѣ мѣстѣ распятъ Г̄ь, посреди его столпъ желѣзень, взять болѣзнь очима надежа Х̄а Б̄а нашего⁽²⁾, якоже хожеше на горѣ сионьстѣи и обрѣте гробъ ѿверстъ, и двцю лежащъ в немъ, и рече ей, что лежиши, онаже рече, глава болитъ, Г̄ь же положи рукъ на ней и н̄ш̄ь пр̄но.

Мѡ̄.

Г̄ь Б̄г̄ь н̄ш̄ь истинныи, иже возложи ч̄тныи к̄ртъ и животворящїи Адама на главу, Адамъ же не болитъ ни нежитомъ, ни вчима своимъ, во имя ѿца и С̄н̄а и ст̄го Д̄ха и н̄ш̄ь.

⁽¹⁾ т. е. страданіе.

⁽²⁾ Не достаетъ смысла; что набудъ пропущено въ рукописи.

Мѡ стго Григорѣа чютворца.

Запрещаетъ ти дѣволе Гѣ гряды во весь миръ. вселися въ члѣки избавитель заклинаю тя Бгомъ живымъ и гордымъ⁽¹⁾ его пришествіемъ. прїиде(тъ) оубо не оумедлитель сѣдти все земли. тебѣ и твои силы. ѡиди всякъ нечтыи дше и ѡбѣгни ѡ дому сего. въ немъ же молитва си есть. и всяко прегрѣшеніе. еже положишь е или на подѣ или по подомъ. и въ вратѣхъ или на пѣти. да бѣжитъ всякъ нечисты дхъ имени Гѣ нашего Іса Хса Она Бга живаго и стго Дха. млтвами стѣа Бца. яже роди Га ншего Ісз Ха. нбныхъ ради силъ. Михаила Гаврїила Оурила и Рафаила. окрѣтъ силы бжтва прка днь и ношь непочиваютъ. тоа млтвы спти (спаси) дѣти и весь скотъ. оу него же е млтва си въ храмѣ. млтвы ради и моленїа ради стго Григорїа. Іс Хс спобѣждаетъ. Ха Ба молити. ты Гѣ непрїязни прогонити. и ннѣ.

Мѡ на оужасающимъ (*).

Многомѣрде млтве Гѣ невидиме. не скверне едине безъгрѣшне. очти раба своего імркъ ѡ всякъа скверны. яви блгти ради Ха твоего. и ости пришествіемъ стго Дха твоего. да возникнетъ ѡ мгылы нечтыхъ привидѣнїа дѣволя. и всякоя напасти. спобится чтою совѣстїю прїати и вкусити дивныхъ и страшныхъ твоихъ тайнъ. блвѣ и оствѣ всякая. Хе Бе нашъ и тебѣ слава всылаемъ.

Мѡ егда боли не спї (*).

Влко Гѣ Ів Хе Бе ннѣ. давы сонъ з отрокъ иже въ Едеспѣй пещерѣ⁽⁴⁾ т. и о. и в лѣ. Сава то Протархъ. Диониси. Андрѣи⁽⁵⁾ и рабъ твоемъ Мелхиседекъ⁽⁶⁾

(1) Гордый греч. *φοβερός*. страшный.

(2) Таже молитва по рукописи Соч. библіотеки напечатана въ Христ. Чтенїи за мартъ—апрѣль 1877 г. стр. 442.

(3) Таже молитва въ другомъ измѣненномъ видѣ по рукописи Соч. библ. напечатана въ Христ. Чтенїи за мартъ—апрѣль, 1877 г. стр. 445. Она составляетъ сокращенїе греческой молитвы, помѣщенной въ *Ευχολόγιον* Гоара. Venetia 1839 стр. 386—387.

(4) Нужно: въ Ефесской пещерѣ.

(5) Объ отрокахъ Ефесскихъ смотр. въ Четь—Миней 4 августа и 22 октября. Здѣсь указаны такїя имена отроковъ: Мазїміанъ, Іамвлихъ, Мартїніанъ, Іоаннъ, Дїонисїй, Езакустодїанъ и Антонїнъ. Рассказываемое событіе относится къ царствованїю Декїа.

(6) Въ греческой молитвѣ упоминается объ Авимелехѣ.

дави сонъ з̄ и з̄ лѣ. и дай же Г̄и сему рабу твоему имркъ сонъ здравіе. оугаси ему силъ огненъ. и сей животны сонъ мирны сонъ на здравіе. яко ты поеть вся сила вѣнаа и тебѣ славъ всылаемъ.

Изъ Требника Соловецкой бібліотеки № 1085 (¹).

Молитва стого священномъчѣка Кипріана (²).

Да поскрѣтъ Бг̄ъ. и да разидоутся вси врази его. и да бѣжати ѿ лица его вси ненавидящїи его. яко исчезаетъ дымъ. да исчезоуть. яко таетъ воскъ отъ лица огню. тако да погибнуть грѣшници ѿ лица Бж҃а. а праведници да возвеселятся о силѣ живаго и единосоставнаго Бѣ. Начинаемъ гл҃ти молитву стго Кипріана во днь и часъ. вьнже оупражнѣтся сила сопротивнаго ради славы живаго Бѣ. Сеи ст҃ий священномъчѣкъ Кипріанъ молящеся Гоу всею дшею гл҃я: Г̄и Бѣ сильныи и держай вся. святъ сии прославленъ. прѣ прѣвоующимъ и Г̄ъ господствоующимъ. слава ти сѣдѣщему во свѣтѣ безчисленѣмъ и неприкосновенѣмъ. Его же оужасаются всяческая. Его же никто же нигдѣ видѣ. ни видѣти не можетъ. Ему же тысящами тысящъ и тмою темъ стѣхъ аггль и архггль предстоять предъ тобою. Ты свѣси тайная раба своего. и яко не познавшему ми Тебе прьвѣе творяхъ сѣа. держахъ облаки не одождѣти. древа садовая еже не творити плода. не праздыя еже не рождати. и иныя еже не зачати. на огражденіе винограда токмо взирахъ и творяхъ розгы еже не цвѣтѣти. Такоже и злѣкъ вертоградныи не прозябати. и рыбы морьскія еже не плавати. и птицамъ возбраняхъ не лѣтати. и просто всяко чародѣйство дѣлахъ. и вси лукавіи бѣси мнѣ работаху. сии вся дѣлахъ ради своихъ грѣховъ многыхъ. Нѣтъ оубо Г̄и Бѣ сильныи и великыи блговоливыи ѿ недостойна достойна мя быти и спричтатимися стгому ст҃ному твоему стаду и съ преестественнымъ величествомъ милосердовавъ мнѣ. и не восхотѣвъ погубитимися со беззаконни моими. знаема мя сотворивъ быти. связавъ мя любовію своею во твоей правой и непорочнѣй вѣрѣ. не омразися

(¹) Молитва Кипріана помѣщена еще въ двухъ рукописныхъ соловецкихъ псалтыряхъ №№ 744 и 755. Отрывки изъ нея по псалтыри № 744 уже приведены въ Описаніи рукописей Солов. монастыря см. № 41 стр. 47—49.

(²) Этотъ требникъ, принадлежавшїи митр. Макарію, написанъ въ листъ въ 1505 г. на 712 листахъ. Въ немъ помѣщено множество разныхъ молитвъ на разные случаи. На лист. 148—155 написана молитва священномученика Кипріана, а на лист. 567—586 «Врачевальныя молитвы».

мене грѣшнаго и недостойнаго раба твоего. припадаю бо и прошоу прѣое имя твое во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ домоу. и о всѣхъ православныхъ хрѣтан(ъхъ). иже имѣють чародѣйства ѿ лоукавыхъ члѣкъ и льстивыхъ или ѿ бѣса. и прочтеться сіа молитва на котораго главѣ. или въ домоу его. яко да разрѣшится ѿ связанна. и ѿ оудръжанія и ѿ зависти и чародѣйства. ѿ ревности и ненависти и злаго урѣтвенія и дѣйственаго отравленія. языческаго яденія. и клѣветанія и влятвы. И кто оубо стяжалъ боудеть мѣтвоу сію въ своемъ домоу. да будетъ соблюденъ ѿ всякаго оухищренія потвора и отравы лоукавыхъ члѣкъ. ближнихъ соусѣдъ. и да бѣжатъ бѣсове и да отстоупятъ злии. Гѣи Бѣ. Емуже власть нбо и земля. ради имени твоего великаго и ради несказанныя ти блгѣти и ради Единороднаго ти Сна. Гѣа нашего Іу Хѣа. оуслыши мя во часъ сіи недостойнаго раба твоего. и идѣже аще прочтеться мѣтва моя. да разрѣшится. яко воскъ тѣющъ ѿ огня. яко (такъ) лоукавое оухищреніе ѿ всякаго вида. или члѣкого или животнаго. или винограднаго или вертограднаго. и ѿ всякаго имѣнія ихъ. малихъ же и великихъ. яко во имя стѣя и живоначальна Трѣца просвѣщени соуть и развѣе Тебе иного Бѣа не знаютъ. и яко же ѿ камени Моусемъ сновомъ излѣвомъ источилъ еси воду. тако Гѣи Бѣ силамъ положи роукоу свою дръжавную и стоюю полную соущу блгвенія на домъ имоущаго молитву сію. яко же насадилъ еси Бѣ раи во Едемѣ и ѿ того исходятъ повелѣніемъ ти четыре рѣки фисонъ. геонъ. тигръ и евфратъ и обходятъ сего мира в тихости. и Адамскыи члѣкъ не можетъ ихъ оудръжати. тако да не могууть чародѣйствена дѣла или мечтанія бѣсовьская являтися предъ разрѣшеніемъ. еже азъ разрѣшихъ и разрѣшаю. прогнахъ и прогоняю все злое яко злыхъ члѣкъ и лоукавыхъ бѣсовъ и все злое лоукавыхъ бѣсовъ ѿ раба Вѣжіа імркъ и ѿ всякаго имѣнія его. аминь. И яко оумножилъ еси лѣта иезекію прю. да оумножатся лѣта имоущему молитву сію. слоужбою аггелъ. пѣниемъ серафимьскимъ. блговѣщеніемъ. пречистыя Бѣца ѿ архаггела Гаврила плотскаго ради зачатія Гѣа нашего Іу Хѣа. славнаго рождества его во Виеліемѣ. заколѣнія младенецъ ѿ Ирода. стго крщенія. еже воспріемъ во иерданьстѣи рѣци. постомъ и искоушеніемъ. еже подыатъ ѿ диявола. оужаснаго его побѣды оужаснаго соуда оужаснѣйшихъ его чудесъ. иже въ мирѣ бывшихъ. исцѣленія дароуя. прокаже-

нья вчищай. мртвыя вживляя. бѣсы изгоня. иже во Іерлѣмѣ входъ его. и во прѣвѣ
 младенцемъ вопіющимъ всаньна снѡу Дѣвоу. стѣя стрѣги и распятія погребенія
 и еже изъ мртвыхъ воскрѣсія. и еже на нбса вознесеніе. пѣніе тмочисленныхъ
 аггль и архаггль. славѣ восходнаго его пѣснословія. еже вѣсноую сѣдѣніа вѣа
 втораго и страшнаго пришествія. власть юже далъ есть стѣмъ своимъ оучнѡмъ
 и апломъ и рекъ имъ: имъ же держите грѣхы, держатся. и елика аще разрѣши-
 те на земли соуть. разрѣшена и на нбси. Ради бо сихъ именъ и ради силу твою
 великоюю заклинаю и связываю и проклинаю и прогоняю вся доухы лоукавыя и
 вчи злыхъ члкъ и ссѣдѣ ближнихъ и дальнихъ и всѣдѣйство и чародѣйство лѣ-
 кавыхъ члкъ в раба Бжїа імрк и в домоу его. и в всего стяжанія его. И яко
 оумножилъ еси Гїи богатство второе иевле, тако Гїи Бѣ силамъ оумножи домаш-
 нее житіе и приходъ рабоу своему імркъ имощемоу снѡу молитву. созданиемъ
 Адамовымъ, жертвою Авелевою и Сиѡвою. бѣвѣщеніемъ Еносовымъ. искушенія
 Иввля. примѣстѣніе Енохово. правдоу Ноевою. вбрѣтеніе Мелхиседеково. вѣроу
 Авраамлею. послушаніе Исаково. стѡсть Иаковлю. пррчествомъ прркъ. стѣнею
 патриархъ и стѣхъ и снѡмчнкъ кровїи аплкъхъ. преставленія постническая. заколе-
 нїа мчничьская. и вѣвчавїа ихъ. мчнїе и заколеніе стѣхъ Петра и Павла. дѣвства
 Івана Бгослова. бгговѣщенїа Сифова. жезла Моусеѡва. сїценничьства Ааронова.
 дѣвства Іса Навгїина. стѡсть Самуилову. жертву Афетовоу. тачнѣство вѣ—тихъ
 племень изрлѣв. кармилъ (?) ревнителеву. моленіе Елисеево. пррчество Ивны. поста и
 видѣніа Данилова. жертвою Исааковоу. послѣднее преставленіе Іввле. проданіе Ивси-
 фа прекраснаго. кротость Дѣвду. истинноюю преоудрость Соломонову. невпали-
 мою коушиноу в горѣ синайстѣй силою рз аггль. иже во Египтѣ сощедшихъ по-
 дати исцѣленїа члкъмъ. моленіемъ чтнаго и славнаго пррка пртча и кртля страш-
 наго и несканнаго имени твоего всеславнаго всесильна и всевица Бѣ. емоуже
 предстоятъ тысушами тысоуць и тмами темъ аггль и архаггль. постомъ иже в
 горахъ и пропастьехъ земныхъ и всѣхъ стѣхъ иже в вѣка тебѣ бггооугодившихъ
 Гоу Боу нашему. и ради бо сихъ именъ и ради стѣхъ. молитвъ ихъ прогоня-
 емъ и вталаемъ всякоу злобоу и лоукавство. и зависть и ревность и связаніе и
 оудръжаніе и злосрѣтеніе и лоукаво око и злогланіе и язычное яденіе и при-
 мольвы и все что бѣдное. и совѣтованіе злыхъ члкъ совѣщавающимъ что зло. да

вдалится ѿ раба Бжїа імркъ. И еще молюся и милъ ся дѣю единому непобѣди-
 момоу Боу. иже во три лица воспѣваемому. яко да подасть всѣмъ члкомъ право-
 славнымъ спсєніе и рабоу своему імрк. и въ домъ тотъ. въ немъ же лежитъ стая
 сїа млтѡ. и что лѣкаво бысть въ двмъ въ томъ. въ немъже прочтется сїа
 млтѡ. яко да разрѣшено боудеть. аще оубо на нбси или на земли есть свя-
 зано, да разрѣшится. или въ мори. иже вся яже соуть на немъ или въ немъ. да
 разрѣшатся. или на поути или на распутии. или въ рѣци. или во источницѣ. или
 во кладези, да разрѣшится. или во кровли. или во дверехъ. или во оконци. или
 во врѣхнемъ порозѣ или в нижнемъ. или на здѣ. (въ друг. спискѣ на задѣ)
 или во тинѣ. или во основѣ. или во стѣнѣхъ. да разрѣшится. или во прид-
 ворѣ или в дворѣ. или во дворци. или во входѣ, или во исходѣ. во дер-
 коу. (въ друг. спискѣ. въ диркѣ) въ стѣнѣ. или на поути. или на поли. или въ
 горахъ и печерахъ и во пропастьхъ земельныхъ. да разрѣшится. или во брезѣ.
 или во стремнинѣ. или вровѣ. или во древѣ. или в листѣ. или в корени, или во
 вѣтвѣи. да разрѣшено боудеть. или на поли въ нивахъ. или въ виноградѣ или
 вертоградѣ. или во рвехъ и во ямахъ. или во травѣ. или в печи. или въ банѣ
 или въ древѣ. или въ капищи идольскомъ. или въ кожи плотской. или въ кожи
 змїиной. или въ бровѣхъ. или во власѣхъ бранныхъ. или въ главѣ. или во глав-
 номъ оубросѣ. или възглавіи. или въ постели. или во вбрѣзанїи ногтѣхъ ручныхъ
 и ножныхъ. или въ ножныхъ вбувенїихъ. или во златѣ и серебрѣ. или въ мѣди
 и свинци. или во вловѣ и в желѣзѣ. или въ воску. или въ кости. или во лбѣ.
 или въ чѣлвѣчстѣи крови или въ звѣриной. или въ морьскихъ рыбахъ. или
 въ животныхъ земныхъ. или въ кожи звѣриной. или въ кожи рыбной. или
 въ животныхъ четвероногихъ земныхъ. или во летающихъ по воздуху. движимыхъ
 же и недвижимыхъ. или въ хартїи и во чернилѣ. или нѣвкоторой вещи. или всту-
 да сотворенная да разрѣшится. Аще ли есть написано во седмидесятыхъ и двою
 языкъ. да разрѣшено боудеть. повеже азъ раздрѣшихъ и раздрѣшаю. прог-
 нахъ и прогоняю. такалоусапоусъ. (въ друг. спискѣ: такоулъ. сапсць). мароу-
 салоукъ. (въ друг. спискѣ: марасалъкъ). милоуре. мирахананъ. (въ друг. спи-
 скѣ: михрананъ). прогнахъ и еще прогоняю. имена тахия. сисахия. елизѡу
 (въ друг. спискѣ: елизвѣ). идаилъ. ѿ раба бжїа імрк. и ѿ имѣнїа его. и мала-
 го и великаго. силою чтнаго и животворящаго крта и со всѣми нбными силами
 предстоящими предъ высокимъ и страшнымъ престолѡмъ Бжїимъ. херувими и
 серафими. властемъ. пртломъ господьственнымъ. силъ владалныхъ архггль и аггль.

стыхъ праведныхъ патриархъ. Авраама Исаака и Иакова. силою разрѣшившаго
 дождь на землю сниде. во часъ. вонже разбойникъ въ рай вниде. и млтвою еюже
 помолися Іу Навгинъ. и ста слнце и луна. и млтвою еюже помолися Иліа и
 оудръжа нбо. и млтвою же помолися Даниль прркъ и загради оуста лвомъ. и
 млтвою. еюже помолишася трѣе втроци Ананіа Азаріа и Мисаиль погасиша пла-
 мень пещный и бысть в росу прохладноу. силою держащаго волны морскыя и
 оукротивающаго ихъ. силою насытившаго множество людѣи ѿ малыхъ хлѣбъ. та-
 коже и прошу стго сбора пррчскаго. Захарью. Іованна Пртчю. и пррка Іосѣ
 и Ишила. Наоума. Аввакума. Софонію. Аггею. Михѣя. Малахїа. Авдѣа. Иере-
 мѣю. Иезекїиля. Исаію. и Данилу. Амоса. Самоила. и Ілію и Елисѣя. и святыхъ
 трѣехъ втрокъ. Ананію. Азарію. и Мисаила. молю и сословіе святыхъ и правед-
 ныхъ Бгвѣць Акима и Анны. Іосифа вбрученика и Двда пррка и пря. Іакова
 брата Вжїа. Семѣвна Бгвпрїемца и Симеона сродника Хва. Симеона иже Ха
 ради оуродиваго. Симѣвна иже на дивнѣй горѣ. Іова и Ивны. Игнатїа Бгвнос-
 ца. сщенномчнка Ананїи и Романа пѣвца. и всѣхъ стыхъ молитвами иже ѿ вѣка
 тебѣ благоугодившихъ и послужившихъ Гоу Боу нашему. молю и прошю лика
 славныхъ и всехвальныхъ и бжтвенныхъ апль в. и с. и иже во стыхъ ѿць на-
 шихъ и вселенскихъ оучитель Василїа великаго Григорїа Бгослова Іованна Злато-
 устаго. Іерофѣя Афинейскаго. Девнисїа Арешпагитскаго. Іованна милостиваго. Амфи-
 лохїа епкпа Иконийскаго. Аверкїа Ерапольскаго. Афанасїа великаго. Петра Але-
 зандрскаго и Курила. и иже во стыхъ ѿца нашего Николы Мирскаго. и иже
 во стыхъ ѿца нашего Петра архїеппа рускаго. новаго чютворца. и Амбросїа Меді-
 вламьскаго. Потапіа. Ипатїа. Спиридона чютворца. Ельферїа. Стефана архїеппа
 Соурожскаго. Левнтїа Ростовскаго Андрея Критскаго и Впифанїа. Софронїа Іеру-
 салимьскаго. Селивестра папы Римскаго. Григорїа папы Римскаго. Григорїа
 чютворца. Лазаря иже въ Геласѣи. Григорїа Акраганскаго. Григорїа Десятоград-
 ца. Григорїа великыа Арменїа. Григорїа нисьскаго. прпбныхъ и бгвносныхъ ѿць
 нашихъ. Симеона Столпника. Іованна постника. Иоанна Лѣствичника. Евминїа чю-
 творца. Варлама и Асафа. препобнаго ѿца нашего Лоукы. и Данила столпника.
 Алимпїа Киwnата. Іованна Рыльскаго. Самсона страннопріемца прпбныхъ ѿць
 иже во Синаи и в Раифу избвенныхъ и прпбнаго ѿца нашего Касїана Римскаго.

прѣбныхъ ѿцъ нашихъ и чудотворць Козмы и Дамьяна. Іванна Дамаскина. Стефана Савалита. Георгѣя Никомидскаго. Февра написаннаго. Февдора Сикивта. Февдора Трихины. Февдора сценнаго. сценномчника Февдора иже въ Пергѣи. Антонѣя великаго. Арсѣнѣя. Еоуфимѣя. Савы. Ефрема Сирина. Исакѣя и Харитона. Сысоѣ. Герасима. Андроника. Павла Фивейскаго. Іванна Куцника, Іванна Едесскаго. Іоанна Кидарьскаго. Іванна Плексиды. Іакова Рисивея. Ісаѣя. Павла иже въ Литрѣ. Февдосѣя ѿбщежителя. Воукула еппа Змирънскаго. Иларѣйна чудотворца. и Марка еппа Арефоусѣйскаго прѣбнаго ѿца Бенедикта. Датѣя еппа Медиланьскаго. Савина и Каллиста. Касѣяна сардійскаго еппа и Курила діакона. Филиппа діакона. Евоупла діакона. Лавренѣя діакона. Никандра. Прохора. Тимона. Пармены. сценномчника Власѣя. Поликарпа. Мефедѣя Патрѣскаго и всѣхъ стыхъ и сценномчникъ мѣтвами и моленѣемъ. съблуди своего раба імрк. Молю оубо стыхъ мченикъ воинства и ликы стыхъ славныхъ и добропобѣдныхъ Хвѣхъ мченикъ. Стефана и первомчника и архидіакона. Гергѣя побѣдоноса и чотворца. Дмитрѣя мироточца. Исидора Хиѿполитьскаго. Федора Тирона. Февдора Стратилата. Савы Стратилата. Іванна воина. Михаила воина и иже съ ними двою тысящъ двѣстѣ девѣять десять и трехъ. и стыхъ мчнкъ двѣ тмѣ иже въ Никомидѣи сожженныхъ. стыхъ мчникъ Евстратѣя. Евѣстафѣя. Авксентѣя. Евгѣнѣя Мардарѣя и Эреста и Акиндѣя и Пигасѣя Аѣфонѣя. Елпидифора и Анемподиста. Маркѣяна и Мартирѣя. Сергѣя и Вакха. стго великомченика Ефѣстафѣя и подружѣя его и чадѣя его. Курика и Оулиты. стыхъ мчнкъ Мины Виктора и Векентѣя. стыхъ исповѣдникъ Гурѣя Самона и Авивы. стыхъ мчнкъ Мины и Ермогенѣя и Евграфа. Эрора и Лавра. Маноуила и Савелѣя и Измаѣла. стго великомчнка Нестера. стыхъ мчнкъ м. иже въ Севастѣйскомъ езерѣ мчныхъ. стыхъ младенецъ. иже отъ Ирода избѣпыхъ тысоущъ дѣ. стыхъ мѣ мчнкъ иже во Амории. стыхъ ѣ мчнкъ иже во Крите. стыхъ ѿ мчнкъ иже в Кизыцѣ. стыхъ з ѿтрокъ иже во Ефесѣ оусноувшихъ. стыхъ мчнкъ Карпа и Папилы. Ермила. Стратоника. Іакова Персянина. Алезѣя члка Бжѣя. Назарѣя. Протасѣя. Гервасѣя и Кельсѣя. стыхъ врачейъ безсребреникъ Козмы и Дамѣяна. Кура Іванна. Пантелѣимона и Ермолы. Самсона и Демидѣя. Мокѣя и Фалалѣя. Фотѣя и Аникиты. Зиновѣя и Зиновѣя. стаго и праведнаго Лазарѣя и Мрѣи Магдалины и Марѣя. стыхъ женѣя мирносоущъ, и прѣбныя

Ефросинии. Аксеніи. Евдокѣи. Анастасіи. ст҃я великомч҃ницы Феклы. ст҃я великомч҃ницы Марины. Екатерины. Оевроніи. Филофеи. ст҃я мч҃ни Софїи и чадъ ея. Вѣры Любви и Надежи. Ириніи, Агапіи и Хионіи Евпразїи. Пелагѣи. Варвары. Парасковїи. Курвака. Оомаиды. Ирины. Фотиніи. Меланіи. Февфана. святаго правовѣрнаго цр҃я и равна апл҃мъ Константина и мтр҃е его Елены. ст҃я Калли. (въ друг. спискѣ: Акилины) ст҃я Оевдосїи. и всѣхъ свѣтыхъ. иже пролїавшихъ крови своя за Тебя Х҃а Б҃а нашего. и всѣхъ твоихъ ст҃ыхъ млт҃вами. и за млт҃вѣ пречистыя мтр҃е. и сп҃си раба своего імрк. И да не коснется к нему ни к дому его никакое зло. ни зависть ни ревность. ни чародѣйство. ни бѣда. ни болѣзнь. никакое зло лукавство. ни во утро ни въ днь. ни вполднь ни вечеръ ни в ноцъ. ни въ полноцъ. яко написана бысть сѧ млт҃ва сп҃номч҃ника Купрїана. оутвержена же и назнаменована бысть. ѿ ст҃я ! единосущныя Тр҃ца. на погубленіе и прогнаніе всякому злоу. и злыхъ сѣтнн ловащихъ. седукъ иарунь. (въ друг. спискѣ: іарумъ) и афаель. нарицаемому элефаень (въ друг. спискѣ: нафаель). и дщерехъ самосовыхъ и всего рѣда ихъ. и самена и всего лика его. и коуніе и всевладательное ихъ. словесѣмъ Г҃имъ. ѿ немъ же оутвердися нбо и земля. млт҃вами Г҃и прч҃тыя ти мтр҃е и вся нбесныя ти силы. и чиновачальникъ твоихъ. Михаила Гаврила Оурила и Рафаила. и хранителя аггла. и всѣхъ твоихъ ст҃ыхъ. имже имена написана и ненаписана. яже ты свѣси вседръжителю Г҃и. и вграженіемъ силою честнаго и животворящаго кр҃та. да соблюденъ боудеть рабъ твой імркъ и весь домъ его и все стяжаніе его. и да посрамлено боудеть и да прогнано боудеть вселоукавство ѿ раба Бж҃ия. всегда и ннѣ и прно и во вѣки вѣкомъ. аминь“.

Свершена же бысть млт҃ва ст҃го сп҃енномч҃ка Киприяна знаменіемъ ст҃я единосущныя и живоначальныя Тр҃ца на оупражненіе и прогнаніе лукаваго и всѣхъ его сидъ. во славоу ѿца и С҃на и ст҃го Дх҃а. ннѣ и прно и во вѣки вѣкомъ. аминь.

Г҃и І҃с Х҃е Б҃е нашъ. млт҃вами прч҃тыя ти мтр҃е и ст҃го сп҃енномч҃ка Киприяна и Оустины и всѣхъ ст҃ыхъ твоихъ. соблюди и помози рабоу своему. имущемоу сѧ млт҃воу. даруй емоу вся. яже ко сп҃сенію прошенїа и жизнь вѣчноую. аминь.

Молитва надъ всякимъ недугомъ.

Положивый тѣло свое на распятіе. Х҃е Б҃е нашъ. затворилъ еси пути всякому недугу, ходящимъ по чл҃ку сквозѣ мяса по жиламъ и по костемъ его и по внутрен-

нимъ его. Ты влѣко рачи нынѣ. заложи вся поутѣ недугу сему. но рчи иже будетъ въ то время ходя по члѣку. аще боудутъ потвори, или струпъ нечистъ, или инъ недугъ ходяй, штокъ или ино что рища и ходя по телеси и по удомъ его. стоящаго нынѣ предъ Тобою. возбрани ему всѣхъ путѣи и всѣхъ стезь. подай же ему не врѣдити плоти. ни оудъ ни жилъ. ни приближатися ко дши его. и оуспи повелѣнїемъ твоимъ на ложи его. и затвори о немъ двери ложу его. и дайже здравїе рабу твоему імрк многолѣтно. да во здравїи пребывая. тебѣ хвалу приноситъ. со безначальнымъ ти ѿцемъ. со престымъ и животворящимъ ти Дхомъ. нынѣ и прно и во вѣкы вѣкомъ. аминь.

Молитва ѿ рватъвы рвдичьныя.

Простеръ рудѣ свои на распятїи стѣмъ своемъ. пригвоженїемъ рукоу своею пригвоздилъ еси вся пути нечестивыхъ и всѣхъ неприазнїи. и торганїемъ жилъ своихъ исторгалъ еси вся жилы ихъ. и болѣзнью своею побѣдилъ еси сильныхъ. единачадны ѿне ѿжи Іу Хѣ Бе нашъ. рачи нынѣ пригвоздитися роуки рватамъ сямъ. въ роуцѣ си вшедшимъ. простертеи къ Тебѣ нынѣ рвоуща жилы ркв сею. возвесели раба твоего імрк. ѿ одръжаща болѣзни исцѣли. и да радостїю радуется. подемя тристое тѣло твое. и славоу Тебѣ воздаа. со безначальнымъ Ти ѿцемъ и со престымъ и блгимъ и животворящимъ ти Дхомъ. нынѣ и прно и во вѣкы вѣкомъ. аминь.

Млтва надъ всякою болѣзнію рвщею.

Примъ копѣе бодшее в пазоуху твою. сокршилъ еси вся орсжїа сильныхъ и всю силу ихъ Хѣ Бе нашъ. Ты рачи нынѣ сокрушити оружїа и недугу сему. соущемъ въ немъ. преклоньшему подъ иго твое. рачи недугу сему. бодшемъ его невидимо. побѣди и попри ѣ и дайже здравїе раба своего імрк. да во здравїи пребывая. Тебе славить со ѿцемъ и со стымъ. Дхомъ. нынѣ и прно и во вѣкы вѣкомъ. аминь.

Молитва. безъ заглавія.

Гїи Бе нашъ. возлюби родъ члѣч. предасть себя за ны. ни пощади телесе своего на распятїе. запрети, еси всякомъ недугу и всякой неприазни. иже ходитъ по члѣку сквозѣ мяса по костемъ по жиламъ. по всѣмъ ноутреннимъ его. Ты Владыко Гїи. послушай моленїа нашего. повели заложити пути недугъ сему. иже ходитъ въ немъ по тѣлоу, или во оутробѣ. или во костехъ. или во главѣ, или во

Изъ Сборника Соловецкой библиотеки № 848 (1)

Молитва ѿ.

Положилъ тѣло свое. Хѣ Ъже нашъ. на распятіе и заградилъ еси поуть всякой неприяни. ходящей по земли. и всякому недуугу. ходящемоу по пло(ти) сквозѣ мяса по жиламъ и по костемъ и по всемъ вноутренимъ оудомъ. Ты Влко рачи ннѣ заградити вся поути ходящемоу по телеси семоу и по оудомъ его. стоящемоу ннѣ пре тобою. возбрани семоу ѿ всехъ сѣтей и ѿ всехъ стезь. и не дайже семоу Ги вредити ни жилъ. ни приближити дщи его. оуспи его повелѣніемъ своимъ. на ложи его. затвори в немъ двери ложю его. и дажь здравіе рабоу своему імркъ многолѣтно. да здравъ пребывай. Тебѣ хвалу воздаеть съ щемъ и стымъ Дхомъ. ннѣ и прно и во вѣки вѣ.

(1) Этотъ сборникъ XVI—XVII в. написанъ въ 8-ю долю, на 434 лист. На лист. 424—434 помѣщено 11-ть врачевальныхъ молитвъ. Напечатанная ниже молитва 8-я написана безъ всякаго заглавія.

Справедливъ ли упрекъ монаха Нила Курлятевыхъ въ томъ, что митрополитъ Кипріанъ по гречески гораздо не разумѣлъ, и нашего языка довольно не зналъ же при исправленіи Псалтири?

Архимандрита Амфилохія.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно мнѣ было прочесть всю Псалтирь, писанную митрополитомъ Кипріаномъ, хранящуюся въ библіотекѣ Московской духовной академіи. Что и сдѣлано 12-го и 13-го іюля сего года. По прочтеніи всей псалтири нигдѣ не нашелъ выраженій не понятныхъ для Русскаго. Волоколамскіе иноки, списывавшіе съ Кипріановской псалтири въ XV вѣкѣ, отзывались о ней: *добръ переводъ*. Что касается до греческаго слова: *θαυμάσια*, переведеннаго: чудеса, а не чудеснаа, какъ перевелъ Максимъ Грекъ, а Ниль Курлятевыхъ повторилъ, то это слово есть въ переводѣ псалтири XI. в. XII. XIII. и XIV. и даже теперь осталось въ томъ же значеніи чудеса, какое есть въ псалтири, писанной митрополитомъ Кипріаномъ.

Ниль Курлятевыхъ въ предисловіи къ псалтири Максима Грека такъ себя хвалить: л. 4. об. и 5: греческа рѣчи *αβμασία εσ*, руски чудеснаа. и азъ емъ (Максиму Греку) *ωβψαλъ*, а оу на *στοιτъ*: чудеса. и старецъ *ωβψαλъ*. да оу на *Ниле* прямо *αβμασία εσ*. а по вашему чудеснаа. а по гречески *θαυματα*. по нашему чудеса. и многи рѣчей прежніи переводники по нашему не разумѣли. а азъ нищій что бздеть написано вамъ помнится во псалмѣхъ сего перевода не красно. а азъ то все прія безъ сомнѣнія добро и составно. Бга ради. занеже сей переводчи по Златоустову писанію добръ вѣре и пріятень во все. и добре вѣдалъ и довольно нашъ языкъ. и аще кто возлюбитъ сей переводъ и восхощетъ по немъ пѣти и молитися, і Бгъ емъ блгтъ подастъ разума познати истинна и лучшее. заньже *ωβψαλъ* нѣтъ рѣчей по сербски, или болгарски. но все по нашему языку прямо з греческаго языка. и безъ оукрашенія. что повелительно или сказательно, или *ωβψαλъ* или *ωβψαλъ* или *ωβψαλъ*. все старецъ сказалъ извѣстно и исполнено на нашъ языкъ“.

Лучше ли переводъ псалтири Максима Грека, которую такъ хвалитъ Ниль Курлятевыхъ, чѣмъ переводъ въ псалтири митрополита Кипріана, который иноки

Волоколамскаго монастыря назвали добрымъ переводомъ, и съ котораго почти безъ измѣненія, кромѣ правописанія и сербскаго языка, напечатана Цѣтлинская 1495 года? Чтобы оцѣнить достоинство перевода псалтири Максима Грека, для сего нужно было прочесть весь текстъ псалтири Максима Грека по самому лучшему списку толковой псалтири, писанной, какъ сказано въ приписи 1592 года Вологодскаго архіепископа Іоны, не съ единого списка, но съ различныхъ добрыхъ переводовъ л. 1041.

Прежде всего выпишу слова, самимъ Максимомъ Грекомъ отмѣченныя въ греческой псалтири, имъ самимъ писанной 1540 г. хранящейся въ библиотекѣ С. П. В. Духовной Академіи въ числѣ рукописей Софійской Новгородской библиотеки.

Такія слова слѣдующія:

2. Пс. *ἐφρίαξαν* неистовишася, въ толк. псалтири архіепископа Іоны Вологодскаго: вззаришася, на поле снесено: шаташася, въ псалтири Нила Курлятевыхъ: раззаришася.

— *τῆς γῆς* земаи вм. земстин.

7. Пс. *καὶ νέφρους* и почки, въ толк. пс. архіеп. Волог. Іоны также, но на поле снесено: и втрокы. Это слово архіепископъ Іона Вологодскій напелъ болѣе приличнымъ, чѣмъ почки.

9. Пс. ст. 14. *εὐεβύσαμεν* ма въ пс. митрополита Кипріана: вззюсам ма. Это значеніе оставлено и архіепископомъ Вологодскимъ Іоною.

— Ст. 21. *νομοθέτην* законоположника. Это слово буквально лучше переведено, чѣмъ слово въ псалтири митрополита Кипріана: законодавца.

— Ст. 22. *ἀφ᾽ ἐκτετακίας* встоши, докторъ Скорина 1517. ранѣе Максима Грека напечаталъ въ своей псалтири: встоши. вм. встога.

— Ст. 36. *τοῦ ἀμαρτολόου καὶ πονηροῦ* грѣшника и лукаваго, въ пс. толк. писанной арх. Іоною: грѣшнаго и лукаваго, вм. грѣшномъ и лукавомъ.

11. Пс. ст. 6. *τῆς θαλαπρωρίας*, озлобленія, вм. страсти.

— — ст. 7. *δοκίμιον* искѣшеніе, вм. искушено.

13. Пс. ст. 4. *ἐν βρώσει* въ снѣди, въ пс. арх. Іоны въ паденіи.

15. Пс. ст. 3. *ἐθαυμάστωσεν* дивна показа; въ толк. Пс. Мак. Грека писан. арх. Іоною: оудивнъ есть.

— ст. 9. озлобившихъ вм. острастишихъ.

16. Пс. ст. 13. *ἀπὸ ἀβεβοῦς ρομφαία σὺ*. *ἡ* нечестиваго оружіе твои. Въ пс. XIV в. нечтивъ, въ пс. 1296 г. оруженемъ твоимъ.

17. Пс. ст. 6. *προεφθάσαν*, предпостигоша. Въ толк. псалтири Максима Грека, списанной архіепископомъ Іоною предвариша, какъ и въ Кипріановской псалтири.

17. Пс. ст. 25. *ἐνώπιον τῶν θλιβόντων με.* прѣ стѣжающими мнѣ. вм. предъ очима его. *ἐνώπιον τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ.* Подобнаго разночтенія, какое сдѣлалъ Максимъ Грекъ, ни въ печатной греческой псалтири, ни въ славянскихъ я не нашлъ. Въ псалтири же Максима Грека, списанной архіепископомъ Псковскимъ Ионою, написано: предъ очима его.

19. Пс. ст. 4. *πιανάτω* да стѣжни вм. тѣсно есди.

20. Пс. ст. 13. *σοῦ* твое, вм. иухъ *αὐτῶν.* У Акилы и Симмаха *αὐτῶν*, а по *σὸν* послѣ *πρόσωπον.*

21. Пс. ст. 32. *τῷ τεχθησομένῳ* ездѣши вм. рождшимся, какъ у Киприана. Это послѣднее слово оставлено и архіепископомъ Псковскимъ Ионою въ имѣ писанной толковой псалтири Максима Грека.

31. Пс. ст. 9. *μη γίνεσθε* не бывайте вм. не есдите. Здѣсь Максимъ Грекъ правильно перевелъ, чѣмъ было переведено прежде его.

38. Пс. ст. 3. *ἐκωφωθην*, оглохнухъ вм. ѡнѣмѣхъ. Въ толк. псалтири Максима Грека, писанной арх. Ионою въ текстѣ написано: онѣмѣхъ, а на поле снесено: оглохнухъ.

— ст. 14. *ἀνανυψώ* ѡтдохнѣ вм. почію. Въ псалтири Максима Грека, писанной арх. Ионою оставлено также, какъ и въ Киприановской псалтири: почію.

43. Пс. ст. 6. *ἐξουδενώσομεν* извѣмъ, вм. изведемъ. Въ псалтири, писанной арх. Ионою, снесено на поле извѣе.

47. Пс. ст. 2. *ἐνριζώ* докрошмны вм. благокореннымъ, которое слово оставлено въ толковой псалтири Максима Грека архіеп. Ионою.

— ст. 4. *ἐν ταῖς βάρεσιν αὐτῆς* въ столкѣхъ его вм. въ тяжестьхъ его. Такъ оставлено въ текстѣ толковой псалтири Максима Грека арх. Ионою, но на поле снесено не переведенное: въ варейхъ.

61. Пс. ст. 5. *τιμὴν* честь вм. цѣнѣ. арх. Иона въ текстѣ оставилъ: цѣнѣ, а на поле снесъ: честь.

64. Пс. ст. 5. *κε. ги.* по гречески въ печатныхъ и рукописныхъ нѣтъ, нѣтъ и въ славянскихъ псалтиряхъ.

67. Пс. ст. 15. *διαστῆλλειν* раздѣлаше, вм. разстелитъ.

— — ст. 18. *ἐν σινᾷ ἦν* въ синаи кѣ, въ Киприановской псалтири въ синаиѣ. Такъ было напечатано въ Цѣтгинской псалтири ранѣе Максима Грека: въ синаи кѣ. Въ нашей теперешней славянской кѣ пропущено; въ сун. Библии *ἦν* нѣтъ, въ Библии греч. 1597 г. года напечатано *συναίν.*

68. Пс. ст. 3. *ἀνπλαροίτω με* да застѣпи ма вм. да прииметъ ма.

72. Пс. ст. 6. ἐκράτησεν αὐτῶν, преодолѣлъ и мѣ, в.м. оудержа а.

76. Пс. ст. 7. ἠδολέσχουν смѣшала, в.м. глѣмлаха.

— — ст. 15. μόνος единъ. Въ теперешней слав. псалтири единъ нѣтъ, но въ Чюд. псалтири XI в. есть.

77. Пс. ст. 9. βάλλοντες, стазвляюще в.м. стрѣлающе.

— — ст. 21. ἀνεβάλλετο влагаше, в.м. презрѣ, какъ написано въ пс. Киприановской, въ Чюд. пс. XI в. раздражиса. Въ толковой пс. Максима Грека, писанной арх. Ионою, на поле снесено: продолжи, а въ текстѣ: презрѣ.

79. Пс. ст. 14. ἐλυμήνατο αὐτὴν ὡς ἐκ δρυμοῦ καὶ μόνος ἄγριος κατενεμή-
βατο αὐτὴν, озоба и свиња из дѣрзавы и вепрь дивин погалз и есть в.м. озоба и вепрь ѿ дѣкравы и ѱединенным дивин погалде ѱ.

108. Пс. ст. 3. ἐπολέμησαν με, ратобаша мене, в.м. бращаса со мною.

— — ст. 14. μὴ ἐξαλειφθῆιη да не изгладить в.м. да не вчиститса, какъ написано въ Киприановской псалтири и въ толк. псалтири Максима Грека, писанной арх. Вологодскимъ Ионою.

109. Пс. ст. 2. κατακυριεψε одолѣи, в.м. гдствѣи, какъ теперъ напечатано.

118. Пс. ст. 15. ἀδολευχίσω пошчюса, в.м. поглѣмлюса.

145. Пс. ст. 4. τὸ πνεῦμα αὐτῶν ἀχχ и в.м. дсхч егѡ; въ Θεодоритовой греч. толковой псалтири πνεῦμα αὐτοῦ.

— — ст. 9. ἀναλήψεται застѣпи, в.м. приметъ.

Въ 1-й утренней пѣсни εἰσεὶ μολοβδὸς аки свинець в.м. тако олово.

Во 2-й пѣсни: и да не налагѣ на на сзпостати, по славянски Максимъ Грекъ вверху написалъ, а по гречески сего нѣтъ у него, но въ той же пѣсни въ греческой псалтири Софійской Библиотеки на л. 76. эти слова по гречески есть: καὶ ἵνα μὴ συνεπένθωνται οἱ ὑπενάντιοι.

Въ 7-й пѣсни οἱ ἐμβαλοντες αὐτοῦς, кзвергше и в.м. влагающе ихъ какъ въ псалтири митрополита Киприана и Док. Скор.

Этимъ закончилъ Максимъ Грекъ въ своей псалтири, писанной его рукою въ Твери въ заточеніи 1540 года.

Слова же въ толковой псалтири Максима Грека, писанной въ 1592 году архіепископомъ Вологодскимъ Ионою съ лучшихъ списковъ, не лучше переведенныя, чѣмъ какія отмѣтилъ своею рукою Максимъ Грекъ, слѣдующія:

Пс. 13 ст. 1 въ срци его в.м. срдци своемъ.

Пс. 18 ст. 7. доитіе τὸ κατάντημα в.м. срѣтеніе.

— ст. 12. возмездіе, *ἀνταποδόσις*, вм. возданіе, какъ и снесено на поле арх. Ионою.

Пс. 30. ст. 6. положю, *παράθῃμαι*, вм. предаю.

Пс. 72. ст. 15. разори еси завѣщаніе, *συντεθεικας* вм. обѣщавша, что снесено на поле арх. Ионою.

Пс. 90. ст. 13. леонга вм. льва. Слово оставлено почему-то безъ перевода.

Пс. 95. ст. 3. чудеса его, *τὰ θαυμάσια αὐτοῦ*. Здѣсь въ толковой псалтири Максима Грека *τὰ θαυμάσια*, осталось какъ во всѣхъ псалтиряхъ XI, XII, XIII, XIV в. и въ теперешней въ значеніи: чудеса, а не чудесила, какъ перевелъ Максимъ же Грекъ, и настаивалъ на этомъ значеніи *Нилъ Курлятевичъ*.

Пс. 103. ст. 15. просвѣтити, *ἰλαρῦναι* вм. оумастити.

Пс. 104. ст. *τὰ θαυμάσια αὐτοῦ*, въ толковой псалтири Максима Грека, писанной арх. Ионою, оставлено въ значеніи: чудеса, а не чудесила.

Пс. 108. ст. 24 скѣдостно елѣа, *δὲ ἔλαιον* вм. елѣа ради.

Пс. 113. 14. носз имоугъ (*οἶνας ἔχουσι*) вм. ноздри имоугъ.

Пс. 118. ст. 25. прилпе мостс *ἐκολλήθη τῷ ἐδάθει*, вм. прилпе земан, такъ снесено на поле арх. Ионою въ толковой псалтири Максима Грека.

— ст. 49. помани словесз твоихъ, *μνήσθητι τῶν λόγων σου*. Ни Максимъ Грекъ, ни исправившій славянскій текстъ, написанный рукою митрополита Киприана не знали глагола помнѣти, по русски требующаго винительнаго падежа, а не родительнаго, котораго требовалъ греческій глаголъ: *μνάομαι*.

Пс. 118. ст. 139. забыша словеса твоя, какъ и слѣдуетъ.

Пс. — ст. 149. гласа моего оумашши, *τῆς φωνῆς μου ἄκουσον*, вм. гласа мои оумашши, какъ въ Киприановской псалтири.

Пс. ст. 1. на рѣкахъ вавилоньскыхъ, *ἐπὶ τῶν ποταμῶν βαβυλῶνος*. Прежде Максима Грека въ Θεодоритовой толковой псалтири 1472 и списанной съ списка XI вѣка такъ переведено.

Пс. 140. ст. 4. како извѣты творити о грѣсѣхъ *τοῦ προφαΐσεισθαи προφάσεις ἐν ἀμαρτίαις*, вм. нещивати вины о грѣсѣхъ.

Изъ сихъ выбранныхъ словъ перевода псалтири Максима Грека не видно, чтобы онъ лучше зналъ нашъ славянскій языкъ, какъ говоритъ Нилъ Курлятевъ, чѣмъ тотъ, кто исправилъ Псалтирь, списанную митрополитомъ Киприаномъ въ Константинополѣ.

Нельзя признать Псалтирь, митрополитомъ Киприаномъ писанную, за его исправленіе. Въ ней въ концѣ 150 псалма написано: слава оцѣ и снѣу и стмѣ дхѣу. и нѣкѣ и прино и вз вѣкы вѣкѣу аминь.

Словеса оубо писаннаа придоша въ конецъ. оумъже да неждеть кзгда прїити въ конецъ, въ лю-
 бителехъ дшеспасительныхъ словесъ коже оубо кзгда вждеть блггы насыщєнне.

Точь въ точь такая же приписка есть въ Волоколамской псалтири XV в. письма Пищулина, гдѣ эта псалтирь названа имѣющею докрыи переводъ; но не сказано, что она исправлена митрополитомъ Кипріаномъ. Подобная запись есть въ Псалтири мнѣ принадлежащей XV—XVI в. а прежде въ XV—XVI в. принадлежавшей какому-то иноку Антонію Можайскому.

Подобная псалтири, писанной митрополитомъ Кипріаномъ, есть въ Румянцевскомъ Музеѣ XVI в. писанная на Аѳонѣ. Не могло быть, чтобы ктонибудь изъ списывавшихъ съ подобной псалтири не сказалъ, что псалтирь исправлена митрополитомъ Кипріаномъ. Да и самъ списывая не сказалъ ничего о своемъ трудѣ въ исправленіи. Въ служебникѣ сказано, что онъ списанъ съ греческихъ книгъ митрополитомъ Кипріаномъ, а здѣсь никакой подобной записи нѣтъ. Слѣдовательно совершенно несправедливъ упрекъ *Нила Курлятевыхъ* на счетъ незнанія нашего языка въ псалтири его. И псалтирь, писанная рукою митрополита Кипріана, у насъ на Руси распространялась; о ней Волоколамскіе иноки отозвались съ хорошей стороны, назвавъ добрымъ переводомъ. Исправленная же Максимомъ Грекомъ псалтирь не вошла въ употребленіе. Ни въ одной ни письменной ни печатной псалтири не написано и не напечатано: *чюдесная* вм. *чюдеса*. и *почки* вм. *утробы*.
 Последнее только есть въ Православномъ Обзорѣніи въ переводѣ О. Никольскаго. Да архіепископъ Вологодскій Іона, списывавшій въ 1592 году толковую псалтирь Максима Грека во многихъ мѣстахъ дѣлалъ на полѣ сноски по псалтири митрополита Кипріана, распространенной въ то время, или же онъ имѣлъ подъ руками печатную псалтирь Цѣтинскую 1495 года, въ которой текстъ напечатанъ почти совершенно сходно съ псалтирю Кипріановскою, кромѣ сербскаго языка.

Гдѣ книги, писанныя зырянскою или пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Великопермскимъ (*)?

П. Д. Шестакова.

Весьма сожалѣтельно, что нынѣ сей пермской грамоты и книгъ на ихъ языкѣ не находится, хотя я о томъ всячески старался. Митрополитъ Платонъ (1823 г.). Многіе выдумывали разные причины потери письменъ и книгъ пермскихъ. Митрополитъ Евгеній (1818 года).

Живо представляется намъ пермскій первоучитель въ началѣ своего миссіонерскаго подвига. Вотъ онъ, „отрокъ сынъ верстою“, въ одеждѣ инока, въ тѣсной келіи ростовскаго монастыря, послѣ долгихъ думъ о грубыхъ, но простыхъ душою зырянахъ, среди которыхъ провелъ онъ свое дѣтство въ Устюгѣ, которыхъ онъ душевно любилъ, душевно онъ скорбѣлъ о духовномъ ихъ невѣжествѣ, вотъ онъ сидитъ за тонкими шестигранными деревянными палочками, на которыхъ вырѣзаны прямолинейные, угловатые значки въ родѣ изображенныхъ на пермскихъ святцахъ, изданныхъ П. И. Савваитовымъ⁽¹⁾. Этотъ инокъ „блже умѣя глаголати тремя языки, также и грамоты три умѣяше яже есть: русски, гречески, пермски“.—Въ чертахъ пермскихъ пасовъ (значковъ)⁽²⁾ искалъ юный Стефанъ Храпъ знаковъ для изображенія звуковъ Пермскаго языка, которымъ онъ владѣлъ съ дѣтства и на который онъ думалъ перевести евангеліе и богослужебныя книги. Родными зырянину чертами желалъ онъ изобразить глаголы слова живаго на родномъ зырянскому народу языкѣ, чтобы и звукъ, и изображеніе звука привлекали и манили къ себѣ пермякъ, какъ знакомое, привычное, родное.

Взявъ за образецъ своей дѣятельности славянскихъ первоучителей, которые при составленіи славянской азбуки воспользовались древними славянскими чертами и рѣзами, Стефанъ вглядывается пристально въ пермскіе пасы. Этими

(*) Читано въ засѣданіи 9-го августа.

(1) Труды перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1869 года т. II, стр. 408.

(2) Пасы служили у Зырянъ для обозначенія прихода и расхода, для разныхъ замѣтокъ въ житейскомъ быту, и были, можетъ быть, остатками древней письменности пермякъ, «народа самобытнаго великаго, долгое время свободнаго и не совѣмъ не просвѣщеннаго (Шлецеръ).

зырянскими чертами и рѣзами желаетъ воспользоваться будущій епископъ пермской земли для составленія зырянской или пермской азбуки. Подобно Меѳодію и Кириллу, онъ не изобрѣтатель, а составитель, слагатель азбуки по старымъ, хорошо знакомымъ зырянину, чертамъ. Юнаго труженика одушевляетъ одна завѣтная мысль—передать слово Божіе простодушному народу пермскому понятнымъ роднымъ, разговорнымъ его языкомъ, знакомыми, родными, и потому милыми ему чертами.

Не одинъ полный думъ и заботъ день, не одну безсонную ночь провелъ сынъ клирика соборной Устюжской церкви надъ церковно-славянской азбукой и пасами зырянъ. Постепенно одна по одной возникали буквы той пермской азбуки, которая предназначалась Стефаномъ для изображенія великихъ и святыхъ истинъ христіанской религіи народу, погруженному во тьму язычества, поклонявшемуся Воипелю и золотой Бабѣ и многимъ кумирамъ „разноличнымъ“, и прокудливой (волшебной отъ куд, чуд, откуда кудесникъ, чудеса) березѣ. Послѣ долгихъ трудовъ вотъ наконецъ готова азбука пермская, изложена Стефана, епископа пермскаго“, какъ сказано въ принадлежащей графу А. С. Уварову рукописи Номоканона 1510 года.

Если мы сравнимъ азбуку св. Стефана съ пермскими святцами, въ которыхъ праздники обозначены пасами, то безъ труда отыщемъ знаки, послужившіе для изображенія буквъ а, буръ, е, жои, джои, зата, дзита, тай, рей, гои, и, дои, рей, нень, сій, цю, пей, ю, и другія буквы находятъ свои элементы въ этихъ древнихъ значкахъ пермянъ, такъ что для знающихъ пермскую азбуку, при первомъ взглядѣ на значки святцовъ, видятся знакомыя черты.

Изображеніе и объясненіе знаковъ пермскихъ святцовъ мы находимъ въ статьѣ П. И. Савvaitова, помѣщенной въ трудахъ перваго Археологическаго Съѣзда: „О зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и о пермской азбукѣ, изобрѣтенной св. Стефаномъ“ (стр. 408—412). Въ этой статьѣ авторъ обратилъ, между прочимъ, вниманіе читателей на то, что въ зырянскомъ календарѣ въ число праздниковъ включено и 26 апрѣля (день кончины св. Стефана), безъ сомнѣнія по смерти св. Стефана, обращено вниманіе и на то, что 11 мая, день памяти славянскихъ первоучителей, считается у зырянъ церковнымъ праздникомъ. Читая этотъ день научилъ новопросвѣщенныхъ пермянъ, конечно, самъ первоучитель пермскій. Всѣ дни, показанные праздниками въ пермскихъ святцахъ, тѣже, которые означаются какъ праздники и въ нашихъ календаряхъ, кромѣ 28 октября (мученика Терентія, пр. Стефана), 4 апрѣля (Иосифа пѣнописца), 31 іюля (пр. Евдокима и муч. Іулиты),—этотъ день, по замѣчанію П. И. Савvaitова, можетъ быть, считается началомъ жатвы,—и 18 де-

кабря (св. Модеста, архіепископа іерусалимскаго). Такъ какъ эти дни непраздничные и трудно объяснить, почему они включены въ зырянскомъ календарѣ въ число праздниковъ, то нельзя ли допустить, что въ эти дни зыряне праздновали замѣчательныя событія изъ жизни отца и учителя пермской земли. День 28 октября, въ который чтится память п. Стефана, былъ, можетъ быть, днемъ ангела Стефана Храпа и, какъ день его ангела, праздновался его учениками при его жизни и остался отмѣченнымъ, какъ праздникъ, и послѣ его смерти. 4 апрѣля не было ли днемъ его рожденія? 31 іюля могло быть днемъ начала жатвы духовной, днемъ перваго замѣтнаго успѣха христіанской проповѣди Стефана между зырянами. Изъ житія св. Стефана видно, что онъ явился изъ Устюга въ Москву за благословіемъ на подвиги апостольскаго служенія въ то время, когда митрополіей, въ качествѣ намѣстника, управлялъ коломенскій епископъ Герасимъ, послѣ кончины Всероссійскаго митрополита Алексія. Св. Алексій преставился 12 февраля 1378 года, слѣд. Стефанъ Храпъ могъ явиться къ епископу Герасиму въ концѣ февраля или въ мартѣ мѣсяцѣ. Получивъ благословіе отъ Герасима, Стефанъ отправился въ Устюгъ, откуда спустился внизъ по теченію сѣверной Двины до впаденія въ нее рѣки Вычегды, гдѣ онъ встрѣтилъ первое селеніе Пермь Котласъ въ 60 верстахъ отъ Устюга. Здѣсь, проживъ конечно довольно времени и успѣвъ обратить жителей Котласа въ христіанство, онъ основалъ первую часовню. Можетъ быть, основаніе первой часовни совершилось 31 іюля, и этотъ день сохраняется въ памяти благодарныхъ пермь (1). 18 декабря не вспоминается ли день поставленія Стефана во епископа пермской земли. „Поставленъ же бысть, сказано въ рукописномъ житіи св. Стефана, св. Стефанъ по Тохтамышѣ на другую зиму, егда и Михаилъ, епископъ смоленскій, поставленъ бысть,—тогда и сій съ нимъ, во едино время поставлени быша“. Въ другомъ, рукописномъ житіи говорится: „Поставленъ былъ инокъ Стефанъ во епископа пермскаго зимою 1382 года въ одно время съ смоленскимъ епископомъ Михаиломъ. Предположеніе о томъ, что означенные дни праздновались въ воспоминаніе замѣчательныхъ событій изъ жизни св. Стефана, находитъ основаніе въ томъ благоговѣйномъ уваженіи, которое имѣли новопросвѣщенные пермяне къ своему пастырю и учителю, въ тѣхъ преданіяхъ, которыя ходятъ о немъ въ

(1) Не можемъ не замѣтить здѣсь, что жители многихъ мѣстностей, въ которыхъ проповѣдывалъ св. Стефанъ, теперь совершенно обрусѣли. Въ настоящее время уже не въ 60 верстахъ отъ города Устюга встрѣтимъ мы первое зырянское селеніе, а гораздо дальше, именно деревня Межой на 20 верстъ выше города Яренска на Вычегдѣ. Село Устьвымъ, гдѣ была знаменитая прокудливая береза, которой поклонялись зыряне-язычники, теперь можно сказать, чисто русское село: даже дѣти, зная зырянскій языкъ, говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и по русски. Вотъ плоды разумной миссіонерской дѣятельности св. Стефана.

народѣ. Приведемъ одно изъ этихъ преданій, болѣе характеристичное. При нападеніи Вогуловъ—язычниковъ на пермскую страну еще при жизни епископа Стефана, онъ вмѣстѣ съ духовенствомъ и нѣкоторыми пермянами поплылъ на встрѣчу враговъ вверхъ по рѣкѣ Вычегдѣ. Вогулы издали завидѣли ладью Стефана: лице его представилось имъ грознымъ, священное облаченіе въ пламени, а самъ онъ, казалось, металъ въ нихъ огненные стрѣлы. Объятыя ужасомъ, враги пермянъ бѣжали, оставивъ на мѣстѣ всѣ награбленныя ими богатства и съ той поры, прибавляетъ преданіе, пока былъ живъ епископъ Стефанъ, они не приближались къ Усть-Выму, боясь христіанскаго епископа, какъ могущественнаго волхва. Жизнеописатель св. Стефана такія слова влагаетъ въ уста пермянъ: „сій Стефанъ многа добра намъ податель и великимъ благомъ ходатай: той намъ даровалъ есть законъ, вѣру и крещеніе, той намъ даровалъ грамоту умѣти и книги разумѣти, той намъ азбуку самъ сложилъ есть; единъ грамоту нашу, единъ составлявалъ“.

О какой грамотѣ и о какихъ книгахъ говорится здѣсь, видно изъ словъ составителя степенной книги московскаго митрополита Кипріяна, современника Стефана: „такъ даровася ему премудрость, яко и азбыквы „сложи пермскимъ языкомъ, чего отъ вѣка не бывало“ и изъ другихъ мѣстъ жизнеописанія (замѣтимъ, что составитель жизнеописанія священно-инокъ Елифаній тоже былъ современникомъ Стефана): „крещеныхъ училъ грамотѣ пермской и книги писалъ имъ, и церкви святыя созидалъ и освящалъ, иконами украшалъ и снабжалъ книгами и игуменовъ имъ ставилъ и самъ посвящалъ изъ обученныхъ пермянъ священниковъ, діаконъ и причетниковъ. И священники его служили обѣдню, заутреню и вечерню на пермскомъ языкѣ, и канонархи его возглашали каноны по пермскимъ книгамъ и чтецы читали пермскою бестѣдою, и пѣвцы всякое пѣніе совершали по пермски“. Изъ жизнеописанія св. Стефана ясно видно, что онъ училъ грамотѣ пермской, и пѣтіе имъ перепѣваа и перелагаа и писати научая ихъ пермскія книги. Какимъ алфавитомъ писаны были эти пермскія книги? Этотъ вопросъ, полагаю, вы признаете излишнимъ: если Стефанъ Храпъ нашель необходимымъ трудиться надъ составленіемъ особой пермской азбуки и составилъ ее изъ древнихъ пасовъ пермскихъ, чтобъ облегчить пермянамъ трудъ изученія грамоты и чтобы грамота привлекала родными чертами; то естественно этимъ составленнымъ имъ алфавитомъ и писались богослужебныя книги, переведенныя имъ. Иначе для чего же было составлять особую азбуку, если не для того, чтобы писать ею рукописи переводовъ на пермскій языкъ? Такъ дѣлали и Меѳодій и Кирилль: составивъ особую славянскую азбуку, они ею и писали свои переводы, а не греческою азбукою. И св. Стефанъ конечно писалъ и заставлялъ писать сдѣланные имъ переводы богослужебныхъ книгъ со-

ставленною имъ пермскою азбукою, а не церковно-славянскою. Въ этомъ сомнѣваться не представляется основаній. Могло возникать и дѣйствительно возникать, даже при жизни Стефана, сомнѣніе въ необходимости особой грамоты для народа, не имѣвшаго письменности. Когда Стефанъ послѣ 4-хъ лѣтнихъ миссіонерскихъ трудовъ въ зырянской странѣ, явился въ Москву, рассказалъ о положеніи дѣлъ въ пермской землѣ митрополиту и просилъ поставить для ново-крещеннаго стада епископа, тогда князь великій и митрополитъ одобрили его дѣйствія и обѣщались исполнить его желаніе, но нашлись и недоброжелатели, осуждавшіе его дѣло. „Нѣщїи же, скудни суще умомъ, рѣша: почто ли сътворени суть книги пермскїя, или чесо ради составлена бысть азбука пермскїя грамоты. И преже бо сего издавна въ Перми не было грамоты и тако ижжившимъ имъ вѣкъ свой безъ нея; ныня въ скончанїи лѣтъ въ послѣднїя дни на исходъ числа седмыя тысящи, паче же мало ради времени точїю за 120 лѣтъ до скончанїя вѣку грамота замышляти“. Мы видимъ, что люди, вѣрившіе вмѣстѣ съ народною массою, что съ окончанїемъ седмой тысящи лѣтъ окончится мїръ, осуждали Стефана, за чѣмъ онъ за 120 лѣтъ до свѣтопреставленїя, вздумалъ составлять новую азбуку и писать книги для народа, вѣкъ свой прожившаго безъ письменности. Самое это осужденіе не ясно ли указываетъ на то, что пермскїя книги писались составленною Стефаномъ пермскою азбукою; если бы онѣ писались русскимъ алфавитомъ, то и такихъ нареканїй отъ современниковъ быть не могло. Итакъ несомнѣнно, что пермскїя книги, которыя писалъ и заставлялъ писать Стефанъ, были писаны составленнымъ имъ пермскимъ алфавитомъ. Изъ этого уже очевидно, что не имѣетъ достаточныхъ историческихъ основанїй объясненїе П. И. Савваитова, состоящее въ томъ, что книгъ, написанныхъ пермскимъ алфавитомъ, потому не сохранилось, что такихъ книгъ и не было; такъ какъ пермскїя письмена употреблялись только тамъ, гдѣ народъ могъ ихъ видѣть, напр. на иконахъ. Выпишемъ подлинныя заключительныя слова статьи П. И. Савваитова, противъ которыхъ мы возражаемъ: „По моему мнѣнію дѣло объ утратѣ книгъ, написанныхъ пермскими письменами, которыя изобрѣтены Стефаномъ, объясняется просто. Что св. Стефанъ изобрѣлъ особенную пермскую азбуку, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; несомнѣнно и то, что онъ сдѣлалъ для пермянъ нѣсколько переводовъ на ихъ языкъ. Но эти переводы ограничивались немногимъ самымъ необходимымъ для новопросвѣщеннаго народа: именно онъ „преведе и преложи“ тѣ части литургїи, которыя поются и читаются въ слухъ народа; „преведе и преложи“, нѣкоторыя псалмы; „преведе и преложи“ нѣсколько праздничныхъ пѣсень церковныхъ и т. п. Все переданное онъ „преписа русскими письменами, которыя были понятны для пѣвшихъ и читавшихъ, такъ какъ для приготовленїя священнослужителей были учреждены особыя училища при

Великопермской святительской каедрѣ: въ этихъ училищахъ могло быть объяснено для нихъ и то, что оставалось непереведеннымъ и что читается или говорится священнослужителями тайно, не въ слухъ народа. Пермскія письмена, изобрѣтенныя св. Стефаномъ употреблялись только тамъ, гдѣ народъ могъ видѣть ихъ, напр. на иконахъ. Вотъ, заключаетъ свою статью П. И. Савваитовъ, почему до насъ дошли пермскія рукописи, изображенныя только русскими или церковно-славянскими письменами, и пермскія надписи, изображенныя письменами пермскими, которыя изобрѣтены св. Стефаномъ, просвѣтителемъ пермянъ“. Изъ предыдущаго видно, что объясненіе П. И. Савваитова не такъ просто, какъ оно кажется самому автору, и что оно не имѣетъ достаточныхъ историческихъ основаній. Въ житіи св. Стефана прямо говорится, что онъ „преведе и преложи“ всю обѣдню, заутреню и вечерню, все, что читается и поется на этихъ церковныхъ службахъ, каноны и всѣ церковныя пѣсни (а не нѣсколько лишь праздничныхъ пѣсенъ церковныхъ, какъ говоритъ П. И. Савваитовъ). „И священники его служили обѣдню, заутреню и вечерню на пермскомъ языкѣ, и канонархи его возглашали каноны по пермскимъ книгамъ и чтецы читали пермскою бесѣдою, и пѣвцы *вслюкое* пѣніе совершали по пермски. Чтобы дать понятіе о томъ что нужно было перевести для совершенія богослуженія на пермскомъ языкѣ позволяемъ себѣ перечислить, что переведено въ Казани на татарск. языкъ, на которомъ совершается богослуженіе въ крещенской школѣ. Переведено изъ священныхъ книгъ: 1) книга Бытія, 2) премудрость Иисуса, сына Сираха, 3) нѣкоторыя пареміи на праздники, 4) Евангелія 4-хъ евангелистовъ. 5) Изъ дѣяній и посланій апостольскихъ отрывки, читаемыя въ церкви въ праздничные дни и при особыхъ случаяхъ, а для воскресной службы отрывки нравоучительныя и простыя по содержанію; изъ церковныхъ книгъ: 6) часословъ съ присовокупленіемъ воскресныхъ тропарей богородичныхъ и кондаковъ, ирмосы на Рождество Христово и на Благовѣщеніе, 7) литургія св. Іоанна Златоустаго (вся подъ рядъ), 8) чинъ крещенія, вѣнчанія, погребенія, 9) исповѣдь. 10) служба на первый день пасхи, 11) каноны: св. Андрея критскаго; на Рождество, Богоявленіе, Благовѣщеніе и другіе праздники, 12) служба воскресная 4-го и 6-го гласовъ и воскресныя ирмосы всѣхъ гласовъ 13) послѣдованія къ св. причащенію и благодарственныя молитвы по причащеніи. Изъ перечисленнаго видно, что Стефану много нужно было дѣлать переводовъ, много потрудиться, а дѣлалъ онъ все одинъ безъ помощниковъ. И дѣйствительно, Стефанъ 31 годъ провелъ въ приготовленіи (13 лѣтъ) и совершеніи своего апостольскаго подвига—31 годъ (1365—1396) самой строгой подвижнической трудовой жизни. Не имѣя за себя

историческихъ основаній, объясненіе П. И. Савvaitова не выдерживаетъ и строгой логической критики.

Принимать нелегкій трудъ составленія особенной азбуки лишь для того, чтобы эту азбуку употреблять въ надписяхъ на иконахъ, по меньшей мѣрѣ не цѣлесообразно: 1) икона сама за себя говоритъ особенно тому, кто достаточно обученъ истинамъ религіи (¹); 2) если предположить, что новокрещенныхъ пермянъ въ школахъ учили по рукописямъ церковнославянскаго или русскаго алфавита, а съ пермскимъ незнакомили, то понятно, что не только народъ, т. е. всѣ не учившіеся въ школѣ, но даже и прошедшіе школьный курсъ, но не учившіеся тѣмъ письменамъ, не могли и понимать надписей на иконахъ, и слѣд. эти надписи были для всѣхъ зырянъ мертвою буквою въ религіозномъ отношеніи, а дѣло, на которое Стефанъ положилъ столько трудовъ, дѣло составленія пермской азбуки, мертвымъ бесполезнымъ дѣломъ; 3) если переводы Стефана писались по русски а пермскому алфавиту учили въ школахъ, только для того, чтобы новопросвѣщенные могли читать надписи на иконахъ; то нельзя не согласиться, что такое обучение пермской азбукѣ показалось бы страннымъ и не имѣющимъ цѣли даже пермянамъ: трудиться надъ изученіемъ особой азбуки только для того, чтобы научившіеся истинамъ могли прочесть двѣ три надписи на иконахъ, понятныхъ для нихъ и безъ надписей, согласитесь, что это болѣе чѣмъ не педагогично, болѣе чѣмъ не цѣлесообразно. Если признать основательнымъ объясненіе П. И. Савvaitова, то придется признать основательнымъ и то, что 1) Стефанъ трудился надъ составленіемъ особой азбуки ради того, чтобы имѣть возможность начертать составленными имъ письменами нѣсколько надписей на очень немногочисленныхъ по всей вѣроятности иконахъ сооруженныхъ имъ церквей (²); 2) что имѣвшій столько серьезныхъ заботъ, одиноко съ любовію и самоотверженіемъ, трудившійся въ дѣлѣ христіанской проповѣди среди дикаго народа, подстрекаемаго языческими жрецами, и на трудной аренѣ своего подвижничества имѣлъ еще досугъ учить двумъ алфавитамъ, русскому и составленному имъ пермскому, послѣднему съ тою цѣлію, чтобы обученные имъ пермяне сумѣли прочесть нѣсколько надписей на иконахъ. Видно, много имѣлъ онъ свободнаго времени, если проводилъ его за такою непроизводительною работою! При всемъ уваженіи къ учености П. И. Савvaitова, я долженъ рѣшительно признать конъектуру его далекою отъ истины и чуждою характера дѣятельности великаго подвижника—миссіонера, отца и учителя, какъ звали его пермяне. Но гдѣ же

(¹) а не обученнымъ, которымъ икона ничего не говоритъ, еще менѣе скажетъ невѣдомая надпись.

(²) надписей, которыя для необучавшихся грамотѣ пермянъ, т. е. для всего народа, ничего не говорили, а для обучавшихся были излишнія.

искать причины исчезновенія рукописныхъ книгъ, написанныхъ пермскимъ алфавитомъ? Что пермскій алфавитъ былъ въ употребленіи еще въ началѣ XVI вѣка, этому мы имѣемъ два доказательства: 1) Въ рукописномъ требникѣ митрополита Макарія, писанномъ при митрополитѣ Симонѣ 1505 года (рукопись соловецкой библіотеки Казанской Духовной Академіи № 1085-й) находится зырянская подпись пермскаго епископа Филоея, подѣ ставленою грамотою. Слѣд. мы имѣемъ основаніе сдѣлать заключеніе, что пермская письменность въ началѣ XVI вѣка еще продолжалась, такъ что пермскій епископъ Филоей на официальномъ документѣ, на ставленой грамотѣ подписывается по пермски пермскимъ алфавитомъ: „смиранный епископъ пермскій Пилопій“⁽¹⁾. 2) Въ принадлежащей графу А. С. Уварову рукописи Номоканона 1510 года, мы находимъ въ послѣсловіи зырянскую подпись. Въ этой рукописи помѣщена „азбука пермьска, изложена Стефана, епископа пермьскаго“ и приписка къ Номоканону по зырянски; „мезосе Исусъ Кресте іенлои піи. мылыпты мено крека мортос чаш, вкос, амин, т. е. Господи Исусе Христе, сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго человѣка, во вѣки, аминь, а въ послѣсловіи“: А писалъ сію книгу Васюкъ поповъ сынъ Гавриловъ *Кандашевъ* повелѣніемъ господина моего священноіерей Исакія, фамилія написана пермскими буквами. (*) Пермскія письма св. Стефана были въ употребленіи болѣе 150 лѣтъ. Понятно, что въ продолженіе такого періода времени богослужебныхъ книгъ на пермскомъ языкѣ, написанныхъ пермскимъ алфавитомъ, явилось довольно большое число. Куда же онѣ дѣлись, почему ни одной рукописи, пермскимъ алфавитомъ написанной, не осталось, по крайней мѣрѣ не найдено? Этотъ вопросъ занималъ многихъ, и различныя предположенія дѣлались для его рѣшенія.

Академикъ Лепехинъ, нашедшій отрывки перевода литургіи св. Іоанна Златоустаго на Зырянскій языкъ, написанные русскимъ алфавитомъ, такъ говоритъ о рукописяхъ св. Стефана Великопермскаго⁽²⁾: „Въ сей слободѣ (Усть-Вымской),

(¹) См. мою статью: «Св. Стефанъ, первоучитель пермскій» въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета за 1868 годъ. Въ концѣ этой статьи передъ оглавленіемъ приложенъ снимокъ съ подписи епископа Филоея.

(²) 4. См. мою статью: «Чтеніе древнейшей зырянской надписи, единственнаго сохранившагося до сего времени памятника времени св. Стефана Великопермскаго». Журн. мин. нар. пр. 1871 годъ. Въ рукописной книгѣ изъ Соловецкой библіотеки казанской духовной академіи № 1160 въ концѣ шестодневца Василя Кесарійскаго есть приписка зырянскими буквами «дугды уджасно (можетъ быть вм. уджалны) м луно, что значить: я пересталъ работать въ 40-й день».

(³) Продолженіе дневныхъ записокъ путешествія Ивана Лепехина академика по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1771 году. СПб. 1814 г. Т. III. стр. 277.

хранилися многія рукописанія Стефана Великопермскаго, но какъ изъ Усть-Выми епархія переведена была на Вятку, то и всѣ сіи писанія съ нею взяты въ Хлыновъ“. Митрополитъ Евгеній въ своемъ словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви съ особенною подробностію говоритъ о письменахъ и книгахъ пермскихъ (612—631 стр.). Онъ опровергаетъ приведенное выше свѣдѣніе академика Лепехина и прибавляетъ по этому поводу: „но къ епархіи Вятской, учрежденной въ 1658 году, приписаны были сперва только чердынскіе и соликамскіе пермяне, а Усть-Вымь оставался въ Вологодской до 1672 года и въ ономъ уже приписанъ къ Вятской, къ которой принадлежалъ оный только до 1762 года, и потомъ причисленъ къ Устюжской. Однакожь ни въ Вяткѣ, ни въ Вологдѣ, ни въ Устюгѣ книгъ пермскихъ и рукописаній Стефановыхъ также не обрѣтается, да и не было, кажется, нужды у пермскихъ христіанъ отбирать книги, имъ надобныя“. Отвергнувъ затѣмъ другое мнѣніе, будто большая часть книгъ пермскихъ взята въ Москву, а другія увезены въ Петербургъ и сданы въ эрмитажную бібліотеку, и ходившее между зырянами преданіе о томъ, что эти книги сгорѣли въ 1740 году, когда пожаръ въ Усть-Вымскихъ церквяхъ истребилъ все церковное имущество и книги, авторъ историческаго словаря высказываетъ свое собственное мнѣніе: „Итакъ надобно искать другой причины сему (т. е. потерѣ переводовъ св. Стефана), и можетъ быть въ томъ, что съ продолженіемъ времени переведенныя св. Стефаномъ книги сдѣлались зырянамъ не больше славяно-русскихъ внятнымъ. А нѣкоторые глубокомысленные знатоки сихъ языковъ утверждаютъ, что темнота пермскихъ книгъ при самомъ началѣ переводовъ долженствовала быть и для современниковъ потому, что высокое церковныхъ книгъ краснорѣчіе и обиліе не могли находить соотвѣтственныхъ себѣ выраженій на необразованномъ, бѣдномъ и дикомъ зырянскомъ языкѣ; и что св. Стефанъ для переводовъ своихъ самъ выдумывалъ многія неупотребительныя у зырянъ слова, производя ихъ отъ зырянскихъ корней, а нѣкоторыя принужденъ былъ вводить и русскія. „Итакъ причиною оставленія и потери пермскихъ книгъ могла быть не только малая вразумительность ихъ для народа, но и малое число переводовъ и списковъ ихъ, а по заведеніи царемъ Иваномъ Васильевичемъ московской типографіи, гораздо удобнѣе и дешевле можно было снабжать и пермскія церкви печатными славянскими книгами, особливо когда русской языкъ у зырянъ приходитъ началъ въ народное употребленіе“⁽¹⁾. Это мнѣніе также не выдерживаетъ критики. Во

⁽¹⁾ Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви. Част. II. СПб. 1818 г. стр. 615, 616 и 618.

1-хъ имѣемъ ли мы право признавать необразованнымъ, бѣднымъ и дикимъ зырянскій языкъ? По Вундту языкъ дикарей отличается крайнею недостаточностію словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, чрезвычайно мало развитою способностію счисленія, спутанностію представленій. Въ зырянскомъ языкѣ, какъ показываетъ имѣющійся у насъ „кратко выбранный и по алфавиту расположенный лексиконъ пермскаго языка“, собственно зырянскихъ словъ до 5000 (4908) между ними есть такія отвлеченныя слова, какъ Богъ (іен), вѣрую (еска), духъ (шлтосъ), крѣпкій (чіорыта), безсмертный (култомъ), адъ (вакромежь), свѣтъ (югидъ); счисленіе также развито до сотни тысячъ. На основаніи этихъ данныхъ мы должны признать зырянскій языкъ достаточно развитымъ. Во 2-хъ достоинство переводовъ св. Стефана краснорѣчивѣ всякихъ словъ доказывается фактомъ распространенія и утвержденія между пермянами вѣры Христовой. Архіепископъ Макарій совершенно справедливо говоритъ: „Восемнадцатилѣтніе труды св. Стефана останутся незабвенными въ исторіи. Онъ не успѣлъ обратить ко Христу всѣхъ жителей Двинской области, но обратилъ весьма многихъ пермянъ и изобрѣтеніемъ пермскихъ буквъ, переводами церковныхъ книгъ на пермскій языкъ, церквами и монастырями, основанными въ разныхъ мѣстахъ, распространеніемъ грамотности и нѣкотораго образованія въ странѣ и приготовленіемъ достойныхъ пастырей и учителей вѣры изъ среды самихъ пермянъ, упрочилъ навсегда успѣхи православной церкви въ этой странѣ“ (¹).

Чтоже касается до мнѣнія автора историческаго словаря: „гораздо удобнѣе и дешевле можно было снабдить и пермскія церкви печатными славенскими книгами, особливо когда русской языкъ и у зырянъ „приходитъ началъ въ народное употребленіе“, то опроверженіемъ этого мнѣнія лучше всего служить настоящее положеніе зырянъ и пермянъ, далеко еще не усвоившихъ русскаго языка. О зырянахъ мы имѣемъ такія свѣдѣнія. Жители сель пригородныхъ, лежащихъ вблизи заводовъ (Сереговскій соляной Яренскаго уѣзда, Нювчимскій, Нючпасскій и Кажимскій желѣзноплавильные Устьсысольскаго уѣзда) и на пристаняхъ, (гдѣ нагружается въ барки хлѣбъ для сплава въ Архангельскъ), могутъ свободно говорить по русски. Въ большихъ селахъ, составляющихъ мѣстные ярмарочные пункты, наконецъ на почтовыхъ станціяхъ можно встрѣтить зырянъ—мужчинъ говорящихъ по русски. Въ мѣстностяхъ же, расположенныхъ вдали отъ большихъ дорогъ, вдали отъ промышленныхъ и торговыхъ пунктовъ, зыряне совершенно не понимаютъ русскаго языка. Это мы видимъ въ сѣверныхъ частяхъ яренскаго и устьсысольскаго уѣздовъ по рѣкамъ Вычегдѣ и ея прито-

(¹) Исторія Русской церкви Макарія, архіепископа харьковскаго т. IV. стр. 147.

камъ Выми и Сысолъ, а также по верховьямъ рѣки Печоры. Не только зырянское простонародье мало обрусѣло, но даже между духовенствомъ изъ зырянъ, которое воспитывалось въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ (духовномъ училищѣ и семинаріи), которое хорошо освоилось съ русскимъ языкомъ, жены—зырянки и дѣти не умѣютъ говорить по русски. Замѣчательно, что русскія духовныя лица въ зырянскихъ приходахъ, женатыя на русскихъ, проживши долгое время въ зырянской средѣ, выучиваются по зырянски, даже мать научается этому языку уже отъ своихъ дѣтей, которыя, иногда противъ желанія родителей, выучиваются говорить по зырянски отъ своихъ сверстниковъ. Въ смѣшанныхъ семействахъ жена-русская при мужѣ зырянинѣ скорѣе выучивается зырянскому языку, чѣмъ мужъ-русскій при женѣ зырянкѣ. Русскій языкъ у духовенства изъ зырянъ служитъ только языкомъ официальныхъ сношеній и употребляется въ многолюдныхъ обществахъ, гдѣ есть и русскіе и гдѣ духовному лицу изъ зырянъ нерѣдко приходится краснѣть за свою жену-зырянку, не умѣющую говорить по русски; но семейнымъ, домашнимъ языкомъ не только въ чисто-зырянскихъ семействахъ духовныхъ лицъ, но и въ семействахъ смѣшанныхъ служитъ языкъ зырянскій. Священникъ-зырянинъ, хотя бы его жена была и русская, охотнѣе говорить дома по зырянски, чѣмъ по русски.

Относительно пермяковъ позволимъ привести здѣсь слова протоіерея Любимова (1): „Къ знанію совершенному пермятскаго языка были для меня слѣдующія довольно побудительныя причины: съ 1805 по 1822 годъ 18 лѣтъ продолжалъ я служеніе приходскаго священника въ коренныхъ Пермякахъ, изъ коихъ немногіе мушчины знаютъ выговоръ російскій, а женщины и дѣти всѣ говорятъ по пермятски, не могутъ не только объясняться, но и не понимаютъ русской рѣчи“.

Ясно, что и теперь были бы у мѣста переводы богослужебныхъ книгъ на пермскій языкъ. Насколько удобопонятенъ языкъ пермскихъ переводовъ св. Стефана, это мы испытали лично: мы читали зырянину возстановленную нами древнѣйшую зырянскую надпись и текстъ оказался совершенно понятнымъ для зырянина и согласнымъ со свойствами зырянскаго языка до такой степени, что мѣстахъ въ трехъ мы, измѣнивъ слово строго по грамматикѣ въ противность ясно читаемому нами въ надписи, при чтеніи зырянину, по его указанію, должны были исправить текстъ, согласно написанному на иконѣ, такъ какъ находящееся въ надписи слово подходило болѣе къ духу живаго разговорнаго язы-

---

(1) Краткія грамматическія правила пермскаго языка, составленныя протоіереемъ свято-троицкаго собора г. Соликамска, Феодоромъ Любимовымъ 1838 г. (рукопись).

ка⁽¹⁾. Сдѣланный нами опытъ говоритъ какъ за вѣрность и удобопонятность переводовъ св. Стефана, такъ и за то, что современіи св. Стефана зырянскій языкъ очень мало потерпѣлъ измѣненій.

Итакъ исчезновеніе рукописей переводовъ Стефана Великопермскаго нельзя объяснить ни маловразумительностію этихъ переводовъ, ни ненужностію ихъ по причинѣ усвоенія зырянами и пермяками русскаго языка, такъ какъ этого усвоенія въ сплошномъ зырянскомъ и пермскомъ населеніи нѣтъ. Только зыряне и пермяки, живущіе среди русскихъ, ознакомились съ разговорнымъ русскимъ языкомъ, и то кромѣ женщинъ. Приведемъ слова одного изъ русскихъ, долго жившаго между пермяками: „живущіе изъ нихъ близко російскихъ селеній все знаютъ и говорятъ по русски кромѣ женщинъ, коихъ способомъ пермскій языкъ и впредь въ силѣ своей остаться можетъ“.

Объяснить отсутствіе рукописей переводовъ св. Стефана, какъ объясняетъ П. И. Савваитовъ, тоже нельзя. Кромѣ представленныхъ нами доводовъ опровергаетъ почтеннаго знатока зырянскаго языка, знаменитый своей ученостію и своими успѣшными дѣйствіями въ дѣлѣ просвѣщенія пермянъ шестой великопермскій епископъ Филоеѣй, основательно знавшій зырянскій языкъ. (Филоеѣй правилъ церковію 30 лѣтъ съ 8 ноября 1471 года). Подпись зырянскимъ шрифтомъ, сдѣланная этимъ замѣчательнымъ епископомъ на ставленной священнической грамотѣ, говоритъ противъ мнѣнія П. И. Савваитова. Не сталъ бы епископъ Филоеѣй подписываться зырянскими буквами, если бы онѣ употреблялись только на надписяхъ иконъ, а не были въ употребленіи между зырянскимъ духовенствомъ. Не сталъ бы подписываться ради того лишь, чтобы показать, что онъ умѣетъ писать по зырянски, какъ сдѣлалъ неизвѣстный переписчикъ Шестодневца и переписывавшій книгу Номоканонъ Васюкъ поповъ сынъ Гавриловъ Кандашевъ.

И снова мы остаемся при томъ же вопросѣ, который занималъ многихъ прежде насъ и остался неразрѣшеннымъ. Этотъ вопросъ представляется тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе мы примемъ во вниманіе высокое достоинство переводовъ Стефана Великопермскаго, состоящее въ народности языка, въ его понятности и общедоступности, въ вѣрности и близости къ подлиннику, благотворные результаты его миссіонерской дѣятельности, любовь, которую онъ возбудилъ къ себѣ въ новопросвѣщенныхъ, цѣлое духовенство изъ зырянъ, воспитанное въ его духѣ, всемъ ему обязанное, полное благоговѣнія къ его памяти, хорошо долженствовавшее понимать, что только при удержаніи Стефановой миссіонерской системы

(¹) См. чтеніе древнѣйшей зырянской надписи стр. 14 слово синонь—глазомъ, стр. 16—Мо-сьюсь ордо къ коровамъ, стр. 16—17 бостись, шстись—взяль, даль.

и возможно существованіе духовныхъ лицъ изъ зырянъ. А духовенство изъ зырянъ до послѣдняго времени сохранилось. Приведемъ здѣсь выдержку изъ письма природнаго зырянина А. И. Попова отъ 1 ноября 1876 года. „Въ Усть-сысольскомъ и яренскомъ уѣздахъ вологодской губерніи и въ настоящее время церковный причтъ, діаконы и причетники, состоитъ преимущественно изъ природныхъ зырянъ, которые возводятъ своихъ предковъ, болѣе чѣмъ на сто лѣтъ не только по происхожденію, но даже по преемству должностей отъ отца къ сыну въ одномъ и томъ же приходѣ. Мой отецъ занимаетъ должность своего прапрадѣда, и родъ нашъ чисто зырянскій, не смотря на фамилію, которая въ духовенствѣ, по существовавшему обычаю, могла быть перемѣняема. Что же касается священническихъ должностей, то въ мое время, т. е. съ сороковыхъ годовъ, на этихъ мѣстахъ стали появляться чисто-русскіе особенно въ городахъ и ближайшихъ къ нимъ селахъ. Въ настоящее время коренные зыряне—уже меньшинство священниковъ, но и они могутъ указать своихъ предковъ на 5—6 колѣнъ; фамиліи такихъ священниковъ слѣдующія: Куратовы (отъ куралны собирать, грести), Кокшаровы (кокъ шані—крѣпкая нога),—многочисленная фамилія, одинъ изъ ея представителей нынѣ протоіерей г. Устьсысолька, Георгіевскіе, Васютовы, Клочки, Поповыхъ нѣсколько родовъ, Тюрнины и т. д“. Изъ этихъ словъ видно, что въ мѣстѣ дѣятельности св. Стефана духовенство изъ зырянъ еще есть и идетъ, можетъ быть, преемственно изъ рода въ родъ отъ времени Стефана Великопермскаго. Существующіе между зырянскимъ духовенствомъ нѣсколько родовъ фамиліи Поповыхъ указываютъ, по нашему мнѣнію, и на уваженіе, которымъ пользовались въ народѣ священники, и на немалое число поповъ изъ зырянскаго племени, бывшихъ, конечно, родоначальниками фамиліи Поповыхъ. Замѣчательно преданіе, ходящее въ той сторонѣ относительно духовенства изъ зырянъ⁽¹⁾. По этому преданію Стефанъ, просвѣтивши христіанскою вѣрою зырянъ нынѣшняго яренскаго уѣзда по рѣкамъ Вычегдѣ и Выми, на духовныя должности повсемѣстно назначалъ царедворцевъ Пама, верховнаго жреца, начальника и князя волхвовъ, того самаго Пама, который жилъ въ Княжъ—погостѣ, бывшей столицѣ вымскихъ князей, который, посрамленный Стефаномъ въ состязаніи о вѣрѣ, удалился съ нѣкоторыми своими приверженцами на Обь къ нынѣшнимъ березовскимъ остякамъ⁽²⁾. Въ пользу достовѣрно-

(1) Это преданіе также сообщено намъ А. И. Поповичемъ.

(2) У жителей Большаго Алтыма Тобольской губерніи доселѣ сохраняется преданіе, что предки ихъ въ числѣ нѣсколькихъ семействъ перешли сюда изъ Перми съ шаманомъ Памъ—сотникомъ». Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана епископа Пермскаго. А. М., СПб. 1856 года стр. 23 и 51.

сти этого преданія говоритъ многое. 1) И въ настоящее время между инородцами язычниками распространеніе христіанства идетъ съ большимъ успѣхомъ тамъ, гдѣ дѣло христіанской проповѣди принимаетъ на себя такое лице изъ новообращенныхъ, которое было вліятельнымъ въ религіозномъ отношеніи среди язычниковъ: бывшій шаманъ, картъ, юмзя—словомъ одинъ изъ жрецовъ и вѣдунновъ языческихъ. Понятно, что и во время Стефана происходило тоже; понятно, что христіанскому проповѣднику весьма важно было для успѣха своей проповѣди имѣть своими ближайшими помощниками наиболѣе развитыхъ и вліятельныхъ изъ народа зырянскаго, тѣхъ, на которыхъ народъ смотрѣлъ, какъ на посредниковъ между людьми и богами. 2) Если бы жрецы, служители языческихъ боговъ, по принятіи зырянами христіанства, остались простыми, такъ сказать, рядовыми людьми, то не сомнѣнно эти лица, прежде игравшіе значительную роль и собиравшіе съ народа для боговъ дань, отъ которой и на ихъ долю перепало не мало, изъ обыкновенныхъ житейскихъ побужденій оказывали бы сильный отпоръ новому ученію, чего изъ исторіи не видно: послѣ удаленія Пама не говорится о сопротивленіи жрецовъ христіанскому проповѣднику, не говорится и о томъ, что всѣ жрецы ушли вмѣстѣ съ Памомъ. Вѣроятнѣе всего предположить, что, принявъ христіанство, они сдѣлались самыми жаркими его послѣдователями и были избраны Стефаномъ въ духовныя должности, какъ лица, пользовавшіяся въ средѣ народа большимъ почетомъ и вліаніемъ, какъ лица, учившія народъ, какъ слѣдуетъ чтить и умилоствлять боговъ: привыкшіе слушаться ихъ голоса, зыряне охотно шли на поклоненіе Богу истинному.

Принимая во вниманіе и достоинство переводовъ Стефана и любовь къ нему народа и созданное имъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ зырянское духовенство, едва ли мы ошибемся, если сдѣлаемъ заключеніе, что книгъ переводовъ Стефана, писанныхъ пермскимъ алфавитомъ было не малое число, что хранились онѣ не въ одномъ Усть-Вымѣ, но въ однѣхъ церквахъ, но и въ домахъ усерднѣйшихъ изъ новопросвѣщенныхъ христіанъ, въ домахъ созданнаго имъ духовенства изъ зырянъ, людей, конечно не обладавшихъ большими богословскими знаніями, но сердцемъ глубоко воспріявшихъ божественныя сѣмена ученія христіанскаго, съ любовію окружавшихъ своего отца и учителя, съ энергіею и сердечною теплотою продолжавшихъ, послѣ его смерти, его дѣло между своими соплеменниками. Куда же исчезли всѣ эти драгоцѣнныя для исторіи миссіонерства въ Россіи рукописи, которыя несомнѣнно были въ немаломъ числѣ? На основаніи того, что эти рукописи еще не найдены, можно ли утверждать—положительно, что онѣ *никогда* не будутъ найдены и что ихъ вовсе нѣтъ и не было?

Мы твердо и глубоко убѣждены, что эти драгоценныя рукописи существуютъ между зырянскими и пермскими стариками, которые получили ихъ какъ святыню, отъ своихъ отцовъ, а тѣ отъ дѣдовъ, дѣды отъ прадѣдовъ. Но эти рукописи хранятся тщательно, какъ зеница ока, не только хранятся, но укрываются отъ любопытныхъ взоровъ. Но какая же цѣль укрывать такую драгоценность?

Позвольте намъ сдѣлать небольшое отступленіе и спросить: куда дѣлись священники, дьяконы и причетники, служившіе обѣдню, заутреню и вечерню на пермскомъ языкѣ, куда дѣвались канонархи, возглашавшіе каноны по пермски, куда дѣвались чтецы, читавшіе пермскою бесѣдою, и пѣвцы, всякое пѣніе совершавшіе по пермски? Почему въ церквахъ приходоу, населенныхъ незнающими по русски зырянами и пермяками, замолкло пермское пѣніе и чтеніе, почему богослуженіе въ этихъ церквахъ не совершается на пермскомъ языкѣ, хотя есть священники, дьяконы и причетники изъ природныхъ зырянъ. Почему пали казанскія новокрещенскія школы, и мѣсто, гдѣ онѣ стояли, на нашей еще памяти лежало впустѣ, заросло терніемъ и быліемъ, и разрушенъ храмъ, который нѣкогда былъ построенъ съ миссіонерскою цѣлію? Почему у насъ до послѣдняго времени не было ни священниковъ, ни дьяконовъ изъ крещеныхъ татаръ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ, мордвы, не смотря на то, что надобность въ такихъ духовныхъ лицахъ сказывается настоящая, не смотря на то, что магометанская пропаганда, какъ хищный волкъ, въ нашихъ глазахъ уноситъ овецъ изъ стада Христова? Почему у насъ до послѣдняго времени не слышно было звуковъ инородческихъ языковъ въ храмахъ крещеныхъ инородцевъ, не понимающихъ богослуженія на церковно-славянскомъ языкѣ? Почему?

По той же скорбной причинѣ, по которой смолкла проповѣдь евангельская на языкахъ крещеныхъ татаръ, чувашъ, мордвы, черемисъ и вотяковъ и упразднили священнослужители изъ этихъ инородцевъ—по той же причинѣ смолкли у пермяковъ и зырянъ звуки пермскіе въ храмахъ, и духовные ихъ даже изъ зырянъ перестали употреблять родной языкъ въ церковномъ богослуженіи. А какъ скоро по какимъ бы то ни было причинамъ прекращено богослуженіе на пермскомъ языкѣ, то и духовенство зырянское вынуждено было сдѣлать тоже и ограничило свою пастырскую дѣятельность только тѣмъ, какъ свидѣтельствуется авторъ историческаго словаря, бывшій нѣкоторое время вологодскимъ епископомъ, что исповѣдывало и катехизическія наставленія прихожанамъ дѣлало на ихъ языкѣ⁽¹⁾. Такъ было при вологодскомъ епископѣ Евгеніи въ началѣ XIX

(1) «У зырянъ донинѣ все духовенство производится изъ ихъ же рода, и священники исповѣдуютъ и катехизическія наставленія прихожанамъ дѣлаютъ на ихъ языкѣ». Историч. словарь о быш. въ Россіи писателяхъ духовн. чина. СПб. 1818. ч. II. стр. 614.

столѣтія, а теперь и это сѣзилось до употребленія зырянскаго языка лишь на исповѣди. Богослуженіе, пишетъ А. И. Поповъ, и всѣ таинства церкви, за исключеніемъ исповѣди, совершаются на церковно-славянскомъ языкѣ. Евангеліе отъ Матѳея единственная священная книга на зырянскомъ языкѣ, но ея не найдете ни въ одной церкви, ни у одного священника, а мірянамъ она даже и не извѣстна. Исповѣдь совершается на зырянскомъ языкѣ, если священникъ—зырянинъ. Въ селѣ Вотчинскомъ Усть-сысольскаго уѣзда, гдѣ находится святыня зырянскаго края, чудотворная икона св. Стефана, священникъ Клячковъ, читая акаѳистъ уважаемому угоднику, обыкновенно прибавлялъ слѣдующія зырянскія слова: Те міянъ ведысі, те міянъ удысі (ты нашъ кормилецъ, ты нашъ нашъ благодѣтель) святыи Стефане, великій чудотворче. И это единственное молитвословіе, произносимое по зырянски въ церковномъ богослуженіи. Я ни разу не былъ очевидцемъ того, чтобы проповѣди съ церковной кафедры произносились на зырянскомъ языкѣ. Зырянскій языкъ для самаго проповѣдника, проведеннаго 12—14 лѣтъ въ русской школѣ, становится труднѣе, чѣмъ русскій, на которомъ онъ учился писать проповѣди въ семинаріи. Съ другой стороны, священникъ, обыкновенно смотрящій на свое званіе, какъ на средство къ жизни, не утруждаетъ себя изложеніемъ на бумагѣ зырянской проповѣди, а ограничивается прочтеніемъ русской печатной проповѣди, которая и вообще произносится очень рѣдко. И такъ и проповѣди на зырянскомъ языкѣ въ настоящее время не слышны; осталась на этомъ языкѣ одна исповѣдь. Конечно, такой порядокъ установился не вдругъ, а слагался постепенно въ теченіе трехъ слишкомъ вѣковъ, (считая съ первой половины XVI вѣка), рѣже и рѣже раздавались въ храмахъ пермское чтеніе и пѣніе, такъ что уже въ прошломъ столѣтіи только нѣкоторые стихи церковной службы, и то въ одной Стефановской обители⁽¹⁾, пѣлись на зырянскомъ языкѣ, и это признавалось интереснымъ и важнымъ свѣдѣніемъ, какъ рѣдкій фактъ. Если предположить, что хоть съ половины XVI вѣка стало прекращаться понемногу богослуженіе на пермскомъ языкѣ, то въ продолженіе не только трехъ, но и одного вѣка богослуженіе на пермскомъ языкѣ могло совершенно прекратиться, а находящіяся въ церквахъ и монастыряхъ рукописныя книги переводовъ св. Стефана, не подновляемыя, не переписываемыя обветшать. И только у горячихъ сердцемъ пермянъ христіанъ могли сохраняться эти книги какъ святыня, съ теченіемъ времени утратившая свою удобопонятность и сдѣлавшаяся чѣмъ то въ родѣ талисмана, святой книги, охраняющей отъ напастей. Не мудрено, что во вто-

(¹) Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, епископа пермскаго. А. М. СПб. 1856 года стр. 33. Стефановская обитель была основана самимъ Стефаномъ въ 60 верстахъ отъ устьсысольска въ нынѣшнемъ селѣ Вотчѣ.

рой половинѣ XIX вѣка... отъ митрополита Платона. „Весьма сожалѣтельно, что нынѣ сей (св. Стефана) пермской грамоты и книгъ на ихъ языкѣ не находится, хотя я о томъ всячески старался (¹). Пытались и мы искать пермскихъ рукописныхъ книгъ въ пермской губерніи, но странный фактъ случился при этихъ поискахъ. Намъ въ этомъ дѣлѣ помогали мировые посредники, и одинъ изъ нихъ услышалъ, что у двухъ стариковъ пермянъ въ отдаленной деревнѣ хранятся какія-то рукописи, что они показывали ихъ знакомымъ крестьянамъ, которые и передали о томъ мировому посреднику. Тотъ отправился въ эту деревню спустя нѣсколько времени, но одинъ изъ стариковъ забожился—заклялся, что у него никакихъ рукописей нѣтъ и не было; а другой, услышавъ, что посредникъ отыскиваетъ старыя рукописи, убѣждалъ и съ рукописями. Этотъ случай съ двумя владѣльцами неизвѣстныхъ рукописей напоминаетъ намъ объ одномъ преданіи, слышанномъ нами отъ зырянина и могущемъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ какъ поступка стариковъ пермянъ, дѣйствовавшихъ, очевидно, подъ вліяніемъ страха, такъ и необъясненнаго до сего времени исчезновенія пермскихъ книгъ переводовъ св. Стефана. Между зырянами ходитъ преданіе, что во времена Иоанна Грознаго царскимъ именемъ отбирались зырянскія рукописныя книги и, кто укрывалъ ихъ, того преслѣдовали. Въ каждомъ преданіи есть хотя искра истины. Быть можетъ, пермскія книги дѣйствительно отбирались хоть и не по повелѣнію царя, а просто по распоряженію мѣстныхъ духовныхъ властей, которыя могли прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, видя неудовольствіе, возбужденное въ русскомъ духовенствѣ появленіемъ созданнаго св. Стефаномъ и его миссіонерскою системою не малочисленнаго духовенства изъ зырянъ, совершавшаго богослуженіе по зырянски и тѣмъ отнимавшаго у русскаго духовенства цѣлое племя. Могло такое распоряженіе идти и отъ мѣстной усердной не по разуму гражданской власти, боявшейся, можетъ быть, нѣкотораго рода сепаратизма. Этимъ преданіемъ объясняется и фактъ, засвидѣтельствованный авторомъ историческаго словаря, что даже духовенство изъ природныхъ зырянъ не совершало богослуженія на пермскомъ языкѣ. Вѣроятно, совершать богослуженіе на пермскомъ языкѣ было запрещено, иначе почему же бы природные зыряне-священники его прекратили.

Если сказанное преданіе до сего времени ходитъ между зырянами, то легко можетъ быть, что зыряне страха ради скрываютъ драгоцѣнныя рукописныя зырянскія книги, къ пониманію которыхъ теперь, конечно, и ключъ потерянъ у владѣльцевъ и хранятся эти книги какъ завѣщанная предками святыня. Поче-

---

(¹) Краткая церковная исторія, соч. преосвященнымъ митрополитомъ Платономъ. Москва 1823 г. стр. 244.

му бы Археологическому обществу не назначить премію за доставленіе рукописной пермской книги переводовъ св. Стефана и о назначеніи преміи объявить зырянамъ и пермякамъ Вологодской и Пермской губерніи? При объявленіи можно бы приложить нѣсколько строкъ, написанныхъ пермскимъ алфавитомъ, чтобы показать, чего искать.

Мы смѣемъ надѣяться, что когда нибудь хоть одна изъ этихъ книгъ найдется, можетъ быть, также совершенно случайно, какъ нашлись современныя св. Стефану зырянскія надписи на иконахъ, какъ найдена академикомъ Лепехинымъ у любопытныхъ людей рукопись отрывка обѣдни на зырянскомъ языкѣ, написанная русскимъ алфавитомъ. И тогда, мы твердо убѣждены, самими переводами Стефана великопермскаго докажется, съ какою вдумчивостію и благоразумною осторожностью, съ какимъ глубокимъ знаніемъ языка народнаго сдѣланы переводы апостоломъ пермской страны. Тогда свѣтильникъ великаго подвига, имъ совершеннаго, не будетъ оставаться подъ спудомъ, но загоритъ яркимъ, блестящимъ огнемъ, тѣмъ огнемъ, которымъ Стефанъ, при помощи Божіей, освѣщалъ и согрѣвалъ сердца грубыхъ, но простодушныхъ язычниковъ и отъ поклоненія прокудливой березѣ и бездушнымъ идоламъ привелъ ихъ въ храмъ Бога живаго.

Замѣтка о вліяніи русскаго языка на языки инородческіе (*).

П. Д. Шестакова.

Слишкомъ три вѣка инородцы восточнаго края сдѣлались русскими подданными, живутъ между русскими, подчинены русской администраціи, судятся въ русскихъ судахъ; большая часть ихъ считаются христіанами, исповѣдующими православную вѣру. Казалось бы, что въ такой продолжительный срокъ они должны значительно обрусѣть, и государственный языкъ долженъ бы значительно распространиться между ними и оказать сильное вліяніе на инородческіе языки, особенно на языки тѣхъ инородцевъ, которые приняли святое крещеніе, которыхъ, стало быть, сливается съ русскимъ народомъ и съ русскимъ языкомъ и жизнью, и церковью. Дѣйствительность не оправдываетъ теоретическихъ чаяній. Правда, инородцы не только сближались, но порою и сливались съ русскими, обращались въ русскихъ преимущественно путемъ брачныхъ союзовъ и съ опредѣленными цѣлями полученія или упроченія извѣстнаго соціального положенія. Посмотрите, сколько въ этомъ краю чисто-русскихъ фамилій, въ названіи которыхъ ясны инородческіе корни, и члены которыхъ въ своихъ физіономіяхъ удерживаютъ характерныя черты національностей татарской, калмыцкой, киргизской чувашской, мордовской и другихъ. Въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ сліянія инородцевъ съ русскими, претворенія ихъ въ русскихъ повторяется обычное явленіе, обычный фактъ постепеннаго поглощенія малочисленнаго племени болѣе сильнымъ, его окружающимъ. Вообще же принадлежащіе русской державѣ инородцы живутъ своею національною жизнью, удерживаютъ и свои національныя особенности и свой языкъ, удерживаютъ даже до того, что, принявши христіанскую вѣру, остаются христіанами, большею частію, лишь по имени, что магометане, живущіе въ городахъ, съ трудомъ объясняются по русски и безъ милосердія ломаютъ нашъ прекрасный языкъ. Русскій языкъ весьма мало проникаетъ въ инородческую среду, скорѣе инородческіе языки проникали въ среду русскихъ, такъ что русскіе, живущіе между инородцами, зачастую усваиваютъ себѣ языкъ инородцевъ, а отдѣльныя инородческія слова и выраженія дѣлаются ходячими

(*) Читано въ засѣданіи 16 августа.

въ народѣ. Татарское *айда* вы услышите здѣсь всюду не только отъ взрослыхъ русскихъ, но и отъ дѣтей; часто въ деревняхъ употребляется русскими татарское слово ашаты—ѣсть. Изъ инородцевъ усваиваютъ себѣ обиходный русскій языкъ только тѣ, которые или находятся съ русскими въ торговыхъ сношеніяхъ, или живутъ среди русскихъ на большихъ трактахъ и въ значительныхъ торговыхъ пунктахъ. Даже и въ этихъ мѣстностяхъ усвоеніе русскаго языка не простирается на женщинъ, которыя и остаются въ своихъ семьяхъ хранительницами роднаго языка. Въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ русскихъ населеній, или гдѣ инородцы живутъ въ большинствѣ сплошными массами, инородческій языкъ сохраняется во всей своей неприкосновенности;—это можно сказать даже о мордвѣ, которая считается наиболѣе обрусѣлою изъ всѣхъ инородцевъ. Замѣчательно, что очень многіе инородцы, если и заимствуютъ нѣкоторыя слова у русскихъ, то эти слова большею частію переименовываются, остаются въ ихъ языкѣ одинокими, отъ нихъ не производится другихъ словъ (другихъ частей рѣчи) съ прибавленіемъ инородческихъ окончаній. Менѣе всего заимствовано русскихъ словъ инородцами магометанами; у нихъ принимаются русскія слова по преимуществу юридическія, и очень немногія слова общежитія. Инородцы-христіане къ такимъ словамъ присоединяютъ еще слова религіозныя, и то не въ большомъ количествѣ и слова, которыми выражаются понятія общежитія, новыя для народа. Я представляю здѣсь только слова, заимствованныя пермяками и крещенами; полагаю, что этихъ двухъ примѣровъ будетъ достаточно, такъ какъ пермяки—финны, а крещены—татары. Прочіе финны по заимствованію не далеки отъ Зырянъ, а чувашки отъ крещенъ. О магометанахъ я уже сказалъ прежде,—они упорно держатся своей обособленности, и государственнй языкъ доселѣ съ трудомъ проникаетъ въ ихъ среду, тогда какъ татарскій языкъ усваивается другими инородцами: чувашки легко усваиваютъ татарскій языкъ; казанскіе вотяки, благодаря соѣдству съ татарами, всѣ хорошо говорятъ по татарски. Пермяки изъ религіозныхъ словъ употребляютъ слѣдующія русскія: ангыль (ангелъ), Крестъсъ (Христосъ), дари (св. дары), образъ (икона), попъ, звонитны (звонить), грѣшитны (грѣшить), берба (верба); изъ словъ общежитія: каблукъ, сапэгъ (сапогъ), котыосъ (коты, обувь), ластовица, збруна (сбруя), занавѣска, кэлачъ (калачъ), каравай, блинъезъ (блины), горчика (горчица), рысь (сыръ), ветчина, огуречъ (огурецъ), салъ (соль), стряпайтны, ужинайтны, брага, блидъ (блюдо), блидокъ (блюдечко), стопка (стаканъ), скленица (штофъ), склэнка (стекло), чарка (рюмка), бочка, гэсть (гость), гэстя (гостья), кэзяинъ (хозяинъ), дружка, дѣтина, дядя, зять, строитны, (строить), плититны, плотитны (плотить), стропилаезъ (стропила), кэсякъ (косыкъ), звено, эграда (ограда), мэжа (межа), кэледа (колода), заплотъ, периль (перило), пэлатызъ (палата),

починка (починокъ), зашолка, грань, городишо, (городище), улича (улица), заулокъ; мачъ (мячъ), городкиезъ (городки), лабичъ (лавка), тэчило (точило), керэмысло (коромысло), коробья (сундукъ), торгудтны (торговать), грошъ, грамота, доля, досукъ (досугъ), зародышъ, зараза, грыжа, должность, законъ, судитны (судить), тягатчемъ (тяжба), штрапъ (штрафъ), закладъ, жребій, пишшаль (ружье) дробь, дрэбэзъ (дробины).

Въ этихъ заимствованныхъ словахъ развертывается передъ вами вся заимствованная сторона жизни инородцевъ: религія христіанская, платье, обувь, пища, питье, посуда, стройка жилищъ, распланировка селеній, нѣкоторыя монеты, грамота, судъ, военное устройство,—все ново для инородца, все заимствуется имъ у русскихъ. Въ этихъ словахъ видно какъ бы наслоеніе самой жизни.

У крещенъ получили право гражданства слѣдующія русскія слова: аркяней (архіерей), пупъ (попъ), свѣска (свѣчка), чиркля (церковь), святый, урысь (русскій), чаганъ (цыганъ), уязъ (уѣздъ), заботъ (заводъ), лапка (лавка), клягъ (клѣтъ), гюрнячя (горница), пулата (палата), рашетка (рѣшетка), сука (соха), таренкя (тарелка), укватъ (ухватъ), поднусъ (поднось), пичать (печать), бурозна (борозда), мякъ (макъ), груша, чолкя (чулки), чяркя (чарка), шикяръ (сахаръ), шотъ (щоты), шотка, (щотка), бакса (вакса), дегеть (деготъ), мунчала (мочало), мюкъ (мохъ), мякиня (мякина), ситсы (ситець), талканъ (толокно), чикутка (чахотка), черсу (чирей), ликаръ (врачъ), муть (мотъ), малай (малый), нужа (нужда), порма (форма), рятъ (рядъ), пулыкъ (полкъ), армя (армія).

И у татаръ, и у финновъ только названіе новыхъ предметовъ и выраженіе понятій новыхъ и неизвѣстныхъ для инородца заимствуется ими у русскаго; финнами заимствуются у русскихъ также пѣсни, которыми очень бѣдны финскіе инородцы, но русскія пѣсни въ устахъ инородца до того извращаются, что становятся мало узнаваемы (1). Изъ предыдущаго видно, что инородческіе языки сохранили свою особенность и живутъ въ устахъ народа. Этою-то гуманностію и терпимостію русскаго владычества и объясняется тотъ фактъ, что между инородцами нѣтъ вражды и непріязни къ русскимъ; особенно между инородцами—финнами. Ихъ преданія, пословицы и поговорки обличаютъ ненависть ихъ къ татарамъ, конечно слѣдъ татарскаго тяжелаго ига,—замѣчается непріязнь и къ черемисамъ,—остатокъ, вѣроятно, древнихъ временъ, когда воинственные черемисы тяготѣли надъ своими болѣе мирными сосѣдями; но русскіе въ преданіяхъ фин-

(1) Приведу примѣръ пѣсни, которая особенно часто поется у Зырянъ: Вольная тошица, ты куда то полечишь? лечу Питербуръ—городъ, городъ славной ришицы, рощуя ненираль гуля, туляль нениральшея. Эта пѣсня изъ наиболѣе обрусѣлой мѣстности зырянскаго края.

скихъ инородцевъ занимають мѣсто между народами, которые любезны богамъ,— тогда какъ татары-магометане, по преданію, ходящему у вотяковъ, будутъ всѣ истреблены предъ концемъ міра; русскій языкъ причисляется къ числу первыхъ лучшихъ языковъ. У чувашъ есть даже загадка, весьма лестная для русскаго народа: пурдэ вурумъ вырысь кирэть⁽¹⁾, слово въ слово: длинный русскій входитъ въ избу. Эта загадка значить: длинный лучъ солнца проникаетъ въ избу, освѣщаетъ ее. Эта вотская пословица сравниваетъ русскаго съ солнечнымъ лучемъ, проникающимъ въ темную вотскую семью незамѣтно и подобно ему вносящимъ въ нее тепло и свѣтъ.

Чувашенинъ правъ: Русскій тихо и незамѣтно проникаетъ нынѣ въ инородческія христіанскія семьи путемъ школы, церковнаго богослуженія и перевода книгъ священнаго писанія на инородческіе языки.

~~~~~

⁽¹⁾ Корневой чувашско-русскій словарь П. И. Золотницкаго.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

ВОСТОЧНЫЯ ДРЕВНОСТИ.

I.

КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВЪ ДО МОНГОЛЬСКАГО НАШЕСТВІЯ ВЪ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

А. Я. Гаркави.

(Читано въ засѣданіи 8 августа см. Протоколы LXIII—LXVI).

Первые арабскіе географы, упоминавшіе страны и народы восточной Европы, имѣли весьма сбивчивыя понятія объ ихъ географическомъ положеніи. Такъ напр. нѣкоторые арабскіе землеописатели соединяли въ своемъ воображеніи Черное море съ Ледовитымъ океаномъ посредствомъ канала, другіе изъ нихъ отождествляли Каспійское море съ Чернымъ, третьи смѣшивали камскихъ Булгаръ съ дунайскими, и т. п. Весьма естественно посему, что отъ древне-мусульманскихъ писателей нельзя ожидать точныхъ свѣдѣній о Таврическомъ полуостровѣ, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда у этихъ авторовъ и заходитъ рѣчь объ этой мѣстности, и до половины XII вѣка мы не находимъ у арабскихъ географовъ никакихъ обстоятельныхъ подробностей о Крымѣ, а только мимоходныя упоминанія и болѣе или менѣе прозрачныя намеки. Но и эти указанія и намеки на Тавриду весьма интересны для насъ, преимущественно потому, что они приводятся въ связи съ извѣстіями о Русскихъ и, будучи объяснены удовлетворительнымъ образомъ, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на арабскія показанія о Славянахъ и Русскихъ.

Сколько мнѣ извѣстно, первый намекъ о Крымѣ находится въ географическомъ сочиненіи арабскаго писателя второй половины IX столѣтія по Р. Х., Убайдаллаха Ибнъ-Хордадбе. Показаніе этого писателя о торговыхъ путяхъ русскихъ купцовъ, разобранное впервые въ замѣчательной статьѣ И. И. Срезневскаго: „Слѣды давняго знакомства Руси съ Малою Азіею“, гласитъ: „Что касается русскихъ купцовъ—они же составляютъ славянскій родъ—то вывозятъ они мѣха выдры (или бобра), мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ отдаленнѣйшихъ краевъ славянскихъ къ Румскому морю, и царь Рума беретъ съ нихъ десятинную пошлину. А если они желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по славянской рѣкѣ, проходятъ

по заливу мимо хазарской столицы, гдѣ хазарскій владыка беретъ съ нихъ десятину“.

Неопредѣленность названія *Румское море* могла бы подавать и дѣйствительно подавала поводъ къ сомнѣнію на счетъ мѣстности, гдѣ взымалась Византійцами пошлина съ русскихъ товаровъ, такъ какъ арабскіе писатели того времени называли иногда Средиземное, а иногда Черное море *Румскимъ*. Но параллельное мѣсто о томъ же торговомъ пути русскихъ купцовъ у другаго писателя (который или пользовался болѣе полнымъ текстомъ Ибнъ-Хордадбе, или же сочиненіемъ, служившимъ источникомъ для обоихъ авторовъ), показываетъ, что тутъ идетъ рѣчь о Черномъ морѣ, и что пошлина съ русскихъ товаровъ взымалась въ Херсонисѣ. Дѣло въ томъ, что текстъ сочиненія Ибнъ-Хордадбе не дошелъ до насъ въ цѣлости, и единственная извѣстная рукопись (въ Оксфордѣ) представляетъ лишь извлеченіе изъ его географіи; но, къ счастью, интересующее насъ мѣсто сохранилось, какъ замѣчено выше, также у другаго автора конца IX и начала X столѣтія подъ названіемъ *Шарзи* (или *Ибнъ-Факиха*). У этого послѣдняго означенное мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: „Что касается славянскихъ купцовъ (авторъ, очевидно, сокращаетъ слова Ибнъ-Хордадбе: *русскіе купцы, составляющіе славянский родъ*), то они вывозятъ мѣха лисиць и выдръ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ славянскихъ, для чего они отправляются къ Румскому морю, гдѣ румскій владыка беретъ съ нихъ десятину; оттуда они ходятъ моремъ въ *Самкаришъ* Евреевъ, послѣ чего они обращаются къ странѣ Славянъ; затѣмъ, они ходятъ по Славянскому морю въ Хазарскій морской рукавъ, гдѣ владыка Хазаріи беретъ съ нихъ десятину“. Для пониманія этого маршрута русскихъ купцовъ необходимо объяснить положеніе мѣстности *Самкаришъ* или *Семкерішъ* (слово написано безъ гласныхъ знаковъ). Оріенталистъ Спренгеръ, впервые обнародовавшій арабское показаніе о торговомъ пути русско-славянскихъ купцовъ, имѣлъ предъ собою чтеніе рукописи *Самкуишъ*—(буквы *у* и *р* весьма часто трудно различать въ рукописяхъ), что покойный русскій оріенталистъ Александръ Мирза Казембекъ хотѣлъ было объяснить, какъ описку, вмѣсто *Сіамуишъ*, слово, означающее по персидски *черноушій* и составляющее у нынѣшнихъ Персіанъ насмѣшливую кличку для крымскихъ Евреевъ. Но такое толкованіе совсѣмъ невѣроятно въ виду того, что до сихъ поръ не удалось найти ни одного персидскаго писателя, даже новѣйшаго времени, который употребилъ бы означенное прозваніе, что указываетъ на его недавнее происхожденіе и употребленіе только въ просторѣчій. А чтобы арабскій писатель IX или X вѣка употребилъ это новѣйшее простонародное персидское слово, какъ географическій терминъ, безъ дальнѣйшаго объясненія—это уже со-

всѣмъ немыслимо. Основываясь на англійскомъ переводѣ Спренгера: „to Samkush, who is a Jew“, гдѣ Самкушъ принимается за собственное имя одного Еврея, я предложилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чтеніе *аль-іегуди* (въ ед. чис.) вмѣсто *аль-іегудъ* (мн. чис.) и произношеніе *Симакошъ*, т. е. какъ греческое имя *Σίμαχος* (Симмахъ), которое употреблялось также еврейскими эллинистами. Но и это толкованіе встрѣчаетъ многія затрудненія. Ибо, кромѣ исправленія слова *аль-іегудъ*, пришлось бы допустить, что арабскій авторъ обозначилъ торговый путь русскихъ купцовъ мѣстожительствомъ одного Еврея,—что весьма невѣроятно. Къ тому-же, чтеніе *Самкушъ*, вполнѣдствіи, также оказалось невѣрнымъ. Ключъ къ удовлетворительному, какъ я надѣюсь, объясненію этого мѣста найденъ мною въ 1874 году, когда, по возвращеніи съ Кіевскаго археологическаго съѣзда, я познакомился съ полнымъ рукописнымъ текстомъ письма хазарскаго хакана Іосифа, гдѣ къ счастью находятся всѣ географическія и этнографическія названія, пропущенныя въ сокращенномъ печатномъ текстѣ. Въ рукописномъ текстѣ письма Іосифа, при исчисленіи мѣстностей въ западной Хазаріи, подлѣ Керчи (какое имя написано тамъ *Кригъ*, что слѣдуетъ читать *Коризъ* или *Корчь*, согласно съ древне-русскимъ *Корчевъ-градъ* и византійскимъ *μῆτορχον τοῦ Κορίζου*) названа мѣстность *Самкаригъ* или *Самкарчь*. На основаніи того, что буквы *p* и *y* въ арабскихъ рукописяхъ часто перемѣшиваются и что звуки *и* и *ч* отсутствуютъ въ арабскомъ языкѣ и замѣняются обыкновенно звукомъ *ш* (такъ напр. *Керчь* носитъ у Абульфеды и Ибнъ-Батуты названіе *Каризъ*) я уже давно высказалъ предположеніе о тождествѣ мѣстности, упоминаемой въ письмѣ хазарскаго царя и въ арабскомъ описаніи русскаго торговаго пути, и что на послѣднемъ мѣстѣ вмѣсто *Самкушъ* слѣдуетъ читать *Самкаризъ*. Предположеніе это вполнѣдствіи подтвердилось, ибо въ недавнее время стало извѣстнымъ, что въ другихъ экземплярахъ рукописи Шарзи означенная мѣстность дѣйствительно называется не *Самкушъ*, а *Самкаризъ*.

Вопросъ о томъ, какой черноморскій городъ скрывается подъ названіемъ *Самкаригъ* или *Семкершъ*, какъ намъ кажется, не трудно рѣшить на основаніи слѣдующихъ соображеній. Изъ письма Іосифа можно заключить, что городъ находился близъ Керчи, а прозваніе *еврейскій*, которое онъ носитъ въ арабскомъ показаніи, дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ, что тутъ идетъ рѣчь о Фанагоріи или Тамани, каковой городъ, по свидѣтельству византійскаго хронографа Теофана, былъ населенъ преимущественно Евреями („ἐπὶ Φαναγορίας καὶ τοὺς ἐκείσε διχοῦντας Ἑβραίους παράκεινται ἕθνη πλείστα“). Это обстоятельство было, вѣроятно, причиною тому, что Тамань была тогда средоточіемъ черноморской торговли, и вотъ почему русскіе купцы IX и первой половины X вѣка тяготѣли

къ *Таматархъ* или, какъ они произносили на русскій ладъ, *Тмуторокани*, куда, недолго спустя, св. Владиміръ посадилъ своего брата княземъ и гдѣ былъ найденъ извѣстный *Тмутараканскій камень*.

Намъ весьма вѣроятно, что то обстоятельство, что вся тогдашняя русская торговля шла со стороны Чернаго моря и чрезъ Тавриду,—ибо оттуда ходили Русскіе также къ низовьямъ Волги, поднимаясь Азовскимъ моремъ и Дономъ до Качалинскаго волока,—что это обстоятельство, говоримъ, подало арабскимъ писателямъ X столѣтія поводъ считать Крымъ русскимъ островомъ, *джезират-аль-Русія* (слово *джезиратъ* обозначаетъ по-арабски и островъ, и полуостровъ) и называть Черное море Русскимъ. Очень можетъ быть, что, по причинѣ постоянныхъ сношеній съ Таврическимъ полуостровомъ, Русскіе въ самомъ дѣлѣ завели тамъ, если не самостоятельныя колоніи, то нѣкоторыя факторіи между другими обитателями. Но, какъ бы то ни было на счетъ послѣдняго пункта, а только-что изложеннымъ предположеніемъ, какъ мнѣ кажется, разомъ устраняются многія затрудненія въ древне-восточныхъ свидѣтельствахъ о Русскихъ и разныя темныя мѣста получаютъ достаточное освѣщеніе. Укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ нихъ. Возьмемъ сперва показаніе Ибнъ Дусте (Ибнъ-Даста), которое въ болѣе или менѣе вѣрномъ видѣ перешло и къ позднѣйшимъ восточнымъ писателямъ. „Русы (говоритъ этотъ писатель) находятся на нездоровомъ островѣ, окруженномъ моремъ и имѣющемъ протяженіе трехъ дней. На этомъ островѣ имѣются лѣса и болотныя мѣста; онъ нездоровъ и сыръ до такой степени, что, когда человѣкъ ставитъ ногу на землю, то почва подъ нимъ трясется по причинѣ топкисти“.

Сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія этого мѣста никто, изъ сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не представилъ. И тѣ, которые искали русскаго острова въ Скандинавіи, и тѣ, которые указывали на какой-нибудь островокъ на Волгѣ или на Днѣпрѣ, сами, вѣроятно, дѣлали это только для очистки совѣсти и чтобъ что-нибудь сказать. Діалогическая же форма, которою одинъ ученый недавно думалъ вразумить свое объясненіе, предлагая древнимъ Руссамъ вопросы: „Кто вы?“ „Гдѣ вы живете?“ и чуть ли не вопросъ: „Гдѣ ваши паспорта?“—напоминаетъ скорѣе ребяческій, чѣмъ научный способъ рѣшенія темнаго вопроса.

Если же примѣнимъ описаніе Ибнъ-Дусте къ Крымскому полуострову, то все объясняется довольно удовлетворительно: и протяженіе трехъ дней, и озеро, т. е. Сивашъ, и сырость, и нездоровье воздуха около Гпилаго моря, и топкость почвы на сѣверной окраинѣ, и, наконецъ, лѣсныя пространства на южномъ берегу Тавриды.

На основаніи вышеизложеннаго можно также объяснить себѣ, какимъ образомъ у арабскаго географа Истахри (около половины X столѣтія) въ его описаніи Хазарскаго, т. е. Каспійскаго, моря могло появиться (по нѣкоторымъ рукописямъ) извѣстіе о русскомъ островѣ, *джезират-алл-Русія*, на этомъ морѣ. Истахри, какъ видно изъ его географической карты, не зналъ про отдѣльное существованіе Чернаго моря, которое онъ посему долженъ былъ смѣшивать съ Каспійскимъ по причинѣ того, что Хазары владѣли землями по обоимъ морямъ. Посему, показаніе о русскомъ островѣ на Черномъ морѣ этотъ писатель долженъ былъ перенести на Каспійское море.

Другой намекъ на Крымъ, какъ намъ кажется, находится также у Ибнъ-Дусте. Опредѣляя географическое положеніе Хазаріи, писатель этотъ говоритъ: „Страна Хазаръ обширна; одною стороною примыкаетъ она къ высокой горѣ, а именно къ той горѣ, на крайней оконечности коей живутъ *Туласъ* (или *Тауласъ*) и *Лугаръ* (или *Гузъ*). Означенная гора простирается до Тифлисской страны“. Издатель Ибнъ-Дусте оставилъ послѣднія два имени необъясненными. Я полагаю, что подъ ними слѣдуетъ разумѣть жителей Тавриды и Гузовъ, т. е. Половцевъ, Печенѣговъ и т. п., и вотъ на какомъ основаніи. Высокая гора, которая, по словамъ Ибнъ-Дусте, примыкаетъ къ Хазаріи, не можетъ быть чѣмъ-нибудь другимъ кромѣ Кавказскаго хребта, какъ показываетъ дальнѣйшее опредѣленіе, что гора эта простирается до Тифлисской страны. На противоположномъ же концѣ, въ отношеніи къ собственной Хазаріи (при устьи Волги), т. е. къ западу естественнѣе всего искать Тавровъ, принимая *Тауласъ* равнозначущимъ съ *Тау-расъ* (подобно тому, какъ пишется безразлично *Булгаръ* и *Бургаръ*), греческимъ *Тауросъ*, *Таурои* (*Ταῦρος*, *Ταῦροι*). Въ имени же *Лугаръ* почтенный Г. О. Потвальдъ узналъ *Гузовъ*. Эту конъюктуру мы также принимаемъ, только съ тою небольшою модификаціею, что признаемъ *Лугаръ* за искаженіе отъ *Угузъ*, каковое искаженіе легко могло произойти въ арабскомъ шрифтѣ. Форма же *Угузъ* отъ *Гузъ* могла образоваться по аналогіи съ формой *Урусъ* (мадьярскій *Orosz*) отъ *Русъ*. А что Хазары дѣйствительно употребляли форму *Угузъ*, доказывается полной редакціей письма хазарскаго царя Юсифа, найденной нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Слѣдующее свидѣтельство о Крымѣ въ арабской литературѣ находится опять-таки въ связи съ извѣстіями о Русскихъ. При описаніи моря *Бонтасъ* (Понта, Чернаго м.) и *Майотасъ* (Азовск. м.), Масуди въ одномъ сочиненіи (въ *Золотыхъ Лугахъ*, оконченныхъ въ 943-944 годахъ по Р. Х.) говоритъ: „Здѣсь (при этомъ морѣ) находится румскій городъ *Харсана* (имя это, впрочемъ, иска-

жено въ *Мосани*), который городъ защищаетъ румскія владѣнія отъ нападенія приходящихъ по этому морю на корабляхъ Руссовъ и другихъ“. А въ другомъ рукописномъ сочиненіи того же автора, написанномъ въ 955—956 годахъ, только что приведенное мѣсто гласитъ такъ: „Здѣсь находится румскій городъ подъ названіемъ *Харсана* (въ рукописи искажено *Масіа*), который удерживаетъ отъ нападенія приходящихъ по этому морю на корабляхъ *Куябани* (Кіевлянъ, искажено *Куджана*)—и другихъ русскихъ племенъ. Ихъ называютъ также *Русіа*, что означаетъ красныхъ (или румяныхъ) людей“. Такъ какъ въ сообщеніи, сдѣланномъ мною на II Археологическомъ съѣздѣ въ С.-Петербургѣ, я имѣлъ честь представить обстоятельное объясненіе настоящаго сказанія, то не считаю нужнымъ останавливаться здѣсь на немъ.

Изъ XI столѣтія до насъ не дошло никакихъ самостоятельныхъ арабскихъ извѣстій о Таврическомъ полуостровѣ. За то около половины XII вѣка географъ Идриси, который при дворѣ Рожера Сицилійскаго могъ пользоваться сообщеніями норманскихъ и итальянскихъ купцовъ и путешественниковъ, представляетъ намъ почти полный списокъ городовъ на южномъ берегу Крымскомъ, бывшемъ тогда во власти Кумановъ. Въ его описаніи Черноморскаго побережья читаемъ: „Отъ *Карсуни* (Херсонеса) до *Джалиты* (Ялты) въ странѣ Кумановъ 30 миль; отъ Джалиты до *Гарзуни* (чит. *Гарзуфи* = Гурзуфъ), цвѣтущаго приморскаго города, 12 миль; отсюда до *Вартабитти* (чит. *Вартагитти* = Партеитъ), небольшого, но хорошо населеннаго города, гдѣ строятся суда, 10 миль; отсюда до *Лабады* (Ламбата), прекраснаго города, 8 миль; отъ Лабады до *Шалусты* (Алушты), важнаго приморскаго города, 10 миль; отсюда до *Шалтатіи* (т. е. итальянская *Солдала* = Судакъ) близъ моря 20 миль; отъ Шалтатіи въ *Бутатрѣ* (или *Ютарѣ*) 20 миль; отъ *Бутара* до устья Русской рѣки 20 миль; отсюда до *Матархи* 20 миль. *Матарха* весьма древній городъ, а имя его основателя неизвѣстно. Матарха окружена воздѣланными полями и виноградниками; цари ея весьма отважны, мужественны, предприимчивы и весьма грозны сосѣднимъ народамъ. Городъ этотъ густо населенъ и весьма цвѣтущъ; въ немъ бывають ярмарки, на которыя стекается народъ изъ всѣхъ близкихъ и дальнихъ краевъ“.

Въ другомъ мѣстѣ, при описаніи бережныхъ городовъ къ сѣверу отъ Трапезонда, гдѣ, впрочемъ, области *Аланія*, *Хазарія* и *Куманія* также принимаются за города, Идриси говоритъ: „Отъ города *Матлука* (вариантъ: *Матлуна*), называемаго также *Бьлою Куманією* до *Матархи* — одинъ день морскаго пути или 100 миль. Матарха есть большой городъ, владѣющій многими окружающими землями, воздѣланными полями и многочисленными деревнями. Городъ этотъ на-

ходится на берегу большой рѣки, называемой *Сакиръ* и составляющей рукавъ рѣки *Итиль*, которая главнымъ русломъ своимъ течетъ мимо прикаспійскаго города *Итиль*. Отъ Матархи до города *Русія* (вариантъ *Русія*) 27 миль. Жители Руссїи постоянно воюють съ Матархейцами и городъ ихъ лежитъ при великой рѣкѣ, вытекающей изъ горъ *Каукал* (Кавказъ). Отъ *Русїи* до *Бутара* 20 миль“. Къ крайнему сожалѣнію нашему, на сколько первая часть показанія этого арабскаго географа ясна—хотя разстояніе между Крымскими городами у него и показано невѣрно—на столько вторая часть приведенныхъ его словъ темна и сбивчива. Что это за городъ *Бутаръ* или *Ютаръ*, находившійся между Солдая-Судаккомъ и устьемъ Русской рѣки на разстояніи 20 миль отъ каждаго изъ нихъ? Гдѣ намъ искать означенной Русской рѣки, которая будто беретъ начало на Кавказѣ? Какая это рѣка *Сакиръ*, впадающая въ Волгу, при которой будто находится городъ Матарха? Съ какимъ городомъ слѣдуетъ отождествлять городъ Руссїи? На всѣ эти вопросы, мы, быть можетъ, никогда не будемъ въ состояніи представить удовлетворительныхъ отвѣтовъ, а тѣмъ менѣе можно надѣяться на удачное ихъ рѣшеніе, пока одинъ только плохой и извѣстный своей неточностью французскій переводъ, но не арабскій текстъ со всѣми вариантами изъ рукописей, будетъ доступенъ русскимъ ученымъ. Большимъ пособіемъ ученому, который пожелалъ бы взяться за такой трудъ, могла бы служить соответствующая часть большой географической карты, приложенной къ рукописному сочиненію Идриси, также недоступной въ Россїи.

При этомъ случаѣ считаю долгомъ замѣтить, что критическое изданіе той части Идрисіева сочиненія, гдѣ трактуется о Руссїи, о Булгарѣ, Буртасѣ и Хазарѣ, о Кавказѣ, о Куманїи и о Славянскихъ земляхъ, съ присовокупленіемъ большой идрисіевской карты восточной Европы, есть задача, въ высшей степени полезная для исторической географїи домонгольской Россїи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма трудная и безъ посторонней матеріальной поддержки едва ли выполняемая. Желательно посему, чтобы какое-либо русское общество или учрежденіе взяло это дѣло подъ свое покровительство и доставило бы необходимыя средства для приведенія означеннаго предпрїятія въ исполненіе. Многіе десятки географическихъ названій на территорїи Россїи и въ славянскихъ странахъ, названій, имѣющихъ въ настоящее время для насъ лишь значеніе неразрѣшимыхъ загадокъ, мало по малу разъяснились бы, и намъ вѣроятно стали бы извѣстны разныя торговые пути древней Россїи, которые мы нынѣ еле подозрѣваемъ, или же совсѣмъ не знаемъ.

Обращаясь затѣмъ къ предмету настоящаго сообщенія, замѣтимъ, что при нынѣшнемъ плачевномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о географическихъ данныхъ Идриси приходится удовольствоваться конъектурой, что первоначальное арабское свидѣтельство объ островѣ *Руссія*, проходя чрезъ посредство разныхъ компиляторовъ, получила ту форму, подъ которой мы ее встрѣчаемъ у Идриси и его послѣдователей; или же намъ надобно допустить, что живыя сношенія русскихъ купцовъ съ южными странами въ X вѣкѣ, чрезъ Крымъ, полавшія поводъ къ обозначенію послѣдняго названіемъ Русскаго острова, вслѣдствіе усиленія Половцевъ и Кумановъ, значительно ослабили въ XI и XII вѣкахъ, на что также указываетъ отсутствіе восточныхъ монетъ въ предѣлахъ Россіи за этотъ періодъ времени. Мы должны привести еще одного арабскаго автора, оставившаго намъ извѣстіе о Таврическомъ полуостровѣ, а именно, испанско-арабскаго путешественника Абуль-Хасана Али Ибнъ-Саида, жившаго отъ 1214-го до 1274-го года по Р. Х. Его географическое сочиненіе находится еще въ рукописи въ Парижѣ и въ Оксфордѣ, а сокращеніе изъ него имѣется въ С.-Петербургѣ. Этимъ сочиненіемъ много пользовался Абульфѣда, который часто приводитъ выдержки изъ географіи Ибнъ-Саида, и благодаря этому обстоятельству мы имѣемъ предъ собою полный текстъ того мѣста, которое покойный оріенталистъ Френъ видѣлъ только въ сокращеніи и посему впалъ въ нѣкоторыя ошибки. Показаніе Ибнъ-Саида гласитъ: „Начало 4-ой части (7-го климата) составляетъ городъ *Судака*, жители коего смѣшаны изъ разныхъ народовъ и вѣроисповѣданій, но число христіанъ преобладаетъ между ними. Городъ этотъ находится при морѣ *Найтисъ* (т. е. *Бонтисъ*, Понть), по которому купцы изъ Судака отправляются въ Константинопольскій рукавъ. Къ востоку отъ Судака лежитъ входъ въ море *Мани-танисъ* (т. е. *Майотасъ*, Азовское море), на берегу котораго находится городъ *Руссія*, главный городъ Русскихъ. Восточнѣе лежитъ озеро *Тума*, гдѣ въ срединѣ находится островъ *Алибанъ*, на которомъ построена неприступная крѣпость. Самая извѣстная столица въ тѣхъ краяхъ есть городъ *Тума*. Къ югу отъ него лежитъ *Шаръ-аль-Бакосъ* (по-арабски значитъ: буковый лѣсъ), который вывозится оттуда во все страны міра; буковое дерево скоро растетъ и выпускаетъ отпрыски. Къ востоку отъ означеннаго лѣса находится городъ *Матарха*, который имѣетъ обширную территорію и образуетъ самостоятельное владѣніе. Матарха лежитъ на сѣверо-восточномъ углу моря, подъ 71° 42' долготы и 51° широты“.

Показаніе Ибнъ-Саида также представляетъ многія затрудненія, и, несмотря на различныя попытки объясненія, оно остается до сихъ поръ темнымъ. Весьма

важно было бы опредѣлить съ точностью, что такое арабскіе писатели разумѣли подъ озеромъ *Ту́ма*, которое въ переводѣ сочиненія Идриси читается *Терма*, а у Ибнъ-Аль-Варди *Туми*. Датскій ориенталистъ Расмуссенъ, пріурочивавшій все сказанное Арабами про Русь къ Скандинавіи, утверждалъ, что означенное озеро не иное что, какъ Балтійское море; но этому ученому не было извѣстно описаніе этого моря у Идриси, Ибнъ-Саида, Абульфеда и Ибнъ-Аль-Варди, гдѣ ясно говорится, что на берегу этого озера лежитъ городъ Матарха, что рѣка Днѣпръ беретъ въ немъ начало, и пр. Френъ хорошо зналъ, что означеннаго озера слѣдуетъ искать не на сѣверѣ, а на югѣ Россіи. По его предположенію, подъ названіемъ озера и города *Ту́ма* скрывается имя *Тамани*; но и это толкованіе встрѣчаетъ немалыя затрудненія. Во первыхъ, Идриси и Ибнъ-Саидъ называютъ *Матарху* отдѣльно отъ *Ту́ма*; во вторыхъ, названіе *Тамань* едва ли могло быть извѣстнымъ во время Идриси, такъ какъ, судя по всеѣмъ критическимъ даннымъ, оно не иное что, какъ позднѣйшее татарское сокращеніе и искаженіе изъ болѣе древняго *Таматарха* = *Тмутаракань*, и ничто насъ не уполномочиваетъ къ предположенію, что имя *Тамань* существовало уже въ до-татарской эпохѣ. Правда, что первое выраженіе можно устранить тѣмъ обстоятельствомъ, что арабскіе географы могли ошибочно считать два названія одного и того же города за два различныя города; такъ напр., мы находимъ у позднѣйшаго, Абульфеда, что онъ считаетъ *Матарху* и *Тамань* различными городами, нисколько не подозревая тождества этихъ двухъ названій, заимствованныхъ имъ изъ различныхъ источниковъ. Но не такъ легко устраняется второе затрудненіе, т. е. позднее происхожденіе имени *Тамань*, потому что въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить одновременное существованіе обоихъ названій *Матарха* или *Таматарха* и *Тамань*, и было бы непонятно, почему все извѣстныя намъ древніе источники упоминаютъ только первое названіе, а все позднѣйшія извѣстія, начиная отъ татарскаго періода, знаютъ только второе изъ нихъ. Въ позднѣйшее время, какъ недавно замѣтилъ Ф. К. Брунъ, подъ названіемъ города *Ту́ма* въ западныхъ источникахъ подразумѣвалась *Тюмень*; но и это имя непримѣнимо къ арабскимъ извѣстіямъ. Такъ какъ изъ описанія Ибнъ-Саида видно, что рѣчь тутъ идетъ о Керченскомъ проливѣ, то можетъ быть, что въ то время послѣдній назывался по имени города *Темрюкъ* на Таманскомъ полуостровѣ, и что вмѣсто *Ту́ма*, *Тарма* и *Туми* слѣдуетъ читать *Темри*.

За то, намъ теперь положительно извѣстно, что слова *Шаръ - аль - Бокасъ*, принятія Френомъ за собственное имя города, въ которомъ онъ предполагалъ искаженіе имени Фанагоріи, древнѣйшаго названія опять - таки той же Тамани,

не могутъ означать ничего другаго, кромѣ буковаго лѣса. Кромѣ того, что и итальянскіе источники, какъ уже замѣтилъ Рено въ примѣчаніи къ французскому переводу географіи Абульфеда, упоминаютъ о буковомъ лѣсѣ въ этихъ мѣстахъ. на такое значеніе ясно указываетъ и продолженіе текста Ибнъ-Саида, не бывшее извѣстнымъ Френу, гдѣ прямо говорится о буковомъ деревѣ. Посему странно, что одинъ ученый нѣмецкій оріенталистъ еще въ послѣднее время принялъ означенныя слова за собственное имя и хотѣлъ найти въ нихъ турецко - татарскій *Бугазъ*.

Вмѣсто названія *Алибанъ* Френъ предлагаетъ читать *Алибакъ* и понимать *Алупку* на южномъ берегу; но этому противорѣчатъ слова Ибнъ-Саида, что *Алибанъ* есть островъ и что онъ находится на озерѣ *Тума*, къ востоку отъ Судака. Я посему полагаю, что если принять чтеніе, предложенное Френомъ, *Алибакъ*, то надобно будетъ приурочить его не къ Алупкѣ, но къ устью рѣки Донъ, такъ какъ дельта образуемая этой рѣкой носила въ древности названіе *Ἀλοπεκίας νῆσος* (островъ Алопекія). Мы недавно высказали предположеніе, что и Крымская *Алупка* происходитъ изъ того же имени; но въ настоящемъ случаѣ можно приурочить арабское названіе только къ первому, а никакъ не ко второму *Алопекія*.

Вотъ, мм. гг., тѣ немногія мѣста въ арабской литературѣ, гдѣ рѣчь идетъ о Таврическомъ полуостровѣ. Если эти данныя вообще бѣдны, а подчасъ темны и сбивчивы, они тѣмъ не менѣе, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ вниманія по ихъ отношенію къ древней Руси, ибо они представляютъ намъ въ одно и тоже время и свидѣтельства о значительныхъ сношеніяхъ древнихъ Руссовъ съ Востокомъ, и объясненія, какими путями шли эти сношенія, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ образованіе Черноморской Руси уже при первыхъ шагахъ русскаго народа на поприщѣ всемірной исторіи.

II.

ТОПОГРАФІЯ ДРЕВНЯГО ГОРОДА ОКОЛО С. РУССКИХЪ КИРМЕНЕЙ (МАМАДЫШСКАГО У., КАЗ. Г.).

Е. Т. Соловьева.

(Читано въ засѣданіи 8 августа см. Протоколы LXIII—LXIV).

Позвольте мнѣ представить вашему благосклонному вниманію нѣкоторыя свѣдѣнія въ дополненіе къ представленной уже мною запискѣ и снимкамъ съ могильныхъ памятниковъ близъ села русскихъ Кирменей въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи (¹), находящемся въ 19 верстахъ отъ г. Мамадыша, въ 4 верстахъ отъ с. Русскихъ Кирменей и въ такомъ же разстояніи отъ дер. Татарскихъ Кирменей, касательно топографіи древняго города около села рус. Кирменей названнаго уѣзда и легенды о имени этого города.

Изъ представленнаго мною плана видно, что древній городъ, о которомъ до сего времени наука не имѣетъ точныхъ свѣдѣній, тотъ городъ, которому принадлежитъ уже извѣстное IV Археологическому съѣзду Кирменское кладбище, со снимками съ его могильныхъ памятниковъ, лежалъ на возвышенности, по отлогому склону ея, означенному на моемъ планѣ четырехугольникомъ ABCD. Мѣсто, гдѣ стоялъ городъ, занимаетъ совершенно ровную площадь, тянущуюся въ длину не менѣе, какъ на 7 верстъ и въ ширину на 15 — 20 верстъ, что я заключилъ изъ осмотра самой мѣстности. Здѣсь кстати замѣтить, что, по словамъ русскихъ крестьянъ с. Кирменей, мѣстность, бывшая подъ городомъ, распахивается подъ хлѣбныя посѣвы не менѣе 50 лѣтъ. Прежде, говорятъ крестьяне изъ старожиловъ, на этомъ мѣстѣ были остатки каменныхъ построекъ, но 50 лѣтъ тому назадъ они уничтожены, и камни крестьяне перевезли къ себѣ для хозяйственныхъ надобностей, такъ - что теперь на мѣстѣ древняго города попадаются только мелкіе черепки глиняной посуды и то въ крайне незначительномъ количествѣ и, притомъ, такіе, по которымъ совершенно нѣтъ никакой возможности составить понятія ни объ искусствѣ бывшаго населенія города въ выдѣлкѣ посуды, ни о времени возникновенія такого искусства. Черепки, попадающіеся на этой площади, состоятъ изъ синей горшечной

(¹) Такъ какъ по окончаніи II-го тома предполагается издать «Атласъ Трудовъ», то записка Е. Т. Соловьева о могильныхъ памятникахъ близъ села Русскіе Кирмени будетъ помѣщена въ атласѣ при снимкахъ съ этихъ надгробныхъ надписей, вмѣстѣ съ планомъ Русскихъ Кирменей. Записка эта была доложена въ отсутствіе г. Соловьева И. А. Износковымъ въ засѣданіи Съѣзда 2 Августа, по отдѣленію восточныхъ древностей.—См. Протоколы, с. XLI—XLVI.—*Ред.*

глины, совершенно гладки съ обѣихъ сторонъ и весьма мелки, такъ что самый большой изъ нихъ, какой мнѣ пришлось найти, былъ не болѣе квадратнаго полувершка.

Въ теченіи десятичасового осмотра мѣстности около города и принадлежащихъ ему кладбищъ, осмотра самаго тщательнаго, я убѣдился, что на поверхности земли ничего, имѣющаго значеніе для археологіи, найти было нельзя, а потому я обратилъ вниманіе на изученіе топографіи мѣстности, окружающей городъ и на производство снимковъ съ тѣхъ могильныхъ надписей, которыя сохранило время. Склонъ, на которомъ, какъ уже замѣчено, стоялъ городъ, имѣетъ длину (по направленію къ показанной на планѣ рѣчкѣ) около 200 сажень и ширину около 500 сажень. Судя по этому и сообразуясь съ показаніями жителей, а также съ величиной кладбища и числомъ могилъ (ихъ всѣхъ, по имѣющимся въ сохранности буграмъ, мнѣ пришлось насчитать только 30), можно заключить, что городъ былъ не великъ и что, если кромѣ уже извѣстнаго IV Археологическому съѣзду кладбища, другаго для простаго народа, жившаго въ городѣ, не было, то городъ существовалъ на этомъ мѣстѣ не долго. Но такъ какъ мною никакихъ раскопокъ въ описываемой мѣстности не производилось, то относительно послѣдняго обстоятельства не могу сказать утвердительно. Далѣе, какъ видно по мѣстности и изъ словъ крестьянъ, городъ спускался амфитеатромъ къ рѣкѣ Кирменкѣ, черезъ которую, вѣроятнѣе всего, былъ переброшенъ небольшой мостъ (ширина рѣки составляетъ въ большинствѣ случаевъ около 3 сажень, а есть въ изгибахъ мѣста, гдѣ она достигаетъ не больше 2 сажень), иначе нельзя, конечно, и предположить сообщенія города съ кладбищемъ, лежащимъ за рѣкою, противъ самаго города, въ 250 саженьяхъ или много въ 300, какъ это можно было заключить изъ промѣра мѣстности шагами. Вся мѣстность за рѣкой Кирменкой, гдѣ находятся древнія могилы, представляетъ довольно обширную площадь, имѣющую пространства между с. Кирмени и дер. Кирмени 8 верстъ, а въ ширину около 5 верстъ; окраины же этой совершенно ровной площади, лежащей выше уровня рѣки на 1 $\frac{1}{2}$ сажени, а ниже возвышенной точки горы (которая находится надъ уровнемъ рѣки не выше 9 сажень) на 7 $\frac{1}{2}$ сажень. Описываемая площадь окаймляется группами довольно высокихъ деревьевъ, что указываетъ на бывшій въ прежнее время на всей этой площади густой лѣсъ, который дѣйствительно росъ, по словамъ стариковъ, меньше, чѣмъ $\frac{1}{2}$ столѣтія тому назадъ. Такой же лѣсъ, какъ можно заключить по словамъ крестьянъ, такъ и по значительному количеству кустарника, находился и на той площади, которая помѣщается на горѣ, подобной террасѣ. Такимъ образомъ, реставрируя мѣстность, на которой сто-

яль городъ , можно , съ положительною достовѣрностію , сказать , что онъ былъ основанъ внутри , если не дѣвственнаго , то весьма густаго и въ прежнее время мало проходимаго лѣса . Кромѣ того , высоты , которыя были въ рукахъ города , могли вполне хорошо командовать мѣстностію .

Къ приведенному топографическому описанію я долженъ еще добавить , что мѣсто до кладбища во время большого весенняго разлива покрывается водой и въ то время эта мѣстность находится отъ послѣдняго въ разстояніи 30 — 40 сажень , потому что кладбище , заключающее въ себѣ площадь тысячъ въ 8 кв. сажень , выше всей остальной мѣстности по крайней мѣрѣ на 2 сажени . Вся же остальная часть площади за рѣкой является болотистою (эти болота на лѣто пересыхаютъ) . Здѣсь , подъ охраною лѣса , болота вѣроятнѣе всего были довольно значительны , что во всякомъ случаѣ могло затруднять подступы непріятеля . Изъ этого я заключаю , что народъ , жившій въ городѣ , былъ характера воинственнаго , и потому , будучи хорошо знакомъ съ военнымъ дѣломъ , сумѣлъ выбрать въ стратегическомъ отношеніи вполне удобную мѣстность . Народъ этотъ обладалъ цивилизаціею востока , что видно изъ могильныхъ надписей на кладбищѣ . Всѣ жители города были магометане , на что указываютъ тѣ же надписи .

Что же касается названія древняго города , мѣстность котораго только что описана , то обратимъ вниманіе на легенду , переданную мнѣ нѣкоторыми изъ крестьянъ с. Кирменей . По ихъ словамъ , городъ былъ построенъ при скупомъ ханѣ , который за свою скупость былъ прозванъ *кремнемъ* , почему городъ и назывался *кремнемъ - городомъ* . Хотя , по словамъ Татаръ , съ которыми мнѣ удалось говорить , *кирменъ* ихъ родное слово , въ переводѣ на русскій языкъ значитъ *городъба* , въ смыслѣ огороженнаго мѣста , какъ употребляется и русское слово — городъ ; но русскіе поселенцы , при водвореніи своемъ въ описываемой мѣстности , слыша отъ туземцевъ имя города и имѣя свое созвучное слово съ первой половиной имени его , создали на этомъ основаніи легенду . Можетъ быть городъ называли *Кременчугомъ* , а тутъ какъ разъ выступило на сцену слово *кремень* , вслѣдствіе желанія русскаго человѣка отыскать причину того , почему такъ назывался городъ .

III.

О СТАРОЙ ЧУВАШСКОЙ ВѢРѢ.

Н. И. Золотницкаго.

(Читано въ утреннемъ засѣданіи 15 августа.—См. Протоколы, стр. CVII—CVIII).

Мм. Гг.! Предметъ настоящаго моего сообщенія — старая чувашская вѣра есть *черная вѣра*, общая почти всѣмъ инородцамъ восточнаго края европейской Россіи, Сибири и даже жителямъ острововъ Тихаго океана, и называется иначе *шаманствомъ*. Главныя основанія ея достаточны объяснены какъ въ моемъ Словарѣ, такъ и въ другихъ ученыхъ трудахъ. Имя свое она получила по названію жрецовъ ея у Тунгузовъ *шаман*, которое, собственно, значитъ „призыватель или заклинатель духовъ“. Названіе *шаман* у разныхъ народовъ измѣняется: у Тунгузскихъ Манджуръ въ *саман*, у Монголовъ—*бѹге*, у Бурятъ—*бѹду*, у Канюлитъ сѣверной Америки — *туннак*, у Вотяковъ — *тунѹ*, *тунѹ-чи* и т. д.; у Чувашъ они называются *йомысь*, *йомзе*, что соответствуетъ (въ слѣдующей формѣ): алтайскому *кам* или якутскому *ойон*, *йом* (*сѹ*, *зе* = тат. *чи*, приставка, означающая лицо, занимающееся чѣмъ-нибудь) *к=й*: *кан*, *кар*, *кын*; *йон*, *йор*, *йан* = кровь, слѣзь, ножны. (Якутское *о* у Чувашъ опускается, а *н=м*, *олор* — *лар* = сядь).

Шаманами могутъ быть какъ мужчины, такъ и женщины. Шаманы почти у всѣхъ народовъ — послѣдователей черной вѣры — теперь утратили свое древнее жреческое значеніе и обратились въ ворожей, гадателей, знахарей; поэтому, какъ у Якутъ, Алтайцевъ, такъ и у Чувашъ (*йом-зи*) они преимущественно — женщины.

Несомнѣнно, что въ древности Чуваши, какъ и другіе народы, обожали *небо* подъ именемъ *тора*, которое потомъ получило значеніе *бога неба* и, наконецъ, вообще *божества* и даже *икони*. Названіе это, по законамъ чувашской фонетики (черезъ выпускъ носоваго звука *н*), образовалось такъ: Якут. *Титара*; Монг. *тегер*; Туркм. *тайг* — *ре*; Уйгур. *тег* — *ри*; Тат. *та* — *ре*; Чуваш. *то* — *ра*. Въ подробныя объясненія чувашской мифологіи я входить не буду, тѣмъ болѣе, что при этомъ мнѣ пришлось бы повторять то, о чемъ я имѣлъ уже честь докладывать, говоря о мифологіи Черемисъ. Не буду также распространяться и о жертвенныхъ припошеніяхъ Чувашъ, такъ какъ объ этомъ предметѣ я имѣлъ случай сообщать отдѣлу антропологіи и этнографіи въ Обществѣ естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ, и докладъ мой находится на выставкѣ съѣзда.

Замѣчу только, что на мою долю выпало счастье объяснить дѣйствительное значеніе загадочнаго чувашскаго слова *йрих*, толкованіе котораго возбуждало разнорѣчіе и споры между прежними изслѣдователями, начиная съ Палласа и Георги, и которое имѣетъ значеніе жертвеннаго посвященія.

Но мнѣ кажется, что, говоря о своихъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ, я перешелъ предѣлъ научной скромности. А потому, обращаю ваше, мм. гг., вниманіе на слѣдующіе, касающіеся старой чувашской вѣры, вопросы, по которымъ къ съѣзду желательно получить отвѣты⁽¹⁾: и имѣю честь доложить, что членъ съѣзда В а с. К о н с т. М а г н и т с к і й сотрудникъ Ил. Ал. Износкова и мой по изслѣдованію названій населенныхъ мѣстностей Казанской губерніи, каковымъ, конечно, не откажетъ назвать его и Сергѣй Мих. Шпилевскій, помѣстившій въ своемъ достопочтенномъ трудѣ многія его указанія, — В. К. Магнитскій доставилъ мнѣ для доклада Съѣзду „Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры“⁽²⁾, собранные имъ и сопоставленные съ вѣрованіями Черемисъ, Татаръ и Русскихъ. При этомъ г. Магнитскій увѣдомилъ меня, что самъ онъ на съѣздъ, по служебнымъ занятіямъ, явиться не можетъ. Эти матеріалы, по моему мнѣнію, даютъ удовлетворительные отвѣты на всѣ вышеупомянутые вопросы. Мало того, не смотря на неполнѣ научную обработку, эти „Матеріалы“ представляютъ такъ много интереснаго для этнологіи и археологіи здѣшняго края, что умолчать объ ихъ*достоинствѣ предъ собраніемъ представителей науки съ моей стороны было бы недобросовѣстнымъ.

„Матеріалы“ Магнитскаго состоятъ изъ 68-ми болѣе или менѣе подробныхъ описаній обрядовъ и обычаевъ Чувашъ. Начавъ съ легенды объ изобрѣтеніи земледѣлія, онъ описываетъ всѣ обычаи, обряды и празднества, которыми сопровожлаются пашня, посѣвъ, уборка, молотба и употребленіе въ пищу новаго хлѣба, представляя при этомъ самыя молитвы, и въ переводѣ. Затѣмъ, слѣдуютъ описанія обычаевъ и обрядовъ, соблюдаемыхъ при женитьбѣ, беременности, рожденіи, при болѣзняхъ и ихъ леченіи.

Въ моихъ глазахъ особенно цѣнны подлинныя тексты молитвенныхъ призываній, заклинаній, наговоровъ и перечни духовъ. Всѣ эти тексты слѣдуетъ признать очень древними, такъ какъ въ нихъ многія выраженія вовсе непонятны

⁽¹⁾ См Программу IV Арх. Съѣзда, запросы за №№ 45, 46 и 47, на стр. XII.

⁽²⁾ «Матеріалы» г. Магнитскаго изданы Коммиссіей Миссіонерскаго противомусульманскаго Сборника, при Казанской Духовной Академіи, Казань 1881 г., in 8°.

даже и тѣмъ изъ нынѣшнихъ Чувашъ, которые употребляютъ ихъ при моленьяхъ, заклинаньяхъ и т. п., и не подходятъ къ формамъ нынѣшняго говора Чувашъ; они отчасти объясняются изъ языковъ арабскаго и персидскаго или же составляютъ остатки древняго болгарскаго нарѣчія, на которые указываетъ Н. И. Ильминскій, говоря объ языкѣ болгарскихъ надписей. (Напр. фраза: *Ажа батман карчыкъ кульме*—подала поводъ къ особому изслѣдованію).

Затѣмъ нѣкоторые обряды, будучи одинаково совершаемы какъ у Чувашъ, такъ и у сосѣднихъ Татаръ—магометанъ, и у послѣднихъ осуждаемые ихъ муллами, какъ обычаи не мусульманскіе, наглядно подтверждаютъ предположеніе, что обитающіе на правомъ берегу Волги Татары суть отатарившіеся подъ вліяніемъ мухаммеданства Чуваши. (Напр., чувашскій обрядъ *сѣбмыръ-чуче* = *јангыр бутхасы*—моленье о дождѣ). Далѣе, у Чувашъ оказываются обряды, соответствующіе библейскимъ сказаніямъ и тѣмъ самымъ указывающіе на древнія отношенія Чувашъ къ Хозарамъ, слѣдовавшимъ закону Моисееву (напр. покупка новорожденного дитяти; см. мой „Корневой Словарь“ стр. 173). Имя новорожденного—*Сюппи* (Съѹппи), означающее въ переводѣ на русскій языкъ—„отъ сора взятый“, объясняется существующимъ у Чувашъ обычаемъ: въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ не живутъ дѣти, выносить вновь родившагося на улицу, гдѣ бабушка передаетъ завернутого въ тряпки ребенка йомзѣ, который вноситъ его обратно въ избу, объявляетъ, что онъ нашелъ дитя въ сору („сѣѹпъ синчэ топрымъ“) и получаетъ за него выкупъ. При этомъ новорожденному даютъ имя *сѣѹппи*. Процедура исполненія обряда и значеніе имени, даваемого ребенку, позволяютъ предположить, что основаніе обряда лежитъ въ библейскомъ сказаніи о дивномъ спасеніи отъ гибели младенца Моисея, имя котораго, согласно съ обстоятельствами, при которыхъ онъ былъ найденъ, означаетъ: „отъ воды взятый“. Обычай, соблюдаемый у Чувашъ, возникъ, вѣроятно, изъ вышеупомянутаго библейскаго сказанія, сдѣлавшагося извѣстнымъ Чувашиамъ при посредствѣ Хозаръ, которымъ Чуваши (или Буртасы) нѣкогда были подчинены. Каганы Хозаръ, а также, можетъ быть, и чувашскіе народные вожди (ял-бозе) слѣдовали закону Моисееву.

Многіе изъ обычаевъ и обрядовъ Чувашъ напоминаютъ въ сущности или въ подробностяхъ обычаи и черты нравовъ древнихъ и отдаленныхъ народовъ. Напр. кража невѣсть, существовавшая въ древности у Славянъ („умыкаха жены у воды“) продолжается у здѣшнихъ инородцевъ и доселѣ. Но замѣчательна *кража для общаго блага*: похищеніе Сабинянокъ было основаніемъ римскаго могущества и всемірнаго владычества вѣчнаго города; по мифологіи Черемисъ, Верховный

Богъ (Кого-Юма) только тогда лишь познакомился съ людьми, когда молодець съ помощью товарищей *укралъ* прекрасную дочь его и женился на ней.

У Чуваши есть обычай красть для общаго блага землю. Онъ описывается такъ.

„Старики, — пишетъ о. Хрусталева, — известной волости, замѣчая въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постепенный упадокъ урожая хлѣбовъ, сходятся на одномъ изъ большихъ базаровъ. Сгрудившись гдѣ-нибудь, вдали отъ чуждеревенскихъ, вступаютъ въ разглагольствованіе; между обыкновеннымъ разговоромъ является на сцену и разговоръ о неурожаѣ. Послѣ многихъ сужденій, старожилы — знахари поправляютъ это дѣло: дѣлаютъ намекъ на то, что урожай можно перевести на свои поля изъ дальняго мѣста известными имъ средствами. Не думавши объ этомъ долго, по единодушному желанію, берутся за дѣло для общаго блага всей волости. Это происходитъ такъ: дѣлается первоначально приготовленіе къ поѣздкѣ на чужія поля за землею, т. е. собирается съ деревень складъ для варенія пива. Но здѣсь главная задача не въ одномъ пивѣ и закускѣ для путешествующихъ за землею, а долженъ быть приисканъ въ своей волости честный молодой человекъ, какъ главное лицо, женихъ, который за известное условіе долженъ ѣхать въ опредѣленное мѣсто сватать невѣсту — землю; безъ него никакого успѣха не можетъ быть. Страшна участь этого жениха, говорятъ Чуваши, сколько бы ни былъ онъ физически крѣпокъ, какъ бы ни была благополучна впослѣдствіи обстановка въ его жизни, онъ не доживетъ до старости, а долженъ *преждевременно умереть*. Какъ ни страшно это будущее, но находятъся все таки охотники на должность жениха. Они, обыкновенно, бываютъ изъ бѣдныхъ и безпріютныхъ сиротъ, для которыхъ настоящее не утѣшительнѣе страшнаго будущаго. Когда найденъ таковой женихъ, его приглашаютъ въ общее собраніе, устроенное въ домѣ одного изъ старожилонъ деревни, угощаютъ пивомъ, дѣлаютъ ему приличное, какъ жениху, платье, обезпечиваютъ его на будущее время сколько возможно и назначаютъ срокъ отъѣзда за невѣстою — землею. Въ день отъѣзда начинается опять угощеніе, и уже при наступленіи ночи парадный поѣздъ изъ нѣсколькихъ повозокъ и лицъ съ пѣнями и музыкой (пужыремъ) отправляется въ дорогу, къ предусмотрѣнному ими мѣсту, къ невѣстѣ — землѣ. Переѣхавши за границу своей волости, пѣсни и музыка смолкаютъ, и даже колокольчики подъ дугами завязываются изъ опасенія быть услышанными, пойманными и, слѣдовательно, до полусмерти отколоченными. Тихо подѣхавъ къ полю, засѣянному хлѣбомъ, поѣздъ останавливается, и изъ передней повозки

снимается поѣзжанами подъ руки женихъ земли; всѣ вооружаются заступами и лопатами для поднятія земли—невѣсты. Самый старѣйшій Чувашинъ, заступая жениху мѣсто отца, становится съ нимъ рядомъ, лицомъ къ засѣянному полю и начинаетъ свою рѣчь: „Вотъ мы пріѣхали къ тебѣ съ красивымъ и умнымъ женихомъ, богатая и дорогая невѣста! Знаемъ, что у тебя сосчитать нельзя богатства, а у нашего жениха оцѣнить нельзя горячность любви къ тебѣ“. Женихъ кланяется до земли. Старикъ опять продолжаетъ: „Такъ полюби и ты, дорогая невѣста, нашего жениха и не откажи въ нашей просьбѣ“. Женихъ опять кланяется. „Возьми съ собою, дорогая невѣста, все твое приданое и съ полей и луговъ, изъ лѣсовъ и рѣкъ“. Опять продолжительный поклонъ, во время котораго Чуваши берутъ заступами и лопатами землю въ свои повозки, потомъ поднимаютъ жениха подъ руки, сажаютъ въ переднюю повозку и во весь галопъ мчатся на свои поля. Вступивъ на свою почву, опять развязываютъ валдайчики, и опять раздаются радостное гайканье, пѣсни, музыка и хлопанье въ ладоши“.

„Подѣхавъ къ предположенному мѣсту, женихъ, или уже новобрачный, самъ поднимается изъ повозки и, взявъ лошадь, подходитъ сперва къ своей, потомъ къ прочимъ повозкамъ съ рѣчью: „Здравствуй, дорогая моя новобрачная, люблю я тебя больше золота, больше жизни моей; за мою любовь разверни ты свое приданое на нашихъ поляхъ и лугахъ, лѣсахъ и рѣкахъ“. Затѣмъ, изъ каждой повозки беретъ онъ на лопаткѣ землю и раскидываетъ по полю; остальную же землю раскидываютъ поселяне во время продолженія остальнаго пути до мѣста ихъ жительства. Остатокъ этой свадебной ночи проводятъ въ пированьи, а на другой день и послѣ—уже не сходятся“.

Этимъ я могъ бы закончить свое сообщеніе, но позволю себѣ остановить ваше вниманіе еще минуты на двѣ на одномъ запоздавшемъ извѣстіи, такъ какъ лучше поздно, чѣмъ никогда. Въ этой-же самой рукописи г. Магнитскаго я нашелъ новое подтвержденіе мнѣнія Серг. Мих. Шпилевскаго (сообщеннаго имъ въ засѣданіи 4 Августа) о томъ, что слово *беллж* значитъ „участокъ“. Въ текстѣ чувашскаго молитвословія при обрядѣ окончанія молотбы говорится: „Своллѣнь свор' *биллик* хошмѣ акмѣ—лыхнѣ бар“ = „ежегодно къ земледѣлію снадоба присоединить по полузагону“. Къ этому мѣсту г. Магнитскій сдѣлалъ примѣчаніе, изъ котораго видно, что *биллик* есть мѣра пахотной земли для душеваго надѣла и соответствуетъ татарскому *jir* въ смыслѣ: земля, мѣсто, владѣніе, загонъ, участокъ.

IV.

СКАЗКИ, ЗАГАДКИ И ПѢСНИ НАГАЙБАКОВЪ ВЕРХНЕУРАЛЬСКАГО УѢЗДА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ.

В. Н. Витевского (¹).

(Читано въ утреннемъ засѣданіи 15 Августа.—См. Протоколы, стр. СІХ).

Нагайбаки Верхне-Уральскаго уѣзда принадлежатъ въ настоящее время къ Оренбургскому казачьему войску и живутъ въ поселкахъ: Требиіи, Парижѣ, Остроменскомъ, Касселѣ и Фершампенуазѣ (²). Все населеніе означенныхъ пяти поселковъ равняется 5257 чел., изъ нихъ 5101 Нагайбаковъ и 166 Русскихъ, которые преимущественно поселены въ Требиадскомъ поселкѣ, гдѣ ихъ считается по спискамъ Магнитнаго станичнаго правленія 138 человѣкъ, 71 муж. пола и 67

(¹) Въ числѣ вопросовъ, по которымъ къ Съезду было желательно получить свѣдѣнія, между прочимъ встрѣчается слѣдующій вопросъ: «Какія данныя для бытовой исторіи инородцевъ сѣверо-восточной Россіи представляются въ ихъ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ, загадкахъ и преданіяхъ?» (Смотр. Программу IV Арх. Съезда, стр. XII, запросъ № 41). Въ засѣданіи Предварительнаго Комитета Съезда, 25 октября 1876 г., нѣкоторые члены Комитета заявили готовность доставить матеріалы для рѣшенія вышеозначеннаго вопроса. Не встрѣчая въ числѣ обѣщанныхъ матеріаловъ по этнографіи Нагайбацкихъ пѣсенъ и сказокъ, я задался мыслию пополнить этотъ пробѣлъ; но не имѣя возможности лично посѣтить Нагайбацкіе поселки: Кассель, Парижъ, Требию, Остроменскій и Фершампенуазскій, находящіеся въ Верхне-Уральскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи, я обратился къ учителю центральной Фершампенуазской школы, Игнатию Тимофееву, прося его собрать и доставить мнѣ Нагайбацкія пѣсни, загадки и сказки. 30 Іюля 1877 г. я получилъ отъ Тимофеева двѣ Нагайбацкія сказки, 19 загадокъ и болѣе 40 пѣсенъ. Раздѣливъ эти матеріалы по нижеозначеннымъ рубрикамъ и провѣривъ ихъ текстъ, при помощи учителя Казанской школы для дѣтей крещеныхъ Татаръ, Семена Максимова, честь имѣю представить Нагайбацкія сказки, загадки и пѣсни, какъ этнографическій матеріалъ, на разсмотрѣніе IV Археологическаго Съезда.—*Примѣч. автора.*

(²) Множество поселеній Оренбургскаго войска названы въ честь главнѣйшихъ побѣдъ, одержанныхъ русскими войсками въ Италиі, Германіи и Франціи въ 1799 году и въ знаменитую войну съ Наполеономъ 1813 — 1814 гг. Такъ возникли упомянутые поселки съ чуждыми этому краю названіями, но дорогими русскому патриотическому чувству.—*Редаки.*

женск.; остальные 28 чел. Русскихъ живутъ въ Фершампенуазѣ, въ остальныхъ же поселкахъ: Касселѣ, Остроменскомъ и Парижѣ—Русскихъ нѣтъ ни души. Первоначально Нагайбаки жили въ селеніи Нагайбакъ и Бакалахъ Уфимской губерніи, Белебеевскаго уѣзда, а въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, по высочайшему повелѣнію и по распоряженію Оренбургскаго генераль-губернатора Обручева, они были переселены въ Верхнеуральскій уѣздъ, въ видахъ усиленія надзора за сосѣдними Киргизами и защиты пограничной линіи отъ ихъ грабежа и разбоевъ. Сами Нагайбаки считаютъ себя потомками арскихъ Татаръ Казанской губерніи, окрещенныхъ при Иванѣ Грозномъ и поселенныхъ въ окрестностяхъ деревни Нагайбаковой, изъ которой въ 1736 г. возникла Нагайбацкая крѣпость, по причинѣ башкирскаго бунта на Казанской дорогѣ. Нагайбацкій урядникъ С. И. Никитинъ, проживающій въ поселкѣ Фершампенуазъ, доставилъ мнѣ копію (¹) съ одного документа, изъ котораго, между прочимъ, видно, что Нагайбаки происходятъ отъ казанскихъ Татаръ, крестившихся при Грозномъ, вопреки преданію (²), *добровольно*; что въ числѣ крестившихся было немало и татарскихъ мурзъ. На выселеніе казанскихъ крещеныхъ Татаръ въ Белебеевскій уѣздъ указываетъ, между прочимъ, и названіе деревни *Казанчи*, состоящей теперь въ приходѣ села Нагайбакъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что въ составъ Нагайбаковъ вошли и казанскіе крещеные Татары, что также доказывается сходствомъ языка и этнографическихъ особенностей тѣхъ и другихъ; по всей вѣроятности, казанскіе крещеные Татары положили и самое начало Нагайбакамъ, но впоследствии, по свидѣтельству Рычкова (³), сюда стали отправлять и выходцевъ изъ киргизскаго плѣна, которые, являясь въ Оренбургъ, принимали крещеніе. Этотъ новый наростъ нагайбацкихъ поселенцевъ представлялъ самый разнообразный составъ національностей: тутъ, по заявленію Рычкова, были—Персіяне, Аравитяне, Турки, Армяне, Каракалпаки, Бухарцы, Хивинцы, Кубанцы, Узбеки, Вадашканцы, Аванцы, Талыжцы и другіе (⁴). Число такихъ выходцевъ, въ половинѣ XVIII вѣка, простиралось до 212 челов.; изъ нихъ 68 приняли крещеніе и были поселены между Нагайбаками. Въ Нагайбацкой крѣпости

(¹) Копія доставлена при рапортѣ Березинскаго станичнаго правленія за № 37, отъ 8 Января 1877 г.

(²) По преданію Нагайбаковъ, они были крещены *насильно*.

(³) Топогр. Оренб. губерніи, ч. I, стр. 191 и 192.

(⁴) Ibid.

было учреждено особое воеводское правленіе, пейхгаусъ, провіантскіе и соляные магазины, а въ 1746 году, благодаря заботамъ Неплюева, перваго Оренбургскаго губернатора, была построена и церковь, во имя Св. Троицы, уцѣлѣвшая до сего времени ⁽¹⁾. Ближайшій надзоръ за Нагайбаками былъ ввѣренъ воеводѣ, а потомъ атаману. Штатъ Нагайбацкой крѣпости былъ опредѣленъ въ 600 человекъ: атаманъ, есаулъ, 6 сотниковъ, 6 писарей и 586 рядовыхъ. Первымъ нагайбацкимъ воеводою былъ Суворовъ, уступившій въ 1745 г. мѣсто атаману нагайбацкихъ казаковъ Андрею Ермакину. Отдаленность Нагайбацкой крѣпости отъ административнаго центра и недостатокъ духовнаго вліянія на новообращенныхъ инородцевъ были причиною того, что поселившіеся здѣсь христіане—инородцы, какъ и теперь, почти ничѣмъ не отличались отъ инувѣрцевъ. Правда, они имѣли въ своихъ домахъ иконы, носили на груди крестъ; но постовъ, установленныхъ церковью, не соблюдали, садились за столъ, отходили ко сну и вставали не молясь ⁽²⁾ и т. п.,—словомъ, были только по имени христіанами, въ сущности же оставались попрежнему язычниками. Ив. Ив. Неплюевъ, отечески заботившійся о ввѣренномъ ему краѣ, вошелъ о религіозномъ состояніи Нагайбаковъ въ переписку съ Казанскимъ епископомъ Гавріиломъ, впоследствии митрополитомъ ⁽³⁾. Гавріиль въ 1758 году посѣтилъ Оренбургъ и, лично ознакомившись съ бытомъ и состояніемъ Нагайбаковъ, подчинилъ ихъ вѣдомству священника села Спасскаго, находившагося въ вотчинѣ бытописателя Оренбургскаго края, совѣтника Рычкова, „усмотря его (священника) къ тому предъ другими способѣйшимъ“ ⁽⁴⁾. Священникъ села Спасскаго обязанъ былъ „почасту посѣщать и исправлять“ новокрещенныхъ Нагайбаковъ, число которыхъ постоянно возрастало, такъ что къ 1760 году во всемъ Нагайбацкомъ воеводствѣ считалось десять деревень и одно село, вмѣстѣ съ крѣпостью, въ которыхъ было 1359 служилыхъ казаковъ ⁽⁵⁾.

Что касается повинностей Нагайбаковъ, то до 1736 г. они обязаны были платить ясакъ въ казну и особый оброкъ Башкирамъ за земли, которыми они пользовались; въ 1736 г., за ихъ вѣрную службу правительству и за раззореніе ихъ Башкирами, ясакъ съ нихъ былъ снятъ, а земли, за которыя они платили оброкъ, отданы въ собственное ихъ владѣніе на 50 верстъ въ окружности. Но

⁽¹⁾ Памятная книжка Уфимской губерніи на 1873 г., отд. II, стр. 58. Здѣсь годъ основанія церкви, вопреки свидѣтельству Рычкова (ч. II, 206), показанъ 1745.

⁽²⁾ Тоже дѣлаютъ и тепершніе Нагайбаки.

⁽³⁾ Пам. кн. Уфимской губ. 1873 г., отд. II, 20.

⁽⁴⁾ Рычковъ. Топ. Ор. губ., ч. II, стр. 208.

пользуясь бесплатно достаточнымъ количествомъ пахатной земли, луговыхъ и другихъ угодій, Нагайбаки были обязаны отправлять казачью службу наравнѣ съ оренбургскими и ставропольскими крещеными Калмыками, получая жалованье, провіантъ и фуражъ въ томъ только случаѣ, когда они были командиремы болѣе чѣмъ на сто верстъ отъ своего мѣстожителства; въ противномъ случаѣ, отправляли службу на свой коштъ.

На основаніи вышеприведеннаго свидѣтельства Рычкова о составѣ и позднѣйшемъ наслоеніи крещеныхъ инородцевъ Нагайбацкой крѣпости, мы думаемъ, что названіе „*Нагайбакъ*“ первоначально принадлежало всѣмъ инородцамъ, принявшимъ крещеніе и поселеннымъ въ самой Нагайбацкой крѣпости или въ ея окрестностяхъ. Теперь село Нагайбакъ, бывшее нѣкогда крѣпостью, находится въ 64 верстахъ отъ г. Мензелинска и въ 400 верстахъ отъ Оренбурга по большой Московской дорогѣ, на правомъ берегу р. Ика и неподалеку отъ впаденія въ него рѣчки Миняуса. По свидѣтельству Рычкова⁽¹⁾, на этомъ самомъ мѣстѣ старину жили Нагаи и имѣли здѣсь городъ, на что указываетъ названіе протекающей здѣсь небольшой рѣчки *Кала-Елга*, что значитъ городовая рѣчка, а также остатки рва и вала по этой рѣчкѣ, въ полуверстѣ отъ ея устья и въ полтора-верстахъ отъ села Нагайбакъ. Указанный валъ находится на западѣ села Нагайбакъ и идеть на протяженіи 74 сажень; вышина его отъ одного до двухъ съ $\frac{1}{4}$ аршина; онъ имѣетъ видъ полукруга и состоитъ изъ черноземной насыпи.

Въ Пугачевскій бунтъ это мѣсто, говорятъ, служило лагеремъ для сообщниковъ Пугачева, которые въ 1774 году разорили Нагайбацкую крѣпость и, перебивъ жителей, сами же сложили тѣла убитыхъ въ одну могилу, которую теперь показываютъ въ огородѣ мѣстнаго священника; надъ могилой поставленъ крестъ, устроенный въ видѣ часовенки. Это обстоятельство и подало нѣкоторымъ поводъ думать, что будто бы указанный валъ былъ сдѣланъ сообщниками Пугачева; но вышеприведенное свидѣтельство Рычкова и преданіе Башкиръ, утверждающихъ, что здѣсь жили Нагаи, заслуживаютъ бѣльшаго довѣрія. Позднѣе, когда Нагаи удалились на Кубань, здѣсь кочевалъ Башкиръ Нагайбакъ, по имени котораго и самый юртъ назывался Нагайбаковымъ⁽²⁾. Близость рѣкъ, богатство рыбы въ нихъ, луговья угодья и другія природныя удобства этого мѣстоположенія издавна привлекали сюда самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ Баш-

⁽¹⁾ Топогр. Оренбургской губ., ч. II, стр. 205.

⁽²⁾ Пам. кн. Уф. губ. 1873 г., ч. II, стр. 179.

кирь, такъ, на примѣръ, здѣсь жили извѣстные башкирскіе бунтовщики: Кусюмъ и сынъ его Акай. Но задолго еще до Кусюма, когда Башкиры впервые признали власть Грознаго Московскаго царя, здѣсь начали селиться новокрещенные изъ Татаръ и другихъ инородцевъ, какъ мы видѣли это выше; но немало селилось здѣсь и язычниковъ, или идолопоклонниковъ. Въ окрестностяхъ села Нагайбакъ до сихъ поръ находятъ остатки нехристіанскихъ кладбищъ: одно въ 50 саженьяхъ отъ селенія, при дорогѣ въ деревню Смысловку; другое въ двухъ верстахъ отъ села, на берегу рѣки Ика; отсюда въ одной верстѣ на СВ., на горѣ еще кладбище; на послѣднемъ встрѣчаются могильные камни съ татарскими надписями, но безъ обозначенія годовъ⁽¹⁾.

Кромѣ казанскихъ крещеныхъ Татаръ и указанныхъ выходцевъ изъ киргизскаго плѣна, въ составъ Нагайбаковъ особенно много вошло крещеныхъ оренбургскихъ Калмыковъ: самый языкъ ихъ, по замѣчанію нѣкоторыхъ, включаетъ въ себѣ немало калмыцкихъ словъ⁽²⁾ съ нѣкоторыми мѣстными отгѣнками; по заявленію же учителя фершампенуазской школы, Игнатя Тимоѣева⁽³⁾, языкъ Нагайбаковъ *ничѣмъ* не отличается отъ языка крещеныхъ Татаръ Казанской губерніи, но это мнѣніе едва ли вполне справедливо. Читая нагайбацкія пѣсни, загадки и сказки, мы подмѣтили небольшую разницу и въ языкѣ теперешнихъ Нагайбаковъ, такъ, на примѣръ, казанскіе Татары произносятъ *агайларъ* (братья), а Нагайбаки—*агаларъ*; *сютейекъ* (повеселимся) Нагайбаки *сютайекъ*; *зина* (стройный)—*зиба*; *члчккя* (цвѣтку)—*члчкя*; *уттый* (какъ огонь)—*уттай*; *сындырыбкына* (сломивъ)—*сындырыбкай*; *тустаганнарымъ* (стаканы)—*тустыганнарымъ*; *жиркяйляръ* (на землю) каз. Татары произносятъ *жиргеняйляръ*; *инясенянь* (матери) у каз.—*анасыннанъ*; *муржа* (труба) у каз.—*моржа* и т. п. Очень можетъ быть, что старинный языкъ Нагайбаковъ отличался гораздо больше отъ языка татарскаго; но въ настоящее время это различіе весьма незначительно и казанскіе крещеные Татары свободно говорятъ съ Нагайбаками, какъ съ своими земляками и односельцами. Это обстоятельство, между прочимъ, можетъ вести къ тому заключенію, что главный контингентъ Нагайбаковъ составляли Татары, которые совер-

⁽¹⁾ Смотр. тамъ же.

⁽²⁾ Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 208.

⁽³⁾ Въ октябрѣ 1880 г. И. Т. Тимоѣевъ рукоположенъ въ священники преосвященнымъ Веніаминомъ (нынѣ Епископомъ Воронежскимъ) и опредѣленъ въ Остроленскій приходъ Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи, а на его мѣсто поступилъ Назарій Герасимовъ, получившій образованіе въ Казанской крещено-татарской школѣ и бывший нѣсколько лѣтъ практикантомъ татарскаго языка въ Самарской духовной семинари.

шенно поглотили въ себя остальные національности, поименованныя Рычковымъ и приведенныя нами выше. Русскіе и Башкиры, живущіе между Нагайбаковъ, всѣ говорятъ отлично по-нагайбацки; изъ Нагайбаковъ же по-русски говорятъ только мужчины, и то не всѣ, женщины же и дѣти вовсе не понимаютъ русской рѣчи. Мѣстные священники, въ приходѣ которыхъ находятся Нагайбаки, не зная нагайбацкаго языка, не могутъ должнымъ образомъ воздѣйствовать на пробужденіе и развитіе религіознаго чувства своихъ пасомыхъ. Хорошее знаніе нагайбацкаго языка священнослужителями и совершеніе на этомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ частей богослуженія, безъ сомнѣнія, принесло бы большую пользу въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія и воспитанія Нагайбаковъ, особенно лицъ женскаго пола, которыя рѣшительно не понимаютъ ни русскаго, ни славянскаго языка (¹). Другое неудобство для религіознаго развитія Нагайбаковъ заключается въ малочисленности и отдаленности храмовъ: на 5000 Нагайбаковъ имѣется два храма и тѣ удалены отъ 18 до 30 верстъ; храмы находятся въ поселкѣ Остроленскомъ и русскомъ поселкѣ Куликовскомъ (²); въ приходѣ послѣдняго состоитъ нагайбацкій поселокъ Фершампенуазъ, отстоящій на 18 верстъ отъ своего села (³). Безъ сомнѣнія, это служитъ немаловажнымъ препятствіемъ, особенно въ зимнее и осеннее время, къ посѣщенію Нагайбаками богослуженія. Вотъ что, между прочимъ, сообщаетъ намъ о. Дмитріевъ, священникъ Куликовскаго поселка, о религіозномъ состояніи Фершампенуазскихъ Нагайбаковъ: „Частию за дальностію разстоянія, частию же по своей еще неотрѣшенности отъ прежнихъ обычаевъ и предразсудковъ, Нагайбаки храмъ Божій посѣщаютъ рѣдко. Окрестить младенца, совершить бракъ, отпѣтъ умершаго, — вотъ и все, что заставляеть Нагайбаковъ являться въ церковь (⁴)“. Учитель фершампенуазской школы Тимоѣевъ говоритъ, что Нагайбаки хотя изрѣдка и посѣщаютъ храмъ и приобщаются Св. Тайнъ, но постовъ не соблюдаютъ, дома никогда не молятся

(¹) Въ настоящее время Нагайбаки получили возможность слушать богослуженіе на понятномъ для нихъ родномъ языкѣ, благодаря трудамъ переводческой комиссіи Братства св. Гурія, въ Казани.

(²) Здѣсь храмъ устроенъ въ 1862 г., во имя Покрова Божіей Матери.

(³) 18 января 1882 г. въ Остроленскомъ приходѣ освященъ новый деревянный храмъ, а прежній (походный) переданъ въ Фершампенуазъ, куда, осенью 1885 года, опредѣленъ священникомъ воспитанникъ и потомъ дьяконъ Казанской крещено-татарской школы о. Василій Меркурьевъ. (Подробн. объ освященіи храма въ Остроленскомъ поселкѣ см. въ «Волжско-Камскомъ Словѣ» за 1882 г., № 74).

(⁴) Рапортъ о. Дмитріева, отъ 5 февраля 1877 г. за № 9.

и вообще не знаютъ молитвъ; въ послѣднемъ сознаются и сами Нагайбаки. Въ числѣ приводимыхъ мною пѣсень есть слѣдующая пѣсня на эту тему:

„Кыръ казы уза жазъ кѣне,
Кѣзь кайтадыръ каты кырауда;
Беръ ауызъ иманъ безъ белмейбезъ,
Ней айтербезъ каты сорауда?“

Во второй половинѣ этой пѣсни говорится: „мы не знаемъ ни одного слова молитвы, что же будемъ говорить на страшномъ, жестокомъ судѣ?“ Судя по этой пѣснѣ, можно думать, что незнаніе молитвъ пугаетъ воображеніе Нагайбаковъ и они желали-бы научиться молитвамъ, хотя-бы изъ страха жестокаго суда. Учитель Тимоѣевъ сообщаетъ, что когда онъ, по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, читаетъ въ школѣ Часы на нагайбацкомъ языкѣ, то Нагайбаки, особенно же ихъ жены и дѣти, съ большою охотою собираются въ школу молиться и каждый разъ послѣ молитвы выражаютъ желаніе, чтобы у нихъ былъ свой священникъ, знающій ихъ языкъ, и служилъ-бы на ихъ языкѣ; когда же Тимоѣевъ начинаетъ имъ читать религіозно-нравственныя книги по-нагайбацки и разъяснять, то они рѣдко удерживаются отъ слезъ и соболѣзнуютъ о своихъ прегрѣшеніяхъ. Все это указываетъ на то, что и Нагайбаки могли бы и желаютъ быть дѣйствительными членами Христовой Церкви, если бы только они понимали смыслъ богослуженія и имѣли руководителями въ познаніи, вѣры истинныхъ христіанъ, хорошо знающихъ ихъ языкъ ⁽¹⁾.

Склонности къ магометанству между Нагайбаками и вліянія магометанскихъ муллъ вовсе не замѣтно, только въ поселкѣ Требіи есть нѣсколько старухъ, которыя соблюдаютъ магометанскіе посты и тихонько молятся по-магометански, прикладывая ладони рукъ къ щекамъ. Вообще въ религіозномъ быту Нагайбаковъ замѣтна смѣсь понятій христіанскихъ съ языческими: они вѣрятъ въ кереметь, домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и т. п.; для умилостивленія ихъ, у нихъ существуютъ особыя жертвоприношенія, знахарки, но объ этомъ будетъ сказано мною въ особой статьѣ ⁽²⁾, для которой матеріалы еще собираются, а теперь огра-

⁽¹⁾ Въ настоящее время, благодаря совмѣстнымъ трудамъ Братства Св. Гурія, Оренбургской епархіальной власти и Оренбургско-казачьяго начальства, религіозно-нравственное развитіе Нагайбаковъ поставлено на прочныхъ основахъ.

⁽²⁾ Что мною и было потомъ исполнено: въ 1878 г. я помѣтилъ о Нагайбакахъ статью въ «Оренбургскомъ Листкѣ» (№№ 14, 15 — 19 и др.), а въ 1882 г.—въ «Волжско-Камскомъ Словѣ» (№№ 72, 74, 80, 138 и 144). Авторъ.

вичусь только указаніемъ на способы лѣченія Нагайбаковъ и ихъ общественное жертвоприношеніе.

Въ болѣзняхъ Нагайбаки обращаются къ знахарямъ и знахаркамъ, по убѣжденію которыхъ, болѣзни людей и скота происходятъ отъ прикосновенія домоваго или одного изъ умершихъ родственниковъ. Въ первомъ случаѣ знахарь совѣтуетъ положить въ щель дома кусокъ стали, а во второмъ—напечь изъ прѣснаго тѣста блиновъ и поминать покойниковъ; если же, по мнѣнію знахаря, причиною болѣзни былъ водяной духъ, тогда для излѣченія больного бросаютъ въ рѣку или колодезь крупы и соли. Эти способы лѣченія одинаково примѣняются и къ людямъ, и къ животнымъ. Послѣ Петрова дня, Нагайбаки ежегодно совершаютъ особый обрядъ жертвоприношенія; жертвеннымъ животнымъ бываетъ овца или бѣлая корова; жертвоприношенія изъ овецъ происходятъ каждый годъ, а изъ коровъ—года черезъ два или черезъ три, смотря по достатку и количеству рогатаго скота. Это жертвоприношеніе имѣетъ характеръ общинный, а не частный: къ участию въ немъ приглашаются все жители поселка. Если Нагайбаки рѣшились принести въ жертву корову, то еще наканунѣ покупаютъ бѣлую корову и чрезъ выборныхъ извѣщаютъ всехъ жителей поселка о мѣстѣ и времени жертвоприношенія. Въ назначенный день нѣсколько почтенныхъ и уважаемыхъ стариковъ, рано утромъ, ведутъ корову на опредѣленное мѣсто. Въ Фершампенуазскомъ поселкѣ жертвоприношеніе совершается всегда на мѣстѣ, называемомъ „Уба (¹)“, находящемся въ 8-ми верстахъ отъ самаго поселка. Это небольшой круглый холмъ, на вершинѣ котораго находятся четыре котловидныя ямы; нѣкоторые изъ Нагайбаковъ утверждаютъ, что этотъ холмъ, или курганъ, устроенъ въ былыя времена Киргизами. Явившись на мѣсто жертвоприношенія, старики разводять костеръ и, заколовъ корову, дѣлятъ ее на части и варятъ въ большихъ котлахъ. Между тѣмъ, въ деревнѣ въ это время происходитъ страшная суматоха, особенно между молодежью: все спѣшатъ нарядиться въ самыя лучшія и дорогія одежды; въ каждомъ домѣ готовятъ разную крупу, соль и посуду для жертвеннаго мяса и капи. Когда все готово, жители поселка гужемъ отправляются на мѣсто жертвоприношенія; дома остаются только старики и малолѣтнія дѣти. Изъ привезенныхъ крупъ и соли варятъ кашу и, когда каша готова, старики, исполняющіе роль жрецовъ, выкладываютъ ее въ блюда и, сверхъ каши, на каждое блюдо кладутъ по куску жертвеннаго мяса; затѣмъ стариковъ

(¹) Уба—холмъ, гора, курганъ; въ алтайскомъ и монгольскомъ *обо*—куча камней, или вѣтвей на вершинѣ горы, въ честь ея духа.

десять берутъ въ руки по блюду съ кашей, обращаются лицомъ на югъ къ иконѣ Христа Спасителя,—которую обыкновенно привозятъ съ собою изъ села распорядители обряда,—и начинаютъ молиться, каждый про себя, кто какъ умѣетъ; но цѣль молитвы у всѣхъ одна: чтобы Богъ даровалъ всѣмъ здоровья, сберегъ скотъ отъ болѣзней и падежа, вовремя орошалъ поля и луга дождемъ и послалъ изобиліе плодовъ земныхъ. Молитва продолжается отъ 3 до 5 минутъ; по окончаніи молитвы, старики прежде сами отвѣдаютъ кашу, а потомъ разрѣшаютъ ѣсть и всѣмъ. Мужчины, отдѣлившись отъ женщинъ, садятся поартельно, человѣка по четыре и болѣе, на траву и приступаютъ къ жертвенному блюду; женщины дѣлаютъ тоже, но совершенно отдѣльно отъ мужчинъ. Старики—жрецы еще разъ обходятъ всѣхъ и на каждое блюдо наливаютъ жиру, чтобы послаще была каша. По окончаніи жертвеннаго пира, всѣ вмѣстѣ возвращаются домой и проводятъ этотъ день, какъ самый большой праздникъ, и молодежь до зари тѣшится въ хороводахъ, воспѣвая золотой вѣкъ молодости и красоту роднаго Гумбея (1):

„Уйнаганъ кѡльганъ адамларга,—
Бикъ йемне Гѡмбай буйлары! (2)
Жяшлекъ гумерляръ ике кильмась,—
Уйнабъ кѡлебъ калыйыкъ! (3)
Бу гѡмеръ безга ике килмась,—
Унай кильганъ чакта сютеекъ (4).
Эйямне Гѡмбай буйында,
Тѡрле чячка (чячякка) халь тѡгѡль (5)!
Жирле жирень бикъ мактыдыръ,
Гѡмбай буйына ней житярь (6)?
Гѡрлябты торганъ Гѡмбай буйы
Эйемняре бетярь безъ киткячъ (7)“.

и т. п.

(1) Гѡмбай, или Гумбей—рѣка, при слияніи которой съ р. Кизылъ-Чиликъ расположенъ нагайбацкій поселокъ Фершампенуазъ.

(2) Мы играемъ, смѣемся,—очень хорошо вдоль Гумбея!

(3) Вѣкъ молодости два раза не приходитъ,—будемъ же веселиться и играть!

(4) Жизнь два раза не приходитъ,—когда представляется случай, нужно имъ пользоваться вполнѣ.

(5) Хорошо вдоль Гумбея; не пересказать, не исчислить различныхъ цвѣтовъ его.

(6) Каждый хвалитъ свою мѣстность, но что сравнится съ Гумбеемъ?!

(7) Пышно, роскошно вдоль Гумбея, но прелести его кончатся, когда мы уйдемъ.

Нагайбацкіе крестины, свадьбы, похороны, святочные игры и т. п. будутъ мною описаны в послѣдствіи ⁽¹⁾; а теперь еще—слова два о пѣсняхъ, загадкахъ и сказкахъ. Приводимыя ниже пѣсни я раздѣлилъ, по ихъ содержанію, на семь отдѣловъ: 1) пѣсни съ религіознымъ оттѣнкомъ; 2) пѣсни бытовыя; 3) пѣсни романческаго характера; 4) хороводныя; 5) свадебныя; 6) походныя и 7) историческія. Къ историческимъ пѣснямъ я отнесъ стихи объ Егорѣ, нагайбацкомъ казакѣ, который не очень давно былъ убитъ на войнѣ въ Туркестанской области. Нагайбаки, какъ и казанскіе крещеные Татары, называютъ подобные стихи „*блйетъ*“. Такіе стихи составляютъ у Нагайбаковъ родъ героической поэмы, а иногда—сатиры, смотря по дѣйствіямъ чловѣка, который послужилъ поводомъ къ составленію стиховъ. Иногда подобные стихи составляются за особую и довольно значительную плату. Богатые родители, лишившись, напримѣръ, геройски павшаго на войнѣ сына, собираютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о его смерти, приглашаютъ къ себѣ какого-нибудь ловкаго слагателя стиховъ и просятъ его воспѣть ихъ сына, за что и даютъ ему плату. Затѣмъ эти импровизированные стихи переходятъ въ народъ и поются особымъ унылымъ напѣвомъ (тономъ). Вообще темою подобныхъ стиховъ бываютъ какія-нибудь событія дѣйствительной жизни, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, напримѣръ, геройская смерть молодца, богатырскіе подвиги силача, ловкое воровство, удалство и т. п. Въ числѣ нагайбацкихъ пѣсень встрѣчается не мало такихъ, которыя поются и казанскими Татарами, съ незначительными измѣненіями, но есть и такія, которыя принадлежатъ исключительно Нагайбакамъ, напр. пѣсни, въ которыхъ воспѣвается Гумбей, и казачьи, какъ напримѣръ слѣдующая пѣсня:

„Бейекъ таунынъ башында,
Жалтырабъ жата гяѣаръ ташлары;
Авъ кошъ очобъ житмясь
Жиргя нитя *казакъ башлары* ⁽²⁾“.

Мотивъ нагайбацкихъ пѣсень почти тотъ же, что и у казанскихъ крещеныхъ Татаръ. Между нагайбацкими загадками встрѣчаются часто русскія, напр., „*серпъ*“ загадывается такъ: „*Бяляклай гня бѣкѣре, бѣтѣнъ кыры бетеря*“, маленький, горбатенькій все поле перешелъ. Въ нѣкоторыхъ загадкахъ заключается

⁽¹⁾ См. «Оренб. Листокъ» (1878 г. и «Волжско-Камское Слово» (1882).

⁽²⁾ На вершинѣ высокой горы лежатъ блестящіе брилліанты; казачьи головы уходятъ въ страну, куда и лебедь не долетитъ

иронія надъ Русскими, напримѣръ: „*Жиръ астында картъ урысь, сакалыннанъ тартыгызъ*“⁽¹⁾ (Шалканъ); или: „*Тирянь базда тиле урысь акыра да бакыра*“⁽²⁾ (Май жазуы); печная труба загадывается такъ: „*Ой тюбясендя озонъ урысь*“, — на крышѣ—высокій русакъ. Нѣкоторыя загадки отличаются мѣткостью опредѣленія предмета или явленія, напримѣръ: „*Ишектянь керерь, тюргал жѳгѳрерь*“⁽³⁾ (Сыукъ). Изъ двухъ приводимыхъ мною ниже сказокъ—одна имѣетъ характеръ нравоучительный, а другая—юмористическій. Въ первой говорится объ одномъ бѣдномъ мальчикѣ, который за спасеніе бѣлой змѣи, превратившейся потомъ въ дѣвушку, былъ богато награжденъ ея родителями и все полученныя имъ деньги роздалъ нищимъ. Во второй сказкѣ рассказывается о старикѣ со старухой, которые за 2000 р. купили козла и барана, и потомъ отпустили ихъ на волю. Козель и баранъ, во время своего странствованія, наводятъ необыкновенный страхъ на семерыхъ волковъ и медвѣдя. Въ этой сказкѣ козель является смѣлымъ, хитрымъ и находчивымъ въ самую критическую минуту, а баранъ—трусомъ и покорнымъ исполнителемъ воли козла.

Въ заключеніе не могу не выразить сожалѣнія о томъ, что обстоятельства не позволили мнѣ лично посѣтить Нагайбаковъ и непосредственно присмотрѣться къ ихъ быту и занимаемой ими мѣстности. Настоящая замѣтка составлена мною на основаніи матеріаловъ, полученныхъ мною отъ члена Уфимскаго Статистическаго Комитета Р. Г. Игнатѣва, учителя фершампенуазской школы И. Тимоѳеева и станичныхъ правленій: Верхнеуральскаго, Великопетровскаго, Магнитнаго и Березинскаго, атаманы которыхъ сообщили статистическія данныя о числѣ Нагайбаковъ и ихъ надѣлѣ землю, а Березинское станичное правленіе доставило и копію урядника Никитина съ одного документа о происхожденіи и времени переселенія Нагайбаковъ въ Верхнеуральскій уѣздъ. Выражая искреннюю благодарность всеѣмъ означеннымъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя оказали мнѣ свое содѣйствіе, надѣюсь современемъ пополнить матеріалы о Нагайбакахъ и сообщить ихъ интересующимся бытомъ инородцевъ посредствомъ печати.

⁽¹⁾ Подъ землею—старый русакъ,—тяните за бороду! (Рѣпа).

⁽²⁾ Въ глубокой ямѣ (или въ глубокомъ погребѣ) сидитъ и горланитъ русскій дуракъ (Пактанъе масла).

⁽³⁾ Въ дверь войдетъ,—въ передній уголъ бѣгомъ пойдетъ. (Холодъ).

ДОСЛОВНЫЙ ПЕРЕВОДЪ
НАГАЙБАЦКИХЪ ПѢСЕНЪ (¹).

І.

ПѢсни съ религіознымъ оттѣнкомъ.

<p>1. Алты ать жигебъ сабанъ сѳрдемъ
Борайларга тѳгѳль, бодайга;
Беръ шѳкѳръ тѳгѳль, меннярь шѳкѳръ
Бу кѳннярне биргянь Ходайга!</p> <p>2. Кырь казы уза жазъ кѳне,
Кѳзь кайтадырь каты кырауда;
Беръ ауызъ иманъ безъ белмейбезъ,
Ней айтербезъ каты сорауда?!</p> <p>3. Жепякай путамъ, ай ара!
Байлясанъ бильне кайыра;
Ай беръ Ходайпынъ жазмышлары,
Туганъ ұсыанъ жирдянь айыра.</p> <p>4. Жулларга чыктымъ беръ башымъ,
Ходай ұзе булсынъ жулдашымъ;
Беръ Ходай ұзе ташламаса,
Жмынъ дошманарга беръ башымъ.</p> <p>5. Өстӳлдя эшямъ жанадырь,
Тармакай да тармакъ тамадырь;
Торъ туганай! никъ тормыйсынъ?
Башыгызга дяулять жауадырь.</p> <p>6. Акъ Иделярга ауларъ кордымъ,
Акъ балыкка тѳгѳль ұрдякка;
Кюбъ ашадыкъ, кюбъ эчтекъ,
Алла риза булсынъ кюрмякка!</p> | <p>1. Запрягни въ плугъ шесть лошадей, я
вспахалъ не для полбы, а для пшеницы.
Не разъ—слава, а тысячу разъ—слава,
давшему эти дни Господу!</p> <p>2. Дикіе гуси прилетаютъ весною, возвра-
щаются уже при сильномъ инеѣ, осенью.
Мы не знаемъ ни одного слова молитвы,
—что-то будемъ говорить на страш-
номъ, строгомъ судѣ!</p> <p>3. Шелковенькій кушакъ мой,—бѣда!—если
подпояшешь, поясницу скрутить. Отъ
земли, гдѣ родился и выросъ,—увъ!—раз-
лучаетъ предопредѣленіе Единого Бога.</p> <p>4. Отправился я въ дальнюю дорогу одинъ,
да будетъ мнѣ спутникомъ Господь; если
Господь меня не оставитъ, противъ
сборищахъ враговъ я—одинъ.</p> <p>5. На столѣ горитъ свѣча, которая вѣт-
висто оплываетъ. Вставай, родной!—
Что ты не встаешь?—на голову благо-
словеніе нисходитъ.</p> <p>6. На Камѣ я поставилъ сѣти не для бѣ-
лой рыбы, а для утокъ. Довольно мы
поѣли, довольно попили — да воздастъ
вамъ Богъ за угощеніе!</p> |
|---|--|

(¹) Дословный переводъ нагайбацкихъ пѣсенъ сдѣланъ мною при содѣйствіи бывшаго учите-
ля Казанской крещено-татарской школы С. Максимова, кончившаго курсъ въ Казанской Учитель-
ской Семинаріи и состоящаго нынѣ священникомъ въ одномъ изъ инородческихъ приходоу
Уфимской губерніи.

II.

П ѣ с н и б ы т о в ы я .

<p>1. Ашь-жаулыкъ жяйдемъ ѳстялга,
Эшлянеуляре Мяскаудя;
Жавшымыкъ даныбызъ китсенъе,
Питербуларъ белянь Мяскаугя.</p> <p>2. Шыбырь-шыбырь жангиръ жауа,
Жѳгѳрейекъ кайыпъ астына;
Кюбъ ашадыеъ, кюбъ эчтекъ,
Жыгылмыкъ аякъ астына.</p> <p>3. Эй агаларъ, агаларъ (¹)!
Ага кеше атларъ дагаларъ;
Жакшы агаларъ белянь берга
Жѳрсякъ жаланъ жакшы сюзларъ таба-
ларъ.</p> <p>4. Урманъ буйы утляуекъ,
Утляуекъ башы чикляуекъ;
Бу гүмеръ безга ике килмясь,
Угай вильганъ чагга сютайекъ (*).</p> <p>5. Мѳгѳрябъ вильганъ таянаныъ,
Сѳткеняненъ сауыбъ шикяръ ить;
Инякляемъ (²), бябекляенга кюкерыякъ
Сѳткеняненъ халяль ить.</p> <p>6. Ике кайынь жяняшия,
Анынь жапырагы шаулаша;
Ике туганъ берга килгачъ,
Сандугачъ кювь сайыраша.</p> <p>7. Безненъ атейненъ капкасы,
Барда наратъ тактасы;</p> | <p>1. Чтобы слава о моей добродѳтели шла
въ Петербургъ и Москвѳ,—я постлалъ
на столъ скатерть московской работы.</p> <p>2. Журча — журча идетъ дождь, — побѳ-
жимъ подъ березу! Много мы ѳли, много
пили, упадемъ съ благодарностію въ
ноги.</p> <p>3. Эй, братья, братья! родной чело-
вѳкъ лошадей полкуеть (т. е. устройтъ
твердый ходъ всякому дѳлу). Если бу-
дешь водиться съ добрыми людьми,
всегда найдутъ они добрый совѳтъ.</p> <p>4. На опушкѳ лѳса — небольшой кустар-
никъ; на кустарникѳ—орѳхи. Два ра-
за вѳкъ къ намъ не придетъ, — когда
представляется благоприятный случай,
будемъ веселиться.</p> <p>5. Съ ревомъ прибѳжавшую телку подой
и приготовь сладкое питье. Миленькая
маменька! разрѳши твоему птеньчику
грудное молочко твое.</p> <p>6. Двѳ березы стоятъ рядомъ; листья ихъ
шелестятъ между собою. Когда сойдутъ-
ся двое родныхъ вмѳстѳ, какъ соловьи
другъ съ другомъ распѳваютъ.</p> <p>7. Ворота нашего батюшки всѳ изъ сосно-
выхъ досокъ. Что мы ѳдимъ, что мы</p> |
|--|---|

(¹) У Казанскихъ Татаръ: «агайларъ».—(²) Сютейекъ.—(³) Анекляемъ.

Бу ашаганыбызъ, бу эчкянебезъ,
Баръда атекляй, анекяй аркасы.

8. Ой алдына гӧллярь эльдемъ,
Алыйымъ диб ѳрендемъ;
Ишектянь килебъ кергянь чакта,
Инякяйемъ кюкь кюренденъ.

пьемъ—все это батюшкины и матуш-
кины труды.

8. Я повѣсилъ въ сѣняхъ цвѣты и потя-
нулся, чтобы взять ихъ; когда же ты
вошла въ дверь, ты показалась мнѣ,
какъ моя матушка.

III.

Пѣсни романческаго характера.

1. Гӧмбай буйлары кинъ жаланъ,
Тюмгякляре баръ, шуль жаманъ;
Але жӧрейбезъ бергя-бергя,
Айырылыбъ китсякъ шуль жаманъ.
2. Сары булырь сандугачъ,
Кара булырь карлыгачъ;
Синь—сандугачъ, минь—карлыгачъ,
Бикъ жамансы булырь айырылгачъ.
3. Атларны жиксянъ, жикъ жакшысынъ,
Бялякяйрякъ башлысынъ;
Жярларне саѳсянъ саѳ матурынъ,
Сызылыбъ киткянь кара кашлысынъ.
4. Бакча ишегенъ ачаръйемъ,
Бауы жепякляй булса;
Матуръ булмасада саѳаръйемъ,
Билгеняйе незекая булса.
5. Кара-кара кюренгянь,
Уль кемнярненъ сӧргянь жирляре;
Кара кашлы зйба (1) буйлы,
Уль кемнярненъ саѳгянь жарляре?

1. По Гумбею (2) — широкая поляна, но
худо, что она кочковатая. Теперь мы
гуляемъ вмѣстѣ, но худо, если раз-
станемся.
2. Соловей желтый, ласточка черная,—ты
—соловей, а я—ласточка; очень будетъ
свучно, когда мы разстанемся.
3. Если будешь запрягать лошадь, запря-
гай самую лучшую, съ маленькой го-
ловкой. Если полюбишь, полюби самую
красивую, у которой брови черныя,
какъ перомъ выведенныя.
4. Я отворилъ бы садовую дверь, если бы
завязка была шелковая. Я полюбилъ-бы,
если бы была и некрасивая, но съ тонень-
кой таліей.
5. Видѣется черное, черное,—чья это рас-
паханная полоса? — Чернобровый, съ
стройнымъ станомъ,—чей это милый?

(1) У казанскихъ Татаръ—«зйпа».—(2) Гумбей—рѣка, при слияніи которой съ р. Кизиль-Чи-
ликъ расположенъ поселокъ Фершампенуазъ.

6. Синенъ чяченъ бикъ гѳдѳря,
Гѳдѳряга кюря жиль ѳря;
Синенъ буйынъ бикъ зѳба,
Зѳбаларга кюря сѳйдѳря.
7. Тарамамъ чячемъ ѳрмясямъ,
Тора алмыйымъ сине кюрмясямъ;
Синь ташламасагъ, минь ташламамъ;
Синнянь элекъ ѳземъ ѳлмясямъ.
8. Синенъ чяченъ бигерякъ сары,
Сары майларъ сѳртебъ тарагачъ;
Минемъ ѳлляремне китерясегъ,
Кюзляренне сирпекъ карагачъ.
9. Эйямне Гѳмбай буйында,
Тѳрле чячя (¹) халь тѳгѳль;
Минемъ сѳйѳемъ хайля тѳгѳль,
Жанымъ жарыбъ бирсямъ жяль тѳгѳль.
10. Бара торгачъ минь утырдымъ
Унъ аягымъ талганга;
Алдымъда калямъ, жаздымъ сялямъ,
Жѳрякяйемъ уттай (²) жанганга.
11. Утырдымъ чананыпъ тюреня,
Чакрымъ жарымъ бармамъ тюняремъ;
Синь туганпарымнанъ айырылгачъ,
Атна жарымъ тормамъ ѳляремъ.
12. Кара урманпарны ѳтгянь чакта,
Сындырыбкай (³) алдымъ беръ миляшь;
Синь туганпарымнанъ айырылгачъ,
Кемнярь биреръ мина беръ кингяшь?
6. У тебя волосы кудрявые, по этому вѳ-
теръ и раздуваетъ ихъ; станъ у тебя
очень стройный,—это и располагаетъ
всѳхъ любить тебя.
7. Не расчесу своихъ волосъ, если не за-
плету ихъ. Не могу жить, если не уви-
жу тебя; если ты не бросишь меня, я
тебя не брошу, если только сама не умру
прежде тебя.
8. У тебя волосы бываютъ черезчуръ жел-
ты, когда ты расчешешь ихъ, намазавъ
коровьимъ масломъ. Ты приводишь ме-
ня въ изнеможеніе, когда поднимаешь
на меня свой взоръ.
9. По прелестнымъ берегамъ Гумбея—
цвѳтовъ разныхъ, — сказать нельзя. Я
люблю не кое-какъ, притворно, а, раз-
дѳливъ, не пожалѳю отдать половину
души моей.
10. Шель — шель я и сѳлъ, потому что
устала правая нога. Взялъ я перо и
написалъ поклонъ, потому что сердце
мое горѳло какъ огонь.
11. Я сѳлъ въ сани, но и полторы версты
не проѳду—свалюсь. Разлучившись съ
тобою, роднымъ, и полторы недѳли не
проживу—умру!
12. Проходя чернолѳсьемъ, я сломилъ ря-
бинку. Кто подастъ мнѳ совѳтъ, когда
разлучусь съ тобою, роднымъ?

(¹) Чячякя.—(²) Уттай.—(³) Сындырыбкана.

13. Кара минемъ кюзема,
Калямперь бөркөйөмъ жөзөпгя;
Ауада чыкканъ кояшъ кюкь,
Кюренясегъ минемъ кюзема!
14. Тустаганнарымъ ⁽¹⁾ пияла,
Жирьяйларга ⁽²⁾ төшсе уала;
Жырласамъ жөземъ ояла
Жирламасамъ катерепъ кала.
15. Унъ бармагымъ уйылганъ,
Көмешъ жөзөкъ кейганъ;
Карамасамъ да кюземъ төшя,
Сине жанымъ бикъ сөйганъ.
16. Жугары очтапъ беряу кия,
Кулларында бадьянъ кибете;
Никъ жылыйсынъ дибъ, никъ сорой-
сынъ?—
Жыламаслымъ төгөлъ жегете!
17. Тягармячъ ничекъ айляня,
Аныпъ айлянясеңдя кигей баръ;
Сагынганъ сайыпъ кюрешерга,
Безнепъ арабызда Идель баръ.
13. Взгляни на мои глаза,—гвоздикой брыз-
ну я на твое лицо! Ты моимъ глазамъ
представляешься, какъ восходящее на
небѣ солнце.
14. У меня стаканы стеклянные; если уро-
нишь ихъ на землю, они разобьются.
Пѣть стѣсняюсь, если же не пѣть—ты
гнѣваешься.
15. Въ десять моихъ пальцевъ вдавильсь
серебрянные перстни, которые я ношу.
Хотя-бы я и не желалъ глядѣть, но
мой взоръ невольно устремляется на
тебя, потому что моя душа очень лю-
бить тебя.
16. Съ верхняго конца (улицы) идетъ одинъ,
въ рукахъ у него цѣлая лавка бадья-
на. Зачѣмъ ты спрашиваешь, о чемъ
я плачу? Не такой молодець, чтобы о
немъ не плакать.
17. Какъ колесо ни вертится,—кругомъ его
есть спицы. Всякій разъ, какъ соску-
чишься, хотѣлось - бы повидаться, но
между нами есть огромная рѣка (Кама
или Волга).

IV.

П ѣ с н и х о р о в о д н ы я .

1. Гөмбәй урамы кингъ урамъ,
Уртасында бадьянъ кибете;
Никъ жылыйсынъ дибъ, никъ айтәсезъ?
Жыламаслымъ төгөлъ жегете.
1. Среди широкой улицы Гумбеля лавка съ
бадьяномъ. Зачѣмъ спрашиваете, о чемъ
я плачу?—Нельзя не плакать, — моло-
дець-то хорошъ.

(1) Тустыганнарымъ. — (2) Жиргеняйларга.

<p>2. Жангырь жауарь сазь итярь,
Тюбя жирларне тозь итярь;
Жирле жирень бивь мактыйдырь,
Гөмбай буйына ней житярь?!</p>	2. Дождь пойдет—образуются болота, а холмистыя мѣста дѣлаются ровными. Каждый человекъ хвалить свою мѣстность, но что сравнится съ долиной Гумбея!
<p>3. Ачылырь кибеть, ачылырь,—
Бухарларда басма басыдырь;
Уйнасакъ, кѳлсакъ шушы багыть,
Мыннапъ былай жѳраеъ басылырь.</p>	3. Откроется лавка, откроется; въ Бухарѣ приготовить набойку.—Теперь—и время намъ поиграть, посмѣяться; а потомъ, когда пройдетъ молодость, сердце затихнетъ.
<p>4. Кинъ урамнарны жалтыратыбъ
Сырлабъ салганъ беръ кибеть;
Атна кѳннѳ сауабъ ѳстябъ
Сахраларга чыкканъ беръ жегеть.</p>	4. Устроена лавка, которая своими рѣзными узорами блеститъ на всю широкую улицу. Одинъ юноша въ воскресенье, ради благочестія, вышелъ въ поле (погулять).
<p>5. Асылъ кейемъ бездя жукъ,
Асламчыларъ килгачъ алышкъ;
Жяшлекъ гүмерларъ ике килмасы,
Уйнабъ кѳлебъ калыйшкъ.</p>	5. У насъ дорогой и хорошей одежды нѣтъ,—прѣдутъ разнощики — купимъ. Вѣкъ молодости два раза не придетъ, будемъ же смѣяться и играть!
<p>6. Урай да урай чабарларга айгай,
Гөмбайненъ буйлары;
Уйнаганъ кѳльганъ адымларга,—
Бивь йемне Гөмбай буйлары.</p>	6. Раздолье—скакать по лугамъ Гумбея!—Прелестны берега Гумбея для людей играющихъ, смѣющихся.
<p>7. Гөмбай жаннары киртлячь, киртлячь,
Киртлячларе бетяръ каръ киткячь;
Гѳрлябъта торганъ Гөмбай буйы,
Эйемпаре бетяръ безъ киткячь⁽¹⁾.</p>	7. По бокамъ Гумбея—много бугровъ, по они уничтожатся, когда стаетъ снѣгъ. Пышна, роскошна долина Гумбея, но красота ся пропадаетъ (для насъ), когда мы уѣдемъ.

(1) Эту пѣсню поютъ и на свадьбѣ, и во время катанья по селу.

v.

Свадьбишныя пѣсни.

1. Жяшлекъ гумерлардя безъ жорѳюкъ,
Жаланнарда жильгянь боланъ дай;
Жяшлекъ дяѳерляръ ѳтя вуйгачъ
Бѳгѳлеръ безъ кара жыланъдай.	1. Въ молодости будемъ гулять, какъ рысю
носится олень по лугамъ. Время моло-
дости пройдетъ, и мы, состарившись,
согнемся, какъ черная змѣя.
2. Ничекъ кильдегезъ сезъ безгя,
Ничекъ тѳшмядегезъ дингезгя?
Аракыбызъ азъ, балыбызъ жукъ,—
Ній бирейекъ кодаларъ безъ сезгя?!	2. Какъ вы пришли къ намъ, какъ не
утопули въ морѣ?—Вина у насъ мало,
меду вовсе нѣтъ, — чѣмъ же, сватья,
мы угощать васъ будемъ?!

vi.

Пѣсни походныя (').

1. Ай жугары, безляръ тюбянь,
Ай артыппапъ качапъ житярбезъ;
Але жѳрейбезъ бергя-бергя,—
Айырылышкачъ—ній халь итярбезъ?!	1. На верху — мѣсяцъ, а мы — внизу,—
когда мы догонимъ мѣсяцъ? — Теперь
ходимъ все вмѣстѣ,—какъ перенесемъ
разлуку, когда разстанемся?!
2. Коашъ чыгаръ айлянебъ
Акъ жукагачка байлянебъ;
Исяннаръ булсакъ безъ кайтырбызъ,
Гѳмбйай буйкайларына айлянебъ.	2. Солнце оборачивается кругомъ, какъ-
бы привязанное къ лутошкѣ. Если бу-
демъ живы и здоровы, и мы вернемся
на долину Гумбея.
3. Сикеребъ атларга менгянь чакта,
Кюрепебъ калды Гѳмбйай кичеѳе;
Ѵлемъ халляренциянь читень халь,
Туганъ жирне ташлабъ китеѳе!	3. Вспрыгнулъ я, чтобы сѣсть на лошадь,
и увидѣлъ бродъ Гумбея. Трудно уми-
рать, по гораздо труднѣе разставаться
съ родиной.
4. Бейекъ таунынъ башында,
Жалтырабъ жата гяѳаръ ташларъ;
Акъ кошъ очобъ житмясь
Жиргя китя казакъ башлары.	4. На вершинѣ высокой горы блестятъ
алмазы. Казачьи головы идутъ въ зем-
лю, куда и лебедь не долетитъ.

(') Пѣсни, которыя Пагайбаки поютъ, отправляясь въ походъ и возвращаясь на родину.

5. Кайынныкта каръ тирянь,
Менгянь атымъ канъ жирянь;
Минь туганнаримны бикъ сагынамъ,
Кайтибъ (¹) бюрешеръ йемъ танъ бе-
лянь.

5. Въ березнякѣ снѣгъ глубокъ; лошадь
подо мною красно-рыжая. Я очень ску-
чаю о родныхъ, — какъ - бы на зарѣ
повидаться съ ними?!

VII.

П ѣ с н и и с т о р и ч е с к і я .

Е г о р ь Б я й е т и .

1. Каты-бургапнанъ походъ чыктыкъ,
Ташъ кюперлярдя кунмага;
Посланникляръ карышы кильде,
Урысъ кялярень белмягя.

2. Бейекъ таунынъ башыннанъ
Амиръ тубларынъ атадыръ;
Шуль Амирнень командасы,
Тюмгякъ-тюмгякъ жатадыръ.

3. Агымъ Дарьяне ұткань чакта,
Ага жаздыкъ бѣтѣннай;
Беръ-беребезне кюрямдыкъ,
Кюзъ алларыбызъ тѣтѣнгя.

4. Агымъ Дарьянень буйында
Суйырылыбъ ұскянь талларъ жукъ;
Беръ Ходайнынъ жазганна
Тюзмейиче халляръ жукъ!

5. Егоръ Мескеннень сары аты
Тирякъ тѣбѣнь кимеря;
Егоръ Мескенгя жадеря тейгячь,
Инякяй дей-дей, тилмеря.

1. Изъ Каты - кургана мы вышли въ по-
ходъ — ночевать на каменномъ мосту.
На встрѣчу вышли посланники, чтобъ
разузнять положеніе русскихъ.

2. Съ вершины высокой горы стрѣляетъ
изъ пушекъ Эмиръ; Эмирова команда
ложится кучками.

3. Когда проходили по быстрой рѣкѣ
Дарьѣ, насъ чуть-чуть водой не унесло;
другъ друга намъ не было видно отъ
густаго дыма передъ глазами.

4. По берегамъ быстрой Дарьи нѣтъ густа-
го тальника. Предопредѣленію Единого
Бога нельзя не покориться.

5. Соловая лошадь бѣдняжки Егора гложетъ
стволь тополя. Когда въ бѣдняжку
Егора попала пуля, онъ говоритъ жа-
лобнымъ голосомъ: „Мама, мама!“

(¹) Ничекъ итебъ.

6. Егоръ Мескенень сары аты
 Казакъ кулында жөрөйдеръ;
 Егоръ Мескенень газизъ тәне
 Жирь куйында } черей деръ.
 Самарканда }

6. Соловая лошадь бѣдняжки Егора на-
 ходится въ рукахъ казака, а милое тѣло
 Егора гниетъ въ нѣдрахъ земли (варь-
 янтъ: въ Самаркандѣ).

З а г а д к и.

1. Инясеннанъ (¹) элеке баласы тыуаръ (Чюмяля). 2. Ана бара, эзе жукуъ (Кима). 3. Ой тюбсендя озонъ урысь (Муржа (²)). 4. Балякай гня пичура билень байлябъ утыра (Себерке). 5. Ой тюбсендя уакъ ташъ (Жондозларъ). 6. Тириянь базда тиле урысь акыра да бакыра. (Май жазуу). 7. Аты бара, тартясе кала. (Сыу жары). 8. Ой айлянасе выль дилбюга (³) (Мюкь). 9. Ойдянь ойга жогордемъ, ачычкайемъ тошердемъ, ай табты, козпъ алды. (Кырау). 10. Оло агайнынъ бюреге, кече агайга жарамый. (Мюшке). 11. Дюртъ татаръ кыуыша, берсе артыннанъ берсе житялмей. (Арба (тӓгярмяче)). 12. Балякай гня бокоре, ботопъ кыры бертера (Уракъ). 13. Жалтъ, жолтъ итары, жалмабъ жотаръ. (Чалгы). 14. Ишектянь кереръ, тюрга жогореръ (Сыукъ). 15. Жирь астында кызыль атысь (Чогөйдеръ).	1. Дитя родится прежде своей матери (копна). 2. Вотъ идетъ, а слѣду нѣтъ (корабль или баржа). 3. На крышѣ—высокій русакъ (труба). 4. Маленькій пичура (⁴) сидитъ, подпоясавъ поясицу (вѣвниѣ). 5. На крышѣ—мелкіе камешки (звѣзды). 6. Въ глубокомъ погребѣ сидитъ и горланитъ русскій дуракъ (масло пахтаютъ). 7. Лошадь идетъ, оглобли остаются (берега рѣки). 8. Кругомъ дома—волосяные возки (мохъ въ стѣнѣ, прокладываемый между бревенъ деревяннаго сруба). 9. Бѣжалъ изъ одного дома въ другой, уронилъ ключи, мѣсяць нашель, солнце взяло (Иней или морозъ). 10. Шапка старшаго брата меньшему не годится (мельничный ковшъ). 11. Четыре татарина скачутъ, другъ друга не догонять (колеса въ тѣлегѣ). 12. Маленькій, горбатенькій все поле кончаетъ (серпъ). 13. Блеснетъ, блеснетъ и, лизнувши, проглотитъ (коса). 14. Въ дверь войдетъ, къ передней стѣнѣ побѣжитъ (холодъ). 15. Подъ землею—красный пѣтухъ (свекла).

(¹) Анасыннанъ.—(²) Муржа.—(³) Дильбега.—(⁴) Родъ домового.

16. Жирь астында картъ урысь, —сакалып-
напъ тартыгызь (Шалъанъ).	16. Подъ землею—старый русакъ, тяпите
за бороду (рѣпа).
17. Киштя ѳстѳпдя акъ таукъ (Тешь).	17. На полкъ—бѣлыя курицы (зубы).
18. Акъ кѳчегемъ жирдя калды (Тѳкѳ-
рекъ).	18. Мой бѣленькій щенокъ остался на землѣ
(вѳса).
19. Жирь астында жизь бюкянь (Торма (')).	19. Подъ землею—мѣдный чурбанъ (Брюква)

С к а з и. № 1.

Баръ дей беръ абей, анынъ беръ улы баръ икянь. Улы киткянь дей су-
нарга. Беръ урманга кергячь, кюргянь: беръ акъ жыланъ белянь беръ кара жы-
ланъ сугышыбъ жата дей. Малай кара жыланны ѳтерде дей; шуннанъ акъ
жыланъ кызъ булганъ дей. Акъ жыланъ малайны алыбъ киткянь дей. Малайга
айткянь: „безненъ ишекъ алдында бикъ кюбъ аждагы жыланъ булырь; синь алар-
данъ курыкма дигянь. Барыбъ кергячь, аней белянь атейгя исяннекъ биръ ди-
гянь. Атей белянь аней сига жыланны тергянь ѳчѳнь алтынъ кѳмешъ биреръ;
синь аларны алма, кѳмѳшь кылычь белянь алтынъ кылычь сора дигянь.“—
Барыбъ кергяннярь, исяннекъ биргянь. Шуннанъ теге кызъ айткянь: „Минѳ
бютянь падша жыланы талабъ жатканда, бу кеше мине жаклады дигянь; мыгаръ
алтынъ кылычь белянь кѳмешъ кылычны бирейекъ дигянь“. — Шуннанъ ике
кылычны ике жагына блялябъ жибяргяннярь, агаръ айткяннярь: „беридя алыбъ
карама дыбъ“—Шуннанъ малай жѳгѳргянь ѳйгя. ѳйгя кайтыбъ житкянь чагында,
алыбъ караганъ икянь, бѳтѳнь жаланъ (") малъ булганъ. Ничекъ итебъ жыйыбъ
алырга белмягячь артыннанъ ике кеше кия икянь, шуль кешеларъ тутырыбъ
биргяннярь. Кайткачь баръ малынь жарлыларга кайырь итебъ ѳляшебъ биргянь

№ 2.

Баръ дей беръ абей белянь беръ бабай. Аларнынъ берья маллары (") бул-
маганъ; тикъ ике мешъ тянкя акчалары баръ икянь. Абей бабайга айткянь: „бу
акчага малъ алыыкъ“, дыбъ. Аннары бабай акча алыбъ беръ ауылга киткянь.
Анда барыбъ беръ тярязядинъ сораганъ: „сездя сатлыкъ малъ жукмы, дыбъ?“—
Агаръ баръ дигяннярь.—„Ний малъ дигянь?“—Кязя тьяксе, дигяннярь. Вабай

(') У татаръ болѳе употребительное *парникъ*.—(") Жалан поле, долина.—(") Малъ значить вообще богатство, имущество, достатокъ, но въ особеннѳсти *скотъ*, составляющій главное иму- щество кочевыхъ народовъ.

берь менъ тьякыга берь кязя тьяксе алганъ. Аннары ишенче ойга барыбъ со-
раганъ: „сатлыкъ малъ жукмы? дибъ“—Баръ, дигявнярь.—„Ний малъ“? дигянь.—
Сарыкъ тьяксе, дигявнярь.—Бабай тагы берь менъ тьякыга берь сарыкъ тьякс-
алгачъ кайтыбъ киткянь. Абей атаръ кайткынчы берь турбы тегебъ соло туты.
рыбъ куйды дей. Бабай кайткачъ, абей айтте дей: „безъ бу малларны жазыкы
булыбъ асырамыйыкъ, чыгарыбъ жибярейекъ, ұзляре шунда жёрёръ диде дей“,
Кязя тьяксе белянь сарыкъ тьяксенъ чыгарыбъ жибярделярь дей. Азыракъ бар-
гачъ, кязя тьяксе айтте дей: „Абей безга турбы теккянь йе, баръ, алыбъ киль
дибъ“. Сарыкъ тьяксе алыбъ килде дей. Бара торгачъ, быларъ утъ кюрганнярь,
анда барганда берь бюре башы тауыбъ турбыга салганнаръ икянь. Уль утъ ка-
тында жиде бюре тора дей. Берсе думбыра уйный дей, бютяннаре бейей дей,
Бюрелярь бларны кюргячъ бигеряктя бейешя башладыларъ дей: итъ кильде, итъ
кельде дибъ кычкырыбъ. Кязя тьяксе сарыкъ тьяксеня айткянь: „баръ турбыданъ
бюре башынъ алыбъ киль, жышенъ алыбъ кильмя, картынъ алыбъ киль, жышенъ
утсызъ жирдя дя ашарбызъ дигянь“. Сарыкъ тьяксе алыбъ килде дей. Кязя
йткянь: „мына бу жиде бюрене да ашарбызъ дибъ“.—Бюрелярь бу сюзляр-
не эшеткячъ бейеуляреншянь туктадыларъ да калтырашыбъ тораларъ дей. Кязя
бюреляргя, берь жиргядя китмягезъ дибъ айтте дей. Берь бюре килебъ кязяга
айтя дей: „Мине тычыбъ килергя гня жибярче дибъ“.—Кязя жибяргянь. Шулай
кайсы утынга, кайсы сыуга барыйымъ дибъ качыбъ беттелярь дей. Кязя тьяксе
белянь сарыкъ тьяксе да киттелярь дей.

Берь-берь жиргя барыбъ житебъ тораларъ икянь, берь айыу кильде дей.
Нишлябъ тораesyзъ дигянь айыу.—Бюрелярь — безъ бикъ куркыбъ торабызъ
—безне кязя тьяксе белянь сарыкъ тьяксе ашый жаздыларъ, дигявнярь. Айыу,
айдягезъ барыйыкъ, кайда аларъ? дигянь.—Бюрелярь—безъ бармыйбызъ, курка-
бызъ дигявнярь. Айыу бюрелярне алыбъ киткянь. Быларъ кязя белянь сарык-
нынъ эзена барыбъ тӱшкявнярь. Кязя белянь сарыкъ быларны кюргячъ, агачъ
тубясеня менебъ киткявнярь. Айыу белянь бюрелярь быларъ менгянь агачъ тӱ-
бӱня барыбъ житкячъ, эзне жуйганнаръ. Айыу бюреляргя айткянь: „Сезъ уты,
рыгызъ, минъ нугытъ карайымъ дигянь“. — Бюрелярь тизелешебъ утырганнаръ
айыу урталарына керебъ утыр ганъ да нугытъ карый башлаганъ. Сарыкъ тьяксе
кязяга айтя дей: „Кязя дусъ! минъ жыгыламъ тӱшямъ“, дибъ. Шуль арада са-
рыкъ жыгылыбъ тӱшкянь. Кязя агачъ башынанъ кычкыра дей: „Нугытъ карау-
чысынъ тотъ, нугытъ караучысынъ тотъ“, дибъ. Айыукемъ тыча-тыча чаба дей,
кязя аманъ кычкыра дей „тотъ“ дибъ.

ПЕРЕВОДЪ СКАЗОНЪ.

№ 1.

Была одна старушка, а у нея—сынъ. Отправился онъ на звѣря; вошедши въ лѣсъ, онъ увидѣлъ, что съ бѣлой змѣей дерется черная змѣя. Юноша убилъ черную змѣю, а бѣлая змѣя превратилась въ дѣвушку и повела юношу за собой, говоря: „у насъ на дворѣ ты встрѣтишь много змѣй, но ты не бойся ихъ. Какъ только войдешь во дворъ, поздоровайся съ моимъ батюшкой и матушкой. За то, что ты убилъ змѣю, они будутъ давать тебѣ серебра и золота, но ты не бери, а проси, чтобы они дали тебѣ золотую саблю и серебряную саблю“. Они вошли во дворъ и онъ поздоровался; тогда дѣвушка сказала: „когда меня терзала змѣя изъ другаго царства, то этотъ человекъ меня защитилъ; за это ему нужно дать золотую саблю и серебряную саблю“. Родители дѣвушки привязали юношѣ по обѣ стороны по саблѣ и отпустили его, сказавъ, чтобы онъ эти сабли не вынималъ. Юноша отправился домой. Приближаясь къ дому, онъ вынулъ сабли и—вся поляна покрылась богатствомъ и онъ не зналъ, какъ его собрать; вдругъ сзади его явились два человекъ, которые и собрали ему деньги. Пришедши домой, юноша роздалъ все богатство бѣднымъ.

№ 2.

Жилъ старикъ со старухой; скота у нихъ не было, а было двѣ тысячи денегъ. Старуха разъ и говоритъ старику: „купимъ, старикъ, на эти деньги скотины!“—Старикъ согласился, взялъ деньги и пошелъ въ одну деревню. Пришедши въ деревню, онъ остановился у окна одного дома и спросилъ: „Нѣтъ-ли продажной скотины?“—„Есть!“ отвѣчали ему.—Какая?—Козель. Старикъ купилъ козла за тысячу рублей и, подойдя къ другому дому, опять спросилъ подъ окномъ: „Нѣтъ-ли продажной скотины?“—Есть.—Какая?—Баранъ.—Старикъ купилъ и барана за тысячу рублей и отправился домой. Между тѣмъ старуха, въ отсутствіе мужа, спила турбу (мѣшокъ) и наполнила ее овсомъ. Когда старикъ пришелъ, старуха говоритъ ему: „Чтобы не было грѣха, отпустимъ, старикъ, эту скотину,— пусть гуляетъ себѣ, гдѣ хочетъ!“ и старики отпустили козла съ бараномъ. Пройдя немного, козель говоритъ барану: „Бабушка спила намъ турбу; ступай, принеси ее!“ Баранъ отправился за мѣшкомъ и принесъ его. На дорогѣ они нашли волчью голову и положили ее въ этотъ мѣшокъ. Пройдя еще немного, они увидѣли огонь, около котораго было семь волковъ; одинъ изъ нихъ игралъ на бала-лайкѣ, а остальные плясали. Увидѣвъ козла съ бараномъ, волки начали плясать

еще веселѣе и кричали: „говядина, говядина пришла къ намъ!“ Козель и говоритъ барану: „Ступай, возьми изъ мѣшка волчью голову и принеси сюда, да смотри молодую не бери, а возьми старую,—молодую съѣдимъ, гдѣ огня не будетъ!“— Баранъ принесъ волчью голову, а козель говоритъ ему: „Вотъ и этихъ семь волковъ съѣдимъ!“—Волки, услышавъ это, перестали плясать и дрожать отъ страха, Козель говоритъ волкамъ: „Вы не смѣйте никуда уходить!“—Тогда одинъ изъ волковъ подошелъ къ козлу и говоритъ: „Отпусти меня до-вѣтру!“—Козель отпустилъ. Послѣ этого обратились съ просьбой къ козлу и другіе волки: кто просился за дровами, кто—за водой,—и такъ всѣ волки разбѣжались; козель съ бараномъ тоже ушли. Добѣжавъ до одного мѣста, волки остановились. Приходитъ медвѣдь и спрашиваетъ: „Что вы, волки, здѣсь дѣлаете?“—Волки отвѣчаютъ: „Мы перепугались,—насъ напугали козель съ бараномъ: чуть-чуть насъ не съѣли.“— Медвѣдь говоритъ: „Пойдемъ-те, гдѣ они:“— „Мы не пойдемъ,—боимся!“ отвѣчали волки, но медвѣдь насильно увелъ волковъ. Скоро они напали на слѣдъ козла съ бараномъ, которые, завидя ихъ, взлѣзли на дерево. Дойдя до этого дерева, медвѣдь и волки потеряли слѣдъ. Тогда медвѣдь говоритъ волкамъ: „Вы, волки, сидите, а я буду ворожить.“— Волки усѣлись въ кружокъ, а медвѣдь—въ средину ихъ и началъ ворожить. Баранъ говоритъ козлу: „Козель, другъ мой, я упаду!“ и въ это время баранъ грянулся съ дерева на землю, а козель кричитъ съ дерева: „держи, держи того, который ворожить!“—Медвѣдь мой съ испуга пустился скакать; скачетъ и кладетъ а козель все кричитъ: „держи, держи его!“

ОТДѢЛЕНІЕ ІХ.

СБОРНИКЪ И УКАЗАТЕЛЬ

документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи
и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министер-
ства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библіотекѣ.

Составилъ И. О. ТОКМАКОВЪ.

I.

1) 1622 г. Апрель 8-го. Память изъ Казанскаго въ Посольскій приказъ въ отвѣтъ на присланную изъ онаго память, что казанцу Андрею Хохлову производится денежнаго жалованья 54 р. Св. 11—№ 11.

2) 1623 г. Октября 22-го. Память изъ Казанскаго въ Посольскій приказъ въ отвѣтъ на присланную изъ онаго память же, что уфимцу, сыну боярскому Василию Волкову въ окладныхъ книгахъ помѣстнаго оклада не написано. Св. 12—№ 19.

3) 1627 г. Марта 2-го. Память изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ объ отписаніи станишному служилому Татарину, Мустафѣ Тевкелеву, что помѣстный окладъ, изъ которыхъ городѣхъ велѣно его испомѣстить. Тутъ же и другая память изъ Посольскаго приказу въ приказъ сказаннаго дворца, въ отвѣтъ на то. Св. 56—№ 14 (¹).

4) 1637 г. Января 4-го и 16-го. Двѣ памяти о присланіи въ приказъ Казанскаго дворца для Государева сысканаго дѣла къ допросу пустоозерскаго пристава Ивана Гаврилова, который присланъ изъ Пустоозера въ Новгородскую четверть (²). Св. 97—№ 1.

5) 1654 г. Марта 2-го. Дѣло по допросу изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ, какой помѣстной и денежной окладъ переводчикамъ Резену и Кутлпмамету. Св. 292—№ 46.

(¹) Съ 1—3 ср. ч. I (1505—1634 г.) Реестръ приказнымъ дѣламъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ.

(²) Реестръ приказнымъ дѣламъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, ч. II-я (1635—1650 г.).

6) 1664 г. Юля 20-го. Дѣло о приѣмѣ изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ собранныхъ съ разныхъ Устюжской четверти городовъ и уѣздовъ серебряныхъ полонянничныхъ денегъ. Тутъ же челобитныя разныхъ чиновъ людей о дачѣ имъ государевыхъ денегъ на окупъ. Св. 349—№ 177.

7) 1664 г. Мая 5-го. Память о послыгѣ изъ Посольскаго приказу въ приказъ Казанскаго дворца съ стольникомъ со княземъ Юрьемъ Мартыновымъ толмача для встрѣчи Калмыковъ въ Москвѣ. Св. 348—№ 108.

8) 1664 г. Юля. Память Посольскаго приказу о выправкѣ для щетовъ изъ Казанскаго приказу, сколько съ 7166-го по 7172 годъ отпущено въ Посольскій приказъ соболей сороками и протчихъ всякихъ мягкихъ рухлядей. Св. 350—№ 187.

9) 1666 г. Юля 16-го. Указъ объ отсылкѣ изъ Разряду въ приказъ Казанскаго дворца колодниковъ—шляхтича Александра Пушку да гулящаго челоуѣка, присланнаго изъ Смоленска, Дементьева Карпова и объ отправленіи оттуда въ низовые города для опредѣленія ихъ тамъ въ службу. Св. 372—№ 131.

10) 1666 г. Августа 9-го. Память дьякомъ—думному Алмазу Иванову съ товарищи, о послыгѣ въ приказъ Казанскаго дворца двухъ толмачей калмыцкаго и татарскаго языковъ для встрѣчи Калмыковъ и Татаръ (безъ начала и по краямъ сгнила). Св. 373—№ 154 (³).

(³) Съ 5 по 10. ср. Реестръ приказнымъ дѣламъ Московскаго Главн. Архива Министерства Иностраныхъ Дѣлъ, ч. III (1651—1666 г.).

11) 1667 г. Ноября. 22-го Челобитная приказу Казанскаго дворца подъячего Ивана Суворцева объ отдачѣ ему бѣжавшаго отъ него и записавшагося въ приказъ полонявщныхъ дѣлъ крѣпостного человѣка Михаила Мартынова съ женою и дочерью. Ср. 346—№ 260.

12) 1669 г. Октяб. 13-го. Судное дѣло Казанскаго дворца подъячего Василья Михайлова съ переводчиками Посольскаго приказа съ Ефимомъ Мейснеромъ и Стахѣемъ Гадзаловскимъ въ заемныхъ деньгахъ. № 344.

13) 1670 г. Марта 19-го. Память изъ Казанскаго въ Посольскій приказъ о сборѣ рублевыхъ денегъ съ вотчинъ полковника Аглѣя Шепелева помѣстья (начало сгнило и порвано). Св. 421—№ 146

14) 1670 г. Сентября 21-го. Память изъ Посольскаго въ приказъ Казанскаго дворца о присылкѣ въ оный выписки Касимовскимъ⁽¹⁾ и Елатомскимъ государевымъ започнымъ деньгамъ бывшихъ сборовъ на кружечномъ дворѣ головъ и цѣловальниковъ. Св. 432—№ 489.

15) Сентября 24-го. Память въ Посольскій приказъ изъ приказа Казанскаго дворца о присылкѣ извѣстій, были ли вѣдомы въ Посольскомъ приказѣ Касимовскаго кружечнаго двора доходы. Св. 450—№ 424⁽²⁾.

16) 1673 г. Память изъ Казанскаго приказа въ Новгородскій о невзыскиваніи никакихъ податей съ монастырей, за которыми есть соляныя варницы, также съ работныхъ людей и съ бобылей, которые на оныхъ работаютъ.

17) 1673 г. Юня 16-го. Память боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву съ товарищи

⁽¹⁾ Списокъ матеріаловъ по археографіи Рязанскаго края, хранящихся въ Москов. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ и его библиотекѣ, состав. *И. Токмаковымъ*, напеч. въ приложен. V къ Журн. Рязанск. губернскаго Учен. Архивной комиссіи, отъ 13 Ноября, 1885 г., стр. 17—19., прилож. III къ Журн. той же комиссіи отъ 22 Сент. 1886 г., стр. 55—58 и Труды Рязанск. Учен. Архив. комиссіи 1887 г., т. II, № 3, стр. 59 и 60 и № 5, стр. 99 и 100. Въ упомянутомъ спискѣ изслѣдователь найдетъ перечень матеріаловъ и по Касимову съ XVI по XVIII столѣтіе; другая часть вошла въ Сборникъ матеріаловъ для VII Археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ (Сборн. и указатель архив. документовъ, относящ. къ Ярославск. губ., въ Москов. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ). Выпуски I—IV. Состав. *И. Токмаковымъ*. Ярославль. 1886—1888 г. in 8°.

⁽²⁾ Съ 11—15 ср. Реестръ приказн. дѣламъ Моск. Главн. А. хива Мин. Иностр. Дѣлъ. ч. 4 (1667—1671 г.).

о присылкѣ изъ Посольскаго приказа въ приказъ Казанскаго дворца татарскаго языка толмача.

18) 1673 г. Января 7-го. Дѣло по памяти изъ Казанскаго приказа въ Новгородскій приказъ о ссылкѣ за воровство на Холмогоры турчанина Петра Саватѣева и о написаніи его въ стрѣльцы.

19) 1673 г. Января 21-го. Память изъ Новгородскаго приказа въ приказъ Казанскаго дворца о присылкѣ въ Астрахань⁽³⁾ къ боярину кн. Одоевскому сукна 2 половинки англійскаго, 6—гамбургскаго и 15 летчипъ для раздачи Калмыкамъ, мурзамъ и Татарамъ.

20) 1673 г. Февраля 4-го. Память изъ Казанскаго приказа въ Новгородскій о ссылкѣ Астраханцевъ боярскихъ дѣтей и иныхъ чиновъ за воровство въ Холмогоры; тутъ же и роспись при дѣлѣ значится.

21) 1673 г. Юня 11-го. Отпускъ грамоты на Двину къ воеводѣ князю Долгорукову объ учиненіи жестокаго наказанія Казанскаго приказа подъячему Любиму Истомину за ложное оправданіе при допросѣ и освобожденіе назначеннаго въ ссылку на Холмогоры вора и зажигателя крестьянина князя Одоевскаго Михаила Вертопрахова.

22) 1674 года, Октября 24-го (2-я часть) Челобитная приказа Казанскаго дворца подъячего Степана Маркова о взысканіи съ него погодно пропадшія у него деньги 18 рублей.

23) 1675 года. Ноября 16-го. Память изъ приказа Казанскаго дворца въ Новгородскій въ отвѣтъ на присланную изъ сего послѣдняго о присылкѣ спорнаго о землѣ дѣла стольника Луки Дурова съ еромонахомъ Гаврилой.

24) 1677 г. Марта ... по 10-е Августа. Дѣло объ отпискѣ въ Посольскій приказъ, сколько, въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ изъ приказа Казанскаго дворца и другихъ приказовъ взято полонявщныхъ денегъ мелкими деньгами и серебряными или мѣдными, также и золотыми и червонными или мѣдными, также и золотыми червонными и ефимками, и почему цѣною тѣмъ золотые и ефимки

⁽³⁾ Ср. Указатель матеріаловъ по археографіи и статистикѣ Астраханской губерніи. Вып. I. Состав. *И. Токмаковъ*. Астрахань. 1887 г. in 8°.

вмѣсто мелкихъ денегъ приняты и кто именпо въ тѣхъ деньгахъ росписались.

25) 1677 года, Августа 28-го. Дѣло по отпискѣ изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій Астраханскому, юртовскому, Табушскому головѣ Тамирѣ Салататову, соболья шуба подъ атласомъ, за какую дана службу.

26) 1677 года, Октября 4-го. Память изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ по челобитью Астраханскаго иноземца шелкового мастера Маматогей Замонова съ Шаховымъ купчиною Мурзою Юсуфъ Зелебедоновымъ въ платежи за шубы собольи и бусу денегъ.

27) 1677 г., Декабря 22-го. Дѣло по памяти изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій о присылкѣ въ оныя калмыцкихъ дѣлъ Аюкая и Соломъ Серетя, тайшей (1).

28) 1678 г. Марта 18 го. Память изъ Казанскаго приказа въ Посольскій о запискѣ въ расходъ посланнаго по указу Царя Алексѣя Михайловича воску и ладону въ монастырь Саввы Звенигородскаго.

29) 1679 г. Октября 18-го. Память изъ Посольскаго приказа въ приказъ Казанскаго дворца о присылкѣ извѣстїа: калмыченокъ Сергѣй, бѣжавшїй отъ Армянина Афанаева Иванова, крещенъ ли въ христіанскую вѣру и какое дано ему имя?

30) 1679 года, Юня 7-го. Память въ приказъ Казанскаго дворца къ кн. Долгорукову съ товарищи о присылкѣ въ Новгородскій приказъ списка съ явочной челобитной, какую новокрещенецъ Никифоръ князь Енаевъ подалъ на Василья Вышеславцева въ мѣновой записи и заемной кабаль. Тутъ же отвѣтъ на оную.

31) 1681 года, Августа 8-го—1682 г. Октября 7-го. Справка изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскомъ приказѣ о писанїи себя овольничему Александру Хитрову въ перепискахъ съ иностранными государствами Ржевскимъ намѣстникомъ.

32) 1686 г. Октября 17-го. Выписки изъ памяти приказа Казанскаго дворца о разграбленїи донскими казаками струга.

(1) Съ 16—27, ср. Реестръ приказн. дѣламъ Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ ч. 5-я (1672—1677 г.). Т.

33) 1688 года. Юня 20-го. Дѣло по памяти изъ приказу Казанскаго дворца въ Новгородскій приказъ о непереоброчиванїи рыбныхъ ловель и всякихъ угодей на оброкъ, безъ перекупки въ прошлыхъ годахъ до Уложенїя данныхъ (2).

34) 1691 года, Января 28 го. Дѣло объ отсылкѣ изъ Новгородскаго въ Казанскій приказъ домоваго Патріарха Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря, на винокурню чертежа (3).

35) 1692 года, Октября 26-го. Память въ Посольскій приказъ изъ Казанскаго дворца о присылкѣ калмыцкаго и татарскаго языковъ толмачей.

36) 1693 года. Марта 20-го. Челобитная Теодора Нармацкаго о посылкѣ въ помѣстный Казанскій розыскной приказъ памяти, чтобъ по имѣющимся у него въ тѣхъ приказахъ разныхъ судныхъ дѣлъ повелѣно было на время производство оныхъ отсрочить въ разсужденїи его опредѣленїя въ Соликамскъ и изъ Москвы отлучки.

37) 1694 года, Августа 8-го. Прошенїе Казанскаго дворца подъячего Григорья Жукова да Переяславля - Резанска городского жителя Ивана Мельникова объ отсрочкѣ имъ суда между собою до 10-го Сентября.

38) 1694 года, Апрѣля. Память изъ приказу княжества Смоленскаго въ приказъ Казанскаго дворца о посылкѣ въ сей приказъ дѣла Муханла Дочановскаго съ смоленскимъ шляхтичемъ Степаномъ Годдыжнымъ въ завладѣнїи имъ у него Дочановскаго пахотной землею, лѣсомъ и сѣнными покосами.

39) 1694 года, Юля 23-го. Дѣло по памяти въ Посольскій приказъ о присылкѣ изъ онаго въ приказъ Казанскаго дворца Новомѣщанской слободы тяглеца Теодора Трофимова для допросу по поручной записи.

40) 1694 года. Августа 20-го. Росписка Казанскаго дворца подъячего Ивана Копы-

(2) Съ 28—33. Ср. Реестръ приказнымъ дѣламъ Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ ч. 6-я (1678—1688 г.). Т.

(3) Ср. Указатель и Сборникъ матеріаловъ по археографїи Нижегородскаго края, хранящихся въ Москов. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ и его библиотекѣ. Составъ И. Токмалова, напеч. въ приложен. Дѣйствию Нижегородск. Губерн. Учен. Архивн Коммиссїи. Вып. 3 1888 г.—in 4°. Т.

това о принятіи имъ на лубяную покупку у Нижегородца посадскаго челоуѣка Василья Васильева денегъ 40 руб.

41) 1696 года, Января 8-го. Память изъ приказу Казанскаго дворца объ учиненіи въ Галицкомъ приказѣ изъ Суздальскихъ писцовыхъ книгъ 7133-го и 7134 годовъ да изъ переписныхъ книгъ 7154 году выписки, въ Суздаль на посадѣ въ Васильевской слободѣ посадскій челоуѣкъ Гаврила Кириловъ съ дѣтми написанъ ли?

42) 1696 года, Августа 3-го. Память изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ о присылкѣ по силѣ указу калмыцкаго и татарскаго языковъ толмачей.

43) 1697 года, Марта 30-го. Дѣло по отпискѣ изъ приказа Казанскаго дворца въ Новгородскій о взятіи съ Нижегородскаго и Арзамасскаго посадовъ плотниковъ, кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ людей на Государево слудное дѣло (*).

44) 1698 года, Марта 15-го. Изъ Казанскаго дворца о переводѣ татарскаго письма и объ обратной присылкѣ онаго.

45) 1698 года, Декабря 26-го. Дѣло по памяти изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ о присылкѣ въ оный фарсовскаго (персидскаго) языка переводчика.

46) 1699 года, Марта 5-го. Память изъ приказу Казанскаго дворца въ Новгородскій приказъ по дѣлу торговаго Армянина Богдана Григорьева Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря съ крестьяниномъ Андреемъ Орѣшниковымъ въ долговыхъ деньгахъ 135 р. 20 коп.

47) 1699 года, Марта 21-го. Грамота изъ Казанскаго дворца въ Пустоозерскій острогъ воеводамъ о сдѣланіи разныхъ судовъ для торговыхъ промысловъ по рѣкамъ.

48) 1699 года, Юля 18-го. Память изъ приказа Казанскаго дворца въ Новгородскій приказъ объ отсылкѣ въ Новгородъ къ воеводѣ грамоты касательно скорѣйшаго доставленія въ Москву для присланныхъ изъ-за моря иноземцевъ плотниковъ.

49) 1699 года, Сентября 12-го. Память изъ приказу Казанскаго дворца въ Посоль-

скій приказъ о препровожденіи явившихся двухъ выходцевъ изъ полону для разсмотрѣнія. Тутъ же и допросъ оныхъ, учиненныхъ въ Посольскомъ приказѣ.

50) 1700 года, Января. Отписки изъ Нижняго Новгорода въ приказъ Казанскаго дворца съ приложеніемъ росписки, сколько и какія именно крѣпости, съ Юля 4-го по 22 Юля въ Приказной палатѣ писаны.

51) 1700 года, Марта 9-го. Справка изъ приказа Казанскаго дворца въ Новгородскій приказъ, сколько въ Арзамасѣ на посадѣ посадскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Тутъ же и отвѣтъ на оное.

52) 1700 года, Августа 3-го. Указъ изъ Казанскаго въ Посольскій приказъ о переводѣ присланныхъ изъ Астрахани персидскихъ писемъ Посольскаго же приказа переводчикамъ и при томъ сказка того же приказу переводчика Дмитрія съ товарищи ко смотрю оныхъ писемъ, сказалъ, что тѣ письма фарсовскаго языка и перевести оныхъ не могутъ.

53) 1700 года, Декабря 18-го. Память изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ о сборѣ со всѣхъ городовъ, съ крестьянъ и бояръ даточныхъ денегъ.

54) 1701 года, Апрѣля 3-го. Память изъ приказу Казанскаго дворца и по оной указъ изъ Новгородскаго приказа въ Арзамасѣ къ воеводѣ Феодору Корсакову о высылкѣ въ Москву челобитья подъячего Якова Желтухина и по оному всего дѣла и колодниковъ площадныхъ подъячихъ Осипа Горянинова съ товарищи.

55) 1702 года, Февраля 11-го. Память изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій о посылкѣ изъ онаго въ Нижній Новгородъ къ стольнику и воеводѣ Никитѣ Мельничкову грамоты, повелѣвающей ему явиться съ прочими свидѣтелями къ Кунгурскому воеводѣ Михайлѣ Шишкину для допросу и розыску по челобитью Григорья Аникѣева въ бою, увѣчи и безчестіи отца его Федосѣя Аникѣева. Тутъ же и отпускъ оной грамоты № 48.

56) 1705 года, Мая 4-го. Память изъ приказа Казанскаго дворца въ Новгородскій приказъ о посылкѣ въ Арзамасъ послушной грамоты касательно высылки въ Москву въ при-

(*). Стъ 34—43. Ср. Реестръ приказн. дѣламъ ч 7-я.

казъ Казанскаго дворца стольника и полковника Дмитрія Воронцова по начету на немъ денегъ 442 рублей 42 коп. за поручительство его по бывшемъ у Нижегородскаго митрополита приказномъ Тимофеѣ Андреевѣ въ подрядѣ поставки въ Астрахань, Царицынъ и Саратовъ хлѣба. № 55 (').

57) 1700 года, Января 5-го. Дѣло по памяти изъ Казанскаго дворца о присылѣ въ оный изъ Посольскаго приказу столбцовъ о прѣздахъ и договорахъ Хивинскаго (или Юрьенскаго), Шемахинскаго и иныхъ тамошнихъ земель хановъ и владѣльцевъ, пословъ ихъ и посланниковъ.

58) 1702 года. Отписки изъ Казанскаго дворца съ отвѣтами.

59) 1703 года. Памяти изъ приказу Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ.

60) 1703 года, Января 30-го. Память въ Посольскій приказъ объ отпискѣ изъ онаго въ приказъ Казанскаго дворца,—даютъ ли посламъ и посланникамъ, которые ѣздятъ въ окрестныя государства, ямскія подводы и по скольку?

61) 1703 года, Мая 10-го. Память изъ Казанскаго приказу о присылѣ въ оный изъ Посольскаго приказа прежнихъ хивинскихъ дѣлъ.

62) 1703 года, Октября 20-го. Память изъ приказу Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ для вѣдома о турецкихъ неприятельскихъ слухахъ.

63) 1704 года, Юля 10-го. Выписка изъ присланныхъ указовъ изъ приказу Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ о взятіи воровски Татарамъ въ полонъ россійскихъ служилыхъ людей.

64) 1704 года, Юля 18-го. Выписка изъ указа, посланнаго изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ о городовомъ строеніи и лѣсахъ на Дону.

65) 1704 года, Сентября 6-го. Отпускъ памяти въ приказъ Казанскаго дворца объ отсылѣ при оной пѣвчихъ учениковъ—Максима Липскаго, Ивана Арсеньева и Ивана Коренева, вмѣсто присланныхъ Потапа Калмыкова съ товарищи, трехъ же человекъ.

1) Съ 44—56. Ср. Реестръ приказнымъ дѣламъ Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, ч. 8-я (1698—1706 г.).

66) 1705 года, Февраля 27-го. Дѣло по памяти присланныхъ изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ нотнаго пѣнія 18-ти учениковъ для ученія на гобояхъ и о дачѣ имъ жалованья.

67) 1705 года, Марта 19-го. Дѣло по памяти изъ приказу Казанскаго дворца о присылѣ въ оный дѣла Армяпина Сефева Теврисапа и Якова Новокщенова о долговыхъ деньгахъ.

68) 1705 года, Сентября 22-го. Память изъ приказу Казанскаго дворца о разсылѣ по городамъ указовъ, дабы никто астраханскихъ бунтовщиковъ къ себѣ не принималъ.

69) 1705 года, Ноября 10-го. Копія съ памяти изъ приказу Казанскаго дворца о насылствахъ, учиненныхъ въ Астрахани разбойниками, которые въ великомъ числѣ съ пушечнымъ снарядомъ, свинцомъ и денежною казною отправились вверхъ Волгою на Черный Яръ.

70) 1705 года, Декабря 10-го. Дѣло по памяти въ Новгородскій приказъ изъ приказу Казанскаго дворца объ отправкѣ изъ онаго грамоты на Вологду о взятіи въ Москвѣ подлиннаго дѣла стольника Петра Баскакова крестьянъ для розыска и разспроса ихъ въ смертномъ убійствѣ челобитчика крестьянина Степана Бѣрдяева.

71) 1706 года. Вѣдѣніе изъ Казанскаго дворца.

72) 1706 года, Марта. Дѣло по памяти въ приказъ Казанскаго дворца о присылѣ въ Посольскій приказъ персидскихъ, армянскихъ и прочихъ дѣлъ съ 7200 по нынѣшній годъ.

73) 1706 года, Августа 3-го. Записка присланныхъ изъ приказу Казанскаго дворца въ Государственный Посольскій приказъ астраханскихъ дѣлъ разряднаго стола.

74) 1706 года, Сентября 23-го. Отписка изъ Посольскаго приказа въ приказъ Казанскаго дворца для вѣдома о присланныхъ къ Кубанцамъ отъ Корокосаевъ и Каракалпаковъ посланцахъ для договору объ искорененіи Люки тайши.

75) 1707 года. Доношеніе въ Посольскій приказъ изъ приказу Казанскаго дворца.

76) 1707 года, Мая 19-го. Дѣло о дачѣ Казанскаго дворца подъячому Феодору Ту-

лунову проѣзжаго листа въ Малороссійскіе города.

77) 1708 года, Января 15-го. Дѣло по памяти изъ приказу Казанскаго дворца о присылкѣ извѣстія съ данныхъ на подъемъ въ Астрахань денегъ, посланныхъ съ окольными Апраксинимъ людямъ ⁽¹⁾.

78) 1622 года, Октября 28 и Ноября 15 го. Память изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ съ отвѣтомъ на оную о содержавшихся въ Казани Тезикъ Богъ и о у уфимскомъ Башкирцѣ Теникеѣ, пріѣхавшихъ въ Москву съ калмыцкими послами.

79) 1635 года. Отписки въ Посольскій и Казанскій приказъ изъ Астрахани отъ воеводъ по дѣламъ Калмыцкимъ, также Ногайскихъ и Едисанскихъ Татаръ.

80) 1635 года. Отписки въ Посольскій и Казанскій приказъ изъ Астрахани отъ воеводъ по дѣламъ Калмыцкимъ, также Ногайскихъ и Едисанскихъ Татаръ.

81) 1638 года. Отписки въ Посольскій и Казанскій приказъ Уфимскаго воеводы стольника кн. Петра Волконскаго и отпуски грамотъ къ нему по дѣламъ калмыцкимъ и жившаго въ Калмыцкихъ улусахъ Сибирскаго царевича Девлетъ-Гирея.

82) 1641 года, Января — Декабря. Отписки въ приказъ Казанскаго дворца изъ Астрахани отъ воеводы кн. Одоевскаго по дѣламъ калмыцкимъ. № 1.

83) 1641 года, Юля 8-го. Отписки въ приказъ Казанскаго дворца отъ Уфимскаго воеводы Льва Плещеева и отпуски грамотъ къ нему по дѣламъ калмыцкимъ. № 2.

84) 1648 года. Отписки въ приказъ Казанскаго дворца отъ Уфимскихъ воеводъ и отпуски къ нимъ грамотъ по дѣламъ калмыцкимъ. № 1.

85) 1658 года, Ноября 25-го. Память въ приказъ Казанскаго дворца о дозволеніи калмыцкому Облай - тайшѣ торговать на Уфѣ противъ сибирскихъ городовъ лошадьми и другими товарами. № 3.

86) 1660 года, Августа 4-го. Память изъ Посольскаго въ приказъ Казанскаго дворца о присылкѣ извѣстія, — какія были дачи и

⁽¹⁾ Съ 57—77 ср. Реестръ приказнымъ дѣламъ новыхъ лѣтъ, часть 1-я (1700—1711 г.).

награжденія посланнымъ въ калмыцкіе улусы. № 3.

87) 1669 года, Юня 30-го. Дѣло по памяти изъ приказу Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ о вышедшемъ изъ Крыму калмыкѣ Малаѣ, — крещенъ ли онъ, или нѣтъ? № 1.

88) 1675 года. Отписки въ Посольскій приказъ и въ приказъ Казанскаго дворца отъ воеводъ—Астраханскаго и Уфимскаго по дѣламъ калмыцкимъ. № 1.

89) 1677 года, Апрѣля 27-го. Память изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ о препровожденіи въ оной Татарина Тшакайка, взятаго въ плѣнъ Калмыками и присланнаго Соломъ Серій тайшою къ Астраханскимъ воеводамъ. № 3.

90) 1679 года, Юля — Декабря 1680 г. Отправленіе - 1) князя Каспулата Черкаскаго и 2) стольника Кузьмы Козлова (Дек. 27) съ ратными людьми и съ Калмыками на Волуйки, къ Чугуеву, къ Кіеву и въ иные Украинскіе города, для отвращенія турецкихъ силъ отъ тамошнихъ мѣстъ, для промыслу противъ крымскихъ Татаръ и для удержанія Кіева въ російской сторонѣ. Тутъ же отписки ихъ князя Черкаскаго и Козлова въ приказъ Казанскаго дворца, отпуски Государевыхъ къ нимъ грамотъ и допросы плѣнныхъ Татаръ, взятыхъ на бою въ полонъ.

91) 1681 года, Января—Декабря. Отписки изъ Астрахани въ Посольскій и Казанскій приказъ отъ князя Каспулата Черкаскаго, увѣдомляющаго объ учиненіи имъ съ калмыцкимъ тайшою Аюкою тайнаго договора—служить російскому двору вѣрно, не прельщаясь на присылку турецкаго двора или крымскихъ Татаръ, либо азовскаго паши. № 1.

92) 1690 года, Декабря 5-го. Вѣдѣніе изъ Казанскаго въ Посольскій приказъ о взятіи въ плѣнъ Калмыками боярскаго сына Максима Протопопова и о бывшемъ между донскими казаками и Калмыками побоище. № 5.

93) 1691 года. Память изъ Посольскаго приказа въ Разрядъ и въ приказъ Казанскаго дворца съ отвѣтами на онія по калмыцкимъ дѣламъ. № 1.

94) 1693 года. Вѣдѣніе изъ Посольскаго приказа въ Разрядъ и въ приказъ Казанска-

го дворца съ отвѣтами на оныя по калмыцкимъ дѣламъ. № 1.

95) 1694 года, Октября 13-го. Вѣдѣніе изъ Посольскаго приказа въ приказъ Казанскаго дворца о тайномъ непріятельскомъ подѣ Тамбовѣ⁽¹⁾ Калмыковъ приходѣ. № 5.

96) 1695 года. Отпуски указовъ къ Астраханскому воеводѣ Мусипу-Пушкину и его отписки въ Посольскій приказъ. Также и вѣдѣніе въ приказъ Казанскаго дворца по дѣламъ калмыцкимъ.

97) 1697 года. Памяти изъ Посольскаго приказа въ Разрядъ и приказъ Казанскаго дворца съ отвѣтомъ на оныя по дѣламъ калмыцкимъ. № 3.

98) 1697 года. Отписки въ Посольскій и Казанскій приказъ отъ воеводъ изъ Астрахани, Уфы, Царицына, Кузьмодемьянска, Пензы и отъ Донскаго атамана. Тутъ же и отпуски къ нимъ на оныя грамоты по дѣламъ калмыцкимъ. № 4.

99) 1698 года. Памяти изъ Посольскаго приказа въ приказъ Казанскаго дворца съ отвѣтами на оныя по дѣламъ калмыцкимъ. № 2.

100) 1698 года. Отписки въ приказъ Казанскаго дворца воеводѣ города Астрахани, Симбирска, Свияжска, Цивильска и Дмитріева по дѣламъ калмыцкимъ. № 3.

101) 1699 года. Памяти изъ Посольскаго приказа въ приказъ Казанскаго дворца и отвѣтъ изъ оныхъ въ Посольскій приказъ по калмыцкимъ дѣламъ. № 3.

102) 1699 года, Января. Память изъ Посольскаго приказа въ Казанскій о перешедшихъ въ российское подданство Аюкасовой Орды Калмыкъ Сетеръ-Батыря у Каганъ-Кашки и съ ними 530 человекъ. № 10.

103) 1701 года. Отпуски писемъ управляющаго въ приказъ Казанскаго дворца калмыцкими дѣлами боярина князя Бориса Голицына къ калмыцкому тайшѣ Аюкѣ, къ дѣтямъ и братьямъ его и къ прочимъ калмыцкимъ владѣльцамъ. № 1.

(1) Ср: Сборникъ матеріаловъ для исторіи и археологій по Тамбовской губерніи (по документамъ Москов. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ). Состав. П. Токмаковъ, напеч. въ приложен. къ 4 Журн. общ. собран. Тамбовск. Учен. Архивн. Коммисіи 16 Авг. 1886 г. и 2 Окт. того же года.

104) 1701 года. Памяти изъ Разряду и изъ Посольскаго приказа въ приказъ Казанскаго дворца о дѣлахъ калмыцкихъ. № 3.

105) 1701 года, Сентября 5 — Декабря. Отписки въ приказъ Казанскаго дворца отъ Яицкихъ казаковъ атамана и отпуски къ нимъ грамотъ о прикочеваніи къ нимъ калмыцкаго Аюки тайши, по причинѣ измѣны дѣтей и улусовъ его. № 6.

106) 1701 года, Сентября 30—Декабря 31-го. Отправленіе изъ приказа Казанскаго дворца Саратовскаго воеводы Алексѣя Новосильцова къ калмыцкому тайшѣ Аюкѣ и къ прочимъ тайшамъ для развѣданія о происшедшей между имъ Аюкою и дѣтьми его и подчиненными ему улусными людьми ссоры и откочеванья отъ Волги къ Яику. Тутъ же и отписки его Новосильцова. № 8.

107) 1701 года, Октября 9-го. Отправленіе изъ приказа Казанскаго дворца въ Астрахань стольника Дмитрія Бахметева для развѣданія, гдѣ кочевать будетъ калмыцкій тайша Чакдоржавъ по происшедшей у него съ отцомъ его Аюкою ссорѣ? Тутъ же отписки его о сей комиссіи. № 12.

108) 1702 года. Отписки въ приказъ Казанскаго дворца изъ Царицына отъ воеводъ: 1) Ивана Новосильцова, 2) Феодора Ермолова, по дѣламъ калмыцкимъ. № 2.

109) 1702 года, Января. Отпускъ указа изъ приказа Казанскаго дворца къ Саратовскому воеводѣ стольнику Дмитрію Бахметеву о объявленіи мурзѣ Чиметью, Батыреву сыну, дабы онъ кочевалъ по прежнему подѣ Астраханью, не опасаясь Чакдоржава, Аюкина сына. № 4.

110) 1702 года. Отписки въ приказъ Казанскаго дворца отъ Астраханскаго воеводы стольника Тимофея Ржевскаго по дѣламъ калмыцкимъ. № 3.

111) 1703 года. Отпуски грамотъ Государя Петра I-го и писемъ управляющаго въ приказъ Казанскаго дворца калмыцкими дѣлами боярина князя Алексѣя Голицына къ калмыцкому тайшѣ Аюкѣ. № 3.

112) 1703 года. Листы къ Государю Петру I-му и къ управляющему приказомъ Казанскаго дворца и калмыцкими дѣлами боярину князю Алексѣю Голицыну отъ калмыцкихъ тайшей—Аюки и Менко-темира. № 2.

113) 1703 года. Отпуски указовъ изъ приказа Казанскаго дворца къ Астраханскому воеводѣ Тимоею Ржевскому по дѣламъ калмыцкимъ. № 3.

114) 1703 года. Отписки въ приказъ Казанскаго дворца отъ Астраханскаго воеводы, стольника Тимоея Ржевскаго по дѣламъ калмыцкимъ. № 4.

115) 1705 года, Сентября 6-го. Отписка изъ Саратова въ Казанскій приказъ о переходѣ съ луговой на нагорную сторону Калмыкъ для грабежа саратовцевъ ⁽¹⁾, всякихъ чиновъ людей. № 5.

116) 1708 года, Января 2—Декабря. Отправленіе къ калмыцкому тайшѣ Аюкѣ стольника Ивана Бахметева для истребованія у него въ походѣ 20,000 Калмыкъ противъ возмущившихся Уфимскихъ Башкирцевъ. Тутъ же отпуски къ нему Бахметеву изъ приказа Казанскаго дворца указовъ и отписки его въ оной, купно съ журналомъ оному походу. № 1.

117) 1708 года, Февраля 12-го. Отписки въ приказъ Казанскаго дворца Астраханскаго воеводы Петра Апраксина, увѣдомляющаго о полученномъ отъ калмыцкаго тайши Аюки извѣстїи, что Башкирцы разоряютъ російскія селенія и бьютъ до смерти людей. № 2.

118) 1708 году, Февраля 13-го. Отписка въ приказъ Казанскаго дворца отъ Максима Зиманова, посланнаго къ калмыцкому тайшѣ Аюкѣ для истребованія помощи отправленнымъ російскимъ войскамъ противъ бунтовщиковъ подъ Астраханью. № 3.

119) 1709 года. Отпуски указовъ изъ приказа Казанскаго дворца къ Казанскому воеводѣ, ближнему окольничему Петру Апраксину, имѣвшему въ управленіи своемъ калмыцкія дѣла. № 3.

120) 1709 года, Февраля. Отправленіе къ калмыцкому тайшѣ Аюкѣ стольника и воеводы Ивана Бахметева для взятія у него 3000

Калмыкъ, съ коими итти ему въ походѣ шведскій. — Тутъ же отписки къ нему изъ приказа Казанскаго дворца указовъ; и доношеніе его объ успѣхѣ похода онаго. № 5.

121) 1710 года, Февраля 9-го. Опредѣленіе о вѣданіи калмыцкаго хана со всѣмъ его владѣніемъ и посланцами въ Посольскомъ приказѣ, и роспись присланнымъ въ оный изъ Краснаго дворца калмыцкимъ дѣламъ. № 4 ⁽²⁾.

122) 1676 года, Октября 17—1677 года, Юня 19-го. Память изъ Казанскаго дворца, что посольскій племянникъ женился въ Казани на тамошней Татаркѣ, а слуга его на другой, и что до ихъ въ Казань прїѣзда многіе Тезики поженились тамъ на слободскихъ татаркахъ и живя въ Казани торгуютъ, а тяголь никакихъ и податей въ Государеву казну не платятъ и по сему выписка и пр.: № 20, въ книгѣ.

123) 1666 года, Апрѣля 3-го. Память изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ и съ отвѣтомъ на оную—о ложномъ донесеніи на Шеюя купчину Шемахипскаго хана Армянпомъ Петрушкою, якобы онъ самовольно назвался купчиною и грамоты имѣлъ фальшивыя.

124) 1679 года, Апрѣля 4—Мая 26-го. Дѣло по памяти приказа Казанскаго дворца о выдачѣ Персидскаго шаха купчинѣ мурзѣ Маметъ Шамши маметеву пошлинѣ, взятыхъ у него въ Астрахани за товары помянутаго шаха.

125) 1699 года, Октября 10-го. Дѣло по памяти изъ приказу Казанскаго дворца въ Посольскій о посылкѣ грамоты въ Персію къ резиденту Василию Кучукову и объ увѣдомленіи, кто и для чего посланъ былъ къ турецкому султану.

126) 1702 года, Апрѣля 12—1713 года. Дѣло, присланное изъ приказа Казанскаго дворца, о пограбленномъ въ Шемахѣ у російскаго гостинной сотни купца Михаила Попова товарѣ, съ приложеніемъ оному росписи. — Отпускъ (24 Марта—1707 г.) Государевой къ шаху грамоты объ отысканіи и отдачѣ задержанныхъ его Попова товаровъ

⁽¹⁾ Списокъ матеріаловъ по археографіи Саратовскаго края, хранящихся въ Москов. Глав. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ и его библиотекѣ. Сост. И. Токмаковымъ, напечат. въ приложен. I Протокола V общ. собран. Саратовск. Учен. Архивн. Коммисіи 28 Окт. 1887 года, Саратовъ. 1888 г. in 8°.

⁽²⁾ Съ 78—121 стр. Реестръ калмыцкимъ дѣламъ.

и денегъ, и опредѣленіе о взятіи по бездѣт-
ной онаго Попова смерти всѣхъ пожитковъ,
яко выморочныхъ, на Государя, и о прода-
жѣ оныхъ, уничтоживъ пустой на оныя искъ
армянскаго архимандрита Мины Вардапетова.

127) 1705 года, Іюля 13-го. Дѣло по тре-
бованію изъ Казанскаго дворца о присылкѣ
изъ Посольскаго приказа выписки: кто были
въ Россіи изъ Персіи послы и купчины и
сколько имъ дано кормовыхъ денегъ и жа-

лованья за ихъ подарки съ 1629 по 1700
годъ ⁽¹⁾. № 1.

128) 1701 года, Декабря 8-го. Память
въ приказъ Казанскаго дворца объ опредѣ-
леніи толмача татарскаго языка при Кул-
тайкѣ съ товарищи, присланныхъ отъ Еди-
санскихъ мурзъ Сіюма и Салтамурата ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Съ 122 по 127. Ср. Реестры Персидскаго двора
старыхъ и новыхъ лѣтъ дѣламъ.

⁽²⁾ Ср. Реестръ дѣламъ Едисанскихъ, Ембулцкихъ,
Едигульскихъ и Буджацкихъ Татаръ.

II.

I. Славяно-Русскія рукописи бібліотеки Московскаго Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ.

1) Книга, глаголемая Гранографъ, въ немъ же начало писменомъ отъ многихъ Лѣтописецъ и пр.

Хронографъ въ 170 главахъ скорописи XVII в. на 768 листахъ. Листъ 601, глава 161: „Царство Государя Царя и Великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи“.

Листъ 603 обр: „О взятіи града Казани и всея земли по Волгѣ рѣкѣ и по Камѣ, яже и Болгары Поволжскія нарицахуся“. № 1.

2) „Степенная книга“: писана скорописью, подходящею къ полууставу и полууставомъ гсего на листахъ.

§ 16: „Книга, глаголемая Исторія, сказаніе вкратцѣ о Казанскомъ Царствѣ, о началѣ Царства Казанскаго, какъ и откула и въ которые лѣта начася и о брани и о побѣдахъ Великихъ Князей Московскихъ съ царями Казанскими и о взятіи Царства Казанскаго Благовѣрнымъ Царемъ и В. К. Иваномъ Васильевичемъ Великимъ Самодержцемъ“.—Содержитъ въ себѣ сія Исторія 80 главъ. № 26/84.

3) „Разрядныя списки походамъ великихъ князей и Царей российскихъ“.

Книга эта въ 2-хъ переплетахъ,—въ 1-мъ на 208 листахъ, разряды съ 1476 по 1572, а во 2-мъ, на 382 листахъ, съ 1573 по 1626 годѣ. № 27/128.

4) „Походъ Царя и Великаго Князя Иоанна Васильевича во Владимиръ и Шиж-

ний Повгородъ въ 1547 году“. Скоропись конца XVII в., на 431 листѣ. № 13/100.

5) Разрядная книга съ 1547 по 1549-й годъ. Скоропись разныхъ почерковъ 2-й полов. XVII в. На 183-хъ л.л. № 14/101.

6) Разрядная книга.—Скоропись разныхъ почерковъ 2-й половины XVII вѣка, на 304-хъ листахъ. Содержитъ въ себѣ разныя статьи и въ числѣ прочихъ ст. 6-ю, листъ 270: Отрывокъ о взятіи Казани. На оборотѣ 279-го листа слѣд. приписъ: „Сіе Казанское взятіе стольника Василя Ѳедоровича Сабаккина, челоуѣка его Василя Ѳедорова сына Бѣляева. Лѣта 7177 году, Іюля въ 26-й день“. № 119/100.

7) Скорописный сборникъ, разныхъ почерковъ, конца XVII в., на 579 листахъ.

Листъ 544: Записъ о бывшихъ въ Казани по покореніи ея и во Свіязскѣ по взятіи онаго боярахъ и воеводахъ. № 121/178.

8) Книга большому чертежу. Писана хорошей скорописью конца XVII вѣка, на 260 л.л.; 1-го и нѣсколькихъ послѣднихъ въ семь экземпляръ не достаетъ № 214/374.

9) Книга большому чертежу. Писана средней скорописью XVII вѣка на 171 листѣ. Въ концѣ этой книги слѣд. приписъ; „написана сія книга лѣта 7183 (1675 г.) въ Мартѣ мѣсяцѣ“. № 221/383.

10) Замячанія на исторію татаръ, сочяпенную Абулгази-Багадуръ ханомъ. Изъ предисловія видно, что въ 1723 году авторъ сихъ замѣчаній до 1723 года былъ въ Тобольскѣ. Вѣроятно сія книга переведена съ нѣмецкаго или другого какого-либо языка.

Писана вчернѣ, въ полстраницы, на 120-ти лл. №²⁷⁴/₅₁₀.

11) *Исторія о Князя Великаго Московскаго дѣлахъ*,—или исторія о состояніи Россійскаго Государства въ царствованіе царя и Великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи, соч. отѣхавшимъ изъ Россіи въ Польшу князь Андреемъ Курбскимъ и Ярославскимъ. 2 части. Скорописная рукопись разныхъ почерковъ, на 176-ти лл. №²⁸²/₆₆₁.

Сборникъ рукописный; полууставная рукопись половины XVIII в., въ 3-хъ книгахъ и на 494 лл. Кн. 2-я: Хронографъ особаго состава, въ которомъ русскія происшествія съ особенною подробностью доведены до временъ царя Алексѣя Михайловича. Кн. 3-я: Исторія Казанскаго Царства. №²⁸¹/₆₁₁.

13) Рукопись скорописная XVII в. на 142 лл. Въ ней содержится: „*Книга, глаголемая исторія о Казанскомъ взятіи и Царствіи*. Сказаніе вкратцѣ о началѣ Царства Казанскаго и о брани и о побѣдахъ великихъ князей Московскихъ съ цари Казанскими, и о взятіи Царства Казанскаго“.

Эта исторія напечатана была въ СПб. въ 1791 г. Академіей Наукъ по двумъ архивскимъ спискамъ, но съ пропусками. №⁴⁰⁵/₈₈₇.

14) Рукопись скорописная XVII в. на 208 лл., безъ конца. Содержитъ Казанскую исторію и есть списокъ предыдущей. №⁴⁰⁶/₈₈₈.

15) Рукопись скорописная разныхъ почерковъ, XVIII в. На 363 лл., безъ начала и конца. Л. 343 „о Казанскомъ взятіи, како ея взялъ Государь Царь и Вел. Кн. Иванъ Васильевичъ Московскій и всея Руси и Царя Казанскаго“. №⁴²⁴/₈₀₃.

16) Рукопись полууставная XVII вѣка, на 554 лл. Л. 13 й: Мѣсяца Октября въ 4 день слово о житіи и о погребеніи иже во Св. Отецъ нашихъ Гурія, перваго архіепископа Казанскаго и священнаго епископа Варсонофія Тверскаго, перваго архимандрита въ градѣ Казани“. №⁴⁴⁰/₈₀₈.

17) Скорописный сборникъ, разныхъ почерковъ XVII в., на 277 лл. Л. 1-й: „Повѣсть о явленіи чудотворныя иконы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, иже въ Казани, списано смиреннымъ Ермогеномъ, митрополитомъ Казанскимъ и Астраханскимъ въ лѣто 7102. №⁴⁰¹/₈₀₀“.

18) Скоропись разныхъ почерковъ, конца XVII в. и начала XVIII в., на 505 л.; въ ней содержится хронографъ особаго состава, въ 164-хъ главахъ. Листъ 327-й об: „о первомъ начинаніи Казанскаго царства, и о мѣстномъ угодіи и о зміномъ жилищѣ“. Л. 387: „О взятіи града Казани и всея земли ихъ по Волгѣ рѣкѣ и по Камѣ, иже и Болгары Поволжскіе наричуются“. №⁴⁷⁷/₈₀₈.

19) Рукопись полууставная XVII вѣка, на 58 лл. Въ ней содержится: „Книга чиновна, писаны походы на службу великаго Государя Царя и В. К. Ивана Васильевича всеа великія Россіи“ (sic) и пр. №⁴⁸⁴/₈₀₈.

20) Казанская исторія. Скоропись конца XVII в. на 206 лл. Начало и конецъ утрачены. №⁴⁸⁹/₈₀₈.

21) Казанская исторія въ сокращеніи, съ присовокупленіемъ выписокъ изъ хронографовъ и другихъ книгъ о Русскихъ происшествіяхъ и духовныхъ статей. Скоропись XVII в., на 167 лл.; въ срединѣ нѣсколько листовъ утрачено. №⁴⁸⁹/₈₀₈.

22) Скоропись новѣйшаго письма, на 89 лл., въ ней содержится: „Книга, глаголемая о российскихъ Святыхъ, гдѣ и въ какомъ градѣ или монастырѣ, или пустынѣ поживе и чудеса сотвори, всякаго чина Святыхъ“. Л. 87. Града Казани Святыхъ. №⁵²⁷/₁₀₁₀.

23) Скоропись конца XVII в. на 156 листахъ. Въ ней содержится: „Исторія князя великаго Московскаго“ (Ивана Васильевича IV, соч. Кн. Андрея Курбскаго). №⁵⁸⁸/₁₀₀₈.

24) Рукопись полууст. разныхъ почерковъ, конца XVI и начала XVII вѣковъ, на 681 л., безъ начала, содержитъ на 521 листѣ: „Мѣсяца Іюля 8 дня повѣсть о явленіи чудотворныя пречистыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, иже въ Казани. Списано смиреннымъ Ермогеномъ, митроп. Казанскимъ и Астраханскимъ лѣта 7102“. №⁵⁰⁴/₁₀₈₅.

25) „Сборникъ“—рукопись XVII вѣка, на 752-хъ лл. Содержитъ въ себѣ житія Святыхъ Православной церкви; вмѣстѣ съ симъ въ рукописи находятся сказанія о явленіяхъ и чудесахъ иколы Богоматери Казанскія и др. №⁵⁸⁴/₁₁₅₀.

26) „Сказаніе вкратцѣ о началѣ Царства Казанскаго, какъ и откуда и въ которыя

лѣта начася, и о брани и о побѣдахъ Великихъ Князей Московскихъ съ Царьми Казанскими и о взятіи Царства Казанскаго благовѣрнымъ Царемъ и В. К. Иваномъ Васильевичемъ всея Руссіи Самодержцемъ, въ 79 главахъ. Скоропись конца XVI в. на 226 лл. № 688/1300.

27) „Книга, глаголемая Лѣтописецъ“. Рукопись XVII в., 4°, на 219 лл. б) Русская исторія отъ вступленія на великое княженіе Ивана Васильевича до взятія Русскими Москвы у Поляковъ. № 774/1318.

28) „Книга степенная“. Рукопись XVI в., временъ царя Иоанна Васильевича, на 904-хъ лл., полууставная. № 802/1368.

29) „Книга, глаголемая о Казанскомъ взятѣ и пр.“.—Рукопись XVIII в., на 189 лл., почеркъ гражданскій.

30) Рукопись скорописная, разныхъ почерковъ XVIII в. на 537 лл.

Л. 241. „О первомъ началѣ Казанскаго Царства и о мѣстномъ угодіи и о змѣинномъ жилищѣ“.

Л. 241. „О первомъ взятіи Казанстемъ и о инѣхъ градѣхъ Болгарскихъ и о воеваніи великія Орды“.

Л. 246 об. „О изгнаніи Царя отъ Златныя Орды и о смиреніи его и о бранѣхъ съ В. К. Московскимъ“.

Л. 253 об. „О второмъ началѣ Казанскомъ и о приходженіи Казанскаго царства на русскія грады и о смерти его и о взятіи Великаго князя Василія въ плѣнъ“.

Л. 255. „О второмъ взятіи Казанскомъ и о плѣненіи Алехозма Царя и о посаженіи на Казань Мехметелина царя и о сѣче христіанстей въ Казани“.

Л. 258 об. „О приходѣ Мехметелина царя Казанскаго къ Нижнему Нову-городу и о паденіи вой его у града и о срамотѣ Московскихъ воеводъ и о смерти Великаго Князя Ивана“.

Л. 260 об. „О посланіи Московскихъ воеводъ къ Казани и о паденіи ихъ у града“.

Л. 267 об. „О смиреніи Великаго Князя съ Казанцы и о посланіи на Царство въ Казань царя Шигабѣя“.

Л. 870. „О печали Великаго Князя о Христіанехъ, въ Казани погибшихъ и радость о Шигабѣеве животе“.

Л. 271 об. „О престаніи воеванія на время Великаго Князя на Казань и о брани и о смиреніи его съ польскимъ королемъ и о второмъ посланіи воеводъ Московскихъ на Казань“. № 818/1381.

31) Рукопись XIX ст. на 91 л., писана скорописью: „Лѣтописецъ, содержащій Россійскую Исторію отъ 6714/1306 до 7012/1634 лѣта, т. е. до царствованія Царя Иоанна Васильевича,—который служитъ продолженіемъ Несторову лѣтописцу и назыв. Типографскій. Печатанъ въ Московск. типографіи 1784 г. Печатный находится въ Ростовскомъ Петровскомъ монастырѣ“. № 821/1387.

32) Рукопись XVII и XVIII ст., на 255 лл., скоропись. Лл. 31—181: „Сказаніе вкратцѣ о началѣ Царства Казанскаго и пр.“ № 824/1390.

33) Гранографъ, или Лѣтописецъ, писанный въ Москвѣ въ Чудовѣ монастырѣ рукой монаха конархиста Діонисія Петельникова въ 1639 г. Рукопись XVII в. на 248 лл.—Листъ 145: „О началѣ въ Казани царствія царя Саина“. Листъ 157: Великій Государь царь и Вел. Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи Самодержецъ: по дѣдѣ своемъ Велик. князь Иоаннъ Васильевичъ взялъ второе градъ Казань“. Листъ 163: „О крещеніи царей Казанскихъ“. № 844/1411.

34) Сборникъ полууставный XV в. 4°, на 265 листахъ. Л. 218-й. Родъ Царей Ордынскихъ и Крымскихъ и Казанскихъ. № 93. (Отд. VI. Библіотека Кн. М. А. Оболенскаго).

35) Связка отрывковъ изъ разныхъ рукописей XVI и XVII вв. 4°. 102 л.—Л. 1. О взятіи Казани № 105, тамъ же.

II. Латинскія рукописи:

36) Hierarchia Rossica Adami Sellii.

Писана самимъ авторомъ вчернѣ на 105 лл.

Л. 32 об. Cap. V: Archierei de Casan et Swiashesc.

Л. 33. Cap. VI. Archierei de Astrachan et Terki. № 208.

III. Портфели исторіографа Г. Ф. Миллера.

37) Выписки изъ древнихъ лѣтописцевъ.

Д.—1) Правленіе Царя Ивана Васильевича

отъ 1530 до 1558, л. 29.—2) Извѣстіе о В. Кн. Иванѣ Васильевичѣ съ 1462 г., л. 1-й. № 21.

38) Россійскій лѣтописецъ съ 1547 по 1676 г. 1) Иоаннъ Васильевичъ. № 23.

39) Портфель I, № 133. Тетрадь 46: Сказка Казанскаго стрѣльца о отправленіи его съ воровскими письмами въ Еранскъ и Хлыновъ.

Тетр. 62: Отписка изъ Казани въ Хлыновъ о побѣдѣ Государевыхъ измѣнниковъ въ Свіязскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Бурундуковѣ и на Кукаркѣ. Тетр. 107-я: Отписка изъ Казани въ Хлыновъ о воровскихъ людяхъ въ Еранскѣ.

40) Портф. II. № 133. тетр. 150. Отписка изъ Ярославля въ Казань о Московскихъ вѣстяхъ (Напеч. во 2-й ч. Собр. Госуд. Грамотъ, № 241, стр. 517).

Тетр. 151. Отписка съ Костромы въ Казань о вѣстяхъ, какъ полки собираются для очищенія Москвы отъ Поляковъ.

Тетр. 152. Отписка отъ полкового воеводы Кн. Александра Репнина въ Казань о походѣ его къ Москвѣ противъ Поляковъ. (Напеч. во 2-й ч. Собр. Госуд. Грамотъ подъ № 244, стр. 523).

Тетр. 153. Отписка отъ бояръ и воеводъ изъ-подъ Москвы въ Казань какъ они Поляковъ въ Кремль и Китаѣ-городъ осадили и о прочемъ. (Напеч. во 2-й ч. Собр. Госуд. Грам. подъ № 251, стр. 535).

Тетр. 154. Отписка изъ Казани въ Чердынь о соединеніи по крестномъ цѣлованіи, чтобъ стоять и въ походъ итти противъ Поляковъ и о денежныхъ сборахъ.

Тетр. 156. Казанская отписка въ Чердынь о убіеніи Прокопія Ляпунова и о крестномъ цѣлованіи (Напеч. во 2-й ч. Собр. Госуд. Грамотъ подъ № 269, стр. 568).

Тетр. 161. Отписка изъ Казани въ Чердынь по Патріаршей грамотѣ, чтобъ Маринина сына на царство не хотѣть.

41) Портф. III. № 133. Тетр. 251. Отписка изъ Тюмени на Верхотурье о моровомъ повѣтріи въ Казани.

Тетр. 252. Отписка изъ Верхотурья въ Тюмень о моровомъ повѣтріи въ Казани.

Тетр. 253. Грамота Государева о моровомъ повѣтріи въ Казани и въ Казанскихъ мѣстахъ.

42) Портфель 2. Тетр. 3. Родословіе Россійскихъ Государей, Царей и Князей, поданныхъ Россіи и русскихъ дворянскихъ фамилій.

Родъ царей казанскихъ. № 284.

43) Портф. 2 Тетр. 6. Генеалогическія извѣстія, собранныя по алфавиту изъ разныхъ разрядныхъ книгъ. Казань, 1493 г. № 285.

Портф. 5, тетр. 4. Царевичъ Саинъ, Булатъ Бекбулатовичъ 1573 г., Ц. Симеонъ Косаевичъ 1559 г., Ц. Симеонъ Бекбулатовичъ, Царевичъ Казанскій 1590 г.

44) Портф. № 347, содержащій извѣстія о Татарахъ, Туркахъ и Арабахъ.

Тетр. 15. Реестръ царямъ и князьямъ татарскимъ, кочевавшимъ на рѣкѣ Волгѣ; писанъ рукою Миллера на лат. языкѣ, 12 л.л.

Тетр. 16. Реестръ царямъ и князьямъ татарскимъ, имѣвшимъ сношенія съ Россією; писанъ рукою Миллера на лат. языкѣ. 4 л.л.

Тетр. 19. *Historiae Casanicae commentarius, ex vetusto volumine excerptus, de origine Casaniae.*—Примѣчанія на Казанскую Исторію, выбранныя изъ древней книги, на лат. языкѣ, на 9 л.л. При этомъ приложено нѣсколько записокъ на татарскомъ языкѣ и тетрадь in 16°, на лат. яз., на 25 стран.

45) Портф. № 357, содержащій описаніе губерній Россійской Имперіи. Тетр. 10. Описаніе Казанской губерніи, состоящей изъ 7 провинцій: а) Пензенской, б) Симбирской, в) Кунгурской, д) Вятской, е) Свіязской, ф) Казанской и г) Уфимской. Писано рукою Миллера на нѣмецкомъ яз. на 6 л.л.

46) Портф. I. Подлинныя дѣла въ столбцахъ, взятыхъ изъ Сибирскихъ архивовъ, а больше изъ Пелымской канцеляріи.

Тетр. 37. а) Грамота Царя Василія Ивановича отъ 12 Апр. 1609 въ Свіязскѣ къ князьямъ, мурзамъ и Татарамъ, служилымъ и ясачнымъ Татарамъ, Чувашамъ и Черемсамъ, жалованная, въ которой Царь объявляетъ имъ свою милость за ихъ вѣрную службу и пр.

Тетр. 37. б) Грамота Царя Василія Ивановича отъ 12 Апр. 1609 г. въ Свіязскѣ воеводѣ Якову Михайловичу Годунову да дяку Тимофею Витовтову, въ которой Царь благодаритъ ихъ за вѣрность подвластныхъ имъ людей и пр.

Тетр. 37. с) Грамота Царя Василя Ивановича отъ 12 Апр. 1609 г. въ Свіязскъ главамъ и дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ и сотникамъ, въ которой Царь благодарить ихъ за вѣрную службу и пр. № 478.

47) Портф. № 483, содерж. опись дѣламъ Якутскаго архива. Тетрадь 14. Отписка изъ Казани отъ 18-го Іюня 1710 г. Петра Апраксина о принятіи присланныхъ изъ Москвы Шведскихъ плѣнныхъ, съ поименованіемъ ихъ; на 5 лл.

Тетр. 20. Подлинное письмо отъ 22-го Іюня 1710 г. Казанскаго митрополита къ князю Гагарину; на 2 лл.

48) Портф. содерж. описаніе г. Линденау Сибирскихъ народовъ, по данному отъ историка Миллера предписанію. Тетр. 12. Путешествіе отъ Казани въ С.-Петербургъ 1746 г., на 28 лл. На нѣмецк. яз. № 511.

49) Портфель, содерж. описаніе путешествія историка Миллера. Тетр. 2. Путь изъ Казани черезъ Сарапулъ и пр., съ описаніемъ нѣкоторыхъ достопримѣчательностей. На 31 лл., на нѣмецк. яз. № 517.

50) Портф. 1-й Разныя черновыя замѣтки историка Миллера о всѣхъ предметахъ, обратившихъ его вниманіе по пути отъ Твери черезъ Казань въ Сибирь, на русск. и нѣмецк. яз., и преимущественно своеручныя Миллера № 521.

IV. Портфели профессора Кера:

51) Портф. 17 а) *Historia genealogico-politica Tatarorum* (Генеалогическо-политическая Исторія Татаръ, Абульгази-Багадуръ хапа, 3-я часть). На 123 лл., между конми вшитъ 1 л. съ печатнымъ плапомъ. № 12.

—Абульгази-Багадуръ-хапъ. Родословная книга Мунгальскихъ-Могульскихъ, или Могорскихъ хановъ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, кои были основателями племенъ татарскихъ.

Подлинная рукопись на 395 лл. Таже рукопись въ перев. на нѣм. яз., изд. 1780 г. Геттингенъ, за № 4942, 8°. На французск. яз., изд. 1726. Лейденъ. № 70. Библ. кн. М. А. Оболенскаго; на франц. яз.—въ Арх. биб., изд. 1726, 8° № 1529. На лат. яз., изд. 1825 г. № 187. Библ. кн. М. А. Обо-

ленскаго, и на русск. яз. т. I, изд. Акад. Наукъ 1768 г. Арх. библ. № 1530.

b) *De causa adventus tatarorum in Europam* vid. *Boterus in descript. orbis, pars 3. Lib. 2, p. 82 p. IV Lib. 2 pag. 152. Guagninus pag. 69 et sact.* (О причинѣ нашествія Татаръ на Европу) на 4 лл. № 14.

c) *De origine Kazani, eoque per Russos destructo* (О происхожденіи Казани и о покореніи ея Русскими), на 6 лл.—№ 14.

V. Портфели А. О. Малиновскаго.

52) Портф. 2. Матеріаль для исторіи Вел. Князей Іоанна III Васильевича и Василья Іоанновича съ 1464 — 1529 гг. — № 23. Переводъ съ грамоты къ В. князю Іоанну Васильевичу отъ Ногайскаго мурзы Мусы о пребываніи во взаимной дружбѣ и братствѣ, какъ были между собою отцы ихъ и пр. и отвѣтъ на сію грамоту Россійскаго государя, изъявляющаго согласіе быть въ соединеніи съ Ногайскою Ордою противъ общихъ непріятелей. 1491 г., Августа 30-го.

53) Портф. 3. Матеріалы къ исторіи Царя Іоанна IV Васильевича съ 1536 по 1583 г.:

Опасная грамота, отправленная въ Ногайскую орду къ уѣхавшему туда Казанскому князю Черкесу, о свободномъ ему прибытіи въ Россію и о вызовѣ съ собою и другихъ князей, мурзь и казаковъ, изъ Казани къ Ногайцамъ удаляющихся.—№ 1.

Грамота царя Іоанна IV Корниловской пустыни игумену Лаврентію съ братіею объ увольненіи по просьбѣ ихъ монастырскихъ крестьянъ и о дачѣ имъ пятилѣтняго срока въ платежѣ податей, ради разоренія крестьянъ Казанскими Татарамъ.—1538 г., Іюля 17-го. № 5.

Жалованная грамота Вел. кн. Іоанна Васильевича Нижегородск. Печерскаго монастыря архимандриту Левкію, объ освобожденіи на 10 лѣтъ отъ дани и повинностей сель монастырскихъ въ Казанскую войну. 1540 г. Янв. 15-го. № 8.

Опасная грамота отъ Царя Іоанна Васильевича удалившимся изъ Казани въ Ногайскую орду Биганъ-Сейту, князю Илеману и Авдулъ Бакшею, о безопасномъ имъ пріѣздѣ въ Россію и о вызовѣ съ собою князя Хорсова

и другихъ недовольныхъ тогдашнимъ правительствомъ, для способствованія утвержденію на Казанскомъ юртѣ царемъ Шихъ-Алѣя. 1549 г., въ Августѣ.—№ 22.

Опасная грамота отъ царя Іоанна Васильевича удалившемуся изъ Казани отъ притѣсненія Крымцевъ въ Ногайскую орду князю Хорсову и о приѣздѣ ему обще съ другими безбоязненно въ Россію. 1549 г. въ Августѣ. № 23.

Посланіе митрополита Макарія Царю Іоанну IV въ Свіяжскъ о мужественномъ покореніи Казани и неотложеніи сего важнаго для блага Россіянъ завоеванія. 1552 г. № 34.

Грамота Царя Іоанна Васильевича къ Казанскому царю Шигалею о дошедшихъ въ Ногайскую Орду извѣстіяхъ, будто бы онъ у царицы своей Сююпбекъ отрѣзалъ носъ и съ поруганіемъ казнилъ, а потому совѣтовалъ обнаружить нелѣпость сей молвы передъ Сююпбековымъ отцомъ, княземъ Юсуфомъ, показавъ ее Ногайскимъ посламъ: Алею и Бахтыгальдею, нарочно для сего отправленнымъ черезъ Казань, 1554 г. Января 30. № 35.

Опасная грамота Царя Іоанна Васильевича перешедшему изъ Крыма въ Ногайскую орду салтану Тохтамышу, ближайшему Казанскаго царя Шихъ-Алѣя родственнику о приѣздѣ ему въ Россію съ обнадеживаніемъ устроить для него добрый юртъ и оказать почестъ. 1556 г. Іюля 25.—№ 40.

Жалованная грамота Государя царя Іоанна Васильевича Григорью Аникѣеву, сыну Строганову на необитаемыя земли по рѣкѣ Камѣ, на построеніе въ удобномъ мѣстѣ городка съ укрѣпленіемъ и пр. 1558 г. Апр. 4. № 49.

Выписка изъ разрядовъ о службѣ бывшаго въ Казани царемъ Симеона Бекбулатовича, потомъ возведеннаго царемъ въ достоинство В. К. Тверского и управлявшаго нѣсколько времени російскимъ государствомъ, съ 1575 по 1585 г. Тутъ же переводъ статьи о немъ изъ книги Флетчера.—№ 88.

Невмѣстная грамота Царя Іоанна IV боярину Сабурову о переведеніи его въ Сви-

яжскъ изъ Казани по случаю назначенія въ Казань князя Куракина 1579 г. Мая 30-го. № 93.

VI. Портфели Н. И. Баптышъ - Каменскаго:

54) Портф., содерж. краткія по алфавиту выписки объ азіатскихъ народахъ.

VII. Картоны Барона О. А. Бюлера.

55) Карт. I. Древнія калмыцкія постановленія и приложенія къ нимъ. № 1 и 2.

Карта калмыцкихъ земель, рисованная. № 5. Рукопись подъ заглавіемъ „Калмыки“. На 278 л. № 8.

56) Карт. II. Рукопись подъ заглавіемъ „Татары“. № 24.

Рукопись подъ заглавіемъ „Татары, татарскіе мурзы и князья“. № 25.

VIII. Планы, географическія карты и виды библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ.

57) № 1—Генеральная карта Казанской губ. Соч. въ 1779 г. О. Чернымъ.—Печ.

58) № 2. Два чертежа городамъ и селамъ Казанской губ. Рукопись.

59) № 3. Планъ города Казани съ приложеніемъ вокругъ города селеній. Конфирмованный 1767 г.

60) № 4. Карта Болгарскаго городища и описи при оной всѣмъ зданіямъ и надписямъ на камняхъ, учиненныя подполковникомъ гарнизоннаго полка Никономъ Савенковымъ и геодезистомъ Иваномъ Крапивиннымъ.

61) № 5. Болгарскія развалины. На 4-хъ л. л. Рукоп.

62) № 95. Видъ города Чебоксарь на р. Волгу къ сѣверу.

63) № 98. Видъ города Саранска, съ приѣзду на востокъ.

64) № 99. Видъ города Казани во время водополюя р. Казанки, къ с. зап.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ СБОРНИКЪ И УКАЗАТЕЛЬ,
составленномъ П. Θ. Токмаковымъ.

- Абулгази-Багадуръ ханъ, авторъ «Исторіи Татаръ». — IX, 292, 296
- Алей, ногайскій посолъ 1554 г., IX, 297
- Алексѣй Михайловичъ, царь. IX, 285, 293.
- Алехозмъ — Царь Казанскій, IX, 294
- Алмазь Ивановъ, думный дьякъ, 1666 г., IX, 283
- Андреевъ, Тимофей, приказный Нижегородскаго митрополита, 1705 г., IX, 287.
- Аникѣевъ, Григорій, 1702 г., IX, 286.
- Аникѣевъ, Федосѣй, 1702 г., IX, 286.
- Апраксинъ, окольныйчій, 1703 г., IX, 288.
- Апраксинъ, Петръ, астраханскій воевода 1703 г.; казанскій воевода 1709—1710 г.г. IX, 290, 296.
- Арсеніевъ, Иванъ, иѣвчій ученикъ, 1704 г., IX, 287.
- Афанаевъ, Ивановъ (?), армянинъ, 1679 г., IX, 285.
- Аюка, калмыцкій тайша, 1677 г. и 1708 г. IX, 285, 287, 288, 289, 290.
- Бакшей, Авдуть, казанецъ полов. XVI в., IX, 296.
- Бантышъ-Каменскій, Ник. Ник., директоръ Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Его портфели, IX, 297.
- Баскаковъ, Петръ, стольникъ, 1705 г., IX, 287.
- Бахметевъ, Дмитрій, стольникъ, 1701 г. и 1702 г. Саратовскій воевода, IX, 289.
- Бахметевъ, Иванъ, стольникъ, 1708 г. и 1709 г., IX, 290
- Бахтыгильдей, ногайскій посолъ 1554 г., IX, 297.
- Бердяевъ, Степанъ, крестьянинъ, 1705 г., IX, 287.
- Биганъ-Сейтъ, казанецъ полов. XVI в., IX, 296.
- Бокъ, Теизкъ, одинъ изъ свиты калмыцкаго посольства въ Москвѣ, 1622 г. IX, 288.
- Бѣляевъ, Вас. Ѳеодор. крѣпостн. челов. стольника Вас. Ѳед. Сабакина.—1669.—XI, 292.
- Булатъ Бекбулатовичъ, См. Саниъ. IX, 295.
- Баронъ Бюлеръ, Ѳ. А. директоръ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, IX, 297.
- Вардапетовъ, Мина, армянскій архимандритъ, 1702 г., IX, 291.
- Варсонофія, св. первый архимандритъ въ Казани, еписк. Тверской.—IX, 293.
- Васильевъ, Василій, Новгородецъ, посадскій человекъ, 1694 г., IX, 236.
- Василій Ивановичъ, вел. кн. Московскій. IX, 296.
- Вертопраховъ, Михайлъ, крестьянинъ кн. Одоевскаго, 1673 г., IX, 284
- Витовтовъ, Тимофей, дьякъ въ Свіяжскѣ 1699 г., IX, 295.
- Волковъ, Василій, сынъ боярскій, уфимецъ, 1623 г., IX, 283.
- Волконской, кн. Петръ, стольникъ, уфимскій воевода, 1638 г., IX, 238.
- Воронцовъ, Дмитрій, стольникъ и полковникъ, 1705 г., IX, 237.
- Вышеславцевъ, Василій, Новгородецъ, 1679 г., IX, 285.
- Гаврила, іеромонахъ одного изъ монастырей въ Казанскомъ краѣ, 1675 г., IX, 234.
- Гавриловъ, Иванъ, пустоозерскій приставъ 1637 г., IX, 283.
- Гагаринъ, кн., 1710 г., IX, 296.
- Гадзатовскій, Стахѣй, переводчикъ Посольскаго приказа, 1669 г., IX, 284.
- Гермогенъ, первый митрополитъ Казанскій, затѣмъ Патріархъ всея Руси — IX, 293.
- Годуновъ, Як. Мих., воевода свіажскій 1609 г., IX, 295.
- Голдыжинъ, Степанъ, смоленскій шляхтичъ, 1694 г., IX, 285.
- Голицынъ кн. Алексѣй, бояринъ управляющій калмыцкими дѣлами, 1703 г., IX, 239
- Голицынъ, кн. Борисъ, бояринъ, управляющій калмыцкими дѣлами, 1701 г., IX, 289.
- Горюновъ, Осипъ, площадной подъячій въ Арзамасѣ, 1701 г., IX, 236.
- Григорьевъ, Богданъ, торговый армянинъ, 1699 г., IX, 286.
- Гурій, св., первый архіепископъ Казанскій, IX, 293.
- Девлетъ-Гирей, сибирскій царевичъ, 1638 г., IX, 288.
- Дмитрій, переводчикъ Посольскаго приказа, 1700 г., IX, 286.
- Долгоруковъ кн., двинскій воевода, 1673 г., IX, 284.
- Долгоруковъ кн., управляющій приказомъ Казанскаго дворца, 1679 г., IX, 285.
- Дочановскій, Михайлъ, смоленецъ, 1694 г., IX, 285.
- Дуровъ, Лука, стольникъ, 1675 г., IX, 234.
- Енаевъ, кн., Пякифоръ, новокрещенецъ казанскій, 1679 г., IX, 285.
- Ермоловъ, Ѳеодоръ, воевода въ Царицынѣ, 1702 г., IX, 289.
- Желтухинъ, Якимъ, подъячій Арзамасскаго воеводы, 1701 г., IX, 286.
- Жуковъ, Григорій, подъячій приказа Казанскаго дворца, 1694 г., IX, 285.
- Замоновъ, Маматогей, астраханскій иноземецъ, 1677 г., IX, 285.
- Зелебедоновъ, Юсуфъ, мурза, персидскій купецъ, 1677 г., IX, 285.
- Зимановъ, Максимъ, 1708 г. IX, 290.
- Илеманъ, князь, казанецъ, полов. XVI в., IX, 296.
- Истоминъ, Любимъ, подъячій приказа Казанскаго дворца 1673 г., IX, 284.
- Іоаннъ III. В. Кн. Московскій и всея Руси, IX, 294, 296.
- Іоаннъ IV, Грозный Царь, IX, 292—297.

Калмыковъ, Потапъ, пѣвчій
Ученикъ, 1704 г., IX, 237.

Каганъ-Кашка, калмыкъ,
1699 г., IX, 239.

Карповъ, Дементій, гулящій
человѣкъ, 1660 г., IX, 283.

Кертъ, профессоръ. Его портфели,
IX, 296.

Кириловъ, Гаврила, суздальскій
посадскій человекъ, 1696 г., IX, 236.

Козловъ, Кузьма, стольникъ,
1679 г., IX, 238.

Копытовъ, Иванъ, подъячій
приказа Казанскаго дворца, 1694 г.,
IX, 235—286.

Кореневъ, Иванъ, пѣвчій уче-
никъ, 1704 г., IX, 287.

Корсаковъ, Федоръ, воевода въ
Арзамасъ, 1701 г., IX, 236.

Крапивинъ, И., геодезистъ.
Сост. имъ карта Болгарскаго горо-
дища, IX, 297.

Култайка, посоль Едисанскихъ
мурзъ, 1701 г., IX, 291.

Буракинъ кн., 1579 г., IX,
297.

Курбскій, князь Андр. Мих.,
IX, 293.

Кутлимаметъ, переводчикъ
Посольскаго приказа 1654 г., IX,
283.

Кучуковъ, Василій, резидентъ
въ Персїи, 1699 г., IX, 290.

Лаврентій, игуменъ Корнилов-
ской пустыни, 1533 г., IX, 296.

Левкій, архимандритъ Нижегородскаго Нечерскаго м—ря, 1540 г.,
XI, 296.

Лиденау. Составленное имъ
описание сибирскихъ народовъ въ
полов. XVIII в., IX, 296.

Линскій, Максимъ, пѣвчій уче-
никъ, 1704 г., IX, 287.

Лягуновъ, Прокопій.—IX, 295.

Макарий, митрополитъ Казан-
скій, 1552 г., IX, 297.

Малай, калмыкъ, 1669 г., IX,
288.

Малиновскій, А. О., дирек-
торъ Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Его
портфели, IX, 296.

Марковъ, Степанъ, подъячій
приказа Казанскаго дворца 1674 г.,
IX, 284.

Мартыновъ, Михаилъ, крѣпост-
ной человекъ, 1667 г., IX, 284.

Мартыновъ, кн. Юрій, столь-
никъ (не Морткинъ-ли?), 1664 г.,
IX, 283.

Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣев.,
бояринъ, 1673 г., IX, 284.

Мейснеръ, Ефимъ, переводчикъ
Посольскаго приказа, 1669 г., IX,
284.

Мельниковъ, Иванъ, житель
г. Переяслава Рязанскаго, 1694 г.,
IX, 285.

Мельницкій Писета, столь-
никъ, воевода Нижегородскій, 1702 г.,
IX, 286.

Менко-Темиръ, калмыцкій тай-
ша, 1703 г., IX, 289.

Мехметелинъ, царь Казан-
скій.—IX, 294.

Миллеръ, Г. Фр. Исторіографъ.
IX, 294, 296, 296.

Михайловъ, Василій, подъячій
приказа Казанскаго двора, 1669 г.,
IX, 284.

Муса, Погайскій мурза 1491 г.,
IX, 296.

Мусинъ-Пушкинъ, астрахан-
скій воевода, 1695 г., IX, 289.

Нармацкой, Федоръ, служилый
человѣкъ въ Соликамскѣ, 1693 г.,
IX, 285.

Новокшеновъ, Яковъ, 1705 г.,
IX, 287.

Новосильцовъ, Алексѣй, сара-
товскій воевода, 1701 г., IX, 289.

Новосильковъ, Иванъ, воево-
да въ Царицынѣ, 1702 г., IX, 289.

Облай, тайша калмыцкій, 1658 г.,
IX, 288.

Оболенскій, кн. Мих. Але-
ксандр., упом., IX, 296.

Одоевскій кн., бояринъ, астра-
ханскій воевода, 1641 и 1673 г., IX,
284, 288.

Орѣшниковъ, Андрей, крестья-
нинъ Нижегородскаго Благовѣщен-
скаго монастыря, 1699 г., IX, 286.

Петельниковъ, Діонисій, мо-
нахъ Московск. Чудова монастыря
списыв. лѣтописныя свѣдѣнія о Ка-
зани въ 1639 году.—IX, 294.

Петръ Великій, IX, 289.

Петръ, армянинъ. 1666 г., IX,
290.

Плещеевъ, Левъ, уфимскій во-
вода. 1641 г., IX, 288.

Поповъ, Михаилъ, кунецъ гости-
ной сотни, ѣздившій въ Шемаху,
1702 г., IX, 290.

Протопоповъ, Максимъ, бояр-
скій сынъ, 1690 г., IX, 288.

Пушка, Александръ, шляхтичъ,
1666 г., IX, 283.

Резень, переводчикъ Посольскаго
приказа 1654 г., IX, 283.

Ржевскій, Тимофей, астрахан-
скій воевода, 1702—1703 г., IX,
239, 290.

Репинъ, князь Александръ,
Полковой воевода нач. XVII в. IX, 295.

Сабакинъ, Вас. Федор., столь-
никъ 1669 г.—IX, 292.

Сабуровъ, бояринъ, 1579 г.,
VIII, 297.

Саватѣевъ, Петръ, турча-
нинъ, 1673 г., IX, 284.

Савенковъ, П., подполковникъ,
Сост. имъ карта Болгарскаго горо-
дища, IX, 297.

Саниъ Булатъ Бекбулато-
вичъ, Царевичъ Казанскій, 1573.—
IX, 295.

Салататовъ, Тамиръ, астра-
ханскій юртовскій Табушскій голова,
1677 г., IX, 285.

Салтамуратъ, Едисанскій мур-
за, 1701 г., IX, 291.

Селлій, Адамъ,—IX, 294.

Сергѣй, калмыченекъ, 1679 г.,
IX, 285.

Сетеръ-Ватырь, калмыкъ.
1699 г., IX, 289.

Симеонъ Бекбулатовичъ,
царевичъ Казанскій. 1590 г. IX, 295,
297.

Симеонъ Косаевичъ, царь
Казанскій 1559.—IX, 295.

Сіумъ, Едисанскій мурза. 1701 г.,
IX, 291.

Соломъ, Серетя (Серій) калмыц-
кій тайша. 1677 г., IX, 285, 288.

Строгановъ, Григорій Аникѣ-
евъ, IX, 297.

Суровцевъ, Иванъ, подъячій
приказа Казанскаго дворца, 1667 г.,
IX, 284.

Сююбека, жена Казанскаго
царя Шигалея. IX, 297.

Тевкелевъ, Мустафа, служи-
мый татаринъ Казанскаго края,
1627 г., IX, 283.

Теврисанъ, Сефевъ, армянинъ,
1705 г., IX, 287.

Теникей, уфимскій башкирецъ,
одинъ изъ свиты калмыцкаго по-
сольства въ Москвѣ, 1622 г., IX, 288.

Тихонъ, митрополитъ Казанскій
(1699—1724 г.г.). IX, 296.

Тохтамышъ, султанъ, родствен-
никъ Казанскаго царя Шигалея, IX,
297.

Трофимовъ, Федоръ, тяглець
Новомѣщанской слободы, 1694 г.,
IX, 285.

Тулуновъ, Федоръ, подъячій
приказа Казанскаго дворца, 1707 г.,
IX, 287—288.

Тшакайка, татаринъ 1677 г.,
IX, 288.

Хитрово, Александръ, околни-
чій, намѣстникъ ржевскій, 1681—
1682 г.г. X, I, 285.

Хорсовъ, князь, казанецъ, полов.
XVI в., IX, 296, 297.

Холовъ, Андрей, казанецъ.
1622 г., IX, 283.

Чакдоржавъ, калмыцкій тай-
ша, сынъ Аюки. 1701 г., IX, 289.

Черкасскій, кн. Каспулатъ,
астраханскій воевода, 1679—1681 г.,
IX, 288.

Черкесъ, Казанскій князь полов.
XVI в., IX, 296.

Черныи. О. Сочиненная имъ
генеральная карта Каз. губ. въ
1779 г., IX, 297.

Чиметья, мурза, сынъ Батря,	1670 г., IX, 284.	
1702 г., IX, 289.	Шевей, купецъ Шемахинскаго	IX, 294.
Шамши-Маметевъ, Маметъ,	хана, 1666 г., IX, 290.	Шикинъ, Михайла, кунгур-
купецъ Шемахинскаго хана, 1679 г.,	Шигабъй (Шигалей) Царь Ка-	скій воевода, 1702 г., IX, 286.
IX, 290.	занскій.—IX, 294.	Юсуфъ, князь Ногайскій, отецъ
Шенелевъ, Агдъй, полковникъ,	Шихъ-Алфъй, царь Казанскій,	Сююнбеки, IX, 297.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ,

ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ I и II ТОМАХЪ

ТРУДОВЪ IV АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

Примѣчаніе 1-е: Въ указатель не внесены:

- а) имена авторовъ, рефераты которыхъ въ полномъ составѣ напечатаны въ „Трудахъ“.
- б) Списки членовъ и имена должностныхъ лицъ Археологическаго Съезда.
- в) Имена личныя, а равно и географическія, встрѣчающіяся въ заглавіяхъ рукописей и книгъ и въ статьяхъ, какъ простой перечень, а также и собственныя имена встрѣчающіяся въ сборникахъ народныхъ пѣсенъ Императорской публичной бібліотеки (отдѣлъ VI, стр. 165—192), кромѣ именъ историческихъ.
- г) Имена личныя государей на монетахъ.

Примѣчаніе 2-е: Первая римская цифра обозначаетъ отдѣлъ; Пр.—протоколы; В. О.—вопросы общіе.

І.

ИМЕНА ЛИЧНЫЯ.

А.

- Абакъ-Ханъ, изъ династіи Гулагидовъ или Ильханидовъ, II, 46.
- Аббасиды, II, 43, 44, 46.
- Абдуль-Керимъ, праѣдъ Казанскаго ахуна Бага-уд-динова, автора реферата, читаннаго на Съѣздѣ.
- Абдулла, болгарскій ханъ, II, 26.
- Абдуль Латифъ, ханъ Казанскій, II, 49.
- Абдулла-Эмиръ погибшій при Тимурѣ въ Булгарѣ, II, 45.
- Абдуррахимъ, ученый мулла, II, 40, 41.
- Абдуррахманъ, сынъ Зубейровъ, асхабъ (принятіе ислама въ Болгарѣ). II, 42.
- Абу-Гурейра, II, 42.
- Абу-Джафаръ-Мансуръ, второй аббасидскій халифъ VIII в., I, 43.
- Абулгази-Багадурханъ, ханъ Хивинскій, XVI в., его генеалогическая исторія татаръ. II, 3, 161, упом. II, 26.
- Абульфѣда, знаменитый арабскій историкъ и географъ XIII в., II, 21, 22; VII, 241, 246—248.
- Абуль-Хасанъ Али Ибнъ-Сайдъ, испанско-арабскій путешественникъ XIII в., VII, 246—248.
- Абу-Сайдъ-Худабенде, ханъ изъ династіи Гулагидовъ или Ильханидовъ. II, 47.
- Абу-Хамидъ-Андалуси, испанско-арабскій путешественникъ. XII в., I, 95.
- Августа, инокиня, въ міру Анясья Васильева Махорина, урожденная Невзорова. (Со словъ ея І. И. Желѣзновъ записалъ рассказъ о Пугачевѣ). IV и V, 56, 58—60, 62, 63.
- Авраамій, чернецъ, VI, 195.
- Авраамій, мученикъ, убитый въ Волжской Булгаріи въ XIII в., II, 27.
- Агафоновъ Н. Я., бывшій редакторъ „Камско-Волжской газеты“, казанскій археографъ, библиографъ и публицистъ. В. О., 14.
- Агибаловъ, Артемій Ивановичъ, служ. чел. XVII в., IV и V, 36.
- Адамъ Бременскій, хроникеръ XI в., I, Отд. реф. Антоновича № 2-й, 2.
- Аделунгъ, извѣстный русскій археологъ и библиогр., В. О., 43.
- Айдаръ-Ханъ, ханъ болгарскій. II, 42.
- Акай, башкирскій бунтовщикъ во вр. Пугачева, VII, 261.
- Акманъ, татаринъ выселившійся въ XVI ст. изъ Астрахани съ братьями своими Искакомъ и Измаиломъ и основавшій с. Карабаянъ и дер. Колбаши Лаишев. уѣзда Каз. губ., II, 104.
- Акпарсъ, горный Черемисинъ XVI в., Пр. I, сIV.
- Аксаковъ И. С., Пр. LIX; В. О., 13.
- Аксаковъ, К. С., В. О., 13; VI, 226.

- Аксаковъ С. Т., Пр. LIX; упом. его „Семейная хроника“, „Дѣтскіе годы Багрова внука“ и личныя воспоминаія. В. О., 12, 13.
- Аксакъ-Тимуръ (см. Тамерланъ) II, 26.
- Алабинъ П. В., уп. реф. его: „О древностяхъ Самарскаго края“. Пр. с, сг.
- Алаганчиковы, потомки Алаганчика (см. ниже).—II, 204.
- Алаганчикъ, Телеутъ, отличившійся при взятіи г. Кузнецка Русскими, II, 204, 206.
- Александръ I, Россійскій Императоръ. Пр. сXV.
- Александръ Македонскій, Пр. LXXIII; II, 5, 15, 22, 40; VI, 212.
- Алексій, митрополитъ Всероссійскій, VI, Реф. Шестакова, 3.
- Алексѣй Михайловичъ, царь, В. О., 30; II, 171, 172, 204, 205; IV и V, 31, 32, 41; VI, 195, 201, 202; VI, 2-й рефер. Порфирьева, 8, 14, 19.
- Алекъ, луговой Черемисинъ, XVI в., Пр. сIV.
- Алеша Поповичъ, богатырь Кіевскаго эпоса, VI, 161.
- Алтунъ-Бекъ, сынъ Эмира Абдуллы, (см. выше) II, 45.
- Алмасъ-Ханъ, ханъ болгарскій, II, 43, 44.
- Альмасъ, царь Славянъ (у Ибнъ-Фодлапа). I, 91.
- Амарзана, телеутскій князь, первый припавш. подданство Россіи. II, 204.
- Амартоль Георгій, упом. его хроника, VI, 2-й реф. Порф., 17.
- Аминъ - Гирей, ханъ Крымскій въ XVI в., IV и V, 47.
- Амфилохій, архимандритъ (палеографъ). Пр. LVI, сXXI.
- Амыръ-Санага, главный начальникъ ойротскаго войска (въ преданіи Калмыковъ Алтайскихъ). II, 207.
- Ананьинъ, купецъ въ с. Аскызскомъ (его рассказъ о прежней честности Минусинскихъ инородцевъ) II, 247.
- Андалуси, арабскій писатель XII в., II, 21.
- Андосевъ Тинялко, Мордвинъ Алатырскаго у., въ XVII в. IV и V, 35.
- Андрей Боголюбскій, св., В. Кн. Суздальскій; походъ его 1164 г., II, 26, 27, 30.
- Андрей, сынъ Аристотеля Фіоравенти, III, 29.
- Андреевъ, Иванъ, Каргопольскій купецъ, жертвователъ книгъ въ Апзерскій скитъ, VI, 2-й реф. Порф., 16.
- Антиповъ, авторъ статьи о бронз. вещахъ въ Печерск. краѣ. I, 33.
- Антоній арх., настоятель Ладожскаго Никольскаго монастыря, В. О, 4.
- Антоній св., основатель Кіево-печерской лавры, I, Отд. реф. Антоп. № 1, 2.
- Антоній св., архіепископъ Новгородскій, III, 24.
- Антоній, игумень Соловецкій, VI, 2-й Реф. Порф., 12.
- Антоній, инокъ Можайскій, VI, Реф. Арх. Амфил., 6.
- Антоновичъ, В. Б. профессоръ русск. ист. въ унив. Св. Владиміра. Рефераты его „О пещерахъ средняго теченія Днѣпра“, Пр., XXXVI; „О валахъ въ Кіевскомъ княженіи“, Пр. LXI; „О результатахъ раскопокъ, произведенныхъ въ сѣв. углу города Кіева“, Пр. сXIX; „О похоронныхъ типахъ въ курганахъ юго-запад. края“, Пр. сXXV;—упом. Пр. LIII, LIV, LXXVIII, XCVI, CXVI, сXXVI, сXXXI; I, 5.
- Анфаль, ушкуйникъ новгородскій, I, 88.
- Анѣимъ, сынъ Благовѣщенскаго священника Сильвестра, извѣстнаго дѣятеля эпохи царя Іоанна IV.—(Вмѣстѣ съ отцомъ жертвовалъ книги въ Солов. Библ.) VI, 2-й реф. Порфирьева, 9.
- Апаковъ, Михаилъ, старокрещеный татаринъ, авторъ статьи о керемети, IV и V, 72.
- Апаковы, крещеные татары, IV и V, 71, 73.
- Апехтины, служилые люди Каз. края (Алаторцы) II, 177.
- Апичинъ, Филиппъ, Самоѣдъ, I, 32.

- Апковъ, Алтышко, Мордвинъ Алатырскаго у., въ XVII в. IV и V, 36.
- Априловъ, учен., Болгарск. писат., Пр. lxxi.
- Аргунъ Ханъ, сынъ Абака-Хана (см. выше), II, 46.
- Ардентовъ А., священникъ Нижегородской епархіи, В. О., 34.
- Аристовъ, Н. Я., профессоръ русской исторіи въ Нѣжинскомъ лицей. — упом. Пр. xxxviii, xxxix, liv, lxi;—рефер. его: „О землѣ Половецкой“ Пр. lxxvi, lxxvii, lxxxii;— В. О., 40; IV и V, 64.
- Аристовы, служ. люди, перевод. въ Каз. край изъ Мурома въ XVI и XVII вв., II, 176
- Аристотель Фіоравенти, изъ Болоньи; знаменитый архитекторъ и монетчикъ времени Ивана III-го, III, 29.
- Аристофанъ, Пр. сх.
- Арминій, извѣстный предводитель Херусковъ въ I в. по Р. Хр., II, Отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Артъ, упом. его „Liefländische Chronick“. III, 32.
- Арсеній, архимандритъ Воскресенскаго монастыря, VI, 2-й реф. Порф., 16.
- Арсеній, монахъ, См. Сухановъ, Арсеній.
- Арсеній Грекъ, Моск. учен. XVII в., VI, 201—205.
- Артемовъ, А. II.. этнографъ и статистикъ. Пр. li; В. О., 5; I, 66, 83, 87, 92, 95, 104, 162, 163.
- Арунъ - Аль - Рашидъ, халифъ Багдадскій, I, 95.
- Арцыбышевы, служ. люди, переведен. въ Каз. край изъ Новгорода В. въ XVII в., II, 176.
- Асанъ, князь болгарскій, II, 27.
- Асановы, Казанскіе князья, IV и V, 32.
- Аскольдъ, IV и V, 8.
- Аспарухъ, вождь болгарскій, Пр. xxviii.
- Аспелинъ—дръ, филологъ, Пр. XCL. Реф. его: „О потребности изученія формъ пред-метовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доистор. времена“. Пр. xciii.
- Аталыкъ, татарскій богатырь при взятіи Казани въ 1552 г., II, 97.
- Атузановъ Янтуганна, служилый чувашъ XVII в., въ Симбирск. у., IV и V, 35.
- Афонасій, митрополитъ Иконійскій, въ XVII в., VI, 195.
- Ахмедъ, сынъ Джагфара (См. Джагфаръ). II, 44.
- Ахмедъ, Султанъ. (См. Никударъ - Ханъ). II, 46.

Б.

- Бабукичъ, славянскій ученый, VI, 226.
- Бага-уд-диновъ, ахунъ казанскій, Пр. xlii, cvii; II, 26, 40.
- Багдадскіе халифы; монеты X вѣка съ ихъ именами, II, 24.
- Бадръ-Улхарамъ, посланникъ изъ Багдада въ Булгаръ для распротр. ислама, II, 43.
- Бажановъ, историкъ Казани, В. О., 5.
- Базаринъ Оска (Мордвинъ), IV и V, 40.
- Байернъ, Ф., Кавказскій археологъ. Пр. xlviii, I, 53—60.
- Байеръ, русскій академикъ XVIII в.; его „Geographia Russiae“, II, 6; упомин. II, 7.
- Байтерякъ, чувашскій вождь въ XVI в., Пр. xlix, civ.
- Балабанъ Геденъ, епископъ Львовскій, 2-й пол. XVI в., IV и V, 21.
- Балыкъ (князекъ Телеутовъ). II, 206, 207.
- Баратаевъ, князь М. П., нумизматъ: упом. Пр. lvi, cxv; его собраніе грузинскихъ монетъ, Пр. cxvi.
- Бараковъ, казанецъ; его отводныя книги XVII в., I, 111.
- Барсовъ, священникъ; упом. статья его въ Уфимскихъ губ. вѣдомостяхъ за 1872 г., II, 109.

- Бартеневъ П. И., издатель сборника „Осьмнадцатый вѣкъ“, IV и V, 57.
- Бартоломей, нумизматъ-археологъ, I, 59; III, 26.
- Барыковъ, Ѡ. Л., сенаторъ и экономистъ, В. О., 25.
- Барятинскій кн. Иванъ, полковой воевода XVI в., IV и V, 54.
- Батбай или Баянъ, ханъ болгарскій, II, 256.
- Баторій Стефанъ, король Польскій; осада имъ Пскова, II, 62.
- Батый, Пр. xxxvii; II, 5, 25, 26, 30, 41, 184.
- Башиловъ С., издатель царскаго „Судебника“ 1768 г., IV и V, 49.
- Баюшевъ, князь В. И., собиратель древностей въ Симбирскѣ. VII. Пр. xxix, lll. его авты, Пр. lll;—В. О., II.
- Баянъ-Сула, герой средне-азиатской легенды. Пр. xlv.
- Безсоновъ, П. А., професс., славистъ и изсл. русск. древностей. Пр. lxxi, lxxv;—VI, 160, 164, 194.
- Безунъ, Жанъ, имя монетчика на монетахъ Василия III-го, III, 29.
- Бекетовы, служ. люди Каз. края, (Симбирцы) II, 177.
- Белль д'Антермони, англичанинъ. путешественникъ въ Персію XVIII в., В. О., 13.
- Бёмеръ, его „Regesta Imperatorum“, Прот. lxxxiii; В. О. 44—45.
- Берди-Бекъ, ханъ золотой орды, II, 47, 48.
- Бередниковъ, Я. И., членъ Археографической комиссіи, VI, 2-й реф. Порф., 3.
- Березинъ, И. Н., проф., изв. ориенталистъ— I, 61; II, 29, 31—36, 38, 226; упом. его книга: „Булгаръ на Волгѣ“: I, 94, 105; II, 28; III, 54.
- Беренштамъ В. Л., членъ Казанскаго IV-го, Археологич. съѣзда, Пр. с.
- Бержеронъ, Петръ, его „Traité des Tartares“, II, 15.
- Береке, ханъ Золотой Орды, II, 46; III, 58.
- Беръ, академикъ, геологъ и палеонтологъ. Пр. lxxvii;—I, 15, 16.
- Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. проф. русск. ист. въ С.-Петербур. унив. Пр. xxxii, xxxiii, xxxviii, lxi, lxxvi—lxxvii; lxxxii, lxxxiii, lxxxix.
- Бичуринъ, о. Іакинфъ, синологъ, В. О., 13.
- Блажекъ Тома, VI, 226.
- Бланшъ, французскій вице-консулъ въ Триполи (въ 1872 г.) III, 41, 44, 46.
- Блау, Пр. xlv.
- Богдановъ, А. П., проф. Московск. унив. Пр. xci.
- Богдановъ Иванъ, подъячій XVII в., VI, 2-й реф. Порф., 16.
- Богдановы, новые служилые люди Каз. края (Симбирцы) II, 177.
- Богшицъ, проф., В. О., 25, II, 102.
- Болдинъ, Ивашка, Мордвинъ, IV и V, 40.
- Болеславъ храбрый, польскій король, III, 26.
- Борисъ Влад., князь (св.) I. отд. реф. Антон. № 2, с. 3.—VI, 164, 191, 192.
- Борисъ, царь Болгарскій, II, 258.
- Борисъ Ѡедоровичъ Годуновъ, царь, Пр. xl; II, 171.
- Борисовъ, Никита, окольникій, составитель писцовой книги 1566—1568 по Казани съ уѣздомъ, II, 65.
- Борисовъ, Ник. Вас., служ. челов. XVI в., IV и V, 51.
- Борисовъ, Мих. Вас., тоже, IV и V, 51.
- Бородинъ, Мартемьянъ Мих., уральск. войсковой старшина XVIII в., IV и V, 58, 63.
- Бочаровъ, Планка, Мордвинъ. IV и V, 39.
- Брама, Пр. lxxii, cxxiv.
- Брандтъ, I, 20.
- Брикнеръ, А. Г., проф. русск. исторіи въ Дерптскомъ университет. — Пренія по поводу его „Записки объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи“.—Пр. lxxx—

- сх. Сообщение его „Объ открытіяхъ графа Сиверса въ Лифляндіи“, Пр. xxxv; I, 22.—Упом. Пр. xlvi; В. О., 41—48; I, 26.
- Броссе, академикъ, уп. его соч. „Histoire de la Géorgie.“ I, 56; упомин., II, 34.
- Бруинъ, де, Голландецъ, путешественникъ по Волгѣ въ нач. XVIII в., В. О., 13.
- Брунонь Мерзебургскій, миссіонеръ. I, отд. реф. Антон. № 2, 4.
- Брунонь, епископъ Вюрдбургскій, VI, 2 реф. Порф., 9.
- Брунь Ф. К., проф. Новор. унив. — упом. Пр. lv; реф. его: „Кто были четыре тюркскія племени, которыя разбили по свидѣтельству Масуди Грековъ въ 934 г. подъ стѣнами Валендаря и гдѣ находится этотъ городъ?“ Пр. lxix; IV и V, 6; VII, 247.
- Брызгаловъ И. В., житель города Нижняго. — Доставл. предметы на выставку при IV Арх. съѣздѣ. В. О., 34.
- Будда, Пр. xliii.
- Булатниковъ, Александръ, келарь Троицкой лавры XVII в., VI, 2-й реф. Порф., 8, 13, 16.
- Булгаковы князья, служилые люди въ Казани XVI в., потомки Гедиминовичей Литовскихъ, II, 173.
- Буличъ, Н. Н., проф. Казанск. унив., упом. Пр. xxviii, xxix.
- Бурхардтъ, его „Archiv-Kalender“ 1875 г. В. О., 45.
- Буслаевъ Ѡ. И., академикъ, упом. VI, 160.— 1-й рефер. Порф., 1, 4.
- Бутлеровы, дворяне; предокъ ихъ руководилъ, по преданію, осадой Казани въ 1552 г. II, 91.
- Бутурлинъ, Иванъ Никол., полковой воевода XVI в., IV и V, 45.
- Бычковъ А. Ѡ., академикъ, упом. Пр. xxxiv, xxxviii, xliv, lxii, lxxxiii, lxxxvii, lxxxix; VI, 162.
- Бѣдокрысенко Ар. Ѡ., управляющій Симбирскою удѣльною конторою, упом. Пр. li;—IV и V, 31. Его собраніе актовъ, IV и V, 33.
- Бѣльскій, князь Дмитрій Ѡедор., бояринъ XVI в., II, 98. IV и V, 44—47, 49.
- Бѣльскій, князь Иванъ Дмитріевичъ, бояринъ XVI в., IV и V, 46.
- Бѣльскій, князь Иванъ Ѡедоровичъ, бояринъ XVI в., IV и V, 44, 45.
- Бѣляевъ И. Д., проф. Моск. унив., историкъ русск. пр. уп. его книга: „Крестьяне на Руси“, II, 172.
- Бѣляевъ, татаринъ, Пр. li.
- Бюлеръ, баронъ Ѡ. А., директоръ Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, упом. Пр. xxxiii; II, 28, 32; VI, 162.
- Бюрнуфъ, знаменитый франц. ориенталистъ, уп. его словарь, VI, 213, 224.
- Бюшингъ, Антонъ Фридрихъ, географъ и историкъ XVIII в.; его статья: „Нѣкоторыя истор. замѣтки о развалинахъ гор. Маджара“, II, 7; упом. II, 14.

В.

- Валтуріо Робертъ, его сочиненіе: „De ge militarii“ III, 47.
- Валуевъ Д. А., историкъ; его изслѣдованіе о мѣстничествѣ, IV и V, 49.
- Ванкель, докторъ изъ Бланско (въ Моравіи), археологъ, В. О., 4.
- Варъ, полководецъ римскаго имп. Августа, I, Отд. реф. Антон. № 2, 2.
- Вараксинъ, Степанъ, дьякъ при Казанск. воеводѣ XVII в., IV и V, 41.
- Варенцовъ В. Г., проф. истор. рус. литер., VI, 161.
- Варлаамъ, доместикъ въ Афонскомъ монастырѣ въ XVI в., VI, 2-й реф. Порф., 12.
- Варсонофій св., игумень Спасскаго монастыря въ XVI в., упом. В. О., 6, 11; II, 83.
- Васика-биллъ, халифъ, II, 43.

- Василій Васильевичъ Темный, вел. кн. Московскій. II, 178, 179.
- Василій Иоанновичъ, великій князь Московскій (отець Грознаго) II, 176; III, 29; IV и V, 44.
- Василій Иоанновичъ (Шуйскій), царь Московскій, Пр. LV.
- Васильевъ, В. П., академикъ, извѣстн. синологъ, упом. Пр. XL, XLI, XLII, XLIV, XLVI.
- Васильевъ, Иванъ, армянинъ, переводчикъ армянскихъ надписей въ Булгарѣ при Петрѣ Великомъ, II, 34.
- Вассіанъ (Патрикѣевъ), старецъ, (XVI в.) VI, 203.
- Васютовы, священники изъ зырянъ, VI, реф. Шестакова, 13.
- Ваттенбахъ, нѣмецкій историкъ, упом., Пр. LXXXII, LXXXIII; В. О., 41, 42, 46.
- Вейсъ, Германъ, археологъ, Пр. cxii.
- Вельяминовъ-Зерновъ, В. В., академикъ, ориенталистъ, его: „Изслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“, I, 90; II, 67.
- Венелинъ, болгарскій историкъ и филологъ, Пр. LXXI.
- Веніаминъ, епископъ Воронежскій, VII, 261.
- Вербицкій, миссіонеръ; его переводъ пѣсни Казы, сохранившейся и тепрь у Кузнецкихъ Татаръ, II, 231.
- Верковичъ, Стефанъ, археологъ; упом. Пр. LXXI, LXXII. Его рѣчь на IV Археологическомъ съѣздѣ и русскій переводъ ея. Пр. LXXXIII—LXXXIV. Его „родопское открытіе“. Пр. cxhiii; упом. Пр. cxhiv, cxhv; VI, 206.
- Вечеславъ, Н. Н., секретарь Казанскаго статист. к-та. Трудъ его „Къ вопросу о народныхъ преданіяхъ въ Каз. губ. относительно первыхъ заселеній въ ней Русскихъ и ихъ борьба съ туземцами“—Пр. ci; упом. „Замѣтки о городищахъ, курганахъ и другихъ древнихъ земляныхъ насыпяхъ въ Каз. губ.“ I, 63, 83; упом. его книга „Естественное приращеніе сельскаго населенія Каз. губ.“ I, 65, 66; II, 115, 174.
- Вешняковы, служилые люди переселенные въ Казанскій край изъ пригорода повгородскаго—Новаго Торга (нынѣ Торжокъ Твер. губ.) во второй половинѣ XVI в. II, 176.
- Вэйнемейненъ (изъ финской эпопеи Калевалы,) II, 225.
- Викторовъ А. Е., хранитель рукописей Моск. Публичнаго и Румянцевскаго музея, VI, 162.
- Винкельманъ; его трудъ для исторіи Лифляндіи, В. О., 43.
- Вирховъ, извѣстный проф., въ Берлинскомъ унив., анатомъ и антропологъ, II, 23.
- Висковатый, дьякъ XVI в., III, отд. реф. гр. Толстаго, 2.
- Витевскій В. Н., преподаватель Казанской учит. семинаріи; реф. его: „О Нагайбакахъ Верхне-Уральскаго уѣзда Орен. губ.“—Пр., сix; упом. IV и V, 56.
- Вицентъ Дг., Англич.; его сочиненія о походѣ Александра Великаго, VI, 212.
- Вишну, Пр. LXXII, cxhiv.
- Вишневецкій, священникъ, изслѣдователь казанскихъ древностей, II, 165.
- Виоле-ле-Дюкъ, французскій историкъ искусства Пр. cxh.
- Владиміръ св. равноапостольный, упом. Пр. lvi; Отд. рефер. Антоновича, № 2, 4. Его монеты III, 23—27, IV и V; 5—8; VI 192; VII, 242.
- Владиміръ Андреевичъ, князь, двоюродный братъ Грознаго, II, 94, 95, 97; —IV и V, 49.
- Владиміръ Мономахъ, в. кн. Кіевскій; упом. Пр. lxxvii. Отд. реф. Антоновича № 2, 3; III, 23—25; IV и V, 6, 7.
- Владиміръ Мстиславичъ. I, Отд. реф. Антон. № 2, 4.
- Владиміръ Ярославичъ, Галицкій князь. I, Отд. реф. Антон. № 2, 4; III, 23, 25.
- Владиміръ, жупанъ Сербскій 1015—1016 г., III, 22, 25.
- Владиміровъ П. В., реф. его: „О способѣ разработки русскаго народнаго эпоса“, Пр. cxii. уп. Пр. XL.
- Владимірскій В. К. священникъ. В. О., 33, 36.

Владимірскій-Будановъ, профессоръ; его сочиненія по ист. русск. права, В. О., 40; IV и V, 14, 49.

Владиславъ, Польскій королевичъ, сынъ Сигизмунда III-го, II, 171. Московскія монеты нач. XVII в. съ его именемъ. III, 28.

Водникъ, слав. ученый, VI, 226.

Волковъ, Михаилъ, перевод. соч. Френа: „Монеты хановъ Улуса Джучіева“. Пр. сху.

Волконскій князь, Оренбургскій губернаторъ, IV и V, 63.

Волошинскій, нумизматъ, III, 23.

Волынскій А. П., Каз. губернаторъ 1725—1730 г., В. О., 13; II, 63, 65.

Волынскіе, воеводы, бывшіе въ Казани на воеводства въ 1626 и 1660 годахъ, II, 65.

Вольтеръ; письмо къ нему Екатерины II изъ Казани, В. О., 8, 12.

Воронецъ, Е. Н., дворянинъ, ревнит. миссіонерства среди инородц. Каз. края въ XIX в., IV и V, 80.

Вороновъ Мих. Мих., выборный голова, XVI в., IV и V, 53.

Воронцовъ Фед. Сем., полковой воевода XVI в., IV и V, 46, 47.

Воронцова Елиз. Ром., фрейлина Екатерины II, IV и V, 57.

Воронцовы, русск. двор. родъ, Пр. лш.

Воротынскій, князь Влад. Ив., бояринъ XVI в., IV и V, 50, 51.

Воротынскій, князь Ив. Мих., бояринъ XVI в., IV и V, 44.

Воротынскій князь Мих. Ивановичъ, бояринъ XVI в., II, 71, 77, 78, 91.

Ворсо, археологъ, Пр. сххvi; В. О., 32; I, 46.

Ворыхаловъ, Семень Сидоровъ, вологжанинъ, VI, 2-й Реф. Порф., 11.

Востоковъ, славяно-русскій филологъ и палеографъ, VI, 226, отд. рефер. Порф., 5.

Врангель, баронъ, Пр. схv; II, 34.

Всеволожская Н. П., жена нижегородскаго вице-губернатора въ 1877 г. В. О., 34.

Второвъ, Казанск. литераторъ и библиографъ, Пр. хлш; II, 28.

Вундтъ, VI, Реф. Шестакова, 10.

Выродковъ, дьякъ (при осадѣ Казани 1552 г.) II, 92, 167.

Вяземскій князь П. П., изслѣд. его „Синды, Зундъ и Сундары“, Пр. сv.

Г.

Гавличекъ, Чешскій поэтъ, VI, 226.

Гавриловъ, Борисъ Гавриловичъ, (изъ старо-крещеныхъ татаръ), IV и V, 80, 150.

Гавриилъ, Казанскій епископъ, VII, 259.

Гагарины князья, служилые люди въ Казани XVI в., потомки кн. Стародубскихъ - Суздальскихъ, II, 173, 174.

Гагемейстеръ, упом. II, 208.

Газанъ-Ханъ, сынъ Аргунъ-Хана, II, 47.

Гай, VI, 226.

Гали бенъ Абубекръ бенъ Галия Элбейкенди, ученый при дворѣ Гаясъ-уддина Узбекъ Хана, II, 47.

Галимъ-Бекъ, сынъ Эмира Абдуллы, II, 45.

Гаммеръ, упом. его: „Исторія Золотой Орды“, I, 92, 95.

Ганимедъ, полубогъ въ древнихъ греческихъ мифич. сказ., I, 55.

Гаркави, А. Я., докт. ист. Вост., Пр. хлш, хлх, LI, LVІ, LXIV, LXVII; I, 91, 93; II, 256.

Гаславскій, полковникъ, I, 111.

Гартманъ, археологъ, I, 15, 17, 18.

Гатцукъ А. А., археологъ и публицистъ, Пр. лхi; В. О., 3, 4.

Гаусманъ Р. Ф., проф. Вс. Ист. Дерп. уни-вер. Пр. lxxxii, lxxxiii; В. О., 41.

Гацисскій А. С., Секр. Нижегород. Губ. стат. ком. Пр. хсi, хсii, сш, сvii, сххvii, сххxi; В. О., 30; II, 100, 113.—Приложенія къ его отчету IV Арх. съѣзду, В. О., 36.

- Гаясъ-Уддинъ-Узбекъ-Ханъ, ханъ Сарайской Орды, II, 47.
- Гвоздевъ И. М., проф. Казанск. у-та Пр. III, XCVII, XCIX, CXV, CXIX.
- Гедзонъ, священникъ, жертвователь въ Солов. библ., VI, 2-й реф Порф., 8.
- Гейденштейнъ, уп. его „Комментаріи о польско-русской войнѣ“ при Іоаннѣ Грозномъ, В. О., 43.
- Геннади, Г. Н., библиографъ, Пр. CXXVIII.
- Геннадій, архіепископъ Новгородскій, VI, 2-й реф Порф., 4, 5.
- Геннадій, Чудовскій архимандритъ, VI, 2-й реф. Порф., 16.
- Генрихъ II, императоръ Нѣмецкій, I, Отд. реф. Антон. № 2, 4.
- Георгъ Вильгельмъ, маркграфъ Бранденбургскій (1619—1641.) сереб. монета его, I, 43.
- Георги, путешест. по Россіи XVIII вѣка, II 26; VII, 253.
- Георгій (Юрій) II, вел. князь Суздальскій, Пр. XXXVI—XXXVIII; I, 37, 41.
- Георгіевскіе, священники изъ зырянъ, VI, реф. Шест., 13.
- Герасимъ, епископъ коломенскій, VI, реф. Шест., 3.
- Герасимовъ, Назарій, бывший ученикъ Казанской крещено-татарской школы, VII, 261.
- Герберъ, полковникъ, путешествен. XVIII в., II, 5—7.
- Герберштейнъ, баронъ, извѣстный авторъ книги: „Regum Moscov. comment.“, XVI в., II, 15.
- Герингъ, историкъ, В. О., 43.
- Германъ, академикъ, Пр. LXXII.
- Германъ Св., архіеп. Казанскій, В. О., 6, 11.
- Гермогенъ, первый Казан. митрополитъ, затѣмъ патріархъ Всеросс., В. О., 11.
- Геродотъ, Пр. LI; II, 4.
- Геронтіѣ, монахъ, VI, 2-й Реф. Порф., 7.
- Геронтіѣ, митрополитъ Московскій XV в., VI, 2-й Реф. Порф., 8.
- Гертнеръ, нѣмецкій ученый по исторіи зодчества, Пр. CXI.
- Гёте, Пр. CX.
- Гизз-Утдинъ Ибнуль Эсиръ, уп. книга его, II, 42.
- Гильдебрандъ, докторъ, уп. его статья: „Матеріалы къ исторіи пряжки.“ I, 13.
- Гильдебрантъ, П. А., писатель, IV и V, 56.
- Гильденштетъ, уп. его сочиненіе „Reisen durch Russland“ II, 10.
- Гильфердингъ, ученый славистъ, II, 256—258; VI, 226.
- Глазатый, Іоаннъ, которому припис. „Исторія о Казанскомъ царствѣ“, Прот., LVIII; В. О., 10; II, 25, 26.
- Глинскій, князь, московскій воевода (походъ на Казань 1530 г.) II, 98.
- Глинскій, князь Михаилъ Львовичъ, IV и V, 45.
- Глинскій, князь Юр. Васил., IV и V, 46.
- Глѣбъ, Св., князь, сынъ Св. Владиміра, отд. реф. Антон. № 2, 3; IV и V, 6; VI, 164, 191, 192.
- Глѣбъ Юрьевичъ, Кіевскій великій князь, III, 25.
- Гмелинъ, Іоаннъ Георгъ, русскій академикъ первой полов. XVIII в., натуралистъ. В. О., 5.
- Гмелинъ, Самуиль Готлибъ, русскій академикъ при Екаторинѣ II, натуралистъ. Пр. XXXII; II, 7, 10, 12—14.
- Годунова, Марфа Аоонасьевна, IV и V, 39, 40.
- Годуновъ, Борисъ Ѳед. (См. Борисъ Ѳед., Царь).
- Годуновъ, Григорій Петр., IV и V, 39.
- Годуновъ, Димитрій Ив.; Псалтирь его и ея миниатюры, II, 83; упом. VI, 2 реф. Порф., 10.
- Голицынъ князь, генералъ въ ц-ніе Екате-

- рины II-й; IV и V, 62.
- Голицынъ князь, Андрей Иванов., IV и V, 47, 50.
- Голицынъ князь, Васил. Юрьев., IV и V, 46, 47, 54.
- Голицынъ князь, Л. С., муромскій уѣздн. предводитель двор. Пр. хсѣх, с.
- Голицынъ князь, Мих. Андр., VI, 2-й, Реф. Порф. 16.
- Голицынъ князь, Юр. Мих., IV и V, 46, 50, 54.
- Голицыны князья, IV и V, 48.
- Головинъ, Петръ; его дѣти, выборные головы, IV и V, 53.
- Головкинскій Н. А., профессоръ Новороссійскаго унив., II, 35.
- Голчины, служ. люди, перевод. въ Казанскій край изъ Костромы въ XVI—XVII вв., II, 176.
- Гольбейнъ, нѣмецкій живописецъ, Пр. сѣ.
- Гомеръ, Пр. сѣхѣ.
- Гончаровъ А. Н., секрет. Самар. стат. комит., I, От. реф. Алаб., 2.
- Горбатовъ, князь Александръ Борисов., первый воевода въ Казани по взятіи ея Русскими, IV и V, 46, 47, 48, 50.
- Горенскій, князь Ив. Вас., полковой воевода въ ц-ніе Іоана Грознаго, IV и V, 47.
- Готвальдъ І. Ѳ., докторъ арабско-перс. слов., бывшій профессоръ Казанскаго у-та, I, 43; II, 194, VII, 243.
- Готфридъ, датскій король. I, Отд. реф. Антон. № 2, 2.
- Грассъ Л. І., предсѣд. Казанскаго Окр. суда. Пр. хсѣх; В. О., 12:
- Гревингъ, проф. Дерптскаго ун-та, уп. статья его: „О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ.“ Пр. хсѣх.—уп. I, 13, 24.
- Гречинъ, Кузьма, алаторскій помѣщикъ, IV и V, 37, 38.
- Григорій (Постниковъ), казанскій архіепи-
скопъ, впоследствии С.-Петербургскій митрополитъ, VI, 2, Реф. Порф., 1.
- Григорій, еп. Пензенскій, IV и V, 64.
- Григоровичъ, В. Ив., профессоръ слав. нарѣч. Казанскаго и Новоросс. у-товъ, IV и V, 46; VI, 226; VI, реф. Порф., 4.
- Григорьевъ, В. В., истор. Востока, профес. Петербургск. у-та, Пр. LVII, LX; I, 87, 91—93; II, 185, 256.
- Грюнвальдъ К. М., членъ IV арх. съѣзда. Пр. хсѣх, LIII, LIV.
- Гулагу-Ханъ, сынъ Тули-хана, владѣтель Адербиджана, Харезма и Ирана, II, 41, 46, 47.
- Гумейра бенъ Эфса. См. Гизз-Утдинъ Ибнуль Эсиръ.
- Гурій Св., первый Казанскій архіепископъ.—Грамота къ нему царя Іоанна IV, II, 65.—Преданіе о его путешествіи изъ с. Владимірскаго, Козмодемьянскаго у. въ гор. Чебоксары, II, 108.—Упом. В. О., 6, 11.

Д.

- Давидъ, француз. художн., Пр. сѣх.
- Давиллье С., уп. его книга „Histoire des faïences Hispano-Moresques“, III, 51.
- Даль, В. И., филологъ. VI, Рефер. Порф., 4, 6.
- Даль, Л. В., архитекторъ, Пр. сѣхѣ; В. О., 30—32;
- Даниловъ Кирша, сибирскій казакъ, составитель сборника русскихъ пѣсенъ, VI, 161, 163.
- Данилъ Заточникъ, VI, 2 Реф. Порф., 18.
- Даудъ Аль-Фаси, (изъ Феца въ Африкѣ, жилъ въ X в.) его библейско-арабскій словарь, II, 252.
- Дашковъ В., его изданіе пѣсни объ Орфеѣ, Пр. LXXIV. VI, 222.
- Дезоръ, Е. уп. его сочиненіе: „Les palafittes“, III, 55, 56.

- Делакруа, франц. живописецъ, Пр. сxi.
- Деларю, Алдръ Данил. (владѣлецъ дер. Макаровка, Лаишевскаго уѣзда, Каз. губ.) I, 65, 66.
- Демидовъ П. А., VI, 161.
- Державинъ, Гавр. Роман., поэтъ; упом. В. О., 13; памятникъ ему въ Казани, II, 90; VI, 226, 227.
- Дерюжевъ И. О., уп. статья его: „Очеркъ 290 лѣтняго состоянія г. Царевкокшайска и его уѣзда 1584—1874 гг.“ помѣщ въ Каз. Губ. Вѣд. 1876 г. и изд. отдѣльно, II, 169.
- Джагфаръ бекъ Абдулла, Эмиръ (имя Алмаса - Хана Болгарскаго, послѣ принятія ислама) II, 44.
- Джагфарида или по роду Алмасиды, цари болгарскіе этой династїи, II, 44.
- Джанъ-Али-Ханъ, братъ Шахъ-Али - Хана, Каз. царь изъ Касимова, II, 49, 50.
- Джанибекъ-ханъ, его монета, I, 49.
- Джевалики, II, 21.
- Джелаль - Уддинъ - Абуль музаферъ - Джанибекъ Ханъ, сынъ Токтамышъ-Хана, братъ Тэнбекъ Хана, II, 47, 48.
- Джемсъ, англ. бакалавръ; русскія пѣсни, записанныя имъ въ 1619 г., II, 61, VI, 160.
- Джигитъ-Гази, (Dsigit Nasi) поборникъ ислама, погребенный по словамъ Фалька въ Селитрянномъ городищѣ, II, 191.
- Джувейни, II, 22, 30, 31.
- Джучи, ханъ Кипчакской орды, II, 41.
- Джучиды, монеты ихъ времени, II, 38.
- Діонисій Ареопagitъ, VI, 2 Реф. Порф., 5.
- Діонисій архимандритъ, московскій справщикъ при патр. Никонѣ, VI, 201.
- Діонисій, архимандритъ Троицкїй, нач. XVI в., VI, 2 Реф. Порф., 13.
- Діонисій, архимандритъ Хутынскаго монастыря, VI, 2 Реф. Порф., 13.
- Діонисій Грекъ, VI, 202.
- Добротворскій И. М., проф. Каз. ун. Пр. сxxi.
- Добрянскій, Антоній, протоіерей въ Галиціи, Пр. sxxxvii.
- Добрянскій, докторъ правовѣдѣнія, сынъ предъидущаго, Пр. sxxxvii.
- Дозонъ А., франц. консуль, Пр. lxxiv, lxxvi.
- Долголядовъ, князь Ѳеодоръ, воевода Нижняго-Новгорода при Василии Темномъ, II, 179.
- Долгоруковъ, кн. Григорій Даниловичъ, IV и V, 32.
- Долгоруковъ, кн. Яковъ Ѳеодоровичъ, IV и V, 39.
- Димитріевъ Тебанка (мордвинъ), IV и V, 40.
- Доротъ, воевода передоваго полка въ битвѣ при Сити, I, 37.
- Дороевъ Мопемвасійскій, уп. его „Книга историческая, сирѣчь Хронографъ“. VI, 202.
- Досеоевъ, архимандритъ Соловецкаго монастыря, VI, 199; 2 Реф. Порф., 2, 4, 5, 20.
- Дмитрій Донской, в. кн. Московскій, В. О., 11.
- Дмитрій Самозванецъ, См. Лжедимитрій I-й.
- Дмитрій Толмачъ, переводчикъ московскаго посольскаго приказа въ XVI в. (его переводъ Толковой Псалтири) VI, 2 Реф. Порф., 20.
- Дмитріевъ И. И., поэтъ, В. О., 13.
- Дмитріевъ, священникъ Куликовскаго поселка, VII, 262.
- Дравица Юшка, литвинъ, воевода Ниж. Новгорода при Василии Темномъ II, 179.
- Дружкинъ П. Д., крестьянинъ, В. О., 34.— Извлеченія изъ его записки, В. О., 37—38.
- Дрябловъ, первый Казанскій городской голова въ XVIII в., Пр. lviij.
- Дубровинъ, купецъ, Пр. xxx.
- Дудикъ, Томекъ, I, Отд. реф. Антон. № 2,2.
- Двармати, венгерецъ, II, 15.
- Дьяченко, Сергій Викт., Казанскій земле-владѣлецъ, В. О., 11.

- Дювержи, Пр. сxviii.
Дюмлеръ, уп. его сочин: *Geschichte Otto des Grossen*, II 257.
Дюмонъ Альбертъ (Dumont) французскій ученый. Пр. lxxv.
Дюреръ Альбрехтъ. знаменитый нѣмецкій живописецъ XV—XVI в. в. Пр. сx.

Е.

- Евгеній (Болховитиновъ) епископъ Вологодскій, а затѣмъ митрополитъ Кіевскій, VI, 226; VI, Реф. Шестакова, 1, 9, 15.
Еврипидъ, Пр. сx.
Европеусъ, знатокъ финскихъ нарѣчій. упом. Пр. xcix; В. О., 34; II, 89, 110, 111.
Евзимій, св. архіепископъ Новгородскій, III, Отд. реф. Тол., 1.
Едигеръ, Ханъ Крымскихъ Ногаевъ, IV и V, 47.
Ейнгардъ нѣмецкій хроникеръ IX в., I, Отд. реф. Антон. № 2.
Екатерина II, Имп-ца Всерос., Пр. xxxiii.— Письмо ея къ Вольтеру изъ Казани (29 мая 1767 г.) В. О., 8.—Ея письма къ Панину и Вольтеру, изъ ея путешествія по Волгѣ. В. О., 12.—упом. II, 28, 207; IV и V, 57—59, 61, 62.
Елеазаръ, схимникъ Соловецкаго монастыря, VI, 2 Реф. Порф., 13.—15.
Елеверій, старецъ, VI, 2 Реф. Порф., 8.
Елена, правительница Московск. гос-ва, мать Иоанна Грознаго, IV и V, 46.
Елецкій, кн. Дмитрій, IV и V, 54.
Елизавета Петровна, императрица, Пр. cvi, сxv; IV и V, 57.
Епанча, татарскій князь, противникъ русскихъ при взятіи Казани въ 1552 г. Пр. ix, xl, civ.
Епифаній Оловинецкій, малорусскій ученый въ Москвѣ, XVII в., VI, 202.
Епифаній, составитель житій русскихъ святыхъ XV в., VI, Реф. Шест., 4.
Еремѣевъ, Яковъ, предокъ Еремѣевыхъ, Новгородскій помѣщикъ въ 1667 г., II, 176.
Еремѣевы, служ. люди, перевод. въ Каз. край изъ Новгорода Вел. въ XVII в., II, 176.
Ермакъ, покоритель Сибири, I, 114.—Отд. рефер. Алабица, 5.
Ермекинъ, Андрей, атаманъ пагайбацкихъ козаковъ, VII, 259.
Ермоловъ А. М., упом. В. О., 33. Замѣтки его и священника Владимірскаго: „Объ особенностяхъ русскаго говора въ разныхъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи“. В. О., 36—37.
Ерофеевъ Алексѣй, подъячій, IV и V, 36.
Ершовъ, Алексѣй, надсмотрщикъ палъ поволжскими инородцами въ XVI в., II, 18.
Есиповы, служ. люди Каз. края (Свѣяццы), II, 177.
Ефименко, этнографъ и статистикъ, В. О., 25.
Ешевскій, С. В., профессоръ русской исторіи въ Казанск. унив. и всеобщей въ Московскомъ, упом. В. О., 5, 7; I, 61, 94—96, 98; II, 35; его рукописный каталогъ музея Импер. Каз. унив. III, 39.

Ж.

- Жакмаръ А. упом. его сочин. „Histoire du mobilier“. III 58.
Ждановъ, упом. его Матеріалы для Исторіи Стоглаваго Собора и о мѣстничествѣ, IV и V, 50—53.
Ждановъ, Ѳедька, мордвинъ, IV и V, 40.
Желѣзновъ І. И., авторъ книги: „Уральцы, очерки быта Уральскихъ казаковъ“. IV и V, 56, 58, 63.
Жидята Лука, св., еписк. Новгород. и проповѣдникъ XI в., VI, 2 Реф. Порф., 18.
Журавлевъ. И. И., казанскій потомств. почетный гражданинъ. Пр. xxx.

З.

- Забѣлинъ Н. Е., русскій историкъ и археологъ, VI, 161.
- Загоскинъ Н. П., профессоръ исторіи русскаго права въ Казанск. унив. — Упом. рефераты его: „О Селитряномъ Городкѣ въ Астраханской губерніи“ Пр. XLVI, XLVII; объ актахъ кн. В. И. Баюшева, Пр. LII; упом. LVII, LIX, CVII В. О., 11;—II, 194.
- Зайтовъ Мухаметзянъ Биккининъ, мулла деревни Кугорчиной, Лаишевск. у., Казанской губ., I, 105.
- Замысловскій Е. Е., проф. русск. ист. въ С.-Петербургскомъ у-тѣ, упом. Пр. LVI; его докладъ о статьяхъ, поступившихъ въ Отдѣлъ исторіи, географіи и этнографіи, Пр. CI—CII.
- Заринскій, П. Г., протоіерей, рефератъ его: „О топографіи Казани во время осады ея царемъ Иваномъ IV.“ Пр. XLVII; упом. Пр. XLVIII, CXXII; В. О., 4.
- Засѣкинъ, князь, его лѣтопись (неизданная), В. О., 10.
- Засѣкины, влзья, служилые люди въ Казани въ XVI в. II, 173, 174.
- Зеленой, Федоръ А., служилый человекъ, Казанецъ, IV и V, 38, 42.
- Зизаній, Лаврентій, малорусск. ученый въ Москвѣ въ XVII в., VI, 2 Реф Порф., 8.—Его катихизисъ, *ibid.*, 18.
- Зиккель, нѣмецкій ученый, В. О., 45.
- Зимницкій, Степанъ, алаторскій помѣщикъ, IV и V, 39, 40.
- Зобейда, супруга Гарунъ-Эль-Рашида, I, 95.
- Золотницкій, Ник. Ив., казанскій изслѣдователь Черемисскаго и Чувашскаго яз., упом. Пр. XXIX, XII, XLII, XLIX—LII.—уп. Рефераты его: „Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ“. Пр. LXXIX, CII.—„О селеніяхъ съ названіемъ Тарханъ“. Пр. CIII—CVI.—„О шаманской или старой чувашской вѣрѣ.“ Пр. CVII, CVIII,

В. О., 5.—Корневой чувашско-русскій словарь, II, 15, 112, 113, 161, 166, 169. Замѣтка Шестакова о вліян. рус. яз., 4.—Его „Алфавитный списокъ древнихъ историческихъ инородческихъ именъ“ и пр. II, 153.—Его рефератъ: „Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ“, II, 165.

Зубейръ сынъ Джагды, асхабъ. (Припятіе ислама въ Болгарѣ,) II, 42.

Зябловскій, уп. его сочин, „Землеописанія Россійс. Имперіи“. II, 190, 192.

И.

- Ибнъ-Аль-Варди, арабскій географъ XIV в. II, 21; VII, 247.
- Ибнъ-Батута, арабскій писатель начала XIV в. II, 21; III, 51; VII, 241.
- Ибнъ-Даста II, 4, 21, 258; VII, 242, 243.
- Ибнъ-Фодланъ, упом. Пр. LXXVII.—Описаніе его путешествія изъ Багдада въ Болгарію въ 922 г.; выписки изъ него по переводу Гаркави, I, 81, 92, 93; II, 21, 43.
- Ибнъ-Хаукаль, II, 21.
- Ибнъ-Хордадбе Убайдалахъ. (арабскій писатель IX ст.) VII, 239, 240.
- Ибнъ-Эль-Асиръ, арабскій писатель, II, 22; III, 47.
- Ибрагимъ II, 26.
- Ибрагимъ Ханъ сынъ Халиль-Хана, II, 49.
- Ибрай (пастухъ, нашедшій кладъ въ Шурманѣ) I, 74.
- Ивановъ И. П., директоръ Москов. Архива Минист. Юстиціи, уп. изданн. имъ описаніе „Бозрскихъ книгъ“ эт. архива. II, 174.
- Ивановъ, полковникъ, писат. по русск. ист., I, 37.
- Ивановъ, Оома, крестьянинъ села Топанъ, Варнав. уѣзда, Костр. губ., I, 35.
- Ивановы, служ. люди, переведен. въ Каз. край изъ Новгорода въ XVII в., II, 176.

- Ивановскій, Л. К., антропологъ, упом. Пр. XXXV—XXXVII, XLVII, LV, LXI, LXII, XCI—XCIII.—Рефератъ его: „Матеріалы для изученія курганнаго періода Вотьской пятины Новгород. земли“. Пр. XCVII; упом. XCIX, CXVIII, CXXI, CXXV, CXXVII; I, 16, 17, 19, 20, 34, 53.
- Ивановскій Карпъ, священникъ XVI в., уп. VI, Реф. Порф., 11.
- Иверсенъ Ю. Б., нумизматъ, реф. его: „Что означаютъ отд. буквы на лицевой и оборотной сторонѣ серебрянныхъ монетъ и денежекъ до Петра I“, Пр. LV.
- Ивлентьевъ, самарск. археологъ, I, От. реф. Алаб, 1.
- Игнатій, архіепископъ Воронежскій, VI, 2-й Реф. Порф., 1, 2, 4.
- Игнатьевъ Р. Г., членъ Уфимскаго статистич. комитета, его рукопись: „О первыхъ заселеніяхъ Русскихъ и о борьбѣ ихъ съ туземцами въ Уфимской губерніи“. Пр. CI—VII, 267.
- Игорь Рюриковичъ, в. кн. Киевскій, IV и V, 7—9.
- Игорь, Князь Сѣверскій, Пр. LXVII.
- Игумновы, служилые люди въ Каз. краѣ, II, 177.
- Идегу-Мирза, изъ рода Мангудъ, сынъ Кутлауъ-Каба, II, 48.
- Идриси, арабскій географъ XII в., упом. III, 43, 59;—VII, 244—247.
- Износковъ И. А., казанскій этнографъ, Пр. XXIX, XLI.—Рефератъ его: „О личныхъ ивнородческихъ именахъ“ Пр. XLIX.—Упом. Пр. LI, LXI—LXIV; CI, CII.—Рефератъ его „О сохранившихся въ народѣ преданіяхъ о названіяхъ населенныхъ мѣстъ Каз. губ.“ Пр. CIV—CVIII.—В. О., 5.—II, 24, 166. VII, 24¹), 253.
- Изяславъ Владиміровичъ, вн. Полотскій, IV и V, 6.
- Изяславъ Давыдовичъ, Черниговскій князь, I, 50.
- Изяславъ Мстиславичъ, князь, I, 50.
- Икбалъ-Бекъ, приближ. Абдуллы, погибъ отъ Тимура, II, 45.
- Иконниковъ В. С., профессоръ русской исторіи въ Киевскомъ ун-тѣ, упом. Пр. XLVII.—Его докладъ комиссіи съѣзда о запискѣ проф. Брикнера „Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи“ Пр. LXXX—LXXXIII.—упом. Пр. LXXXIX.—Сообщ. его: „Къ вопросу объ изданіи мѣстныхъ матеріаловъ. Пр. CXXVIII.
- Иловайскій Д. И., русскій историкъ, уп. Пр. LXVI—LXXIX, XCVI; „О славянскомъ происхожденіи дунайскихъ Болгаръ.“ II, 162.
- Илгамъ, II, 26.
- Ильгамъ-Эмиръ, сынъ Салима, II, 44.
- Ильгамъ-Ханъ, сынъ Ибрагимъ-Хана, II, 49.
- Ильминскій Н. И., извѣстный ориенталистъ, Пр. XLI—XLIII, XLV, XLIV,—Рефератъ его: „О переводѣ въручительныхъ книгъ на ивнородческіе языки въ бывшей Каз. Академіи въ началѣ текущаго столѣтія.“ Пр. CVIII.—В. О., 5; V и V, 68, 77, 80; VII, 254.
- Илья Муромецъ, VI, 161, 162.
- Ишполитъ, священникъ изъ Верхъ-Исетскаго завода, I, 115, 116.
- Ираклій, императ. Византійскій, III, 25.
- Исаія, аеонскій монахъ XVI в., VI, 203.
- Исидоръ, греческій историкъ и географъ, II, 15.
- Исидоръ, митрополитъ Новгородскій, VI, 2-й Реф. Порф. 7, 12, 13.
- Исидоръ, игумень Соловецкаго монастыря, VI, 2 Реф. Порф. 10.
- Искандеръ Румельскій, (См. Александръ Македонскій) II, 23.
- Истахри, арабскій географъ X ст., II, 21; VII, 243.

I.

Иакимъ, отецъ, извѣстный синологъ; его объясненіе слова Шаманъ, II, 239.

Іаковъ, епископъ Саратовскій, уп. его изслѣд. „О мѣстности Сарая“, II, 185.

Іаковъ, игумень Соловецкій, VI, 2 Реф. Порф. 8.

Іаковъ бекъ-Рувимъ, караимъ; его комментарий на книгу пророка Езекиля, изданный въ Евпаторіи въ 1834 году, II, 250, 252.

Іиречекъ, славянскій историкъ, Пр. lxxv; II, 265, 256.

Іоаннъ III, в. кн. Московскій, Пр. lv; II, 174. — Монета его времени, III, 29; IV и V, 6, 44; VI, 2-й рефер. Порф., 8, 9, 13.

Іоаннъ, великій князь Тверской, сынъ вел. князя Іоанна III, IV и V, 6; VI, 2 реф. Порфирьева 8, 9.

Іоаннъ IV Грозный, царь Московскій, Пр. xlviii, l, lii, lv, lxx, cvii, cxiii, cxv, cxviii; В. О., 8, 11, 12, 15, 43; I, 66; II, 18. — Взятіе имъ Казани II, 49. — упом. II, 59, 61. — Грамота его къ Казанскому архіепископу св. Гурію 1555 г. — II, 65, 72—75, 79, 80, 82—84, 90, 91, 98, 110, 162, 166—168, 170—172, 176, 180, 181, 192. — Русскія монеты до его времени, III, 28. Русскія монеты его царствованія, III, 31, 32 — IV и V, 48, 49, 52. VII, 258, 261. — Рефер. Шестакова, 9, 17. — 2-й рефер. Порф., 7, 13.

Іоаннъ, архимандритъ, ректоръ Казанской духовн. академіи, VI, 2 Реф. Порф., 2.

Іоаннъ, экзархъ Болгарскій (его Шестодневъ) VI, 2-й Реф. Порф., 18.

Іоаннъ, монахъ, переводъ его сочиненія Арсеніемъ Грекомъ, VI, 202.

Іоасафъ, архіепископъ Псковскій, VI, 2 Реф. Порф., 10, 11.

Іоасафъ, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій, VI, 2-й Реф. Порф., 9.

Іоасафъ, епископъ Вологодскій, VI, 2 Реф. Порф., 9.

Іовъ, Новгородскій митрополитъ, VI, 2-й Реф. Порф., 16.

Іовій, архимандритъ архангельскаго Михайловскаго монастыря, VI, 2 Реф. Порф. 16.

Іона, Вологодскій архіепископъ, VI, Реф. Арх. Амфил., 2, 4, 5, 6.

Іона, архіепископъ Псковскій, VI, Реф. Арх. Амфил., 3.

Іосифъ, архіепископъ Суздальскій, VI, 2 й Реф. Порф., 13.

Іосифъ, царь Хазарскій, письмо его къ Хосдаи Ибнъ-Шапруту, около 960 года. II, 252—254. письмо его къ министру Абдурахмана III-го. II, 286; уп. VII, 241, 243.

Іосифъ Флавій, сврейскій историкъ, II, 250.

К.

Кадыръ-берди-Ханъ, сынъ Тохтамыша, II, 48.

Казанъ-Ханъ, сынъ Туганъ-Хапа, сына Батый Хапа, сарайскій ханъ, основатель г. Казани по мнѣнію муллы Багауддинова, II, 41, 47.

Казаратымъ, или Кадаратымъ, мусульманскій святой, въ честь котор. названы деревни Верхняя и Нижня Кандрата Чистоп. уѣз. Каз. губ., II, 106.

Казвини, (Захарія) персидскій космографъ XV в. II, 21.

Казембекъ Мирза, А. К., профессоръ арабской и персидской словесн. въ унив. Казанскомъ, а затѣмъ Петербургскомъ, VII, 240.

Казы-Шерифъ-Куль, ученый послѣднихъ годовъ Казан. царства, убитый при взятіи Казани. II, 50.

Кайданова Марина, (преданія Уральцевъ) IV и V, 60.

Калайдовичъ, К. Ѳ., слав.-русск. филологъ и археологъ, VI, 161, 194.

Калачевъ Н. В., археографъ, историкъ, упом. Пр. xxxiv, cix. — Рефератъ его: „Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта“. Пр. cxii—cxiv, cxvi, cxvii В. О., 31; II, 66, 174, 175; IV и V, 20;

- Калашниковъ, Иванъ, житель Москвы, жертвователь въ Соловецкую библиотечку, VI, 2-й Реф. Порф., 16.
- Калданъ герой телеутскихъ преданій, II, 204 - 206.
- Калужняцкій Е., профессоръ, Пр сxxxvii.
- Кальмонъ, Леви, гравёръ жившій въ Казани въ нач. XIX в., Пр. сxv.
- Камаевъ, князь Кадрейкъ Мурза, сынъ Смилевъ, влад. въ XVII в. сельца Чаллы, I, 105.
- Камай - мурза, татарскій вождь въ Казани въ XVI в. Пр., xlix; II, 82, 88.
- Каменскіе, братья, владѣльцы пароходовъ по Волгѣ, Пр. xxx.
- Калу-Терканъ, болгарскій посоль въ Византии въ X. в., II, 162.
- Камусъ, словарь его, II, 40.
- Камынинъ, Иванъ, первый Симбирскій воевода, XVII в. IV и V, 31, 38.
- Кандашевъ, Вас. Гавр., книгописецъ XVI в., VI, Реф. Шест, 8, 12.
- Канза, богатырь въ пѣсняхъ Минусинскихъ Татаръ, II, 231.
- фонъ-Каницъ, Юлій, Директ. Казанск. гимн. во 2-й полов. XVIII в. Пр. xlvii.—Его плавъ города Казани, II, 62—64, 74, 78, 83, 85, 88, 95.
- Канова, извѣстный ваятель, Пр. сxi.
- Кантемиръ, князь А. Д., русскій сатирикъ XVIII в., Пр. сxxxv.
- Кантемиръ, князь Дмитрій, господарь Молдавскій, отецъ предъидущаго, I, отд. реф. Алаб., 6.
- Кануть, имя многихъ королей Датскихъ XI и XII в.в., упом. Пр. xxxv; I, 24; монеты съ этимъ именемъ въ курганахъ по Сити, I, 38.
- Кара-Кызъ, героиня телеутскаго преданія, II, 204.
- Караджичъ, В. С., сербскій этнографъ и филологъ, Пр. lxxi.
- Карамзинъ, Н. М., извѣстн. историкъ, В. О., 13; II, 27, 77. 181;—IV и V, 44—46, 52, 53; упом. его; „Исторія Госуд. Россійскаго“, II, 167, 184, 192.
- Карамышь-Уланъ-Кудайгула, (при осадѣ Казани 1552 г. защитникъ Крымскихъ воровъ) II, 95.
- Карамышь-Курбскій, князь Мих. Ѳед., IV и V, 45.
- Карамышевъ, князь Семень Констан., VI, 191.
- Каратыгинъ. (его „Обзоръ нѣкоторыхъ особенностей въ чинопослѣдованіяхъ рукописныхъ требниковъ“, принадл. С.-Пет. Дух. Акад.) VI, Реф. Порф., 1.
- Карлъ Великій, I, Отд. реф. Антон. № 2, 2.
- Каролинги, IV и V, 6.
- Карповъ, Г. Ѳ., русскій историкъ, Пр. lxxi.
- Карпычевъ Е. М., крестьянинъ, В. О., 34
- Кассиръ, Шахъ Самаркандскій, II, 23.
- Кассіанъ, монахъ приводившій въ порядокъ книги Соловецкой библиотечки, VI, 2 Реф. Порф., 4.
- Кастренъ, извѣстный финологъ, проф. Гельсингфорскаго у-та, II, 16, 208—210, 222, 226, 235, 238.
- Кауфманъ К. П., Туркестанскій генераль губернаторъ; доставл. имъ сообщ.: „О колоннѣ при рѣкѣ Буранѣ въ Токмакскомъ уѣздѣ и соединен. съ этимъ памятникомъ легендахъ Киргизовъ и Сартовъ“ Пр. lxxiv. доставл. имъ рефертъ: „О памятникѣ Кузу Кѣрнечь и Баянъ сулу“, Пр. xlvii.; доставл. имъ сообщ.: „О древнихъ памятникахъ сохранившихся въ Вѣрненскомъ уѣздѣ“. Пр. cviii.
- Каченовскій, проф. русск. ист. и слав. нарѣчій въ Московск. у-тѣ, VI, 226.
- Качковскій М., Общество его имени въ Галиціи, Пр. сxxxvii.
- Кашинъ, князь Юрій Ив., IV и V, 50.
- Кашинъ, кн. Ѳед., IV и V, 55.

- Кашинъ-Сухой, князь Иванъ, IV и V, 53.
 Кашины князя, IV и V, 50.
 Кашпировъ Петръ, Нѣмчинъ, предокъ Арцы-
 бышевыхъ, получившій помѣстье въ Нов-
 город. землѣ при Василии Ш-мъ II, 176.
 Кафтанниковъ., изслѣдователь Казанскихъ
 древностей, II, 24, 28.
 Кафтыревъ Осипъ (воевода), IV и V, 39, 40.
 Квашинъ Андр. Алексан. (окольникъ), IV
 и V, 48.
 Квашинъ Ефремъ, старецъ, жертвователь
 въ Солов. Библ., VI, 2 Реф. Порф., 8.
 Кашень, этнографъ и археологъ, Пр. LI, III;
 IV и V, 34;—VI, 226.
 Качаевъ Паскеванъка, (мордвининъ) IV и
 V, 39.
 Кибекъ-Ханъ, братъ Джелаль уддинъ-Хана,
 II, 48.
 Кій, основатель Киева, IV и V, 7.
 Кикинъ, Димитрій, Писцовая книга 1566—
 1568 г. и города Казани (см. Борисовъ.)
 II, 65.
 Киндаръ, ханъ Кипчакской орды, I, 88.
 Кипертъ, уч. его: Handbuch der alten Ge-
 ographie и его-же Atlas Antiquus, II, 103.
 Киприанъ, митрополитъ Моск., XIV—XV в.,
 Пр. сxx, сxxi.—VI, рефератъ Арх. Амфило-
 хія, 1—6; *ibid.*, рефератъ Шестакова, 4.
 Кириллъ Св., (просвѣтитель Славянъ), VI,
 Реф. Шест., 2, 4.
 Кириллъ, митрополитъ, Пр. хсvi.
 Кириллъ Туровскій, VI, 2 Реф. Пор., 18.
 Кириловъ, Аверкій, московскій гость, VI, 2
 Реф. Порф., 16.
 Кирѣевскій, П. В., славянофилъ, собиратель
 памятн. нар. поэзіи, Пр. сxxiii.
 Кичи-Махметъ, братъ Улу-Махмета, II, 178.
 Кичикъ Мухаммедъ-Ханъ, братъ Улугъ-Ха-
 на, II, 48.
 Клапротъ. Его „Asia polyglotta“, II, 16,
 31—33. „Mémoires rel. à l'Asie“, II, 208.
 Клаусъ, нумизмат. коллекція его въ Казани,
 II, 38.
 Климентъ, епископъ Болгарскій (его поуче-
 нія) VI, 2 Реф. Порф., 18.
 Ключковы, священники изъ зырянъ. VI, Реф.
 Шест., 13, 16.
 Ключъ-Шестуновъ князь Ив. Дм., служилый
 челов. XVI в., IV и V, 51.
 Ковалевскій Осипъ Мих., изв. ориенталистъ,
 В. О., 13.
 Кодаръ, герой въ среднеазиатской легендѣ,
 Пр. xlvi.
 Коза Кёрпечъ, герой въ среднеазиатской ле-
 гендѣ), Пр. xlvi.
 Козляниновъ Иванъ, подъячій, IV и V, 38.
 Козляниновъ П. О., казанскій губернаторъ
 1857—1863, Пр. сxv.
 Кокшаровы, священники изъ зырянъ, VI,
 Реф Шест., 13.
 Коларъ Янъ, VI, 226.
 Колунза, князь мордовскій, IV и V, 34.
 Кольчевъ Ив. Ив., стольникъ, VI, 2 Реф.
 Порф., 16.
 Кольцо Иванъ, есаулъ Ермака. I, Отд.
 реф. Алаб., 5.
 Конгдайча, послѣдній телеутскій ханъ, II,
 204, 205.
 Кондыревъ Петръ, адъюнктъ Казан. уни-
 верситета, I, 71.
 Конрадъ II Салійскій, императоръ Нѣмецкій
 (1024—1039), III, 26.
 Константинъ Порфирогенетъ, (Багрянород-
 ный), императоръ Византійскій и писатель
 (912—959) II, 3, 5, 162, 252, 256, 257;
 IV и V, 4.
 Константинъ Мономахъ, импер. Византійскій
 (1040—1054) III, 25.
 Константиновичъ Н. А., Пр. хсvii; реф. его:
 „О городищѣ близъ мѣстечка Салтыковой —
 Дѣвицы, Черниговскаго уѣзда.“ Пр. с.
 Копасовъ Нухталко (мордвининъ) IV и V,
 35.

- Копитаръ, VI, 226.
- Кораблевы, уральскіе казаки во 2-й половинѣ XVIII в., IV и V, 58, 61.
- Коробейниковъ, Трифонъ, писатель конца XVI в. (его сочиненія) VI, 2 Реф. Порф., 18.
- Коробкинъ А. С., В. О., 33.
- Корсаковъ Д. А., профессоръ рус. ист. въ Казанскомъ ун-тѣ, Пр. xxviii, xlvi, lvi—lx, lxviii, lxix, lxxviii, lxxxiii, lxxxvi, lxxxviii, lxxxix, cvii, cxii, cxiii, cxviii, cxix; I, 31.
- Костровъ князь, уп. статьи его: „Преданія томскихъ ивородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи“ и „Очерки быта Минусинскихъ татаръ“. Пр. си; II, 202.
- Костяковъ Аeonасій, подъячій, IV и V, 31.
- Котошихинъ, уп. его соч. „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, II, 170.
- Котрагъ, сынъ Кубрата, болгарскій вождь, II, 256.
- Котяковъ Кятанька (мордвинъ) IV и V, 40.
- Коцакъ, Казанскій мурза первой полов. XVI в., II, 18.
- Кравковъ Алексѣй Матв., Симбирскій воевода XVII в., IV и V, 28.
- Кранахъ, нѣмецкій живописецъ, Пр. сx.
- Крапивинъ, геодезистъ (см. Савенковъ) II, 28.
- Крафтъ, нѣмецкій скульпторъ, Пр. сx.
- Крашевскій, польскій ученый, I Отд. реф. Антон. № 2, 3.
- Крижаничъ Юрій, сербъ, писатель о Россіи XVII в., Пр. cxxi; VI, 193, 194, 426.
- Кротковы, Симбирскіе помѣщики XVII в., IV и V, 34, 35, 38, 39.
- Кругъ, археологъ, III, 25.
- Крузе, археологъ, I, 15—18.
- Крымъ-Гирей, Пр. xlvi.
- Кубенскій, князь Михаилъ Ивановичъ, IV и V, 44.
- Кубратъ, вождь болгарскій, II, 256.
- Кудбутдинъ-Рази, ученый при дворѣ Гаясъ-уддина Узбекъ-Хана, II, 47.
- Кузьмъ Насръ-Эддинъ, IV и V, 75.
- Кузнецовъ, казакъ, отецъ Устиньи жены Пугачева, IV и V, 62.
- Кузнецова Устинья, жена Пугачева, IV и V, 58.
- Кузьма богатырь, кожевникъ, I, Отд. реф. Антон. № 2, 3.
- Кувша, апостоль Вятчей, IV и V, 6.
- Куль-Гали-Бекъ, приближен. Абдуллы, погибъ отъ Тимура, II, 45.
- Кулна-Ханъ, сынъ Берди-Бека Хана, II, 47.
- Куникъ А. А., академикъ, его изслѣд. о Русско-Византійскихъ монетахъ Ярослава I-го Владиміровича, III, 23, 24., Упом. его извѣстіе о Мекленбургскомъ кладѣ, III, 26, 27.
- Куракинъ, князь, IV и V, 46.
- Куракинъ кн. Гр. Андр., Казанскій воевода второй половины XVI в., IV и V, 55.
- Куракина княгиня, IV и V, 57.
- Куратовы, священники изъ зырянъ, VI, Реф. Шест., 13.
- Курбскій кн. Андрей Михайловичъ, Пр. lxxxix—Его описаніе осады Казани, В. О., 12. Трудъ о немъ Устрялова, В. О., 43.—Покореніе Казани“, т. е. 2-я гл. „Исторіи царя Іоанна IV“, II, 71.—„Сказанія“, Пр. lvi—II, 62, 69.—Упом. II, 60, 66—68, 70, 72, 76, 78, 81, 85—87, 90, 92—95, 98;—IV и V, 45, 52—54.
- Курлятевъ, князь Дм., IV и V, 52.
- Курлятевъ, князь Конст. Ив., воевода Муромскій, IV и V, 52.
- Курлятевъ, Нилъ, монахъ, Пр. cxh, cxxi.—Рефер. Архим. Амфилохія, 1, 2, 5, 6.
- Кусюмъ, башкирскій бунтовщикъ, во время Пугачева, VII, 261.
- Кутлукъ Тимуръ, Ханъ золотоордынскій II, 48.

Бучумъ, ханъ зауральскихъ татаръ въ XVI в.,
Пр. XLIII.

Кяньлунгъ, императоръ Китайскій, Пр. XLV.

Л.

Лавинскій, дьяконъ села Пайгусова, Пр. LXII.

Лаврскій К. В., казанскій литераторъ Пр.
LVII, LIX.

Лаланъ Людовикъ; упом. его „Ислѣдованія
о греческомъ огнѣ и о введеніи пороха
въ Европѣ“. III, 50.

Ламбины, библиографы, Пр. CXXVIII. В. О., 43.

Лаптевъ, этнографъ и статистикъ, упом. В.
О., 5, уп. его сочин. „Матеріалы для гео-
графіи и статистики Каз. губ.“ I, 64, 83.

Ларионъ, Берестовскій священникъ, потомъ
митрополитъ. I, Отд. реф. Антон. № 2.

Ларионовъ, капитанъ; записка его: „О буд-
дійскомъ памятникѣ на берегу р. Или“.
Пр. XLIII.

Ласкиревъ, Мих. Дм., городничій Казани въ
1554 г., IV и V, 55.

Ласковскій, проф. инженерной академіи упом.
Пр. XLVII; его „Опытъ исторіи инженер-
наго искусства въ Россіи,“ приложенный
при немъ планъ взятія Казани, II, 63.

Лассю, французск. архитекторъ, Пр. сXI.

Лебединцевъ Ѡ. Г., авторъ статей о брат-
ствахъ, IV и V, 12, 20.

Лебокъ, изслѣдователь первобытной культу-
ры, IV и V, 5.

Левашевъ, Яковъ Григорьев, IV и V, 41.

Левъ VI, прозв. „философомъ“ византийскій
императоръ конца IX и нач. X в.; уп. его
„Тактиконъ“, III, 49.

Левъ Діаконъ, визант. писатель, II, 249.

Лешанъ, его статья: „Этнографія Европей-
ской Турціи“, II, 102.

Леонидъ, (Кавелипъ), архимандритъ, намѣ-
стникъ Троицкой Лавры; уп. рефератъ его:

„О посѣщеніи Болгар. развалинъ Петромъ
I и Екатериною II“. Пр. XXXIV.—Его ста-
тья: „Краткое изъясненіе плана древняго
города Казани и описаніе осады и взятія
опаго въ 1552 г.“ Пр. сII.

Леонидъ, Вологодскій игумень, VI, 2 Реф.
Порф., 13.

Леонидовъ, Петръ, священникъ, I Отд. реф.
Алаб., 1.

Леопольдовъ, упом. его „Историко-статисти-
ческое описаніе Заволжскаго края“ изд.
въ 1839 въ „Матеріалахъ для Статистики
Рос. Имперіи“, II, 184, 192—193.

Лепехинъ, академикъ, В. О., 5.; II, 28, 29.;
упом. его „Дневныя записки“, II, 31—
33.; VI, Реф. Шестакова, 8, 9, 18.

Лерхе Іоаннъ Яковъ, II, 7.

Лерхъ П. И., В. О., 31.

Лжедимитрій I-й. Пр., LV, II, 181; VI, 160.

Лигаридъ, Паисій, митрополитъ Газскій,
XVII в., VI, 202.

Лилловъ А. И, авторъ статьи: „Библиоте-
ка Соловецкаго монастыря“, VI, 2 Реф.
Порф., 2.

Липшманъ, археологъ. I, отд. реф. Антон.
№ 2, 1.

Лисицъ, греческій скульпторъ, Пр. сX.

Лихачевъ А. Ѡ., Пр. XXXIV.—уп. рефератъ его
„О сфероконическихъ сосудахъ находимыхъ
въ Болгарахъ и Билярскѣ“ Пр. сXVI—сXVIII,
„Бытовые памятники Великой Булгаріи,“
I, 95, 97—99; II, 35—37. Собраніе мо-
нетъ, найденныхъ въ Булгарѣ, II, 39.

Лизъ, его подробное описаніе Мекленбург-
скаго клада 1858 года, III, 26.

Лобачевскій, профессоръ математ. въ Казан.
у-тѣ, В. О., 13.

Ломоносовъ, VI, 2 Реф. Порф., 19.

Лопата-Оболенскій, князь, IV и V, 45.

Лопатинъ Н. А., уп. реф. его: „О современ-
номъ положеніи мѣстности, гдѣ находил-
ся Сарай, столица Золотой Орды“, Пр.
LXIX.

- Лопасевъ Туушка (Мордвинъ) IV и V, 37.
Лоренцъ, историкъ, В. О., 41.
Лызловъ Андрей стольникъ; его компиляция: „Скифская исторія“. Пр. LVIII, LX, LXIII; В. О., 10.
Лыковъ, князь Бор. Мих., IV и V, 47.
Лыковы князья, служилые люди въ Казани XVI в., потомки кн. Черниговскихъ. II, 173.
Львовъ, издатель „Подробной лѣтописи отъ начала Руси до Полтавск. баталіи, IV и V, 52, 53.
Любарскій, Платонъ, архимандритъ жившій въ Казани съ 1772—1785 г., уп. его „Сборникъ древностей Казанской епархіи“. II, 62, 64.
Любимовъ Θεолоръ, протоіерей. Его краткія грамматическія правила пермскаго языка. VI, Реф. Шест., 11.
Люткины, служилые люди въ Казанскомъ краѣ; акты и грамоты, касающ. этой фамиліи, Пр. сXIII;—II, 174.

М.

- Маажъ, путешественн. по Сибири, II, 208.
Магметъ-Аминъ, царь Казанскій, IV и V, 44
Магнитскій В. К., этнографъ. — Пр. сVIII;—II, 115; VII, 253, 256.
Маевъ, записка его: „О древнихъ развалинахъ и курганахъ въ Сыръ-Дарьинской области“ Пр. LXIII, упом. Пр. LXIV.
Мазепа, гетманъ Малороссіи, I, Отд. реф. Антон. № 1, 4.
Майковъ Л. Н., этнографъ и историкъ русск. л ры.—Пр. LXVII, LXVIII, LXIX, XСIII, сXXI;—VI, 162; VI, 2-й реф. Порфирьева, 3.
Майновъ В. Н., этнографъ, Пр. сXXII; В. О. 32.,
Макарій, инокъ, составитель „Вкладной книги“ Анзерскаго скита, VI, 2 Реф. Порф., 14, 15.
Макарій, митроп. Московскій и всея Руси, XVI в.—II, 30; III, отд. реф. гр. М. В. Толст., 2; IV и V, 48, 49, 51. — VI, 203., 2-й реф. Порфир., 9, 12—VI, реф. П. Д. Шестакова, 8, 10; *ibid.*, 1-й реф. Порф., 3, 14.
Макарій Унженскій, преподобный, основатель Макарьевской пустыни, II, 167.
Макарій преподобный, основатель монастыря на Желтыхъ Водахъ, гдѣ теперь городъ Макарьевъ Ниж. губ., II, 179.
Максимъ Грекъ, ученый инокъ XVI в.—Пр. сXXI—Отд. VI, 200, 203.—VI, 2 реф. Порф., 7, 10, 11, 18, 20.—VI, отд. реф. архим. Амфилохія, 1—6.
Максимовъ, С. В., этнографъ.—II, 100.
Максимовъ, Семенъ, учитель Казанской школы для дѣтей крещеныхъ татаръ, VII, 257, 268.
Максимовичъ М. А., профессоръ упив. Св. Владиміра; историкъ и этнографъ, уп. Собрание сочиненій его, I, Отд. реф. Антон., № 1, 2.
Маль, древлянскій князь, IV и V, 7, 9.
Малатеста Сигизмундъ, изобрѣтатель бомбъ и граватъ, начиненныхъ порохомъ, въ XV в., III, 47.
Маликъ Ашрафъ Чупанъ, владѣтель Азербиджана, II, 47.
Малиевъ Н. М., антропологъ, Пр. сXVII.
Маловъ Е. А., протоіерей, ученый противуму-сульманскій миссіонеръ въ Казани, В. О., 5.
Мальцевъ М. М., уп. его рефератъ „старая Кама“. Пр. сIII.
Мамай, князь золотоордынскій XIV в., В. О., 11; II, 188.
Маметъ (Мамадышъ) выходецъ изъ гор. Булгаръ, дѣти котор. по татарскимъ преданіямъ основали нѣсколько деревень въ Свіажскомъ уѣздѣ Казан. губ., II, 104.
Мамонинъ, воевода, основатель по преданію села Сухая Рѣка, Каз. уѣзда. II, 107.

- Мамунъ, халифъ Багдадскій изъ династіи Аббасидовъ, II, 43.
- Мамыкъ-Ханъ, казанскій царь изъ Ногайской орды, II, 49.
- Мануилъ I, Комнень, визант. императоръ, II, 27.
- Мамытъ, князекъ Телеутовъ, II, 206—207.
- Марія Алексѣевна, княжна, дочь царя Алексѣя Мих.; влады ея въ Анзерскій скитъ, VI, 2 Реф. Порф., 16.
- Марія, кж. Тверская, жена московск. в. кн. Иоанна III-го, IV и V, 6.
- Маркъ Авредій, императоръ Римскій, Пр. xxxv; I, 24.
- Марквичъ А. И., русскій истор., IV и V, 43.
- Марко-Поло, изв. венеціанскій путешеств. въ Азію во 2-й полов. XIII в., II, 5.
- Марсъ, I, 56.
- Мартирій, владыка Новгородскій, III, Отд. рефер. Тол., 1.
- Марцеллианъ, рим. писатель IV в., II, 13.
- Марциаль, латинскій поэтъ I вѣка по Р. Хр., III, 57.
- Марѳа инокиня, мать царя Михаила Оодоровича Романова. Пр. III.
- Маскелинъ Н., профессоръ, III, 40, 48.
- Масламъ Эмиръ сынъ Абдуль-Малика, II, 42.
- Масловъ В. П., археографъ, Пр. xxxiii.
- Масловъ, уп. его книга „Русскія знамена“, II, 62.
- Масса и Геркманъ, уп. „Сказанія“ ихъ о Моск. госуд. въ нач. XVII в., II, 91.
- Масуди, арабскій писатель X в., Пр. lxix;—II, 21, 255—257; VII, 243.
- Матвѣевъ Арт. Серг., московскій бояринъ 2-й пол. XVII в., Пр. cvii.
- Матвѣевъ П. А., секретарь комисіи при петерб. Географ. обществѣ, В. О., 25.
- Махмудовъ, инспекторъ татар. учительскаго института въ Казани, I, 82.
- Махмудъ-Газанъ Ханъ, изъ династіи Гулагидовъ II, 41.
- Махмудъ-Ханъ, (Махмутекъ), первый ханъ Казанскій, II, 48, 49, 179.
- Махмудъ Шамахинскій, II, 34.
- Махоринъ казакъ, (прозывался также Перстняковымъ, мужъ Анисьи Васильевой, разказчицы о Пугачевѣ), IV и V, 56.
- Межовъ, В. И., библиографъ., Пр. cxviii В. О., 43.
- Мезецкіе, князья, служилые люди въ Казани XV в., потомки кн. Черниговскихъ, II, 173.
- Мёллеръ Б. И., профессоръ, В. О., 31.
- Мельниковъ, П. И., извѣстный писатель, историкъ и этнографъ.—Пр. xxxiv, xlix, lvi; lvi, lxii;—В. О., 30.—I, 62;—II, 113.
- Мельниковъ, С. И., Казанскій археографъ, В. О.; I, 62, 71; II, 167, 168.
- Мельчаковъ, Исаія Юрьевъ, устюжскій старецъ XVI в., VI, 2 Реф. Порф., 11.
- Менандръ, греческій писатель IV в. до Р. Хр., Пр. cx.
- Менгли-Гирей, ханъ Крымскій, II, 49.
- Менгу-Тимуръ, ханъ Золотой Орды, II, 26, 45, 46.
- Меркурьевъ, Василій, дьяконъ Казанской крещено-татарской школы, VII, 262.
- Меровинги, франц. королевская династія, IV и V, 6.
- Мертваго, Д. Б., уп. его „Записки“ В. О., 12.
- Мессершмидтъ, путеш. XVIII в.; его Сибирскія находки, I, 7.
- Мещерскій, князь Гр. Оед., воевода въ Муромѣ въ полов. XVI в., IV и V, 50.
- Меводій, св. просвѣтитель Славянъ, VI, Реф. Шест., 2, 4.
- Микулинскій, князь Василій, воевода большаго полка въ XVI в., IV и V, 46.

- Миладиновы братья, ихъ „Болгарскія пѣсни“, Пр. lxxii.
- Миллеръ, Герг. Фр.; русскій историкъ XVIII в., В. О., 5;—IV и V, 49.
- Миргешъ-Бекъ, приближ. Эмира Абдуллы, въ Булгарѣ, II, 45.
- Миرونъ, греческій скульпторъ, Пр. сx.
- Мирхондъ, персидскій писатель XV в., II, 22.
- Митридатъ Великій, царь Понтійскій, I, 59.
- Михаиль, епископъ Смоленскій, VI, Реф. Шест., 3.
- Михаиль Борисовичъ, великій князь Тверской, IV и V, 6.
- Михаиль, Потокъ Ивановичъ, богатырь русскихъ былинъ, VI, 161.
- Михаиль Ярославичъ Тверской, повѣсть о его убиеніи въ ордѣ, II, 5, 13.
- Михаиль Θεодоровичъ, царь.—Пр. I П; II, 171, 172, 175;—IV и V, 31, 34, 35, 37;—VI, 2 реф. Порф., 10, 14, 16.
- Мицкевичъ, изв. польскій поэтъ, VI, 226.
- Могилатовъ С. С., казанскій помѣщикъ. Пр. сxv.
- Можаровскій А. Ѳ., этнографъ, II, 17.
- Молоствовъ Г. В., ген.-лейт., доставилъ фамилн. акты на IV Арх. Съѣздъ., В. О., 11.
- Молоствовъ М. М., Казанскій помѣщикъ. Дост. фам. акты на IV Арх. Съѣздъ., В. О. 11.
- Молоствовы, Уланъ и Иванъ, служилые люди; въ XVII в. получили земли въ Казанскомъ краѣ, II, 107.
- Монтеліусъ, докторъ; его „Antiquités Suédoises“, I, 13, 14, 17.
- Мордвиновъ В. П., владѣлецъ рукописнаго сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ, VI, 162.
- Морозовъ, Петръ, окольникій, упом. при осадѣ Казани 1552 г., II, 77, 78.
- Морозовъ, бояринъ XVI в., II, 168.
- Морошкинъ М. Я., проф. русск. исторія въ Казан. и Петерб. духовн. академіяхъ, уп. статья его: „О личныхъ именахъ у русскихъ Славянъ.“, II, 150.
- Москаевъ, Сабайко, солдатъ, IV и V, 35.
- Мстиславъ Изяславичъ, князь, I, Отд. реф. Антон., № 2. 4.
- Мстиславскій, князь Ѳед. Мих., муромскій воевода въ XVI в., IV и V, 46.
- Мстиславскій, князь Иванъ Θεодоровичъ, начальникъ большаго полка при осадѣ Казани 1552 г., II, 95, упом. IV и V, 54.
- Мукаддеси, арабскій писатель X в., II, 21.
- Муктадиръ, Багдадскій халифъ изъ династіи Абассидовъ, II, 43.
- Мукша, Чувашенинъ, основатель чувашскихъ деревень Чистопольскаго уѣзда, Каз. губ., II, 109.
- Муминъ, эмиръ изъ династіи Джагфаридовъ, II, 44.
- Мухаммедъ, арабскій пророкъ, основатель Мусульманства, Пр. ххvii; II, 22, 23, 40.
- Мухаммедъ II, султанъ Турецкій, II, 23.
- Мухаммедъ-Аминъ, ханъ Казанскій, II, 49.
- Мухаммедъ-Булякъ, ханъ Золотой Орды, III, 20.
- Мухаммедъ-Гирей, ханъ Крымскій, II, 49.
- Мухаммедъ, ханъ Казанскій, II, 41.
- Мухъиддинъ Альбердаги, арабскій ученый, II, 47.
- Мылтыкъ-Ахша, герой телеутскихъ преданій, II, 206, 207.
- Мэнъ, англійскій ученый, IV и V, 5.
- Мюллеръ Ф.; уп. его кн: „Der Ugrische Volksstamm.“, II, 185.
- Мяндинъ, Семень, крестьянинъ, I, 32.

Н.

Нагашъ, татарскій мурза, жившій въ предѣлахъ нынѣшняго Мамадыш. уѣзда, Казанской губ. до покоренія Казани, II, 106.

- Наполеонъ I, императоръ французовъ, VII, 257.
- Насръ-Эддинъ, герой татарскихъ преданій въ Казанской губ., извѣстный въ народѣ подъ именемъ „Ходжи-кужа Насрэддинъ.“ IV и V, 74.
- Насыръ-Лидинилла, ханъ болгарскій; монеты его, II, 44.
- Наталья Кириловна, царица, VI, 2 Реф. Порф., 7.
- Наурузъ, ханъ золотоордынскій, II, 47.
- Наанаилъ, его сочиненіе „Скрижали духовныя“ VI, 202.
- Невоструевъ К. И., археологъ, археографъ и библиографъ, Пр. СХХI, СХХII;—I, 63, 96, 101, 102, 105, 113; II, 24, 28, 36; VI, 226. Составл. имъ извлеченія изъ „Писцовыхъ книгъ по гор. Казани съ уѣздомъ 1566 — 1568.“ II, 173.
- Неджмъ-уддинъ Аззагиди, ученый Ханафійскій при Берекс-Ханѣ, II, 46
- Некрасовъ А. А., профессоръ Каз. Дух. Академіи, II, 102.
- Некрасовъ И. С., профессоръ Новоросс. у-та. Пр. СХХI; VI, 194.
- Неплюевъ Ив. Ив., первый Оренбургскій губернаторъ, VII, 259.
- Несторъ, Преп., лѣтописецъ, I, 41.
- Неѣловъ Д. И., Казанскій нумизматъ, Пр. СХV. II, 34.
- Никаноръ, архимандритъ Сторожевскаго монастыря, VI, 2 Реф. Порф., 13.
- Никитинъ, Андрей подъячій посольскаго приказа, VI, 2 Реф. Порф., 16.
- Николай Александровичъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, (покойный) Пр. СХV.
- Никитинъ С. И., нагайбацкій урядникъ, VII, 258, 267.
- Николай, Свят. Мурликійскій (поволжскія преданія о немъ). Пр. СХХIII.
- Никонъ, патриархъ, II, 26; VI, 200 — 204; VI, 2 реф. Порф., 2, 14 — 16.
- Никонъ, священноинокъ, VI, 2 Реф. Порф., 7.
- Никонъ, Черногорецъ, уп. его „Тактиконъ“, VI, 2 реф. Порф., 17.
- Никударъ-Ханъ изъ династіи Гулагидовъ, II, 46.
- Новиковъ Н. Ив.; извѣстный дѣятель на пользу Русскаго просвѣщенія въ XVIII в.; его пѣсенникъ, VI, 160.
- Норовъ, Гвѣвашъ, составитель „приправочныхъ книгъ“ Алаторскаго уѣзда, нач. XVII в., IV, и V, 31, 33.
- Нукай, вождь Менгу-Тимуръ Хана, II, 46.
- Ньюдженъ, графъ Альбертъ, VI, 226.
- О.
- Оболенскій князь, его сторожевой отрядъ при осадѣ Казани 1552 г., II, 94.
- Обручевъ, Оренбургскій генераль-губернаторъ, VII, 258.
- Овербекъ, живописецъ, Пр. СХI.
- Овсянникова, одна изъ владѣтельница сель Шурана, Ланш. у., Каз. губ., I, 72.
- Овчинниковъ, сообщникъ Пугачева, IV и V, 62.
- Ойротъ, ханъ Алтайскихъ Калмыковъ, II, 206 207.
- Окудовъ, генераль въ нач. XIX в., IV и V, 63.
- Олеарій, извѣстн. голшт. ученый, путеш. въ Моск. гос. въ XVII в.—Пр. СХХVII; В. О., 12; II, 61, 80, 81, 83, 87; VI, 202.
- Олегъ, первый князь Кіевскій, Пр. LXXVIII; I, 50; IV и V, 6, 8, 9.
- Омаяды, II, 42.
- Олучинъ, Даниль, Казанскій стрѣлецъ XVII в. (явленіе иконы Казанской Божіей Матери на развалинахъ его дома), II, 89.
- Опоковъ Г., уп. его статья: „Князь А. М. Курбскій“, IV и V, 53.

- Орловъ, графъ Г. Г., IV и V, 62.
 Орловы, графы, IV и V, 58—60.
 Орфей. (Былина о немъ у Верковича) Пр. LXXII, CXXIV — Пѣснь о немъ, изд. В. Дашкова — Пр. LXXIV.
 Осиповъ А. М., професс. Казанскаго у-та, Пр. LIX.
 Осокинъ, А. Г., Казанскій Губернск. Предв. Двор. — Сообщаетъ IV Арх. съѣзду акты о двор. фамилии Люткиныхъ, Пр. XXXIX, LVIII, CXXX.; В. О., 11.—II, 174.
 Осокинъ П. Г., Казанскій помѣщикъ, Пр. LVIII.
 Островскій Д. П., уп. его ст. „Вотяки Казанской губ.“, IV и V, 86, 107.
 Остроумовъ Н. П., ориенталистъ, II, 113; IV и V, 68.
 Отрепьевъ Гришка. См. Лжедмитрій I-й.
 Охлябининъ, князь Влад. Ѳед., полк. воевода въ пол. XVI в., IV и V, 46.

II.

- Павель Алеппскій, писат. о Московск госуд. XVII в., VI, 200.
 Павловъ П. В., професс. унив. св. Владимира; Рефератъ его: „О предметъ заедры теории и истории искусствъ“ — Пр. CIX—CXI; упом. Пр. CXII.
 Паисій, іерусалимскій патріархъ, въ XVII в., VI, 201—203.
 Пайгусъ, одинъ изъ родоначальниковъ Черемисскихъ родовъ въ Казанской губ., Пр. L.
 Палаузовъ, Болгарскій ученый Пр. LXXI.
 Палацкій, чешскій историкъ, VI, 226.
 Палецкій, князь Дав. Ѳед., II, 168; IV и V, 47.
 Палецкій, вк. Дм. Ѳедор., IV и V, 47, 53.
 Палицынъ, Авраамій, VI, 2 Реф. Порф., 7, 8, 13.
 Палкинъ, рыбаць, I, 116.
 Палласъ. Его „Путешествіе по разнымъ провинц. Рос. госуд.“ — Пр. сл.; II, 10, 184, 208. Упом. В. О., 5; II, 34, 212, 223, 227, 238; VII, 253. Описание Болгарскаго городища, II, 28.
 Памъ, зырянскій сотникъ XIV в., Пр. LXX.
 Памво, іеродіаконъ, бібліотекаръ Соловецкой бібліотеки, VI, 2 Реф. Порф., 4.
 Панаевъ В. И., казанскій поэтъ первой четв. XIX в., упом. Пр. LIX. В. О., 12.
 Панаева, владѣтельница деревни Сорочихъ Горь, I, 72
 Панинъ Н. И., графъ; письма къ нему Екатерины II-й; В. О., 12; упом. IV и V, 62.
 Паранъ Огюстъ. (M. Auguste Parent) французскій археологъ любитель. III, 37, 41.
 Паробицъ, майоръ, изслѣдуетъ развалины Маджаръ въ XVIII в., II, 12.
 Патрикѣвы, помѣщики въ среднемъ Поволжьи, въ первой половинѣ XVII в., Пр. LIII.
 Пахилевичъ, вѣевскій археологъ, I, Отд. реф. Антон. № 1, с. 3; № 2, с. 1.
 Пекарскій П. П., академикъ, VI, 161.
 Перовскій, графъ Л. А., бывший министръ внутреннихъ дѣлъ, III, 39.
 Персонъ (Петрей) Его „Ист. о вел. княж. Московскомъ“, II, 170.
 Перстняковъ, родственникъ монахини Августы, рассказывавшей Желѣзнову о Пугачевѣ, IV и V, 61.
 Персье, франц. архитекторъ, Пр. сx.
 Перцъ, его „Archiv.“ В. О., 42.
 Пестеревъ, этнографъ конца XVIII в., II, 226.
 Пестовъ, его „Записки о Енисейской губерніи“, II, 208.
 Пестриковъ, геодезистъ дѣлавшій описание Казани въ 1739 г., для „Географ. Словара“ Татищева — Пр. XLVIII; II, 64, 74, 83.
 Петръ Великій, Пр. LV, LVIII, CVI, CXV. I, Отд. рефер. Алабица, 6; II, 31 — 34, 162, 163;

- IV и V, 31, 37, 41; VI, 191; 2-й реф. Порфирьева, 19.
- Петръ III, императоръ всеросс., IV и V, 56, 58—63.
- Петръ, ученикъ Фіоравенти, московскій монетчикъ конца XV в., III, 29.
- Петрарка, итальянскій поэтъ, Пр. XLIV.
- Петровъ Василій выборный голова, въ пол. XVI в., IV и V, 53.
- Петровъ-Борзна, Д. О., археологъ, Пр. LXX.
- Петровъ Н. И., професс. Кіевск. дух. акад., Пр. CXXI.
- Петровъ, священникъ села Кузнецова, Царевкокшайскаго уѣзда, Казанской губ., Пр. LXXI, LXXII.
- Петровскій М. П. професс. Казанскаго унив., VI, 206, 229, 231.
- Пеукеръ, генералъ, нѣмецкій военный писатель, Отд. реф. Аптон. № 2., с. 2.
- Пипинъ, сынъ Карла Вел., король Италіи и Ломбардіи; походъ его на Аваровъ 796 г. I. Отд. реф. Аптон. № 2, с. 3.
- Пищулинъ, переписанная имъ Волоколамская псалтирь XV в.—VI, Реф. Арх. Ам-фил., 6.
- Платонъ, митрополитъ Московскій, VI, Реф. Шест., 1, 17.
- Плещеевъ Дм., его дѣла о мѣстахъ съ кн. Курбскимъ, IV и V, 53, 54.
- Плещеевъ, Михаилъ, стольникъ, IV и V, 36.
- Плещеевъ, Федоръ, стольникъ, IV и V, 36.
- Плиній, II, 249; III, 57.
- Площанскій В. М., русинскій ученый; письмо его въ Комитетъ IV Арх. Съѣзда въ Казани. Пр. CXXXVII, CXXXVIII.
- Погодинъ М. П., извѣст. рус. историкъ. Пр. XXXVI, XXXVII, LXXXVII; I, 37; IV и V, 44; VI, 226.
- Погорельская Ксенія, вклады ея книгъ въ Апзерскій скитъ, VI, 2 Реф. Порф., 16.
- Погорельскій, Федор. Вас., таможенный подъячій, также жертвуетъ книги въ тотъ-же скитъ, VI, 2 Реф. Порф., 16, 17.
- Подчашинскій, его коллекція пряжекъ въ Варшавѣ, I, 15, 18.
- Пожарскій, князь Дм. Мих., IV и V, 47.— 2-й рефер. Порфирьева, 7.
- Полевъ, Ниль, инокъ, VI, 2 Реф. Порф., 12.
- Полежаевъ П. В., издатель „Исторической Библиотеки“, В. О., 22.
- Поливановъ А. П., археологъ, Рефератъ его: „О каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Варшавинскомъ у., Костр. губ.“ Пр. LXXI.— Его собраніе орудій каменнаго вѣка. В. О., 31, 32; I, 36.
- Поливановъ В. П. сооб. его: „О Майнскомъ городищѣ въ Спасскомъ уѣз. Каз. губ., на рѣкахъ Майпѣ и Уткѣ“. Пр. LXXI.
- Поликарповъ, Федоръ, справщикъ московской типографіи, VI, 193, 194.
- Полоцкій, Симеонъ, западно-русскій ученый въ Москвѣ XVII в., VI, 193; VI, 2-й рефер. Порфирьева, 19.
- Поляковъ И. Д., чистопольскій купецъ, пумизматъ. Пр. CXXV.
- Поляковъ И. С., археологъ, изслѣдователь сѣвера Россіи и Сибири, Пр. с.; I, 117.
- Помпей, извѣстный римскій триумвиръ, I, 59.
- Пономаревъ, купецъ XVIII в., III, Отд. рефер. Тол., 2.
- Поповъ. (Авторъ статьи „Пиры и братчины“) IV и V, 20.
- Поповъ А. И., зырянинъ, VI, Реф. Шест. 13, 16.
- Поповъ Н. „О каменныхъ бабахъ Минусинскаго края“—II, 13.— „Общій истор. обзоръ археологич. розысканій въ Сибири“, II, 14.
- Поповскій Б. Ю., археологъ, реф. его: „О раскопкахъ кургановъ, лежащихъ въ бассейпѣ р. Роси“, Пр. CXXIX, CXX.
- Поповы, обыватели въ Печерскомъ краѣ, I, 32.

- Поповы, священники изъ зрянъ, VI, Реф. Шест., 13.
- Порфирій (Успенскій), извѣстн. археологъ и палеографъ, еписк., VI, 200.
- Порфирьевъ И. Я., профес. Каз. дух. академіи, рефераты его: „О Соловецкой библиотекѣ“. Пр. XXXVIII; „Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библиотеки“, Пр. XLX. упом. Пр. LXIX.
- Посниковъ, Василій, дьякъ приказа Казанск. дворца въ концѣ XVII в., IV и V, 38.
- Потгасть, нѣмецкій историкъ, В. О., 41, 44.
- Потемкинъ, князь Таврическій, Г. А., IV и V, 58.
- Пото, казанскій нумизматъ, упом. Пр. сXV.—Его нумизматическая коллекція, II, 38.
- Правоторовъ М. И., московскій торговецъ монетами, Пр. сXV.
- Пракситель, знаменитый греческій ваятель, Пр. сX.
- Приапъ, I, 55.
- Прозоровскій Д. И., нумизматъ и археологъ, статьи его: „О монетахъ Владиміра Св.“ Пр. LV.—упом. Пр. LVI.
- Пронскій, князь Ив. Ив., полковой воевода въ 1552 г., IV и V, 50, 53.
- Прохоровъ В. А., археологъ, Пр. XXXIV, XXXVIII, XXXIX, XLVII.—Сообщ. его: „Истор. и археолог. обзоръ изображеній креста съ первыхъ вѣковъ христіанства“. Пр. LV.—Рефератъ его „о вліяніи татарскаго костюма на русскій“, Пр. сXIX; упом. Пр. LXXVIII, сXII, сXXV сXXVI; II, 62.
- Псевдо-Іосифъ, писатель конца IX или начала X в., издававшій свою „Исторію“ за сочиненіе Іосифа Флавія, II, 250.
- Пугачевъ, Емельянъ Ивановъ, самозванецъ, Лже-Петръ III-й, I, 114, II, 62; IV и V, 56—58, 60, 61, 63; VII, 200.
- Пуладъ, одинъ изъ чувашскихъ старшинъ въ Казанскомъ краѣ въ концѣ XV в., II, 166.
- Путятинъ, князь Василій; его переписныя книги Алатырск. у. XVII в., IV и V, 37.
- Пушечниковъ, Дмитр. Юрьевичъ, составитель первыхъ писцовыхъ книгъ Алатырскаго уѣзда въ XVII в., IV и V, 31, 33, 36.
- Пушкинъ, знаменитый русскій поэтъ, VI, 216.
- Пыпинъ А. Н., ученый слав. русск. филологъ, VI, 161; VI, Рефератъ Порфирьева, I.
- Пѣнковъ, князь Иванъ Васильевичъ, полковой воевода въ первой половинѣ XVI в., IV и V, 47.
- Пясть, основатель польской королевской династіи, IV и V, 9.

Р.

- Радловъ В. В., академикъ. Пр. XXXV, XLII, XLIII, XLIV—XLVI, LXIII, LXIV, XCI, XCII, CVII, CVIII; II, 17, 26, 31, 113.—Рефератъ его: „О сибирскихъ курганахъ“ Пр. LXI.
- Разинъ, Стенька; его повстанье, В. О., 12; I, Отд. рефер. Алабина, 5; VI, 191.
- Разстригинъ, Артемій, бомбардиръ Преображенскаго полка, IV и V, 39.
- Рамбо, Альфредъ, делегатъ на Съѣздѣ отъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія, извѣстн. ученый послѣдователь русск. исторіи и литературы, Пр. XXX, LXXX; В. О., 4; II, 256; IV и V, 56.—Его статья въ „Revue politique et littéraire“ (№ 44 Les études archéologiques en Russie. Le congrès de Kasan“) В. О., 3.
- Расмуссенъ, датскій ориенталистъ, VII, 247.
- Рашидъ-Эддинъ, персидскій историкъ, II, 22, 30, 162.
- Регель, докторъ; записка его: „О нѣкоторыхъ достопримѣчательностяхъ Кульджинскаго района.“ Пр. XLV.
- Рейно и Фаве, (Reinand et Favé): уп. ихъ соч.: „Sur la nature et l'emploi du feu grégeois.“ III, 47, 50.

- Рейхель, пумизмать, III, 23.
- Рембрантъ, извѣстный голландскій живописецъ, Пр. сх.
- Рено, французскій ориенталистъ, VII, 248.
- Риттеръ, уп. его соч.: „Землевѣд. Азія“, II, 208.
- Риттихъ А. Ф., этнографъ, В. О., 5; II, 28. Уп. его соч.: „Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія“. II, 110.
- Рихъ, А. уп. его книга: „Dictionnaire des antiquités Romaines et grecques“, III, 58.
- Рогволодъ, Полоцкій князь, IV и V, 6.
- Роговичъ А. С., профессоръ, I. Отд. реф. Ант. № 1, стр. 1, 4.
- Рожеръ II, король Сицилійскій, VII, 244.
- Ромадановскіе князья, служилые люди въ Казани XVI в., потомки кн. Стародубскихъ-Суздальскихъ, II, 173, 174.
- Романовъ, Савва, монахъ конца XVII в., одинъ изъ первыхъ расколоучителей, VI, 201, 202.
- Романовы, предки нынѣ благополучно царствующаго Императорскаго Дома, II, 171.
- Ростиславъ Мстиславичъ, князь Смоленскій, I, 50.
- Ростиславъ Всеволодовичъ, князь, братъ Владиміра Мономаха. Отд. реф. Антон. № 2, стр. 3.
- Ростовскіе князья, вотчины ихъ потомковъ въ верховьяхъ Волги, II, 173.
- де-Рошефоръ, графъ Н. И., инженеръ архитекторъ Оренбургской жел. дороги, I, Отд. реф. Алаб. 4.
- Рубелевъ Николай, владѣлецъ рукописнаго сборника пѣсенъ и романсовъ, XVIII—XIX в.в., VI, 165.
- Рубенсъ, Пр. сх.
- Рубрукисъ, изв. монахъ-миссіонеръ у Татаръ XIII в., Пр. xxxii, xliv; II, 4, 5, 10, 12, 13, 15, 192.
- Рума царь, (по арабскимъ извѣстіямъ) VII, 239.
- Румянцевъ, графъ П. А. генераль-губернаторъ Малороссіи въ 1777—79 г.г. „Генеральная опись Малороссіи“. I, 51, VI, 226.
- Руничъ Д. Н. Записки его въ „Рус. Старины“ 1870 г., В. О., 12.
- Рупрехтъ, академикъ, Пр. lxxvii.
- Русь-Ханъ, ханъ болгарскій, II, 45, 48.
- Рыбушкинъ, упом. В. О., 5; II, 64, 184. Его „Исторія Казани“ и повтореніе плана Казани Суровцова, II, 63, 89.
- Рыжечекъ, донской казакъ, герой одного преданія Уральцевъ, IV и V, 60.
- Рычковъ, П. И., историкъ, археологъ и этнографъ XVIII в., Пр. сг; В. О., 5.—Планы городищъ Каз. губ. помѣщ. въ его журналѣ, I, 94; VII, 258—260, 262.
- Рютимейеръ, профессоръ, I, 23.
- Рябыхъ, Матвѣй, крест. села Проскурина, Лобазинской волости, Бузулук. уѣзда, I, От. реф. Алаб, 6.

С.

- Саадія Аль-фаюми (жилъ въ I-й половинѣ X в. въ Вавилоніи); его арабскій комментарий на книгу Исходъ, II, 251.
- Сабанѣевъ, изслѣд. курганы на р. Сити, I, 37.
- Саблуковъ Г. С., ориенталистъ, II, 185.
- Сабуровъ, Аѳон. Юр, полк. воевода въ пол. XVI в., IV и V, 47.
- Сабуровъ, Богданъ, казанскій воевода во второй полов. XVI в., IV и V, 55.
- Савва, архіеп. Крутицкій въ полов. XVI в., IV и V, 48.
- Савва, свят. Сербскій, VI, 200, 203.
- Савваитовъ П. И., археологъ, Пр. xxxvi—xxxviii, xlvi, li, lv lvi, lxix, lxx.—VI Реф. Шестакова, 1, 2, 5—7, 12.
- Савельевъ А. И., сооб. его: „Объ амулетахъ и талисманахъ“. Пр. cviii, cix.

- Савельевъ В. К., нумизматъ, Пр. XLVI, LV, CXV.—I, 61; II, 34, 38, 189, 194.—Рефератъ его: „О городахъ Маджарѣ и Булгарѣ по монетамъ“. Пр, LVІ.—Отчетъ его о монетахъ, привезенныхъ Петровымъ-Борзной изъ Самаркада. Пр. LXX—LXXI—Его списокъ серебрянымъ и мѣднымъ монетамъ, привезеннымъ Толмачевымъ изъ Жукотинскаго городища, I, 84—85.
- Савельевъ П. С., ориенталистъ, упом. I, 61, 95; II, 25, 37; III, 21, 39.
- Савенковъ, подполковникъ; описаніе зданій Болгарскаго городища, составл. имъ въ XVIII в., II, 28.
- Савтаковъ, Тезянка, мордвининъ, IV и V, 40.
- Сагдиддинъ Тафтазани, арабскій учепый, II, 47.
- Садко, герой новгородской былины, Пр. CXIII.
- Сайнъ, сынъ Батыя, основатель старой Казани (Иски Казань) въ XIV в. II, 25, 48, 66.
- Сайнидская династія, II, 47.
- Сайгановъ Башатовъ, служилый мурза Саранскаго у., въ XVII в., IV и V, 32.
- Салимъ эмиръ, ханъ болгарскій изъ династіи Джагфаридовъ, II, 44.
- Салтыковъ, Михаилъ Глѣбовичъ, околн. въ пол. XVI в., IV и V, 45.
- Салтыковъ, Михаилъ Михайловичъ, тоже; сынъ предыдущаго, IV и V, 45.
- Салтыковъ, Федоръ, жилъ во 2-й полов. XVI в., VI, 2 Реф. Порф., 11.
- Самоковасовъ Д. Я., проф. Варшавск. у-та, упом. Пр. LXXVI—LXXVIII, XCI, XCII, XCIV—XCVII, CI—IV и V, 4. рефераты его: „О причинахъ непроизводительности для науки уничтоженія древнихъ земляныхъ насыпей и о мѣрахъ къ предупрежденію бесплодныхъ для науки раскопокъ кургановъ и городищъ“. Пр. XC. „О раскопкахъ, произвед. имъ въ 1876 и 1877 гг. въ Полтавской и Кіевской губерніяхъ.“ Пр. XCIII.
- Сартакъ, золотоордынскій ханъ, II, 5.
- Сассаниды; монеты ихъ, I, 10.
- Сафа-Гирей, Казан. ханъ изъ Крымской династіи, въ перв. полов. XVI в., II, 49, 50, 81, 98; IV и V, 46.
- Сахаровъ, И. П., археологъ, III, 23.
- Сахибъ-Гирей, Каз. ханъ изъ Крымской династіи, братъ Сафа-Гирея, сынъ Менгли-Гирея, II, 49, 50.
- Сахсанъ Расиби, посланникъ изъ Багдада въ Болгаръ. для распростр. тамъ ислама, II, 43.
- Сбоевъ В. А., профес. Казанск. ун., упом. В. О., 5. Его изслѣдов. „О чувашахъ“, II, 19.
- Свиньинъ П. П., археологъ, II, 28.
- Свѣнельдъ, дружинникъ в. кн. Игоря Свят., IV и V, 8.
- Свѣчинъ А. В., опис. разв. Болгаръ въ ц-ніе Екатерины II-й, Пр. XXXIII.
- Святополкъ Изяслав., в. кн. Кіевскій, I, Отд. реф. Антоновича № 2, 3.
- Святополкъ окаанный, сынъ Влад. святаго, VI, 191, 192.
- Святославъ, князь русскій. II, 253.—Его походъ на Дунайскихъ Болгаръ, II, 258; IV и V, 8.
- Святославъ Всеволодовичъ, князь Черниговскій, I, 50.
- Святославъ Всеволодовичъ, князь Суздальскій, I, 88.
- Святославъ Ольговичъ, князь Черниговскій, I, 50.
- Седелякъ, Аделякъ и Эж-тебенъ, три брата изъ дер. Вере (Вире-ямъ) Чебоксар. уѣзда, основатели въ концѣ XVII в. селеній того-же имени въ уѣздахъ Чистопольскомъ и Самарскомъ, II, 109.
- Сейидъ-Ахмедъ, ханъ золотоордынскій, II, 48.
- Селимъ, болгарскій ханъ, II, 26.
- Семеновъ П. П., географъ, II, 190, 208.
- Семеновъ Иванъ, адъютантъ, владѣлецъ рукописн. сборника народныхъ пѣсень, VI, 188.

- Семибратовъ, Юрка, чувашенинъ, IV и V, 38.
 Сень-Мартинъ, ориенталистъ, II, 34.
 Сергій, игумень соловецкій, VI, 2 Реф. Порф., 8.
 Сергій Радонежскій, св., В. О., 11.
 Серебряный-Оболенскій, князь Вас. Сем., полков. воевода въ пол. XVI в., IV и V, 47.
 Сива, индійское божество, Пр. LXXII, CXXIV.
 Сиверсъ, графъ, лифляндскій археологъ, Пр. XXXV; I, 22—25.
 Сиговъ, управл. Верхъ-Исетскими заводами, I, 115, 116.
 Сильвестръ, благовѣщенскій священникъ въ Москвѣ, извѣстный дѣятель эпохи Иоанна Грознаго, III, отд. рефер. гр. Толст. 2; VI, 2 Реф. Порф., 9, 10, 13.
 Симеонъ, Болгарскій царь. (его Златоструй) II, 258; VI, 2 Реф. Порф., 18.
 Симонъ, митрополитъ Московскій, VI, Реф Шест., 8, 9.
 Симоновъ, И. М., профессор. Казанск. у-та. В. О., 13.
 Сиринъ, Исаакъ (его поученія) VI, 2 Реф Порф., 14, 18.
 Сидкиѣ князья, служилые люди въ Казани XVI в., потомки князей Ярославскихъ, II, 173, 174.
 Сидцкій, князь Иванъ Вас., бояринъ въ XVI в., IV и V, 45.
 Скарятинъ Н. Я., Казанскій губернаторъ, В. О., 18.
 Скопасъ, греческій ваятель, Пр. сх.
 Скопинъ-Шуйскій, князь Фед. Ив., полков. воевода въ перв. полов. XVI в., IV и V, 50.
 Смилоневъ См. Камаевъ Князь.
 Смирновъ В. Д., профессор. Петербургскаго у-та, Пр. XXXII, XXXIX, XLIV—XLVI LXIV.
 Смирновъ С. К., профессоръ Моск. дух. акад., VI, 194.
 Смоленскій С. В., преподав. географіи, Пр. LXVIII.
 Снегиревъ В. А., профессор. Казанск. дух. акад., Пр. CXX.
 Собакинъ, Каллистъ, братъ одной изъ женъ царя Иоанна IV, Пр. LII.
 Собакинъ, Степ. Афонас., Симбирскій воевода конца XVII в., IV и V, 28.
 Соболевскій С. А., библиофилъ, VI, 162, 164, 165, 180, 182.
 Сократъ, сынъ Кассиръ - Шаха Самаркандскаго, II, 23.
 Соловьевъ, С. М., историкъ, Пр. LXXVI; II, 27; IV и V, 54.
 Соловьевъ Е. Т., археологъ, Пр. XXVIII, XXIX, XLII, LXIX, CVIII; II, 115; VII, 249.—Записка его: „О могильныхъ памятникахъ близъ села Русскіе Кирмени въ Мамадышскомъ уѣз. Каз. губ.“, Пр. XLII; сооб. его: „О древнемъ городищѣ близъ села „Русскіе Кирмени“, Пр. LXIII; рефератъ его: „О расположеніи селеній и жилищъ въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губ.“, Пр. XXVI.
 Сорокинъ Н. В., профессор. Казанскаго у-та, Пр. LXVIII.
 Сороцкій, Иосафъ, жертвователь въ Солов. Библиот., VI, 2 Реф. Порф., 8.
 Де-Соси (de Saulcy), извѣстный франц. археологъ и пумизматъ, Пр. CXXII; III, 37, 41, 44 — 50, 58—62.
 Софійскій И. М., студентъ Казанской духовной академіи, IV и V, 68.
 Софія Алексѣевна, царица, IV и V, 31.
 Софія, жена Юстина II-го, импер. Визант., III, 25.
 Софоклъ, Пр. сх.
 Спасскій, археологъ и изслѣдователь Сибири. Пр. CII;—II, 208, 228, 230.
 Спиридонъ, митрополитъ Кіевскій въ XVI в., VI, 2 Реф. Порф., 5.
 Спренгеръ, ориенталистъ, VII, 240, 241.
 Сребницкій, И. А., реф. его: „Слѣды церковн. братствъ въ Восточ. Малороссіи.“ Пр. LIII; упом. LIV.

- Срезневскій И. И., академикъ, Пр. xxxi, xxxix, xl, lxxi, cxh, cxhiii—cxhv, cxhvi, cxhxi; VI, 196, 206; VII, 239. Сообщение его: „О русскихъ древностяхъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в.“ Пр. cxhx.
- Стародубскіе князья; вотчины ихъ потомковъ въ верховьяхъ Волги, II, 173.
- Стасовъ В. В., изслѣдов. русск. искусства, Пр. cxhiii.
- Степановъ, авторъ книги „Енисейская губернія“, II, 208, 210, 227, 239.
- Стефанъ Великопермскій, Св.. Пр. lxix, lxx, cxhxi; VI, Рефератъ Шестакова 1—14, 16—18.
- Стефанъ. (Сказанія объ Авопской горѣ) VI, 200.
- Стефанъ, царь сербскій, III, 25.
- Стефани, академикъ Петербургск. акад. худ., I, 59, 60.
- Стосъ, Павель, VI, 226.
- Стояновъ, А. Н., антропологъ, Пр. cxhvi; I, 63, 66.
- Страденбергъ, упом. его сочин. „Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia“, etc. 1730, III, 63.
- Стригины князья, служилые люди въ Казани, въ XVI в., потомки кн. Черниговскихъ, II, 173.
- Строгоновы, именитые люди, В. О, 30.
- Строевъ, П. М., пачальникъ археографической экспедиціи, VI, 2 Реф. Порф., 3.
- Стрѣльбицкій полковникъ гепер. штаба, I, 63.
- Стрѣйсъ, голландецъ, путешеств. въ Поволжье въ XVII в., В. О, 12.
- Суворовъ, первый нагайбацкій воевода, VII, 259.
- Суздальскіе князья, упом. Пр. lxx; вотчины ихъ потомковъ въ верховьяхъ Волги, II, 173.
- Сулѣманъ, турецкій султанъ, II, 50.
- Суровцовъ, проф. Каз. университета, упом. Пр. lxvii; его планъ Казани, II, 62—64, 78.
- Сусанинъ, Ивапъ. Пр. lii.
- Сухановъ, Арсеній, Московскій ученый, Пр. cxxi; VI, 203, 204; 2-й рефер. Порфирьева, 18.
- Суховъ, Ивапъ, переписчикъ, нач. XVII в. инородческихъ земель, IV и V, 39, 41
- Сухотинъ, Вепедикъ, алатырскій воевода въ полов. XVII в., IV и V, 37.
- Сыреніушъ, Шимонтъ, польскій писат. XVII в., Пр. XXXVIII.
- Сытниковъ, Енифаній, московскій гость, VI, 2 Реф. Порф., 16.
- Сычевъ, Кемай мурза, вотчинникъ Саранскаго у., IV и V, 32.
- Сюльдюковъ, Арсланко, чувашенинъ, IV и V, 38.
- Сюнчакъ, чувашенинъ, основатель с. Сюнчелева, Чистопольского уѣзда, Каз. губ., II, 109.
- Сююнбека, казанская царица, II, 67; башня ея имени въ Казани, II, 50.

Т.

- Таабачи, герой телеутскаго преданія, II, 204.
- Таганцевъ Н. С., профес. Петерб. у-та. В. О, 25.
- Тагачаръ, предводитель войска Аргунъ-Хана, II, 46.
- Талха, асхабъ (принятіе ислама въ Булгарѣ) II, 42.
- Тамерланъ, Пр. lxiii; II, 23, 25, 26, 41, 45, 48.
- Тарбѣвъ, Иривархъ, старецъ, жертвователъ въ Солов. Библиот., VI, 2 Реф. Порф., 8.
- Татищевъ В. Н., извѣстный русскій историкъ; Пр. lvi, lxxvi; В. О., 5; II, 12, 34, 64, 180; IV и V, 49; VI, 161.
- Тацитъ I, 27; I, Отд. реф. Антон. № 22.

- Тейнеръ, издатель историческихъ актовъ, В. О., 44.
- Темкинъ, князь, бояринъ, Пр. XLVIII.
- Темкины князя, служилые люди въ Казани XVI в., потомки зн. Ростовскихъ, II 173, 174.
- Терентьевъ, сооб. его: „О развалинахъ крѣпости Турткуль въ Токмакскомъ уѣздѣ.“, LXIV.
- Терещенко А. В., чиновникъ М. В. Д. завѣдывавшій раскопками въ развалинахъ Сарая при гр. Перовскомъ, въ 1843—49 г. Отчетъ его о находкахъ тамъ, III, 39, 56, 57.
- Терновскій Ф. А., издатель историч. актовъ, упом., Пр. LXIII. Его изученія византійской исторіи, VI, 201—203.
- Тиберій I, Отд. реф. Антон. № 2, 2.
- Тизенгаузенъ В. Г., ориенталистъ, рефератъ его: „О древнихъ могилахъ у Мцхета, изсл. въ 1871—72 год. Байерпомъ.“ Пр. XLVII. III, 21.
- Тилбига-Ханъ, золотоордынский ханъ, II, 47.
- Тильмансъ, упом. Пр. CXVIII; I, 20.
- Тимаевъ Е. М., его рукопись: „Откуда названіе Славяне и что такое Норцы въ нашей лѣтописи“. Пр. CI.
- Тимковскій (Reise) I, 93; II, 161.
- Тимофеевъ, В. Т., свящ. преподаватель Крещено-татарской школы въ Казани. Пр. LXXIX; II, 113; IV и V, 91.
- Тимофеевъ, Игнатій, учитель Фершампенуазской пагайбацкой школы, VII, 257, 261—263, 267.
- Тимуръ, (см. Тамерланъ).
- Тимуръ-Кутлукъ, золотоордынский ханъ; его ярлыкъ, II, 161.
- Титъ, императоръ Римскій; осада имъ Іерусалима, III, 41.
- Тихменевъ Н. В., чиновн. Мин. Юст. для устройства архивовъ. Пр. XXIX; В. О., 12.
- Тихоновъ, Николай, жертвователъ въ Солов.
- м-рь, VI, 2 Реф. Порф., 16.
- Тихонравовъ Н. С., профессоръ Московск. унив., VI, 160, 161.—Реф. Порф., 1.
- Токтагу, ханъ золотоордынский, II, 41, 46, 47.
- Токтамышъ, ханъ золотоордынский, II, 45, 48.
- Толбузинъ, первый русскій посолъ въ Венецію во время Ивана III-го, III, 29.
- Толкачевы, сестры, фрейлины Устиньи, жены Пугачева, IV и V, 63.
- Толмачевъ Н. А. проф. Каз. унив., реф. его: „Объ остаткахъ древности, видѣнныхъ имъ въ Казанъ губ.“ Пр. CXXV; II, 35.
- Толмачевъ Дмитрій, переводчикъ толковой псалтири Брунона, епископа Вюрцбургскаго, VI, 2 Реф. Порф., 9.
- Толочановъ, Никифоръ Матвѣевичъ, посолъ въ Имеретію въ 1649 г., VI, 2 Реф. Порф. 8.
- Толстой, графъ М. В. писатель по русск. церк. исторіи, реф. его: „О древнихъ иконахъ въ Старой Русь.“, Пр. LV.
- Толстой, графъ П. А., д. т. с. при Петрѣ В, Пр. LVIII.
- Толстой С. П., ген.-майоръ, Казанскій помѣщикъ, Пр. LVIII.
- Толстой, графъ Ф. А., собиратель рукописей, IV и V, 51; VI, 191.
- Торвальдсенъ, извѣстный скульпторъ, Пр. CXI.
- Траянъ монеты его времени, I, От. реф. Антон. № 2, 1, 2.
- Троекуровъ, князь Фед. Ив., полк. воев въ полов. XVI в., IV и V, 53.
- Трубецкой, князь, полков. воев. въ полов. XVI в., IV и V, 46.
- Туда-Менгу-Тимуръ, ханъ золотоордынский, II, 46.
- Туй-Бика, дочь болгарскаго хана Айдара, II, 42.
- Тукай, вождь Менгу-Тимуръ-Хана, II, 46.
- Тули-ханъ, владѣт. Азербиджана, II, 41.
- Туренинъ, воевода, основавшій крѣпость Козмодемьянскъ въ 1583 г., II, 168.

- Турканъ мурза, выселившійся изъ Туркестана въ Казанскій край въ исходѣ XVI в., II, 106.
- Туровъ, Петръ, участв. въ походѣ подъ Казань 1551—1552 г., II, 18.
- Турунтай-Пронскій, князь Ив. Пв., IV и V, 50.
- Тышкевичъ гр. К., археологъ, I, 17.
- Тьенаръ-Кусъ, богатырь въ пѣсняхъ Минусинскихъ татаръ, II, 231.
- Тэйлоръ, изслѣдоват. первобытн. культуры, IV и V, 5.
- Тэибекъ-Ханъ, золотоордынскій ханъ, II, 47.
- Тюрнины, священники изъ зырянъ, VI, Реф. Шест., 13.

У.

- Уваровъ, графъ А. С. Его рѣчь при открытiи IV Арх. Съѣзда, Пр. xxv—xxvi.—Упом. Пр. xxviii—xxxiv—xxxvii, xlii, xlii, xlvii, lvi, lxi, lxii, lxix, lxxvii, xc—xcii, c, cxii, cxiv, cxvii, cxviii, cxxi, cxxvi—cxlix, cxxxi, cxxxiii—cxxxv, cxxxviii; В. О., 3, 4, 17, 18, 43; I, 40, 41, 61; III, 26; VI, реф. Шест. 2, 8.—Рефераты его: „О находкахъ каменнаго періода на берегахъ Оки.“ Пр. cxix; „Всѣ-ли каменные орудія въ Россiи принадлежатъ каменному періоду, и что можно заключить изъ различныхъ формъ каменныхъ орудій или матеріала, изъ котор. они сдѣланы“, Пр. cxix.
- Уваровъ, графъ С. С., министръ народн. просвѣщ., VI, 226.
- Узбекъ, ханъ золотоордынскій; монета его времени, отыск. близъ Жукотина, I, 101; упом. II, 41.
- Узи, чувашецъ, основатель чувашскихъ деревень Чистопольскаго уѣзда, Каз. губ., II, 109.
- Уйто-Найтты Карагула, богатырь телеутскій, II, 206.
- Ульрикъ, Чешскій князь (1012—1037), III, 26.

- Улу-Махметъ, ханъ Золотой орды, II, 48, 49, 66, 178, 179, 182.
- Ундольскій, В. М., археологъ и археографъ, упом., II, 76; его указатель старопечатныхъ книгъ, VI, 200.
- Устинья, жена Пугачева, IV и V, 61—63.
- Устряловъ, Н. Г., академикъ и проф. русск. исторiи въ Петерб. унив-тѣ; II, 62, 63; IV и V, 45.
- Утемышъ-Гирей, ханъ Казанскій, II, 50.
- Учунзинъ-Караалко, мордвинъ, IV и V, 35.
- Ушатый, князь; углицкія вотчины его, гдѣ срубленъ Свѣжскъ, II, 174.
- Ушатые князья, служилые люди въ Казани, въ XVI в., потомки кн. Ярославскихъ, II, 167, 173.

Ф.

- Фалькъ, путеш. въ Поволжье въ полов. XVIII в., II, 190—192.
- Фастрицкій Н. Г., сообщ. его: „О желѣзной копѣйкѣ, найденной въ Казани“, Пр. cxxvi. Упом. cxxvii; II, 63.
- Фидій, извѣстн. греческ. ваятель, Пр. cx.
- Филаретъ, архіеп. черниговскій, историкъ русск. церкви и литературы, VI, 202.
- Филаретъ, патриархъ Московскій и всея Руси VI, 2 Реф. Порф., 14, 16.
- Филиппъ, св. митрополитъ Московскій и всея Руси, VI, 202, 2 Реф. Порф., 6, 13.
- Филовей, епископъ Великопермскій, Пр. lxx; VI, Рефер. Шестакова 8, 12.
- Филофей, архіепископъ Рязанскій, VI, 2 Реф. Порф., 13.
- Фишеръ, академ., историкъ Сибири, Пр. си. II, 7, 13, 14, 208.
- Фишеръ, пѣмецк. скульпторъ, Пр. xc.
- Флешъ, упом. Пр. cxviii; статья его „Zur physiologie der Knochenresorption“, I. 20.

- Фойницкій П. Я., профессор. Петерб. ун-та., В. О., 25.
Фонтэнъ, франц. архитекторъ, Пр. сх.
Фотій, митрополитъ Кіевскій, VI, 2 Реф. Порф. 18.
Френъ Х. Д., изв. оріенталистъ, Пр. схv, схvi; I, 85, 93, 94; II, 21, 22, 24, 25, 29, 34, 37, 38, 185; III, 20, 21, 63, 64; VII, 246—248.
Фридрихъ II, король прусскій, IV и V, 58, 59.
Фриманъ, англійскій ученый, IV и V, 5.
Фукеъ К. Ф., профессор. и ректоръ Казанскаго ун-та. Пр. схv; В. О., 5; I, 66, 69, 71; II, 26, 34, 38.
Фундуклей, археологъ, I, Отд. реф. Автоп., № 2, 1.

Х.

- Хаджи-Хальфъ, арабскій ученый, II, 3.
Хайбетли, сынъ Мухаммеда Джеидекаго; его могила въ Маджарѣ, II, 34.
Халиль, ханъ Казанскій, II, 49.
Халитовъ, Абдуль Саттара, крестьянинъ дер. Пмешковой, Казанск. губ., Лаишевск. у.; надгробная каменная плита съ мусульманскою надписью въ его огородѣ, I, 79.
Хальфинъ, адъютантъ восточн. языковъ при казац. унвер., II, 24.
Хантала, сынъ Рабига, асхабъ, въ Камской Булгаріи, II, 42.
Хантемировъ мулла, въ 40-хъ г.г. XIX в., II, 163.
Харламповъ, Иванъ, гостинной сотни, жертвователь книгъ въ Соловецкую библ., VI, 2 Реф. Порф., 16.
Хасанъ Самаркандскій, его могила въ Маджарѣ, II, 34.
Хвольсонъ, изв. оріенталистъ, II, 258.
Херасковъ; его „Россиада“, II, 62.

- Хилковъ, князь Дм. Ив., пачатьникъ передоваго полка при осадѣ Казани 1552 г., II, 96; IV и V, 53, 55.
Хилковъ, князь Ив. Ив., IV и V, 53.
Химъяри (Хумейри), арабскій писатель XV в., II, 21.
Хисамъ-уддинъ, историкъ Булгарскаго ханства, II, 42.
Хитровъ А. Г., изъ Ирбита; сооб. его: „О курганахъ Ирбитскаго уѣзда Перм. губ.“, Пр. lxn.
Хламовъ, священникъ, Пр. lxn.
Хлодвигъ, король Франковъ, IV и V, 7.
Хлѣбниковъ Д. В., мамадышскій любитель древностей, Пр. схvi; II, 15, 24.
Хмѣльницкій, Богданъ, гетманъ Малороссіи; Пр. lxn.
Ходзько А., польскій ученый, Пр. lxxv.
Ходота, князь Вятчскій, IV и V, 6, 7.
Холмогоровъ П. Н., профъ арабскаго яз. въ Каз. унвер., I, 80.
Хомяковъ А. С., извѣстн. славянофилъ, VI, 226.
Хоривъ, братъ Кія, основателя Кіева, IV и V, 7.
Хосдаи-Ибнъ-Шапрутъ, исполнявшій должность министра финансовъ при испанскомъ халифѣ Абдурахманѣ III въ Кордовѣ, II, 252.
Христофоровъ И. Я., инспект. Симбирск. гимн., упом. Пр. li; реф. его: „Какія старинныя грамоты хранятся въ Симбирскѣ въ Карамзинской библиотекѣ“, Пр. lxn; В. О., 11.
Хрусталева, священникъ, VII, 255.
Хрущевъ, алатырскій воевода конца XVII в., IV и V, 36.
Хусейнъ-Фейзхановъ, оріенталистъ, Пр. lxn; II, 33.
Хызръ, золотоордынскій ханъ, Пр. xlvi; II, 48.

Ц.

- Цанковы, братья, болгарскіе ученые, Пр. lxxi.
Цвикъ, его собраніе монетъ въ Сарептѣ Саратов. губ., Пр. cxv.

Ч.

- Чеганъ-Нараттанъ, начальникъ пады частью Калмыковъ Алтайскихъ, II, 207.
Чадокъ, сынъ Эзена, предводитель Монголовъ, вторгшихся въ Алтайскія горы, II, 207.
Чайзагъ, богатырь въ пѣсняхъ Минусинскихъ татаръ, II, 231, 234.
Чапкунъ, князь татарскій, воспитатель Эдигера, II, 96.
Чапскій—Гуттенъ, графъ Эмерикъ, пумизматъ, III, 25, 29, 31, 32.
Чегре-Ханъ, золотоордынский ханъ, II, 48.
Чемесовъ, Пензенскій предводит. двор. въ XVIII в.; его автобіографія, Пр. lxx.
Чемесовы, служилые люди, перев. въ Каз. край изъ Арзамаса въ XVI и XVII вв., II, 176.
Чемодуровы, новые служилые люди Каз. края (Казанцы) II, 177.
Чередѣевъ, межевщикъ въ Казанск. край въ концѣ XVIII в., I, 111.
Черепановъ, казанскій литераторъ, Пр. xl.
Черкасскій, князь Ивапъ Борисовичъ, жертвователь книгъ въ Соловецкую б-ку. VI, 2 Реф. Порф., 16.
Черниковъ-Анучинъ, археологъ, упом. Пр. cxxviii. Письмо его къ гр. Уварову. Пр. cxxix—cxxx.
Черный—Калмыкъ, ханъ въ преданіи Телеутовъ, II, 204, 205.
Чернышевъ, графъ З. Г., приближенный Екатерины II-й, IV и V, 58, 62.
Чернышевы графы, IV и V, 59, 60.
Чертовы, новые служилые люди Каз. края (Казанцы), II, 177.
Ческуновъ, Савелій, крест. с. Усманки Бузулук. уѣзда, I, От. реф. Алаб., 7.
Чика, сообщникъ Пугачева, IV и V, 62.
Чингизъ-Ханъ, II, 41, 44.
Чингизы, татарскіе ханы его династїи въ Булгарѣ и въ сосѣднихъ странахъ, II, 45—47, 50, 161.
Чинчуръ, разбойникъ въ Казанскомъ край въ началѣ XVII в., II, 107.
Чубаровъ А. Т., алаторскій воевода въ полов. XVII в., IV и V, 38.
Чугуновъ, А. К., профессоръ Казанскаго унив-та. Пр. xxx.
Чудиновъ, помѣщикъ Чистоп. у., Каз. губ., II, 110.
Чулакъ-воинъ, герой преданія уральскихъ казаковъ, IV и V, 60.
Чулковъ М. Д., изслѣдователь русскаго народнаго быта во 2-й полов. XVIII в., VI, 160.
Чумаковъ, сообщникъ Пугачева, IV и V, 62.
Чупинъ Н. К., историкъ, археологъ пѣтрографъ, В. О. 12.

Ш.

- Шагидулла, сынъ Мусы, золотыхъ дѣлъ мастеръ; его могила въ Булгарѣ, II, 37.
Шаде, его пумизматическая коллекція въ Казани, Пр. cxv.
Шарзи (или Ибпъ-Факиха), арабскій писатель конца IX и начала X ст., VII, 240, 241.
Шарловскій, учитель, уп. статья его: „Изюлсевская волость въ Свияжскомъ уѣздѣ“ II, 104.
Шастуновы князья, служилые люди въ Ка-

- зани въ XVI в., потомки кн. Ярославскихъ, II, 173, 174.
- Шафарикъ Я., славянскій ученый, Пр. LXXV; VI, 226.
- Шафарикъ Павелъ Иосифъ, знаменитый славистъ, VI, 226.
- Шахъ-Али, ханъ казанскій. (См. Шигалей).
- Шванталеръ, нѣмецкій скульпторъ, Пр. сxi.
- Шевыревъ С. П., профессоръ Моск. ун-та, VI, 226.
- Шекспиръ, Пр. сx.
- Шемэрдэнь, чувашскій князь XVI в., Пр. сiv.
- Шемяка-Пронскій, князь Ив. Вас., полковой воевода въ полов. XVI в., IV и V, 48, 53.
- Шереметевъ, полковой воевода въ Казанскомъ походѣ 1552 г., IV и V, 53.
- Шереметевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, жертвователъ книгъ въ Соловецкую библиотечку, VI, 2 Реф. Порф., 16.
- Шереметевъ, Ив. Вас., выборный голова въ походѣ подъ Казань 1552 г., IV и V, 53.
- Шереметевъ, Ник. Вас., выборный голова въ походѣ подъ Казань 1552 г., IV и V, 53.
- Шерефъ-Эддинъ, болгарскій историкъ, Пр. xxvi; I, 91, 104; II, 15, 22, 23, 25, 26.
- Шестаковъ, П. Д., попечитель Казанскаго учебнаго округа, Пр. xxvi, xxviii, xxxii, xliv, lvi, lviii, lx, lxx, civ, cvi, cxii, cxiv, cxxi, cxxxi, cxxxiii — cxxxv, cxxxvi; В. О., 3, 5. I, 36; II, 17, 18, 111, 112; IV и V, 27. Рефератъ его „Гдѣ находятся книги, писанныя зырянской или пермской азбукой, состав. Св. Стефаномъ Великопермскимъ?“, Пр. lxi.
- Шигаевъ, сообщникъ Пугачева, IV и V, 62.
- Шигалей, ханъ казанскій, Пр. xlix, II, 18, 49, 60, 97, 162, 167; IV и V, 47.
- Шинкель, нѣмец. архитект., Пр. сx.
- Шашковъ, А. С., писатель, VI, 226.
- Шлёцеръ, А. Л., извѣстный русскій историкъ XVIII в. Пр. lxxvi, VI, Реф. Шест., 1.
- Шодуаръ, баронъ, пумизматъ, III, 23, 31.
- Шошинъ, Яковъ, крестовый дьякъ, VI, 2 Реф. Порф., 7, 8.
- Шпилевскій С. М., профессоръ Казанскаго университета, Пр. xxviii, xxix, xxxi, xxxiv, xlvi, xlix, lii, lvi, lviii, lix, lx, lxiii, cv, cxii, cxiii;—В. О., 3, 4; I, 62, 64—66, 69, 71, 75, 77, 79, 81, 83, 84, 87, 89, 90, 95, 102; I, 113; II, 20, 82, 167, 168; III, 21; VII, 253, 256 Рефератъ его: „Было-ли какое нибудь племя, кот., какъ указываетъ Кеппенъ, называлось Бѣляки“. Пр. li.
- Штелинъ, воспитатель Петра III-го, IV и V, 57.
- Штокеби, помѣщикъ Гдовскаго уѣзда. I, 24.
- Штриттеръ, изслѣдователь русскихъ древностей въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., I, 92.
- Штукенбергъ А. А., профессоръ Казанскаго университета, сообщеніе его: „О каменныхъ орудіяхъ и бронзовыхъ вещахъ, найденныхъ въ Печерскомъ краѣ въ 1874 г.“ Пр. xlvi.
- Штумпфъ, нѣмецкій ученый, В. О., 44, 45.
- Штуръ, Людевитъ, чешскій ученый, VI, 226.
- Шубертъ, пумизматъ, III, 30, 31.
- Шубинъ, Петръ, казанецъ, VI, 2 Реф. Порф., 16.
- Шуйскій, князь Александръ Ив., бояринъ въ полов. XVI в., IV и V, 47, 50.
- Шуйскій, князь Ив. Петровичъ, бояринъ въ полов. XVI в., IV и V, 46, 47, 51.
- Шуйскій, князь Петръ Ив., полковой воевода въ полов. XVI в., IV и V, 50.
- Шуйскій, князь Ѳед. Ив., воевода въ Муромѣ въ полов. XVI в., IV и V, 46.
- Шуйскіе, князья, IV и V, 48.
- Шукръ-Аллахъ, Шукр-улла, арабскій писатель, Пр. xxxii, II, 4.
- Шустеръ, нѣмецкій археологъ, I, Отд. реф. Алтон. № 2, 2, 3.
- Шюна, богатырь и мудрецъ по преданію Телеутовъ, II, 204—205.
- Шюведа, сестра предыдущаго, II, 201.

Щ.

- Щекъ, братъ Кія, основателя Кіева, IV и V, 7.
Щекатовъ, авторъ географическаго словаря, II, 19.
Щенятевъ, князь Петр. Мих., полковой воевода полов. XVI в., IV и V, 50, 53, 54.
Щербатовъ, князь М. М., русскій историкъ XVIII в., II, 66.
Щербатовъ, князь Іосифъ Ив., стольникъ VI, 2 Реф. Порф., 16.
Щетининъ, кн. Ив. Ив., алаторскій воевода 2-й полов. XVII в., IV и V, 32.
Щукинъ, этнографъ, II, 208.

Э.

- Эдигеръ, казанскій ханъ, II, 49, 50, 86, 96.
Эдриси, арабскій писатель XII в., II, 21.
Эйхвальдъ, профессоръ Каз. ун-та, I, 97.
Эль-Балхи, арабскій писатель X в., II, 21.
Эль Бекри, арабскій писатель XI в., II, 21.
Энгръ, французскій живописецъ, Пр. схи.
Эн-Насыръ Лидинъ-Аллахъ, халифъ, III, 21.
Эразмъ, инженеръ, подводившій подкопъ подъ Казань въ 1552 г. II, 91.
Эрдманъ, профессоръ Казанскаго университета, I, 69, упом. II, 28, 32, 38.
Эстрейхеръ, историкъ Польши, В. О., 43.
Эсхиль, Пр. схи.
Этельредъ, датскій конунгъ; монеты его времени въ курганахъ по Сити, I 38.
Эшембай, вотякъ, V и V, 111, 112.

Ю.

- Юкдчъ, славянскій ученый, VI, 226.

- Юматовъ, пензенскій помѣщикъ; его записки, Пр. lxx.
Юнгманъ, чешскій ученый, VI, 226.
Юрій Васильевичъ, князь, братъ Грознаго, IV и V, 49, 52.
Юрій Всеволодовичъ, великій князь владимірскій, основатель Нижняго-Новгорода въ 1222 г. I, 37; II, 27, 180, 181.
Юрій Долгорукій, князь Суздальскій, Пр. lxxix; Отд. реф. Аптоновича, № 2, 3, 4.
Юрій Захарьичъ, полковой воевода конца XV в., IV и V, 44.
Юрьевъ, бояринъ, полковой воевода въ пол. XVI в., IV и V, 48.
Юрьевъ, иркутскій купецъ, Пр. xxxvii.
Юстинъ II-й, императоръ византійскій, III, 25.
Юшковъ О. Г., профессоръ Казанскаго унив., Пр. lxx.
Юшковъ Н. О., казанскій литераторъ, Пр. lvii, lxx, lxi, cxii, cxiii.
Юшковъ, К. А., казанскій дворянинъ, II, 90.

Я.

- Ядыгаръ-Ханъ, См. Эдигеръ.
Якобіи, казанскіе дворяне, I, 105.
Яковлевичъ, Сем. Вас., выборный голова въ походѣ подъ Казань 1552 г., IV и V, 53.
Якубъ, ханъ казанскій, II, 179.
Якутъ Хамави, араб. писатель XIII в., уп. книга его: „Географическій Словарь“, II, 21, 22, 43.
Якушкинъ, Е. И., изслѣдователь обычнаго права, В. О., 25.
Янъ-Казиміръ, польскій король, II, 171.
Янъ-Усмошвецъ, герой южнорусскаго преданія, I, Отд. реф. Аптон. № 2., 3.
Янишевскій, Е. П., Казанскій городской голова, Пр. xxxviii, xxxxi.

Ярославъ Владиміровичъ, великій князь Київскій, III, 26.

Ярославскіе князья, вотчины ихъ потомковъ въ верховьяхъ Волги, II, 173.

Яфеть, сынъ Ноя, II, 22.

Яффе, пѣмсецкій историкъ, Пр хххiii; В. О., 44, 45.

Θ.

Θеодоръ, св., князь, II, 30.

Θеодоръ, діакопъ, расколоучитель, VI, 195.

Θеодоръ Алексѣевичъ, царь, IV и V, 34, 38.

Θеодоръ Іоанновичъ, царь, II, 171; III, 28, 33; VI 2-й реф. Порф., 10.

Θеодосія Алексѣевна, княжна, дочь царя Алексѣя Михайловича; владѣя ея въ Аизерскій скитъ, VI, 2 Реф. Порф., 16.

Θеофанъ, византійскій хроникеръ, VII, 241.

Θеофанъ, митрополитъ Сучавска и всей Молдаво-Влахія, IV, 2-й реф. Порфирьева, 12.

Θирсъ, соловецкій архимандритъ, VI, 2 Реф. Порф., 16.

Θирсовъ Н. А., профессоръ Казанскаго у-та, Пр. ххviii, хххvii, лхххiii, лхххvi, лхххix, сiv, cv; I, 90.

II.

ИМЕНА ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ.

А.

- Абаканъ, горы въ Минусинск. уѣздѣ, Енисейской губ., II, 13, 230.
- Абаканъ, рѣка, притокъ Енисея, II, 210, 227, 228.
- Абаканская степь, II, 208.
- Абаканскій форпостъ, на рѣкѣ Абаканѣ, II, 228.
- Абаларъ, (народъ, жившій на мѣстѣ нынѣшняго г. Кузнецка, Томск. губ.), II, 203.
- Авары, I отд., реф. Антон., № 2, 3; II, 6.
- Авганцы, VII, 258.
- Австрія, В. О., 45; II, 255.
- Авѣшской погость, Водьской пятины, Новгородской области, Пр. хсvii.
- Азербиджанъ (бывшая Мидія), Пр. хli;— II, 46, 47.
- Адрианополь, II, 257.
- Адъжъ, рѣка, Горька рѣка, II, 5.
- Азарпердя, поляна въ лѣсномъ пространствѣ между Волгой, Свигой и Сурой, въ XVII в., IV и V, с. 32.
- Азія, В. О., 7,—II, 35; III, 35, 59, 60.
- Азія Малая, Пр. сx; VII, 239.
- Азія Средняя, Пр. хlvi, lxxiii—lxxv; I, 42, 90, 94, 95; III, 58.
- Азовское море, II, 10; VII, 242, 243, 246.
- Ак-керманъ, городъ въ Бессарабіи, Пр. хli.
- Ак-ташъ, оврагъ въ Мамадышск. у., Казанской губ., IV и V, 90.
- Алабуга, Пр. хxvi. (см. Елабуга).
- Аланія, земля наследн. Алапами, II, 255; VII, 244.
- Аланы, II, 15.
- Алаты, село Казан. уѣз. (бывшій городъ) II, 107.
- Алатырь, городъ Симбирской губ., Пр. сvii; IV и V, 32, 36, 38—40, 53. Алатырская приказная изба, акты ея, Пр. li.
- Алатырскій уѣздъ, Пр. сvii; IV и V, 31, 33, 35—37, 39, 41.
- Алатышева поляна, въ Алатырскомъ у. въ XVI—XVII в. (въ теперешн. Симб. губ.), IV и V, 35.
- Алибанъ, Алибахъ, дельта при устьи Дона, по арабскимъ свидѣльств., VII, 246, 248.
- Алова, деревня въ Алатырск. у., IV и V, 35.
- Алопекія, островъ, VII, 248. См. Алибанъ.
- Алтайскія горы, Пр. хlv; I, 97; II, 13, 203, 207.
- Алтайцы, VII, 252.
- Алгунъ-тахтъ (золотой престолъ), названіе Булгара, II, 30.

- Алтыбаевской лугъ, на рч. Урени, въ Алатырскомъ у., XVII в., IV и V, 33.
- Алтымъ Большой, поселеніе въ Тобольской губ., VI, реф. Шест., 13.
- Алупка (крымская), VII, 248.
- Алышевскій бѣлякъ, въ XVII в., территор. дѣленіе Мордвы, въ теперешн. Симб. губ., IV и V, 34.
- Альтмюль, рѣка, притокъ верховьевъ Дуная, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Америка сѣверная, VII, 252.
- Амуръ, рѣка, Пр. XIII.
- Ананьина, деревня въ Елабужскомъ у., Вятской губ., I, 96.
- Ананьинскій (Юпанскій) могильникъ, близъ Елабуги, Вятской губ., Пр. XXVI, XXVII; I, 7, 8, 96—98; II, 36, 37.
- Анатъ-Кияри, село Козмодемьянскаго уѣзда, Казанской губ., II, 108.
- Англичане, Пр. сXVI; VI, 2 реф. Порф. 1.
- Англія, I, 13.
- Ангриварія, народъ германск. племени, по Тациту, I, отд. реф. Антон. № 2, 2.
- Анзерскій островъ, VI, 197, 199; VI, 2-й реф. Порфир., 3, 4, 11, 13—17. См. Соловецкій островъ.
- Анутейское озеро, въ Печорскомъ краѣ, I, 32.
- Арабы, Пр. XXVII, XII, XIII;—В. О., 8; I, 94, 95; II, 29; III, 41, 44, 46—49, 57—59; VII, 247 258.
- Арагва, р., притокъ Куры, I, 53.
- Арасланово, деревня Свіяжскаго уѣз., Казанской губ., II, 104.
- Арбатъ, рѣчка Минус. у., Енисейской губ., II, 228.
- Арбаты, казачье селеніе, другое названіе Абаканск. форпоста (см. выше), II, 227, 228.
- Ардатовскій уѣздъ, Симбирской губ., IV и V, 33, 37.
- Арзамасъ, В. О., 32.
- Арзамасскій уѣздъ, Пр. XII, XIII; IV и V, 41.
- Арианы (племя родственное енисейскимъ Остякамъ), II, 209, 229.
- Аристовка, деревня Спасскаго у., Каз. губ., I, 112.
- Арійскіе народы, Пр. сX.
- Армяне, Пр. сIII—В. О., 8; I, 93; II, 34; VII, 258.
- Аррашское озеро, близъ Вепдена, Лифляндской губ., I, 22.
- Арскъ, въ наст. время городъ Казанской губ. и уѣзда, IV и V, 54.
- Арское поле, (близъ Казани) II, 17, 18, 68—71, 75, 76, 79, 81, 86, 87, 89—96, 98.
- Артъи, (родъ племени Койбаловъ самоѣдскаго происхожденія), II, 210.
- Архангельскъ, В. О., 31;—VI, реф. Шест. 10.
- Архангельская губ., VI, 2 реф. Порф. 1.
- Архангельскій погостъ, село Ниж. губ., В. О. 32.
- Архіерейское озеро, при с. Тарлашахъ, Казанскаго у., II, 104. См. Тарлаши.
- Аскольдова могила, урочище близъ Кіева, I, отд. реф. Антоновича, № 1, с. 3.
- Аскысъ, рѣка въ Минусинскомъ у., Енисейской губ., Пр. XLIV.
- Аскызское, село въ Минусинскомъ у., Енисейской губ., II, 222, 230, 247.
- Астрахань, В. О., 6, 8, 10, 12, 13; I, отд. реф. Алабова, 6; II, 7, 8, 61, 186, 189, 192, 193.
- Астраханская губ., Пр. XLVI;—В. О., 6, 7.
- Астраханское царство, В. О., 5, 7, 9; II, 170.
- Атабаева (иначе Табаева) деревня, Лаишев. уѣзда, Казанской губ.; остатки древняго кладбища при ней, I, 78.
- Атель, рѣка, см. Волга.
- Атель-Кузу, область близъ Волги, II, 256.
- Атемаръ, городъ въ XVII в. въ теперешней Симб. губ., IV и V, 36.

Атемасово, село Ниж. губ., В. О., 32.
Ахтуба, рукавъ Волги, II, 9, 187, 188, 192.
Ачазыры, татарское селеніе Свияжскаго уѣз.,
Казанской губ., II, 105.
Ашераде, островъ въ Каспійскомъ морѣ про-
тивъ Астрабада, I, 15—17.
Авинны, Пр. сх.
Аюнь, VI, 196—205; VI, реф. арх. Ам-
филохія, 6.

Б.

Бабій бугоръ, уроч. въ селѣ Успенское-Бол-
гары, Каз. губ., Спасск. у., II, 31.
Бабье болото, уроч. при селеніи Ковалахъ,
Казан. у., II, 104.
Багаево, село Свияжскаго уѣз., Казанск. губ.,
II, 104.
Багдадъ, I, 95; II, 43.
Багдадскій халифатъ, Пр. lxxix.
Бадашканцы, VII, 258.
Базаниха, деревня Варнав. уѣз., Костром.
губ., I, 34.
Байгадо большой (Бай), (родъ племени Кой-
балъ остицкаго происхожденія), II, 210.
Бакалы, село Белебеевскаго уѣзда, Уфимской
губ., VII, 258.
Баковская волость, Варнавинскаго у., Ко-
стромской губ., I, 34.
Баку, III, 53.
Баланджаръ, см. Валендарь.
Балахна, В. О., 33; II, 61, 173.
Балхъ, городъ, I, 42.
Балканскій полуостровъ, II, 255.
Балканы, Пр. xxv.
Балтика, I, 26—30.
Балтійскіе славяне, IV и V, 7.
Балтійское море, I, 14, 17, 26, 27; отд. реф.
Антоновича № 2, 2; VII, 247.
Балтійцы литовскіе, I, 30.
Балтійцы финскіе, I, 30.
Банное озеро (въ Казапи), II, 69.
Бараниха, деревня Варнавинскаго уѣзда,
Костромской губ., I, 35.
Баранниково, село Нижегород. губ., В. О., 32.
Барбишина поляна, урочище близъ Самары,
I, реф. Алаб., 7.
Барвала, Вибала тожъ, озеро близъ р. Кумы,
II, 8.
Бартабити (Шартенитъ), городъ XII в. въ
Крыму, VII, 244.
Барышскіе стапишныя козаки, IV и V, 36.
Батдзинакиты (Печенѣги), II, 3.
Бачатскіе улусы, Кузнецкаго округа, II, 204.
Башкиры, II, 3, 15, 43; VII, 259—262.
См. Паскатиры.
Башкуртъ, самоназваніе Татаръ Вост. Рос-
сін, II, 17.
Баяндай, крѣпость, Пр. xlv.
Бѣгѣды (родъ изъ племени Койбаловъ, са-
моѣдскаго происхожденія), II, 210.
Белебеевскій уѣздъ, Уфимской губ., VII, 258.
Белендеръ, см. Валендарь.
Белтиръ (родъ изъ племени Сагайскихъ Та-
таръ), II, 210.
Бердебяковы Челны, деревня Лаяшевск. у.,
Казанской губ., I, 105.
Березна, рѣка, притокъ р. Роси, Пр. cxix.
Верлинъ, Пр. cxvi; I, 13.
Бессарабія, Пр. xli.
Ветька, рѣка, правый притокъ Камы, I, 63.
Бзыаница, I, отд. реф. Антон., № 2, 3.
Вибала, озеро близъ р. Кумы, II, 10, 11.
Вилярскъ, село Чистопол. у., Каз. губ., Виляр-
ское городище, Пр. cxvi, cxvii; I, 13, 63,
95—99, 108—109; II, 30, 36, 37; III, 53,
59; IV и V, 74. См. также Виляръ.

- Билляръ городъ, въ землѣ Волжскихъ Булгаръ, Пр. xxvii; I, 71; II, 30—31; III, 36, 38, 39, 55.
- Вимеръ, деревня Казанскаго уѣзда, II, 104.
- Виркетъ-Израиль, (въ Сиріи), III, 40.
- Вирума, рѣка, (Биваръ), притокъ р. Кумы, II, 5, 6.
- Вирца, деревня Ковенской губ., I, 14.
- Віармія, Пр. xlvii, lvii.
- Благовѣщенское, село Варпавн. уѣзда, Костромской губ., I, 34.
- Богородское, село Варпавн. уѣзда, Костром. губ.; городище близъ него, I, 36.
- Богородское, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Богословское, село Пензенск. губ., IV и V, 66.
- Боженки, село на границѣ Тверской губ. съ Ярославской, Пр. xxxvi—xxxviii; I, 37, 41.
- Боженское болото, Пр. xxxvii.
- Болгарія и Болгары Дунайскіе, Пр. lxxi, lxxii; В. О., 8; I, 92, 93, 253, 255—258; II, 162; VI, 2-й реф. Норф., 17.
- Болгары Македонскіе, Пр. lxxvi.
- Болгары Фракійскіе, Пр. lxxvi.
- Болгары Волжскіе, Камскіе, Болгарское Царство. — См. Болгары Волжскіе, Камскіе, Болгарское Царство.
- Бонтасъ (Pontus), арабское названіе Чернаго моря X в., VII, 243.
- Борисовъ, городъ Минской губ., I, 17.
- Борисоглѣбъ, село Моложскаго у., Ярослав. губ., у устья р. Сити, I, 41.
- Босфоръ, Пр. lxiv.
- Бохмачъ, городъ въ Черпиговской землѣ, XII в., I, 50.
- Вредово, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Британія, IV и V, 7.
- Бруктеры, одно изъ германскихъ племенъ по Тациту, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Брысса или Брысь, (правый притокъ Камы), I, 63, 64, 67, 68, 102; селенія въ бассейнѣ этой рѣки, обитаемыя Русскими, I, 70.
- Брысса Малая, притокъ р. Брыссы, I, 67.
- Бряхимовъ, городъ въ землѣ Волжскихъ Булгаръ, II, 26, 30.
- Бугъ Южный, рѣка, I, отд. реф. Антон., № 2, 1.
- Бугульма, городъ Самарской губ., IV и V, 56.
- Бугурусланскій уѣздъ, Самарской губ. (чувашскія селенія въ немъ, у жителей которыхъ сохранились преданія, что они 200—300 л. тому назадъ выселились изъ Чебоксарскаго уѣзда Казанск. губ.), II, 109.
- Буда Пештъ, археологическій сѣздъ, бывший въ немъ, I, 7.
- Бузулукскій боръ, большой лѣсъ въ Бузулукскомъ у., Самар. губ., Кладовое озеро въ немъ, I, отд. реф. Алаб., 5.
- Бузулукскій уѣздъ, Самарской губ., I, отд. реф. Алаб., 5.
- Буинскъ, городъ Симбирской губ., Пр. cv.
- Буинскій уѣздъ, II, 20.
- Булакъ, притокъ р. Казанки, Пр. xlviii, xlix; II, 63, 64, 68—70, 75—79, 81, 90, 92, 95—98.
- Булгарія Волжская, Камская, (Великая), Булгарское Царство, Пр. xxvi—xxix, xxxiii, xxxiv, xlii, xliii, lvi, lvii, lviii, lxi, lx, lxiii, ciii, cv, cvii; В. О., 5, 7—9; I, 87—100, 106, 113; II, 15, 21—39, 42, 43, 45, 180, 257, 258; III, 34, 35, 38, 53, 58, 59, 63; IV и V, 7; VII, 239.
- Булгаръ (Болгары) городъ, столица Волжскихъ Булгаръ, Пр. xxxi, xxxiii, xxxiv, xlii, xliii, lvi, lxxix, cxvi, cxvii, cxliii; В. О., 17; I, 13, 71, 95, 99, 104, 112; II, 3, 13, 14, 21—31, 33—42, 44, 45, 48, 258; III, 20—22, 34, 36, 38—40, 52, 53, 56, 58, 61; VII, 243.
- Булгарское (Болгарское) городище, при селѣ Успенскомъ, Казанской губ., Спасскаго у., Пр. xxvi, xxxiii, (виды и карты его хранящ.

въ главн. Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.).—
сxxx—сxxxii; I, 63, 82, 95—99, 108—109.
(Списокъ древнихъ вещей, найд. въ немъ
проф. Н. А. Толмачевымъ); 112.— II, 28—
31; 34, 38, 39; III, 53. — Успенская цер-
ковь въ с. Болгарахъ, В. О., 17.

Бунигарь городъ, II, 40. См. Булгарь.

Буранъ (рѣка), въ Токмакскомъ у., Смирнѣ-
ченской области, Пр. lxxiv.

Бурнашево, татарское село Свияж. уѣз., Каз.
губ., II, 104.

Буртасы, народъ, II, 18, 19, 149, 153; IV
и V, 33.

Бургнекское озеро, въ Лифляндской губ., I,
23, 26.

Бурундуки, русская деревня Свияжск. уѣзда,
Казанской губ., II, 105.

Бутарь, Бутатръ (или Ютарь), городъ XII в.
въ Крыму, VII, 244—245.

Бутрахта, рѣчка въ Минус. у., Енисейской
губ., II, 228.

Бухара, Пр. II, xliii, lxv; I, 94.

Бухарія, II, 205.

Бухарцы, VII, 258.

Бухарія Малая, Пр. xlv.

Бьернеборгъ, городъ Выборгской губ., I, 17.

Бѣлавежа, городъ въ Черниговской землѣ
XII в., I, 50.

Бѣлая Гора, село Чистопольскаго уѣзда, Ка-
занской губ., II, 105.

Бѣлая Церковь (древній Юрьевъ), мѣстечко
Кіевской губ., I, отд. реф. Антоновича,
№ 2, 1.

Бѣлгородъ, городъ Кіевского княжества, I, отд.
реф. Антон., № 2, 3.

Бѣлевъ, уѣздный гор. Тульской губ., II, 178.

Бѣловолжское, село Чебоксарскаго уѣзда, Ка-
занской губ., II, 108.

Бѣлое озеро, въ Казани, близъ Арскаго поля
въ XVI в., Пр. xxxvi; I, 41; II, 69.

Бювала, рѣка, у слиянія которой съ рѣкой
Кумой стоялъ г. Маджаръ (старый), III, 20.

Бюларь. См. Биляръ и Билярскъ.

В.

Вазьянъ, село Нижегород. губ., В. О., 32.

Валендарь, городъ Дунайскихъ Болгаръ въ
X в., Пр. lxxix. II, 255, 258.

Вандалы, народъ, II, 15.

Варежъ, пристань на р. Окъ, Пр. xcix.

Варнавинскій уѣздъ, Костр. губ., Пр. lxxii;
каменные орудія, найденныя тамъ, I, 34—
36.

Варта, рѣка въ Великой Польшѣ, I, отд.
реф. Антон., № 2, 2, 3.

Варшава, I, 14.

Василь-Сурскъ, городъ Нижегородской губ.,
В. О., 32; IV и V, 44.

Василевъ, городъ въ Кіевскомъ княжествѣ,
I, отд. реф. Антон., № 2, 4.

Василева Слобода, Нижегород. губ., В. О., 32.

Василевка, село Нижегород. губ., В. О., 32.

Вафа, арабское названіе р. Дона, см. Донъ.

Великій Городъ, см. Бюларь.

Вельмисевъ починокъ, мордовское поселеніе
въ Симбирской губ., IV и V, 36.

Венденъ, городъ Лифляндской губ., I, 22.

Венета, русское село Ланшевскаго уѣзда, пер-
воначально основанное черемисами (мѣст-
ность, называемая „Черемисское Кладби-
ще“), II, 105.

Венеціанцы, III, 46.

Венгрія, Пр. xlv; II, 6, 257.

Венгры, Пр. xl; II, 4, 6, 7, 13—16.

Верневъ, городъ въ Кіевскомъ княжествѣ,
I, отд. реф. Антон., № 2, 3.

Верхне-Ломовъ, городъ Пензенской губ., IV
и V, 29.

- Верхне-Уральскій уѣздъ, Оренбургской губ., VII, 257, 258, 261, 267.
- Верхъ-Исетскіе заводы, близъ гор. Екатеринбургскаго Пермской губ., I, 115.
- Весъ, древн. народъ финскаго племени, Пр. xxxvi; I, 41.
- Ветлуга, рѣка, I, 34—36
- Византийцы, II, 253; VII, 240.
- Византия, Пр. сѣх, сѣх; I, 10 (визант. монеты) 29; II, 162; III, 58; IV и V, 8.
- Вильна, городъ. — Церковное братство въ немъ, IV и V, 11, 15.
- Висла, рѣка, I, отд. реф. Антон., № 2, 3.
- Вишерка, рѣка въ Пермской губ., I, 114.
- Владикавказъ, Пр. lxi.
- Владимиръ на Клязмѣ (городъ), Пр. xxxiii; В. О., 31; IV и V, 46—48, 51, 53.
- Владимировка, волжская пристань, Астрах. губ., II, 183.
- Владимирское, село Козмодемьянскаго уѣзда, Казацкой губ., II, 108.
- Владимирское, село на Люндѣ, Макарьевск. уѣзда, Нижегород. губ., В. О., 32; I, 35.
- Владимирское, сельцо на берегу Молога; курганы въ немъ; I, 38.
- Вогулы, Пр. lxi; II, 15, 16.—Реф. Шестакова, 4.
- Водьская пятна, (одна изъ пятииъ древней Новгородской области), Пр. lvi, хviii.
- Волгиръ, село Арзамасскаго уѣзда, В. О., 31.
- Волжско-Камскій край, В. О., 3, 5—10, 12—14.
- Волга, Пр. lvi, lxxviii, с; В. О., 5, 6, 12, 13; I, 63, 110, 112; отд. реф. Алабина, 5—7; II, 3—6, 9, 15, 19, 22, 23, 25, 28, 36, 50, 66, 67, 69, 92, 98, 105, 107, 108, 110, 167, 168, 173, 174, 177—180, 182, 188, 192, 253, 254, 256; IV и V, 31—33, 35, 47, 53, 242, 243, 245, 254.
- Вологда, городъ, VI, реф. Шест., 9. — Кафедральный соборъ въ В., Пр. lxxv.
- Вологодская губернія, Пр. cxxxi; В. О., 32; VI, реф. Шест., 13, 18.
- Волосниковка, деревня Спасск. уѣзда, Казацкой губ.; два городка около нея, обнесены валами, II, 112, 167.
- Волховъ, рѣка, Пр. xxxvi; I, 41.
- Волынская губ., I, 46.
- Воронежская губ., Пр. xliii.
- Воскресенское село, Повоузен. уѣзда, Самарской губ., I, отд. реф. Алаб., 3.
- Востокъ, Пр. хl; В. О., 3; I, 13; II, 185; III, 43; VI, 204; VII, 248.
- Восточно-Римская имперія, II, 255.
- Восточно-финскія племена, I, 15.
- Вотчинское, село Усть-Сысольскаго уѣзда, Вологодской губ. VI, реф. Шест., 16.
- Вотяки, Пр. хlix, lxxvi, сн, свн; II, 15, 16, 106; IV и V, 80—155; VII, 252; VI, зам. Шестакова о вліяніи русск. яз., 4; реф. Шестакова, 15.
- Врудской погостъ, въ Водьской пятинѣ Новгородской обл., Пр. хvii.
- Всеволожь градъ, городъ въ Черниговскомъ княж., I, 50.
- Вымь, рѣка, притокъ Вычегды, VI, реф. Шест., 11, 13.
- Выползово, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Вычегда, рѣка, VI, реф. Шест., 3, 4, 10, 13.
- Вышгородъ, городъ Кіевск. княж., I, отд. реф. Антон., № 2, 1, 4.
- Вѣдылицкой погостъ, въ Водьской пятинѣ Новгородской области, Пр. хvii.
- Вѣрненскій уѣздъ, Пр. свн.
- Вѣрный, обл. городъ Семирѣченской обл., Пр. свн.
- Вѣта, рѣчка, впадающ. въ Днѣпръ, I, отд. реф. Антон., № 2, 1.
- Вязовка, рѣка, впадающ. въ р. Самару, I, отд. реф. Алаб., 1.

Вязовка, село Бузулукскаго уѣзда, Самарск. губ.; курганъ близъ нея, I, отд. реф. Алаб., 1, 2.

Вятичи, народъ славянскаго племени IX—XII вв., IV и V, 6, 8.

Вятка, городъ, II, 162, реф. Шест., 9.

Вятка, рѣка, Пр. LVII; В. О., 5; I, 118—120.

Вятская губ., Пр. LXIX, LVII; В. О., 6; II, 23, 36, 107, 162; IV и V, 80.

Вятская (Хлыновская) земля, В. О., 5.

Г.

Гадячскій уѣздъ, Полтавск. губ., церк. братство въ немъ, IV и V, 16.

Гадючій Яръ, урочище въ Кіевской губ., I, отд. реф. Антоновича, № 1, с. 4.

Галгала, мѣстность въ землѣ Ханаапской на правомъ бер. Иордана; Пр. XLVI.

Галлія, IV и V, 7.

Гама или Гематъ, древній городъ Сиріи, III, 44.

Гамарня, деревня Копевск. уѣз., Кіевск. губ., Пр. XCIV.

Гангъ, рѣка въ Индіи, Пр. CXXIV; VI, 212.

Гарзуфъ (Гурзуфъ), городъ въ Крыму въ XII в., VII, 244.

Гдовскій уѣздъ, С.-Петербуржской губ., I, 24.

Георгія, см. Грузія.

Германія, Пр. XLIV, LXXXII, CXVI; В. О., 41, 42, 45; I, 5, 13, 24, 88, 90; II, 10; IV и V, 13; VII, 257.

Германцы, Пр. LXXVIII; I, отд. реф. Антон., № 2, 2, 3; IV и V, 5, 7.

Геронтьевская Слободка (бывшая пустынь), Чебоксарск. уѣзда Каз. губ., II, 108.

Гильдеево, дер. Казанск. у., Пр. XLIX.

Глазовскій уѣздъ, Вятской губ. IV и V, 89;

Гниловскій уметъ, въ з. Лицвяхъ (въ наст. вр. Уральскихъ) казаковъ, въ XVIII в., IV и V, 57.

Гнилое море, заливъ въ Крыму, VII, 242.

Гоморра, древній городъ въ Палестинѣ, на мѣстѣ тепер. Мертваго моря, В. О., 32.

Гопла, озерная группа, на лѣв. бер. Вислы въ В. Польшѣ, I, отд. реф. Антон., № 2, 3.

Горбатовъ, городъ Нижегородской губерніи, В. О., 32.

Гордѣево, деревня Свѣжск. уѣз., Каз. губ., II, 104.

Горки, (мѣсто за р. Чаганомъ, въ з. Уральскаго войска), IV и V, 61.

Городецъ, село Нижегород. губ., В. О., 32.

Городище, (мѣстечко Кіевск. губ.), I, 47.

Готгардобергъ, посел. въ Лифляндской губ., I, 24.

Готландъ, островъ въ Балт. морѣ, I, 14.

Готы, народъ I, 28, 29; II, 15.

Гранъ-Льё, озеро во Франціи, В. О., 32.

Гребешожъ, одна изъ Дятловыхъ горъ близъ Нижняго, II, 180.

Грезневской погостъ, въ Водьской пятицѣ, Новгородской обл., Пр. CXXII.

Греки, Пр. CXXII, LXIX, LXXII, LXXVII, CX, CXXVI; В. О., 8; I, 50; II, 256, 258; III, 39; IV и V, 8; VI, 200, 201, 204, 205.

Гремячая гора, одна изъ Дятловыхъ горъ, близъ Нижняго, II, 180—182.

Греція, Пр. CX; II, 256; VI, 204.

Гривка, слобода близъ Казани, II, 68.

Гросгайнъ, мѣстность близъ Эльбы въ Германіи, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.

Грузинское царство, Пр. CXVI.

Грузины, народъ, I, 57, 93.

Грузія, II, 6.

Грязнуха Новая, деревня Спас. уѣз., Казан. губ., I, 110.

Губино, деревня на берегу Сити; I, 39.
 Гумбей, рѣка, въ Верхнеуральск. у., VII, 265, 266, 270.
 Гунны, народъ, II, 13, 15.
 Гурьевъ-городокъ, при устьи р. Урала, на Каспійскомъ м., IV и V, 60.
 Гусиной Лиманъ у Царева, Астрахнск. губ., II, 183.

Д.

Дакія, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
 Датчане, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
 Даурія, Пр. хlv.
 Дахоръ, см. Солонь, одно изъ племенъ населившихъ Илійскую долину въ Кульдѣжѣ, Пр. хlv.
 Дашти Кыпчакъ и Даштъ страна, (Булгарія) II, 40—41.
 Двина Сѣверная, VI, реф. Шест., 3.
 Двинская земля, IV и V, 8. Двинская область, VI, реф. 2-й Шест., 10.
 Дебердеевской бѣлякъ, территоргалн. округъ у Мордвы, IV и V, 34.
 Дербентъ, городъ, II, 42.
 Дертъ, городъ, I, 24.
 Десна, рѣка, Пр. хсн; I, 48, 49, 51.
 Джалита (Ялта), городъ въ Крыму, VII, 244.
 Джаренъ, (иноплеменный родъ, присоед. къ Качинскимъ татарамъ), II, 209.
 Джастекъ или Дъястекъ, (иноплеменный родъ, присоед. къ Качинскимъ татарамъ), II, 209.
 Джигитъ-Адши, руины этого города близъ Селитрени. городка въ Астраханской губ., II, 9.
 Джиланъ, рѣка, Минусинск. округа, II, 228.
 Джильтагъ, (иноплеменный родъ, присоед. къ Качинскимъ татарамъ), II, 209.
 Джунгарское царство, Пр. хlv.

Джучіевъ улусъ, Пр. схv; В. О., 5, 9; II, 22.
 Діаръ-Далмата, II, 23.
 Дячина, урочище въ Болгаріи въ X в., II, 257.
 Дмитровское, село, Собаченки тожъ, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губ., IV и V, 39.
 Днѣпръ, рѣка, Пр. ххvi, lхviii, хсн, хсви; I, 42. Отд. реф. Антон. № 1, 1, 3, 6.—Отд. реф. Антон. № 2, 1, 3; IV и V, 11, 12, 15—17; VII, 242, 247.
 Днѣпровское порѣчье; перечень пещеръ по нему, I, отд. реф. Антон., № 1, 3—4, 6.
 Добесбергъ (въ Курляндіи), 1) 28.
 Добруджа, II, 256.
 Должокъ (сел. Кіевск. губ.), I, 46.
 Донъ, рѣка, Пр. ххн, lхviii; В. О., 5; II, 4—6, 15; VI, 191; VII, 242, 248.
 Донауровка, деревня Лаишевскаго у., Казанской губ.; городище на поляхъ возлѣ нея, I, 62, 83, 84, 86.
 Донецъ Сѣверный, рѣка, Пр. lхviii.
 Древляне, IV и V, 6—8.
 Дреговичи, IV и V, 7.
 Дроттенгофъ, мѣстность въ Лифляндской губ., I, 24.
 Дубѣнки, мордовская деревня, въ Алатырскомъ уѣздѣ, IV и V, 34.
 Дубенское, село Нижегород. губ., В. О., 32.
 Дунай, рѣка, Пр. ххv, сххvi; I, 92. Отд. реф. Антон. № 2, 2; II, 254; VI, 170, 199, 203, 212, 217.
 Дунганы, одно изъ племенъ, населявш. Илійскую долину въ Кульдѣжѣ, Пр. хlv.
 Дыбинцы, село Коневскаго уѣзда, Кіевской губ., IV и V, 12.—Церковное братство въ немъ, ib., 21.
 Дягилинской погость, въ Водьской пятицѣ, Новгородской обл., Пр. хсvii.
 Дятловы горы, семь горъ, наход. на правомъ берегу Оки и Волги (у Нижняго), II, 180, 182.

Е.

- Евреи, Пр. хлvi; VII, 240, 241.
Европа, В. О., 7, 41, 48 — I, Отд. реф. Апто-
новича № 2, 2, 3; II, 171, 239, 252;
III, 39, 55; IV и V, 12; VII, 239, 245.
Евфратъ, рѣка, Пр. ххv.
Египетъ, III, 58.
Египтяне, Пр. сx; III, 39.
Екатеринбургъ, городъ Пермской губ., I,
115—117.
Елабуга, гор. Вятской губ., Пр. ххvii; II, 23.
Елабужскій уѣздъ, Вятской губ., В. О., 6;
I, 9; II, 23; IV и V, 80, 91.
Елагино, село Лаишевскаго уѣзда, Казанской
губ., II, 107.
Елатемскій уѣздъ, Тамбовской губ., В. О., 6.
Елга Большая и Малая, татарскія деревни
Лаишевскаго у., Казанской губ., I, 73—75.
Емень, (Счастливая Аравія, II, 42).
Ендовици, село Нижегород. губ., В. О., 22.
Енисей, рѣка, II, 19, 208, 210, 248.
Енисейскъ, городъ, II, 215.
Енотаевскъ, уѣздн. гор. Астрах. губ., II,
186, 188.
Епанчино, деревня Лаишевск. уѣзда, Казан-
ской губ., I, 65, 78.
Ергене-Конъ, (котловина верхняго Енисея),
II, 208.
Ермаково, село Симбирск. губ., Сызранск. у.,
I, отд. реф. Алаб., 5.
Ерыкла, рѣчка, Чистопол. уѣзда, Казанской
губ., I, 81.
Ерыклы, назв. селеній Казан. губ. въ у.у.
Спасскомъ, Чистопольскомъ, Мамадышскомъ,
Тетюшскомъ и Цивильскомъ, Пр. сv.

Ж.

- Желѣзныя-Ворота, урочище, предполагасмое
въ Двинской з., IV и V, 8.

Жигулевскія горы на Волгѣ; камень съ над-
писью, приписываемой Петру I. — I, отд.
реф. Алаб., 6.

Жукоть, рѣчка, притокъ Камы, I, 84.

Жукотинъ, бывший городъ и теперешнее Жу-
котинское городище Лаишевскаго у., Казан-
ской губ., I, 87—90, 100—102, 105, 106.

З.

Забулачье, мѣстность за р. Булакомъ въ
Казани, II, 64, 98.

Залиса, рѣка, изъ Буртнесскаго озера въ Лиф-
ляндской губ., I, 23.

Зарѣцкой погость, въ Водьской пятинѣ Нов-
городской обл., Пр. хсvii.

Звѣрево, село Нижегород. губ., В. О., 32.

Зегевольде, (въ Лифляндіи), I, 17.

Зеленская или Часовая гора, одна изъ Дят-
ловыхъ горъ близъ Нижняго, II, 181.

Зеленскій оврагъ, въ Дятловыхъ горахъ,
II, 180.

Зимницы, село Алатырскаго уѣзда, Симбир-
ской губ., IV и V, 40.

Зміево (Воскресенсело) село, Чистоп. уѣзда,
Казанск. губ. — Древніе валы при немъ, I,
62, 81—84, 86, 100—102; VI, отд. реф.
Аптон. № 2, 1.

Змѣиная гора, близъ Владикавказа, Пр. хli.

Змѣиная гора (Зилантова), близъ Казани,
II, 50.

Золотоношскій уѣздъ, Полтавской губ.; брат-
ство въ немъ, IV и V, 16.

Зуевка, деревня Бузулукскаго уѣзда, Самар-
ской губ., I, отд. реф. Алаб., 7.

Зыряне, Пр. lxx, сxxx; Зам. Шест. о вліян.
русск. яз. 2, 3; VI, 2-й реф. Шест., 1—3,
9—11, 14, 15, 17, 18.

Зюря Старая, деревня Мамадышскаго уѣзда,
Казанской губ.; остатки рва и земляная
насыпь, I, 90.

И.

- Ивановская долина, близъ с. Байтерякова, Ланшевскаго у., Казанской губ., II, 105.
Иванъ Святой, деревня на берегу Сити, Моложскаго у., Ярослав. губ.; курганы, I, 39.
Иванькова, деревня въ Ядринскомъ уѣздѣ, Казанской губ., I, 71.
Иванково, село Алатырск. у., IV и V, 32.
Иверійцы, народъ, I, 57.
Иверія, I, 57.
Ижорская земля, Пр. хсvii.
Изыгъ или Иссыкъ, гора въ Качкеской степи, Енисейской губ., II, 226.
Икъ, рѣка Самар. губ., Бугульм. у., I, отд. реф. Алаб., 4; VII, 260, 261.
Или, рѣка въ средн. Азии и Илійская долина, Пр. хlv.
Иллирія, IV и V, 7.
Ильинская гора, одна изъ Дятловыхъ горъ, близъ Нижняго.
Ильмень, озеро Новгородской губ., Пр. хххvi; I, 41; IV и V, 5.
Именькова, деревня Ланшевск. уѣзда, Каз. губ., I, 67, 70—74, 79, 86, 99—102.
Имеретія, VI, 2 реф. Порф., 8.
Ингерманландія, Пр. хххv; I, 13, 16, 17, 28.
Ингора, (родъ принадлежащій Койбаламъ самоѣдскаго происхожденія), II, 210.
Ингушофы, Кавказск. народъ, II, 12.
Индага, рѣка, въ Архангел. губ., I, 32, 33.
Индижская губа, заливъ въ Ледовитомъ океанѣ, I, 33.
Индійцы, Пр. lxxii, cx, cxxxiv.
Индія, Пр. хlv, lxxv.
Индусы, III, 39.
Индъ, рѣка, Пр. cxxiv; VI, 212.
Иранъ Пр. cx; II, 22, 46.

- Ирбитскій уѣздъ, Перм. губ., Пр. lxxii, lxxiii.
Ирбитъ, городъ, Пр. lxxii; II, 212.
Иргень, (родъ принадлежащій Койбаламъ самоѣдскаго происхожденія), II, 210.
Иркутскъ, Пр. хххvii; II, 215.
Ирмень рѣка, въ Кіевской губ., I, отд. реф. Антон., № 2, 1.
Иртышъ, р., притокъ Оби, Пр. хlxxii; II, 207.
Исетъ, р. въ Пермской губ., I, 114, 115.
Искеръ, столица Кучума, Пр. хlxxii.
Испанія, Пр. хlv; III, 43, 51.
Италія, VII, 257.
Итиль, стол. Хазарскаго царства, Пр. ххvii; II, 13; III, 59; VII, 245.
Итиль, рѣка, см. Волга.
Ичалово, село Нижегород. губ., В. О., 32.
Ишанъ, село Царевкокш. у., Казанск. губ., Пр. cv.
Ишино, село Цивильскаго у., Казанск. губ., Пр. cv.
Ишлей, село Козмодемьян. у., Казанск. губ., Пр. cv.

І.

- Іерусалимъ, III, 41.
Іомошлы, село Казанской губ., Пр. cv.
Іорданъ, Пр. хlvii; VI, 188.

І.

- Іабанъ, озеро въ Казани, II, 69, 70, 75.
Іабарда Нижняя, II, 6, 7.
Іавказъ, Пр. lxi; В. О., 7; I, 90, 93, 100; VI, отд. реф. Алаб., 6; II, 15, 251, 253; VII, 245.
Іавказскій хребетъ, VII, 243, 245.

- Кажимскій, желѣзно - плавильный заводъ, Усть-сысольскаго уѣзда, Вологодской губ., VI, реф. Шест., 10.
- Казакларь, дер. Лаишев. у., Каз. губ.—См. Чаллы.
- Казань, Пр. ххv, ххvi, ххviii—хxi, ххxiv, хxi—хlviii, l, liii, lvi, lviii—lx, lxxi, cxii—cxv, cxxi, cxxii, cxxvi, cxxxiii, cxxxv—cxxxviii; В. О., 1, 3, 4, 8, 10—16, 26, 28, 31; I, 70, 71, 75, 82, 88—90, 101, 102; II, 18, 20, 22—28, 31, 32, 35, 38—41, 47—50, 58—98, 104—106, 109, 110, 166—170, 172—179, 188; IV и V, 29, 38, 43—55, 64, 77, 91, 133; VI, 193; VII, 253; 262; VI, реф. Шест., 6.
- Казань-Иски, (Старая Казань), Пр. ххvi; I, 102; II, 26.
- Казань-Или, (названіе татаръ), II, 17.
- Казанка, рѣка, Пр. хlix; II, 23, 41, 50, 65—70, 81, 86, 88, 90, 178, 179.
- Казанская губ., Пр. ххvi, ххviii, ххix, ххxiii, li, lvii, lx, lxi, lxvi, cx—cvi, cvii, cxviii, cxxx, cxxxi, cxxxiii; В. О., 6, 12; I, 61—63, 81, 87, 94, 96, 98, 99, 104, 110, 120; II, 15, 19, 31, 36, 100, 103, 106, 107, 110, 112, 149, 166; IV и V, 31, 42, 56, 71, 76, 80, 86, 107, 143, 150; VII, 249, 253, 258, 261.
- Казанская дорога, VII, 258.
- Казанская епархія, Пр. ххix.
- Казанская крѣпость, Пр. хlviii; II, 61.
- Казанскій край, Пр. ххix, хlix, l, lvi, lviii, cvii, cxii; В. О., 4, 6, 7, 11, 13, 14; II, 65, 66, 171, 173, 177, 179; IV и V, 43, 68;
- Казанскій уѣздъ, Пр. хlix; II, 104, 105. IV и V, 32.
- Казанское намѣстничество, II, 19.
- Казанское ханство, Пр. cv; I, 101; II, 17.
- Казанское царство, Пр. хlviii, li, liii, cvi, cvii; В. О., 5, 7, 9; I, 92; II, 18, 36, 50, 60, 72, 104, 149, 167, 170, 171, 179; 2-й реф. Порф., 19.
- Казанцы, II, 17, 18, 27; IV и V, 44, 46.
- Казанчи, деревня Белебеевскаго у., Уфимск. губ., VII, 258.
- Каиръ, городъ въ Египтѣ, III, 57.
- Кайденгъ, (родъ, принадлежащій Койбаламъ остяцкаго происхожденія), II, 210.
- Кала-Елга рѣчка, Оренбург. губ., VII, 260.
- Калка, рѣка, Пр. lxxvii.
- Калмыки, Пр. хliv—хlvi; II, 207; VII, 260, 261.
- Кальгутъ, рѣчка въ Астрах. губ., II, 183.
- Кама, Пр. lxi, cxii, cxiv; В. О., 5; I, 11, 62; I, 63, 64, 67, 70—73, 75, 78—84, 86—89, 94, 96, 97, 114, 118, 120; II, 26, 28, 70, 90, 105; IV и V, 33, 116.
- Кама Старая, урочище Лаишевскаго у., Казанской губ., Пр. cxii, cxiv.
- Каменецъ, городъ въ Подоліи, IV и V, 13.
- Каменка, рѣка, Суздальск. у., Владим. губ., II, 179.
- Каменный островъ, Исетскаго озера, въ Екаторинб. у. Пермской губ., I, 117.
- Каменный перевозъ, подъ Казанью въ ХVIв., II, 18.
- Камень и Каменный-Поясъ, (Уральскія горы), В. О., 5; IV и V, 8.
- Камская черта, (валы, насыпи, засѣки), В. О., 23.
- Камышинка, рѣка, притокъ Волги, VI, 171, 191.
- Кангъ, (родъ, принадлежащій Койбаламъ самоѣдскаго происхожденія), II, 210.
- Кангюлиты, Сѣв.-америк. породческое племя, VII, 252.
- Каневскій уѣздъ, Кіевской губ., Пр. хciv, хcv; IV и V, 12.
- Кара-Киргизы, II, 230.
- Карабагъ (страна), II, 46.
- Карабаянъ село, Лаишевск. уѣзда, Каз. губ., Пр. хlix; II, 104.

- Караджуль, рѣчка Минусин. у., Енис. губ., II, 228.
- Каракалпаки, народъ, Пр. LI; VII, 258.
- Караклава, р. въ Ядринскомъ у., Казанской губ., II, 108.
- Каракуль, озеро, (у низовьевъ р. Вятки), I, 118.
- Карамышь, село Казанскаго у., Пр. CV.
- Карандаши, деревня Варнав. уѣзда, Костромской губ., I, 34.
- Карасье озеро, близь Екатеринбургa; курганъ близь него, I, 117.
- Каратаи, вѣтвь Мордовскаго народа, II, 18, 149, 162.
- Карачарово, село Муромск. у., Владимірской губ., Пр. XXXIV, XXXV.
- Карга, (родъ, принадлежащій къ Сагайскому управленію), II, 210.
- Карлинская слобода, (Кураловъ городокъ), въ Симбирскомъ у. въ XVII в., IV и V, 38.
- Карманерь, горно-черемисская деревня Козмодемьянскаго у., Казанской губ., Пр. XLII.
- Карманъ или Кирманъ, древній городъ Азербиджана, Пр. XLII.
- Карпаты, горы, Пр. LXVIII.
- Кареагеныяне, Пр. CX.
- Каспійскія ворота, II, 42.
- Каспійское море, II, 10; VII, 239.
- Кассель, нагайбацкій поселокъ въ Верхне-Уральскомъ уѣздѣ, VII, 257, 258.
- Катмышева, деревня Бугульминскаго уѣзда, Самарской губ.; два древнія кладбища, VI, отд. реф. Алаб., 4.
- Каукай см. Кавказскій хребетъ.
- Качалинскій волокъ; на югѣ Россіи, VII, 242.
- Качь, рѣка въ Енисейской губ., Пр. XLV; II, 209.
- Качинская степь, II, 208.
- Качинцы или Качинскіе татары, II, 209, 223, 246.
- Кашанъ, древній болгарскій городъ, и Кашанское городище, I, 71—73, 75, 86, 87, 89, 90, 100, 102, 105, 106.
- Кашино, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Кашино Новое, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Кашмурскій бѣлякъ, терр. разд. Мордвы въ Алатырскомъ у., въ XVII в., IV и V, 36.
- Каяла, см. Калка, рѣка.
- Кей, (родъ, принадлежащій Сагайскому управленію), II, 210.
- Кейекъ, (родъ, принадлежащій Койбаламъ самоѣдскаго происхожденія), II, 210.
- Кель, (родъ, принадлежащій Койбаламъ самоѣдскаго происхожденія), II, 210.
- Кельнъ, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Кемъ Кемчикъ-Бомъ, (ущелье на Енисеѣ), II, 208.
- Кержацкой бѣлякъ, территориальный округъ Мордвы, IV и V, 34.
- Керженець, рѣка, въ Варнав. у., Костром. губ., I, 35.
- Керчь, городъ въ Крыму, I, 57; VII, 241.
- Керченскій проливъ, VII, 247.
- Кечушево, деревня въ XVII в., въ предѣлахъ теперешн. Симбир. губ., IV и V, 34.
- Кибачи, дер. Мамадыш. у., Каз. губ. Пр. CV.
- Кибяк-кози, дер. Лаишевскаго у., Казанской губ., Пр. CV.
- Кизиль-Кая, (родъ, принадлежащій Сагайскому управленію), II, 210.
- Кизиль-Чиликъ рѣка въ Уральской области, VII, 265, 270.
- Килеевка, рѣчка, притокъ Камы, I, 84.
- Кильдеево, назв. дер. въ Спасск. и Чистоп. уу. Казанской губ., Пр. XLIX.
- Кильдюшевскій бѣлякъ, территор. округъ у Мордвы въ XVII в., въ тепер. Симбирской губ., IV и V, 34.
- Кинель Большой, рѣка Самарскаго у., I, отд. реф. Алаб., 3.

- Кипчацкая страна, II, 48.
- Киргизы, Пр. XLV, XLVI, LXIV; II, 209, 226, 227; VII, 258, 264.
- Кирзяти, деревня въ XVII в., въ предѣлахъ теперешн. Симбирской губ., IV и V, 34, 36.
- Кирмени, село Мамадышскаго у. Казанской губ., Пр. XII, XIII, LXIII; VII, 249—251.
- Кирмень, городъ, Пр. XII.
- Кирмени (татарскія), деревня, Мамадыш. у. Казанской губ., Пр. XII; VII, 249, 250.
- Кирменка, рѣка въ Мамадышскомъ у., Каз. губ., VII, 250.
- Китай, Пр. LX, XLVI; I, 96; II, 204, 206, 207, 230, 239; III, 46.
- Китайцы, Пр. XL—XLVI, CX; I, 96.
- Кіевъ, Пр. XXV, LXXVIII, CXXI, CXXIX, CXXVIII, CXXXVII; В. О., 3; I, 42, 44.—I, отд. реф. Антонов. № 1, 2, 4; № 2, 1, 4; IV и V, 6, 8, 11, 16, 43; VI, 173, 192, 200, 203.—Братство Кіевское, IV и V, 11, 15.
- Кіевляне, Пр. XXVI; I, отд. реф. Антоп., № 2, 4.
- Кіевская губ., Пр. XCIII—XCVI, CXXIX; I, 46; IV и V, 22.
- Кіевское княженіе, I, 43, 44; I, отд. реф. Антоп., № 2, 1, 2.
- Кладовое озеро, въ Бузул. бору, Самарской губ., I, отд. реф. Алаб., 5.
- Ключищи, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Клянчино, русское село Свіяжск. уѣзда, Каз. губ., II, 105.
- Кляушевскій приходъ, Мамадышскаго уѣзда, Казанской губ., IV и V, 143.
- Князь-погостъ, столица вымскихъ князей, въ Пермской землѣ въ XIV в., VI, реф. Шест., 13.
- Князева гора, Мамадышевскаго у., Каз. губ., II, 106.
- Князь Гора, городище въ Черкасскомъ у., Кіевской губ., Пр. XCVI.
- Кобелякскій уѣздъ, Полтавской губ., IV и V, 17.
- Коби, (родъ, принадлежащій Сагайскому управленію), II, 210.
- Ковали, село Казанск. уѣзда, II, 104.
- Ковенская губ., I, 17, 28.
- Ковуи, народъ, Пр. LXXVII.
- Ковчино село, Черниговск. уѣзда, I, 48.
- Кодыма, рѣка, притокъ Южн. Буга, I, отд. реф. Антоп., № 2, 1.
- Козмодемьянскъ, городъ Казанской губ.; преданіе о его названіи, II, 168.
- Козмодемьянскій уѣздъ, Казанск. губ., Пр. LVII; II, 108.
- Козья слобода (въ Казани), II, 50, 68.
- Козяковы Челны, деревня Лаишевскаго у., Казанской губ., I, 105.
- Койбалы, (одна изъ группъ минусинскихъ инородцевъ), II, 209, 210, 246, 247.
- Койбальская степь, II, 226.
- Коканъ, главный городъ Ферганской области, II, 205.
- Коласева (деревня), IV и V, 37.
- Колбаши, деревня Лаишевск. уѣзда, Казанск. губ., II, 104.
- Колобовщина, село Царев. уѣзда, Астр. губ., II, 183.
- Коломна, городъ Московск. губ., II, 178; IV и V, 53.
- Колоны, село Пензенской губ., IV и V, 66, 67.
- Колычево, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Кольцовка, село Симбирской губ., I, отд. реф. Алаб., 5.
- Команія или Куманія, страна, населенная Команами, II, 3, 15; VII, 244.
- Команы или Куманы, народъ, Пр. XXXII, XLIV, XLV; II, 4, 5, 10, 12, 13, 15; VII, 244, 246. Команскій словарь, Пр. XLIV.
- Конда, рѣка въ западной Сибири, II, 15.
- Кондрата Верхняя, деревня Чистопол. уѣзда, Казанской губ., II, 106.

- Кондрата Нижняя, деревня Чистопол. уѣзда, Казанской губ., II, 106.
- Копца, урочище въ Болгаріи въ X в., II, 257.
- Константинополь, II, 23, 43, 256; III, отд. реф. гр. Толстаго, VI, 201, 246; реф. арх. Амфилох., 5; 2-й реф. Порф., 19.
- Коракъ-Сола, деревня Царевококшайскаго у., Казанской губ., Пр. LXI.
- Корнауши, дер. Тетюшск у., Казанской губ., Пр. CV.
- Коровашекъ, насыпь (на берегу Вятки), I, 119, 120.
- Корсакова, деревня Царевококш. уѣзда, Казанской губ., Пр. LXI.
- Корсунъ, городъ Симбирской губ., IV и V, 36.
- Кострома, городъ, I, 34; II, 173; 174; IV и V, 29.
- Костромская губ., Пр. III; В. О., 31, 32, 34.
- Котдась, селеніе Пермяковъ, близъ Устюга, въ XIV в., VI, реф. Шест., 3.
- Кошевокій оврагъ, близъ рѣкъ Камы и Вятки, I, 118, 119.
- Краковъ, городъ, I, 14.
- Красное, село Ирбитскаго уѣзда, Пермской губ., Пр. LXII, LXIII.
- Красноуфимскій уѣздъ, Пермской губ., В. О., 6. — Кладъ въ немъ, I, 10.
- Красноярскъ, Енисейск. губ., II, 215.
- Красный-Яръ, Астрахан. губ., IV и V, 33.
- Кременчугъ, городъ древней Булгаріи, Пр. XII, LXIII; I, 89.
- Кривичи, IV и V, 7.
- Кроаты, народъ, VI, реф. Порф., 5.
- Крымъ, Пр. LXIV; I, 90; II, 48, 49, 253; VII, 239, 242, 243, 244, 246.
- Крымскій полуостровъ, см. Крымъ.
- Крымцы и Крымская орда, II, 18; IV и V, 58, 60.
- Кселма, рѣка, въ уу. Алатырск. и Ардатовск., Симбирской губ., IV и V, 33.
- Кубань, рѣка, VII, 260.
- Кубанцы, VII, 258.
- Кубанъ-Гуръ, деревня Мамадышскаго уѣзда, Казанской губ., II, 110.
- Кубна, рѣка. Татарскія деревни Тетюш. у., распол. по этой рѣкѣ, основаны во время покоренія Казани, II, 20, 106.
- Кугорчина, татарская деревня, Лаишевск. у., Казанской губ., I, 105.
- Кузнецкъ, городъ Томской губ., II, 203, 206.
- Кузнецкій округъ, Томской губ., II, 205, 210.
- Кузнецово, село Козмодемьянск. уѣзда, Казанской губ., II, 108.
- Кукморъ Другой, деревня Мамадыш. уѣзда, Каз. губ., II, 106.
- Кукморскій мѣдиплавильный заводъ, въ Мамадышск. у., Казанской губ., I, 96.
- Куликовскій поселокъ, Верхнеуральскаго у., Оренбургской губ., VII, 262.
- Кульджа, Пр. XLV.
- Кульджа, татарская или Кюра, Пр. XLV.
- Кулясово, Мордовская деревня Симбирск. у. въ XVII в., IV и V, 34.
- Кума, рѣка на Кавказѣ, II, 3, 5—8, 11, 12, 14; III, 20.
- Кунъ, гора близъ рѣки Енисея, II, 227.
- Кундарчъ, рѣка въ Самарской губ., I, отд. реф. Алаб., 1.
- Кура, рѣка на Кавказѣ, I, 53, 59.
- Кураишево, мѣстность по Булаку въ XVI в., II, 97.
- Курмышъ, Нижегородскій пригородъ, пылъ уѣздный гор. Симбирской губ., Пр. CV; II, 179.
- Курляндія, I, 13, 17, 18, 28.
- Куры, народъ Литовск. племени, I, 29.
- Кутлубукашевы Челны, деревня Лаишев. у., Казанской губ., I, 105.

Куфа, I, 43.
 Кученяевка, деревня Алатырскаго уѣзда, въ XVII в., IV и V, 39, 40.
 Кушкетъ-Башъ, деревня Мамадышск. уѣзда, Казанской губ., II, 106.
 Кушниково, село Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губ., II, 108.
 Кушумъ, рѣка въ Самарск. губ., I, отд. реф. Алаб., 6.
 Куюкъ, деревни съ этими названіями въ Казанской губ., Пр. сѵ.
 Куябанъ, (отъ Латинск. *Cujavia*) арабское названіе Кіевлянъ въ X в. VII, 244.
 Кызы Куллесы, замокъ на Мраморномъ морѣ близъ Босфора; (или замокъ Леандра). Пр. LXIV.
 Кяхтинское нарѣчіе, Пр. XL.

Л.

Лабада (Ламбата), VII, 244.
 Ладога, озеро, Пр. XXXVI.
 Лаишевъ, уѣздный городъ Казанской губ., I, 67, 70, 71; II, 149.
 Лаишевскій уѣздъ, Пр. XLII, сн, сн; I, 62, 64, 72, 75, 79; II, 24, 104, 105.
 Лапландская граница въ Финляндіи; серебр. кладъ оттуда, I, 16.
 Латыши, I, 29.
 Леандръ, замокъ на Мраморномъ морѣ, бл. Босфора, Пр. LXIV.
 Лебяжья слобода, въ Симбирскомъ у. въ XVII в., IV и V, 38.
 Левика, деревня Варнав. уѣзда, Костромск. губ., I, 34.
 Ледовитый океанъ, I, 33; VII, 239.
 Ленневаденъ, I, 17.
 Ливонія, IV и V, 43.
 Ливы, Пр. XXXV, I, 29.
 Лиманъ, озеро, близъ Харькова, Пр. LXVIII.

Липовка, деревня Васильскаго уѣзда, Нижегородской губ., В. О., 32.
 Литва; територія, занят. Литовскимъ племенемъ, I, 13, 14; III, отд. реф. Толмач. I; IV и V, 43; VI, 170.
 Литовскія племена, I, 27—29.
 Лифляндія, Пр. XXXV; В. О., 43; I, 13, 16, 17, 22, 26—28.
 Ловать, рѣка. Пр. XXXVI; I, 41.
 Ломбардія, II, 255.
 Лонгобарды, IV и V, 7.
 Лондонъ, Пр. сXVI.
 Лопари, II, 15.
 Лопатино, деревня близъ Сити, Моложскаго у., Ярослав. губ., Пр. XXXVII, I, 38, 40.
 Лугаръ (Гузы), VII, 243.
 Луговское, деревня Свіяжск. уѣзда, Казанской губ., II, 105.
 Лужичане, народъ Славянск. плем., I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
 Лукуть, рѣчка Алатырск. уѣзда, IV и V, 36.
 Лухъ, городъ Костромской губ., II, 179.
 Луцкъ, городъ Волынской губ. — Крестовоздвиженское братство въ немъ. Пр. LIII; IV и V, 11, 14, 15, 18.
 Лысая гора, въ дѣли Жегулевск. горъ, I, отд. реф. Алаб., 6.
 Лысково, село Нижегород. губ., В. О., 32; I, 88.
 Лыбашъ Кляуши, село Мамадышск. уѣзда, Казанской губ., II, 106.
 Львовъ, городъ въ Галиціи, Пр. сXXXVII. — Успенское братство въ немъ, IV и V, 14, 15, 18, 21.
 Лѣсники, село Кіевской губ.; Θεодосіева пещера возлѣ него, I, отд. реф. Антон., № 1, 2.
 Любечъ, городъ въ Чернигов. княж.; I, 50.
 Люнда, рѣка въ Костромской губ., I, 35.
 Люндо-Керженецкій водораздѣлъ, (на границѣ Костромск. и Нижегород. губ.), I, 35.

М.

- Мавры, народъ, III, 51.
- Маджара, рѣчка, (близъ Сухумъ-Калэ), II, 3.
- Маджаръ, древній городъ на Кавказѣ; Пр. xxvii, xxxii, xlii, lvi; II, 3—14, 18; III, 20.
- Маджаръ эл-Джедидъ (новый Маджаръ), III, 20.
- Маджаръ, озеро, близъ р. Енисей Томск. губ., II, 19.
- Маджарское соленое озеро, (близъ Сухумъ-Калэ), II, 3.
- Маджары, Мадзары или Мадъяры, (Угры, Венгры) народъ, II, 3 7, 11—15, 19, 256, 257.
- Маджары, назв. урочищъ въ Казанской губ., II, 19.
- Маджаръ (Мажаръ, Можаръ), названіе поселеній въ губерніяхъ: Уфимской, Казанской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской, Полтавской, II, 19.
- Мадоръ, (родъ, принадлежащій Койбаламъ самоѣдскаго происхожденія), III, 210.
- Мазары, поле принадлежащее селу Хохлову (Крылай), Каз. у., II, 104.
- Майдашинская скала, Минусинскаго уѣзда, Енисейской губ., II, 228.
- Майна, рѣка, I, 110, 111, IV и V, 33.
- Майнское городище, Спасск. уѣзда, Казанск. губ., Пр. lxi; I, 110—113.
- Майна Старая, село, I, 110.
- Майнскій лѣсъ, I, 112.
- Маіотасъ, см. Азовское море.
- Макаровка, деревня Лаишевск. уѣзда, Казанской губ., I, 65.
- Макаръевская пустынь, Свияжскаго у., Казанской губ., II, 167.
- Макаръевскій уѣздъ, Нижегород. губ., I, 34.
- Макса, притокъ Малой Мѣши, р. въ Казанской губ., I, 64.
- Макулово, село Свияжск. уѣзда, Казанской губ. II, 104.
- Малага, городъ въ Испаніи, III, 51.
- Малмыжскій уѣздъ, Вятской губ., В. О., 6; IV и V, 89, 91.
- Малороссія—вообще, IV и V, 12, 17, 20, 22.
- Малороссія восточная или лѣвобережная, Пр. lni, lii; церковныя и цеховыя братства, IV и V, 10—26.
- Малороссія западная, Пр. lni.
- Малоруссы, Пр. lxxii.
- Мамадышъ, уѣздный городъ Казанской губ. Пр. xxvi, xli, xlii; II, 24, 149; IV и V, 34; VII, 249.
- Мамадышскій уѣздъ, Казанской губ., Пр. lxxvi; IV и V, 80, 101, 111, 125, 143, 150; VII, 249; заселеніе его татарами послѣ покоренія Казани, II, 104; краткое описаніе селеній его, II, 112, 113, 115, 153.
- Мамадышъ-Акилова, деревня Свияжск. уѣзда, Казанск. губ., II, 104.
- Мамадышъ-Тявгильдино, деревня Свияжск. уѣзда, Казанской губ., II, 104.
- Мамаевъ городокъ, см. Селитряное городище, II, 186.
- Мамаевъ курганъ въ Царевскомъ у., Астраханской губ., II, 183—184.
- Манджурія, II, 35, 239.
- Манджуры, Пр. xlv; VII, 252.
- Манилова, деревня близъ р. Сити, Молож. у., Ярослав. губ.; курганы при ней, I, 39.
- Маниташъ см. Азовское море.
- Мари, (самоназваніе Черемись), Пр. lxxix.
- Маринскій посадъ (Сундырь), Чебоксарск. уѣзда, Казанской губ., старинное русское селеніе. II, 108.
- Маркіанополь, древній городъ въ нижней Мизіи, II, 257, 258.—См. Прѣслава.
- Матарха, городъ въ Крыму, VII, 244—247.
- Матархейцы, VII, 245.

- Маторы, народъ, см. Тубинцы.
- Матлукъ, городъ, (называется также Бѣлоу Куманією), VII, 244,
- Машлякъ, притокъ р. Шумбута, въ Казанской губ., I, 76.
- Медвѣдово, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Медина, гор. въ Аравіи, Пр. xli; II, 42.
- Межигорье, урочище близъ Кіева; пещера близъ него, I, отд. реф. Антон., № 1, 3.
- Межой, зырянская деревня, въ Вологод. губ., VI, реф. Шест., 3.
- Мейссенъ, городъ на р. Эльбѣ, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Межка, Пр. xli; II, 9, 50.
- Мекленбургъ; его до-славянскіе могильники, I, 13.
- Меланхлены, Пр. li.
- Мельна, рѣка въ Бугульмин. у., Самарской губ., I, отд. реф. Алаб., 4.
- Мендюшка-Ялъ, прежн. назв. дер. Топтамышь.—См. это слово.
- Мензелинскъ, гор. въ Уфимской губ., VII, 260.
- Мердасъ или Меркласъ, народъ, обитающій по Рубруквису, между Дономъ и Волгой, II, 4, 5.
- Мерегъ, поселеніе въ Литвѣ, I, 18.
- Мерзбургъ; поражение близъ него Мадьяръ Нѣмцами въ 933 г., II, 257.
- Мерзлѣво, деревня на берегу р. Сити, Моложскаго у., Ярослав. губ.; насыпи близъ ней, I, 39.
- Мерянская земля; раскопки въ ней графа А. С. Уварова, I, 41.
- Месопотамія, Пр. cx.
- Мѣша Большая, р. въ Казанской губ., притокъ Камы, I, 63—65, 102; названія селеній, населен. русскими, въ ея бассейнѣ въ предѣлахъ Лаишев. уѣзда, I, 66—67.
- Мѣша Малая, притокъ Б. Мѣши, I, 64.
- Мѣшинскій мѣдиплавильный заводъ, Мамандышскаго у., Казанской губ., I, 96.
- Мещерь-Тутарь, Мещерякъ-Тутарь, или Мижерь-Татары, (названіе отатарившейся помѣси Чувашъ съ Можарами, въ Буинскомъ у., Симбирской губ.), II, 20.
- Мизія, IV и V, 7.
- Минусинскъ, гор. Енисейской губ., II, 240.
- Минусинскій у., Енисейской губ., Пр. xlii. II, 208, 209, 229, 230, 246.
- Миняусъ, рѣчка, прит. р. Ика, VII, 260.
- Миснія, страна близъ р. Эльбы, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Мишарь, народъ, II, 17.
- Михалево, деревня на берегу р. Сити, Молож. у., Ярослав. губ.; курганы, 1) 40.
- Можаровка, рѣчка Пензенск. губ., II, 19.
- Можары, народъ, II, 17—19, 20, 162.
- Моздокъ, II, 7.
- Моксели, народъ, обитающій по Рубруквису, между Дономъ и Волгой. II, 4.
- Мокша, рѣка, (правый притокъ Оки), В. О., 6.
- Мокша, (подраздѣленіе Мордвы), II, 18, 162.
- Мокшанскій уѣздъ, Пензенской губ., IV и V, 67.
- Молдаво-Валахія, VI, 2 реф. Порф. 12.
- Молога, рѣка, Пр. xxxvi; I, 37, 38, 41.

Монастыри:

- Анзерскій свить на Соловецкомъ островѣ, VI, с. 199; реф. И. Я. Порфирьева, № 1, с. 3, 13—17.
- Антоніевъ Сійскій въ Холмогорск. уѣз., Арханг. губ., VI, реф. И. Я. Порфирьева, № 1, с. 1.
- Аѳонскіе, Пр. cxxi; 2-й реф. Порфирьева, 12.—„Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонѣ“ XVIII в., VI, с. 196—205.

- Благовѣщенскій, въ Нижнемъ Новгородѣ, II, 180.
- Богословскій (нынѣ упраздненный) въ Кіевѣ, I, 42, 43.
- Болгарскій, въ селѣ Успенск. Болгар., Каз. губ., (нынѣ упраздн.) осн. въ 1-й четв. XVIII в. II, 28.
- Бороколабовъ женскій, Могилевской губ., II, 101.
- Валаамъ, VI, I-й реф. Порф., 4.
- Волоколамскій, VI, 2 реф. Порф., 12.— Реф. арх. Амфилохія, 2; библиотека въ немъ, IV и V, 51.
- Воскресенскій, VI, 2 реф. Порфир., 16.
- Гнилецкій (нынѣ упраздненный) въ Кіев. губ., I, отд. реф. Ант., № 1, с. 2.
- Зилантовъ, (близъ Казани), Пр. сxxxix; II, 65, примѣч., 69 и прим.
- Иверскій VI, 200, 201, 203.
- Казанскій Богородицкій женскій. Пр. сxl; II, 79, прим. 89.
- Каресъ, Аѳонскій скитъ, VI, 200.
- Кизическій, (близъ Казани), II, 69.
- Кирилловскій (въ Кіевѣ), группа пещеръ у него, I, отд. реф. Антон., № 1, 3, 4.
- Китаевская пустынь, Кіев. губ., I, отд. реф. Антон., № 1, с. 3.
- Косиновскій (упразднен.) близъ Старой Русы, Новгород. губ., III, отд. реф. графа М. В. Толстаго, 1.
- Костромской Ипатьевскій, VI, 2 реф. Порф., 8.
- Крестовоздвиженскій, близъ Нижняго Новгорода, II, 180.
- Макарьевъ Желтоводскій, Нижегород. губ., II, 179.
- Межигорскій, (нынѣ упраздненный), Кіев. губ., I, отд. реф. Ант. № 1, с. 3.
- Михайловскій, VI, 2 реф. Порф. 16.
- Печерская лавра въ Кіевѣ, I, отд. реф. Антон. № 1, с. 2, 3.
- Печерскій въ Нижнемъ Новгородѣ, II, 179, 181, 182.
- Раевскій, Казанской губ.; архивъ его, В. О., 12.
- Савинъ Осторожевскій, Звенигор. у., Моск. губ., VI, реф. И. Я. Порфирьева, № 1, с. 13.
- Самтавро, Грузинскій м-рь, близъ Мцхета, I, 53.
- Свяжскій Иоанно-Предтеченскій женскій. Пр. сxxx, сxxxix; В. О., 78.
- Свяжскій Свято-Троицкій, В. О., 17.
- Свяжскій, Успенскій, мужской. Пр. сxiii, сxxviii, сxxxix.
- Седмозерный, Казанской губ.; архивъ его, В. О., 12.
- Соловецкій, Архангельск. губ., Пр. сxli; VI, 195—205; 2 реф. Порф., 1—4, 7, 8, 10—15,—библиотека этого монастыря принадлежащая нынѣ Казанской духовной академіи: Пр. хxviii, хxx, хxxviii, lxx; VI, реф. Порф., 1—5, 12, 14, 24. „Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонѣ“ XVIII в., VI, с. 196—205. Соловецкая челобитная и ея обличеніе Юріемъ Крижаничемъ. Пр. сxli; VI, с. 193—194, 195.
- Спасскій, въ Старой Русѣ, Новгород. губ., III, отд. реф. графа М. В. Толстаго, 1.
- Спасопреображенскій, въ Казани. Пр. хlix, сxxxix,—II, 77.
- Троице-Сергіева Лавра, VI, 2 реф. Порф., 8, 13.
- Успенскій (нынѣ упраздн.) въ Старой Русѣ, Новгород. губ., III, отд. реф. графа М. В. Толстаго, 4.
- Фараѳонтіевъ, VI, 2 реф. Порф., 9.
- Хутынский, Новгород. губ., VI, 2 реф. Порф., 13.
- Федоровскій, мужской, въ Казани, II, 66—67, прим. 79, прим. 88.

- Нижегородская губернія, Пр. III, LVII, LX, CI; В. О., 6, 30—32; 33 (праздники мѣстности въ ней), 34, 36; II, 17, 19, 100, 107; IV и V, 31.
- Нижегородская область въ XV в., II, 179.
- Нижне-Уральскъ, городъ, IV и V, 56.
- Нижній-Новгородъ, Пр. XII, LIII; В. О., 29, 31, 32, 34; II, 168, 173, 178—182; IV и V, 47, 48, 51, 54.
- Низовая и Низовская земля, II, 60, 182.
- Низовка, деревня Алатырскаго уѣзда, Симбирской губ., IV и V, 39, 40.
- Никиткина Верхняя, деревня Чистопол. у., Казан. губ., IV и V, 73.
- Никиткина Нижняя, деревня Чистопол. у., Казан. губ., IV и V, 80, 150.
- Никифорова, деревня Мамадынскаго уѣзда, Казанской губ., IV и V, 80, 150.
- Николаевскій уѣздъ, Самарской губ., I, отд. реф. Алаб., 2.
- Новая Резеповка, деревня Пензенской губ., IV и V, 66.
- Новая Уча, деревня Мамадынскаго уѣзда, Казан. губ., IV и V, 111, 114.
- Новгородъ Великій, Пр. XXXIX, LV; В. О., 8, 31; I, 25; II, 176 (переведенные изъ него въ Казанскій край служилые люди въ XVI и XVII вв.), 181; III, 29—31; *ibid.*, отд. реф. гр. Толстаго, 1, 2; IV и V, 7, 8, 25; VI, 168; *ibid.*, 2-й реф. Порф., 4, 5, 9, 12.
- Новгородская земля и Новгородская область, Пр. XCVII; 2 реф. Порф., 12.
- Ново-Сиверская, село въ Петербургской губ., I, 17.
- Новое село, Нижегород. губ., В. О., 32.
- Новороссійскій край, IV и V, 16.
- Новосѣлки, деревня Чистопол. уѣзда, Казан. губ., I, 83.
- Новосѣлки, село Бузулук. уѣзда, Самар. губ.; курганъ, I, отд. реф. Алаб., 1.
- Новоузенскій уѣздъ, Самар. губ., I, отд. реф. Алаб., 1, 2.
- Новоусадская волость, Арзам. уѣзда, Нижегород. губ., Пр. III.
- Норцы, Пр. CI.
- Носовая, деревня Варпав. уѣзда, Костром. губ., I, 36.
- Нотець, рѣка въ В. Польшѣ, I, отд. реф. Антон., № 2, 3.
- Нурма, притокъ Большой Мѣши, въ Казанской губ., I, 64.
- Нырса, тоже, I, 64.
- Нырсываръ, селеніе въ бассейнѣ Мѣши, I, 102.
- Нытва, рѣка, Пр. XXXII.
- Нѣмецкое море, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Нѣмцы, II, 171, 181, 257.
- Нювчимскій заводъ (жельзноплавильный), Усть-сысольскаго уѣзда, Вологодской губ., VI, реф. Шест. 10.
- Нючпасокій жельзноплавильный заводъ, Усть-сысольскаго уѣзда, VI, реф. Шест., 10.

О.

- Объ, рѣка, I, 117; VI, реф. Шест., 13.
- Общій Сыртъ, горы, IV и V, 57.
- Оглахты, скала въ Минус. у., Енис. губ., II, 228.
- Одеръ, рѣка, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Одесса, Пр. CXIII.
- Озерецкой погостъ, въ Водьской пятинѣ, Новгород. обл., Пр. XCVII.
- Ознобишино, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Ойроты, наровъ, II, 206.
- Ока, Пр. XXXV, LVII, LIX, XCIX, C; В. О., 5, 6; II, 178—182; IV и V, 6, 44, 53.
- Оксфордъ, VII, 240, 246.
- Олонецкій край, Пр. CXIII.
- Олониха, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Ольвія, древнее греческое поселеніе въ теперешней Херсон. губ., I, 57, 58.

- Онежское озеро, Пр. хххvi, с.
Опольщина, Пр. lxiX.
Оргошь, городъ въ Черниговск. вѣн., I, 50.
Орда Золотая. Пр. lxiX, сvii; II, 22, 25, 30, 31, 37, 39, 41, 193; III, 35.
Орель, рѣка, притокъ Днѣпра, Пр. lXvii.
Орелька, рѣка, Пр. lXvii.
Оренбургъ, VII, 258—260.
Оренбургская губ., Пр. сiX, В. О., 6, 7, 104; VII, 257, 260, 261.
Оренбургскій край, VII, 259.
Оренбургское казачье войско, VII, 257.
Орскій уѣздъ, Оренб. губ., IV и V, 68.
Осинскій уѣздъ, Перм. губ., В. О., 6.
Оскочиха, село Нижегород. губ., В. О., 32.
Остерскій уѣздъ, Черниговской губ.; братства въ немъ, IV и V, 17.
Острая-Могилка, курганъ Капевского у., Кіев. губ., Пр. хсiv, хсv.
Остроленскій нагайбацкій поселокъ, Верхнеуральскаго у., Оренб. губ., VII, 262.
Остроленскій приходъ, Верхнеуральск. уѣзда Оренбургской губ., VII, 261.
Остроменскій нагайбацкій поселокъ, Верхнеуральскій у., Оренб. губ., VII, 257, 258.
Остяки, Пр. хххv, lxi; II, 15, 16, 209.
Оторленка, рѣчка Саранскаго у., Пенз. губ., IV и V, 39.
Отяшево, деревня въ нынѣшн. Симб. губ., IV и V, 34.
Оханскій уѣздъ, Пермской губ., В. О., 6.
Очаковъ, IV и V, 58, 60.
Ошъ-Панда, остатки крѣпости эт. имени на Самарской Лукѣ, I, отд. реф. Алаб., 5.
Ошель, болгарскій городъ XIII в., Пр. ххvii; I, 88, 106.
Ошкорь, одно изъ племенъ, паселявшихъ Илійскую долину, Пр. xlV.
Ошнякъ, правый притокъ Камы, I, 63.
Ошторма Верхняя, деревня Мамад. уѣзда, Казанской губ., II, 106.
- ## II.
- Павлово, село Нижегород., губ., В. О., 32.
Пайгусово, село Козмодемьян. уѣзда, Казанской губ., (Пернягаш и Пи-нэль тожь), Пр. I, lXii.
Палестина; англійское общ. изслѣд. истор. памятниковъ ея, Пр. хсi, сxvii; III, 38, 41.
Палкино, деревня Пермской губ., Екатер. у., I, 115.
Паннонія, I, отд. реф. Антон., № 2, 3; II, 6, 15.
Панскіе бугры, урочище по теченію Волги у Нижняго; II, 181.
Паратъ, Паратъ-Мари, пять черемисскихъ селеній съ этимъ названіемъ въ уѣздахъ Казанскомъ, Чебоксарскомъ и Козмодемьянскомъ, Казанской губ., II, 165.
Параты, черемисское село Казанскаго уѣзда II, 110, 165.
Парижъ, Пр. lXxv; III, 37, 41, 46; VII, 246.
Парижъ, нагайбацкій поселокъ, Верхнеур. у., Оренб. губ., VII, 257, 258.
Пасьяново, село Нижегород. губ., В. О., 32.
Пекари, село Черкасск. уѣзда, Кіевск. губ., Пр. хсvi.
Пекинъ; уставъ шаманскаго служенія, издапный въ Пекинѣ въ 1747 году, II, 239.
Пенза, Пр. lii, сvii.
Пензенская губ., Пр. lxi; В. О., 6; II, 17, 19; IV и V, 31; 64—67 (перечисленія праздниковъ чувашей въ ней).
Пензенскій уѣздъ, Пр. сvii; IV и V, 65.
Перемиловскія горы, на берегу р. Ови, въ Муромскомъ у., Владим. губ., Пр. хсiX.

- Переяславль, гор. Полтавской губ., Пр. LVII, XCIII; IV и V, 16.
- Переяславскій уѣздъ, Полтавской губ., Пр. XCIII, XCIV; братства въ немъ, IV и V, 16, 17.
- Пермь, В. О., 31; I, 10, 11; IV и V, 56; VI, реф. Шест., 5, 13.
- Пермская губернія, Пр. XXVI, LXIII, CXXXI; В. О., 6; I, 94, 104, 114, 115; II, 36; VI, реф. Шест., 17, 18.
- Пермская земля, (Біармія) В. О., 5.
- Пермскій край, I, 115.
- Пермяки, II, 15; VI, зам. Шест. о вліян. рус. яз., 2; *ibid.*, реф. Шест., 2—4, 9, 11, 15, 16, 18.
- Пернягашъ, См. Пайгусово.
- Перовскъ, городъ Сыръ-Дарьинской области, IV и V, 68.
- Персеполісь, I, 11.
- Персія, Пр. XII, LXIV; В. О., 13; II, 3, 5, 7, 15, 256; III, 58.
- Персіяне, III, 46; VII, 240, 258.
- Персы, древній народъ, II, 7, 13, 14.
- Песчаное озеро; курганъ близь него, (у Екатеринбурга Перм. губ.), I, 117.
- Петербургъ, Пр. XXV, XXVIII, LXI, CXLV; В. О., 19—21; IV и V, 57, 59—63; VI, 169; VII, 244, 246; зам. Шест. о вліян. русск. яз.; 3, реф. Шест., 8, 9, 13, 15, 16; 2-й реф. Порф. 1.
- Петербургская губ., Пр. CXXVII.
- Петергофскій уѣздъ, Петербургской губ., Пр. CXXVII.
- Петрошиловская скала возлѣ деревни Петрошиловой вверхъ по р. Тубѣ, въ Минус. у., Енис. губ., II, 228.
- Печенѣги, Пр. LXVII; I, отд. реф. Антон., № 2, 3, 4; II, 3, 256, 257; VII, 243.
- Печорскій край, Пр. XLVII; I, 31—33.
- Печора, рѣка, В. О., 5; I, 32, 33; реф. Шест., 11.
- Пинега, рѣка, I, 9.
- Пи-нѣль, см. Пайгусово.
- Пирогово, село пещера возлѣ него, I, отд. реф. Антон., № 1, 3.
- Пичевели, деревня Алатырскаго уѣзда, Симб. губ., IV и V, 35, 36.
- Плехановъ бугоръ на р. Окѣ, Владим. губ., Муром. у., Пр. CXCIX.
- Пловъ, пустошь близь р. Сити въ Ярослав. губ.; курганы близь нея, I, 39.
- Поводилова, деревня въ нынѣшней Симбир. губ., IV и V, 33.
- Поволжье, Пр. XXXIV, LVII, CXLV, CXXXI, CXXX; В. О., 5, 8—10, 12, 15, 16, 22, 30; II, 169, 171, 188.
- Поганое озеро, верхнее (въ Казани, нынѣшнее Черное озеро), II, 69, 93, 94.
- Поганое озеро, нижнее (лежало въ Казани около нынѣшней Пятницкой церкви), II, 69, 81, 85.
- Подберезье, село Свіяж. уѣзда, Казанской губ., II, 166.
- Подольская губ., Пр. CXLIX.
- Пой, село Ниж. губ., В. О., 32.
- Пойкина, деревня Мамадынскаго уѣзда, Казанской губ., IV и V, 143.
- Покровское, село Козмод. уѣзда, Казан. губ., II, 108; VI, 191.
- Полисть, рѣка, I, 41.
- Половцы, Пр. XLIV, LXVII; I, 50; VII, 243, 246.
- Половецкая земля, Пр. LXVI, LXVII.
- Поломка, деревня Варнав. уѣзда, Костромской губ., I, 35.
- Подоть, рѣка, IV и V, 7.
- Полочане, IV и V, 7.
- Полтавская губ., Пр. LIV, XCIII, CXLV; II, 19; IV и V, 11, 16, 17.
- Польша, I, отд. реф. Антон., № 2, 2; II, 171; IV и V, 7, 9, 13, 15, 22.
- Польско-Литовское государство, IV и V, 13.
- Поляки, II, 6, 171; IV и V, 15, 16; VI, реф. Порф., 5.

Поляна, деревня Варнав. уѣзда, Костромской губ., I, 34.
 Поляне, древн. народъ Славянскаго плем., Пр. LXXVIII; IV и V, 7.
 Портуръ, деревня Мамадыш. уѣзда, Казанской губ., II, 106.
 Похвалинскій оврагъ, раздѣляющій Дятловы горы, II, 180.
 Почайна, рѣчка въ Нижнемъ Новгородѣ, II, 181.
 Прага, главный городъ Чехи Пр. LXXV; I, 13.
 Преславецъ, уроч. въ древн. Дун. Болгаріи, II, 257.
 Прибалтійскій край, Пр. XXXV.
 Приднѣпровье, IV и V, 16.
 Прикамье Казанское, I, 96, 99.
 Пришибъ, село, Царевскаго у., Астраханской губ., II, 183.
 Пролей Каши, чувашская деревня Тетюшскаго уѣзда, Казанской губ., II, 110.
 Простъ, рѣчка, возлѣ села Зміева, Чистопольскаго уѣзда, Каз. губ., I, 81.
 Пруссія восточная, I, 26—29.
 Прусская земля, VI, 170.
 Пруссы древніе, I, 29.
 Прѣслава, гор. въ Дунайск. Болгаріи, (древній Маркіанополь), II, 257, 258.
 Псковъ, Пр. LV; В. О., 31; I, 17, 24; II, 61, 173; III, 29, 30; VI, 2-й реф. Порф., 9.
 Пульзница, р. въ сѣв. Германіи, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
 Пуредъ, село Нижегородской губ., В. О., 32.
 Путивль, городъ Курской губ., VI, 201.
 Пѣтушки, одна изъ Дятловыхъ горъ, II, 180.
 Пятницкая гора, одна изъ Дятловыхъ горъ, II, 181.

Р.

Работки, пристань на р. Волгѣ, IV и V, 47.
 Радимичи, древн. народъ Славянск. плем., IV и V, 8.

Рассава, село Каневскаго уѣзда, Кіевской губ., Пр. XCV, XCVI.
 Рассава, рѣка, притокъ р. Роси, въ Кіевской губ., Пр. XCVI.
 Рейнъ, I, отд. реф. Антон., 2.
 Римъ, I, 28; IV и V, 6; 2-й реф. Порф., 10.
 Римляне, Пр. CX; I, 13; I, отд. реф. Антон. № 2, 2, 3; II, 4; III, 39.
 Римское море, (арабскіе писатели называли этимъ именемъ иногда Средиземное, а иногда Черное море), VII, 239, 240.
 Рогенбургъ, Венденскаго уѣзда, Лифл. губ. I, 23.
 Родопъ, городъ въ Македоніи. Пр. LXXIV—LXXVI, CXXIII.
 Рождественское Укречь, село Лаишевскаго уѣзда, Каз. губ.; курганъ при немъ, I, 64.
 Роксоланы, II, 15, 249.
 Рокшазонда, поляна въ лѣсу между Волгой, Свягой и Сурой въ XVII в. (въ теперешней Симб. губ.), IV и V, 32.
 Роменскій уѣздъ, Полтав. губ., Пр. XCV; IV и V, 16.
 Росъ, Рошъ; народъ, см. Роксоланы, II, 249—250.
 Росъ, рѣка, притокъ Днѣпра, Пр. XCVI, XCVI, CXIX; I, отд. реф. Антон. № 2, 1.
 Россійская имперія, Пр. LXIV; II, 19, 255.
 Россія, Пр. XXXIX, XLIV, LXVIII, LXIX, LXXI, LXXXIII, CIX—CXI, CXVI, CXIV, CXV, CXXXVIII; В. О., 22, 23, 26, 29, 44, 47, 48; I, 31, 57, 89, 90, 97, 100; II, 7, 60, 161—163, 204, 206, 207, 249; III, 20, 29, 33; IV и V, 22, 46, 57; VI, 160, 164, 188, 194, 195, 200, 201, 204, 226; VII, 245, 246, 252; реф. Шест., 9, 14, 15; 2-й реф. Порф., 8—10.
 Россія древняя, Пр. XXXVIII.
 Россія Европейская, Пр. LXVIII; II, 19.
 Россія сѣверо-восточная, Пр. LIV, LXVIII; VII, 257.
 Россія юго-западная, Пр. XXXIX, CXVI; IV и V, 12, 13, 15, 22.

- Россія южная, Пр. LIV, CXXVI; I, 46; II, 252—254.
- Ростовъ, городъ Яросл. губ., VI, 2 реф. Порф., 9.
- Ростовско-Суздальская земля, Пр. LXXIII, LXXIX.
- Русь, Пр. LXIV, XCVII; В. О., 3, 16; I, 25; II, 5, 178, 179, 181, 182, 253; IV и V, 3, 4, 6, 20, 49, 52; VI, 205, 227; реф. арх. Амфилоха, 6,—2 реф. Порфирьева, 7, VII, 239, 243, 247, 248; реф. арх. Амфил., 6.
- Русь западная, IV и V, 15, 16.
- Русь Кіевская, Пр. LXXII.
- Русь сѣверо-восточная; Братчины, Пр. LVI.
- Русь черноморская, VII, 248.
- Русь южная, I, 46. — Южно-русскія братства.—Пр. III—IV.
- Русаково Большое, селеніе Свіяжскаго уѣзда, Казанской губ., первоначально заселенное Чувашами, II, 105.
- Русія, городъ и островъ на югѣ теперешн. Россіи, по арабскимъ извѣст. XI в., VII, 245, 246.
- Русская земля, В. О., 3, 16; IV и V, 4—6, 8.
- Русская рѣка, на югѣ теперешн. Россіи, по арабскимъ извѣст. XI в., VII, 244.
- Русскіе, Пр. XLVIII, LXIII, LXXVI, CVI; В. О., 6, 8, 33; I, 112, 116; II, 12, 22, 27, 50, 60, 65, 67, 73, 86, 89, 91, 104, 106, 107, 167—171, 178—180, 202, 207; IV и V, 3, 13, 14, 21, 31, 33, 37, 41, 74, 78, 81, 92; VI, 203, 204; VII, 239, 242, 243, 246, 253, 257, 258, 262, 267; зам. Шест. о вліян. русск. яз., 1—3,
- Русскій народъ, В. О., 15; IV и V, 4, 10, 15, 21; зам. Шест., о вліян. рус. яз., 4.
- Русское государство, В. О., 15; IV и V, 6.
- Руссы, Пр. LXXVII; VII, 244, 248.
- Рутены, II, 15.
- Рыбинскъ, городъ Яросл. губ., Пр. LI.
- Рыбная Слобода, село Лаишевскаго у., Каз. губ., I, 74.
- Рязань, В. О., 31; IV и V, 44.
- Рязанская губ., II, 19.

С.

- Саала, р., притокъ Эльбы, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Саба, притокъ большой Мѣши, въ Казанской губ., I, 64.
- Сабинянки, V, 254.
- Саблинка Большая, притокъ большой Мѣши, въ Казанской губ., I, 64.
- Саблуково, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Сава, р., притокъ Дуная, Пр. сл.
- Савиново, село Казанскаго уѣзда, II, 104.
- Сагай, (родъ, принадлежащій Сагайскому управленію), II, 210.
- Сагайская степь, II, 208.
- Сагайцы, (одна изъ группъ Минусинскихъ инородцевъ), II, 209, 210, 246.
- Сазнина, деревня Алатыр. уѣзда, Симб. губ., IV и V, 36.
- Сайда, поселеніе въ Сиріи,—см. Сидонъ.
- Сайновъ юртъ, древнее поселеніе на мѣстѣ тепер. Казани, II, 179.
- Сакиръ, рѣка, притокъ Итиля (Волги), по свид. арабовъ XI в., VII, 245.
- Саконы, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Саксонія, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Саксы, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Салда, рѣка Екатеринбург. уѣзда, Перм. губ., I, 114.
- Салисбургъ, I, 17.
- Салтыганъ - ключъ, деревня Мамадынскаго уѣзда, Каз. губ., II, 105.
- Салтыганово, деревня Свіяжск. уѣзда, Казан. губ., II, 104.
- Салтыковская Дѣвица, мѣстечко Черниговск. уѣзда, Пр. с; I, 48—52.

- Сальница, названіе рѣки Тора, въ XII в.— см. Торъ.
- Самара, городъ, Пр хххш; I, отд. реф. Алаб., 2, 7.
- Самара, рѣка, VI, 171, 191.
- Самаркандъ, Пр. лхv; II, 34, 42, 94.
- Самарская губернія, В. О., 6, 104; I, отд. реф. Алаб., 4, 6; II, 17, 23, 100, 108.
- Самарская Лука, извилина Волги близъ гор. Самары, В. О., 7; I, отд. реф. Алаб., 5.
- Самарская укрѣпленная черта, В. О., 23.
- Самарскій край, Пр. с; I, отд. реф. Алаб., 1, 3, 6.
- Самкаршъ или Семкершъ, (названія мѣстности въ арабскомъ описаніи XI в. русскаго торговаго пути), VII, 240, 241.
- Самоѣды, I, 32, 33; II, 15.
- Сапунъ, пристаць на р. Окѣ, Пр. хсш.
- Сарай, столица Золотой Орды, Пр. лхш, схvш; II, 13, 31, 41, 47, 183—185, 191—193; III, 36, 39, 56, 58.
- Саранскъ, гор. Пензен. губ., IV и V, 39.
- Саранскій уѣздъ, Пенз. губ., IV и V, 32, 39.
- Саратовъ, В. О., 31; II, 23; VI, 167, 191.
- Сарapulьскій уѣздъ, Вятской губ., В. О., 6.
- Саратовская губернія, В. О., 6, 7; I, 104; II, 17; IV и V, 65.
- Сарадины, II, 27.
- Сарбашева, деревня Мамадышскаго уѣзда, Каз. губ., II, 106.
- Сарепта, нѣмецкая колонія въ Саратовской губ., Пр. схv.
- Сарматія, II, 12.
- Саробы, древнее названіе Славянск. народа Лужичанъ.—См. Лужичане.
- Сарты, народъ въ средней Азіи, Пр. лхш.
- Сахара, III, 36.
- Саянскій хребетъ, II, 208, 230.
- Свейневъ, посел. въ Лифляндск. губ., I, 23.
- Светина, рѣка впад. въ Балтійское море въ сѣв. Германіи, I, отд. реф. Антоп., № 2, 2.
- Свинныя горы, село Елабужск. уѣзда, Вятск. губ., I, 119.
- Свѣга, рѣка, притокъ Волги, Пр. лvш; II, 23, 167; IV и V, 31, 33, 38.
- Свѣжскъ, городъ Каз. губ., Пр. ххш, сххvш; В. О., 12, (монастырскій архивъ); II, 18, 167, 174; IV и V, 51, 53.
- Свѣжскій уѣздъ, Пр. хлш; II, 35, переселеніе его татарскаго населенія въ Тетюшскій уѣздъ, II, 104; IV и V, 38.
- Свѣтлое озеро, или Свѣтлояръ, въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородск. губ., В. О., 32, 33; I, 35.
- Севенца, рѣка на Кавказѣ, II, 5.
- Сейтова, деревня Свѣж. уѣзда, Казан. губ., II, 104.
- Сеймъ, рѣка, притокъ р. Десны, IV и V, 6.
- Селитряное село, Селитрянный городокъ и Селитряное городище, Астрахан. губ., Енотаевскаго уѣзда, Пр. хlvш; II, 9, 184—201.
- Семеновъ, городъ Нижегород. губ., В. О., 32.
- Семеновскій уѣздъ, Нижегород. губ., I, 34.
- Семипалатинскъ, областной городъ, II, 205.
- Семитическая раса, Пр. сш.
- Сенъ-жанъ д'Акръ; осада этого города во время 3-го крестоваго похода, III, 47.
- Сербія, VI, 199; 2 реф. Порф., 17.
- Сербы, Пр. хш, лххш; IV и V, 7.
- Сергіевскій оврагъ въ Нижнемъ Новгородѣ, II, 180.
- Сереговскій соляной заводъ, Иренискаго уѣзда, Вологодск. губ., VI, реф. Шест., 10.
- Сергіевское, село Лаиш. уѣзда, Казанск. губ., Пр. сш.
- Серезъ, городъ въ теперешн. Румелии, Пр. лххш—лххvш; VI, 227.
- Сибирь, Пр. хлш, хш, сххvш; I, 8, 11; II, 14, 16, 202, 208, 209, 239; III, 63; IV и V, 103; VI, 201; VII, 252.

- Сибирское царство, II, 170.
- Сивашъ, см. Гнилое море.
- Сидонъ, древній городъ въ Фипикии, III, 37.
- Силезія, I, 26.
- Симбирскъ, городъ, Пр. лш; схv; В. О., 12; I, 110; II, 23; IV и V, 28, 31, 35, 36, 63.— Карамзинская бібліотека въ Симбирскъ, Пр. лш; В. О., 11; IV и V, 27—42.
- Симбирская губернія, Пр. лш; В. О., 6, 7; II, 17, 100, 107; IV и V, 29, 31, 33—35, 37, 42.
- Симбирскій уѣздъ, Пр. лш; II, 33; IV и V, 35, 38.
- Симбирское городище, IV и V, 33.
- Синюра, рѣка, притокъ Южнаго Буга, I, отд. реф. Антон., № 2, 1.
- Сирія, Пр. схvii; II, 42; III, 36, 38, 39, 44, 62.
- Сить, рѣка, притокъ Мологи, Пр. хххvi, хххvii; I, 37—41.
- Скандинавія, I, 13, 14, 29, 30; VII, 242, 247.
- Скандинавскія государства, I, 5.
- Скандинавы, Пр. хlvii; В. О., 8.
- Скитка, село Кіевской губ.; пещера при немъ; I, отд. реф. Антон., № 1, 3.
- Сквеія Азіатская, Пр. хсv; II, 12.
- Славяне, Пр. хi, хlv, лххviii, сi, схххvii; В. О., 8; I, отд. реф. Антон., № 2, 2, 3; II, 21, 22, 254—256; IV и V, 7; VII, 239, 240, 254; реф. Порф., 4.
- Славяне древніе, Пр. лххvi.
- Славяне западные, Пр. сх.
- Славяне мизійскіе, IV и V, 7.
- Славяне новгородскіе, Пр. хсiх.
- Славяне полабскіе, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Славяне приднѣпровскіе, I, отд. реф. Антон., № 2, 4.
- Славяне южные, Пр. сх.
- Славяно-Руссы, В. О., 8.
- Славянскія земли, VII, 245.
- Славянское море, VII, 240.
- Словаки, VI, реф. Порф., 5.
- Словинцы, VI, реф. Порф., 5.
- Смильтенъ-Рогенбургская область, въ Лифляндіи, I, 24.
- Смоленскъ, II, 109; IV и V, 8.
- Смоленская губ., I, 14.
- Смысловка, деревня Оренбургск. губ., Верхнеуральскаго у., VII, 261.
- Собакина, деревня Городищенскаго уѣзда, Пензенской губ., IV и V, 67.
- Содомъ, древній городъ въ Палестинѣ, бывш. на мѣстѣ тепер. Мертваго моря. В. О., 32.
- Сождь, р., притокъ Днѣпра, IV и V, 6.
- Соколь, одна изъ Дятловыхъ горъ, II, 180.
- Солда, итальянское названіе теперешняго гор. Судака, въ Крыму, VII, 245.
- Соликамскъ, городъ Пермской губ., VI, реф. Шест., 11.
- Соловецкій островъ, см. Анзерскій островъ.
- Соловь, племя, населявшее Илійскую долину Пр. хlv.
- Солунь, древній городъ въ тепер. Македоніи, VI, 201.
- Соръ, (родъ, принадлеж. Сагайскому управленію), II, 210.
- Сорочьи горы, деревня Ланшевскаго уѣзда, Казанской губ., I, 72, 73.
- Спасъ на Кезѣ, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Спасскъ, городъ Казанской губ., Пр. сш.
- Спасскій уѣздъ, Казанской губ., Пр. сxxx—сxxxii; II, 105, 110.
- Спасское село, (Юлга малая), Козмодемьян. уѣзда, Казанской губ., II, 108.
- Спасское, село Нижегород. губ., В. О., 32.
- Спасское, село Оренбургской губ., VII, 259.
- Средиземное море, VI, 178; VII, 240.

- Стамбуль, турецкое названіе Константинополя, II, 50.
- Станялово, село, Пр. xxxvii.
- Старая Кама, урочище Лаишевскаго у., Казанской губ., Пр. сiii—siv.
- Старая Русса, городъ Новгородской губ., Пр. lv; III, отд. реф. Толст., 1, 2.
- Старый городъ, городище въ Лаишевск. у., Казанск. губ., I, 64, 76, 86.
- Стокгольмъ, I, 14.
- Стольпинскія минер. воды, Николаевскаго уѣзда, Самарской губ., I, отд. реф. Алаб., 6.
- Стugna, рѣка, притокъ Днѣпра, I, отд. реф. Антон., № 2, 1, 3, 4.
- Студенецкое кладбище, Самарскаго уѣзда, Пр. si.
- Студенцы, село Самарскаго уѣзда, I, отд. реф. Алаб., 3.
- Судакъ, городъ въ Крыму, VII, 246, 248.
- Суздаль, городъ Владимірск. губ., Пр. lxxix; В. О., 8.
- Суздальское княжество, II, 182.
- Суйдовской погостъ, Водьской патины, Новгородской области. Пр. xcvii.
- Сужарларъ, (иноплеменный родъ, присоедин. къ Качинскимъ татарамъ), II, 209.
- Сула, притокъ большой Мѣши, въ Каз. губ., I, 64.
- Сула, рѣка, притокъ Печоры, I, 32, 33.
- Сула, притокъ р. Шумбута, впадающей въ Каму, I, 75.
- Сулакъ, крѣпость на Кавказѣ, II, 7.
- Сундырь Малый, село на рѣчкѣ Сундыркѣ, притокѣ Волги, на мѣстѣ татарскаго городка Чалыма, II, 167.
- Сундыри, селенія Казанской губ. съ этимъ названіемъ, Пр. sv.
- Сура, рѣка, притокъ Волги; Пр. lvii; II, 25, 179; IV и V, 31—33, 40, 44.
- Сухая-Ельня, урочище между Нижнимъ-Новгородомъ и Казанью въ XVI в., IV и V, 47.
- Сухая Рѣка, село Казанскаго уѣзда, II, 107.
- Сухумъ-Кале, крѣпость на Кавказѣ, II, 3.
- Сучавскъ, городъ въ Румыніи, VI, 2 реф. Порф., 12.
- Суша, правый притокъ Камы, I, 63.
- Сущевъ, деревня близъ р. Сити, Моложск. уѣзда, Яросл. губ.; курганы при пей, I, 39.
- Суюрій, названіе угла при впаденіи р. Орельки въ р. Орель, (р. Орель—притокъ Днѣпра). Пр. lxxvii.
- Сылва, притокъ р. Чусовой, Пр. xxxii.
- Сырѣ-Дарья, Пр. lxxiii, lxxiv.
- Сырѣ-Дарьинская область, Пр. lxxiii.
- Сырнеево, деревня въ Симбирской губ., IV и V, 37.
- Сысоль, притокъ Вычегды, VI, реф. Шест., 11.
- Сюльдюкова, деревня Свияжскаго уѣзда, Казанской губ., IV и V, 38.
- Сюнчелеево, село Чистопольскаго уѣзда, Казанской губ., II, 109.
- Сюрби-хола, чувашское названіе Цывилска, города Казанской губ., II, 166.
- Сѣверяне, древній народъ Славянскаго племени. Пр. lxxvii; IV и V, 8.
- Сюддумъ, древн. городъ близъ теперешней Елабуги, Вятской губ., Пр. xxvi.

Т.

- Тавастгусъ, городъ въ Финляндіи, I, 16.
- Тавель, дер. Чистопольскаго уѣзда, Казанской губ., IV и V, 71, 73.
- Таврида, VII, 239, 242, 243.
- Таврическій полуостровъ, Пр. lxxv; VII, 239, 242, 244, 246, 248.
- Тавры, VII, 243.
- Тагиль, рѣка, притокъ р. Туры, I, 114.

- Таджикъ, житель Средней Азии, Сартъ, говорящій персидскимъ языкомъ, II, 67.
- Тайасъ, (родъ, принадлежащій Сагайскому управленію), II, 210.
- Талинскіе хутора, въ Уральской области, въ XVIII в., IV и V, 61.
- Талыжцы, народъ, VII, 258.
- Тамань, городъ на Таманскомъ полуостровѣ, II, 256; VII, 241, 247.
- Таманскій полуостровъ, I, 57; VII, 247.
- Таматархъ, (Тмутаракань), VII, 242. 247.
- Тамбовская губернія, В. О., 6; II, 19; IV и V, 66.
- Тамуслово озеро, на Кавказѣ, II, 8.
- Танаисъ, (греческ. названіе р. Дона), II, 4.
- Тангачъ, село Казанской губ., Лаишевскаго уѣзда, I, 102.
- Тараджакъ, (родъ, принадлежащій Койбаламъ самоѣдскаго происхожденія), II, 210.
- Таранчи, жители Илійской долины, Пр. хlv.
- Тарлаши, село Казанскаго уѣзда, II, 104.
- Тарлошь, мѣстность близъ Казани въ XVI в., II, 18.
- Тарханъ, селенія съ этимъ названіемъ въ губ. Казанской, Симбирской, Самарской, Нижегородской и друг. поволжскихъ губерніяхъ, Пр. сш; II, 161—165.
- Татар-касы, селенія съ этимъ названіемъ въ западной части Казанской губ., II, 107.
- Татары, Пр. ххvii, хlv, хlviii, l, lxxvi, сш—сiv, сvi; В. О., 8, 16; I, 37, 65, 92; II, 4, 5, 9, 11—15, 17, 20, 22—27, 29—31, 33, 37, 38, 40, 43, 51, 52, 60, 61, 65, 66, 69, 70, 72, 73, 79, 86, 90—93, 96, 104—108, 163, 167, 168, 171, 178, 179; III, 64; IV и V, 8, 33, 35, 41, 68—79, 87, 92, 99, 100, 105, 106, 110, 111, 117, 143, 145, 148, 150; VII, 251, 253, 254, 257, 258, 261, 266, 269, 270, 277; зам. Шест. о влиян. рус. яз., 2—4, 15.
- Татары Астраханскіе, II, 8.
- Татары Качинскіе, II, 227.
- Татары Минусинскіе, Пр. сш; II, 208, 212—224, 229, 230, 236; (ихъ пѣсни лирическаго содержанія); 237—238 (сказки, слышанныя вн. Костровымъ въ кочевьяхъ Сагайцевъ); 238—248.
- Татары Ногайскіе, IV и V, 35.
- Татары, средне-азиатскіе, Пр. хlv.
- Татарская слобода, (въ Казани), II, 73.
- Татарская Новая Слобода, близъ Казани, II, 50.
- Ташъ-Буляки, деревня въ царствѣ Казанскомъ, въ первой половинѣ XVI в., II, 22.
- Ташкентъ, въ наст. вр. гл. гор. Туркестанскаго генер.-губ.-ва, Пр. lxi, cxvii; III, 36.
- Ташкирмень, деревня Лаишевск. уѣзда, Казанской губ., I, 64—66, 90, 99, 100, 102.
- Таштыпъ, рѣка, Минусин. уѣзда, Енис. губ., II, 227, 228.
- Таштыпское укрѣпленіе, Минусинск. уѣзда, Енис. губ., II, 228.
- Тверская губ., I, 37.
- Тевкечь, рѣка, притокъ Брыссы, I, 67.
- Театральное озеро, въ Казани, II, 81.
- Тезицкій оврагъ, (въ татарской Казани, въ мѣстности, находящ. въ наст. вр. между крѣпостью и Ивановскимъ монастыремъ), II, 67, 84, 93.
- Телеуты, (два преданія ихъ о подданствѣ Россіи), II, 204, 206.
- Телеуты Скедамны, II, 206, 207.
- Темешваръ, городъ въ Венгріи, I, 102.
- Темниковскій уѣздъ, Томбовск. губ., В. О., 6.
- Темрюкъ, городъ на Таманскомъ полуостровѣ, VII, 247.
- Тенишева, деревня Спасскаго уѣзда, Казан. губ., III, 52.
- Тепсиноская скала, на лѣвомъ берегу Енисея, при устьѣ р. Тубы, II, 228.

- Тептяри, народъ, II, 17.
- Тербетцы, племя, кочевавшее съ Телеутами, II, 206.
- Теренгулу, рѣка, въ предѣлахъ теперешн. Симбирской губ., въ XVII в., IV и V, 35.
- Терюхане, вѣтвь Мордвы, II, 18, 162.
- Терекъ, рѣка на Кавказѣ, II, 5.
- Тетинеевская, деревня Алатырскаго уѣзда, въ XVII в., IV и V, 36.
- Тетюши, уѣздный городъ Казанской губ., II, 28, 149.
- Тетюшскій уѣздъ Казанской губ., II, 19, 20, 33, 104, 105; III, 52.
- Тетяковъ, городъ на Кавказѣ въ XIV в., II, 5.
- Тибетъ, Пр. XLIII.
- Тибетты, гора въ Алтай не далеко отъ р. Песчаной, II, 206.
- Тибетцы, Пр. XLIII.
- Тиверцы, славянское племя, жившее въ IX в. на югѣ Россіи, IV и V, 8.
- Тиманская тундра, въ Печерскомъ краѣ, I, 32, 33.
- Тинъ, (иноплеменный родъ, присоед. къ Качинскимъ татарамъ), II, 209.
- Тифлисъ, Пр. сXIII, сXXXVI; В. О., 31; I, 53.
- Тифлисская страна, VII, 243.
- Тихій Океанъ, VII, 252.
- Тіаншанскія горы, Пр. XLV, CVIII.
- Тмутараканская земля и Тмутаракань, IV и V, 6; VII, 242, 247.
- Тобольская губ., Пр. LXIII; VI, реф. Шест., 13.
- Тойда, (родъ, принадлежащій Койбаламъ самоѣдскаго происхожденія), II, 210.
- Токлица, р., притокъ Брысы, I, 67.
- Токмакскій уѣздъ, Семирѣченской области, Пр. LXIV.
- Толвуй, село Новгородской области, VI, 2-й реф. Порф., 12.
- Толчая, деревня Минусинскаго у., Енис. губ., II, 240.
- Томъ, (родъ, принадлежащій Сагайскому управленію), II, 210.
- Томъ, рѣка, II, 206, 207.
- Томскъ, городъ, II, 203, 205.
- Томская губ., II, 19, 202.
- Томскіе инородцы, II, 207.
- Топанъ, село Варнав. уѣзда, Костром. губ., I, 35.
- Торъ или Торець, рѣка въ Екатеринослав. губ., Пр. LXVII.
- Топтамышъ, деревня Ядринскаго уѣзда, Казанской губ., II, 108.
- Торки, народъ въ южно-русскихъ степяхъ въ XI—XIII вв., Пр. LXVII.
- Торческъ, городъ въ землѣ Торковъ, I, отд. реф. Антон., № 2, 3.
- Трапезондъ, городъ въ Малой Азій, VII, 244.
- Траяновы валы, I, отд. реф. Антон., № 2, 1.
- Требія, нагайбацкій поселокъ, въ Верхнеуральск. у., Оренбургск. губ., VII, 257, 263.
- Треполь, городъ въ Киевскомъ княж., I, отд. реф. Антон., № 2, 1, 3.
- Три Озера, село Спасскаго уѣзда, Казанской губ., II, 107.
- Триполи, городъ въ Сиріи, Пр. сXVIII; III, 37, 41, 46, 58, 62, 63, 65.
- Троицкій посадъ, въ Козмодемьянск. у., Казанской губ., II, 168.
- Троя, Пр. сXIV; VI, 212.
- Трубезъ, р., притокъ Днѣпра, Пр. XCVI.
- Туба, р. въ Сибири, II, 209.
- Тубинцы Качинскіе, народъ, живущій въ Минусинскомъ у., Енисейской губ., II, 209.
- Тубаларъ, другое названіе Тубинцевъ, II, 209.
- Тубударъ, самоназваніе Самоѣдовъ, II, 209.
- Тугырдагы, деревня Ядринскаго уѣзда, Казанской губ., II, 108.

Туканцы, народъ жившій въ Сибири, II, 203.
Тукшума, рѣчка въ Симбирскомъ у., IV и V, 35.
Тула, городъ, II, 173; IV и V, 29, 44.
Туласъ, жители Тавриды, VII, 243.
Тулба Татарская, деревня Мамадыш. уѣзда, Каз. губ., II, 106.
Туло, Пр. LXV.
Тума, городъ находившійся по арабскимъ извѣстиямъ XIII в., близъ Керченскаго пролива, VII, 246, 247.
Тума, озеро, наход. по арабск. изв. XIII в. близъ Керчинскаго пролива, VII, 246—248.
Тунгусы, народъ, Пр. XXXV; VII, 252.
Тура, рѣка, притокъ Оби, I, 114.
Турбанова, деревня близъ р. Сити, Моложскаго у., Ярославской губ.; курганы близъ нея, I, 40.
Тургенево, село Симб. губ., IV и V, 40.
Туринская слобода, Tobол. губ., Пр. LXIII.
Туркестанъ и Туркестанская область, Пр. XLV; I, 42; VII, 266.
Турки, Пр. XI; I, 93; II, 6, 14, 16, 60, 256—258; VI, 201; VII, 258.
Туркмены, I, 90.
Турткуль, вѣрность, Токмавскаго у., Семирѣченской области, Пр. LXIV.
Турція, II, 60, 102.
Тэнь (Донъ?) рѣка, II, 49.
Тюбякъ, русское селеніе Каз. уѣзда, II, 105.
Тюмень, городъ Тобольской губ., Пр. LXII.
Тюмень, городъ, лежавшій на Терекѣ, въ 180 вер. отъ Дербента, II, 77; VII, 247.
Тюмянь, одно изъ самоназваній Татаръ, II, 17.
Тюрки и Тюркскія племена, Пр. LXIII, LXIX; В. О., 8; II, 202, 210.
Тюркскій языкъ, Пр. XLI.
Тюрюханы, (предполагасмая вѣтвь Мордвы), II, 162.

Тясьминъ, р., притокъ Днѣпра, I, отд. реф. Антон., № 2, 1.

У.

Убедь, въ прежнее время была рѣчка въ Чернигов. губ.; предполагають, что она могла быть русломъ р. Десны, I, 49.

Увезъ, монгольск. городъ на р. Волгѣ. Пр. XXVII.

Угличъ, городъ Ярославской губ., II, 174.

Угличи, древній народъ, Слав. плем., живш. въ предѣлахъ теперешней южной Россіи, IV и V, 8.

Угорскій народъ, Угры, Унны или Унгры, (Венгры) Пр. XXXII; II, 3, 4, 14, 15, 110.

Узбеки, народъ, II, 47; VII, 258.

Узы, (Половцы, Команы), народъ, II, 3.

Узюкъ, рѣка, притокъ китайской рѣки Или, Пр. XLV.

Укарманъ (черемисское названіе Нижн. Новгорода), Пр. XL.

Украйна, IV и V, 16; VI, 190.

Укречь, деревня Ланшевскаго у., Каз. губ. I, 102.

Уманьскій уѣздъ, Кіевской губ., I, 47.

Уненъжъ, городъ въ Черниговской землѣ XII в., I, 50.

Уннипихта, мѣстность въ Лифляндской губ., I, 24.

Урайка, рѣка, правый притокъ Камы, I, 63.

Ураль, рѣка, II, 23, 188.

Уральскія горы, Пр. XXVI; I, 7, 8, 94; II, 15, 23, 36.

Уральскъ, городъ Уральской области, IV и V, 61, 63.

Уральская область, Уральскаго войска земля, В. О., 6, 7; IV и V, 68.

Уральскіе казаки, IV и V, 56, 60.

Урганча, село Чистоп. уѣзда, Казан. губ., II, 107.

Урена, рѣчка въ Алатырскомъ у. XVII в., IV и V, 33.

Урень, село Варнавин. уѣзда, Костром. губ., I, 35.

Уржумскій уѣздъ, Вятской губ., В. О., 6.

Урманчеево, село Мамадыш. уѣзда, Казан. губ., II, 106.

Усады, село Казан. уѣзда, II, 104.

Успенское-Болгары, село Спасскаго уѣзда, Казан. губ., В. О., 17; I, 112; II, 28, 32.

Успенскій оврагъ, раздѣляющій Дятловы горы въ Нижнемъ Новгородѣ, II, 180.

Уста, р., притокъ Ветлуги, I, 34—36.

Усть-Вымъ, село, VI, реф. Шест., 3, 4, 14.

Усть-Вымская слобода, VI, реф. Шест., 8, 9.

Усть-Вымскія церкви, Пр. LXX.

Устьсысольскъ, городъ Вологодской губ., VI, реф. Шест., 13.

Устьсысольскій уѣздъ, Вологодской губ., VI, реф. Шест., 10, 13, 16.

Устюгъ Великій, городъ Вологодской губ., VI, 171, реф. Шест., 1, 3, 9.

Утка, рѣка Спасскаго у., Каз. губ., I, 111.

Уфа, губ. гор., В. О., 31.

Уфимская губернія, Пр. сг; В. О., 6; II, 19, 108, 109; VII, 258—260, 268.

Ушени, село Пензенской губ., IV и V, 66.

Ушть, рѣчка Алатыр. уѣзда, IV и V, 36.

Ф.

Фанагорія, см. Тамань.

Фершампенуазъ, нагайбацкій поселокъ, Оренб. губ., Верхнеурал. у., VII, 257, 258, 262, 264, 270.

Финикияне, Пр. сж.

Финляндія, I, 13, 16, 17, 27—29.

Финны, Финскія племена, Пр. XXXII, XXXV; I, 6, 13, 27, 29; II, 19, зам. Шест. о вліян. рус. яз., 2, 3.

Финско-самоѣдскія племена, (въ Томской губ.), II, 202.

Франки, IV и V, 7.

Франція, Пр. XXX; В. О., 45; II, 255; III, 44; VII, 257.

Х.

Хаджи-Тарханъ, названіе древней Астрахани на джучид. монетахъ, II, 192.

Хазарія, В. О., 5, 7—9; II, 252, 253, 255; VII, 240, 241, 243, 244.

Хазарскій морской рукавъ, VII, 240.

Хазарское, (Каспійское) море, VII, 243.

Хазары, народъ. Пр. LXV, LXVII, CVIII; II, 42, 251—254, 256, 257; IV и V, 8; VII, 243, 254.

Хакима, деревня Бугульминскаго у., Самар. губ., I, отд. реф. Алаб., 4.

Халебъ, (Алеппо), городъ. II, 43.

Ханъ Кирмень, (то-же Ташкирмень), деревня Лаишевскаго у., Каз. губ., I, 66.

Харабалай, село Астрах. губ., Енотаевскаго уѣзда, II, 188.

Харамайня, Пр. XLII. (названіе Мекки и Медины).

Харсанъ, городъ въ Крыму въ X в., VII, 243, 244.

Харьковская губ., Пр. LXXVI—LXXVIII.

Хвалисское, (Каспійское) море, В. О., 5.

Херсонъ, городъ, IV и V, 5.

Херсонисъ Таврической, VII, 240, 244.

Херуски, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.

Хивинцы, VII, 258.

Хиджазъ, страна въ Аравіи, II, 42.

Хлыновъ, городъ, древнее названіе Вятки, губ., VI, реф. Шест., 9.

Ховарезмъ и Хорезмъ, (нынѣ Хива), I, 95; II, 47.

Ходжентъ, городъ Сыръ-Дарьинской области, Пр. LXIII.

Холмогорскій уѣздъ, Архангельской губ., VI, 2 реф. Порф., 1.

Хоревца, одинъ изъ трехъ поселковъ древняго Кіева, I, 42.

Хорнау, деревня Цывильскаго у., Каз. губ., Пр. CV.

Хохлово, (Крылай) село Каз. уѣзда, II, 104.

Хоцки, село Переяславскаго у., Полтавской губ., Пр. XCIII.

Хрустальные горы, Екатеринб. у., Пермской губ.; курганъ близъ нихъ I, 117.

Хыжино Щелье, урочище въ Пермскомъ краѣ, I, 33.

Ц.

Царевъ, уѣздный городъ Астраханской губ., въ окрестностяхъ котор. наход. развалины Сарая; II, 183—185, 191, 193.

Царевъ лугъ, мѣстность въ древней Казани по направленію къ Волгѣ, II, 92, 97.

Царевка Малая, рѣка Астрах. губ., II, 183.

Царевки, протоки р. Ахтубы, близъ г. Царева, Астрах. губ., II, 183.

Царевы Пады, урочище на мѣстѣ Сарая около г. Царева, Астраханск. губ., II, 185, 193.

Царевококшайскъ, городъ Казанской губ., II, 169.

Царевококшайскій уѣздъ, Казанской губ., II, 104.

Царицынъ, городъ Саратов. губ., II, 7; VI, 167, 191.

Царкосельскій уѣздъ, Петерб. губ., Пр. XCVII.

Царьградъ, см. Константинополь.

Цывильскъ, городъ Казан. губ., Пр. CV; II, 166; IV и V, 29.

Цывильскій уѣздъ, Казан. губ., Пр. LVII; II, 19, 104, 105.

Цыбицыно, деревня Моложскаго у., Ярослав. губ., I, 39.

Цыгане, Пр. XL.

Цѣпень, городище въ Василѣ, Нижегород. губ., В. О., 32.

Ч.

Чаганъ, рѣка, притокъ р. Урала, IV и V, 61.

Чакмы, деревня Мамадыш. уѣзда, Каз. губ., II, 106.

Чаллы верхніе новые, въ настоящее время деревня Казяково Челны, или Казакларъ на рѣкѣ Сулѣ, I, 105.

Чаллы нижніе, или Мамки Козяковы Челны, I, 76, 77, 105.

Чаллы, сельцо на р. Сулѣ, I, 105.

Чалымъ, татарскій городокъ, см. Сундырь Малый, II, 167.

Чалымскій городокъ, II, 168.

Чаллынская рѣка, назв. въ XVII вѣ р. Шумбута, притока Камы, I, 105.

Чаллынское городище, на рѣкѣ Шумбутѣ, въ Лаишевскомъ у., Казан. губ., I, 75, 100, 102, 105.

Чапоръ, село Нижегород. губ., В. О., 32.

Чарышъ, рѣка, притокъ р. Оби, II, 207.

Часовая гора, (см. Зеленская).

Чеберчинка, рѣчка въ теперешн. Симб. губ., IV и V, 34.

Чебоксарскій уѣздъ, Казан. губ., Пр. LVII; II, 19, 108.

Чебоксары, городъ Казан. губ., Пр. LI.

Чекурча, русское село Казан. уѣзда, II, 105.

Челны, (Ямбатырь) рѣчка. притокъ р. Мордовы, I, 75.

Челны. Селенія съ этимъ названіемъ въ Казан. губ. и нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ нею губ., I, 103—104.

- Челныбашъ, деревня Лаишев. уѣзда, Казан. губ., I, 75.
- Челябинскій уѣздъ, Оренбургской губ., II, 110.
- Черемисы, Пр. хлї, хлїх, лї, лїх, лvп, lxxvi, lxxix, сп, спї, сїv, сvї; II, 15, 18, 81, 98, 105—107, 109—111, 149, 162, 165, 168, 171; IV и V, 47, 54, 69, 77, 92; VII, 252—254, реф. Шест. 15.
- Черемисское кладбище, урочище близъ сел. Венета, Лаиш. у., Каз. губ., II, 105.
- Черемшанъ, рѣка, притокъ Волги, II, 23, 106.
- Черкасскій уѣздъ, Кіевской губ., Пр. хсvї.
- Черкесы, II, 6; VI, 227.
- Чернечій хуторъ, урочище близъ с. Казина, Кіевской губ., I, отд. реф. Антоновича, № 1, с. 4.
- Черниговъ, городъ, I, 48, 50.
- Черниговская губ., Пр. lxxvii; I, 48, 51; церковныя братства въ ней, IV и V, 11, 17.
- Черниговская земля, I, 48, 50—52.
- Черниговскій уѣздъ, Пр. с.
- Чернобыль, мѣстечко Кіевской губ., церковное братство, IV и V, 21.
- Черное море, Пр. сxxvi; VII, 239, 240, 242, 243.
- Черноморское побережье, VII, 244.
- Чертово городище, въ Василѣ, Нижегород. губ., В. О., 32.
- Чертово городище, близъ Елабуги, Вятской губ. Пр. xxvii.
- Чехи, VI, реф. Порф., 5.
- Чехія, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
- Чешуевъ, древній городъ на мѣстѣ теперешняго Чугуева, Пр. lxxvii.
- Чинчурино, село Тетюшскаго уѣзда, Казан. губ., II, 107.
- Чирны, село Лаишевскаго уѣзда, Каз. губ., I, 67.
- Чистополь, гор. Каз. губ., I, 70, 81, 83—85.
- Чистопольскій уѣздъ, Каз. губ., Пр. хлїх, сп; I, 62, 64, 81; 104 (заселеніе его татарами послѣ покоренія); 108 (переселеніе туда чувашъ изъ Чебоксарскаго и Ядринскаго уѣздовъ); IV и V, 71, 73, 74.
- Читы, деревня Лаишев. уѣзда, Казан. губ., заселена татарами изъ Казани вскорѣ послѣ покоренія ея, II, 104.
- Чуваши, Пр. хлї, хлїх, хлїх—лї, lxxix, сп—сїv, сvї, сvп; II, 18—20, 105, 107—109, 162, 166, 171; IV и V, 33—35, 38, 41, 68, 74, 77, 92; VII, 252—256; зам. Шест. о вліян. рус. яз., 2, 4, 15.
- Чугуевъ, городъ Харьков. губ., Пр. lxxvii.
- Чудь и Чудскія племена, В. О., 8; I, 8, 96, 114, 116; II, 16, 19, 110, 202, 203, 210, 230.
- Чудинова, деревня Чистопольскаго уѣзда, Казанской губ., II, 110.
- Чудовка, село Тетюшскаго уѣзда, Казанской губ., другое названіе его болѣе древнее Колунецъ, II, 110.
- Чудское городище Екатеринбург. у., Пермской губ., I, 115.
- Чудское озеро, I, 25.
- Чуй, рѣка въ Средней Азіи, II, 207.
- Чура Малая, деревня Мамадышскаго уѣзда, Казанской губ., II, 106.
- Чусовая, р., притокъ Камы, I, 114.
- Чучерма, рѣчка въ теперешн. Симб. губ., IV и V, 34.

III.

- Шалтатія, арабское названіе города Судака въ Крыму, VII, 244.
- Шалуста, арабское назв. поселенія Алушты, въ Крыму, VII, 244.
- Шамъ, городъ въ Туркестанѣ, въ IX—X вв., I, 42.
- Шамаха, (Шемаха), городъ Бавинской губ., II, 34.

- Шарапово, село Ниж. губ., В. О., 32.
Шарукань, половецкій городъ, находившійся на мѣстѣ теперешняго Харькова, Пр. LXVII.
Шванъ, городокъ въ Мекленбургѣ, близъ Ростока; кладъ, найденный тамъ въ 1858 г., III, 26.
Шведы, I, 29; III, отд. реф. гр. Толст., 2; IV и V, 43.
Швейцарія, I, 24.
Шверинъ I, 13; герцогскій музей, куда поступилъ Мекленбургскій кладъ, 1858 г., III, 26.
Швеція, I, 14, 18, 27.
Шексна, р., притокъ Волги, Пр. XXXVI; I, 41.
Шелехметъ, мордовская деревня въ Симбир. губ., Сызранскаго у., I, отд. реф. Алаб., 5.
Шелонь, р., впадающ. въ озеро Ильмень, Пр. XXXVI; I, 41.
Шибэ, племя, Пр. XLV.
Ширванъ, область на Кавказѣ, вошедш. въ наст. вр. въ составъ Бакинск. губ., II, 34.
Шумбутъ, правый притокъ Камы въ Лаишев. уѣздѣ, Казанской губ., I, 63, 64, 75, 86, 102; 104. См. Чаллынская рѣка.
Шумбутъ, село Лаиш. у., Каз. губ., I, 78.
Шумбутское городище—см. Старый Городъ.
Шуни-Верхняя, деревня Мамадыш. у., Каз. губ., IV и V, 80, 95, 99, 143.
Шуранъ, село, Лаишевскаго у., Казанской губ., I, 70—74.
Шуранка, правый притокъ Камы, I, 63, 73.

Щ.

- Щекавица, одинъ изъ трехъ поселковъ древняго Кіева, I, 42.
Щелиха Большая, р., притокъ р. Индиги въ Печорскомъ краѣ, I, 33.

Э.

- Эзель, островъ въ Балтійскомъ морѣ, I, 17, 18.
Эйдеръ, рѣка въ Голштиніи, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
Эландія, (не Аладскіе-ли острова?) I, 14.
Эльба, р. въ Германіи, I, отд. реф. Антон., № 2, 2.
Эрбожь, городъ во Франціи, по преданію стоявшій на мѣстѣ тепер. озера Гранъ-лье, В. О., 32.
Эрза, (подраздѣленіе мордвы), II, 18, 162.
Эркене-кунъ, долина, изъ которой кузнецъ (Гарханъ) вывелъ монголовъ, II, 161.
Эски-Стамбуль, турецкое названіе Прѣславы. См. это слово.
Эстїи, древніе Пруссы, I, 28.
Эстляндія и Эстонская область, I, 13, 16, 17, 27, 28.
Эсты, Пр. XXXV; I, 29, 30.
Этруска, Пр. сж.

Ю.

- Юго-западный край, Пр. сжхv; I, 45.
Югра или Югора, (Югрія или Югарія), II, 15.
Югры, (Угры, Мадъяры), II, 4.
Юмашъ, Пр. сv.
Юнаны, народъ, обитавшій на Волгѣ, Пр. XXVI; XXVII, II, 15, 23.
Юрино, село Нижегород. губ., В. О., 32.
Юрки, см. Югры, II, 4.
Юрьевъ, (Дерптъ), III, 31, 32.
Юрьевъ-Польскій, городъ Владим. губ., Пр. LXIX; II, 179.
Юрьево, село Нижегород. губ., В. О., 32.
Юрьевъ гробъ, село Яросл. губ., Пр. XXXVII.
Юрьевскій уѣздъ, Владим. губ., Пр. LXIX.

Юсь, рѣка, Минус. у., Енис. губ., II, 210.
Юсва, рѣка, притокъ р. Чусовой, Пр. хххн.
Юссо-Ербинская степь, Минус. у., Енис. губ.,
II, 208.
Юзмачи, село Спасскаго уѣзда, Казан. губ.,
II, 107.

Я.

Яблоновка, село Капнев. уѣзда, Кіев. губ.,
Пр. хсiv, хсv.
Ява, поляна въ лѣсномъ пространствѣ между
Волгой, Свѣгой и Сурой въ XVII в. (въ
теперешней Симб. губ.), IV и V, с. 32.
Ядринскій уѣздъ, Казан. губ., Пр. I, LVII;
II, 19.
Ядрово, деревня Варнав. уѣзда, Костромской
губ., I, 35.
Яикъ (Ураль), рѣка. В. О., 5; II, 3; IV и
V, 57, 60, 62, 63; VI, 169.
Яицкіе казаки, IV и V, 57, 58, 60, 63.
Якуты, VII, 252.
Якшень Большая, село Ниж. губ., В. О., 32.
Ямашъ, Ямаши, Ямашево—название деревень
Ядринскаго и Чистоп. уу., Казанской губ.,
Пр. св.
Ямашева, деревня Лаишев. уѣзда, Каз. губ.,
I, 76.

Ямбургскій уѣздъ, Петерб. губ., Пр. хсvii.
Янгильдино, селеніе Свѣж. уѣзда, Каз. губ.,
II, 105.
Ян-Горчи, деревни съ этимъ названіемъ въ
Цивильскомъ у., Казан. губ., Пр. св.
Янтыкъ, деревня Лаишевскаго у., Казан.
губ., I, 70.
Янцовары, деревня Лаишевскаго у., Казан.
губ., I, 102.
Японцы, Пр. сx.
Ярабой, (Яровой-касы) деревня Ядринск. у.,
Казанск. губ., Пр. св.
Яракъ, (Яракъ-касы) деревни Царевококш.
и Козмодемьянск. у., Каз. губ., Пр. св.
Яранскій уѣздъ, Вятской губ., В. О., 6.
Яренскъ, городъ Вологод. губ., VI, реф.
Шест. 3.
Яренскій уѣздъ, Вологодской губ., VI, реф.
Шест., 10, 13.
Ярославль, губернс. городъ, В. О., 30, 31;
II, 173; III, 32; IV и V, 50.
Ярославская губ., Пр. LXXVIII; I, 37.

Ө.

Өивы, городъ въ древн. Египтѣ. III, 36.

